ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор
почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор

В. И. Елинский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,
кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов
доктор юридических наук, профессор

И. А. Калиниченко,
кандидат педагогических наук

В. Л. Кубышко,
кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,
доктор юридических наук

М. В. Саудаханов,
кандидат юридических наук

Д. Субошич,
кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,
доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

EDITORIAL BOARD

E. N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov
Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

V. L. Kubyshko,
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,
Doctor of Legal Sciences

M. V. Saudakhanov,
Candidate of Legal Sciences

D. Subošić,
PhD, professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,
Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of Russia
in the Field of Science and Technology

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNSIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Н. Н. Карпов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

И. И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,
доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,
доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, доцент

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

N. N. Karpov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Prosecutor's Office of Russia,
Honored Worker of Prosecutor's Office of Russia

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

I. I. Kotlyarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S. Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Л. В. Туманова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ	**L. V. Tumanova,** Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia
Е. Н. Хазов, доктор юридических наук, профессор	**E. N. Khazov,** Doctor of Legal Sciences, Professor
О. В. Химичева, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	**O. V. Khimicheva,** Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia
Л. А. Чеговадзе, доктор юридических наук, профессор	**L. A. Chegovadze,** Doctor of Legal Sciences, Professor
Н. М. Чепурнова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ	**N. M. Chepurnova,** Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia
А. П. Шергин, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ	**A. P. Shergin,** Doctor of Legal Sciences, Honored Worker of Science of Russia
Б. С. Эбзеев, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного суда РФ (в отставке)	**B. S. Ebzeev,** Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia, Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)
А. Б. Янишевский, доктор юридических наук	**A. B. Yanishevskiy,** Doctor of Legal Sciences
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	**ECONOMIC SCIENCES**
Т. А. Агапова, доктор экономических наук, профессор	**T. A. Agapova,** Doctor of Economic Sciences, Professor
Ю. Т. Ахвледиани, доктор экономических наук, профессор	**Yu. T. Akhvlediani,** Doctor of Economic Sciences, Professor
В. И. Бобошко, доктор экономических наук, профессор	**V. I. Boboshko,** Doctor of Economic Sciences, Professor
Р. П. Булыга, доктор экономических наук, профессор	**R. P. Bulyga,** Doctor of Economic Sciences, Professor
Л. П. Дашков, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	**L. P. Dashkov,** Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of Russia
Д. В. Дианов, доктор экономических наук, профессор	**D. V. Dianov,** Doctor of Economic Sciences, Professor
А. Ф. Дятлова, доктор экономических наук, профессор	**A. F. Dyatlova,** Doctor of Economic Sciences, Professor
Р. В. Илюхина, доктор экономических наук, профессор	**R. V. Ilyuhina,** Doctor of Economic Sciences, Professor
В. Г. Когденко, доктор экономических наук, профессор	**V. G. Kogdenko,** Doctor of Economic Sciences, Professor
Е. Н. Колесникова, доктор экономических наук, доцент	**E. N. Kolesnikova,** Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
М. А. Комаров, доктор экономических наук, профессор	**M. A. Komarov,** Doctor of Economic Sciences, Professor
Е. И. Кузнецова, доктор экономических наук, профессор	**E. I. Kuznetsova,** Doctor of Economic Sciences, Professor
Н. П. Купрещенко, доктор экономических наук, профессор	**N. P. Kupreshchenko,** Doctor of Economic Sciences, Professor
И. А. Майбуров, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	**I. A. Mayburov,** Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia
В. Б. Мантусов, доктор экономических наук, профессор	**V. B. Mantusov,** Doctor of Economic Sciences, Professor

В. С. Осипов, доктор экономических наук, профессор	**V. S. Osipov,** Doctor of Economic Sciences, Professor
Г. Б. Поляк, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН	**G. B. Polyak,** Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS
С. Г. Симагина, доктор экономических наук, профессор	**S. G. Simagina,** Doctor of Economic Sciences, Professor
А. Е. Суглобов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ	**A. E. Suglobov,** Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of Russia
Н. В. Цхададзе, доктор экономических наук, профессор	**N. V. Tskhadadze,** Doctor of Economic Sciences, Professor
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	**PSYCOLOGICAL SCIENCES**
В. С. Агапов, доктор психологических наук, профессор	**V. S. Agapov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
И. В. Грошев, доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	**I. V. Groshev,** Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia
В. Ф. Енгалычев, доктор психологических наук, профессор	**V. F. Engalychev,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
А. Г. Караяни, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии	**A. G. Karayani,** Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Winner of the State Award
В. М. Крук, доктор психологических наук, профессор	**V. M. Kruk,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
Л. Н. Костина, доктор психологических наук, доцент	**L. N. Kostina,** Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor
И. Б. Лебедев, доктор психологических наук, профессор	**I. B. Lebedev,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
В. Л. Ситников, доктор психологических наук, профессор	**V. L. Sitnikov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
А. Н. Сухов, доктор психологических наук, профессор	**A. N. Sukhov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
С. Н. Федотов, доктор психологических наук, профессор	**S. N. Fedotov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
В. Л. Цветков, доктор психологических наук, профессор	**V. L. Tsvetkov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
Г. С. Човдырова, доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор	**G. S. Chovdyrova,** Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Medical Sciences, Professor
С. Р. Аблеев, доктор философских наук, доцент	**S. R. Ableev,** Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
В. Ю. Бельский, доктор философских наук, профессор	**V. Yu. Belsky,** Doctor of Philosophical Sciences, Professor
В. А. Волох, доктор политических наук, профессор, почетный работник ФМС России	**V. A. Volokh,** Doctor of Political Science, Professor, Honorary Employee of the FMS of Russia
А. Л. Золкин, доктор философских наук, доцент	**A. L. Zolkin,** Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
А. Д. Иоселиани, доктор философских наук, профессор	**A. D. Ioseliani,** Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор, ответственный за издание, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Врио главного редактора
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко, А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства «Урал-Пресс Округ» — 84629

Подписано в печать 23.06.2022
Цена договорная

Адрес редакции:
109028, Москва, Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 3 • 2022

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АНДРИАНОВ В. К. Криминолог — это звучит гордо! К юбилею Михаила Матвеевича Бабаева 12
АБРАМОВ А. В. Политические и моральные ценности в структуре профессионального сознания сотрудника полиции 19
АКИМОВА Г. В. К вопросу об организации противодействия финансированию противоправных проявлений экстремистской направленности в среде молодежи 28
АНТОНЯН Е. А. Соблюдение законодательства в сфере противодействия терроризму 33
БАРИНОВА О. А., ЧЕРНИГОВСКИЙ В. Н. Типичные ошибки при производстве дактилоскопических экспертиз 38
БУБНОВ С. В., МАЛАХОВА Н. В. Правовые вопросы применения полицией задержания как меры государственного принуждения 44
БЫЧКОВ В. В. Дети и молодежь как объект киберэкстремизма 48
ГРОШЕВ С. Н. Влияние родоплеменного хозяйствования на гендерную спецификацию социального регулирования 54
ДАВИТАДЗЕ М. Д., САТЫШЕВА А. В. Взаимоотношения прокуратуры и президентской власти в системе разделения властей Российской Федерации 57
ДЬЯКОНОВА О. Г. Законодательство о судебно-экспертной деятельности в состоянии реформирования: предложения и перспективы 61
ЕРМАКОВ С. В., ИВАНОВ Д. А., СЫЧЕВ П. Г. Перспективы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве 70
ЖИГАРЕВ Е. С. Грех и зло как основа обусловленности криминального поведения 76
ЗАРИНА А. М., МОРОЗ Т. С. Применение ст. 39 УК РФ при квалификации налоговых преступлений: практический аспект 84
ИВАНОВ Д. В. Борьба с преступностью в Ленинграде и области в 1960–1990-х гг.: некоторые итоги и проблемы 89
КАЛЬГИНА А. А. О роли нотариата в формировании рыночных отношений в Российской Федерации 94
КАРПОВ Н. Н. К вопросу о содержании государственной идеологической политики 97
КИРСАНОВ А. Ю. О соотношении конституционной, государственной и административной отраслей права в Российской Федерации 104
КОВШЕВАЦКИЙ В. И. Административно-правовой аспект реализации конституционной реформы 2020 г. 108
КОЛОКОЛОВ Н. А. Критический анализ разрешения рядового гражданского иска в уголовном деле: случайные проблемы преюдициального характера или когнитивный диссонанс в головах правоприменителей? 111
КОПЫЛОВ В. В., ПРОКОФЬЕВ О. М., КАЛОШИНА Ю. С. Особенности совершения дистанционных хищений денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии 126
КРАСОВСКАЯ Е. Л. Взаимодействие разыскных подразделений с волонтерскими движениями при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести 132

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

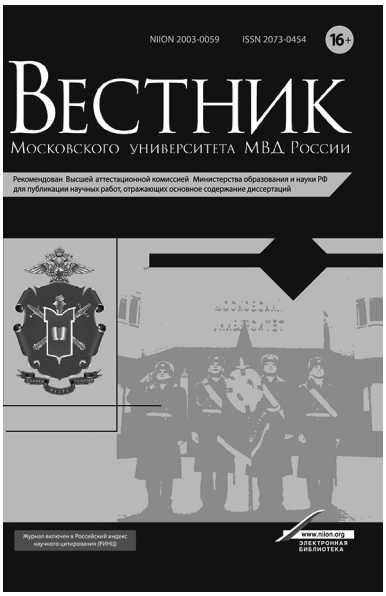
• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 74

Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

КУЗЬМИН Н. А., АПАЕВ И. Х. Некоторые аспекты использования положительного опыта зарубежных стран в предупреждении организации занятия проституцией 138
КУПИН А. Ф. Автоматизация решения задач судебной портретной экспертизы с помощью программного обеспечения «Visosoft» 142
КУТУЕВ Э. К., ЧАБУКИАНИ О. А. Участковый уполномоченный полиции и дознаватель: сравнительно-правовой анализ полномочий на стадии возбуждения уголовного дела 147
МАЙЛИС Н. П. Факторы, определяющие эффективность развития судебно-экспертной деятельности 151
МЕЛЬНИК Е. В. Противоэпидемиологические административно-правовые меры в дореволюционной России 155
МИХАЙЛЕНКО Н. В., ВИХЛЯЕВ А. А. О некоторых вопросах защиты прав и свобод лиц с ограниченными возможностями от противоправных посягательств в деятельности органов внутренних дел 164
МОВСИСЯН А. Т., ОПОКИН А. Б., ГУКАЛЕНКО А. О. Роль адвоката в доверительном управлении наследственным имуществом 169
МОИСЕЕВА Т. Ф. Криминалистическая деятельность судебного эксперта: возможности и ограничения 174
МОЛОТКОВ М. Б. Информационно-пропагандистское сопровождение в структуре административно-правового обеспечения управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации 177
МОЛЧАНОВА Т. В. Статистическое исследование лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности 182
МУРАДЯН С. В., РЫБАК М. М. Сложности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 291[1] Уголовного кодекса Российской Федерации 188
МУРАШЕВ П. М. Методические аспекты определения момента возникновения опасности для движения при экспертном исследовании механизма дорожно-транспортного происшествия 195
ОПАЛЕВА А. А. Права и свободы личности в контексте конституционных изменений 199
ПАВЛУХИН А. Н., ЛАРИНА Л. Ю., ЭРИАШВИЛИ Н. Д. К вопросу о правовой природе условного осуждения в уголовном праве: продолжение дискуссии 203
ПАНАСЕНКО Н. А. Участие специалиста-взрывотехника в осмотре места происшествия по преступлениям, совершенным с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ 209
ПРОРВИЧ В. А. Роль интерактивных экспертных систем в повышении эффективности применения специальных знаний при расследовании преступлений в сфере цифровых прав 214
ПРУДНИКОВА Т. А. Особенности реализации кадровой политики органов народной общественной безопасности (на примере Социалистической Республики Вьетнам) 222
РУМЯНЦЕВ Н. В. О некоторых вопросах административно-правового статуса водителя транспортного средства при возникновении дорожно-транспортного происшествия 226
РУССКЕВИЧ Е. А., ЧЕРНОВА К. Б. Цифровые аналоги официальных документов как предмет преступления: постановка проблемы 231
САМОЙЛОВ В. Д., НУРАДИНОВ Ш. М., ЗЕМСКОВА А. В. Миграция как интеграция прав и свобод человека на опыте России — Франции 236
САУДАХАНОВ М. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ об обязанности каждого платить законно установленные налоги 241
СОЙНИКОВ С. А. Формирование поведенческой установки пользования устройством мобильной связи водителем транспортного средства: административно-правовой аспект 245
СОКОЛОВА О. А. О необходимости совершенствования методик при исследовании различных объектов как важнейший фактор эффективности судебно-экспертной деятельности 249
СОСНОВСКАЯ Ю. Н., МАРКИНА Э. В. К вопросу о международном сотрудничестве в сфере противодействия кибертерроризму 253
ТЕТКИН Д. В., НИКОНОРОВ А. А. Производство следственных действий, осуществляемых на основании судебного решения: развитие и перспективы в современной реальности уголовного процесса 257



Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК Минобразования России журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в утвержденный Министерством образования и науки РФ Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Подписной индекс Агентства «Урал-Пресс Округ» 84629, или на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru

ТИТОР С. Е. Риск-ориентированный подход при организации государственного контроля (надзора) в сфере труда: итоги нескольких лет 262
ФАЙЗУЛЛАЕВ Х. Х. К вопросу об уголовной ответственности за мошенничество по законодательству Республики Таджикистан 270
ХАРЛАМОВ С. О., ДОНСКАЯ М. В. О некоторых основных направлениях подготовки кадров с целью реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации 274
ХАРЛАМОВА О. А. К вопросу о перспективах развития частного экспертного учения о моделировании как элементе совершенствования судебно-экспертной деятельности 279
ХАРЧЕНКО С. В. Некоторые особенности выявления преступлений, совершаемых в условиях пандемии 282
ХМЫЗ А. И. Экспертная ситуация и искусственный интеллект 286
ЧЕПУРНОВА Н. М., СОЛОВЬЕВ М. Ю. Аудиовизуальное произведение как правовая категория: межотраслевой аспект 291
ЧИСТОВА Л. Е. Осмотр электронных средств связи 299
ЧУБАРЬ И. А. Идентификация огнестрельного оружия при условии взаимозаменяемости следообразующих деталей, а также изменения их контактных поверхностей 304
ЧУВАЛЬНИКОВА А. С. Понятие, формы и механизм информационно-правового воздействия 308
ЧУКРЕЕВ В. А. Уголовно-правовая охрана генетической информации в зарубежном праве 313
ШЕСТАК В. А., КАРПОВИЧ В. Э. Современные особенности сотрудничества Российской Федерации и Исламского Эмирата Афганистан в сфере борьбы с преступностью 318
ЗУБОВА М. В. О путях совершенствования миграционной политики с учетом новых угроз и вызовов национальной безопасности России 326

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Математические, статистические и инструментальные методы экономики
Региональная и отраслевая экономика
Финансы

КОСОВ М. Е. Тенденции развития мирового энергетического рынка 333
МАЛАШЕНКО Г. Т., ШЕСТАКОВ Д. Ю. Национальная экономическая безопасность в эпоху метавселенных 339
МИНАКОВ А. В., АГАПОВА Т. Н. Модель оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов России 344
ПОПОВ Д. А. Социально-правовые предпосылки уголовно-правового обеспечения института банкротства 352
ТЕРЕНТЬЕВ А. В. Цифровизация как инструмент обеспечения экономической безопасности системы государственных закупок 357

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

АГАПОВ В. С., ФЕЛЬДМАН И. Л., РОДНОВА Ю. С., СМИРНОВА И. Е. Взаимосвязи стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел 363
ЗУЙКОВА А. А., САФРОНОВ А. И., ЧУМАНОВ Ю. В. Психологическая характеристика личностных особенностей подростков, склонных к аддиктивному поведению в части, касающейся употребления психоактивных веществ 370
РОДИН В. Ф., ЛЫСОВА В. А. Особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел 376
СУХОВ А. Н. Социально-психологическая характеристика безопасности различных типов семьи 380
ЦВЕТКОВ В. Л., ХРУСТАЛЕВА Т. А. Основные направления психологической подготовки сотрудников полиции, выполняющих задачи по поддержанию общественного порядка при проведении различных массовых мероприятий 386

FOUNDER:

Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Scientific editor, responsible for the publication, the Winner of the Award of the Government of the Russian Federation in the field of a science and technics, Doctor of Economics Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Acting editor-in-chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

The certificate of registration
№ 77-14723

Zip Code at the List of the Agency «Ural-Press Okrug» — 84629

It is sent for the press 23.06.2022
Contractual price

Editorial Staff adress:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2.
Tel. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 3 • 2022

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences

ANDRIANOV V. K. Criminologist — it sounds proud! To the anniversary of Mikhail Matveevich Babaev 12
ABRAMOV A. V. Political and moral values in the structure of the professional consciousness of a police officer 19
AKIMOVA G. V. On the issue of the organization of countering the financing of illegal manifestations of extremist orientation among young people 28
ANTONYAN E. A. Compliance with legislation in the field of countering terrorism 33
BARINOVA O. A., CERNIGOVSKY V. N. Typical errors in the production of fingerprint examinations 38
BUBNOV S. V., MALAKHOVA N. V. Legal issues of the use of detention by the police as a measure of state coercion 44
BYCHKOV V. V. Children and youth as an object of cyber extremism 48
GROSHEV S. N. The influence of tribal management on the gender specification of social regulation 54
DAVITADZE M. D., SATYSHEVA A. V. The relationship between the prosecutor's office and the presidential power in the system of separation of powers of the Russian Federation 57
DIAKONOVA O. G. Legislation on forensic expertise in the state of reform: proposals and prospects 61
ERMAKOV S. V., IVANOV D. A., SYCHEV P. G. Prospects for improving the stage of initiating a criminal case in Russian criminal proceedings 70
ZHIGAREV E. S. Sin and evil as the basis for conditioning criminal behavior 76
ZARINA A. M., MOROZ T. S. Application of art. 39 of the Criminal Code of the Russian Federation in the qualification of tax crimes: a practical aspect 84
IVANOV D. V. Fight against crime in Leningrad and the Leningrad region in the 1960s–1990s: some results and problems 89
KALGINA A. A. About the role of the notary in the formation of market relations in the Russian Federation 94
KARPOV N. N. On the question of the content of the state ideological policy 97
KIRSANOV A. YU. On the correlation of constitutional, state and administrative branches of law in the Russian Federation 104
KOVSHEVATSKY V. I. Administrative and legal aspect of the implementation of the 2020 constitutional reform 108
KOLOKOLOV N. A. Critical analysis of the resolution of an ordinary civil lawsuit in a criminal case: random problems of a prejudicial nature or cognitive dissonance in the minds of law enforcement officers? 111
KOPYLOV V. V., PROKOFIEV O. M., KALOSHINA YU. S. Features of committing remote theft of citizens' funds using the method of social engineering 126
KRASOVSKAYA E. L. Interaction of search units with volunteer movements in the search for missing persons 132

• The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

• At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

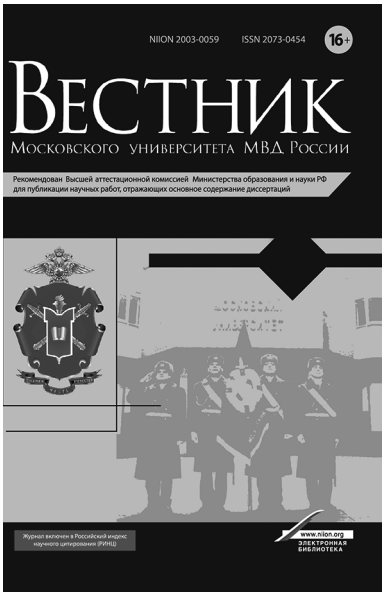
• In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch — 300)

Order № 74

Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

KUZMIN N. A., APAEV I. KH. Some aspects of using the positive experience of foreign countries in preventing the organization of prostitution 138
KUPIN A. F. Automating the solution of the tasks of forensic portrait examination with the help of software «Visosoft» 142
KUTUEV E. K., CHABUKIANI O. A. District police Commissioner and investigator: comparative legal analysis of powers at the stage of initiation of a criminal case 147
MAILIS N. P. Factors determining the effectiveness of the development of forensic expertise 151
MELNIK E. V. Anti-epidemic administrative and legal measures in pre-revolutionary Russia 155
MIKHAILENKO N. V., VIKHLYAEV A. A. On some issues of protecting the rights and freedoms of persons with disabilities from unlawful encroachments in the activities of internal affairs bodies 164
MOVSISYAN A. T., OPOKIN A. B, GUKALENKO A. O. Role of a lawyer in the trust management of hereditary property 169
MOISEEVA T. F. Criminalistic activities of a forensic expert: opportunities and limitations 174
MOLOTKOV M. B. Information and propaganda support in the structure of management activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation 177
MOLCHANOVA T. V. Statistical study of persons committing crimes in the field of economic activity 182
MURADYAN S. V., RYBAK M. M. Difficulties in qualifying offences under Article 291[1] of the Criminal Code of the Russian Federation 188
MURASHEV P. M. Methodological aspects of determining the moment of a danger to traffic in the expert study of the mechanism of a road transport accident 195
OPALEVA A. A. Individual rights and freedoms in the context of constitutional changes 199
PAVLUKHIN A. N., LARINA L. YU. ERIASHVILI N. D. On the question of the legal nature of a conditional sentence in criminal law: continuation of the discussion 203
PANASENKO N. A. Participation of a super specialist in the site inspection of crimes committed with the use of explosive devices and explosives 209
PRORVICH V. A. The role of interactive expert systems in improving the effectiveness of the use of special knowledge in the investigation of crimes in the field of digital rights 214
PRUDNIKOVA T. A. Features of the implementation of the personnel policy of the people's public security bodies (on the example of the Socialist Republic of Vietnam) 222
RUMYANTSEV N. V. About some issues of the administrative and legal status of the driver of the vehicle in the event of a traffic accident 226
RUSSKEVICH E. A., CHERNOVA K. B. Digital analogues of official documents as a subject of crime: problem statement 231
SAMOILOV V. D., NURADINOV SH. M., ZEMSKOVA A. V. Migration as integration of human rights and freedoms on the experience of Russia — France 236
SAUDAKHANOV M. V. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the obligation of everyone to pay legally established taxes 241
SOYNIKOV S. A. Forming a behavioral installation to use a mobile communication device by a vehicle driver: administrative legal aspect 245
SOKOLOVA O. A. On the need to improve methods in the study of various objects as the most important factor in the effectiveness of forensic activities 249
SOSNOVSKAYA YU. N., MARKINA E. V. On the issue of international cooperation in the field of countering cyberterrorism 253
TETKIN D. V., NIKONOROV A. A. Production of investigative actions carried out on the basis of a court decision: development and prospects in the modern reality of the criminal process 257



Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of Russia, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, which should publish the main scientific results of the dissertation for the degree of doctor and candidate of science.

Zip Code at the List of the Agency «Ural-Press Okrug» 84629, or on the website Scientific electronic library: http://elibrary.ru

TITOR S. E. Risk-oriented approach in the organization of state control (supervision) in the field of labor: the results of several years 262
FAYZULLAEV KH. KH. On the issue of criminal liability for fraud under the legislation of the Republic of Tajikistan 270
KHARLAMOV S. O., DONSKAYA M. V. About some main directions of personnel training for the purpose of implementation of the Concept of the state migration policy of the Russian Federation 274
KHARLAMOVA O. A. To the question of the prospects for the development of private expert teaching on modeling as an element of improving forensic expert activity 279
KHARCHENKO S. V. Some features of the detection of crimes committed in a pandemic 282
KHMYZ A. I. Expert situation and artificial intelligence 286
CHEPURNOVA N. M., SOLOVIEV M. YU. Audiovisual work as a legal category: inter-branch aspect 291
CHISTOVA L. E. Inspection of electronic communications 299
CHUBAR I. A. Identification of firearms, provided that trace-forming parts are interchangeable, as well as changes in their contact surfaces 304
CHUVALNIKOVA A. S. The concept, forms and mechanism of information and legal impact 308
CHUKREEV V. A. The criminal legal protection of genetic information in foreign law 313
SHESTAK V. A., KARPOVICH V. E. Modern features of cooperation between the Russian Federation and the Islamic Emirate of Afghanistan in the field of combating crime 318
ZUBOVA M. V. On ways to improve migration policy taking into account new threats and challenges to Russia's national security 326

ECONOMIC SCIENCE

Mathematical, statistical and instrumental methods of economics
Regional and sectoral economics
Finance

KOSOV M. E. Trends in the development of the global energy sector 333
MALASHENKO G. T., SHESTAKOV D. YU. National economic security in the age of the metaverse 339
MINAKOV A. V., AGAPOVA T. N. Model of assessment of long-term financial stability of Russian regions 344
POPOV D. A. Social and legal prerequisites for the criminal law provision of the institution of bankruptcy 352
TERENTYEV A. V. Digitalization as a tool for ensuring the economic security of the public procurement system 357

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

AGAPOV V. S., FELDMAN I. L., RODNOVA YU. S., SMIRNOVA I. E. Interrelationships of stress resistance, emotional burnout and the effectiveness of professional activity of the police department employees 363
ZUIKOVA A. A., SAFRONOV A. I., CHUMANOV YU. V. Psychological characteristics of the personal characteristics of adolescents prone to addictive behavior in terms of the use of psychoactive substances 370
RODIN V. F., LYSOVA V. A. Features of professional motivation of employees of internal affairs bodies 376
SUKHOV A. N. Socio-psychological characteristics of the safety of various types of families 380
TSVETKOV V. L., KHRUSTALEVA T. A. The main directions of psychological training of police officers performing tasks to maintain public order during various mass events 386

Научная статья
УДК 343.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-12-18
NIION: 2003-0059-3/22-273
MOSURED: 77/27-003-2022-03-472

Криминолог — это звучит гордо! К юбилею Михаила Матвеевича Бабаева

Владимир Константинович Андрианов
Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, andrianov_vk@mail.ru

Аннотация. Посвящается юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Михаила Матвеевича Бабаева. Сфера научных интересов М. М. Бабаева обширна и включает в себя разнообразные проблемы криминологии и уголовной политологии, в частности, состояния и предупреждения преступности, молодежной преступности, криминологической безопасности, криминальной рискологии, криминологии в системе социальных наук и практик, уголовной статистики, теории и практики применения уголовного права. Анализ многочисленных научных трудов автора в контексте категории «закономерности» как ядра предмета любой науки позволяет выявить основные направления научной деятельности ученого и оценить ее фундаментальную роль в развитии криминологии и уголовной политики.

Ключевые слова: криминология, уголовная политика, преступность, социальные процессы, социальные последствия, предупреждение преступлений, криминологическая безопасность, криминальная рискология, судебно-уголовная политика

Для цитирования: Андрианов В. К. Криминолог — это звучит гордо! К юбилею Михаила Матвеевича Бабаева // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 12–18. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-12-18.

Original article

Criminologist — it sounds proud! To the anniversary of Mikhail Matveevich Babaev

Vladimir K. Andrianov
Russian State University of Justice, Moscow, Russia, andrianov_vk@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the anniversary of Mikhail Matveevich Babaev, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. The scope of M. M. Babaev's scientific interests is extensive and includes various problems of criminology and criminal political science, in particular, the state and prevention of crime, youth crime, criminological security, criminal riskology, criminology in the system of social sciences and practices, criminal statistics, theory and practice of criminal law. The analysis of numerous scientific works of the author in the context of the category of «regularities» as the core of the subject of any science allows us to identify the main directions of scientific activity of the scientist and assess its fundamental role in the development of criminology and criminal policy.

Keywords: criminology, criminal policy, crime, social processes, social consequences, crime prevention, criminological security, criminal riskology, judicial and criminal policy

For citation: Andrianov V. K. Criminologist — it sounds proud! To the anniversary of Mikhail Matveevich Babaev. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):12–18. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-12-18.

© Андрианов В. К., 2022

Социальные процессы в детерминации преступности

Изучение механизмов влияния условий социальной жизни на характер и степень распространенности преступности является одним из магистральных направлений научного пути Михаила Матвеевича. Закономерности зависимости преступности от различных социальных процессов исследуются в ряде работ М.М. Бабаева [1–4; 5, с. 63–95]. Как известно, результат научного поиска во многом зависит от методологической оснащенности ученого. И в это долгое научное путешествие Михаил Матвеевич отправлялся с верной исходной позиции. Как он писал: «Исследование закономерностей, лежащих в основе различных процессов — экономических, демографических, культурных, психологических и других, — дело соответствующих специальных научных дисциплин. Поле деятельности криминологии — последствия указанных процессов, причем не сами по себе последствия, а их связь с антиобщественным поведением». Тем самым правильно подчеркивается необходимость изучения закономерных связей и зависимостей, существующих между социальными явлениями и процессами и преступностью.

Еще один, на мой взгляд, важный момент, характеризующий личность Михаила Матвеевича как исследователя. Его увлеченность социально-демографическими процессами, стремление связать право с жизнью общества, объяснить правовые более общими социальными явлениями, говорит об ученом как о человеке, которого интересуют проблемы людей, а не чистых юридических формулировок. Нельзя не сказать о научной, да и просто человеческой смелости. Ведь, как понятно, преступность, главным образом, обусловливается негативными факторами и темными сторонами жизни общества. А значит, надо было высвечивать эти отрицательные проявления общественно-экономического строя, открыто говорить о них. Что в советский период, на который выпала большая часть жизни Михаила Матвеевича, было сродни научному подвигу — через научные исследования открыто заявлять гражданскую позицию. Так, анализируя детерминированность криминогенных последствий социальных процессов, ученый пишет о проявлениях стихийности, отклонениях от планового управления в социалистическом обществе, недочетах в политике.

Научный подход Михаила Матвеевича характеризуется системным взглядом на предмет исследования, стремлением оперировать факторами на индивидуальном, групповом уровнях и на уровне общества в

Михаил Матвеевич Бабаев

целом, выделять не только объективные, но и факторы социальной психологии (общественной и индивидуальной). Что вполне закономерно, учитывая сложность, многоаспектность самой жизни, нелинейность социальных зависимостей. Автор избегает односторонней оценки и навешивания «ярлыков криминогенности» на те или иные социальные факторы, что выгодно отличает его позицию от ряда иных работ, пропитанных «официальной идеологией». Такой многофакторный подход проявляется, в частности, в том, как автором представлена последовательность звеньев в механизме влияния социальных процессов на преступность. Ученый выстраивает следующую иерархию явлений разного порядка:

- социально-демографические процессы (рост численности населения, переезды к новому месту жительства и т. п.);
- отрицательные экономические, демографические, социальные, культурные и иные последствия (временное ухудшение материально-бытовых условий жизни некоторых категорий населения, текучесть кадров, ослабление социального контроля, чрезмерная плотность населения и т. д.);
- отрицательные социально-психологические последствия (псевдогородские стереотипы и системы ценностей, психология временных жителей у части мигрантов, увеличение психологической напряженности, ведущей к росту числа конфликтов и др.);
- преступность.

Безусловно, сильной стороной работ ученого является ориентированность на выявление статистических (вероятностных) закономерностей, а не просто выдвижение и подтверждение гипотез. Например, автор устанавливает следующую закономерность, имеющую важное значение для эффективной работы по предупреждению преступлений и в настоящее время. Так, «увеличение размеров и усложнение структуры городских поселений, рост числа жителей большинства городов есть неизбежное следствие урбанизации, имманентное ей. Это — объективный факт, и чем больше он дает себя знать, тем труднее в условиях города организовывать необходимую профилактическую работу. По мере роста городов увеличивается интенсивность и величина маршрутов маятниковых передвижений населения (поездки на работу и с работы и др.). Такие поездки отнимают у значительной части населения время, необходимое для организации полезного досуга, проведения с ним культурно-массовой работы и т. д.».

Задача ученого состоит в том, чтобы во многом предвосхитить ход развития событий. А это возможно именно благодаря установлению закономерностей как существенных, общих, устойчивых и повторяющихся связей и зависимостей. Поэтому взгляды Михаила Матвеевича звучат более чем актуально в современных условиях урбанизации и миграции населения. Разработки Михаила Матвеевича в области криминологической характеристики социально-демографических процессов стали для своего времени передовыми, позволили расширить горизонты видения условий и причин преступности, а главное, ориентировали на познание сложных взаимосвязей позитивных и негативных социальных процессов. Не случайно, как показывает «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» (Ф. № 11.1, утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации) различные социально-демографические показатели имеют важное значение в характеристике преступности.

Социальные последствия преступности

Логическим продолжением научного пути Михаила Матвеевича стало исследование проблемы социальных последствий преступности, поскольку цена преступности прямо коррелируется с состоянием ее условий и причин, постольку, чем масштабнее и благоприятнее последние, тем выше цена преступности. Закономерности негативного социального эффекта преступности, зависимости ее цены от определенных факторов выявляются в ряде публикаций М. М. Бабаева [6; 10; 12; 13].

Авторству Михаила Матвеевича принадлежит первая монографическая работа, посвященная основам социальных последствий преступности, вышедшая в 1982 г. С тех пор разработки по проблеме «цены преступности» достигли уровня самостоятельной криминологической теории. Вклад ученого в эту теорию фундаментален и всесторонен — от общего обоснования важности изучения социальных последствий преступности, до выделения их различных видов и классификации социальных последствий преступности.

Как во всем, что становилось предметом исследования Михаила Матвеевича, нацеленность взгляда ученого на выявление закономерностей, характеризующих социальные последствия преступности, придает его работам в этой области криминологии непреходящий характер.

Уже на первых страницах тематических публикаций встречаем принципиальную и недооцененную практиками идею автора о том, что если отсутствует адекватное понимание того, какова цена и вредоносность преступности для общества, то не может быть выработана и адекватная политика государства по противодействию преступности.

При этом установления и справедливой реакции на каждый отдельно взятый факт совершения преступления вовсе недостаточно для эффективной борьбы с преступностью. Поскольку, как доказывает ученый, «социальные последствия преступности есть вполне самостоятельный феномен социальной жизни, не сводимый к сумме последствий всех конкретных преступных деяний, подобно тому, как сама преступность не есть сумма всех совершенных криминальных деяний».

Этот феномен, который можно назвать «закономерность эмерджентности социальных последствий преступности», предполагает необходимость оценивать общественную опасность преступности как явление, воплощающее в себе нечто большее, чем то, что охватывается суммарной общественной опасностью всех совершенных преступлений. С расчетом и оценкой данной закономерности напрямую связана социальная эффективность деятельности по противодействию преступности, ее разумная достаточность, включающая в себя оптимальное распределение сил и средств, направленных на борьбу с преступностью. Как верно пишет Михаил Матвеевич, «расходы на правоохранительные органы, как и в целом на борьбу с преступностью, несомненно, должны соизмеряться с объективной криминальной ситуацией в стране, находиться с ней в разумном соотношении. А у нас рас-

ходы, о которых идет речь, никак не коррелируют ни с динамикой преступности, ни с эффективностью борьбы с ней и напрямую от них не зависят».

В своей монографии, специально посвященной цене преступности (М., 2014), Н. А. Лопашенко отмечает, что эта тема является одной из самых актуальных в современной криминологии. Безусловно, что цена преступности является в высшей степени важной проблемой, причем каждый год, как показывает статистика и расчеты ученых, ее масштабы растут. Так, по данным ГИАЦ МВД России, ущерб от преступлений в 2021 г. составил 834,5 млрд руб., что почти на 63 % больше аналогичного показателя 2020 г. В 2021 г. также выросло количество погибших в результате преступных посягательств (23 300 человек против 22 700 — в 2020 г.). С оговоркой о том, что уголовная статистика, как исходная предпосылка формирования наших представлений о «цене преступности», мягко говоря, ненадежна [9].

И хотя определение «цены преступности» требует ежегодного сбора и обработки, расчетов и оценок конкретных, в первую очередь статистических данных, но сам научный подход к анализу и практическому использованию этой информации немыслим без той теоретической основы, которую заложил Михаил Матвеевич в своей первопроходческой работе в 1982 г. и последующих публикациях по этой теме.

Все предлагаемые уже в современной научной литературе конкретные методики расчета «цены преступности» и ее отдельных компонентов, производны от тех более общих вопросов, которые рассмотрел ученый. К числу этих вопросов, зародивших целое научно-практическое направление, относятся вопросы понятия социальных последствий преступности, значения их анализа для решения криминологических проблем, механизма образования, классификации и видов социальных последствий преступности, их влияния на общественную жизнь.

Среди обоснованных ученым общих положений можно выделить следующие:

• вред, причиняемый преступностью и подлежащий оценке, включает в себя две принципиально различающиеся части: противоправное причинение (эта часть, которая возникает как непосредственное и опосредованное следствие совокупности криминальных деяний) и легитимные, социально полезные и объективно необходимые расходы (эта часть состоит из затрат государства и общества на борьбу с преступностью и профилактику правонарушений);

• вред, причиняемый преступностью и связанный с нею, состоит из ряда компонентов, существенно отличающихся друг от друга, поэтому должны быть дифференцированными и концептуальные подходы, и методика исчисления вреда (потерь, расходов), а также затрат на мероприятия по его минимизации;

• «цена преступности» складывается в зависимости от следующих факторов: состояния самой преступности со всеми ее характеристиками; круга и иерархии объектов уголовно-правовой охраны; пределов использования уголовной репрессии; качества уголовного правотворчества и правоприменения; уровня общественной безопасности; объема материальных средств, выделяемых на противодействие преступности («цена правоохранения»); состояния развитости восстановительного правосудия, в том числе, поддержки жертв преступлений.

Практическое воплощение этих общих положений в конкретных методиках анализа статистической информации, расчета и оценки «цены преступности» требует неких «базовых ориентиров». На наш взгляд, такими ориентирами, способными в итоге менять в ту или иную сторону «цену преступности», могут служить следующие сформулированные Михаил Матвеевичем закономерности. В частности:

• чем больше вероятность наступления криминальных событий, тем выше будут потери, тем большие затраты потребуются от общества;

• «процессуальные» расходы умножаются, когда расширяются права обвиняемых, потерпевших, свидетелей и других участников процесса, больше дел слушается с участием присяжных;

• профессионализм сотрудников правоохранительной системы, от уровня которого зависит эффективность их усилий.

Имея ввиду сложившуюся и признаваемую многими специалистами тенденцию преобладания числа криминализированных деяний над декриминализированными, звучат более чем актуально слова Михаила Матвеевича о том, что даже «если иметь в виду только экономическую сторону дела, при широко распространенном тяготении к ужесточению репрессии игнорируются не только ограниченные возможности позитивного воздействия уголовного наказания, но и элементарные соображения о том, что всякое ужесточение или расширение масштабов репрессии вызывает резко возрастающие финансовые затраты».

Поэтому работы Михаила Матвеевича как основоположника развития этого раздела отечественной криминологии, хочется надеяться, когда-нибудь спасут и жизни людей и сэкономят бюджетные средства. К проблематике социальных последствий преступности относится еще одно важное открытие Михаила

Матвеевича — соотношение «цены» преступности и «цены» криминологической безопасности [8; 11]. Ученый последователен в своем убеждении о том, что необходимо знать сложные взаимосвязи социальных процессов не только в детерминации преступности, но и ее в последствиях. С этой точки зрения автор раскрывает сложный характер взаимосвязи преступности и прав человека, включающий в себя, по меньшей мере, три аспекта: преступность «перечеркивает» права человека, противодействие преступности ограничивает права человека, обеспечение прав человека минимизирует преступность. Рассматривая коллизию интересов обеспечения криминологической безопасности, с одной стороны, защиты прав и свобод человека, — с другой, ученый формулирует принципиальные идеи поиска оптимального баланса этих интересов. Эти принципы разумного компромисса имеют важнейшее значение в условиях реальной и потенциальной экспансии власти в область прав и свобод человека, вызванной развитием информационно-телекоммуникационных сетей, распространением эпидемии коронавируса и т. д.

Новаторские подходы и прогрессивные идеи в уголовной политике

В содержании работ Михаила Матвеевича, посвященных российской уголовной политике, акцентируем внимание на двух направлениях исследований, успешно развиваемых совместно с Юрием Евгеньевичем Пудовочкиным. Хотя и все остальные проблемы (в частности, основ формирования уголовной политики, связи уголовной политики и преступности, рисков в уголовной политике и уголовном праве), которые разрабатывают ученые, безусловно, имеют теоретически фундаментальное и практически важное значение [15–19; 21]. Но ограниченный объем не позволяет осветить их все.

Первое — о формировании в России новой модели уголовной политики. Плодотворным соавторством ученых на основе целостного и системного социально-политического анализа диагностируется состояние современной российской уголовной политики и уголовного законодательства, мягко говоря, как «неудовлетворительное» с точки зрения, подчеркнем, не «интереса» основных их творцов, а объективно обусловленных потребностей общества в защите от криминальных угроз и тенденций развития преступности.

С точки зрения творцов этой политики дело обстоит с точностью до наоборот, поскольку она вполне удовлетворяет их «интересам» или «компенсирует» недостаточную эффективность иных методов социального управления. Ученые ставят под сомнение позицию признания давно наблюдаемых в уголовной политике негативных явлений (криминализационной избыточности и чрезмерной репрессивности) в качестве симптомов ее кризиса. Поскольку ошибки, просчеты, дефекты — это случайные явления, а отмеченные явления — превалирование актов криминализации над актами декриминализации, пенализации над депенализацией на протяжении более 20 лет, по мнению ученых, вполне устойчивы, если не сказать закономерны.

Придет время строить новую уголовную политику, основанную на иных концептуальных принципах. Поэтому особо следует сказать о разработанной Михаилом Матвеевичем и Юрием Евгеньевичем теоретической модели Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации [14], официальное принятие которой позволило бы избежать дефектов уголовного нормотворчества и «опасного обращения» с уголовным законом, значительно повысив его качество.

Второе — судебно-уголовная политика. Усилия ученых в этом направлении позволили разработать теорию судебно-уголовной политики, в которой суд рассматривался не только как субъект специальной, правоприменительной деятельности, но и как полноценный участник уголовно-политического процесса. Данная теория включает в себя следующие основные положения: определение судебно-уголовной политики и функции, формы ее реализации и разнообразные противоречия. Авторы подчеркивают закономерную связь судебно-уголовной политики с правовой, судебно-правовой и судебно-организационной политикой, а также уголовной политикой в целом.

Как пишут ученые, суть и центральный элемент судебно-уголовной политики составляет «борьба» суда за право определять содержание уголовного закона и право обращаться с ним по своему усмотрению. Понятие судебно-уголовной политики должно, по мнению ученых, четко отражать ее двуединую сущность и структуру, включающую в себя, с одной стороны, принципы (идеологическую основу политической практики), а с другой, — саму эту практику, т. е. деятельность уголовного суда, реализующего эти принципы. Подчеркивается, что «идеологический» и «деятельностный» компоненты в структуре судебно-уголовной политики неотделимы и находятся в закономерной связи. И эта связь прослеживается, например, в том, что такие проявления деятельностного компонента судебно-уголовной политики, как пра-

воинтерпретационный, правоприменительный и правотворческий, с одной стороны, определяются идеологической основой, а с другой стороны, в порядке обратной связи, ее также во многом формируют.

Еще одной передовой идеей является риск-ориентированное правосудие. В специальной публикации на эту тему [20] Михаил Матвеевич сформулировал основные положения научного подхода к использованию концепции «риск» для целей повышения эффективности уголовно-судебной деятельности. Проблема эта будет только актуализироваться, по мере дальнейшего усложнения общественных отношений, а, следовательно, расширения социального контекста, подлежащего учету при принятии судебного решения.

Резюмируя обзор полувекового научного творчества Михаила Матвеевича, скажем. Изучение механизмов влияния социальных процессов на преступность и ее социальных последствий является основным диалектическим соотношением в криминологии и магистральным направлением научного пути Михаила Матвеевича. Уголовная политика имеет определяющее значение для уголовного законодательства. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что вклад ученого в криминологию и уголовно-правовую науку — нельзя переоценить!

В своей книге «Уголовная политика» (М., 2009) Н. А. Лопашенко пишет, что М. М. Бабаеву принадлежит и самое первое исследование проблемы криминологической политики [7]. Возникает вопрос к юбиляру: Михаил Матвеевич, почему Вы так часто оказываетесь первооткрывателем? Однако ответ более чем очевиден — научный талант и живой интерес к жизни!

В большом и, слава Богу, активно пополняемом научном наследии Михаила Матвеевича я выделил только три блока разработок. Но, на мой взгляд, это «три кита», на которых будут стоять многие поколения ученых, черпая в них идеи, подкрепляя свои мысли цитатами классика и просто вдохновляясь изящным стилем Михаила Матвеевича Бабаева!

Список источников

1. Бабаев М. М. Демографические процессы и проблемы территориальных различий преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1973. № 21. С. 3–15.

2. Бабаев М. М. Теоретические основы криминологического исследования социально-демографических процессов в СССР: дисс. … докт. юрид. наук. М., 1975.

3. Бабаев М. М. Влияние демографических процессов на преступность / М. М. Бабаев, Э. В. Кузнецова, Е. Б. Урланис. М. : Юрид. лит., 1976.

4. Бабаев М. М. Криминологическая характеристика последствий социально-демографических процессов // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1977. № 27. С. 36–50.

5. Бабаев М. М. Влияние механического движения (миграции) населения на территориальные различия в преступности // Влияние социальных условий на территориальные различия в преступности. М., 1977.

6. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности: учеб. пособие. М., 1982.

7. Бабаев М. М. О соотношении уголовной и криминологической политики // Проблемы социологии уголовного права: сб. науч. трудов. М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1982. С. 5–16.

8. Бабаев М. М., Рахманова Е. Н. Права человека и криминологическая безопасность: учеб. пособие. М. : Логос, 2003.

9. Бабаев М. М. Заметки о современной уголовной статистике и не только // Российский ежегодник уголовного права. 2007. № 1. С. 177–193.

10. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности // Российский криминологический взгляд. 2007. № 2. С. 55–105.

11. Бабаев М. М., Рахманова Е. Н. Права человека и криминологическая безопасность в современном мире и в России // Ученые труды российской академии адвокатуры. 2008. № 5. С. 33–39.

12. Бабаев М. М., Квашис В. Е. Социальные последствия преступности: методологические и прикладные проблемы // Научный портал МВД России. 2010. № 1 (9). С. 3–12.

13. Бабаев М. М., Афанасьева О. Р. Социальные последствия и цена преступности: моногр. М. : ВНИИ МВД России, 2012.

14. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4. С. 4–12.

15. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики: моногр. М. : Проспект, 2014.

16. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа: моногр. М. : Юрлитинформ, 2017.

17. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика XXI века: моногр. М. : Юрлитинформ, 2020.

18. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Очерки криминальной рискологии: моногр. М. : Юрлитинформ, 2021.

19. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Преступность и судебно-уголовная политика // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 12. С. 26–40.

20. Бабаев М. М. Риск-ориентированное правосудие // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 2. С. 167–180.

21. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Судебно-уголовная политика: моногр. М. : Юрлитинформ, 2022.

References

1. Babaev M. M. Demographic processes and problems of territorial differences in crime // Issues of combating crime. Moscow : Yurid. lit., 1973. No. 21. P. 3–15.

2. Babaev M. M. Theoretical foundations of criminological research of socio-demographic processes in the USSR: diss. ... doct. jurid. Sciences. M., 1975.

3. Babaev M. M. The influence of demographic processes on crime / M. M. Babaev, E. V. Kuznetsova, E. B. Urlanis. M. : Legal lit., 1976.

4. Babaev M. M. Criminological characteristics of the consequences of socio-demographic processes // Issues of combating crime. M. : Yurid. lit., 1977. No. 27. P. 36–50.

5. Babaev M. M. The influence of mechanical movement (migration) of the population on territorial differences in crime // The influence of social conditions on territorial differences in crime. M., 1977.

6. Babaev M. M. Social consequences of crime: studies. manual. M., 1982.

7. Babaev M. M. On the correlation of criminal and criminological policy // Problems of sociology of criminal law: collection of scientific works. M. : Publishing House of the All-Union. in-ta by study. reasons and development. crime prevention measures, 1982. P. 5–16.

8. Babaev M. M., Rakhmanova E. N. Human rights and criminological security: studies. manual. M. : Logos, 2003.

9. Babaev M. M. Notes on modern criminal statistics and not only // Russian Yearbook of Criminal Law. 2007. No. 1. P. 177–193.

10. Babaev M. M. Social consequences of crime // Russian criminological view. 2007. No. 2. P. 55–105.

11. Babaev M. M., Rakhmanova E. N. Human rights and criminological security in the modern world and in Russia // Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy. 2008. No. 5. P. 33–39.

12. Babaev M. M., Kvashis V. E. Social consequences of crime: methodological and applied problems // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1 (9). P. 3–12.

13. Babaev M. M., Afanasyeva O. R. Social consequences and the price of crime: monogr. M. : Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.

14. Babaev M., Pudovochkin Yu. The concept of criminal law policy of the Russian Federation // Criminal law. 2012. No. 4. P. 4–12.

15. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Problems of Russian criminal policy: monogr. M. : Prospect, 2014.

16. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Russian criminal policy and criminal law: experience of critical analysis: monogr. M. : Yurlitinform, 2017.

17. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Russian criminal policy of the XXI century: monograph. M. : Yurlitinform, 2020.

18. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Essays on criminal riskology: monograph. M. : Yurlitinform, 2021.

19. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Crime and judicial and criminal policy // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 12. P. 26–40.

20. Babaev M. M. Risk-oriented justice // All-Russian Journal of Criminology. 2021. Vol. 15. No. 2. P. 167–180.

21. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Judicial and criminal policy: monogr. M. : Yurlitinform, 2022.

Информация об авторе

В. К. Андрианов — ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. K. Andrianov — Leading Researcher at the Center for the Study of Problems of Justice of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 03.06.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 03.06.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-19-27
NIION: 2003-0059-3/22-274
MOSURED: 77/27-003-2022-03-473

Политические и моральные ценности в структуре профессионального сознания сотрудника полиции

Антон Витальевич Абрамов
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия,
antonabramovnd57@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены вопросы аксиологической роли морального и политического сознания в структуре профессионального сознания полицейского. Отображаются ценностный аппарат современного полицейского, структура моральных и политических ценностей, ценностный аппарат сознания. Выявлены взаимосвязи и противоположности моральных и политических ценностей. Проанализирован состав свойств сознания, осуществлена систематизация этих свойств.

Ключевые слова: моральное сознание, политическое сознание, профессиональное правосознание, профессиональное сознание, структура сознания, структура моральных ценностей, структура политических ценностей, ценности, формирование профессионального сознания полицейского, политическое сознание полицейского, профессиональная деформация сознания, политика, мораль

Для цитирования: Абрамов А. В. Политические и моральные ценности в структуре профессионального сознания сотрудника полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 19–27. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-19-27.

Original article

Political and moral values in the structure of the professional consciousness of a police officer

Anton V. Abramov
Orel Law Institute of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia,
antonabramovnd57@gmail.com

Abstract. The questions of the axiological role of moral and political consciousness in the structure of the professional consciousness of a policeman are considered. The value apparatus of a modern policeman, the structure of moral and political values, the value apparatus of consciousness are displayed. Interrelations and opposites of moral and political values are revealed. The composition of the properties of consciousness is analyzed, the systematization of these properties is carried out.

Keywords: moral consciousness, political consciousness, professional legal consciousness, professional consciousness, structure of consciousness, structure of moral values, structure of political values, values, formation of professional consciousness of a policeman, political consciousness of a policeman, professional deformation of consciousness

For citation: Abramov A. V. Political and moral values in the structure of the professional consciousness of a police officer. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):19–27. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-19-27.

«Когда ясно в чем заключается истинная нравственность, то и все остальное будет ясно» [1].
Конфуций

Познание принципов отношения специалистов экстремальных профессий (на примере сотрудников полиции) к своему труду и его результатам в ценностно смысловой структуре личности создает необходимость исследования влияния моральных и политических ценностей на подготовку и развитие полицейских. Актуальность идеи выражена в определении уровня подготовки сотрудника полиции к

© Абрамов А. В., 2022

службе через сравнение выделение смыслосодержащих ценностных ориентиров.

Комплекс базовых социальных требований, идей, мнений таргетированных в определенный род занятий, имеющий целью регулирование профессиональных отношений людей в рамках узкоспециализированных требований профессии в контексте соотнесения их с установками, действующими в обществе, представляет собой профессиональное сознание. Профессиональное сознание личности является структурированной единицей завязанной на эмоциональных, психологических, волевых, политических, аксиологических, моральных и нравственных элементах. Процесс организации сознания и формирования его структуры можно считать основополагающим в ходе самоопределения и самоидентификации личности. Тайной человеческого бытия является тяга пытливого ума к заведению в систему и созданию структур из всего, что его окружает, как «снаружи» так и «внутри», в соответствии с законами и правилами им же придуманными. Свойство систематизировать не только субъективную окружающую реальность, но и тонкоматериальный мир внутри себя, который подвижен как ртуть, изменчив, беспрестанно пополняем новыми идеями, эмоциями, мыслями и образами является одной из лучших наших видовых характеристик.

Категория сознания включена в наш понятийный аппарат наравне с пространством, временем, материей, движением и многим другим. Современная наука достаточно технологична для ответов на многие вопросы, но сознание остается загадкой. Труд ученых, направленный на понимание сущности, происхождения, целей и предназначения сознания, является основополагающим в понимании, кто есть мы, а главное — зачем.

Имеет место быть интересная в концептуальном плане точка зрения, что не обязательно открывать глубины космоса и лететь к звездам, достаточно раскрыть тайну собственного сознания. Жизнеспособность оглашенного концепта отражает весь масштаб и всю загадочность феномена сознания.

Исходя из обыденного подхода к пониманию сознания, оно представляется набором образов, абстракций, доступных к пониманию и постижению. По сути своей некий инструмент построения мыслей и образов, формирующих полную картину мировоззрения. Часть ученого сообщества (Б. Спиноза, Дж. Локк, З. Фрейда, Р. Декарта) констатируют сознание в форме системы умственных образов и чувств. При этом основополагающим столпом сознания, его сущностью, является восприятие. Другое направление, характеризующее сознание, раскрыли такие ученые, как А. Адлер, В. Франкл, В. В. Давыдов, А. Маслоу и др., которые представили сознание как способность получать и обрабатывать, изменять, воспроизводить во вне и хранить информацию. Эти процессы несут систематизирующую и регулятивную функцию в процессе ценностной ориентации человека, что позволяет людям комуницировать, обмениваться опытом между поколениями. Имеет место быть интегрирующая функция сознания относительно возможностей человека, отраженная во всех видах его деятельности: от приспособления ради выживания к развитию его как личности, креативной составляющей, выраженной в творчестве, искусстве, до создания эксклюзивного нового знания и принятия решений.

По сути, мы имеем два феномена, феномен человека и феномен сознания, в своей сущностной взаимосвязи эти два неотделимых компонента дают возможность формирования внутреннего мира, осуществления процесса его осмысления и последующего осознания, обеспечивают способность осуществления морального выбора, формирования нравственных ориентиров, обретения себя как осознанной личности.

Долгое время в изучении сознания доминировали бинарные оппозиции. В результате конструкции бинарного типа стали фактически базовыми онтологиями. Система, построенная на принципе двуначалия «черное–белое» слишком рафинирована и идеальна, в ней нет «серого»; а как показывает эмпирический опыт — его всегда больше. Бинарные конструкции в виде «рационально–эмоционального», «невербального–вербального», «сознательного–бессознательного», «объективного–субъективного» обусловлены традиционностью мышления и способом трансляции знания. Бинарность ведет к упрощению и отсеканию от тематики сознания ученых из различных областей знания. При этом, как было сформулировано ранее, сознание есть «космос огромный и безграничный» и попытаться его структурировать можно только сообща, подключая все отрасти науки. Но бинарная схема структуры сознания необходима и остается как отражение пределов ярких заманчивых, но не достижимых, замерших вне пространства и времени. Как заставить их стать более информативными текучими и пластичными? Введение третьего компонента поз-

волит создать динамику, например как отобразил это Н. О. Лосский в своей философии интуитивизма: а) субъект; б) объект или предмет; в) отношение между субъектом и объектом. Именно отношение и взаимодействие дают сентенциям сознания столь необходимую им динамику, оживляя и провоцируя их на таинство креативного созидательного действа. Это есть игра противоположностей, не существующих по отдельности. Слабое место данной концепции — абстрагирование, ибо для классификации множества проявлений реальности невозможно применить все ее характеристики. Поток информации подобен бурной сенсорной реке, из которой сознание вычленяет ручейки по мере необходимости. Сознанием блокируется информация, не задействованная в решении текущей задачи, это спасает нас от перегрузки и рас фокусировки. На основе некоей интеллектуальной карты и существует рациональное познание, структура его линейна; в основном оно направленно на трансляцию информации во вне и во вовнутрь, а так же на процесс речи и мышления.

Из результатов исследований следует выделить три области сознания: рационально-мыслительная, эмоционально-чувственная, волевая. К примеру, К. Маркс, считал основным способом реализации сознания — приобретение знаний. Сознание не ограниченно процессом познания и самим знанием, это еще и эмоционально чувственное переживание знания. Чувственная область сознания в совокупности с эмоциональной отражает наше «человеческое» — весь комплекс отношений к миру, себе, созданию новых идей и предметов, к происходящим событиям, к процессу познания и действия.

Волевой же компонент сознания выступает регулятором функционирования индивида, универсалией, мотивирующей к деятельности, побуждающим началом. Бессознательный компонент сознания экспонируется в явлениях, состояниях и процессах, которые схожи с психическими состояниями осознаваемыми индивидом, но в полной мере и глубине не доступны пониманию разумом. Бессознательное находит свое отображение во всех процессах функционирования психики и состояниях человека. Восприятие, сенсорика, мнемоника, обмен информацией, мотивация все несет частицу бессознательного в его постоянной взаимосвязи с сознанием. Все, на чем в текущем моменте объективировано человеческое сознание (в контексте совокупности психических процессов), становится одним из уровней сознания. Некий индивидуальный психический уровень, на котором происходит понимание «что со мной» и «что вокруг меня.

Уровень высшего или сверх сознания в целом удивителен, и представляет собой психические процессы, которые могут быть сформированы путем колоссальных усилий. На этом высочайшем уровне человек приобретает возможность сверхсознания, управления внутренними процессами своего организма путем психотехник. Наука дала этой части структуры сознание название — расширенное сознание. Отдельно стоит акцентировать внимание на многокомпонентной структуре сознания как на необходимости, так как сама категория сознания слишком феноменологична, сложна и удивительна, и на пути к ее изучению и последующему пониманию важнейшую роль играет разнообразие понятийного аппарата. Сознание безгранично внутри своих уровней, структурных единиц и компонентов, и является сферой целостной.

Однако, невозможно представить структуры сознания и его функционирования без развитого ценностного аппарата. Г. Орпорт в своих трудах выдвинул идею о том, что основным поставщиком ценностей является общественная мораль. Моральные ценности поддерживаются как бы извне. Моральные ценности ценны как средство достижения внутренних ценностей личности ее истинных целей. Трансформация средств в цели — метаморфоза перехода внешних моральных ценностей во внутренние; Олпорт обозначил ее как «функциональная автономия», представляющая собой процедуру перехода «Знания» в «Значимость» путем самостоятельного осмысления индивидом. Олпорт писал: «ценность, в моем понимании, это некий личностный смысл» [2, с. 133]. В данном контексте интересна позиция Л. И. Анцифировой, согласно которой социум выдает ценностную систему, человек ее воспринимает в процессе изучения и исследования мира вокруг себя и строит собственную, аналоговую систему с учетом своих личных интересов и потребностей [3]. Личностное отражение сознанием ценности неоспоримо, и обуславливает наличие разных систем ценностей как в этнических, территориальных, трудовых, общественных и социальных группах так и индивидуального, отзеркаливания данных ценностей каждым отдельным индивидом. В труде «Введение в Аксиологию» о ценности С. Ф. Анисимов пишет: «положительное значение объекта для человека, с точки зрения того, насколько он способен удов-

летворить какую либо потребность, возникшую в его жизнедеятельности» [4, с. 67]. Рассмотрим структуры моральных ценностей с трех различных подходов.

1. Поставим мораль в один ряд с эстетикой, искусством, правом политикой, наукой, идеологией, религией; так сказать в общий ряд форм общественного сознания. Данный подход оттесняет из фокуса внимания активную деятельную составляющую морали, ее практическую и поведенческую строну.

2. Мораль модератор человеческого поведения. В данном подходе нормы, правила, принципы идеи в системе поведенческих отношений людей и есть мораль. При такой интерпретации морали теряется ее содержательная сфера.

3. Мораль как специфичное духовное средство практической направленности исследования и проработки окружающей человека действительности. В данном подходе, оценочное отношение к миру в категоричной форме «добро–зло», осуществляется путем идеализированных духовных побуждений и деятельности, ими проникнутой. Ядром данной концепции является инклюзивность морали в системе комуницирования социума. Социальное поведение как бы «прилипает» к нравственным характеристикам людей, их намерениям, мотивации, нуждам, установкам и смыслам.

Исходя из приведенных выше подходов, следует, что невозможно противопоставить их друг другу, в силу специфики множественности структур и свойств. Но важно отметить, что осуществление функции ее выраженность, напряжение мощность напрямую связанна с конъюнктурой, состоянием, ситуацией и обстоятельствами. Как следствие, регуляция осуществляется моралью на стадии практической реализации поведенческой деятельностью, поступком, а оценочная и императивная функции — на стадии «накопления» в процессе понимания морали как знания, ценности специфического этического порядка. Моральные ценности не поддаются эмпирике, в отличие от остальных социальных ценностей, так как являются всепроникающими и не привязаны к четкой прикладной сфере.

Необходимым является классификация моральных ценностей по предмету, генезису, социальному статусу, способам и средствам использования, результату.

1. Предмет моральных ценностей в сознании дуалистичен, отражен во взаимосвязи объекта и субъекта, как познание о предмете «как есть» с абстрагированными, от личного, чертами и особенностями. Второй составляющей являются ценностные оценками, раскрывающие его значение для конкретного лица субъективации предмета.

2. Генезис выражен древностью моральных ценностей, нацеленных изначально на выживание вида, пропитание, размножение. Некие строгие рамки и барьеры сдерживания инстинктов. Нормы морали развились от запрета и принуждения к стимуляции и поощрению, послужили объединению людей в рода и племена.

3. Социальный статус в отношении моральных ценностей не существует, так как мораль не нуждается в опоре на социальные статусы и институты. Это обусловлено тем, что факт сознания проистекает из окружающей действительности. Эквиваленты моральных ценностей абстрактные, реализация предмета моральной ценности проблематична.

4. Способ и средства использования так же интересны, в существенном отличии от остальных ценностей общественного сознания материально практически не выражены, они живут в сознании общества и каждого его члена. Управление ими осуществляется каждым отдельным реализатором нравственной функции.

5. Результат моральных ценностей — это включенность в объект определенного предмета деятельности в сфере морали. Он предстает потенциальным даром нацеленного на сатисфакцию потребности субъекта моральной деятельности, результатом которой может стать рождение моральной ценности.

Объективной основой моральной ценности является ценностная предметность. Мораль как ценность всепроникающая, но это лишь составная часть ценностной системы. Она может выполнять функцию, спаивающую части ценностного ядра. Мораль не способна подменить собой иные ценности, но способна прямо или косвенно повлиять на них. Становление жизненной позиции человека, его культуры и социализации есть не что иное, как результат реализации моральных ценностей.

Человек существо по большей части ведомое инстинктами и личными побуждениями. Можно констатировать факт, что ценности эгоизма (материальные блага, успех, признание, увеселения, персональная свобода) превалируют над остальными на несколько порядков. Далее по иерархии можно поставить ценности стяжательства личности (достижения, амбиции, власть, гедонизм, макиавелизм). Моральные ценности, наряду с иными одобряемыми социумом,

такими как безопасность, благосклонность, традиционализм стоят лишь в третьем «вспомогательном блоке.

Мораль в ценностной системе является преддверием политических ценностей, но не всегда их основой. Возможна характеризация политической деятельности через мораль, но при этом мораль стоит обособленно, лишь вступая в политику на уровне частичного взаимодействия. Существует стремление политики освободиться от морали ради бесконтрольной деятельности. Стоит рассмотреть политические ценности как рациональную реализацию двух направлений властного и общественного. Ведущая роль в трансляции развития и изменений в политической системе России отведена политическому сознанию масс. Массовое политическое сознание есть измерение через призму субъективного человеческого фактора, личного восприятия каждым гражданином страны происходящих политических процессов. Важно найти определение ценности, которое послужит неким «Розеттским» камнем для раскрытия поставленных задач. С позиции В. П. Тугаринова «Ценности суть предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов, а также — идеи и побуждения в качестве нормы, цели и идеала» [6, с. 11]. Совокупное ценностное ядро массового политического сознания и идеологии значительно объемнее, глубже и шире политических ценностей социальных групп и отдельного лица. Индивид вообще может разделять лишь ту часть ценностной системы, которая находит практическое применение в его жизнедеятельности и так же легко конъюнктурно изменять свой аппарат политических ценностей. Имеет место субъективная интерпретация из неких абстракций, принятых в обществе, в предшествие конкретных политических действий. Отобразим ряд подходов к политическим ценностям:

1) социологический — ценности есть проекция личного опыта каждого человека (А. Г. Здравомыслов, Г. Олпорт, Г. О. Грицкий);

2) утилитарный — ценности служат удовлетворению потребностей (Дж. Дьюи, В. П. Братский, Р. Б. Перри);

3) идеологический — ценности есть некий образец поведенческой модели, регулятивный механизм общества (М. Вебер, Т. Парсонс).

Так же стоит обозначить деление политических ценностей на макро- и микроуровни (планетарные, мировые, государственные, общественные, персональные); при рассмотрении их в сторону укрупнения, мы видим некое размывание и уход от конкретики, некий характер декларации и сложную практическую реализацию. По функциональной нагрузке следует выделить объединяющие и разделяющие общество (в зависимости от востребований, той или иной политической ценности), одобряемые и отрицаемые. Цивилизационный подход позволяет выявить два типа политических ценностей по генезису. Традиционные — те, что возникли за длительный период времени на конкретной территории, соотнесены с конкретной цивилизацией и в связи с постоянным использованием приобрели некую догматичность (могут опираться на моральнорелигиозные основы). Современные — политические ценности, ориентированы на развитие, прогрессивны, связанны с новыми тенденциями социума и наукой. Общие — в основе своей это традиционные ценности, сохранившие свою актуальность в современности.

Общественное сознание в своей структуре, согласно позиции ученого Н. И. Лапина: «1) ценности высшего статуса, ценностное ядро — включают доминирующие в общественном сознании и интегрирующие общество или иную социальную общность (одобряются свыше 60 % населения); 2) ценности среднего статуса — структурный резерв, находятся между доминированием и оппозицией и представляют собой зону ценностных конфликтов, могут перемещаться в состав ядра или на периферию (одобряются 45–60 % населения); 3) ценности ниже среднего, но не самого низкого статуса, периферия — включают в себя оппозиционные ценности, разделяющие членов данной общности на приверженцев существенно разных ценностей (одобряются 30–45 % населения); 4) ценности низшего статуса, «хвост» ценностной структуры; разделяются явным меньшинством, отличающимся стабильностью своих ориентаций, унаследованных от прежних слоев культуры (одобряются менее 30 % населения)» [7].

Градируем политические ценности по следующим группам:

1) идеальные — политическая и идеологическая группа ценностей с философским уклоном и глубоко социальной направленностью. Их можно обозначить фразой «А как было бы лучше» в устройстве общества, его развитии, направлениях преобразований;

2) экономико-политические — закрепляющие понимание собственности (на все материальные блага), восприятие бизнеса и предпринимательства, процессы экономического реформирования и его методы. Всю совокупность экономической составляющей отраженной в действующей политике;

3) социально-политические — группа ценностей, связанных с понятием социальной справедливости, взаимодействием общественных классов. Отражает ориентацию политических деятелей на социально значимые ценности либо, на индивидуально-корыстные;

4) историко-политические — ценности, отображают ретроспективный путь становления и развития политических ценностей в конкретной стране, ценность исторического опыта и роли личности в истории политики. Формирует историческую память и уважение к политической традиции государства;

5) политические ценности — это само отношение к политике как к определенной ценности через интерес к событийной части политической жизни. На первый план выходит роль политических институтов и их функционирования, то, как организованна политическая жизнь, объем политических свобод, выборность и т. д.;

6) духовно-политические ценности — то, что на данном этапе зовется некими «скрепами», комплекс патриотических установок направленных на самоидентификацию участников политической деятельности в духовном контексте. Данная категория ценностей может иметь взаимопроникновение с религией как апологетом духовности;

7) национальные политические ценности — субъективизация на национальном признаке. Положительное отношение к своему народу, его истории, культуре, искусству. Отражение любви к прошлому, настоящему и бедующему своего народа, некое осознание своей нации как самостоятельного субъекта социального и политического развития.

В массовом сознании наличествует набор неких упрощенных стереотипизированных базовых идей, не отражающих всей полноты политической картины. В массовом политическом сознании мы видим использование внешней ценностной системы, ее становления как идеологической доминанты. Происходит некая симуляция оригинальной идеи в содержательном смысле. Происходит потеря актуальности основных политических идей. Заметны тенденции разочарования в либеральной идее, которая являлась знаменем множества политических партий по всему миру. Человек не откажется от «свободы», но на интуитивном уровне отвергнет «свободу» например образца 1990-х гг., она ассоциируется с анархией, хаосом, бедностью, голодом, безработицей, терроризмом, войной и неопределенностью. Такие либеральные ценности, как свобода слова, права человека, рыночная экономика несут на себе тот же отпечаток «свободы». На сегодня актуализируются консервативные, традиционные ценности. Такие политические ценности, как «безопасность», «порядок», «стабильность» идут зачастую на первом мете, они прописаны в нашем национальном коде, являются частью нашей ментальной идентичности. Большое количество войн и конфликтов в истории России заставляет русского человека ратовать о безопасности как страны, так и личной. Государство, когда-либо бывшее Империей, сохраняет историческую память об этом и никогда не утратит имперских политических амбиций; отсюда социальная востребованность «сильного государства», «традиции», в контексте великой державной России, патриотичной и самобытной. В шкале приоритетов у граждан крайне обострены и востребованы такие политические ценности, как «справедливость» и «законность». В политическом сознании россиян наблюдается некая устоявшаяся картина идеального политического строя, когда государство сильное (в стране и в мире), хранит законность и порядок, но при этом глубоко социальное, «заботливое» к своим гражданам. Принципы, базирующиеся на культурных традициях и истории, находят масштабный социальный отклик. В эпоху глобализации, информатизации и потребления выходят на первый план индивидуальные (эгоистичные) ценности, коллективистские ценности считаются архаичными пережитками советской системы, неприменимыми к текущим реалиям. Происходит перерождение ментальной карты русского человека, некий переход от общинных традиций к западному индивидуальному мировосприятию.

Общество на текущем этапе не приемлет низкоуровневого специалиста, ему необходим «профессионал». Мы часто сталкиваемся с фразами, основанными либо включающими в себя данное слово, либо его синонимы и аналогии. Данный факт является прямым свидетельством актуализированного запроса на «профессионализм» в текущем историческом периоде.

Современный служитель закона, полицейский, имеет максимальное значение «профессионального» в правосознании. Сфера охраны порядка отождествляется с законностью, а законность с государством. Профессиональное сознание в значительной степени инструментально, для него право — есть способ реализации власти. В сознании ярко выражен позитивный подход к государству и всему, что с ним связанно, оно ультра корпоративно, что ведет к разрыву с социальными началами. В отходе от общественного блага кроется значимая проблема искажения моральных и политических ценностей. Обострение деформации профессионального сознания у правоохранителя обусловлено бюрократичностью и избыточным контролем. Зафиксировать деформацию профессионального сознания возможно исключительно при наличии некоей положительной позитивной его модели. На практике эта идеальная модель профессионального сознания отражает лишь обобщенные идеологические шаблоны, позитивные желания и мечту об идеальном супер специалисте. Полицейский как субъект профессионального сознания дуалистичен. Он носитель и транслятор профессионального сознания, некая функциональная единица. Однако, как личность он «хозяин» и гордый обладатель данного, свойственного лишь его группе (профессии) формы сознания. Это свидетельствует об изначальной конфликтности профессионального сознания. В корпоративности полиции кроется некое ощущение индивидуальной значимости, некоей избранности, но оно обманчиво; в совокупности с эгоистическими (меркантильными) побуждениями оно может привести к глубоким необратимым формам деформации сознания. Структура профессионального сознания полицейского практически идентична профессиональному сознанию в иных профессиях государственной и гражданской службы, связанных с высокой нагрузкой, риском, экстремальными ситуациями и сложным рабочим графиком. Профессия полицейского невозможна без четко структурированной в профессиональном сознании системы моральных и политических ценностей. Профессию полицейского можно отнести к труду в области повышенной моральной ответственности. Давление морали может привести к внутреннему конфликту в случае ее противоречия закону. Стоит акцентировать внимание, что моральные ценности могут быть сформированы в разных социумах, религиозных и этнических группах (так же учитывая личные ценностные особенности каждого отдельного человека) по разному, однако законодательство идентично на всей территории страны. Закон, в сравнении с моралью, сух, строг, не пластичен, возможно не применить норму морали, но не применить норму права нельзя. Существует некий антагонизм между правом и моралью: «там, где хорошо работает право, мораль не нужна». Опора политики — сила принуждения, широкий санкционный аппарат за невыполнение определенных требований власти. Обеспечением выполнения законных требований власти занимается полиция. Основой морали является совесть, а насилие и принуждение осуждаемы. Моральная ответственность неотъемлема в структуре профессионального сознания полицейского так как является своеобразным проводником, позволяющим, будучи всецело государственным служащим, сохранить в себе «человека» с моральным стержнем для принятия законных взвешенных решений. При этом стоит воздерживаться от излишнего морализма в служебной деятельности.

Политика существует как моральная или аморальная, но абсолютно без морали она быть не может. Система полиции в правовом государстве вне политики, как следует из п. 6 ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», сотруднику органов внутренних дел запрещается состоять в политических партиях, материально поддерживать политические партии и принимать участие в их деятельности. При осуществлении служебной деятельности сотрудник не должен быть связан решениями политических партий, иных общественных объединений и религиозных организаций [8]. Сотрудник полиции нейтрален к политическим партиям и объединениям, как следует из п. 12 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»; в соответствии с ч. 2 ст. 29 ФЗ «О полиции», существует запрет на использование преимуществ должностного положения для предвыборной агитации, а также для агитации по вопросам референдума [9]. Полицейские обеспечивают безопасность и законность избирательного процесса на всех уровнях и могут быть подвержены административной ответственности за нарушение избирательного законодательства. На-

лицо череда запретов, на законодательном уровне купирующая политическую активность полицейского. Но законодательство предусматривает ряд прав, интегрирующих сотрудника в политический процесс, к примеру, право избирать и быть избранным. В случае избрания в органы власти служба в полиции приостанавливается. Полицейский может принимать участие в общественных организациях и объединениях, не имеющих политических целей. Фактически, несмотря на ряд ограничений, существует обширная сфера, в которой полицейский может реализовать свое политическое сознание. Полицейский электорат — довольно мощная политическая сила, это от 15–20 млн человек, около 3 % избирателей России. Значительная часть общества, но, к сожалению, слабо представленная в органах государственной власти, если не сказать совсем не представленная. Избранные в органы государственной власти сотрудники полиции зачастую являются пенсионерами, и в процессе своей деятельности продолжают продвигать повестку безопасности и борьбы с преступностью не лоббируя интересы представляемой ими социальной группы. Налицо подмена интересов крупной социальной группы партийными интересами, а если точнее, узкими приоритетами лоббистов экономических элит.

Политическое сознание находит свою реализацию в поведении вне служебного времени, события, происходящие в политической жизни страны находят свое отражение на бытовом уровне вне рабочего времени, неучастие в политических партиях не может запретить симпатии или антипатии к различным политическим силам. В функции полиции главенствующей является защита прав и законных интересов граждан, а не политических партий. Здесь мы обнаруживаем стыковку моральных и политических ценностей в структуре сознания. В моральной системе ценностей человек приоритетен, а в политической системе приоритетно государство, фактически на его защите стоит полиция. «Профессионал» обязан абстрагироваться от внешних факторов, способных повлиять на реализацию его функционала. Ведь профессия полицейского это продиктованная необходимостью значимая для общества трудовая деятельность, позволяющая обеспечить безопасность и покой граждан, при этом получить за труд средства, позволяющие жить и развиваться. «По мере профессионального становления личности происходит смещение акцента с общечеловеческих, морально-нравственных качеств в сторону профессиональных и организаторских характеристик» [10].

Ключом к раскрытию роли политических и моральных ценностей в структуре профессионального сознания сотрудника полиции является анализ и систематизация сознания. Дробление его на атомарные единицы и погружение в них.

Список источников

1. Энциклопедия мысли. Симферополь, 1999.

2. Олпорт Г. Личность в психологии: пер. с англ. М.–СПб., 1998.

3. Анцыферова Л. И. Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук. М., 1989.

4. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. М., 2001.

5. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие. М. : Академия, 2005.

6. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.

7. Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. 1996. № 5. С. 5–7.

8. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция) (п. 6 ч. 3 ст. 4).

9. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (последняя редакция) (п. 12 ч. 1 ст. 17).

10. Орел В. Е. Психология труда // А. В. Карпов, В. Е. Орел и др. М. : Владоспресс, 2005.

References

1. Encyclopedia of thought. Simferopol, 1999.

2. Allport G. Personality in psychology: trans. from English M.–SPb., 1998.

3. Antsyferova L. I. Psychology of personality formation and development // Man in the system of sciences. M., 1989.

4. Anisimov S. F. Introduction to axiology. M., 2001.

5. Klimov E. A. Psychology of professional self-determination: studies. manual. M. : Academy, 2005.

6. Tugarinov V. P. Theory of values in Marxism. L., 1968.

7. Lapin N. I. Modernization of the basic values of Russians // Socis. 1996. No. 5. P. 5–7.

8. Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (latest edition) (item 6, part 3, article 4).

9. Federal Law No. 79-FZ of July 27, 2004 «On State Civil Service of the Russian Federation» (latest edition) (item 12, part 1, article 17).

10. Orel V. E. Psychology of labor // A.V. Karpov, V. E. Orel et al. M. : Vladospress, 2005.

Библиографический список

1. Баранов П. П. Проблемы теории правосознания и правового воспитания. Избранное. Т. 2. Ростов н/Д. : РЮИ МВД России, 2005.

2. Гранат Н. Л. Профессиональное сознание и социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел. М., 1984.

3. Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1994.

4. Клименко А. И. Актуальные проблемы осуществления идеологической функции государства и развития правовой идеологии. Смоленск : Изд-во «Смоленская городская типография», 2009.

5. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1982.

6. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. : ИКД «Зерцало-М», 2002.

7. Лихолоб В. Г. Правовая культура работников органов внутренних дел и ее значение для правоприменения. Киев, 1984.

8. Малахов В. П. Логика для юристов: учеб. пособие. М.–Екатеринбург, 2002.

Bibliographic list

1. Baranov P. P. Problems of the theory of legal awareness and legal education. Selected. Vol. 2. Rostov N./D. : RUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005.

2. Granat N. L. Professional consciousness and socialist legality in the activities of internal affairs bodies. M., 1984.

3. Ilyin I. A. Collected works. In 10 t. t. 4 / comp. and comment. Y. T. Lisitsy. M. : Russian book, 1994.

4. Klimenko A. I. Actual problems of the implementation of the ideological function of the state and the development of legal ideology. Smolensk : Publishing house «Smolensk City Printing House», 2009.

5. Kudryavtsev V. N. Law and Behavior. M., 1982.

6. Leist O. E. The essence of law. Problems of theory and philosophy of law. M. : ICD «Zertsalo-M», 2002.

7. Likholob V. G. Legal culture of employees of internal affairs bodies and its significance for law enforcement. Kiev, 1984.

8. Malakhov V. P. Logic for lawyers: studies. manual. M.–Yekaterinburg, 2002.

Информация об авторе

А. В. Абрамов — адъюнкт Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Information about the author

A. V. Abramov — Adjunct of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 23.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 23.05.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-28-32
NIION: 2003-0059-3/22-275
MOSURED: 77/27-003-2022-03-474

К вопросу об организации противодействия финансированию противоправных проявлений экстремистской направленности в среде молодежи

Галина Вячеславовна Акимова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, galina.akimova.74@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы угрозы безопасности государственности со стороны проэкстремистски настроенной молодежи. Делается вывод о необходимости использования достижений науки, инновационных технологий, международного опыта и взаимодействие всех правоохранительных структур в ходе организации противодействия финансированию молодежного экстремизма.

Ключевые слова: противодействие финансированию экстремизма, экстремистская направленность, безопасность, молодежная среда

Для цитирования: Акимова Г. В. К вопросу об организации противодействия финансированию противоправных проявлений экстремистской направленности в среде молодежи // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 28–32. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-28-32.

Original article

On the issue of the organization of countering the financing of illegal manifestations of extremist orientation among young people

Galina V. Akimova
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, galina.akimova.74@mail.ru

Abstract. The issues of threats to the security of statehood from extremist youth are considered. It is concluded that it is necessary to use the achievements of science, innovative technologies, international experience and the interaction of all law enforcement agencies in the course of organizing counteraction to the financing of youth extremism.

Keywords: countering the financing of extremism, extremist orientation, security, youth environment

For citation: Akimova G. V. On the issue of the organization of countering the financing of illegal manifestations of extremist orientation among young people. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):28–32. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-28-32.

В настоящее время всеобщую угрозу безопасности как отдельным государствам, так и всему мировому сообществу, несет экстремизм. При этом следует отметить, что зачастую указанное негативное явление, имеющее противоправный характер, используется странами в том числе и для нарушения территориальной целостности государств – мишеней, и для дестабилизации экономической, либо социальной сферы в них.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. [1], экстремизм определен как: «…явление, ведущее к нарушению гражданского мира и согласия, основных прав и свобод человека и гражданина, подрывает государственную и общественную безопасность, создает реальную угрозу суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации, сохранению основ конституционного строя Российской Федерации, а также межнациональному (межэтническому) и межконфессиональному единению, политической и социальной стабильности». При этом указывается на то обстоятельство, что данное противоправное проявле-

© Акимова Г. В., 2022

ние неоднородно (по составу групп, объединений и организаций, а также их участников) и характеризуется многообразием, что в совокупности приводит к усложнению организации противодействия ему со стороны правоохранителей.

Особую озабоченность в данном случае вызывает тот факт, что в деятельность проэкстремистки направленных групп, объединений и организаций активно вовлекаются несовершеннолетние и не только в связи с тем обстоятельством, что они более подвержены деструктивному влиянию (религиозному, идеологическому, психологическому), но в том числе и потому, что финансировать их деятельность «и дешевле, и проще» [3].

Так, МВД России были выявлены более 150 экстремистских групп, которые состоят более чем из 100 тыс. человек; это и указывает на то, что молодежь в массовом количестве вовлекается в неформальные, в том числе имеющие противоправную направленность экстремистского толка, организации [4].

Системные преобразования, в том числе совершенствование социально-экономической и политической сфер, происходящие в Российском государстве, в том числе усиление внимания к проблеме молодежного экстремизма, как со стороны государства (в лице его политических деятелей, правоохранительных органов, организаций, в том числе общественных) вызывают негативную (а подчас и эффективно-негативную) реакцию противоборствующих сил, о чем может свидетельствовать как активизация резидентов (в том числе и р/центров) международных экстремистских организаций в их противоправной вербовочной деятельности, так и увеличение уровня финансирования указанного рода противоправной деятельности со стороны транснациональных проэкстремистских групп.

Так, все более и более активно в преступной деятельности используются новейшие цифровые технологи, социальные сети и группы (WhatsApp, Telegram и др.). При этом, как отмечают В. С. Овчинский, Т. В. Пинкевич, О. А. Зубалова [9; 10]: «это дает возможность объединять широкий круг разобщенных пользователей информационно-цифровых сетей, находящихся в разных точках мира. Так, значительную роль в их деятельности, которые не только дают возможность найти единомышленников, вести идеологическую пропаганду, но и активно вести сбор денежных средств. Более того, экстремистские и террористические организации активно используют в этих случаях и имеющиеся интернет-сайты. Все это свидетельствует о том, что пришло время технологического и цифрового экстремизма и терроризма, крайне опасного, поскольку использование цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий, искусственного интеллекта, робототехники и др. повышает эффективность, результативность и анонимность деятельности преступных организаций. Террористы и экстремисты принимают активное участие в торгах на фондовых биржах, вкладывают средства в недвижимость и различные отрасли экономики, получают средства от игры на фондовых рынках, инвестируют криптовалюты в онлайнплатформы. Все это позволяет им увеличивать финансовые потоки и использовать их в преступных целях.

Но не стоит забывать и о традиционных способах финансирования террористической деятельности: организация каналов нелегальной миграции, сбыт фальшивых денег, незаконный оборот наркотиков и культурных ценностей, торговли людьми и пр. Широкое распространение в среде преступников получила криптовалюта, главным преимуществом которой является анонимность ее транзакций, и, как следствие, низкий уровень ее обнаружения, что создает благоприятные условия для ее использования в преступных целях».

В этой связи одним (имеющим немаловажное значение) из направлений государственной политики в области противодействия экстремизму является выявление, пресечение и устранение каналов и источников финансирования проэкстремистки (противоправной) направленной деятельности.

Следует отметить, что в настоящее время для экономической безопасности России представляют угрозу участившиеся факты использования экономических методов для достижения политических целей [2].

Так, по состоянию на 1 декабря 2021 г. в РФ было зарегистрировано 983 (прирост 25,4 % АППГ) преступления экстремистской направленности, при этом выявлено 848 (прирост 47,7 % АППГ) лиц, совершивших преступления указанной направленности (рис. 1).

В первой половине 2019 г. МВД РФ было выявлено 102 преступления, связанного с финансированием экстремистских (в том числе и террористической, и радикальной направленности) организаций[1]. И по некоторым данным «до 80 % участников группировок экстремистской и террористической направленности составляют молодые люди в возрасте от 13 до 20 лет»[2].

[1] URL://https://www.interfax.ru/russia/680586.
[2] URL://https://oxpaha.ru/national/zashhitisvoih-detej-ot-ekstremizma-i-propagandy-terrorizma.

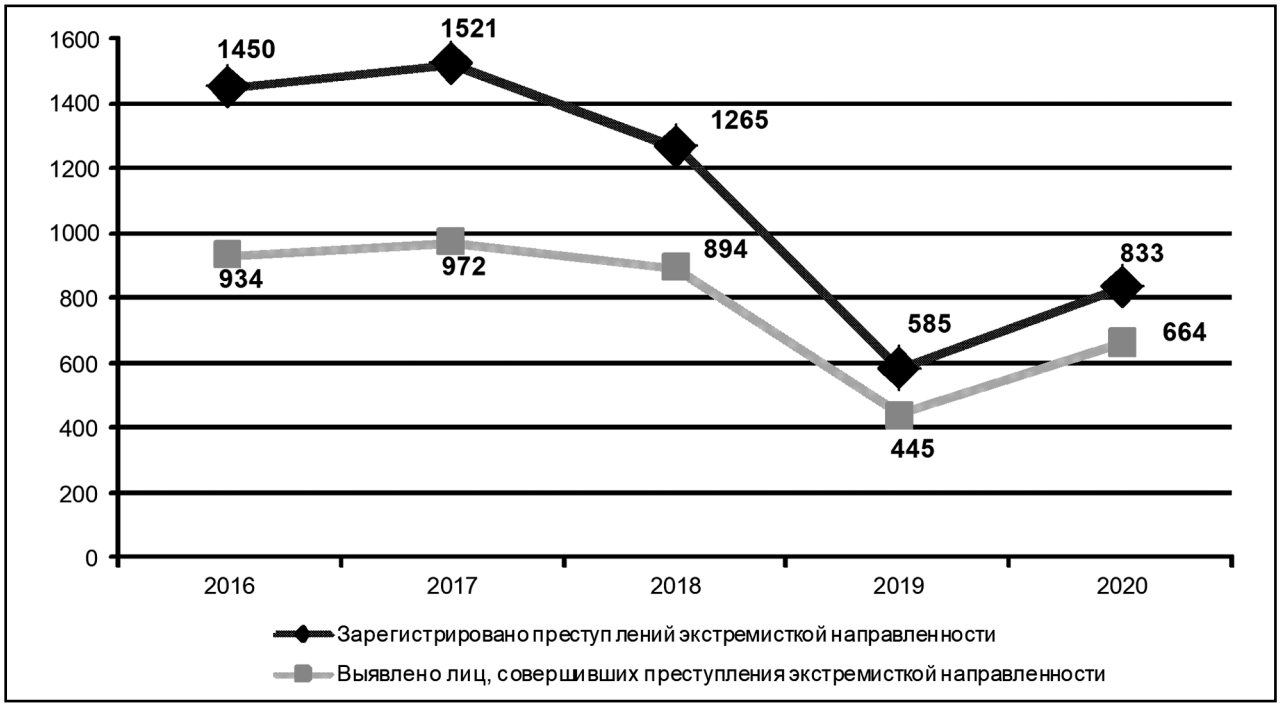


Рис. 1. Динамика преступлений экстремистской направленности и лиц их совершивших

В данной связи в качестве примера можно привести возбужденное ГСУ СК РФ уголовное дело в отношении А. Навального и иных лиц[3], в ходе расследования которого было установлено, что Навальный, с целью осуществления экстремистской деятельности, направленной на изменение основ конституционного строя в РФ, подрыва общественной безопасности и государственной целостности РФ создал экстремистское сообщество (НО «Фонд борьбы с коррупцией», признана экстремистской и ликвидирована на территории РФ) и руководил им. Для обеспечения деятельности которого, в том числе его финансирования, а также создания условий для совершения преступлений экстремистской направленности, вовлечения новых участников были учреждены восемь некоммерческих организаций — фонды и коммерческие организации, являвшиеся структурными подразделениями сообщества, некоммерческой организации, выполняющей функции иноагента; размещение в сети Интернет видеоролика, в котором призывали неограниченный круг лиц осуществлять финансирование «Команды Навального» путем перечисления денежных средств и криптовалюты.

В этой связи следует отметить, что социально-экономическая ситуация, складывающаяся на территории России и в настоящее время осложненная пандемией COVID-19, в некотором роде стимулировала увеличение финансирования экстремистской деятельности в среде молодежи, в том числе посредством как социальных сетей, так и иного интернет-контента.

В данной связи финансирование экстремисткой деятельности (и нарастающий ее уровень) в том числе и в среде молодежи можно охарактеризовать наличием следующих факторов:

- теневая экономика (мировые рынки, финансовые сети, инвестиции, международная торговля);
- коррупция;
- миграция (в том числе незаконная);
- организованная преступность (в том числе этническая);
- отсутствие эффективного механизма контроля за доходами (легальные/нелегальные);
- совершение преступлений с использованием новейших технологий (в том числе в информационном поле, с использованием средств анонимизации);
- использование, в том числе в неконтролируемых расчетах, криптовалюты и т. д.

Следует отметить, что финансирование молодежного экстремизма, как и экстремизма вообще, явление не пропагандируемое, а преступления, квалифицируемые как «финансирование», относятся к латентным и их выявление, раскрытие и расследование является особо сложным процессом, требующим высочайшей профессиональной (в том числе оперативно-разыскной) подготовленности задействованных сотрудников.

Отдельно следует отметить организацию процесса противодействия финансированию, а именно:

- подконтрольность объектов наблюдения;

[3] URL://https://sledcom.ru/news/item/1613700/

• выявление и перекрытие каналов и источников финансирования;

• предупреждение, раскрытие и расследование преступлений данной категории;

• выявление лиц, причастных к противоправным деяниям указанной направленности (в том числе связанным с легализацией преступных доходов) с учетом неотвратимости их наказания.

При этом особое место в системе противодействия должно отводиться международному сотрудничеству оперативных подразделений МВД России с аналогичными структурами правоохранительных органов зарубежных стран. Так, изучение и анализ методов противодействия, используемых, к примеру, в США, ФРГ, Израиле [6; 7; 8], а именно:

• использование программ глобальной слежки и автоматического шпионажа;

• организация сыскной деятельности сотрудников полиции в условиях, когда не имеется конкретного разграничения на гласные и негласные методы и способы получения информации о фактах и происшествиях, которые впоследствии будут трансформироваться в доказательства (при этом сотрудник имеет право на сокрытие своего официального статуса, маскировку под любой объект, в целях сохранения в тайне причастности к правоохранительному органу, если иным способом получить необходимую информацию или добыть доказательства не представляется возможным);

• вознаграждение за «доносительство» (программы «Следи за соседом», «Награда за справедливость» и т. д.);

• оказание максимальной помощи тем лицам, которые изъявят желание выйти из членства в противоправной экстремистской организации;

• силовое противостояние экстремистским организациям;

• использование специальных методов деятельности спецслужб — «растровый розыск потенциальных преступников»;

• ужесточение мер против несовершеннолетних нарушителей правопорядка в возрасте от 14 до 18 лет и их родителей (родителям прекращается выплата детских пособий на ребенка, находящегося под стражей, увеличение минимального размера штрафа, который придется заплатить родителям детей от 12 до 14 лет, а также денежного залога, вносимого родителями за детей младше 12 лет, причастных к указанным противоправным деяниям);

• использование принципа организации противодействия экстремизму — «сделать так, чтобы заниматься этим было невыгодно».

К примеру, в международной практике действенной мерой по борьбе с терроризмом считается возложение гражданско-правовой ответственности на преступников путем установления штрафов, предъявления различных исков и т. д., а в законодательстве Израиля, в свою очередь, существует еще одна мера — принцип коллективности, согласно которому, наказанию подвергается не только террорист, но и его семья (семьи террористов в течение 72 часов после покушения или теракта лишают всего имущества, дом разрушают, а землю и состояние передают в пользу государства или семьи погибшего израильтянина. В исключительных случаях аналогичному (экономическому) наказанию подвергаются жители района, где проживал террорист.

Указанное позволяет сделать вывод о применяемых методах противодействия как об эффективных, в связи с чем предлагается рассмотреть вопрос об их использовании (после соответствующей адоптации и апробации) в деятельности оперативных подразделений МВД РФ.

Кроме этого, в целях эффективного осуществления противодействия финансированию экстремистской деятельности молодежи следует:

• систематически выявлять новые источники (как физических, так и юридических лиц, в том числе легендированных и законспирированных) финансирования экстремистской деятельности;

• предпринимать своевременные меры к нейтрализации выявленных источников;

• координировать организацию оперативно-служебной деятельности органов и подразделений;

• осуществлять межведомственное и ведомственное взаимодействие;

• повышать профессиональный уровень и квалификацию задействованных сотрудников;

Подводя итог, следует отметить, что эффективная организация деятельности по организации противодействия финансированию молодежного экстремизма невозможна без использования достижений науки, инновационных технологий, международного опыта и взаимодействия всех правоохранительных структур на государственном и межгосударственном уровнях.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.

2. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Россий-

ской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

3. Акимова Г. В., Федоткин А. И., Калиникин А. А. Тезисы к вопросу о противодействии молодежному экстремизму (профилактика и противодействие финансированию) // В кн.: Реформы в России и проблемы управления: мат. 33-й всерос. науч. конф. молодых ученых. 2018. С. 247–249.

4. Акимова Г. В. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму в России // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 221–227.

5. Акимова Г. В., Панасенко Н. А. Задачи и особенности предупреждения преступлений экстремистской направленности в сфере экономической деятельности: сб. статей всерос. науч. конф. М., 2020. С. 22–25.

6. Акимова Г. В. Организация противодействия проявлениям экстремизма в молодежной среде на примере зарубежных стран (ч. I — США) // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 177–184.

7. Акимова Г. В. Организация противодействия проявлениям экстремизма в молодежной среде на примере зарубежных стран ФРГ // Сборник ОРД Московского университета МВД России. 2020.

8. Акимова Г. В. Организация противодействия проявлениям экстремизма в молодежной среде на примере зарубежных стран (ч. II — Израиль) // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 178–180.

9. Овчинский В. С. Терроризм и технологии XXI века — это проблема сегодняшнего дня, а не будущего // URL://http://zavtra.ru.

10. Пинкевич Т. В., Зубалова О. А. Современное состояние экстремизма и терроризма в условиях развития цифровых технологий // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3 (94).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 29, 2020 No. 344 «On approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025» // SZ RF. 2020. No. 22. St. 3475.

2. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period until 2030» // SZ RF. 2017. No. 20. St. 2902.

3. Akimova G. V., Fedotkin A. I., Kalinikin A. A. Theses on the issue of countering youth extremism (prevention and countering financing) // In the book: Reforms in Russia and management problems: mat. 33rd All-Russian Scientific Conference of Young Scientists. 2018. P. 247–249.

4. Akimova G. V. On the issue of countering youth extremism in Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 221–227.

5. Akimova G. V., Panasenko N. A. Tasks and features of preventing extremist crimes in the sphere of economic activity: collection of articles of the All—Russian Scientific Conference M., 2020. P. 22–25.

6. Akimova G. V. Organization of countering manifestations of extremism among youth on the example of foreign countries (Part I — USA) // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 5. P. 177–184.

7. Akimova G. V. Organization of counteraction to manifestations of extremism in the youth environment on the example of foreign countries of Germany // Collection of the ORD of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020.

8. Akimova G. V. Organization of counteraction to manifestations of extremism among youth on the example of foreign countries (Part II — Israel) // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 1. P. 178–180.

9. Ovchinsky V. S. Terrorism and technologies of the XXI century are a problem of today, not of the future // URL://http://zavtra.ru.

10. Pinkevich T. V., Zubalova O. A. The current state of extremism and terrorism in the context of the development of digital technologies // Jurist-Jurist. 2020. № 3 (94).

Информация об авторе

Г. В. Акимова — старший преподаватель кафедры специальной тактики учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

G. V. Akimova — Senior Lecturer of the Department of Special Tactics of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 22.03.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-33-37
NIION: 2003-0059-3/22-276
MOSURED: 77/27-003-2022-03-475

Соблюдение законодательства в сфере противодействия терроризму

Елена Александровна Антонян
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрены вопросы соблюдения законодательства в сфере противодействия терроризму.
Ключевые слова: законодательство, правоохранительные органы, терроризм, противодействие терроризму
Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16175 «Блокчейн технологии противодействия рискам кибертерроизма и киберэкстремизма: криминолого-правовое исследование».
Для цитирования: Антонян Е. А. Соблюдение законодательства в сфере противодействия терроризму // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 33–37. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-33-37.

Original article

Compliance with legislation in the field of countering terrorism

Elena A. Antonyan
Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA), Moscow, Russia

Abstract. The issues of compliance with legislation in the field of countering terrorism are considered.
Keywords: legislation, law enforcement agencies, terrorism, counteraction to terrorism
Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project № 18-29-16175 «Blockchain technologies for countering the risks of cyberterroism and cyberextremism: criminal and legal research».
For citation: Antonyan E. A. Compliance with legislation in the field of countering terrorism. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):33–37. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-33-37.

Развитие человечества и вся его история наглядно демонстрируют, что в мирный период самым страшным преступлением в отношении человека является терроризм. Достаточно длительный период деструктивные силы используют возможность воздействия на власть путем устрашения народа, которое осуществляется посредством причинения смерти как можно большему числу граждан, осуществляя такую деятельность демонстративно. С такими активными проявлениями сталкивалось и продолжает сталкиваться в том числе наше государство. Достаточно ярко это проявилось в период новейшей истории России; терроризм использовался достаточно активно в целях воздействия на власть на рубеже XX и начала XI столетия.

Такая опасная активность потребовала принятия адекватных мер, направленных на недопущение наступления негативных последствий от воздействия терроризма. В этой связи Российская Федерация активно предпринимала и продолжает предпринимать усилия, направленные на недопущение терроризма внутри страны, а также предотвращение его проникновения на ее территорию из вне.

Для решения проблемы борьбы с терроризмом недостаточно применения односторонних карательных мер, здесь необходимо применение комплексного под-

© Антонян Е. А., 2022

хода, в котором должны быть задействованы все системы государства. Первым и необходимым шагом, который логически должен был последовать для решения проблемы в рассматриваемой сфере, стало принятие правовой основы борьбы с терроризмом. В 2006 г. вступил в силу Федеральный закон «О противодействии терроризму» (далее — Закон о противодействии терроризму), в котором были определены основные положения, направленные на борьбу с данным негативным явлением в нашей стране [1]. Безусловно, это был первый необходимый шаг всестороннего и комплексного подхода к решению проблемы, а указанный нормативный правовой акт регламентировал процесс деятельности всех государственных органов, направленный на построение эффективной системы противодействия терроризму в стране.

Вместе с тем, следует отметить, что до этого момента правоохранительные органы и другие государственные структуры также осуществляли деятельность, направленную на противодействие терроризму. Однако, существенная трансформация современного общества, качественный скачек научно-технического прогресса, резкая смена геополитической обстановки в мире, способствовали резкому изменению системы реализации террористической активности в мире и, как следствие, переноса ее новых элементов на территорию РФ.

Такое положение потребовало несколько по-иному взглянуть на построение системы мер противодействия терроризму, который в отдельных случаях начал приобретать совершенно новые оттенки. Учитывая сложность проблемы, и необходимость ее комплексного решения уже в перовом десятилетии XXI в., а именно в 2009 г. в России была принята государственная концепция противодействия терроризму [2].

Незамедлительно, практически все министерства и ведомства отреагировали на необходимость создания собственных структур и условий их функционирования в общей системе противодействия терроризму. Существенный вклад в рассматриваемый процесс вносила и продолжает вносить Прокуратура РФ, которая, на ряду с другими правоохранительными органами государства, находится фактически на переднем крае борьбы с рассматриваемым явлением. Учитывая специфику своей деятельности, в целях создания эффективной системы прокурорского надзора в сфере соблюдения законодательства в области борьбы с терроризмом, Прокуратура РФ, в рамках принятой концепции, конкретизировала свою деятельность, определив ее основные цели, задачи и функции, путем подготовки соответствующих ведомственных приказов [3; 4; 5].

Следует отметить, что учитывая эволюцию терроризма в мировом масштабе и, как следствие, в России, Прокуратура РФ старалась адекватно реагировать на его изменения, совершенствуя систему прокурорского надзора в сфере исполнения законодательства о противодействии терроризму. Соответствующие изменения были внесены в приказы в 2016 [6] и в 2018 гг. [5].

Предпринятые меры положительно сказались на организации деятельности правоохранительных, а также других органов и структур государства в сфере противодействия терроризму, результатом которых стало недопущение совершения резонансных террористических актов. Например, как сообщил директор Федеральной службы безопасности (ФСБ), председатель Национального антитеррористического комитета (НАК) А. В. Бортников, в России за последние десять лет предотвращено 200 терактов. При этом в 2020 г. удалось предотвратить 96 % преступлений подобного характера, тогда как в 2018 г. — 80 %, а в 2010 г. — всего 10 % [7].

Однако, анализ статистических данных в рассматриваемой области свидетельствует, что в полной мере ликвидировать такое явление, как терроризм в нашей стране еще не удалось и периодически находятся желающие предпринять попытки, направленные на дестабилизацию обстановки в стране путем совершения террористических актов.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, количество преступлений террористического характера растет и остается на достаточно высоком уровне. Так, за период с 2010 г. по настоящее время их количество возросло. И если в 2010 г. было зарегистрировано 581 преступление рассматриваемой категории, то в 2016 г. — 2227, а в 2020 г. уже 2342. Ежегодно растет и количество лиц, выявленных за совершение преступлений террористического характера. В период с 2015 г., ежегодно их количество превышало цифру в 500 человек. Так, например, в 2016 г. таких лиц было выявлено 609, в 2017 г. наибольшее количество — 873, а в 2020 г. — 786 [8]. Таким образом, сохраняется негативная динамика роста преступлений террористической направленности и лиц, их совершающих.

Как на негативное, на данное обстоятельство указывал и Генеральный Прокурор РФ И. В. Краснов, от-

мечая, сохраняющуюся высокую тенденцию уровня террористических угроз. Отмечается, что число предотвращенных терактов увеличилось более чем на треть (38 %), а в качестве объектов выбирались места массового скопления людей. Следует также отметить 24 региона страны, в которых выявлены данные противоправные деяния. Такое положение потребовало повышенного внимания к вопросам обеспечения уровня антитеррористической защищенности особо важных объектов и территорий. В связи проведенными проверками, прокурорами направлено в суды порядка 11 тыс. исков об устранении выявленных нарушений. В связи с этим И. В. Красновым указано на необходимость усиления профилактической составляющей противодействия терроризму и дополнительного внимания относительно выполнения решений антитеррористических комиссий в регионах и муниципальных образованиях [9].

Складывающееся положение, а также положительный накопленный значительный опыт, позволили в дальнейшем продолжить совершенствование системы мер, направленных на повышение эффективности противодействия терроризму на государственном уровне. Активное участие в этих процессах приняла Прокуратура РФ.

Так, предпринятые ею в этой связи активные шаги, в конечном итоге позволили сформулировать и привести в соответствие современным требованиям цели, задачи и функции в области прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере противодействия терроризму. Особое влияние на это оказало активное развитие современного общества в рамках применения достижений научно-технического прогресса, что и обусловило постановку и необходимость решения первостепенных важнейших и значимых задач, характерных именно для сегодняшнего дня.

На сегодняшний день одной из важнейших задач надзорной деятельности является своевременное предупреждение преступлений и правонарушений террористической направленности, выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности. К наиболее значимым можно отнести и такие, как подготовка и направление в суд административных исковых заявлений о: 1) ликвидации организаций в связи с осуществлением террористической деятельности; 2) запрете деятельности на территории Российской Федерации действующих без государственной регистрации общественных и религиозных объединений, созданных на территории РФ, в связи с их причастностью к терроризму исходя из установленной законом подсудности. В качестве задач следует также указать на недопущение использования средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет в террористических целях и организовать их мониторинг. В связи с этим требуется постоянное взаимодействие с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и ее территориальными подразделениями.

Решением указанных задач проявляются специфические особенности надзорной деятельности Прокуратуры РФ. Именно ее сотрудники, осуществляя надзор за соблюдением законодательства в сфере противодействия терроризму, способны выявить его уязвимые места, которые могут быть использованы в целях распространения террористических угроз в стране, т. е. уже на этапе подготовки предупредить и пресечь реализацию террористических атак.

Учитывая данные обстоятельства, на сегодняшний день стало абсолютно понятно, что самым эффективным средством борьбы с терроризмом является не только выявление и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших данный вид преступлений, но и активная деятельность всех систем государства, направленная на предупреждение таких действий в целях недопущения наступления негативных, трагических последствий.

В стране сформирована правовая платформа, положения которой направлены на создание условий противодействия терроризму путем организации в стране национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и их использования в целях финансирования терроризма [10]. И здесь также значительная роль отводится Прокуратуре РФ, что нашло отражение в ведомственном нормативном правовом акте [5].

Активная деятельность всех институтов государства в области противодействия терроризму способствовала выявлению факторов, активно влияющих на распространение данного явления на территории РФ. Совершенно справедливо установлено, что наиболее серьезными из них являются финансирование террористической деятельности и ее активное проповедование с использованием электронных телекоммуникационных сетей. В целом, эти два фактора в настоящее время

в полной мере обусловливают друг друга, учитывая характер организации террористической деятельности с использованием электронных телекоммуникационных средств и систем, например, в сфере рекрутирования членов террористических организаций, оплаты их деятельности, закупки необходимых материалов, средств и т. п. На это обстоятельство, в частности, неоднократно указывалось на заседаниях, посвященных итогам работы органов прокуратуры. Так, И. В. Красновым отмечалось, что по результатам рассмотрения требований прокуроров в 2019 г. блокировке подверглось свыше 81 тыс. интернет-ресурсов, содержащих информацию об угрозах террористического и экстремистского характера, в том числе о призывах к массовым беспорядкам и насилию, при этом с 45 тыс. сайтов такая противоправная информация была полностью удалена. Кроме того, подчеркнута значимость взаимодействия с силовыми ведомствами по защите информационного пространства и пресечению попыток вовлечения в антиобщественную радикальную деятельность, в первую очередь, молодежи. В связи с этим на первый план прокурорской деятельности ставится полный объем антитеррористической повестки [11].

В целях создания благоприятных условий эффективного выполнения поставленных перед Прокуратурой РФ задач в ее структуре создано специализированное Управление, обеспечивающее контроль в области организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму, характер деятельности которого направлен на обеспечение верховенства закона, укрепление законности и правопорядка, защиту прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму и терроризму [12].

Таким образом, учитывая сложный характер отношений, складывающихся в системе действий, направленных на совершение терроризма, которые могут проявляться не только в выполнении конкретных общественно опасных, противоправных действий демонстрационного характера, но и в действиях, скрытых от всеобщего восприятия; именно Прокуратура РФ должна обеспечить контроль законодательства в сфере противодействия терроризму путем активного надзора за его соблюдением. При этом консолидация усилий в данной области должна носить в том числе упреждающий характер. Данное обстоятельство, наряду с другими, будет способствовать обеспечению комплексного подхода к решению государством задач, связанных с террористической угрозой, в котором Прокуратуре РФ отводится особая, специфическая, присущая только ей роль.

Список источников

1. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

2. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. 2009. 20 окт.

3. Приказ Генпрокуратуры РФ от 5 декабря 2007 г. № 194 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму» (утратил силу в связи с изданием Приказа Генпрокуратуры РФ от 22 октября 2009 г. № 339) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ Генпрокуратуры РФ от 22 октября 2009 г. № 339 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму» (утратил силу в связи с изданием Приказа Генпрокуратуры РФ от 17 мая 2018 г. № 295) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Генпрокуратуры России от 17 мая 2018 г. № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму» // Законность. 2018. № 7.

6. Приказ Генпрокуратуры России от 17 ноября 2016 г. № 739 «О внесении изменения в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 22 октября 2009 г. № 339 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму» // Законность. 2017. № 1.

7. Глава ФСБ заявил о предотвращении 200 терактов в РФ за 10 лет // URL://https://iz.ru/1135074/-2021-03-10/glava-fsb-zaiavil-o-predotvrashchenii-200-teraktov-v-rf-za-10-let.

8. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики // URL://http://crimestat.ru/offenses_chart.

9. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // URL://-https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearences/appearences/1864604/

10. Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов,

полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Президентом РФ 30 мая 2018 г.) // URL://http://www.kremlin.ru/

11. Расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2019 г. и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2020 г. // URL://https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/

12. Положение об управлении по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму (утв. Генпрокуратурой России 10 ноября 2017 г.) // URL://http://genproc.gov.ru.

References

1. Federal Law № 35-FZ of March 6, 2006 «On Countering Terrorism» // SZ RF. 2006. № 11. Art. 1146.

2. The concept of countering terrorism in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on October 5, 2009) // Rossiyskaya Gazeta. 2009. October 20.

3. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation № 194 dated December 5, 2007 «On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on countering terrorism» (expired due to the publication of the Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation № 339 dated October 22, 2009) // SPS «ConsultantPlus».

4. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation № 339 dated October 22, 2009 «On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on countering terrorism» (expired due to the issuance of the Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation № 295 dated May 17, 2018) // SPS «ConsultantPlus».

5. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated May 17, 2018 № 295 «On the organization of prosecutorial supervision over the execution of laws on countering terrorism» // Legality. 2018. № 7.

6. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated November 17, 2016 № 739 «On Amendments to the Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated October 22, 2009 No. 339 «On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on countering terrorism» // Legality. 2017. № 1.

7. The head of the FSB announced the prevention of 200 terrorist attacks in Russia in 10 years // URL://-https://iz.ru/1135074/2021-03-10/glava-fsb-zaiavil-o-predotvrashchenii-200-teraktov-v-rf-za-10-let.

8. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Portal of legal statistics // URL://http://crimestat.ru/offenses_chart.

9. Report at the meeting of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation // URL://https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearance/appearances/186460/

10. Concept of development of the national system of countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism (approved by the President of the Russian Federation May 30, 2018) // URL://http://www.kremlin.ru/

11. Extended meeting of the board dedicated to the results of the work of the Prosecutor's office for 2019 and tasks to strengthen the rule of law and order for 2020 // URL://-https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/

12. Regulations on the Office for Supervision of the Execution of Laws on federal security, interethnic relations, countering extremism and terrorism (approved by the Prosecutor General's Office of Russia on November 10, 2017) // URL://http://genproc.gov.ru.

Информация об авторе

Е. А. Антонян — заведующая кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имениеи О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

E. A. Antonyan — Head of the Department of Criminology and Penal Enforcement Law of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA), Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 343.98:347.948.2
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-38-43
NIION: 2003-0059-3/22-277
MOSURED: 77/27-003-2022-03-476

Типичные ошибки при производстве дактилоскопических экспертиз

Ольга Александровна Баринова[1], Владимир Николаевич Черниговский[2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ol.bondarencko2011@yandex.ru
[2] Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vladimir.chernigovskij@yandex.ru

Аннотация. Анализируется современное состояние практики выполнения дактилоскопических экспертиз и оформления полученных результатов. Приводится понятие экспертных ошибок, их классификация и характеристика. Описываются ошибки, допускаемые в ходе исследования и при оформлении полученных результатов и способы их предупреждения. Ошибки исследования дифференцированы по стадиям экспертного исследования, на которых они допускаются (подготовительной, аналитической, сравнительного исследования, оценки результатов исследования и формулирования выводов). Делается вывод о необходимости выполнения экспертиз в строгом соответствии с требованиями методики их производства, без использования шаблонов экспертных заключений, поскольку они нередко содержат в себе ошибки процессуального, гносеологического и деятельностного характера. Даны рекомендации о постоянном совершенствовании знаний в части новых методов и средств обнаружения и фиксации следов кожного покрова человека.

Ключевые слова: дактилоскопическая экспертиза, заключение эксперта, экспертные ошибки, идентификация, следы рук, методика

Для цитирования: Баринова О. А., Черниговский В. Н. Типичные ошибки при производстве дактилоскопических экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 38–43. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-38-43.

Original article

Typical errors in the production of fingerprint examinations

Olga A. Barinova[1], Vladimir N. Cernigovsky[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ol.bondarencko2011@yandex.ru
[2] Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, vladimir.chernigovskij@yandex.ru

Abstract. The current state of the practice of performing fingerprint examinations and registration of the results obtained is analyzed. The concept of expert errors, their classification and characteristics are given. The article describes the mistakes made during the study and in the design of the results obtained and the ways to prevent them. Research errors are differentiated by the stages of expert research at which they are allowed (preparatory, analytical, comparative research, evaluation of research results and formulation of conclusions). It is concluded that it is necessary to carry out examinations in strict accordance with the requirements of the methodology of their production, without using templates of expert opinions, since they often contain errors of a procedural, epistemological and activity nature. Recommendations are given on the continuous improvement of knowledge regarding new methods and means of detecting and fixing traces of human skin.

Keywords: fingerprint examination, expert opinion, expert errors, identification, handprints, methodology

For citation: Barinova O. A., Cernigovsky V. N. Typical errors in the production of fingerprint examinations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):38–43. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-38-43.

© Баринова О. А., Черниговский В. Н., 2022

Постановка проблемы. На сегодняшний день дактилоскопическая экспертиза занимает важное место в раскрытии и расследовании преступлений, поскольку следы рук, обнаруженные на месте происшествия, позволяют индивидуализировать лицо, их оставившее. Это связано с особенностью формирования папиллярного узора. Так, доказано, что нет двух людей, у которых был бы одинаковый папиллярный узор. Поэтому дактилоскопическим объектам исследования уделяется большое внимание как при осмотре места происшествия, так непосредственно при выполнении экспертиз и исследований. Выполнение дактилоскопической экспертизы, как и экспертизы иного рода (вида), осуществляется на строго научной основе, в пределах своей компетенции в соответствии с требованиями методик и процессуальных норм.

Соблюдение методики производства дактилоскопической экспертизы, правильность оформления иллюстративного материала, оказывают влияние на достоверность полученных экспертным путем результатов и, соответственно, доказательственную значимость заключения эксперта. В то же время, анализ заключений эксперта, выполненных слушателями-стажерами совместно с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов внутренних дел в ходе прохождения обучающимися производственной (в том числе преддипломной практики), свидетельствует о наличии ошибок, допускаемых экспертом при производстве экспертного исследования и оформлении заключения эксперта.

Под экспертной ошибкой следует понимать «не соответствующее объективной действительности суждение эксперта или его действие, не приводящие к цели экспертного исследования, если это суждение и эти действия являются результатом добросовестного заблуждения» [1, с. 157]. Экспертная ошибка может быть допущена на любой стадии экспертного исследования, и может быть связана с неверным толкованием как методических положений, так и процессуальных, или незнанием их вовсе. Следует отметить, что, в отличие от дачи заведомо ложного заключения, наличие экспертных ошибок не связано с умыслом эксперта на дачу неверных выводов, а связано с непреднамеренным неверным суждением (умозаключением) при установлении фактических данных в процессе исследования объектов и оценки результатов экспертного исследования.

В криминалистической литературе получила широкое распространение точка зрения, согласно которой все экспертные ошибки подразделяются на процессуальные, гносеологические и деятельностные [2, с. 337–339; 3].

Процессуальные ошибки выражаются в нарушении экспертом процессуальных норм и порядка исследования. Среди наиболее распространенных процессуальных ошибок можно выделить решение вопросов, выходящих за рамки компетенции эксперта, игнорирование вопросов следователя, а также использование непредусмотренных в законодательстве формулировок, объясняющих причины невозможности дать заключение, самостоятельный сбор материалов для экспертного исследования и др. [4, с. 75–80]. Как правило, такие ошибки могут быть обнаружены следователем в ходе анализа процессуальных норм, регламентирующих порядок производства экспертизы, а также путем внимательного изучения и сопоставления материалов уголовного дела, находящегося в производстве.

Гносеологические ошибки связаны с нарушениями в процессе мышления законов и правил логики, а также с искаженным представлением эксперта об отношениях между предметами объективного мира. К ним относят: ошибки восприятия, ошибки при формировании понятий, ошибки рассуждений (выводов). Ошибки восприятия могут иметь причины объективные (отсутствие разработанной или несовершенство применяемой экспертной методики, недостаточная освещенность зоны экспертного исследования, недостаточная разрешающая способность микроскопа и др.) и субъективные (работа во время болезни, дефекты зрения, дефекты в организации и планировании производства экспертизы, психологические состояния эксперта и др.). Причины ошибок при формировании понятий также разделяют на объективные (нетипичность наблюдаемых свойств и признаков исследуемых штрихов реквизитов документов; нетипичность процесса, влиявшего на эти признаки и свойства; недостаточный уровень развития судебной экспертизы, ограниченность пределов познания и т. п.) и субъективные (неопытность эксперта, недостаточная профессиональная квалификация, завышенная или заниженная самооценка собственных познаний и возможностей и др.). Ошибки рассуждений (выводов) часто обусловлены недостаточной исходной фактической базой, пренебрежением законами логики и т. п. [5].

Деятельностные ошибки связаны с осуществлением экспертами процесса изучения объектов. К ним относится: неполнота исследования, недостатки изложения фактических данных и результатов исследования, ошибки при анализе полученных данных [6, с. 143–145].

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам оценки заключения эксперта, выступающего в качестве вещественного доказательства, посвящены работы многих ученых. Среди них — А. А. Аубакирова, Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Е. И. Галяшина, Е. А. Зайцева, А. М. Зинин, Ю. Г. Корухов, Л. В. Лазарева, Н. П. Майлис, Ю. К. Орлов, Е. Р. Россинская, И. Н. Сорокотягина, А. В. Шмонин и др. В них рассмотрено понятие экспертных ошибок, приведены их виды и дана характеристика, а также способы предупреждения экспертных ошибок.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Анализ работ, посвященных рассматриваемой проблеме, показал: информация об ошибках, допускаемых экспертом, носит общий характер. В них не конкретизируются ошибки по видам судебных экспертиз, а также начинающими экспертами.

Формулирование целей статьи. Целью проведенного нами исследования явились подробный анализ заключений эксперта по результатам выполнения дактилоскопических экспертиз, выполненных экспертами-стажерами совместно с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, выявление видов ошибок, допускаемых экспертом(ами) в ходе исследования, их причин, а также разработка рекомендаций, направленных на их предупреждение.

Изложение основного материала. Следует отметить, что методика дактилоскопической экспертизы считается, на сегодняшний день, наиболее разработанной. В то же время, проведенный анализ заключений экспертов по результатам выполнения дактилоскопической экспертизы[1] показал, что экспертами не всегда соблюдаются требования процессуального характера и методик производства экспертизы. Ошибки при производстве дактилоскопической экспертизы, считаем необходимым разделить на ошибки, допущенные в ходе исследования и ошибки оформления заключения эксперта. При этом ошибки, допускаемые при исследовании объекта целесообразно дифференцировать по стадиям исследования, в которых они допущены.

В соответствии с методикой дактилоскопической экспертизы, различают четыре стадии исследования: подготовительная, аналитическая, сравнительная, оценочная. Разделение всего процесса исследования на отдельные стадии обусловлено использованием на каждом этапе исследования различных технических средств и приемов, необходимых для решения поставленной перед экспертом задачи. Проведение исследования в строгой последовательности позволяет правильно проанализировать выявленные признаки и на основе всесторонней и глубокой их оценки сформулировать выводы.

В то же время, при поступлении объектов с латентными следами рук, эксперт сначала визуально исследует объект, после чего выбирает метод выявления слабовидимых или невидимых рук. К методам выявления относится физический, химический либо физико-химический. Однако, как показывает практика, при обработке следов рук дактилоскопическими порошками экспертом в заключении не всегда указывается вид дактилоскопического порошка. Кроме того, при выявлении и фиксации следов рук, не редко применяются неэффективные средства. К примеру, для выявления следов рук на пакете, изготовленном из полимерного материала, применяются дактилоскопические порошки. Однако для данной поверхности наиболее эффективным средством являются эфиры цианакрилатов. Для обнаружения внедрившихся следов пальцев рук на документах, применяется раствор нингидрина, который видоизменяет объект исследования, что препятствует проведению иных видов экспертиз, например, технико-криминалистической экспертизы документов или почерковедческой экспертизы, а также производству дополнительных или повторных экспертиз. Для обнаружения следов кожного покрова человека на документах целесообразно применять метод электростатического репродуцирования, с использованием прибора Esda производства фирмы Foster Freeman.

После выявления следов рук эксперту необходимо осуществить фотофиксацию выявленных следов по правилам масштабной фотосъемки. Выполнение этих требований проводится в целях предупреждения возможности утраты следов рук при их изъятии. Также необходимо осуществить фотосъемку

[1] Было изучено свыше 1000 заключений эксперта по результатам производства дактилоскопической экспертизы.

откопированных на копирующие материалы, например, дактилоскопическую пленку выявленных следов, что также экспертами не всегда выполняется.

При описании следов рук на аналитической стадии, экспертами допускается неточность при определении типа и вида папиллярного узора, направление ножек петли, положения дельт, участка ладонной поверхности, которой был оставлен след, чем он оставлен (ногтевыми фалангами или ладонной поверхностью руки), не указывается положение следов рук на объекте исследования.

При описании следа пальца руки допускается неверная терминология. Например: «двойной завиток» (несуществующий тип папиллярного узора); «трехлучевое образование…» (данное понятие используется при описании следов ладоней рук и босых ног).

На стадии раздельного исследования важной задачей является определение пригодности следа для идентификации. Для определения следа пригодным для идентификации необходимо в обязательном порядке учитывать качественно-количественные характеристики. К качественным характеристикам относятся редко встречающиеся детали папиллярного узора (мостик, глазок, островок и т. д.), которые не могут видоизменяться. Определяя количественные характеристики следа необходимо учитывать качество следа. Согласно методике, если след хорошего качества (отобразились все потоки папиллярных линий, возможно определить тип и вид папиллярного узора, наличие дельт в зависимости от типа паппилярного узора и т. д.), то это не менее восьми деталей паппилярного узора; в следе плохого качества (отобразились не все потоки паппилярных линий, отсутствие определения типа и вида паппилярного узора, след отобразился не полно и не четко и т. д.) необходимо не менее десяти деталей папиллярного узора. Однако зачастую эксперты не в полной мере оценивают отобразившиеся признаки в следах рук. При формулировании промежуточных выводов о пригодности следа для идентификации допущена некорректная формулировка: «отобразившиеся в следе пальца руки, существенны, характерны и образуют индивидуальные совокупности, достаточные для…». Правильная формулировка должна звучать: «…выявленные общие и частные признаки папиллярного узора образуют индивидуальную совокупность, достаточную для признания следа пригодным для идентификации».

Также обращает на себя внимание и то, что при исследовании выявленных следов рук зачастую имеются как пригодные следы рук для идентификации личности, так и непригодные следы рук для идентификации личности. Однако в некоторых заключениях эксперта отсутствует описание непригодных для идентификации личности следов или данный факт обозначается фразой: «остальные следы рук не пригодны для идентификации». В данном случае, необходимо обосновывать, по каким критериям следы рук не пригодны для идентификации личности. При этом примерная формулировка может выглядеть следующим образом: «остальные следы рук на поверхности объекта отобразились в виде мазков, сплошных пятен, наложений следа на след, а также нечетко выраженных и малоинформативных обрывков папиллярных линий без наличия в них деталей папиллярного узора. Признаки, отобразившиеся в следе, не образуют индивидуальной совокупности, что дает основание признать эти следы непригодными для идентификации личности».

На стадии сравнительного исследования не указывается, при помощи каких технических средств проводилось исследование. Кроме того, сравниваются следы рук и отпечатки пальцев рук в дактилоскопической карте. Правильно было бы сравнивать между собой признаки папиллярных узоров, которые отобразились в следах рук и отпечатках проверяемых лиц.

Также следует отметить неточности при формулировании выводов эксперта. Так, выводы формулируются только в отношении следов рук, пригодных для идентификации личности. Правильно формулировать выводы по всем следам рук, которые представлены на исследование, в том числе и непригодным для идентификации личности. Не уточняется количество следов и на поверхности каких предметов они обнаружены («...на трех отрезках липкой ленты обнаружены восемь следов пальцев рук, пригодные для идентификации личности»); необходимо указывать размеры дактилоскопических пленок и отрезков липких лент и места, на которых обнаружены следы; не указывается наличие следов. Не указывается конкретный палец и рука, которой были оставлены следы («имеются четыре следа, пригодные для идентификации личности, оставленные А. С. Петровым»).

К нарушениям при оформлении заключения эксперта следует отнести отсутствие во вводной

части заключения эксперта даты начала и окончания проведения экспертизы; описания марки, модели технических средств, используемых при производстве экспертизы; изложение выводов эксперта на отдельном листе, что создает предпосылки для их фальсификации.

Составной частью заключения эксперта является иллюстрационная таблица, отображающая ход и результаты исследования. В то же время при ее оформлении также выявлены ошибки. К ним относятся:

- отсутствие фотоснимков объектов, представленных на исследование и масштабной линейки на иллюстрациях с разметкой частных признаков;
- плохое качество изображения фотоснимков;
- разный масштаб изображений, где производится разметка частных идентификационных признаков;
- различная нумерация совпадающих частных признаков (рекомендовано производить нумерацию частных признаков по часовой стрелке в фотоснимках исследуемых следов и отпечатков в дактилокарте проверяемого лица);
- экспертом не редко допускается ошибочная нумерация частных признаков, т. е. в исследуемом следе размечен такой признак, как «окончание», а в отпечатке пальца руки проверяемого лица, как «разветление».

Выводы из данного исследования и перспективы. Причинами ошибок, допущенных в ходе исследования и оформления полученных результатов, на наш взгляд, является, во-первых, использование текста заключения эксперта, выполненного ранее, с имеющимися ошибками, который служит в качестве шаблона для нового заключения. Это является недопустимым, поскольку при исследовании объектов, следует исходить из того, что каждый объект индивидуален по своей природе и требует применения своего комплекса методов и средств исследования, что упускается экспертами. Во-вторых, — игнорирование требований методик производства дактилоскопической экспертизы и оформления полученных результатов, положения которых подробно рассматриваются на занятиях при изучении дисциплины «Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза». В-третьих, слабая информированность экспертов о новых средствах выявления следов кожного покрова человека.

Таким образом, изложенный в данной статье перечень ошибок, допускаемых экспертами при производстве дактилоскопической экспертизы и оформлении полученных результатов, будут учитываться экспертами и будут способствовать их предупреждению.

Список источников

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Бек, 1997.

2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997.

3. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2012.

4. Комиссаров А. Ю. Проблемы предупреждения экспертных ошибок в криминалистическом исследовании письменной речи. М., 1995.

5. Попов В. Л., Лобан И. Е., Заславский Г. И. Ошибки в практике судебно-медицинского эксперта // Проблемы судебно-медицинской экспертизы в условиях реформирования вооруженных сил Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2008. С. 55–56.

6. Баринова О. А. Криминалистические исследования реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма: теоретические и прикладные аспекты. Волгоград, 2015.

References

1. Belkin R. S. Criminalistic Encyclopedia. M. : Beck, 1997.

2. Belkin R. S. Course of criminalistics. In 3 vols. Vol. 2: Private forensic theories. M. : Jurist, 1997.

3. Forensic examination: typical errors / ed. by E. R. Rossinskaya. M., 2012.

4. Komissarov A. Yu. Problems of preventing expert errors in the forensic study of written speech. M., 1995.

5. Popov V. L., Loban I. E., Zaslavsky G. I. Errors in the practice of a forensic medical expert // Problems of forensic medical examination in the conditions of reforming the armed forces of the Russian Federation and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. M., 2008. P. 55–56.

6. Barinova O. A. Forensic studies of the requisites of documents applied with modern materials letters: theoretical and applied aspects. Volgograd, 2015.

Информация об авторах

О. А. Баринова — доцент кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

В. Н. Черниговский — доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

O. A. Barinova — Associate Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

V. N. Cernigovsky — Associate Professor of the Department of Tracology and Ballistics of the Educational and Scientific Complex of Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

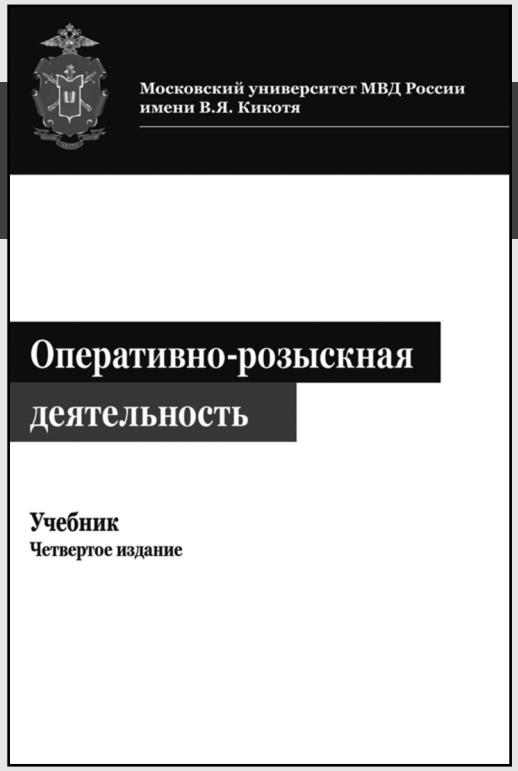
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 439 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. И. А. Климова

Изложены базовые положения теории оперативно-разыскной деятельности (ОРД) в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-разыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-разыскных мероприятий, оперативно-разыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.



Научная статья
УДК 342.951
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-44-47
NIION: 2003-0059-3/22-278
MOSURED: 77/27-003-2022-03-477

Правовые вопросы применения полицией задержания как меры государственного принуждения

Сергей Владимирович Бубнов[1], Наталья Владимировна Малахова[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] serzh.bubnov.00@inbox.ru
[2] nv_malakhova@mail.ru

Аннотация. Анализируется действующие законодательство, регулирующее применение полицией задержания как меры государственного принуждения; выделяются виды принудительного воздействия на лиц, нарушающих правопорядок. Рассматривая основания и порядок применения полицией данной меры принуждения, акцентируется внимание на недостатках правового регулирования задержания. Предлагаются возможные варианты его совершенствования.

Ключевые слова: задержание, мера государственного принуждения, административное правонарушение, уголовное преступление, сотрудники полиции, правовое регулирование, законность

Для цитирования: Бубнов С. В., Малахова Н. В. Правовые вопросы применения полицией задержания как меры государственного принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 44–47. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-44-47.

Original article

Legal issues of the use of detention by the police as a measure of state coercion

Sergey V. Bubnov[1], Natalia V. Malakhova[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] serzh.bubnov.00@inbox.ru
[2] nv_malakhova@mail.ru

Abstract. The current legislation regulating the use of detention by the police as a measure of state coercion is analyzed, the types of coercive influence on persons violating the rule of law are highlighted. Considering the grounds and procedure for the use of this coercive measure by the police, attention is focused on the shortcomings of the legal regulation of detention. Possible options for its improvement are proposed.

Keywords: detention, measure of state coercion, administrative offense, criminal offense, police officers, legal regulation, legality

For citation: Bubnov S. V., Malakhova N. V. Legal issues of the use of detention by the police as a measure of state coercion. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):44–47. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-44-47.

Полиция, охраняя закон и порядок, наделена правом применения в своей деятельности мер государственного принуждения. Правовое регулирование исполнения полномочий по реализации мер административного принуждения осуществляется Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее закон «О полиции») [4] и другими нормативными правовыми актами.

Достаточное правовое регулирование применения принудительных мер является особенно актуальным, так как любое принуждение — это вторжение в сферу прав и свобод граждан. Следует также учитывать не менее значимую сторону этой деятельности, которая заключается в соблюдении законности уполномоченными органами государственной власти (должностными лицами) при применении мер

© Бубнов С. В., Малахова Н. В., 2022

принуждения. Полное, детальное правовое регулирование разнообразных принудительных мер способствует реализации общеправового конституционного принципа законности в деятельности уполномоченных субъектов.

Вопросы применения такой меры государственного принуждения, как задержание отражены в ст. 14 закона «О полиции». Анализ указанной нормы позволяет выделить два вида задержания: задержание, осуществляемое в соответствии с законом «О полиции», и административное задержание, осуществляемое в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [3]. В свою очередь, основания для задержания в соответствии с законом «О полиции» также обусловили выделение двух видов задержания:

1) задержание лиц, совершивших уголовные преступления, или лиц, подозреваемых в совершении уголовного преступления (подп. 1, 2, 6, 7, 8, 12, 13 п. 2 ст. 14 закона «О полиции»);

2) задержание лиц по другим основаниям. Например, нарушение правил комендантского часа, совершение попытки самоубийства и др. (подп. 3, 4, 9, 10, 11 п. 2 ст. 14 закона «О полиции»).

В первом случае правовое регулирование задержания осуществляется не только законом «О полиции», но и Уголовным кодексом Российской Федерации [1], и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [2]. В необходимых случаях порядок этого вида задержания может устанавливаться иными нормативными правовыми актами [5].

Во втором случае, когда речь идет о задержании лиц по другим основаниям, кроме закона «О полиции» необходимо руководствоваться и иными законодательными актами. Например, Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», Законом Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и др.

Административному задержанию, как сказано в законе «О полиции», подвергаются физические лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении по основаниям, указанным в КоАП РФ.

Исходя из вышеизложенного и учитывая различные цели, сроки, категории лиц, подвергающихся задержанию, представляется целесообразным в законе «О полиции» классифицировать задержания по видам, сгруппировав их в зависимости от оснований применения.

Значение такой классификации обусловлено более удобным восприятием положений рассматриваемого закона сотрудниками полиции, которым они адресованы (как правило, это сотрудники патрульно-постовой службы). Быстрая сменяемость кадров, отсутствие опыта и юридического образования порой создают сложности в правильной квалификации деяний, совершаемых гражданами, а значит, могут привести к нарушениям законодательства Российской Федерации. Таким образом, возникает необходимость внесения соответствующих поправок в п. 2 ст. 14 закона «О полиции».

Следует также отметить неточность формулировки, содержащейся в подп. 5 п. 2 ст. 14 закона «О полиции», предусматривающей основание для административного задержания. Таким основанием в настоящее время является производство по делам об административных правонарушениях. Представляется, что это не совсем верно. В ряде случаев, когда протокол об административном правонарушении невозможно составить на месте совершения правонарушения, задержанию предшествует доставление физического лица в помещение органа внутренних дел. Таким образом, на момент административного задержания производство по делу об административном правонарушении еще не начато. Оно может быть начато (возбуждено) с момента составления первого протокола о применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в отношении лица, совершившего деяние, соответствующее признакам административного правонарушения. Таким протоколом, как раз, может быть протокол об административном задержании, в который вносится информация и о доставлении лица в полицию. На этом основании дело об административном правонарушении будет считаться возбужденным (п. 2 ч. 4. ст. 28.1 КоАП РФ) и, следовательно, начнется производство по делу об административном правонарушении.

В связи с этим, предлагается внести поправку в закон «О полиции» и трактовать подп. 5 п. 2 ст. 14 следующим образом: «лиц, при выявлении административного правонарушения на месте его совершения, а также лиц при производстве по делам об административных правонарушениях по основаниям,

в порядке и на срок, которые предусмотрены Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях».

Еще один вопрос, по мнению авторов, является неоднозначным и требует своего уточнения. А именно: с какого момента начинается срок задержания? Закон «О полиции» дает, казалось бы, совершенно определенный ответ на этот вопрос: «Срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица» (п. 4 ст. 14 закона «О полиции»). Представляется, что данное положение закона не отвечает в полной мере на заданный вопрос, поскольку тут же возникает другой — с какого момента начинается фактическое ограничение свободы передвижения лица? Или, иначе говоря, какие действия сотрудников полиции способствуют ограничению свободы передвижения физического лица и в каком порядке они должны совершаться?

Пытаясь понять логику создателей закона «О полиции», обратимся к п. 16 ст. 14 указанного закона, где говорится о том, что «Задержанные лица содержатся в специально отведенных для этого помещениях под охраной в условиях, исключающих угрозу их жизни и здоровью». Сопоставляя п. 4 и п. 16 ст. 14 закона «О полиции» невольно приходишь к пониманию замысла законодателя, который, видимо, заключается в том, что фактическое ограничение свободы физического лица начинается с момента водворения его в специально предназначенное для этого помещение. В ряде случаев ответ на этот вопрос практическими сотрудниками формулируются следующим образом: «Срок задержания начинается с момента составления протокола о задержании». В то же время, составлению протокола и размещению гражданина в специальном помещении для задержанных предшествует его доставление в орган внутренних дел для решения вопроса о задержании либо для установления личности (подп. 13 п. 1 ст. 13 закона «О полиции). Вряд ли можно представить, что в период доставления гражданин, руководствуясь личной необходимостью, имеет возможность следовать по своим делам. Исходя из этого следует, что доставление уже является ограничением свободы передвижения физического лица. Можно назвать еще ряд действий, ограничивающих право свободного передвижения физического лица до его водворения в специальное помещение для задержанных. Это, например, проверка документов, применение физической силы, специальных средств и др. Последние указанные действия являются специальными мерами административного принуждения, имеющими пресекательный характер и применяющимися как вынужденные меры при выявлении совершаемых правонарушений. Не вызывает сомнения, что данные действия в полной мере способствуют лишению гражданина права на свободу передвижения.

По мнению авторов, указанные доводы подтверждаются выводами Европейского суда по правам человека. Им отмечено, что «лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, предлагает оценивать их не по формальным, а по сущностным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц» [6].

Таким образом, положение, сформулированное в п. 4 ст. 14 закона «О полиции», не отвечает в должной мере на вопрос о начале срока задержания. Указанная норма требует не просто совершенствования, а достижения согласованности со ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также со ст. 22 (ч. I) Конституции Российской Федерации.

Подводя итог проведенному исследованию, следует указать на необходимость устранения неопределенностей, содержащихся в некоторых положениях Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в целях приведения их в соответствие с международными нормами, Конституцией Российской Федерации, что, безусловно, будет способствовать укреплению законности в нашем государстве.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 октября 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24 августа 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 «Об утверждении наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» (ред. от 6 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2017 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина В. И. Сергиенко» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 4.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (ed. dated July 1, 2021) // SPS «ConsultantPlus».

2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on July 1, 2021) // SPS «ConsultantPlus».

3. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on July 1, 2021) (with amendments. and add., intro. effective from October 1, 2021) // SPS «ConsultantPlus».

4. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police» (with amendments and additions, intro. effective from August 24, 2021) // SPS «ConsultantPlus».

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 389 dated April 30, 2012 «On approval of the instruction on the procedure for the performance of duties and the exercise of police rights in the duty station of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia after the delivery of citizens» (ed. dated July 6, 2020) // SPS «ConsultantPlus».

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 17, 2017 G. No. 8-P «In the case of checking the constitutionality of the provision of paragraph 13 of part 1 of Article 13 of the Federal Law «On Police» in connection with the complaint of citizen V. I. Sergienko» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2017. № 4.

Информация об авторах

С. В. Бубнов — доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Н. В. Малахова — доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. V. Bubnov — Associate Professor of the Department of Administrative Activity of the Department of Internal Affairs of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

N. V. Malakhova — Associate Professor of the Department of Administrative Activity of the Department of Internal Affairs of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-48-53
NIION: 2003-0059-3/22-279
MOSURED: 77/27-003-2022-03-478

Дети и молодежь как объект киберэкстремизма

Василий Васильевич Бычков
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия,
bychkov_vasilij@bk.ru

Аннотация. Приводятся результаты анонимного анкетирования школьников, студентов гражданских вузов, кадетов и курсантов вузов в системе МВД России и СК России, проведенного Московской академией Следственного комитета Российской Федерации в рамках научного исследования по теме «Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета». Определена степень компьютерной грамотности детей и молодежи. Проанализировано влияние киберэкстремистов на опрошенных, их возможность вовлечения в деяния экстремистского характера и отношение к экстремистским деяниям, совершаемым с использованием Интернета и мобильной телефонии. Сформулированы меры профилактики молодежного экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, преступления экстремистской направленности, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, компьютер, мобильная телефония, школьники, кадеты, студенты, курсанты, опрос, анкетирование, профилактика, меры предупреждения

Для цитирования: Бычков В. В. Дети и молодежь как объект киберэкстремизма // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 48–53. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-48-53.

Original article

Children and youth as an object of cyber extremism

Vasily V. Bychkov
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia,
bychkov_vasilij@bk.ru

Abstract. The results of an anonymous survey of schoolchildren, students of civil universities, cadets and cadets of universities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the IC of Russia conducted by the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation as part of a scientific study on the topic «Countering extremist crimes committed using information and telecommunications networks, including the Internet» are presented. The degree of computer literacy of children and youth is determined. The influence of cyber-extremists on the respondents, their possibility of involvement in acts of an extremist nature and attitude to extremist acts committed using the Internet and mobile telephony are analyzed. Measures for the prevention of youth extremism are formulated.

Keywords: extremism, youth extremism, extremist crimes, information and telecommunication networks, Internet, computer, mobile telephony, schoolchildren, cadets, students, cadets, survey, questionnaire, prevention, preventive measures

For citation: Bychkov V. V. Children and youth as an object of cyber extremism. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):48–53. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-48-53.

В Российской Федерации с начала XXI в. фиксируется усиление экстремистских проявлений. С 2004 по 2017 гг. количество преступлений экстремисткой направленности увеличилось почти в 12 раз — со 130 до 1521[1]. В 2018 г. было отмечено некоторое снижение — до 1265, а в 2019 г. этот показатель еще больше сократился, в связи с декриминализацией впервые совершенных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, — до 585. Однако последние годы

[1] Здесь и далее информация с официального сайта МВД России // URL://https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics.

© Бычков В. В., 2022

опять фиксируется тенденция увеличения количества этих преступлений: если в 2020 г. было зафиксировано 833 преступления [4], то в 2021 г. — уже 1057.

В последние годы отмечается резкий рост совершения преступлений данного вида с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет и мобильной телефонии [5].

В стране в результате всеобщей компьютеризации на начало 2021 г. количество интернет-пользователей составило 124 млн (118 на начало 2020 г.) или 86 % граждан[2]. При этом численность аудитории социальных сетей составила 99 млн пользователей (70 на начало 2020 г.) — 53 % от всего населения страны. В январе 2021 г. насчитывалось 228,6 млн мобильных устройств с выходом в Интернет. Количество мобильных подключений по отношению к общей численности населения России составило 156,7 %. При этом у многих людей более одного мобильного устройства с выходом в Интернет, поэтому количество мобильных подключений может превышать 100 % от общей численности населения.

Цифровизация населения привела к быстрому росту преступности с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий. Если в 2017 г. было отмечено 90,587 преступлений данного вида, то в следующем, 2018 г. — уже 174,674 (рост 92,8 %), в 2019 г. — 294,409 (увеличение на 68,5 %), в 2020 г. — 510,396 (+42,4 %), в 2021 г. — 517,722 (+1,4 %); т. е., за пять лет произошел рост преступности данного вида более чем в пять раз. Растет и количество выявленных лиц, совершивших данные преступления: в 2018 г. — 24 002 человек, в 2019 г. — 44 148 (рост 84 %), в 2020 г. — 65,665 (+48,7 %), в 2021 г. — уже 86,696.

К сожалению, противодействие экстремистским проявлениям до настоящего времени остается неэффективным. А в последние годы сложность борьбы с данным явлением усугубляется все большим вовлечением в эту противоправную деятельность детей[3] и молодежи[4], при этом с использованием экстремистами Интернета и мобильной телефонии.

Ни у кого не вызывает сомнения, что эффективность противодействия экстремизму и, в частности, преступлениям экстремистской направленности, повысится в случае устранения подпитывающей их базы из числа подростков и молодежи [2; 10; 7; 1, с. 147; 8; 9].

Одной из целей молодежной политики является формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям[5].

При этом для достижения целей государственной молодежной политики необходимо решить приоритетные задачи по системной поддержке программ и проектов, направленных на формирование активной гражданской позиции молодых граждан, национально-государственной идентичности, воспитание уважения к представителям различных этносов, укрепление нравственных ценностей, профилактику экстремизма, взаимодействие с молодежными субкультурами и неформальными движениями; по созданию условий для повышения культуры информационной безопасности в молодежной среде как эффективного инструмента профилактики экстремизма, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным и другим признакам[6].

А одним из основных направлений реализации молодежной политики является обеспечение межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде, профилактика и предупреждение проявлений экстремизма в деятельности молодежных объединений[7].

Выработка мер профилактики детско-молодежного экстремизма будет более плодотворна, если основана на анализе владения детьми и молодыми людьми информации в данной сфере.

В рамках научного исследования по теме «Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета», проводимого Московской академией

---

[2] Здесь и далее: Интернет и соцсети в России в 2021 г. — вся статистика // URL://https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika.

[3] Социально-демографическая группа лиц в возрасте до 14 лет (Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденные распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7185).

[4] Молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (п. 1 ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28).

[5] Пункт 5 ст. 4 Закона о молодежной политике.

[6] Основы государственной молодежной политики.

[7] Пункт 2 ст. 6 Закона о молодежной политике.

Следственного комитета Российской Федерации, осуществлено анонимное анкетирование детей и молодежи страны.

В анкетировании приняли участие 1206 детей и молодых людей: школьники, с 4 (10–11 лет) по 11 класс, студенты гражданских вузов, кадеты и курсанты вузов МВД и СК России из городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Сочи, Екатеринбурга, Челябинска, Оренбурга, Новосибирска, Хабаровска.

В возрастном отношении: до 14 лет — 5 %, от 15 до 18 лет — 40 %, от 19 до 25 лет — 54 %, свыше 25 лет — 1 %. Из которых: школьники — 5 %, кадеты — 25 %, студенты гражданских вузов — 26 % и курсанты правоохранительных вузов — 44 %. Школьники: 5 класс — 5 %, 6 — 0,5 %, 7 — 2,5 %, 8 — 9 %, 9 — 15 %, 10 — 29 %, 11 класс — 39 %. Студенты и курсанты: 1 курс — 21 %, 2 — 31 %, 3 — 22 %, 4 — 16 %, 5 курс — 10 %.

Почти у всех опрошенных детей и молодых людей имеется в наличии компьютер (92 %). При этом подавляющее большинство из опрошенных не умеют составлять компьютерные программы (85 %), а компьютер используется в основном для учебы (95 %) и поиска информации (89 %). Чуть больше половины опрошенных используют его для отправки–получения информации и материалов на электронную почту (67 %) и переписки (с друзьями, одноклассниками, одногруппниками и др. — 62 %). Менее половины — для заказов (товаров, продуктов, услуг — 43 %) и игр (39 %).

Больше трети знают, что такое информационно-телекоммуникационные сети (79 %) и свой мобильный телефон используют как компьютер (77 %).

Большинство знают, что такое поисковые системы, социальные сети и мессенджеры, умело ориентируются в них.

Чаще всего используются поисковые системы: Яндекс (89 %) и Google (85 %). Незначительным количеством опрошенных используются и другие системы: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (19 %), Поиск@Mail.ru (13 %), Академия Google (Google scholar) (4 %) и Yahoo! (2 %).

Такими же поисковыми системами, со слов опрошенных, пользуются их друзья (одноклассники, однокурсники): Google (72 %), Яндекс (71 %), Поиск@Mail.ru (6 %), Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (4,5 %), Академия Google (Google scholar) (2 %) и Yahoo! (1,5 %).

В ходе пользования компьютеров чаще всего обращаются к следующим иностранным социальным сетям: WhatsApp (91 %), YouTube (87 %), Instagram (79 %), TikTok (52 %), Facebook (16,5 %), Twitter (14,5 %), Facebook Messenger (4 %) и Weixin/WeChat (1,5 %).

Таким же иностранным социальным сетям, со слов опрошенных, отдают предпочтение их друзья (одноклассники, однокурсники) с небольшой разницей: Instagram (74 %), YouTube (73,5 %), WhatsApp (65 %), TikTok (59,5 %), Facebook (16 %), Twitter (12,5 %) и Facebook Messenger (4 %).

Из отечественных чаще используют социальную сеть ВКонтакте (Vkontakte.ru, vk.com) — 95 % и незначительно: Одноклассники (odnoklassniki.ru) — 8 %, МойМир@Mail.ru — 8 % и MoiKrug (Яндекс) — 2 %.

Аналогичная картина по пользованию отечественными социальными сетями их друзей (одноклассников, однокурсников) — ВКонтакте (Vkontakte.ru, vk.com) — 86 %, Одноклассники (odnoklassniki.ru) — 8 %, МойМир@Mail.ru — 4 % и MoiKrug (Яндекс) — 1,5 %.

Относительно мессенджеров в подавляющем большинстве дети и молодежь используют WhatsApp (92 %), несколько больше половины пользуются Telegram (67 %), треть опрошенных — Viber (26,5 %) и незначительное количество — Skype (10 %), Facebook Messenger (4 %), Mail.Ru Агент (3,5 %) и Яндекс.Мессенджер (3 %).

Аналогичное соотношение по использованию мессенджеров их друзьями (одноклассниками, однокурсниками): WhatsApp (74 %), Telegram (66 %), Viber (27 %), Skype (10 %), Facebook Messenger (3,5 %), Яндекс.Мессенджер (2,5 %), Mail.Ru Агент (1,5 %).

Большинство опрошенных (87 %) обсуждают со своими друзьями (одноклассниками, однокурсниками) в социальных сетях и на мессенджерах какую-либо информацию.

Почти две трети опрошенных (70 %) знают, что такое «протестная акция».

Подавляющее большинство (93,5 %) заявили, что не приглашались через социальную сеть или мессенджер принять участие в протестной акции.

Однако нашлись и такие, которые признались, что их приглашали на собрания (3 %), митинги (2,5 %), флешмобы (2,5 %), просто выйти вместе с другими на улицу в определенные время и место (3 %), и даже принять участие в забастовке (0,6 %), массовых бес-

порядках (0,6 %), голодовке (0,5 %), бойкоте (0,3 %), перекрытии дорог (0,3 %) и захвате зданий (0,2 %).

Небольшая часть призналась, что участвовали в протестных акциях: митинге (1,2 %), флешмобе (0,9 %), собрании (0,7 %), демонстрации (0,6 %), шествии (0,5 %), забастовке (0,3 %), массовых беспорядках (0,3 %), бойкоте (0,2 %), голодовке (0,2 %), перекрытии дорог (0,2 %), захвате зданий (0,2 %).

Причем были и такие, которые признались, что в ходе протестных акций совершали противоправные действия (0,5 %).

Почти все опрошенные дети и молодые люди ориентируются в понятиях «политика» (98 %), «раса» (97 %), «идеология» (95 %), «национализм» (97 %), «религия» (99 %), «социальная группа» (98 %). При этом некоторые имели конфликты с представителями социальных групп: учителями (преподавателями) (4,5 %), малолетними (4 %), пенсионерами (3 %), медицинскими работниками (2,5 %), лицами без определенного места жительства (БОМЖами) — 2,5 % и полицейскими (1 %).

Большинство детей и молодых людей знают, что такое «экстремизм» (94 %) и понимают сущность экстремистского преступления (90 %). При этом знают, что экстремистские преступления могут совершаться с использованием Интернета и мобильных телефонов (87,5 %).

Понимают, что такое экстремистская ненависть и вражда (80 %), при этом различают ненависть и вражду: политическую (89 %), расовую (92,5 %), идеологическую (86 %), национальную (91 %), религиозную (91,5 %), в отношении социальных групп (89,5 %), а также понимают термин «молодежный экстремизм» (79 %).

Небольшое количество опрошенных испытало на себе экстремистские проявления (7 %), а с их слов такое испытали 4,5 % их родственников (друзей, одноклассников, одногруппников).

Около трети опрошенных встречали в социальных сетях или мессенджерах информацию об экстремизме: политическом (29 %), идеологическом (25 %), расистском (32,5 %), национальном (28,5 %), религиозном (26,5 %), в отношении какой-либо социальной группы (25 %).

Причем две трети опрошенных (75 %) игнорируют информацию экстремистского характера, полученную в социальных сетях или мессенджерах, 16 % стремятся узнать детали для выработки собственного мнения, а 5 % воспринимают информацию как фейк. Только 10 % опрошенных обсуждают со своими друзьями (одноклассниками, одногруппниками) в социальных сетях и на мессенджерах информацию об экстремизме.

Таким образом, анонимный опрос школьников и кадетов, студентов и курсантов свидетельствует, что почти все не просто имеют в личном пользовании электронно-вычислительную технику, т. е. компьютеры и мобильные телефоны, но и умело используют ее, при этом опрошенные не только знают, что такое информационно-телекоммуникационные сети, но и прекрасно ориентируются в поисковых системах, социальных сетях и мессенджерах, используя их и для общения, и для получения информации.

Почти все опрошенные дети и молодые люди ориентируются в социально-правовых понятиях «политика», «раса», «идеология», «национализм», «религия», «социальная группа», «экстремизм», «молодежный экстремизм» и понимают сущность экстремистского преступления и различают ненависть и вражду: политическую, расовую, идеологическую, национальную, религиозную, в отношении социальных групп.

При этом опрос показал, что опрошенные не только сталкиваются с информацией экстремистского характера, но подвергаются воздействию с целью их вовлечения в противоправные действия, от незаконных акций протеста [6] до участия в массовых беспорядках [3]. Подавляющее большинство детей и молодых людей, понимая противоправность акций, отказывалось от участия в них. Можно утверждать, что правдивость опрошенных подтверждается их полной анонимностью. Тем более, что незначительная часть опрошенных призналась, что не только откликнулась на призывы и участвовала в незаконных мероприятиях, но и совершали противоправные действия.

В заключении необходимо акцентировать, что и ребенок, и молодой человек — это личность свободолюбивая, со своим эго[8], и чем старше, тем труднее воздействовать на нее. Любые необъяснимые запреты для них, например, пользоваться иностранными поисковыми системами, социальными сетями

[8] Эго — согласно психоаналитической теории, часть человеческой личности, которая осознается как «Я» и находится в контакте с окружающим миром посредством восприятия.

и мессенджерами, или введение тотального контроля или цензуры, могут не только пробудить в них нигилизм[9], но подвести к активному воспрепятствованию антиэкстремистской пропаганде и даже толкнуть в ряды экстремистов.

В ходе опроса сверх ответов высказывалось возмущение, что «взрослые» считают молодежь глупой, и «ее следует как малое дитя вести за ручку и показывать пальцем на что смотреть и что делать». При этом молодые люди согласны с тем, чтобы их учили старшие, «но к этому процессу им стоит подходить аккуратно, ведь надави они на молодежь чуть сильнее чем нужно в нравоучении или введи они цензуру и контроль, то молодежь тут же решит, что ее хотят подчинить чужой воле и навязать мнение, а так как молодежь очень свободолюбива, то она может воспринять эти указания в негативном ключе и начнет активно препятствовать пропаганде всего хорошего и поддерживать все плохое на зло обидчикам».

По мнению опрошенных детей и молодых людей, наиболее эффективна профилактика молодежного экстремизма в следующих мероприятиях:

- проведение педагогических советов, классных часов и родительских собраний с приглашением сотрудников правоохранительных органов, на которых разъясняются меры ответственности родителей и детей за правонарушения экстремистской направленности (52 %);
- пропаганда среди молодежи здорового и культурного образа жизни (41 %);
- создание условий для снижения агрессии, напряженности у несовершеннолетних (45,5 %);
- обучение несовершеннолетних в плане уважения достоинств каждого человека (43,5 %);
- развитие толерантности у несовершеннолетних, повышение их социальной компетентности (43 %);
- проведение мероприятий по патриотическому и нравственному воспитанию несовершеннолетних (37,5 %);
- снижение у несовершеннолетних предубеждений и стереотипов в сфере межличностного общения (36 %);
- информирование молодежи об экстремизме через средства массовой информации (34,5 %);
- контроль посещения несовершеннолетними сайтов Интернета (34, 5%);
- введение цензуры (31,5 %).

Кроме того, меньше трети опрошенных предложили следующие меры профилактики молодежного экстремизма:

- переход на отечественные социальные сети и мессенджеры;
- обнаружение данной пропаганды в социальных сетях и мессенджерах с последующим ее удалением оттуда;
- бороться с источниками, а не ограничивать людей;
- воспитание детей родителями;
- воспитание в несовершеннолетних добра, патриотизма, уважения к другим и к старшим;
- создание условий для снижения агрессии, напряженности у молодежи;
- учить мыслить критически, анализировать получаемую информацию, а также развивать способность мыслить самостоятельно;
- блокировать экстремистскую информацию;
- выявление и устранение лиц, которые пытаются оказать влияние на молодежь
- развивать уголовное законодательство в сфере экстремизма;
- работа с детьми, проведение профилактических мероприятий, работа психологов с молодежью.

Список источников

1. Бочкарева Е. В. Распространение криминальной антикультуры в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 144–150.

2. Багмет А. М., Бычков В. В. и др. Молодежный экстремизм. Понятие и противодействие: учеб. пособие / под ред. А. М. Багмета. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020.

3. Багмет А. М., Бычков В. В. Расследование массовых беспорядков, в том числе с участием несовершеннолетних, и вовлечения в них несовершеннолетних: учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

4. Бычков В. В. Идентификация признаков и расследование преступлений экстремистского характера: моногр. М. : Московская академия СК России, 2020.

[9] Нигилизм — философия, которая ставит под сомнение (в крайней своей форме — абсолютно отрицает) общепринятые ценности, идеалы, нормы нравственности, культуры или фундаментальные понятия, такие как знание, существование и смысл жизни.

5. Бычков В. В. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений экстремисткой направленности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3. С. 43–46.

6. Бычков В. В. Протестные акции как форма проявления экстремизма // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 4. С. 57–62.

7. Мусаелян М. Ф. О личности экстремиста // Военно-юридический журнал. 2010. № 2. С. 20–23.

8. Нечевин Д. К., Колодкин Л. М. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 53–60.

9. Ситникова М. П. Криминологическая характеристика личности преступника в сфере экстремистской деятельности молодежи // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 84–92.

10. Фридинский С. Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юридический мир. 2008. № 6. С. 23–25.

References

1. Bochkareva E. V. The spread of criminal anti-culture in the youth environment // Actual problems of Russian law. 2019. No. 8. P. 144–150.

2. Bagmet A. M., Bychkov V. V. et al. Youth extremism. Concept and counteraction: studies. manual / edited by A. M. Bagmet. M. : UNITY-DANA, 2020.

3. Bagmet A. M., Bychkov V. V. Investigation of mass riots, including with the participation of minors, and the involvement of minors in them: studies. manual. M. : UNITY-DANA, 2021.

4. Bychkov V. V. Identification of signs and investigation of extremist crimes: monograph. M. : Moscow Academy of the IC of Russia, 2020.

5. Bychkov V. V. Information and telecommunication networks as a means of committing extremist crimes // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2020. No. 3. P. 43–46.

6. Bychkov V. V. Protest actions as a form of extremism // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russia. 2021. No. 4. P. 57–62.

7. Musaelyan M. F. On the identity of an extremist // Military Law Journal. 2010. No. 2. P. 20–23.

8. Nechevin D. K., Kolodkin L. M. Youth extremism and preventive possibilities of ethics of nonviolence // Administrative law and process. 2019. No. 7. P. 53–60.

9. Sitnikova M. P. Criminological characteristics of a criminal's personality in the sphere of extremist activity of youth // Russian Legal Journal. 2018. No. 1. P. 84–92.

10. Fridinsky S. N. Youth extremism as a particularly dangerous form of manifestation of extremist activity // Legal World. 2008. No. 6. P. 23–25.

Информация об авторе

В. В. Бычков — декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Bychkov — Dean of the Faculty of Advanced Training of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 34.01
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-54-56
NIION: 2003-0059-3/22-280
MOSURED: 77/27-003-2022-03-479

Влияние родоплеменного хозяйствования на гендерную спецификацию социального регулирования

Сергей Николаевич Грошев
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблематика влияния родоплеменного хозяйствования на гендерную спецификацию социального регулирования. С помощью диалектического, логического и исторического методов показана динамика развития правового положения мужчин в хозяйственной и брачно-семейной сфере. В исследовании использованы археологические и палеодемографические данные для анализа правового статуса мужской гендерной группы в примитивном социуме.

Ключевые слова: родоплеменной строй, гендерная спецификация, примитивное хозяйствование, правовой статус мужчин, охота, собирательство, скотоводство, земледелие

Для цитирования: Грошев С. Н. Влияние родоплеменного хозяйствования на гендерную спецификацию социального регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 54–56. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-54-56.

Original article

The influence of tribal management on the gender specification of social regulation

Sergey N. Groshev
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The problems of the influence of tribal management on the gender specification of social regulation are touched upon. With the help of dialectical, logical and historical methods, the dynamics of the development of the legal status of men in the economic and marital-family sphere is shown. The study uses archaeological and paleogeographic data to analyze the legal status of the male gender group in primitive society.

Keywords: tribal system, gender specification, primitive management, legal status of men, hunting, gathering, cattle breeding, agriculture

For citation: Groshev S. N. The influence of tribal management on the gender specification of social regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):54–56. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-54-56.

Исследование проблематики гендерной спецификации в период доминирования примитивного хозяйствования обладает достаточной актуальностью в связи с тем, что затрагивает аспект социального регулирования в сфере гендерных взаимоотношений. Анализ истоков современных социальных связей в кластере гендерных правоотношений позволит выработать четкую политику правового регулирования юридического статуса гендерных групп в различных отраслях законодательства.

На заре человеческой цивилизации в хозяйственной сфере возникали амбивалентные процессы, связанные с гендерной спецификацией, которая предопределяла правовое положение гендерных групп и значимость мужчин и женщин в различных вопросах, связанных с выживанием и построением определенной модели социума.

Примитивные общности людей поэтапно проходили следующие стадии хозяйствования:

- охота и собирательство;
- скотоводство;
- земледелие.

Примечательно, что переход на новую парадигму хозяйствования не означал полного отмирания пре-

© Грошев С. Н., 2022

дыдущей экономической парадигмы, нередко оставаясь факультативной формой получения необходимых для выживания ресурсов. В зависимости от хозяйственного дрейфа менялась и структура гендерных взаимоотношений в социуме, которая впоследствии сформировала определенные правовые установки на роль мужчины и женщины в том или ином обществе.

Ведя речь о народах, занимавшихся охотой и собирательством, необходимо отметить, что гендерная спецификация указанных общностей характеризовалась паритетом правового положения мужчин и женщин. Каждая гендерная группа выполняла важные экономико-хозяйственные функции, необходимые для успешного выживания.

Народы, практиковавшие охоту и собирательство, находились в равновесии с окружающей природной средой, занимая определенную биологическую нишу в биоценозе. Социокультурные традиции влияли на развитие силы и выносливости у мужчин, культивируя у юношей высокий болевой порог. Указанные процессы отображались в различном табуировании и процедурах инициации подростков мужского пола. Женщины в этих социумах занимались преимущественно собирательством и ведением домашнего хозяйства, что выражалось в развитии типичных женских качеств: усидчивости и внимательности.

Вследствие особенностей мужского и женского организмов женщины преуспевали преимущественно в собирательстве, а мужчины в охоте. Действительно, для мужчины как генетического охотника свойственны тоннельное зрение, сила, ловкость, определенная терпимость к болевым ощущениям. В свою очередь, для женщины как природного собирателя характерны внимание к мелочам, развитие бокового зрения, нетерпимость к боли как к важному фактору определения съедобности продукта.

Примечательно, что у племен, практиковавших охоту и собирательство, культ деторождения не был развит, как, например, у земледельцев, так как ресурсы охотничьих угодий обычно характеризовались стабильным дефицитом и не предусматривали существенный рост человеческой популяции [6]. Нередко указанные общности практиковали инфантицид и геронтоцид в целях снижения численности племени за счет убийства неспособных обеспечить себя пропитанием членов [2]. Кроме того, археология и палеодемография убедительно демонстрируют высокий коэффициент детской смертности у охотничьих племен, с одной стороны, и стабильную жизнеспособность взрослого населения, с другой [7].

В аспекте гендерной спецификации племена охотников и собирателей нередко характеризуются социально-культурной амбивалентностью, когда рождение мальчика считалось благоприятным исходом беременности, параллельно с высоким статусом женщины, если наблюдался групповой брак и в племени не существовало фигуры индивидуально-определенного отца [5]. Процессы реципроктности и редистрибуции кардинальным образом вмешивались в эволюцию отцовского права, так или иначе закрепляя матриархальные взаимоотношения в социуме [6].

Тем не менее, в случае допустимости физического выживания отдельной семьи, физиологические качества мужчин формировали матримониальные отношения, построенные на патриархате и дискриминации женской гендерной группы по половому признаку.

Анализируя гендерную спецификацию пастушеских племен, необходимо отметить, что социальная регуляция в указанном направлении проистекала из самой формы примитивного животноводства. Женская гендерная группа в племенах скотоводов-кочевников находилась в плоскости помощников в домашнем хозяйстве, а мужчина обладал статусом главного добытчика. Таким образом, правовой статус женщины в социуме примитивных скотоводов попадал в зависимость от ее роли в технологическом процессе переработки животноводческой продукции. Тем не менее, пастушеские племена нередко демонстрируют нам прецеденты вхождения женщин в элитарные слои общества [4].

Реципроктность и редистрибуция еще имеют место в общностях, занимавшихся примитивным животноводством, однако матримониальные связи этих социумов уже находятся в плоскости индивидуального брака, с ярко выраженными патриархальными свойствами, допускающими многоженство, которое, так или иначе, дискриминировало женщин в брачно-семейной сфере.

Исследуя социальную регуляцию гендерного кластера земледельческих народов, стоит отметить, что статус женщин в подобных социумах был достаточно высок по причине олицетворения детородной функции женщины с плодородием. Тем не менее, тяжелый монотонный труд, выступающий естественным следствием земледельческой хозяйственной парадигмы, а также высокая агрессивность земледельческих народов, которым вследствие быстрого истощения почвы приходилось стабильно менять ареал обитания, провоцировали повышение правового статуса мужской гендерной группы и некоторую дискриминацию женщин [3].

Хозяйственный кластер человеческих коллективов, которые занимались примитивным земледелием,

нередко был конвергирован с охотничьим промыслом, собирательством, скотоводством и систематическими миграциями, которые сопровождались геноцидом коренного населения на захваченных территориях. Указанные процессы оказывали существенное влияние на матримониальные отношения в обществе, которые обладали амбивалентным свойством паритета правового статуса гендерных групп. В качестве примера можно привести уклад древних германцев времен Тацита, когда примитивное земледелие сосуществовало параллельно с охотой и скотоводством, а многоженство в древнегерманском социуме не получило широкого распространения. В обществе древних германцев разводы воспрещались, а женский промискуитет жестоко наказывался, факультативно налагая санкции и на мужчину, которого уличили в преступной сексуальной связи с замужней женщиной [1, с. 252].

В заключение необходимо отметить, что влияние родоплеменного хозяйствования на гендерную спецификацию социального регулирования осуществлялось в плоскости смены парадигмы экономико-хозяйственных отношений, а поэтапный рост правового статуса мужчин был связан со сменой системы хозяйствования в примитивных социумах. Первоначальный паритет гендерных групп постепенно сменяется доминированием мужской гендерной группы, приводя общество к патриархальным свойствам в матримониальных социальных связях.

Список источников

1. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. В 7 т. Т. I. 2-е изд. стер. СПб., 2006.

2. Нальчикова Е. Генезис феномена «добровольной смерти»: миф и традиция // Власть. 2007. Вып. 8. С. 71–73.

3. Станислав В. Д. Социальные факторы антропогенеза // URL://https://antropogenez.ru/zveno-single/431/

4. Тишин В. В., Серегин Н. Н. Положение женщины в древнетюркском обществе // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. С. 109–127.

5. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / под ред. Е. Фрей. М. : АСТ, 2019.

6. Хейден Б. Контроль численности населения среди охотников–собирателей. Т. 4 // Мировая археология. 1972. Вып. 2. С. 205–221.

7. Гурвен М., Каплан Х. Долголетие среди охотников–собирателей: Кросс-культурное исследование. Т. 33 // Обзор народонаселения и развития. 2007. Вып. 2. С. 321–365.

8. Шпильман К. А. Обзор: диетические ограничения для женщин–охотников–собирателей и последствия для фертильности и детской смертности. Т. 17 // Экология человека. 1989. Вып. 3. С. 321–345.

References

1. Gibbon E. The history of the decline and destruction of the Roman Empire. In 7 vols. T. I. 2nd ed. SPb., 2006.

2. Nalchikova E. Genesis of the phenomenon of «voluntary death»: myth and tradition // Power. 2007. Issue 8. P. 71–73.

3. Stanislav V. D. Social factors of anthropogenesis // URL://https://antropogenez.ru/zveno-single/431/

4. Tishin V. V., Seregin N. N. The position of women in ancient Turkic society // Historical psychology and sociology of history. 2015. No. 1. P. 109–127.

5. Engels F. The origin of the family, private property and the state / ed. by E. Frey. M. : AST, 2019.

6. Hayden B. Population control among hunter–gatherers. Vol. 4 // World Archeology. 1972. Issue. 2. P. 205–221.

7. Gurven M., Kaplan H. Longevity among hunter–gatherers: A cross-cultural study. Vol. 33 // Review of population and development. 2007. Issue. 2. P. 321–365.

8. Shpilman K. A. Review: dietary restrictions for female hunter–gatherers and consequences for fertility and infant mortality. Vol. 17 // Human ecology. 1989. Issue 3. P. 321–345.

Информация об авторе

С. Н. Грошев — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Groshev — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 23.05.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 23.05.2022.

Научная статья
УДК 342
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-57-60
NIION: 2003-0059-3/22-281
MOSURED: 77/27-003-2022-03-480

Взаимоотношения прокуратуры и президентской власти в системе разделения властей Российской Федерации

Мевлуд Демуралович Давитадзе[1], Анастасия Васильевна Сатышева[2]
[1] Одинцовский филиал МГИМО (У) МИД России, Одинцово, Россия, md2063@mail.ru
[2] Московский университет имени С. Ю. Витте, Москва, Россия, nastyasatysh95@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимоотношения прокуратуры и президентской власти в системе разделения властей Российской Федерации, а также роль прокуратуры в построении правового государства и место гражданского общества в деятельности органов прокуратуры. Особое внимание уделено вопросам взаимодействия института президента и прокуратуры.

Ключевые слова: основы конституционного строя, институт президента и прокуратуры, принцип разделения властей, взаимодействие института президента и прокуратуры

Для цитирования: Давитадзе М. Д., Сатышева А. В. Взаимоотношения прокуратуры и президентской власти в системе разделения властей Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 57–60. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-57-60.

Original article

The relationship between the prosecutor's office and the presidential power in the system of separation of powers of the Russian Federation

Mevlud D. Davitadze[1], Anastasia V. Satysheva[2]
[1] Odintsovo Branch of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Odintsovo, Russia, md2063@mail.ru
[2] Moscow University named after S. Yu. Witte, Moscow, Russia, nastyasatysh95@mail.ru

Abstract. The issues of the relationship between the prosecutor's office and the presidential power in the system of separation of powers of the Russian Federation, as well as the role of the prosecutor's office in building the rule of law and the place of civil society in the activities of the prosecutor's office are considered. Special attention is paid to the issues of interaction between the Institute of the President and the Prosecutor's Office.

Keywords: fundamentals of the constitutional system, the institute of the President and the Prosecutor's office, the principle of separation of powers, the interaction of the institute of the President and the Prosecutor's office

For citation: Davitadze M. D., Satysheva A. V. The relationship between the prosecutor's office and the presidential power in the system of separation of powers of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):57–60. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-57-60.

К основам конституционного строя относится принцип разделения властей. В соответствии с ним власть не должна быть сосредоточена в руках одного лица или одного органа, а должна быть рассредоточена между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Принцип разделения властей требует строгого разграничения их компетенции, наличия системы сдержек и противовесов, с помощью которых каждая ветвь власти может ограничивать другие [1].

В науке конституционного права высказывается мнение о том, что прокуратура является правовым механизмом реализации полномочий Президента Российской Федерации. В качестве аргументов сто-

© Давитадзе М. Д., Сатышева А. В., 2022

ронники этой точки зрения выдвигают конституционные положения, касающиеся правового статуса Президента РФ [5]. Президент РФ является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, охраняет суверенитет, независимость и государственную целостность России, обеспечивает функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Эти направления в деятельности Президента РФ согласуются с назначением прокурорской системы.

Главенствующую роль в государственно-властной системе играет Президент. Конституционно-правовой статус главы государства предопределяет объем его полномочий по обеспечению единства и устойчивости системы государственной власти, ее эффективного функционирования в условиях разделения на три самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Президент должен обеспечить положение, при котором все органы государственной власти выполняют свои конституционные обязанности в пределах своей компетенции.

Активная координирующая роль Президента находит воплощение как в системе сдержек и противовесов, обеспечивающих баланс полномочий органов государственной власти федерального уровня, так и в отношениях между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации. Будучи юридически дистанцирован от всех ветвей власти, Президент участвует в нормотворчестве, управляет, разрешает споры, осуществляет функции конституционного контроля. Порядок и механизм реализации этих полномочий Президента конкретизированы в федеральных конституционных законах и федеральных законах.

Особенностью взаимоотношений органов прокуратуры со структурами президентской власти является осуществление прокурорами координации деятельности по борьбе с преступностью правоохранительных органов, в том числе тех, которые находятся в непосредственном ведении Президента РФ (ст. 8 Закона о прокуратуре и Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утв. данное Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567).

В контексте этих отношений прокуратура по уполномочию Президента РФ вовлекает в правоохранительный процесс также органы вневедомственного контроля, иные органы исполнительной власти, побуждает их при необходимости к принятию мер по обеспечению законности и правопорядка, устранению обстоятельств, способствующих нарушениям законов в контролируемой ими сфере правовых отношений.

Всей своей деятельностью прокуратура содействует Президенту РФ в реальном утверждении в практике государственного строительства и функционирования институтов власти принципа «разделения властей» и обеспечении согласованности, единства всех ветвей власти как «по горизонтали», так и «по вертикали» между органами Российской Федерации и ее субъектов, а также с органами местного самоуправления.

Оценивая состояние и перспективы взаимоотношений прокуратуры с Президентом РФ, следует отметить, что уже сложились и продолжают складываться действенные формы ее организации и функциональных связей с Президентом страны, а также структурными подразделениями его администрации. Так, Президент РФ определяет основные направления правовой политики, проводимой государством, является центральной фигурой при утверждении и реализации государственно-правовой, судебно-правовой реформ, общероссийских программ по борьбе с преступностью и других основополагающих нормативных правовых документов, от содержания которых во многом зависит то, какое место в их реализации будет отведено органам прокуратуры.

Роль прокуратуры в утверждении демократического правового федеративного государства в России определяется тем, что она представляет собой необходимый и надежно работающий механизм формирующейся системы разделения и взаимодействия властей [2]. Прокуратура принимает меры к устранению любых нарушений законов, от кого бы они ни исходили (законодательной, исполнительной, судебной властей), в то же время организационно не входя ни в одну из ветвей государственной власти.

В современных условиях активная роль государства должна быть более эффективной. Государство не может быть сторонним наблюдателем того, что делается в обществе, а должно направлять происходящие процессы в нужном для общества направлении и полезном для его развития русле [4]. Другое дело, что необходимо заставить государство служить обществу, поставить все его органы под контроль последнего, сделать методы функционирования государства исключительно правовыми.

Поэтому на нынешнем этапе становления российской государственности приоритетным направлением реформирования и развития прокуратуры является ее открытость и подконтрольность гражданскому обществу, прозрачность ее политики и практических действий. Общественный контроль за деятельностью прокуратуры обогащает прокурорский надзор, а именно: осуществляемый гласно, под контролем общества, он теряет свой архаичный признак ненужной келейности и чрезмерной корпоративности, становится более эффективным, востребованным и воспринимаемым населением. А общественный контроль, в свою очередь, становится более значимым и результативным.

Следует также отметить, что место прокуратуры в механизме государства, по мнению некоторых исследователей остается несколько сомнительным, что заключается в ее зависимости от президента Российской Федерации. Данное мнение, на наш взгляд, является ошибочным так как современное законодательство не выделяет президентскую власть как отдельную ветвь. Другими словами, верным будет присвоение прокуратуре статуса самостоятельного института.

Вместе с тем, не обеспечивающих факт зависимости Генерального прокурора от Президента, нам хотелось бы обратить внимание на рассмотрение следующих вопросов.

Любые ветви власти по отношению друг к другу имеют относительную долю независимости и самостоятельности, поскольку этим и достигается идея разделения властей теории Монтескье. Обеспечение такого порядка, чтобы власти сдерживали друг друга достигается через систему сдержек и противовесов. Наделив власти абсолютной независимостью по отношению друг к другу, придем к тому, что ни одна из ветвей власти не сможет воздействовать на другую, а значит, каждая из ветвей власти будет обладать своим собственным суверенитетом. Однако не стоит забывать, что суверенитет является свойством единой государственной власти.

В связи с этим следует подчеркнуть, что относительная зависимость одной ветви власти от другой, безусловно, должна быть. Иначе механизм сдерживания одной власти другой будет невозможен. Поэтому порядок назначения Генерального прокурора на должность Советом Федерации по представлению Президента не умаляет статус прокуратуры как самостоятельной ветви власти, не свидетельствует о подчиненности прокуратуры президентской власти, а является механизмом сдержек и противовесов. Так, участие двух ветвей власти в процедуре формирования высших должностных лиц другой ветви власти свидетельствует о сдерживании полномочий одной ветви над другой.

Прокуратура Российской Федерации не может являться органом Президента, поскольку глава государства не обладает полномочиями по своевольному, безмотивированному освобождению Генерального прокурора от должности. Вместе с тем, отправить в отставку Правительство Президент может в любое время. А при освобождении Генерального прокурора от должности президент так или иначе связан мнением Совета Федерации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. №1-ФЗ) // СЗ РФ. 2020. № 3. Ст. 4412.

2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 6 февраля 2020 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // ВСНД ВСРФ. 1992. № 8. Ст. 366.

3. Кошелевский В. Д. Прокуратура в системе органов государственной власти Российской Федерации: теоретический аспект. Пенза : «Пензенская правда», 2007.

4. Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. М. : Проспект, 2019.

5. Фомичева О. А. Прокуратура как субъект права законодательной инициативы в законотворческой деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 10. С. 50–55.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21 2014 No. 11-FKZ, dated July 1, 2020 No. 1-FZ) // SZ RF. 2020. No. 3. St. 4412.

2. Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 (ed. of February 6, 2020) «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // VSND VSRF. 1992. No. 8. St. 366.

3. Koshelevsky V. D. Prosecutor's office in the system of state authorities of the Russian Federation: theoretical aspect. Penza : «Penzenskaya Pravda», 2007.

4. Kutafin O. E. Constitutional Law of Russia: textbook / E. I. Kozlova, O. E. Kutafin. M. : Prospect, 2019.

5. Fomicheva O. A. Prosecutor's office as a subject of the right of legislative initiative in legislative activity // State power and local self-government. 2018. No. 10. P. 50–55.

Информация об авторах

М. Д. Давитадзе — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одинцовского филиала МГИМО (У) МИД России, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Сатышева — магистр кафедры Теории и истории государства и права Московского университета имени С. Ю. Витте.

Information about the authors

M. D. Davitadze— Professor of Criminal Law, Criminal Trial and Criminalistics of the Odintsovo Branch of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. V. Satysheva — Magister of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow University named after S. Yu. Witte.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 13.01.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 671 с.
Гриф МО РФ
Гриф НИИ образования и науки
Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»
(Серия «Dura lex, sed lex»)
Под ред. В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева

Рассмотрены вопросы, традиционно относящиеся к предмету науки конституционного права: конституционные основы гражданского общества, юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство, система органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и др. Большое внимание уделено избирательной системе в России. Отражены законодательные нормы об объединении арбитражных судов с Верховным Судом РФ.

Для студентов юридических вузов и факультетов, аспирантов (адъюнктов), преподавателей, практических работников, а также для всех интересующихся проблемами отечественного конституционного права.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-61-69
NIION: 2003-0059-3/22-282
MOSURED: 77/27-003-2022-03-481

Законодательство о судебно-экспертной деятельности в состоянии реформирования: предложения и перспективы

Оксана Геннадьевна Дьяконова
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, oxana_diakonova@mail.ru

Аннотация. Законодательство о судебно-экспертной деятельности находится на этапе реформирования, что требует внимательного, взвешенного и научно обоснованного подхода. Предпринята попытка проанализировать тексты проектов законов о судебно-экспертной деятельности, появившиеся в период с 2013 по 2020 гг. Сравнение проводится по ряду структурных элементов, начиная с преамбулы закона, правовой основы, основных терминов, задач и принципов судебно-экспертной деятельности, правового и профессионального статуса судебного эксперта и руководителя судебно-экспертной организации, регламентации отдельных видов судебных экспертиз и др. Проведенный анализ позволил сформулировать выводы по структурным элементам и сделать общий вывод о необходимости применения экспертологического подхода к созданию положений нового закона о судебно-экспертной деятельности, его обсуждения и подготовки с привлечением научного сообщества и практиков, работающих в этой области.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, законопроект, эксперт, руководитель судебно-экспертной организации

Для цитирования: Дьяконова О. Г. Законодательство о судебно-экспертной деятельности в состоянии реформирования: предложения и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 61–69. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-61-69.

Original article

Legislation on forensic expertise in the state of reform: proposals and prospects

Oksana G. Diakonova
Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA), Moscow, Russia, oxana_diakonova@mail.ru

Abstract. The legislation on forensic expert activity is at the stage of reform, which requires a careful, balanced and scientifically based approach. The article attempts to analyze the texts of the draft laws on forensic expert activity, which appeared in the period from 2013 to 2020. The comparison is carried out for several structural elements, starting with the preamble of the law, the legal basis, basic terms, tasks and principles of forensic expert activity, the legal and professional status of a forensic expert and the head of a forensic expert organization, regulation of certain types of forensic examinations and others. The analysis made it possible to formulate conclusions on the structural elements and a general conclusion about the need to apply an expertology approach to the creation of provisions of a new law on forensic activity, its discussion and preparation with the involvement of the scientific community and practitioners, working in this area.

Keywords: forensic examination, forensic expert activity, draft law, expert, head of the forensic expert organization

For citation: Diakonova O. G. Legislation on forensic expertise in the state of reform: proposals and prospects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):61–69. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-61-69.

© Дьяконова О. Г., 2022

Введение. Необходимость в обновлении законодательства о судебно-экспертной деятельности (далее — СЭД) является очевидной по ряду причин:

1) активное развитие СЭД, в том числе за счет увеличения числа как государственных судебно-экспертных организаций (ГСЭО), так и частных судебно-экспертных организаций (ЧСЭО), деятельность которых урегулирована сейчас только в общих положениях гражданского законодательства и некоторых нормах действующего Федерального закона № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ о ГСЭД [1];

2) отсутствие обязательных единых требований к профессиональному статусу судебного эксперта, его сертификации;

3) отсутствие реестра экспертов и судебно-экспертных организаций (СЭО);

4) отсутствие организации профессионального экспертного сообщества;

5) отсутствие обязательных к исполнению нормативных требований к аккредитации СЭО, экспертных лабораторий;

6) противоречивость и пробелы в специальном законодательстве о СЭД и процессуальном законодательстве и др.

Материалы и методы. Подготовка законопроекта о СЭД началась еще в 2012 г., а с 18 января 2013 г. увидели свет несколько его редакций. Следует отметить, что не все редакции были официально размещены на соответствующих электронных ресурсах, не во всех случаях состоялось широкое общественное обсуждение.

Сравнительному исследованию были подвергнуты редакции четырех законопроектов, появившиеся в период с 2013 по 2020 гг.: 1) Проект-1 — принятый Госдумой 20 ноября 2013 г. [13]; 2) Проект-2 — представленный во втором чтении. В соответствии с заключением Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству, а также с решением этого комитета проект было предложено отклонить ввиду необходимости доработки многих концептуальных положений законопроекта [7]; 3) В 2019–2020 гг. научной общественности были представлены две редакции поправок к проекту № 306504-6, представляющие, по сути, варианты законопроекта (далее — Проект-3 и Проект-4).

При проведении исследования использовались сравнительно-правовой, формально-юридический и системно-функциональный методы.

Обсуждение. Неугасающий интерес к реформированию законодательства о СЭД в научной среде привел к появлению в работах ученых как текстов полноценных законопроектов [6; 4; 5], так и отдельных предложений по совершенствованию законодательства [14; 15; 3; 9; 10; 11; 12; 8; 17]. Однако законодатель далеко не всегда принимает за основу такие предложения.

1. Определение сферы действия закона в преамбуле проектов. В Проекте-1 сфера действия закона была ограничена конституционным, гражданским, административным и уголовным судопроизводством. Отмечалось, что особенности производства судебной экспертизы устанавливаются соответствующим процессуальным законодательством. В Проекте-2 сфера определялась более широко и включала осуществление СЭД в судопроизводстве, а также контроль и надзор за СЭД. Проект-3 возвращался к конкретизированному перечню видов судопроизводств, как в Проекте-1, дополнив его производством по делам об административных правонарушениях. В Проекте-4 отсутствует преамбула.

Проведенное нами сравнительно-правовое исследование [5] законодательства государств–членов ЕАЭС в сфере судопроизводства, а также регулирующего осуществление таможенного и налогового контроля, обеспечения доказательств нотариусом и исполнительное производство, позволило выделить тождественные процессуальные и непроцессуальные формы, и соответствующие виды использования специальных знаний в каждой из них. Это позволило также сделать вывод о необходимости унифицированного нормативного регулирования идентичных по своему характеру видов использования специальных знаний (например, судебная экспертиза и экспертиза при осуществлении таможенного контроля). Закономерным стал вывод о возможности распространения положений нового закона о СЭД на сферу использования специальных знаний в указанных выше видах юрисдикционной деятельности, что необходимо указать в преамбуле.

2. Определение правовой основы в проектах также различается от перечисления в общем порядке нормативных правовых актов, регулирующих СЭД, начиная с Конституции РФ (все проекты, за

исключением Проекта-2) до определения конкретных процессуальных кодексов и законодательства о налоговой и таможенной деятельности. Единогласно все проекты сходятся в установлении приоритета положений ратифицированных международных договоров. С учетом высказанной выше позиции о распространении закона о СЭД на проведение экспертизы в других видах юрисдикционной деятельности, полагаем, это требует отражения в правовой основе.

3. Терминология проектов. Проекты содержат статьи, содержащие дефиниции основных понятий. Во-первых, обращает на себя внимание количественное несовпадение терминов в проектах. Во-вторых, ни в одном проекте, за исключением Проекта-4, не приводится дефиниция понятия «судебно-экспертная деятельность», хотя в каждом из проектов имеется положение, раскрывающее ее составляющие. При этом ни в одном из проектов в ее структуру не включены деятельность по подтверждению компетентности и повышению квалификации, а также международно-правовое сотрудничество по направлениям в области СЭД.

В-третьих, отсутствует четкая структурированность в перечне терминов, так, в первых двух проектах термины приводятся в алфавитном порядке, а в Проекте-3 прослеживается попытка перечислить термины по смысловому значению, относительно отдельных направлений СЭД. В-четвертых, смысловое содержание перечня разнится. Так, в первых двух проектах приводится термин «валидация» в отношении методических материалов по производству судебной экспертизы, в последних двух проектах от этого термина отказались. В то же время, в первых двух проектах, наряду с термином «валидация», фигурировал термин «сертификация научно-методического обеспечения судебной экспертизы», а в последующих двух уже появилась «сертификация методических материалов по производству судебной экспертизы». Проекты 3 и 4 сходятся в установлении приоритетного порядка использования сертифицированных методических материалов по производству судебной экспертизы. В противном случае, и это подчеркивается во всех проектах, эксперт должен привести научное обоснование применению иных материалов. Таким образом, путь предлагаемого реформирования научно-методического обеспечения СЭД от валидации до сертификации был пройден достаточно быстро, особенно с учетом того, что в законопроектах, устанавливающих валидацию и сертификацию одновременно, не были указаны принципиальные сущностные отличия этих видов деятельности, разница в их процедуре и результатах.

Следует положительно отметить наличие терминов «экспертная специальность» и «научно-методическое обеспечение судебной экспертизы», а также расширение перечня объектов экспертных исследований во всех редакциях проектов. В этой части все проекты имеют тождественные положения. Тем не менее, многие термины, значимые для СЭД, остались не зафиксированными.

4. Задача СЭД относительно четко определена только в Проекте-1, при этом она уточнена в сравнении с действующим ФЗ о ГСЭД. В отношении других проектов задачу можно определить исходя из ряда положений, в том числе при определении СЭД или в качестве задачи СЭО. Полагаем, правильным будет конкретизировать цель и составляющие ее задачи [5, с. 14].

5. Принципы СЭД в проектах в целом изложены тождественно. Однако в Проекте-4 отсутствует указание на принцип законности, и ни в одном проекте, за исключением Проекта-1, не приводится принцип соблюдения профессиональной этики эксперта, указание на который все-таки представляется значимым. Практически все проекты единогласны в том, что заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить научную обоснованность и достоверность сделанных выводов. В Проекте-2 устанавливается, что методические материалы по производству судебной экспертизы должны разрабатываться, утверждаться и применяться в соответствии с национальными стандартами и быть сертифицированными.

6. Профессиональные и квалификационные требования к судебному эксперту. Все проекты определяют перечень лиц, которым может быть поручено производство судебной экспертизы. Тождественно в проектах указываются сертифицированные государственные судебные эксперты, а также сертифицированные негосударственные, по терминологии Проекта-4 — частные судебные эксперты. Использование термина «частный» представляется более правильным в сравнении с негосударственным [17]. Однако конструкция «государственный-частный» показывает только принадлежность эксперта к какой-

либо организации, не влияет на его компетентность. Поэтому экспертов можно было бы именовать судебный эксперт ГСЭО и судебный эксперт ЧСЭО.

Также проекты выделяют в качестве эксперта физическое лицо, обладающее специальными знаниями, но не имеющее сертификата компетентности, при условии «предоставления сведений, касающихся возможности производства судебной экспертизы (в том числе сведений о наличии необходимой материально-технической базы), а также имеющихся документов об образовании и (или) квалификации». При этом не разъясняется, какие документы должны быть представлены.

Кроме того, в отдельную категорию в Проектах 3 и 4 выделен в качестве эксперта медицинский работник, имеющий право проводить судебно-медицинскую (СМЭ) и (или) судебно-психиатрическую экспертизу (СПЭ) в соответствии с законодательством в сфере охраны здоровья. Возможно, выделение этой категории связано с особым порядком подготовки судебных экспертов медицинской сферы, однако, так же, как и другие эксперты, судмедэксперты проходят подготовку, переподготовку и повышение квалификации и получают соответствующее удостоверение и сертификат. Помимо этого, в приведенной цитате настораживает использование союза «и (или)», фактически смешивающий разные классы судебных экспертиз и вводящий в заблуждение правоприменителя.

Требования к эксперту во всех проектах разделяются в зависимости от его принадлежности к ГСЭО. Так, в Проекте-1 речь идет о несудимом, дееспособном гражданине РФ, обладающем специальными знаниями, которые он приобрел в процессе профессионального обучения и (или) профессионального опыта. Государственным экспертом может быть только соответствующий указанным выше требованиям и имеющий сертификат компетентности, высшее образование и прошедший последующее профессиональное обучение по конкретной экспертной специальности. Исключение делается для лиц — сотрудников ЭКП, к которым допускается требование среднее профессиональное образование по специальности «судебная экспертиза». Другие проекты, в отличие от Проекта-1, не упоминают требование о гражданстве эксперта, но также устанавливают требования о несудимости и дееспособности, наряду с обладанием специальными знаниями.

По Проекту-3 государственный судебный эксперт должен иметь высшее образование и иметь дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности либо для экспертов-сотрудников ЭКП — среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы, а также проходить каждые пять лет аттестацию на право самостоятельного производства судебной экспертизы по конкретной экспертной специальности. Негосударственный же эксперт должен иметь высшее образование, иметь дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности и сертификат компетентности, подтверждаемый каждые пять лет. Требование о высшем образовании и одновременно дополнительном профессиональном по конкретной экспертной специальности на момент подготовки проекта было излишним, поскольку уже действовал ФГОС по специальности «Судебная экспертиза», позволяющий подготовить эксперта по ряду направлений. Этот недостаток был исправлен в Проекте-4.

В отличие от других проектов, в Проекте-4 в отношении специальных требований сделана попытка уравнять судебных экспертов государственных и частных СЭО и требуется: 1) высшее образование и дополнительное профессиональное образование по конкретной специальности либо получение экспертной специальности в рамках высшего образования (для экспертов-сотрудников ЭКП сохраняется исключение); 2) прохождение экспертом каждые пять лет аттестации, проводимой федеральным органом исполнительной власти в сфере юстиции. Не совсем корректным с точки зрения возможности наличия коррупциогенного фактора является формулировка положения ч. 7 ст. 18 Проекта-4, в которой устанавливается, что «за проведение аттестации частного судебного эксперта… может взиматься плата, размер и порядок взимания которой устанавливаются федеральным органом исполнительной власти в сфере юстиции». Представляется, что такая плата должна быть взята вне усмотрения такой возможности для всех частных экспертов по единому тарифу, что предполагает исключение слова «может» из приведенной цитаты.

7. Правовой статус судебного эксперта. В первых трех проектах в отношении эксперта устанавливается перечень обязанностей и запретов, а также права. Различие, в том числе в сравнении с действующим

ФЗ о ГСЭД, видится в их объеме и формулировках. Так, в Проектах 1 и 2 следует положительно оценить предоставление эксперту права подавать жалобы на действия (бездействие) лиц и органов, если эти действия (бездействие) нарушают права судебного эксперта. Однако не очень понятно, зачем необходимо дублирование этого права (например, п. 3 ч. 1 ст. 22 и п. 5 ч. 2 ст. 22 Проекта-1), при условии правильного, с точки зрения юридической техники, формулирования. Отметим, что в Проекте-3 постарались устранить этот недостаток.

В Проекте-4 отсутствуют положения о правах и обязанностях судебного эксперта, что вызывает недоумение. Представляется, Закон о СЭД является lex specialis по отношению к процессуальному законодательству и вполне обоснованным выступает закрепление в процессуальном законодательстве перечня общих прав и обязанностей эксперта, его процессуальной ответственности. Специальные же права и обязанности эксперта следует закрепить в законодательстве о СЭД, а в процессуальных кодексах разместить бланкетные нормы к этому федеральному закону, не перегружая и не дублируя от кодекса к кодексу положения о его правах и обязанностях. Отсутствие комплексного подхода в регулировании процессуально-правового статуса эксперта влечет изменение объема прав эксперта в зависимости от процессуального кодекса. Такое противоречие недопустимо, поскольку функция эксперта во всех видах судопроизводства одинакова и его правовое положение не может изменяться в зависимости от того, в каком процессе он участвует.

По вопросу о необходимости государственного реестра судебных экспертов проекты практически тождественны, за исключением Проекта-4, в котором устанавливается ведение совместного Государственного реестра судебных экспертов и аккредитованных ЧСЭО. Но при этом ни в одном из них не установлено, какие сведения об эксперте или ЧСЭО должны быть отражены.

8. Требования к руководителю судебно-экспертной организации (РСЭО) в проектах неоднозначные. Так, во всех проектах установлено требование о наличии у РСЭО высшего образования, только Проект-2 уточняет — о высшем образовании в области судебной экспертизы или ином высшем образовании. Все проекты, за исключением Проекта-4, устанавливают требование о наличии в качестве дополнения к высшему образованию профессионального обучения в области судебной экспертизы (Проект-1) или дополнительного профессионального образования в области судебной экспертизы (Проекты 2 и 3). В Проекте-3 последнее требование установлено для лиц, не имеющих высшего образования в области судебной экспертизы. Полагаем, что РСЭО должен иметь высшее образование в области судебной экспертизы либо в иной сфере, но в таком случае необходимо наличие дополнительной подготовки в области судебной экспертологии.

Правовой статус РСЭО практически идентично, но недостаточно полно, как показывает проведенное исследование [5, с. 227–229], зафиксирован в Проектах 1 и 2. Тождественными полностью являются и соответствующие положения Проектов 3 и 4. В отличие от первой группы проектов, во второй запреты приводятся в статье «права РСЭО» и отсутствует право РСЭО «ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, о привлечении граждан иностранных государств, обладающих специальными знаниями», предлагаемое в Проекте 1 и 2.

9. Требования к ГСЭО и ЧСЭО. В проектах установлены некоторые тождественные положения, на которые следует обратить внимание: 1) определены ГСЭО и негосударственные (или «частные» в Проекте-4) СЭО, причем к последним предъявляются требования некоммерческого характера, установление СЭД в качестве основной, а также не менее одного (Проект 1 и 3) или пяти работников (Проект-4) по основному месту работы. И если ученые в большинстве своем поддерживают установление первых двух требований ЧСЭО, то остается неясной природа требования о количественном составе экспертов по основному месту работы. Однако вполне оправданным видится дополнительное требование в Проекте-4, в соответствии с которым учредителями ЧСЭО не могут быть иностранные граждане, граждане РФ, имеющие гражданство иностранного государства, лица без гражданства, иностранные юридические лица, а также организации, в составе учредителей которых имеются указанные граждане и лица; 2) для ГСЭО во всех проектах определяется территориальность и устанавливаются случаи, когда она не действует, что вызвано объективными причинами, преодолеть которые своевременно не представляется возможным; 3) ГСЭО действуют в соответствии с

установленным профилем, Правительству РФ предоставляется право устанавливать перечень видов судебных экспертиз, проводимых только в ГСЭО.

Отличительным особенностями проектов являются следующие: 1) в Проекте-2 звучит требование об обязательном лицензировании СЭД негосударственной СЭО; 2) Проектом-2 предполагается создание Государственного реестра СЭО, при этом приводятся также положения о Государственном реестре судебных экспертов; 3) определены основы деятельности СЭО, хотя имеются и юридико-лингвистические неточности, например, ч. 4 ст. 13 Проекта-1. Представляется, что на научной базе судебной экспертологии, частью которой является общая теория судебной экспертизы, должна осуществляться в целом СЭД, но возникает вопрос о необходимости фиксировать это требование в статье закона.

10. Положение о государственном реестре методик судебных экспертиз и Государственном фонде методических материалов по производству судебной экспертизы нашло место только в Проекте-2. Полагаем, на данный момент сложно говорить о возможности формирования реестра методического обеспечения СЭД, поскольку среди государственных ведомств и ЧСЭО отсутствует единый подход к исследованию одних и тех же объектов в целях решения тождественных задач. Решение видится в надлежащей организации экспертного сообщества [5, с. 207–208].

11. Вопрос организации профессионального сообщества судебных экспертов, несмотря на зарубежный опыт (например, Республика Казахстан) и предложения ученых в этой связи [4, с. 211; 5, с. 207–218; 17, с. 15–42], в проектах не решен.

12. Регулирование отдельных видов экспертиз. Проект-4 не содержит положений, посвященных производству отдельных видов судебных экспертиз, в связи с чем анализу в этой части не может быть подвержен.

Дополнительной и повторной экспертизам посвящена в первых трех проектах одна статья и редакционно ее положения тождественны. Однако, в Проекте-2 содержится положение, уточняющее право участников процесса ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы, если оно предоставлено им российским процессуальным законодательством. Настаивая на том, что положения о дополнительной и повторной экспертизе, особенно об основаниях их назначения, должны быть размещены в законе о СЭД, полагаем излишним приведенное выше положение как относимое исключительно к процессуальной области.

В определении особенностей комиссионной и комплексной экспертиз проявляются противоречивые подходы к их регулированию. Следует отметить в качестве отрицательного момента указание в проектах на проведение комиссионной экспертизы несколькими экспертами одной специальности. Прежде всего, не учитываются теоретические основы судебной экспертологии, в рамках которых разрабатываются теории комплексной, а также комиссионной экспертизы. Представляется неправильным отнесение двух этих экспертиз к классификации по одному основанию [16, с. 151–160]. Нарушением правил классификации представляется смешивание количества субъектов — сведущих лиц и количества отраслей специальных знаний, которые интегрируются для достижения определенной общей задачи. Это разные категории, вполне обоснованно выделяемые под разными критериями классификации. По количеству исполнителей — сведущих лиц: единоличная и комиссионная экспертизы, по интеграции специальных знаний, т. е. по количеству объединяемых для решения общей задачи отраслей специальных знаний — однородные и комплексные экспертизы.

Комплексная экспертиза имеет гносеологический характер. Выделенные нами признаки комплексной экспертизы [5, с. 147] возможность ее единоличного проведения, тем более что на сегодняшний день этому способствует профессиональная подготовка экспертов. Но процессуальные кодексы, основываясь на ошибочном представлении о природе комплексной экспертизы, настаивают на ее комиссионном составе. Отметим, что такой подход присущ практически большинству процессуальных кодексов, в том числе в государствах–членах ЕАЭС, за исключением ст. 282 УПК Республики Казахстан [2]. Тем не менее, если в Проектах 1 и 2 содержалась норма о возможности единоличного проведении комплексной экспертизы, в Проекте-3 она отсутствует.

Представляется правильным регламентировать комплексную экспертизу, а также положения об определении характера (комплексной или однородной) экспертизы, а также необходимости ее комиссионного производства руководителем СЭО, в соответствующей норме в законе о СЭД [5, с. 147];

при этом нет необходимости ее регламентации в процессуальных кодексах.

Осмысливая положения проектов о комиссионной экспертизе, можно выделить позитивные нормы, касающиеся объема проведения исследования, а также организации комиссии, которая возлагается на РСЭО либо на руководителей нескольких СЭО. Недостаточно обоснованным и редакционно неверным представляется положение ч. 7 ст. 28 и ч. 2 ст. 29 Проекта-2 о необходимости включения *«в составе* комиссии судебных экспертов, которой поручено производство судебной *экспертизы новых, редких, уникальных объектов, не обеспеченных методическими материалами* по производству судебной экспертизы… обязательно *присутствуют работники ГСЭО,* один из которых может выступать *в качестве эксперта-организатора».*

13. Требования к содержанию заключения эксперта в проектах изложены неоднозначно. С одной стороны, в проектах достаточно подробно приводятся элементы, которые должны найти отображение в заключении. Разночтения обусловливаются разными подходами к аттестации/сертификации судебных экспертов, предлагаемыми в проектах. Но настораживает определение в Проектах 2 и 3 термина заключение эксперта в виде письменного документа, *«за исключением случаев, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации».* Определенно, это соотносится с нормой ч. 1 ст. 82 КАС РФ. Хотя неоднократно подчеркивалось, что это положение КАС РФ установлено вопреки разработанному в теории судебной экспертологии подходу к заключению эксперта. В Проекте-4 спорная фраза исключена.

14. Регламентация альтернативной экспертизы [5, с. 116–132], которая представляет собой вид использования специальных знаний в судопроизводстве или иной юрисдикционной деятельности, состоящий в проведении экспертом исследования и дачей заключения по вопросам, поставленным перед ним лицами, имеющими юридическую заинтересованность в исходе дела, а также их представителями, осуществляемый на основании договора о проведении экспертного исследования в проектах не предлагается. Однако, можно считать первым шагом к этому положения ч. 2 ст. 20 Проекта-1 и ч. 2 ст. 22 Проекта-2. К сожалению, в последних двух проектах это положение отсутствует, что является шагом назад в установлении положений об альтернативной экспертизе, реализуемой на практике уже много лет.

15. В части регулирования в проектах судебной экспертизы в отношении живых лиц отметим некую непоследовательность. Так, первые два проекта не содержат вообще никаких норм, посвященных этому правовому институту. Предлагалось сохранить с изменениями действующий ФЗ о ГСЭД в отношении СЭ живых лиц. Такое обособление научным сообществом было воспринято отрицательно по вполне понятным причинам: бессмысленно разделять виды деятельности, основанные на едином теоретико-методологическом подходе. Особенности, связанные с производством судебной экспертизы, имеются во всех ее видах, но это не обусловливает необходимости отдельного регулирования на уровне закона каждого из них.

Нормативные положения в последних двух проектах практически тождественны существующим в ФЗ о ГСЭД. Но отметим некоторые моменты:

1) в проектах представляется обоснованным исключение из статьи, устанавливающей особенности присутствия участников процесса при производстве экспертизы живых лиц, положения, в соответствии с которым «присутствие иных участников процесса допускается с разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу, и лица, в отношении которого производится судебная экспертиза, либо его законного представителя»;

2) в проектах статья о сроках пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, дополнена положением об учете этих сроков для лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения по стражу, в соответствии с правилами УПК РФ;

3) в статьях проектов, устанавливающих основания и порядок госпитализации лица в стационарную медицинскую организацию и сроки пребывания, отсутствует указание на СМЭ. Возникает вопрос, какими положениями должно регулироваться производство СМЭ и будут ли они отличаться от приведенных в проекте положений. Ответом здесь является действующее совместное регулирование в ФЗ о ГСЭД.

Вывод. Проведенный анализ проектов закона о СЭД не претендует на исчерпывающую полноту. Проекты, без сомнения, содержат положительные

элементы, однако принятие любого из них в существующем виде, к сожалению, повлечет практические проблемы, нежели позволит сократить число противоречий и пробелов в сравнении с действующим ФЗ о ГСЭД. Поэтому длительный процесс подготовки законопроекта вполне оправдан. Представляется, что принятие такого закона, распространяющего сферу своего регулирования на институт судебной экспертизы в различных видах судопроизводства и иных видах юрисдикционной деятельности, должно осуществляться именно с учетом мнений и предложений научного сообщества, практикующих экспертов и юристов из указанных областей. Наука «судебная экспертология» на протяжении более чем 40 лет своего существования сформировала основанные на эмпирическом опыте теоретические предложения в пределах своего предмета исследования. Это дает сейчас возможность разрабатывать положения законопроекта комплексно на основе экспертологического подхода с учетом особенностей, присущих различным видам юрисдикционной деятельности.

Список источников

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // URL://https://-online.zakon.kz.

3. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма-Инфра-М, 2006.

4. Аминев Ф. Г. СЭД в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дисс. … докт. юрид. наук. Уфа, 2016.

5. Дьяконова О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2021.

6. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2008.

7. Заключение на законопроект № 306504–6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». На рассмотрении // URL://https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6.

8. Иванова Е. В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами: дисс. … докт. юрид. наук. Коломна, 2016.

9. Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ... докт. юрид. наук. Владимир, 2011.

10. Майлис Н. П. О необходимости унификации понятийного аппарата в судебно-экспертной деятельности // Российское правосудие. 2021. № 5. С. 72–76.

11. Моисеева Т. Ф. Унификация процессуального законодательства о судебной экспертизе // Российское правосудие. 2016. № 9(125). С. 101–104.

12. Моисеева Т. Ф. Проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности // Российское правосудие. 2016. № 7(123). С. 107–109.

13. Проект ФЗ № 306504-6 «О судебной экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. принятая ГД ФС РФ в I чтении 20 ноября 2013 г.) // URL://https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6.

14. Россинская Е. Р. Избранное. М. : Норма, 2019.

15. Смирнова С. А., Омельянюк Г. Г., Усов А. И. Законодательное закрепление инноваций СЭД в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 220–227.

16. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебник для аспирантуры / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин [и др.]. М. : Инфра-М, 2019.

17. Чернявская М. С. Судебно-экспертная деятельность негосударственных экспертных организаций: теоретические и прикладные аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

References

1. Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 «On State forensic expert activity in the Russian Federation» // SZ RF. 2001. No. 23. St. 2291.

2. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of July 4, 2014 No. 231-V // URL://https://online.zakon.kz.

3. Averyanova T. V. Forensic examination. Course of general theory. M. : Norm-Infra-M, 2006.

4. Aminev F. G. SED in the Russian Federation: modern problems and ways to solve them: diss. ... doct. jurid. sciences'. Ufa, 2016.

5. Dyakonova O. G. Special knowledge in judicial and other jurisdictional activities of the EAEU member states: theory and practice: diss. ... doct. jurid. M., 2021.

6. Zaitseva E. A. The concept of the development of the institute of forensic examination in the conditions of adversarial criminal proceedings: diss. ... doct. jurid. M., 2008.

7. Conclusion on Draft Law No. 306504-6 «On forensic expert activity in the Russian Federation». Under consideration // URL://https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6.

8. Ivanova E. V. Conceptual foundations of the use of special knowledge in the detection and investigation of crimes related to substances dangerous to health: diss. ... doct. jurid. sciences'. Kolomna, 2016.

9. Lazareva L. V. Conceptual foundations of the use of special knowledge in Russian criminal proceedings: diss. ... doct. jurid. sciences'. Vladimir, 2011.

10. Mailis N. P. On the need to unify the conceptual apparatus in forensic activity // Russian justice. 2021. No. 5. P. 72–76.

11. Moiseeva T. F. Unification of procedural legislation on forensic examination // Russian justice. 2016. No. 9(125). P. 101–104.

12. Moiseeva T. F. Problems of legal regulation of forensic expert activity // Russian justice. 2016. No. 7(123). P. 107–109.

13. Draft Federal Law No. 306504-6 «On Judicial expert activity in the Russian Federation» (ed. adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the first reading on November 20, 2013) // URL://https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6.

14. Rossinskaya E. R. Favorites. M. : Norm, 2019.

15. Smirnova S. A., Omelianyuk G. G., Usov A. I. Legislative consolidation of SED innovations in the Russian Federation // Russian Journal of Legal Studies. 2016. No. 1 (6). P. 220–227.

16. Forensic expert activity: legal, theoretical and organizational support: textbook for postgraduate studies / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina, A. M. Zinin [et al.]. M. : Infra-M, 2019.

17. Chernyavskaya M. S. Forensicexpert activity of non-governmental expert organizations: theoretical and applied aspects: dissertation ... cand. jurid. M., 2021.

Информация об авторе

О. Г. Дьяконова — доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

O. G. Dyakonova — Associate Professor of the Department of Forensic Examinations of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 34.3
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-70-75
NIION: 2003-0059-3/22-283
MOSURED: 77/27-003-2022-03-482

Перспективы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве

Сергей Вячеславович Ермаков[1], Дмитрий Александрович Иванов[2] Павел Геннадиевич Сычев[3]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ermak27@mail.ru
[2] МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия, ida_2008_79@mail.ru
[3] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, 4402898@mail.ru

Аннотация. Рассматривается стадия возбуждения уголовного дела, предусмотренная гл. 19 и 20 УПК РФ. Законодательные изменения последних лет обнаруживают тенденции дифференциации уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, которая, в сущности, представляет собой расширение диспозитивной составляющей и ограничение принципа публичности, т. е. права следователя самостоятельно возбуждать уголовное дело при обнаружении достаточных данных о признаках преступления. Другая тенденция — расширение перечня следственных действий до возбуждения уголовного дела, которая ставит под угрозу существующую систему доказывания и создает предпосылки к нарушению процессуальных прав участников судопроизводства.

Авторы предлагают к дискуссии вопрос: ведут ли эти тенденции российское уголовно-процессуальное законодательство к общеевропейской модели или возврату к традициям Устава уголовного судопроизводства 1864 г.?

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, досудебное производство, следственные действия, следователь, дознаватель

Для цитирования: Ермаков С. В., Иванов Д. А., Сычев П. Г. Перспективы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 70–75. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-70-75.

Original article

Prospects for improving the stage of initiating a criminal case in Russian criminal proceedings

Sergey V. Ermakov[1], Dmitry A. Ivanov[2], Pavel G. Sychev[3]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ermak27@mail.ru
[2] MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russia, ida_2008_79@mail.ru
[3] Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia, 4402898@mail.ru

Abstract. The stage of initiation of a criminal case provided for in Chapters 19 and 20 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is being considered. Legislative changes in recent years reveal trends in the differentiation of criminal proceedings in cases of crimes in the field of economic and entrepreneurial activity, which, in essence, represents an expansion of the dispositive component and a restriction of the principle of publicity, i.e. the right of an investigator to initiate a criminal case independently if sufficient data on the signs of a crime is found. Another trend is the expansion of the list of investigative actions before the initiation of a criminal case, which jeopardizes the existing system of evidence and creates prerequisites for the violation of the procedural rights of participants in the proceedings.

The authors propose to discuss the question: do these trends lead the Russian criminal procedure legislation to a pan-European model or a return to the traditions of the Criminal Procedure Statute of 1864?

© Ермаков С. В., Иванов Д. А., Сычев П. Г., 2022

Keywords: initiation of a criminal case, pre-trial proceedings, investigative actions, investigator, interrogating officer

For citation: Ermakov S. V., Ivanov D. A., Sychev P. G. Prospects for improving the stage of initiating a criminal case in Russian criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):70–75. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-70-75.

Актуальность темы исследования обусловливается необходимостью совершенствования уголовно-процессуального законодательства на современном этапе по разрешению ряда существующих проблем в стадии возбуждения уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела как досудебная стадия подвержена критике более всего. Регулярно появляются концепции его модификации, реформирования, в том числе полной отмены.

Юридически в таком виде, в каком данная стадия существует в российском уголовном процессе в настоящее время, ничего подобного нет ни в каких других правовых системах. Те уголовно-процессуальные кодексы, которые приняты в республиках СССР и странах социалистического лагеря в советский период, фактически являются прообразами уже упомянутого выше УПК РСФСР, и ни в коей мере объективно не характеризуют распространенность такого института в современном мире.

Отчасти это подтверждается тем, с какой стремительностью бывшие «братские» республики избавляются от советского наследия. А. Ф. Волынский пишет: «В УПК Украины продемонстрирована воля и желание законодателя этой страны противопоставить современной преступности современные формы, методы и средства борьбы с ней» [3, с. 24]. Политическая составляющая осталась за скобками, и это, возможно, правильно.

Л. В. Головко предлагает «обратиться к опыту Грузии, где с 1 октября 2010 г. действует новый УПК, где за этот период, по сути, оказался разрушен уголовный процесс как таковой» [6, с. 15].

Итак, российская стадия возбуждения уголовного дела — это уникальный правовой институт, существующий только в нашей процессуальной парадигме. Однако это не дает никаких оснований ставить вопрос о его бездумном исключении из уголовного судопроизводства, тем более что 14 января 2000 г. Конституционный Суд Российской Федерации в п. 4 постановления по делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и запросом Верховного Суда Российской Федерации указал, что: «возбуждение уголовного дела является начальной стадией, в ходе которой устанавливаются поводы и основания к возбуждению уголовного дела».

Несмотря на то, что данное установление формально относится к законодательному акту, утратившему силу, однако поскольку оспорен он не был, его можно без особых колебаний распространить и на ныне действующий УПК РФ,

Следуя логике Конституционного Суда РФ, данная стадия выполняет роль своего рода «фильтра», который еще до начала полномасштабного предварительного расследования, дающего право на применение самого широкого спектра процессуальных мер с репрессивным элементом, отсеивает события и обстоятельства, заведомо не содержащие признаков преступления.

Данный вывод подтверждается данными официальной статистики. Так, в 2019 г. в дежурные части ОВД поступило 32,9 млн сообщений о правонарушениях и происшествиях [4]. В 2020 г. только участковыми уполномоченными полиции рассмотрено около 13,4 млн заявлений и сообщений граждан, что составляет почти 40 % от всех обращений, поступивших в органы внутренних дел [5]. По итогам проверки сообщений в 2020 г. зарегистрировано 2 млн 44,2 тыс. преступлений.

Таким образом, ежегодно в России проводятся проверки по более чем 30 млн сообщений и этот факт подтверждает важность для правоохранительных органов наличия качественного правового регулирования проверки сообщения о преступлении.

Кроме того, отмечается ежегодный рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ). В целом в сравнении с 2012 г. число зарегистрированных ИТТ-преступлений увеличилось в 50 раз (2012 г.: 10,2 тыс.; 2020 г.: 510,4 тыс.). Удельный вес поставленных на учет ИТТ-преступлений в числе всех зарегистрированных криминальных посягательств возрос до 25 % (2019 г.: 14,5 %) [5].

Очевидно, что уголовно-процессуальная деятельность в целом требует совершенствования в целях должного реагирования на качественные из-

менения преступности, обусловленные распространением преступлений, совершаемых в интернет-среде, в сфере компьютерной информации и коммуникаций.

В результате существования изучаемой нами стадии предупреждаются необоснованные ограничения конституционных прав граждан. Однако такое предупреждение не должно посягать на принцип публичности, и по этому поводу ниже будет сказано немного подробнее.

Уникальность изучаемой нами стадии заключается в том, что она содержит элементы дифференциации уголовного процесса по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

В ближайшей исторической ретроспективе эти изменения начались в 2012 г., когда произошла тенденция расширения категории уголовных дел частно-публичного обвинения за счет «предпринимательских преступлений», что стало очередным шагом по углублению дифференциации производства по отдельным категориям преступлений. 29 ноября 2012 г. Федеральным законом № 207-ФЗ в ч. 3 ст. 20 УПК РФ внесены изменения и к уголовным делам частно-публичного обвинения отнесены дела о преступлениях, предусмотренных ст. 159–159^{6}, 160, 165 УК РФ.

Взамен утратившей силу ч. 1^{1} ст. 140 УПК РФ, ст. 144 УПК РФ дополнена ч. 7–9, которые установили новый порядок проверки сообщений о налоговых преступлениях, предусматривающий взаимодействие с налоговым органом. Также введены ч. 4^{1} ст. 148 УПК РФ о направлении копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в налоговый орган (позже туда добавили территориальный орган страховщика) и абз. 2 ч. 2 ст. 213 УПК РФ о направлении в эти организации постановления о прекращении уголовного дела.

Изменения в порядок проверки сообщения о преступлении в сфере экономической и предпринимательской деятельности всякий раз являлись расширением диспозитивной составляющей и, как следствие, ограничением степени публичности, т. е. права следователя самостоятельно возбуждать уголовное дело.

Всякий раз это вызывало негативные отклики и практиков, и теоретиков.

Д. П. Чекулаев по этому поводу отметил, что «впервые был предусмотрен повод для возбуждения уголовного дела как совершение преступлений, предусмотренных ст. 198–199^{2} УК РФ» [7, с. 595–596].

М. Парфенова и Е. Великая отмечали: «По разным оценкам, в настоящее время остаются невыявленными от 60 до 70 % преступлений, совершенных в рассматриваемой сфере» [8, с. 42–43].

Часть 1^{2} ст. 140 УПК РФ была подвергнута не менее жесткой критике. Так, З. И. Брижак и В. Г. Стаценко высказывали точку зрения о том, что «фактически новая норма, устанавливающая жесткую зависимость решений должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, от решения Центрального Банка РФ, а также конкурсного управляющего (ликвидатора) финансовой организации, посягает на принцип публичности уголовного судопроизводства» [1, с. 19].

Следует подчеркнуть, что законодатель еще не утратил полностью способность прислушиваться к практическим нуждам государства в части борьбы с экономической (равно как и другой) преступностью, свидетельством чему является отмена ч. 1^{1} и 1^{2} ст. 140 УПК РФ.

В настоящее время законодатель добавил в единую конструкцию четырех поводов и основания для возбуждения уголовного дела специальные исключения. Федеральными законами от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ, 5 апреля 2021 г. № 67-ФЗ применена техника «точечного регулирования» для частных случаев, возникающих в стадии возбуждения уголовного дела, на этот раз, используя запрет как метод правового регулирования. Очевидно, что подобное регулирование нельзя признать системным.

Еще одной из наиболее тревожных тенденций, нарастающей в последнее время, является разрастание количества проверочных действий, которые уполномоченные должностные лица могут проводить при рассмотрении сообщения о преступлении.

Негативные оценки всего изложенного нововведения многочисленны и единодушны. В частности, Л. В. Брусницын относительно данного аспекта указывал, что «законодатель допустил явное несоответствие между достаточно узкой задачей, подлежащей решению в стадии возбуждения уголовного дела, и излишне широким набором процессуальных средств ее решения» [2, с. 159].

Нельзя не согласиться с высказанными мнениями относительно проблемы стирания границ между доследственной проверкой и предваритель-

ным расследованием, однако нельзя согласиться и с тем, что в стадии возбуждения уголовного дела решается «узкая задача». Заметим, что значение рассматриваемой нами стадии состоит не только в «фильтре», отделяющем преступное поведение от иных событий и фактов.

Вполне очевидно, как утверждают ряд ученых (A. V. Popenkov, D. A. Ivanov, S. N. Khoryakov, L. N. Poselskaya), что данное решение должно быть вполне обоснованным, мотивированным, подкрепленным объективными данными, полученными в ходе проверки сообщения о преступлении [9, с. 1270].

В случае ошибочного решения о возбуждении уголовного дела и неподтверждении подозрений в ходе предварительного расследования уголовное дело подлежит прекращению, в том числе по реабилитирующим основаниям (отсутствие события, отсутствие состава преступления и прочих оснований), а лицо — реабилитации. Эта ситуация оценивается негативно в ведомственной статистике и учитывается при оценке результатов деятельности органов предварительного расследования.

В целях повышения качества принимаемых решений о возбуждении уголовного дела возникают объективные потребности у правоприменителя в расширении прав по производству следственных действий при проверке сообщений о преступлениях.

В работе Л. В. Головко «Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия» [6, с. 15], которая представляет безусловную ценность для правовой компаративистики, определены три системы организации уголовного судопроизводства.

1. «Французская система» — первоначальное полицейское дознание, направленное на отыскание улик, установление лица, совершившего преступление, проводимое под руководством прокурора, в рамках которого уполномоченные на то лица имеют право проводить все следственные действия.

2. «Германская система», в которой отсутствует этап проверки сообщения о преступлении, а само уголовное судопроизводство начинается с полицейского дознания; руководит всем производством по делу прокурор, который, в случае обнаружения виновного лица, выносит обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд.

3. «Американская система», особенностью которой является отсутствие четких правил полицейского расследования. Полиция в процессе досудебного производства имеет своей основной целью поиск лица, совершившего преступление, полученные результаты не протоколируются, и вообще характерно отсутствие прокурорского надзора за деятельностью полиции.

Решая вопрос, по какому пути развития двигаться российскому законодателю, безусловно, необходимо ориентироваться на имеющуюся правоохранительную систему, максимально избежать издержек, свойственных любому реформированию, сохранить имеющийся позитив.

Разрешив производство процессуальных действий на рассматриваемой стадии, российский законодатель, как минимум, на один шаг приблизил ее к так называемой «общеевропейской» модели.

Допустив возможность получения доказательств до возбуждения уголовного дела, законодатель тем самым затронул фундаментальные проблемы теории доказательств, уголовно-процессуальной формы, соблюдения прав участников уголовного судопроизводства.

Производство определенных следственных действий на данном этапе может способствовать экономии сил и средств органов предварительного расследования. А также минимизировать дублирование познавательной деятельности по установлению события преступления, размера причиненного вреда и других обстоятельств, подлежащих доказыванию, первоначально осуществленной лицом, производящим проверку сообщения, и в последующем следователем (дознавателем) по возбужденному уголовному делу. Подобная идея процессуальной экономии реализована при доказывании по уголовному делу, расследуемому в сокращенной форме дознания (ст. 226.5 УПК РФ).

Нельзя не отметить, что Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (далее — Устав) также предусматривал стадию полицейской проверки. В отд. 1 гл. 1 «Участие полиции в производстве предварительного следствия» эта процедура называлась дознанием. Цели его были аналогичны целям проверки сообщения о преступлении в ныне существующей стадии возбуждения уголовного дела.

Возможно, российский законодатель, сам того не сознавая и подчиняясь неумолимой исторической логике циклического развития любой правовой системы, начал долгий путь преобразования стадии возбуждения уголовного дела в полицейское дознание конти-

ментального типа, или, если угодно, возврат к досследственной процедуре Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Это не безоглядное разрушение советских процессуальных канонов, ведущее к плачевным последствиям (как это произошло в Грузии или на Украине). Это не может не повлечь болезненного для доктрины уголовно-процессуального права пересмотра канонов доказательственного права. Стоит ли «овчинка выделки», решится с течением времени.

Здесь важен взвешенный и вдумчивый подход, который должен учитывать и практические потребности правосудия, и теоретические достижения юридических наук, и зарубежный опыт, и уникальность российского пути развития. Последним особенно дорожат наши политики, которым в очередной раз выпало решать судьбы России.

Анализ существующих в настоящее время тенденций по изменению изучаемой нами стадии в уголовном судопроизводстве показывает, что происходят неоднозначные процессы, точечные изменения, а не системное регулирование стадии в целом, оцениваемые негативно большей частью правоведов.

Отказ от данной стадии в советском варианте не принесет положительного результата, о чем свидетельствует опыт Грузии, Украины и других независимых государств, ранее входивших в состав СССР и ныне пытающихся в экстренном порядке перейти к правовым системам европейского или американского образца.

Но и сохранение в прежнем виде уже сейчас дает ощутимый эффект «торможения» правоприменительной практики, а в условиях ежегодного роста регистрируемых обращений граждан влечет нерациональное использование сил и средств правоохранительных органов. Принимаемые законодателем меры положительного результата не дали.

Реформирование стадии возбуждения уголовного дела требует взвешенного и вдумчивого подхода, использование исторического опыта России, а также современной практики европейских стран.

Список источников

1. Брижак З. И., Стаценко В. Г. Некоторые проблемы действия принципа публичности в уголовном процессе // Российский следователь. 2014. № 24.

2. Брусницын Л. В. О стадии возбуждения уголовного дела // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4).

3. Волынский А. Ф., Волынский В. В. Новый УПК Украины — ответ на вызовы современной преступности или..? // URL://https://wiselawyer.ru/poleznoe/71044-novyj-ukrainy-otvet-vyzovy-sovremennoj-prestupnosti.

4. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2019 г. // URL://https://media.mvd.ru/files/embed/1789925.

5. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 г. // URL://https://media.mvd.ru/files/embed/2126203.

6. Головко Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // URL://-https://wiselawyer.ru/poleznoe/76188-arkhetipy-dosudebnogo-proizvodstva-vozmozhnye-perspektivy-razvitiya-otechestvennogo.

7. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016.

8. Парфенова М., Великая Е. Сложности выявления и расследования преступлений в сфере налогообложения // Законность. 2013. № 3.

9. Popenkov A. V., Ivanov D. A., Khoryakov S. N., Poselskaya L. N. Ensuring the right of the suspect and the accused for defense // Propositos y representaciones // Journal of Educational Psychology. May. 2021. Vol. 9. SPE(3), e1270.

References

1. Brizhak Z. I., Statsenko V. G. Some problems of the principle of publicity in criminal proceedings // Russian investigator. 2014. No. 24.

2. Brusnitsyn L. V. On the stage of initiation of a criminal case // Russian Journal of Legal Studies. 2015. № 3 (4).

3. Volynsky A. F., V. Volynsky. V. The new Criminal Procedure Code of Ukraine — a response to the challenges of modern crime or..? // URL://https://wiselawyer.ru/poleznoe/71044-novyj-ukrainy-otvet-vyzovy-sovremennoj-prestupnosti.

4. Annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program «Ensuring public order and combating crime» for 2019 // URL://-https://media.mvd.ru/files/embed/1789925.

5. Annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program «Ensuring public order order and crime prevention» for 2020 // URL://https://media.mvd.ru/files/embed/212-6203.

6. Golovko L. V. Archetypes of pre-trial proceedings, possible prospects for the development of domestic preliminary investigation // URL://https://wiselawyer.ru/poleznoe/76188-arkhetipy-dosudebnogo-proizvodstva-vozmozhnye-perspektivy-razvitiya-otechestvennogo.

7. The course of criminal procedure / edited by L. V. Golovko. M. : Statute, 2016.

8. Parfenova M., Velikaya E. Difficulties in detecting and investigating crimes in the field of taxation // Legality. 2013. № 3.

9. Popenkov A. V., Ivanov D. A., Khoryakov S. N., Poselskaya L. N. Ensuring the right of the suspect and the accused for defense // Propositos y representaciones // Journal of Educational Psychology. May. 2021. Vol. 9. SPE(3), e1270.

Информация об авторах

С. В. Ермаков — заместитель начальника кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Д. А. Иванов — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО (У) МИД России, доктор юридических наук, доцент;

П. Г. Сычев — докторант кафедры уголовного процесса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. V. Ermakov — Deputy Head of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

D. A. Ivanov — Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

P. G. Sychev — Doctoral Student of the Department of Criminal Procedure of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 122:34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-76-83
NIION: 2003-0059-3/22-284
MOSURED: 77/27-003-2022-03-483

Грех и зло как основа обусловленности криминального поведения

Евгений Семенович Жигарев
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрены метафизические категории «грех» и «зло», являющиеся антиподами понятий добра и добродетели, проявляющиеся в недобрых делах и криминальных поступках. Обращено внимание на исторические факты, имевшие место в мире в целом и в российской истории в отдельности. Сравнивается прошлое положение с сегодняшней тревожной ситуацией, которая обнаружилась в современном российском обществе, прослеживается их тождество. В этой связи находится единственный выход из создавшегося положения — это возвращение к вере и выполнению в полном объеме норм Божественных указаний как главного средства эволюции духовности, являющейся основным источником воспитания антикриминогенной личности.

Ключевые слова: грех, зло, добро, свобода, воля, грехопадение, христианство, бытие, вера
Для цитирования: Жигарев Е. С. Грех и зло как основа обусловленности криминального поведения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 76–83. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-76-83.

Original article

Sin and evil as the basis for conditioning criminal behavior

Evgeniy S. Zhigarev
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The metaphysical categories «sin» and «evil» are considered, which are the antipodes of the concept of good and virtue, manifested in unkind deeds and criminal acts. Attention is drawn to the historical facts that took place in the world as a whole and in Russian history separately. The author compares the past situation with the current alarming situation that has emerged in modern Russian society, and sees this as an identity. In this regard, the only way out of this situation is a return to faith and the full implementation of the norms of Divine instructions as the main means of the evolution of spirituality, which is the main source of education of the anti-criminal personality.

Keywords: sin, evil, good, freedom, will, fall into sin, Christianity, being, faith
For citation: Zhigarev E. S. Sin and evil as the basis for conditioning criminal behavior. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):76–83. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-76-83.

Криминальное поведение отдельных людей, выражаемое совокупностью ежегодно регистрируемых преступлений, вызывает понятную озабоченность у государственных чиновников и общественных деятелей, а также тревогу у каждого неравнодушного человека. Являясь неотъемлемым признаком любого современного общества, это обстоятельство заставило некоторых западных криминологов заявить, что преступность, как и грех, — нормальное явление в обществе.

Однако, согласиться с подобным утверждением ни в коем случае нельзя, ибо халатное отношение общества к данным негативным проявлениям людей может привести к печальным последствиям, которые

© Жигарев Е. С., 2022

уже имели место быть в истории человечества. Например, библейский пересказ об уничтожении городов Содома и Гоморры, жители которых погрязли в грехах и преступлениях, а это как раз свидетельствует об их духовной деградации и нравственной коррозии, явившихся всему этому причинностью.

История развития российской государственности тоже знает негативные периоды. Например, поворот к искушению «прогрессизмом» западного типа уходит, по крайней мере, в XVII в., в эпоху правления царя Алексея Михайловича; пышным же цветом дерево измены христианскому образу «Святой Руси» расцвело при Петре I. Начавший совершаться государством уход от живой веры в религиозную казенщину, естественно, способствовал внутреннему духовному расслаблению страны. И все последующие царствования XVIII в. преимущественно лишь упрочивали в стране условия, постепенно приведшие к духовной коррозии нации, а в итоге — к отходу от живого чувства Бога, от веры и от самой Церкви, что через столетие вполне закономерно привело к революции [6, с. 68–70].

Таким образом, глубинный результат начатых Петром преобразований (а правильнее сказать ломки христианского уклада), в результате которых он стремился уложить страну в прокрустово ложе протестантского европеизма, и началось постепенное духовное искривление российского пути. Именно это резкое нарушение естественного хода исторического развития Руси впоследствии способствовало большевистской попытке вовсе переломить становой хребет нации, уничтожив православную по своим истокам национальную российскую духовность — через уничтожение и самой Церкви в России.

Но главная трагедия XX в. и нынешнего времени, думается, состоит в том, что современная европейская цивилизация настаивает на упразднении самого понятия греха и взамен предлагает торжество порочной, мерзкой секуляризации — освобождения от религиозного влияния. Люди стали уже стесняться своей веры и даже чуть ли не извиняться за то, что пока еще относятся к христианам, и, конечно, никоим образом не претендовать на право проповеди христианства как единой истинно спасающей религии, данной нам Сыном Божиим. Понятие святости ушло не только из внешнего мира, оно не живет уже и в сердцах христиан.

Без преувеличения можно сказать, что мы живем в новой эпохе, эпохе информационной революции и новых технологий, небывалых демократических свобод и небывалого духовного рабства, когда грех и преступление не только не встречают должного сопротивления, но, пользуясь идеей глобализма и демократической системой, захватывают власть во всем мире. Эта эпоха локальных войн и небывалой доселе власти денег. Эта эпоха новой морали и в этой связи на наших глазах исчезают понятия совести, чести, стыда, верности и любви. А то, что в христианстве называется грехом и преступлением, теперь это естественная норма жизни, «реализация прав человека».

Не о таком ли состоянии общества еще в начале новой эры говорили ученики Иисуса Христа. Так, в первом соборном послании святой апостол Иоанн Богослов заявил: «что весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19). Найдется ли тот, кто станет сегодня отрицать эту истину? Что в этом мире зло есть явление всеобщее и универсальное — это положение, столь очевидное само по себе, не нуждается ни в каких дополнительных доказательствах. Все люди и во все времена, насколько помнит история человечества, испытывали на себе всю тяжесть господствующего в мире зла и страданий. Богословы и философы, духовные и светские писатели, христианские отшельники и индийские факиры, государственные деятели и законодатели не только не отвергают факта универсального господства зла в мире и его всеобщего распространения, но и посвящают все свои силы борьбе с ним, желая выяснить его сущность, указать действительный источник его происхождения, определить его смысл в общем течении мировой истории и таким способом найти надежные средства для успешной борьбы с ним.

По учению новозаветных писателей, мир не только лежит во зле, но и является неиссякаемым источником всякого рода зла, от которого происходят враждебные отношения людей к Богу, различные искушения, соблазны, грехи и преступления. Сам Спаситель говорит: «Люди возлюбили более тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» (Ин. 3:19).

Универсальность зла в мире и его постоянное усиление как в жизни людей, так и в окружающей человека природе признавали как древние языческие мыслители, так и философы нового времени.

Почти все они, за исключением материалистов и атеистов, более или менее склоняются к тому, что зло вообще есть нечто противоположное добру. В этой связи понятие о зле они обыкновенно ставят в непосредственную зависимость от понятия о добре. Но тут встречается новое затруднение: что нужно понимать под термином «добро»? В определении понятия добра философы так же далеко расходятся между собой, как и в определении зла. Однако с уверенностью можно определить добро как нечто такое, что необходимо должно быть или что входит в понятие порядка, а зло — как то, чего не должно быть, но что в действительности существует и что мыслится как нарушение порядка.

Но здесь опять рождается вопрос: чем мы должны руководствоваться при определении того, что должно быть и чему не следовало бы быть? Очевидно, что здесь нужен твердый и для всех одинаково обязательный критерий, чтобы четко отличать добро и зло, а его, к сожалению, в философской литературе нет. Дело в том, что представители каждого философского течения предлагают свой собственный критерий, с помощью которого будто бы только и возможно установить четкую границу между добром и злом. Но все эти критерии или находятся в непримиримом противоречии между собой, или не могут быть приняты, потому что вместо обещаемого различия приводят только к смешению нравственных начал, к запутанному представлению о добре и зле.

Поэтому, как представляется, нужно руководствоваться текстами христианских богословов, потому что они стоят на твердой и непоколебимой почве, которой для них является Божественное Откровение. Уже на первой странице Библии под добром ясно понимается Божие творение. Сам Творец семь раз назвал его добрым, хорошим, а по окончании творения, как замечает Быто-писатель, «и увидел Бог все, что Он создал, ... хорошо весьма» (Быт. 1:31). Поэтому добро как существующее в мире согласно плану мироздания, т. е. согласно Божественной мудрости и благости, христианские богословы всегда определяли как нечто субстанциональное и существенно необходимое, как то, что должно быть.

Можно сказать, что добро является контекстуально используемым в большом числе значений понятием, не имеющим жесткой привязанности к какой-либо метафизической (здесь в смысле философской) как и религиозной системе взглядов. С учетом этого методологического уточнения полезно для криминологов различать богословски-метафизическое «благо» как трансцендентное (т. е. недоступное познанию) свойство Божие, сообщаемое Богом творению в меру его причастности к Нему. И добро как духовно-нравственную категорию, проявляемую в практической деятельности человека и являющуюся лишь релятивным (относительным) нравственным регулятором.

Если рассматривать «добро» в ограниченном смысле, учитывая при этом историческое развитие понятия, оно может быть определено как особый термин, используемый для обозначения предполагаемой конечной цели, к которой должно быть направлено нравственно положительное действие, и, вместе с тем, как указание на особую характеристику такого действия.

Сама «нравственная положительность», позволяющая оценивать то или иное действие человека как доброе или ведущее к добру, не может быть определена абсолютно, а обусловливается теми или иными метафизическими (философскими), религиозными и мировоззренческими предпосылками определенных объединений (государства, общественных институтов и даже религиозных общин), вносящей суждение о нравственности или безнравственности определенных видов поступков.

В рамках христианского мировоззрения всякое суждение о добре или зле конкретных человеческих поступков оказывается теснейшим образом связано с двумя идеями: идеей божественного Блага, неизменно благого Промысла Божия, устроившего земное бытие — жизнь человечества; и идеей человеческой свободы, добровольно и сознательно направленной на выполнение и реализацию в мире божественной воли.

Подлинное добро человеческих поступков христианство считает прямым следствием внимания человека к Божественному замыслу о нем, к принятию начертанного Богом пути обожения — приближения к Богу посредством выполнения заповедей Христа. В соответствии с этим в христианстве добро, проявляющееся в человеческой деятельности, есть не просто этическая категория, а реально божественное присутствие в жизни человека, результат постоянного взаимодействия Бога и человека. Вследствие такого понимания добра теряет смысл присутствие внешнего нравственного регулятива, ибо оно стано-

вится внутренним содержанием жизни христианина, дыханием Святого духа в нем [8, с. 468–470].

После сказанного уже нетрудно определить и понятие зла. Если добро есть нечто субстанциональное, существенное и необходимое, как явившееся согласно Божественному плану мироздания, то зло, следовательно, есть нечто не субстанциональное, то, чему не следовало быть, что не согласовано с волею Божией и что не входило как составная и необходимая часть в Божественный план мироздания, что не создано Богом и с чем человек может и должен вступать в борьбу и победить его.

Наиболее очевидным проявлением зла являются поступки человека. Поэтому для христианства проблема зла имеет, прежде всего, этическое значение, что в Новом Завете выражается в антропологических терминах: в качестве источника зла в человеке указываются различные стороны его природы. Причиной злодеяний, например, указывается сердце: «Ибо извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, — все это зло извнутрь исходит и оскверняет человека» (Мк. 7:21–23). Неистребимым злом в человеке является его язык: «... язык укротить никто из людей не может: это — неудержимое зло» (Иак. 3:8). Искаженный взгляд на мир погружает во тьму всего человека: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» (Мф. 6:23). Так же зло в человеке может быть связано с его мыслями (Иак. 2:4), совестью (Евр. 10:22), страстями (Тим. 6:10) [7, с. 205–210].

В настоящем мире мы различаем два вида бытия — бытие физическое и бытие духовное, поэтому только в этих двух основных формах бытия проявляется и зло: а) зло физическое; б) зло моральное или нравственное.

К физическому злу относится все то, чего, согласно христианскому мировоззрению, не должно было быть во внешней природе, что нарушает порядок физической жизни и что вообще затрудняет правильное развитие физического бытия (например, тайфун, землетрясение, вулканические извержения, отсюда человеческие страдания, болезни и смерть).

К моральному злу относится все то, чего не должно было бы быть в области нравственно-духовной жизни, что нарушает ее правильный строй, производит отклонения от богоугодного развития нравственного бытия; если сказать одним словом, это то, что в религиях обыкновенно называется грехом.

Некоторые западные философы указывают еще и третий вид зла — метафизический, под которым они понимают ограниченность или несовершенство некоторых видов существ: отсутствие неких возможностей и атрибутов, которые по своему назначению принадлежат существам другого порядка. Но следует ли считать злом то, что человек, например, не всеведущ или что, по ограничению своего разума, он не может постигнуть самой сущности вещей, что он не всемогущ, не вездесущ, т. е. что он создан только человеком и не может обладать божественными свойствами? Однако когда человек действует в пределах своего назначения и когда его действия по необходимости являются объективно ограниченными, ибо он — «конечное существо», то разве можно назвать это злом? Поэтому так называемое «метафизическое зло» не является злом в собственном смысле этого слова. Концепция метафизического зла выходит уже за пределы понятия зла и призывает считать злом отсутствие того, что по назначению не должно принадлежать людям — существам данного порядка. В этой связи нет смысла поддерживать концепцию метафизического зла.

Однако в человеческой жизни формы проявления зла гораздо сложнее и разнообразнее, чем в сфере внешней природы. В человеческой жизни то, чего не должно было бы быть, проявляется как в виде физического зла, так и в виде морального зла. Первый вид зла обнаруживает себя в форме различных телесных страданий, возникающих в результате болезней. Второй вид зла проявляется в форме греха (заблуждений, пороков и в уклонении человеческой воли от Бога). Кроме того, христианские мыслители говорят еще об одном, особом виде зла, под которым понимают все те неприятности, невзгоды, лишения и скорби, которые испытывает каждый человек как член общества и гражданин государства. Однако это зло внешнее, обусловленное функционированием общества и взаимоотношениями государств, порождающих войны, которые уносят миллионы человеческих жизней, лишают семей кормильцев, отнимают у престарелых родителей сыновей, у детей — отцов, у жен — мужей.

Существование в мире физического и морального зла, разнообразных телесных и душевных страданий и смерти, эгоистических порочных страстей и всякого рода злодеяний во все времена составляли трудную и неразрешимую загадку для человечества — откуда появилось в мире зло? Задавая себе этот вопрос, человек не подозревает, что виновником зла является он сам. Созданный свободно-разумным существом, он однажды злоупотребил дарованной Богом свободой.

Факт грехопадения прародителей имеет глубокое и универсальное значение. Он ясно указывает на тот истинный источник, из которого произошло первоначально зло, разлившееся потом по всему миру. Таким источником оказалась дарованная человеку и не отнятая у него даже после грехопадения именно свобода воли как основной принцип нравственности. Сама по себе воля всегда способна перейти в своеволие, разрушив все встречающиеся на ее пути ограничения.

Но человек есть существо не только свободное по своей воле, но и одаренное разумом, который мог удержать волю в известных пределах, раскрыв те губительные последствия, которые могут повлечь за собой разрушение препятствий (невыполнение заповеди: не есть плодов от дерева познания добра и зла), которые были назначены Богом для человеческой воли. Но оказывается еще не окрепший разум прародителей не смог оказать сопротивления доводам змея-искусителя (или дьявола), который, будучи злым существом и превосходя человека своими интеллигентными способностями, подавил его волю [2, с. 15–94].

И в этой же книге Бытия, в которой рассказывается о райском блаженстве первых людей, представлена мрачная картина всеобщего повреждения грехом человеческой природы и ужасного нравственного развращения человеческого рода вскоре после их грехопадения. «И увидел Господь (Бог), что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» (Быт. 6:5).

Однако ветхозаветное учение о всеобщей греховности рода человеческого и о первородном грехе как об основной причине распространения зла на земле всецело подтверждается и святыми апостолами — писателями Нового Завета. Например, апостол Павел в послании к римлянам, признавая в человеке источник зла — испорченную первородным грехом человеческую природу, изображает ее во всей глубине и непосредственности: «Я плотян, продан греху, — говорит он, — ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, т. е. в плоти моей, доброе, потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7:14–24).

Итак, все Священное Писание как Ветхого, так и Нового Завета согласованно свидетельствуют о том, что первоначально мир был создан добрым и благим и что Бог зла не сотворял, что оно явилось как следствие грехопадения прародителей, которые, обладая свободной волей и разумом, подчинились искушению дьявола и нарушили легкую для них заповедь Творца.

В приведенном тексте из послания Павла римлянам несколько раз приводится слово «грех», которое неотделимо от понятия «зло» и даже, как представляется, не было бы зла на земле, если бы не совершили грех первые люди. Поэтому есть основание рассмотреть и это понятие.

Встречающиеся в религиозно-христианской литературе определения греха сводятся к одному общему выражению: грех есть нарушение норм бытия (жизни) тварного мира, установленных Богом. Поскольку такое нарушение имеет исключительно негативные последствия, грех часто ассоциируется со злом, выражением которого он и является. В этой связи в различных мировоззренческих системах грех обсуждается почему-то как проблема зла. Но все же, как представляется, наоборот, зло должно обсуждаться как проблема греха. Ведь о нем заговорили как о следствии, причиной которого было нарушение заповеди Бога первыми людьми, а еще раньше, до этого факта, — действиями темных ангелов, восставших против Бога.

Попытки решить проблему греха вне христианства до сих пор оказывались неудачными, так как эта проблема, по справедливому замечанию русского философа В. Н. Лосского, по существу своему является христианской.

И вновь за основу раскрытия сущности греха возьмем Священное Писание. Так, в Ветхом Завете постоянно говорится о грехе: о его зарождении, природе, последствиях, разновидностях, о противостоянии греха Божественному милосердию, о наказаниях за грехи, о борьбе с грехами, о жертвах за грехи и т. д. Библейское повествование преследует при этом единственную цель — вырвать человека из рабства греха и вернуть его к Богу.

Тема греха появляется в начале книги Бытия (Быт. 1:24), хотя само слово «грех» здесь пока не встречается. Указанный текст описывает совершение людьми первого греха на земле, потом получившего наименование «первородный грех», а также его последствия, отрицательно отразившиеся не только на самом человеке, но и на окружающем его мире. Появившийся грех нарушает единство не только между Богом и человеком, но и между самими людьми (Адамом и Евой). С этого момента печать греха оставляет след на всем человечестве, на всех деяниях людей, а зарождающаяся история человечества будет протекать и завершится в эсхатологической (конечной) перспективе под знаком греха.

Войдя в мир через противоправный поступок Адама и Евы, грех продолжает свое воздействие, приобретая при этом разнообразные виды и формы и обнаруживая новые способы влияния на людей. При всем многообразии, причины человеческих грехов в христианстве традиционно делятся на две основные категории. Первая категория состоит из грехов, вызванных так называемой «похотью плоти» (1 Ин. 2:16); появившиеся в результате искажения человеческой природы первородным и последующими грехами, они порождают в человеке низменные инстинкты, парализуют волю и помрачают разум. Они приводят в расстройство и ослабляют все силы человека: физические, интеллектуальные и духовные. Греховная одержимость часто вызывает крайние формы поведения, имеется в виду — криминальные. Грешник не может удержаться в рамках разумной умеренности. Причем его неумеренность, как ни странно, может проявляться не только в необузданных страстях, но и в безрассудной ревности. Порождаемый такой ревностью фанатизм способен обусловливать самые чудовищные преступления.

Ко второй категории причин греха относятся те, которые находятся в окружающем мире. После грехопадения человек оказался в мире, который стал носить двойственный характер: с одной стороны, он — Божественное творение, а с другой, — мир, который «лежит во зле». Оказавшись носителем соблазнов, такой мир может реально осквернить человека, возбуждая в нем страсти, ведущие ко греху. Противостояние между «миром сим», влекущим человека ко греху, и Богом, не хотящим «смерти грешника» (Иез. 33:11), достигает наивысшего предела: «... кто хочет быть другом миру, — говорит апостол Иаков, — тот становится врагом Богу» (Иак. 4:4).

К концу IV в. завершается формирование схемы из восьми основных грехов, называемых также страстями или пороками. Они делятся на «плотские»: чревоугодие (сластолюбие) и блуд; и «душевные»: сребролюбие (стяжательство), гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. Впоследствии христианские мыслители выделили три группы страстей, соответствующих трем частям души. В умственной части — сомнение, гордость, напыщенность, чванство, кичение, блуждание мыслей и помыслов и т. д. В желательной части — властолюбие, своеволие, самонадеянность, жестокость, неблагодарность, лихоимство (взяточничество) и пр. В чувственной части — гнев, зависть, ненависть, злоба, месть, высокомерие, надменность, тщеславие, славолюбие и др. Кроме того, и тело, и дух имеют свои страсти. Вообще страстной человек тот, кем владеют чувства, а не рассудок.

Однако такое деление признается условным, ибо нет такого греха, который бы совершался только телом или только душой, по сути, он совокупный. В действительности к криминальным действиям (к преступлениям) человека приводят страсти. И в этой связи и в криминологии, и в уголовном праве страсти отождествляются с мотивами — побудительными причинами.

Наряду с понятием личностного греха, который совершает отдельный человек, существует понятие «общественный грех», порождающий социальное зло, в частности социальную несправедливость. Общественный грех не появляется самостоятельно;

он зарождается и вырастает на базе индивидуальных грехов, представляя собой их общественное значение. Связь, существующая между личными и общественными грехами, указывает на то, что каждый член общества в той или иной мере ответственен за грехи, проникающие в общественное устройство. Эта ответственность находится в прямой зависимости от положения, занимаемого человеком в обществе.

Социальный грех, как правило, формируется под воздействием множества факторов, поэтому обнаружить и установить правильный диагноз болезни общества очень трудно. Но еще труднее лечить болезнь: попытки делать это с помощью одного лишь изменения общественных структур, или пресловутых общественных отношений, обычно оказываются малоэффективными. Главной предпосылкой преодоления социального греха, как и греха индивидуального (личностного), является его осознание, с той лишь разницей, что грех личностный (индивидуальный) осознается конкретным человеком, а грех социальный, проявляющийся на уровне общества, должен осознаваться его членами, находящимися во власти [3, с. 330–345].

Для христианина как члена общества приоритетной остается борьба с собственными грехами, ибо для того, чтобы «вынуть сучок из глаза брата», нужно сначала вынуть «бревно из собственного глаза» (Мф. 7:3–5). Однако борьба с собственными грехами невозможна без участия Бога, ведь Он лично говорит: «... без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5). И еще, если бы мы могли сами побороть свои грехи, Господу не нужно было бы приходить на землю. Поэтому надо просто понимать, что победить зло, проявляемое индивидуальными грехами, можно только с Божией помощью. И это принципиальный момент. У царя Давида в одном из псалмов (род религиозного песнопения) есть замечательные слова, на которые обратил внимание иерей А. Ильяшекно, «изведи из темницы душу мою» (Пс. 141:7). Здесь Давид грех сравнивает с темницей, из которой невозможно вырваться самостоятельно, поэтому человек вроде бы не хочет осуждать ближнего, но осуждает, не хочет помнить обиды, но помнит. От этой беспомощности он страдает, но в одиночку ничего сделать не может. В этой связи Ильяшенко приводит следующие слова: «Что с того, если вы проломите стенку собственным лбом? Что вы будете делать в соседней камере?» [4, с. 42]. На самом же деле Господь требует от нас лишь искренней веры, усердия в своих праведных делах и постоянства соблюдения заповедей, а результаты Он дарует.

Поэтому решение поставленной в статье проблемы автор видит через возвращение человека к Богу, с помощью Которого только и возможно изменение его духовно-нравственного состояния. А иначе, в условиях духовного кризиса, все больше набирает обороты так называемая «вестернизация» — обращение молодежи и ее ориентация на Запад. Отмечая этот факт, профессор А. Кураев пишет: «...мы и сейчас язычники или снова язычники (т. е. идолопоклонники — пояснение Е. Ж.), потерявшие Бога, повернувшиеся к оккультизму, культу «золотого тельца», культу насилия; мы формируем поколение, выбирающее кока-колу, равнодушное, немилосердное, пытающееся достичь успеха любой ценой. Значит, без закона, не адекватного, но подобного Закону Моисея, и сейчас также нельзя» [5, с. 149]. Как бы ни был труден путь возвращения к Богу, все равно христианская жизнь возможна, хотя этот подъем требует и чрезвычайно высокой отдачи. Понятно, что силы человека ограничены, но и обязательства, на нем лежащие, тоже не бесконечны, а в точности соответствуют его природе, что является порукой будущей победы человечества над грехом, а значит и над преступностью.

Список источников

1. Библия. М. : Российское Библейское Общество, 1995.

2. Буткевич Т., протоиерей. Зло, его сущность и происхождение. Т. 1. Киев : Издательство «Пролог», 2007.

3. Иванов М. С. Грех: православная энциклопедия. Т. XII. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006.

4. Ильяшенко А. Нельзя спастись своими силами // Фома. 2006. № 11.

5. Кураев А. Дары и Анафемы. Что христианство принесло в мир. М., 2001.

6. Малков Г., диакон. Контрреволюция духа. М. : Издательство «Белый берег», 2006.

7. Пономарев А. В. Зло: православная энциклопедия. Т. XX. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009.

8. Смирнов Д. В. Добро: православная энциклопедия. Т. XV. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007.

References

1. The Bible. M. : Russian Bible Society, 1995.

2. Butkevich T., Archpriest. Evil, its essence and origin. Vol. 1. Kiev : Publishing House «Prologue», 2007.

3. Ivanov M. S. Sin: Orthodox Encyclopedia. Vol. XII. M. : Church Scientific Center «Orthodox Encyclopedia», 2006.

4. Ilyashenko A. It is impossible to save yourself // Thomas. 2006. № 11.

5. Kuraev A. Gifts and Anathemas. What Christianity brought to the world. M., 2001.

6. Malkov G., deacon. Counterrevolution of the spirit. M. : Publishing house «White Coast», 2006.

7. Ponomarev A.V. Evil: Orthodox Encyclopedia. Vol. XX. M., 2009.

8. Smirnov D. V. Good: Orthodox Encyclopedia. Vol. XV. M. : Church Scientific Center «Orthodox Encyclopedia», 2007.

Информация об авторе

Е. С. Жигарев — профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, почетный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН).

Information about the author

E. S. Zhigarev — Professor of the Criminology Department of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Member (Academician) of the Russian Academy of Natural Sciences (RAS).

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

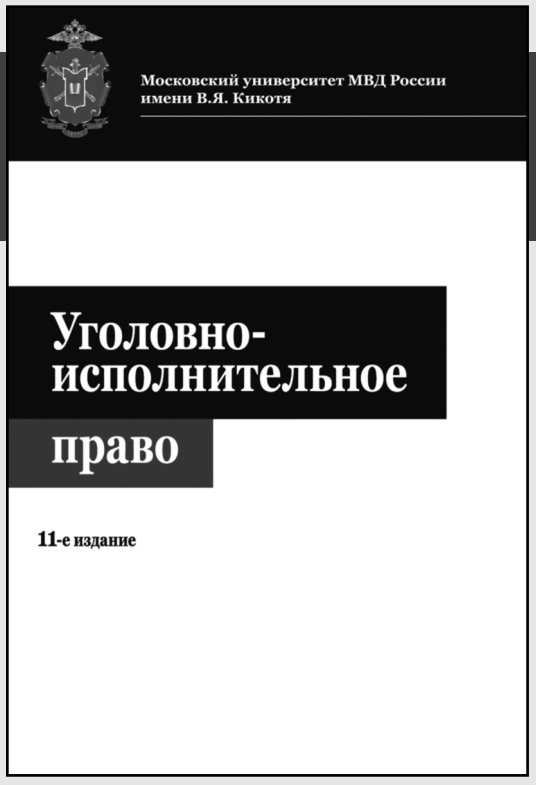
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

11-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 303 с.
Гриф МО РФ
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. С. М. Иншакова, А. П. Скибы

Рассмотрены вопросы, касающиеся понятия и предмета уголовно-исполнительного права, системы уголовно-исполнительного законодательства, правового положения лиц, в отношении которых исполняется наказание, общих принципов исполнения наказания.

Освещены вопросы исполнения всех видов уголовных наказаний (обязательные работы, ограничение свободы, арест) и наказаний, применяемых в отношении осужденных военнослужащих. Рассмотрены освобождение от отбывания наказания, участие адвоката в подготовке и рассмотрении дел Европейским судом по правам человека, тюремные системы зарубежных стран.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших юридических образовательных учреждений, а также специалистов уголовной юстиции и исполнения наказания.



Научная статья
УДК 343.286
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-84-88
NIION: 2003-0059-3/22-285
MOSURED: 77/27-003-2022-03-484

Применение ст. 39 УК РФ при квалификации налоговых преступлений: практический аспект

Александра Михайловна Зарина[1], Татьяна Сергеевна Мороз[2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com
[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
[2] Международная полицейская академия ВПА, Тула, Россия, tat.moroz2009@yandex.ru

Аннотация. Делается попытка ответить на вопросы: как оценить действия лица, которое, совершив налоговое преступление, действовало в состоянии крайней необходимости или, превысив пределы, добросовестно заблуждалось в оценке ситуации; как применить ст. 39 УК РФ, если головное дело возбуждено или вынесен приговор? Здесь, обращает на себя внимание и является достаточно интересной для правоприменителя объективная сторона налоговых преступлений, а именно действия ее образующие.

Ключевые слова: крайняя необходимость, квалификация налоговых преступлений, объективная сторона, критерии применения крайне необходимости

Для цитирования: Зарина А. М., Мороз Т. С. Применение ст. 39 УК РФ при квалификации налоговых преступлений: практический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 84–88. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-84-88.

Original article

Application of art. 39 of the Criminal Code of the Russian Federation in the qualification of tax crimes: a practical aspect

Alexandra M. Zarina[1], Tatyana S. Moroz[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com
[1] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
[2] WPA International Police Academy, Tula, Russia, tat.moroz2009@yandex.ru

Abstract. An attempt is being made to answer the questions: how to assess the actions of a person who, having committed a tax crime, acted in a state of extreme necessity or, having exceeded the limits, was conscientiously mistaken in assessing the situation; how to apply Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation if the main case was initiated or a verdict was passed? Here, the objective side of tax crimes, namely the actions that form it, attracts attention and is quite interesting for the law enforcement officer.

Keywords: extreme necessity, qualification of tax crimes, objective side, criteria for applying extreme necessity

For citation: Zarina A. M., Moroz T. S. Application of art. 39 of the Criminal Code of the Russian Federation in the qualification of tax crimes: a practical aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):84–88. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-84-88.

При квалификации налоговых преступлений в сложившихся обстоятельствах лицам приходится действовать в защиту правомерных благ, причиняя при этом вред менее значимому объекту посягательства, действуя в состоянии крайней необходимости. Однако с учетом сложившейся судебной и следственной практики не совсем понятны критерии применения ст. 39 УК РФ.

© Зарина А. М., Мороз Т. С., 2022

В первую очередь, обращает на себя внимание исследование данной проблемы Н. А. Ермолаевой, которая рассматривает три варианта развития ситуации в данной группе преступлений. Достаточно распространенной и применимой на практике является ситуация, когда организация осуществляет денежные расчеты, при чем обходя расчетный счет, но во внутреннем учете данные операции имеют место быть.

Например, К., являясь директором ЗАО «Восток», получил извещение из налоговых органов о необходимости взыскания с организации налогов, а также пени при возбужденном подразделением службы ФССП исполнительном производстве, перевел деньги ПАО «Интер» минуя расчетный счет организации. Однако операции по хозяйственной деятельности были задокументированы бухгалтерией. Суд К. области вынес приговор в отношении гр. К. и признал его виновным по ст. 199.2 УК РФ [7].

При квалификации действий лиц по обозначенной статье под сокрытием мы подразумеваем действительную нехватку имущества лица, которая не дает возможности погасить платежные притязания.

Организация реализует наличные деньги при проведении операций минуя свой расчетный счет, что не указано в документации предприятия. Так, судом г. Н. к уголовной ответственности привлечен директор ООО «Спектр», который при наличии у организации недоимки единого социального налога, а также по НДС, при выставлении в банковские организации в отношении предприятия инкассовых поручений, направил денежные средства и ценные бумаги организации в размере 4 млн 452 тыс. 256 руб. и расчетные средства в размере 15 млн 784 тыс. 102 руб. на хозяйственную деятельность предприятия [8].

Организация производит открытие новых расчетных счетов, с которых при перечислении денежных средств производятся расчетные операции [5, с. 65; 2, с. 73].

Актуальным здесь будет пример. Директор гр. Л. ООО «Жилсервис», реализующей задачи по отоплению города К., имея налоговую недоимку в сумме 460 тыс. руб. (согласно УК РФ — крупный размер), скрыл денежные средства, которые должны быть направлены в качестве налогов и (или) сборов в бюджет Российской Федерации. Указанные деньги направлены в ПАО «Престиж», минуя расчетный счет организации и не указав данные операции в документации организации. В отношении гр. Л. было возбуждено уголовное дело по ст. 199.2 УК РФ. В связи с тем, что данное лицо действовало в состоянии крайней необходимости, суд вынес оправдательное решение, так как действия гр. Л. были реализованы исключительно в зимнее время года, когда на предприятии сломалась техника, а денежные средства были израсходованы на ремонт оборудования. Других денежных средств предприятие на счетах не имело. Суд вынес решение, обосновав его следующим образом: так как котельная осуществляла свою деятельность одна в районном центре, а также помимо жилых помещений обслуживала хлебозавод «Авангард», производящий весомую часть потребляемой в городе продукции, остановить отопительный сезон не представлялось возможным в данных условиях, что нарушает интересы большого количества лиц. Ситуация сложилась таким образом, что гр. Л. был вынужден потратить денежные средства на хозяйственные нужды организации, которые были предусмотрены на выплату налоговых платежей [9].

Одним из важных признаков крайней необходимости выступает столкновение лица с опасностью. В выше обозначенном примере налицо опасность в виде срыва отопительного сезона в жилых помещениях и на хлебозаводе «Аванград». В случае столкновения интересов в момент реализации опасности лицо должно реализовать один из возможных вариантов поведения, по реализации своего права действовать, либо отказаться совершать данные действия.

Соглашаясь с позицией Н. А. Ермолаевой отмечаем, что в ситуации крайней необходимости возможно причинение вреда правоохраняемым интересам. Однако лицо действует в пределах своего субъективного усмотрения. С позиции социальной оценки вред, который возникает как результат действий при крайней необходимости, является вынужденным.

Интересной также является следующая ситуация.

ЖЭУ г. Санкт-Петербурга при взимании налоговых платежей у физических лиц не перечислило в установленном законом порядке налоги посредством налогового агента, использовав денежные средства на ремонт вышедших из строя труб. Однако, «найти» деньги на потребности организации другим образом не представлялось возможным. Срыв отопительного сезона грозил большими проблемами в городе — как в жилом секторе, так и в промышленности [10].

В ходе проведения предварительной проверки по указанным материалам было установлено наличие

ст. 39 УК РФ и отсутствие состава какого-либо преступления. Таким образом, при применении крайней необходимости, а также института обстоятельств, исключающих преступность деяния, мы должны руководствоваться правилом разумности применения тех или иных действий [1, с. 27; 4].

Несмотря на наличие судебно-следственной практики в решении обозначенных вопросов, следует констатировать то, что определить универсальные критерии действия для всех ситуаций неуплаты налоговых платежей в состоянии крайней необходимости не представляется возможным, так как отдельные категории института обстоятельств, исключающих преступность деяния, носят оценочный характер [3, с. 187–188].

Так, С. областной суд отменил приговор районного суда г. Т. апелляционным определением в отношении гр. Г., который был привлечен к ответственности по ст. 199.2 УК РФ, а в последующем прекратил производство по данному делу в связи с отсутствием состава преступления.

Согласно приговору суда, гр. Г., находясь на должности директора котельно-радиаторного завода в течении определенного времени, скрыл денежные средства предприятия, которые учитывались при начислении налогов и (или) сборов в крупном размере.

Директор завода в ходе судебного заседания свою вину не признавал, пояснив, что ранее им была направлена информация в органы исполнительной власти о состоянии банкротства организации и возникновении трудностей по уплате налоговых платежей. Однако последние отказались реструктурировать долг завода. Гр. Г. неоднократно в письмах афиллированным лицам указывал на необходимость выплаты сотрудникам заработной платы, счетов по электроэнергии и хозяйственных расходов за счет дебиторской задолженности. В результате ущерб мог носить серьезный характер — взрывы на предприятии, а как последствие — человеческие жертвы.

В ходе разбирательства при рассмотрении апелляции по выше указанному уголовному делу было установлено, что данное предприятие — единственный поставщик чугунных радиаторов отопления, тормозных колодок для локомотивов в РФ. При производстве данной продукции идет сотрудничество с предприятиями 2–4-го классов опасности.

При изучении расходов предприятия получена следующая информация, что почти 80 % прибыли потрачены на хозяйственные необходимые нужды в виде оплаты воды, электрической энергии, газа и других коммунальных платежей, а также закупку расходных материалов для производства.

Таким образом, гр. Г. своими действиями предотвратил крупную техногенную аварию, так как обеспечивал поддержание бесперебойной работы на предприятии, но ни в коем случае не пытался скрыть имущество при уплате налоговых платежей в бюджет Российской Федерации.

Директор организации не мог принять решение о прекращении деятельности предприятия, так как, помимо возникновения угрозы аварии на опасном производстве, в последствие также возникли проблемы с безработицей и потерей рабочих мест сотрудниками. Безусловно, грозившая опасность по своему размеру и степени тяжести намного превышает невыплату налогов и сборов гр. Г. При чем опасность имела реальный характер.

Следует отметить, что условия сложились следующим неблагоприятным образом: государственные органы отказались поддерживать предприятие, налоговая служба отказалась предоставить рассрочку в выплате налоговых платежей. Таким образом, директор предприятия не мог устранить опасность другим способом, а также другими средствами, т. е. гр. Г. действовал в состоянии крайней необходимости. В обозначенной ситуации [12] не были превышены пределы правомерности указанного обстоятельства, исключающего преступность деяния [11].

Однако П. С. Яни отмечает следующее, ссылаясь на материалы судебной практики. В практической деятельности угроза реальной опасности заключается в наличии техногенной аварии в будущем, и в обозначенной выше ситуации вполне допустимо причинение вреда налоговым правоотношениям. Не совсем правильными являются суждения том, что действия лица правомерны при устранении такой опасности, как безработица. Потеря сотрудниками работы оценивается как последствие банкротства организации, в связи с чем мы не усматриваем в данных действиях лица опасности. Поэтому можно говорить о том, что в такой ситуации не сложилась обстановка состояния крайней необходимости. В связи с чем суд в порядке кассации указал на то, что условия создания крайней необходимости отсутствуют, так как обязанность работодателя по выплате заработной платы и обеспечение производственного цикла предприятия

не могут быть оценены в качестве оснований неуплаты налоговых платежей [13; 6].

На сегодняшний день возможно выделение следующих критериев применения крайней необходимости при квалификации налоговых преступлений. Статья 39 УК РФ не подлежит применению если денежные средства расходуются на покупку автотранспорта, предметов роскоши. Однако, когда в регионе складывается негативная социально-экономическая ситуация и предприятию необходимо выплачивать сотрудникам заработную плату, иначе растет общественное недовольство, что может повлечь за собой большой резонанс. В данной ситуации налицо обстановка, свидетельствующая о состоянии крайней необходимости.

Список источников

1. Антонов В. Ф. Крайняя необходимость в уголовном праве. М. : Юнити-Дана, 2005.

2. Ермолаева Н. А. Уголовно-правовая регламентация ответственности в сфере налогообложения: вопросы теории и практики: дисс. … канд. юрид. наук. СПб., 2009.

3. Карханов А. О. О некоторых проблемах уголовного закона об ответственности за уклонение от уплаты налогов с организаций и пути его совершенствования // Черные дыры российского законодательства. 2003. № 4. С. 187–191.

4. Кондраткова Н. В. Борьба с налоговыми преступлениями как одно из ключевых направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации // Российский следователь. 2017. № 14 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Рагозина И. Г. Уклонение от уплаты налогов и сборов: усиление ответственности // Уголовный процесс. 2005. № 8. С. 65–71.

6. Яни П. С. Уголовная ответственность за сокрытие имущества с целью уклонения от взыскания недоимки // Законность. 2020. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Архив суда Калтанского районного Кемеровской области за 2004 г. Уголовное дело № 1-73.

8. Архив Заводского районного суда г. Новокузнецка за 2004 г. Уголовное дело № 1-526.

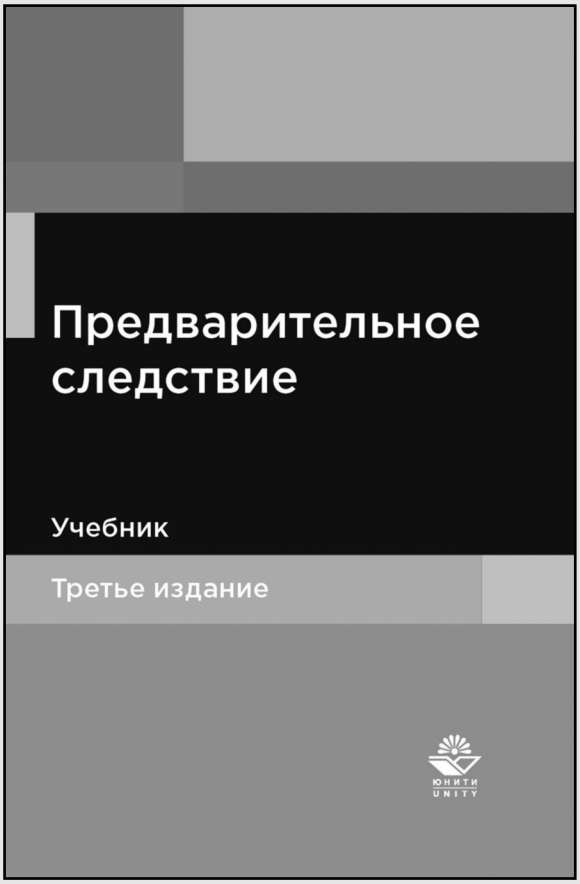
9. Архив суда г. Кондопога за 2008 г.

10. Архив ГУВД СПб. Дело за 2005 г.

11. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федера-

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

3-е изд., перераб. и доп. Учебник. 575 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. М. В. Мешкова



Процессуально-правовая деятельность, составляющая содержание предварительного следствия, рассматривается с учетом соответствующих положений законов и подзаконных актов, современных достижений теории уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-разыскной деятельности. Подробно изложены вопросы, касающиеся специфики организации органов предварительного следствия, процессуальной деятельности, взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, прокуратурой, судом.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», курсантов вузов системы образования МВД России, а также для практических работников органов предварительного расследования.

ции об обстоятельствах, исключающих преступность деяния утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 16 августа 2019 г. по делу № 22-6065/2019.

13. Постановление президиума Тульского областного суда от 17 апреля 2019 г. № 44У-41/2019.

References

1. Antonov V. F. Extreme necessity in criminal law. M. : Unity-Dana, 2005.

2. Ermolaeva N. A. Criminal legal regulation of liability in the field of taxation: issues of theory and practice: diss. ... cand. jurid.

3. Karkhanov A. O. On some problems of the criminal law on liability for tax evasion from organizations and ways to improve it // Black holes of the Russian legislation. 2003. No. 4. P. 187–191.

4. Kondratkova N. V. Combating tax crimes as one of the key activities of the Investigative Committee of the Russian Federation // A Russian investigator. 2017. No. 14 // SPS «ConsultantPlus».

5. Ragozina I. G. Evasion of taxes and fees: strengthening of responsibility // Criminal process. 2005. No. 8. P. 65–71.

6. Yani P. S. Criminal liability for concealment of property in order to evade collection of arrears // Legality. 2020. No. 3 // SPS «ConsultantPlus».

7. Archive of the Kaltansky district Court of the Kemerovo region for 2004 Criminal case No. 1-73.

8. Archive of the Zavodsky District Court of Novukuetsk for 2004 Criminal case No. 1-526.

9. Archive of the court of Kondopoga for 2008.

10. Archive of the Police Department of St. Petersburg. Case for 2005.

11. Review of the practice of application by courts of the provisions of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation on circumstances precluding the criminality of the act approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 22, 2019) // SPS «ConsultantPlus».

12. Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court of August 16, 2019 in case No. 22-6065/2019.

13. Resolution of the Presidium of the Tula Regional Court of April 17, 2019 No. 44U-41/2019.

Информация об авторах

А. М. Зарина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Т. С. Мороз — доцент кафедры психологии и педагогики Международной полицейской академии ВПА, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Zarina — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. S. Moroz — Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogics of the WPA International Police Academy, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 93:343.97
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-89-93
NIION: 2003-0059-3/22-286
MOSURED: 77/27-003-2022-03-485

Борьба с преступностью в Ленинграде и области в 1960–1990-х гг.: некоторые итоги и проблемы

Дмитрий Викторович Иванов
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, SaW357@mail.ru

Аннотация. На основе анализа архивных материалов и историко-правовой литературы делается попытка сформулировать некоторые выводы о деятельности органов милиции, суда и прокуратуры Ленинграда и Ленинградской области по преодолению негативных тенденций криминализации общественных отношений в регионе за последние три десятилетия существования СССР. В центре внимания оказываются такие важные аспекты темы, как организационно-правовые основы борьбы с постоянно возрастающей преступностью, специфика ее правового регулирования и организации на различных этапах реформирования органов милиции, суда и прокуратуры Ленинграда и области. Анализируются имевшие место проблемы профилактики и борьбы с преступностью силами правоохранительных органов и общественных формирований региона.

Ключевые слова: преступность, организационно-правовые основы борьбы с преступностью, милиция, суд, прокуратура, Ленинград, Ленинградская область

Для цитирования: Иванов Д. В. Борьба с преступностью в Ленинграде и области в 1960–1990-х гг.: некоторые итоги и проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 89–93. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-89-93.

Original article

Fight against crime in Leningrad and the Leningrad region in the 1960s–1990s: some results and problems

Dmitry V. Ivanov
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, SaW357@mail.ru

Abstract. The article attempts, based on the analysis of archival materials and historical and legal literature, to formulate some conclusions about the activities of the police, the court and the prosecutor's office of Leningrad and the Leningrad region to overcome the negative trends of criminalization of public relations in the region over the last three decades of the USSR. The focus is on such important aspects of the topic as the organizational and legal foundations of the fight against ever-increasing crime, the specifics of its legal regulation and organization at various stages of reforming the police, court and prosecutor's office of Leningrad and the region. The problems of prevention and combating crime by law enforcement agencies and public formations of the region that have taken place are analyzed.

Keywords: crime, organizational and legal foundations of the fight against crime, police, court, prosecutor's office, Leningrad, Leningrad region

For citation: Ivanov D. V. Fight against crime in Leningrad and the Leningrad region in the 1960s–1990s: some results and problems. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):89–93. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-89-93.

Сегодня уже практически не оспаривается утверждение о том, что одним из решающих факторов, ускоривших процесс падения советской государственно-правовой системы, стала преступность, приобретшая к концу 1980-х гг. наиболее опасные, организованные формы и способы воздействия на общественные отношения [1, с. 108]. Устойчивым стало и другое суждение — подобная «пандемийность» преступности проистекала из-за нестабильности как самой политики борьбы с нею, так и социально-эко-

© Иванов Д. В., 2022

номических и правовых мер, всей правоохранительной деятельности государства [2, с. 32–33].

Было отмечено также, что уже начиная с 1960-х гг. преступность стала неуклонно и повсеместно нарастать, а с середины 1980-х гг. в стране фиксировался стремительный ее рост [3, с. 504–507]. Подобная динамика преступности требовала принятия адекватных мер [4, с. 288]. Причем в ряде регионов, таких как Ленинград и область, они нередко приобретали неотложный, оперативный характер [5, с. 88].

В 1960–1990-х гг. в правоохранительной деятельности органов милиции, суда и прокуратуры региона сложились такие приоритеты и подходы, историко-правовое осмысление которых позволило уяснить как сильные, так и слабые стороны процесса борьбы с преступностью в эти годы. По крайней мере появилась возможность выделить отдельные «системные» проблемы и подвести некоторые итоги этого процесса, не потерявшие, по мнению автора, своей значимости и в наши дни.

Во-первых, несмотря на самые разные оценки роли органов власти в выработке и реализации мер борьбы с преступностью в регионе [6, с. 18; 7, с. 216], проведенный анализ показал, какое положение занимали местные структуры РК, ГК, ОК КПСС и исполкомы Советов всех уровней в общей организации этой борьбы, осуществляемой силами органов милиции, суда и прокуратуры.

Выяснилось, что по сравнению с предшествующим периодом, вопросы общей организации борьбы с преступностью стали чаще, чем ранее, обсуждаться на бюро РК, ГК и ОК КПСС, заседаниях исполкомов Советов, на коллегиях УВД — ГУВД и прокуратуры Ленинграда и области, президиумах городского и областного судов. Совместные усилия в интересах общей организации борьбы привели к тому, что в регионе в 1960–1980-е гг.:

- была создана более содержательная чем ранее система взаимного криминологического информирования, а также учета и анализа преступности [8];
- планирование форм и методов борьбы стало носить более комплексный и конкретный адресный характер [9];
- координацией процесса борьбы достигалась необходимая концентрация сил и средств, при их явной штатной недостаточности [10].

В тоже время, в деятельности местных органов власти и управления по общей организации борьбы имели место недостатки и нерешенные проблемы, отдельные из которых не потеряли своего влияния и в современных условиях. Поэтому, на наш взгляд, было бы полезно при назначении на вышестоящие должности глав райгорадминистраций и руководителей аппаратов правительства того или иного субъекта Федерации, курирующих деятельность правоохранительного блока, одним из решающих критериев карьерного продвижения считать результаты прежней работы на вверенной территории (районе, городе, регионе), особенно по общей организации профилактики и борьбы с преступностью.

Во-вторых, развитие и укрепление органов внутренних дел, суда и прокуратуры Ленинграда и области в целом отвечало на вызовы времени, в том числе и на вызов постоянно возрастающей преступности, ее более организованный, чем ранее характер. Произошло усиление специализации борьбы с отдельными видами преступлений (угоны автотранспорта, наркотики, захват заложников и др.), создание принципиально новых структурных подразделений ОВД и прокуратуры (ОМОН, ОРБ, УБОП и др.), внедрение новейших научных методов борьбы и др.

Некоторый опыт деятельности органов милиции, суда и прокуратуры ленинградского региона по борьбе с наиболее опасными преступлениями в эти годы неоднократно отмечался МВД СССР, Прокуратурой Союза ССР и Минюстом СССР как передовой, достойный подражания [11, с. 161–163]. Вместе с тем, приоритеты в укреплении правоохранительных органов в 1960–1990-х гг. были разными. Если в судебной системе Ленинграда и области происходило укрепление главным образом низового звена — райгорнарсудов, то в ОВД и прокуратуре — их органов управления городского и областного уровня (УВД — ГУВД, Ленгорпрокуратура, Леноблпрокуратура).

Проведенный анализ показал, что хотя координация борьбы с преступностью по закону была возложена на прокуратуру, фактически более результативно ею занимались административные отделы РК, ГК и ОК КПСС. Проблемы координации никуда не исчезли и в наши дни. И сегодня, по большому счету, прокуратура не координирует эту деятельность в силу самых разных причин.

Этот и подобные ему аспекты нуждаются в экстренной проработке. Уже давно назрела необходимость создания при Генпрокуратуре РФ, МВД России, Минюсте РФ и Верховном Суде РФ Координацион-

ных Советов по подготовке и проведению Общероссийских форумов (конгрессов) по предупреждению и борьбе с преступностью в РФ. Необходимо разработать положение о форуме (конгрессе), согласовать юридическую процедуру его принятия, определиться с целесообразностью подобных мероприятий и т. п. Не иначе, как по идеологическим соображениям такие крупные мероприятия были невозможны в СССР в 1960–1980-е гг., хотя опыт подобных совещаний, съездов, сборов в стране был еще в 1920-е гг. Причем, наиболее результативными из них были те, в работе которых весьма удачно «сочетались» наука и практика, обмен передовым (прорывным) опытом профилактики и борьбы с преступностью.

В-третьих, на выбор основных направлений борьбы с преступностью в Ленинграде и области в 1960–1990-х гг. существенное влияние оказывали изменения в ее структуре. Практически до середины 1980-х гг. для региональной преступности были характерны не только низкие формы организованности и ограниченные масштабы «преступного профессионализма», но и определенная территориальная «местечковая» ее локализация, сравнительно высокая доля участия в ней местных жителей.

Со второй половины 1980-х гг. произошло заметное увеличение опасных корыстно-насильственных деяний (вымогательство, разбои, захват заложников, вооруженные нападения на кооперативы и сотрудников милиции, похищение людей, хищения в особо крупных размерах, наркобизнес и др.). Здесь раньше, чем в других регионах страны сложились и действовали организованные преступные сообщества, прочно связанные с криминалом за границей и на территории СССР. К началу 1990-х гг. преступные связи местного криминала проникли даже в банковскую систему, городское хозяйство и ВПК. Участились эпизоды их проникновения в правоохранительные органы региона, подкупа крупных партийно-советских чиновников, заказных убийств и др.

Период 1988–1991 гг. оказался для местных властей и правоохранительной системы Ленинграда и области самым тяжелым и разрушительным, в том числе, в плане организации и ведения борьбы с преступностью. Одна из причин такого положения заключалась в том, что эти меры по-прежнему нацеливались на борьбу с преступниками и в меньшей степени на борьбу с преступностью, на устранение экономических и социальных условий ее порождающих.

Попытки руководства УВД — ГУВД Леноблгорисполкомов, суда и прокуратуры региона инкорпорировать в городские (Ленинград) и областные комплексные программы социально-экономического развития свои планы по профилактике и борьбе с преступностью не всегда получали должной поддержки. В региональных органах власти и управления вообще считали, что «ответственными» за эти меры (профилактика и борьба) являются исключительно органы милиции и, что это их, а не чья либо приоритетная задача, нередко «спустя рукава» удовлетворяя вечно недостающие ресурсы для ОВД (доп. финансирование, оборудование, транспорт, топливо, жилье, связь и др.).

И сегодня подвижек в этом вопросе крайне недостаточно. У населения складывается впечатление, что борьбой с преступностью не занимается ни одно правоохранительное ведомство страны. Особенно много нареканий в адрес властей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, судебных и прокурорских инстанций. Очевидно, было бы весьма уместно сегодня при разработке региональных (да и федеральных) целевых программ по усилению борьбы с преступностью предварительно готовить к их обоснованию краткую экспертную справку, отражающую подходы и решения данной проблемы, сильные и слабые стороны этой деятельности, специфику и особенности правового регулирования, проявившиеся в предшествующие годы.

В-четвертых, причины и условия преступности несовершеннолетних тогда и сейчас носили и носят стойкий характер, а сама преступность отличается неравномерностью. Не случайно на коллегии Министерства внутренних дел СССР в феврале 1989 г. министр прямо заявил, что подростки являются самой криминогенно пораженной частью населения [3, с. 507]. Только в 1980 г. в одном Ленинграде в инспекции по делам несовершеннолетних было доставлено свыше 18,5 тыс. подростков. В этом же году они в составе группы совершили почти 400 уголовных преступлений. Около 300 преступлений произошло при их участии. Тысяча подростков города лично совершили кражи, угоны транспортных средств, спекуляции, хулиганство, разбои, изнасилования, убийства, нанесение тяжких телесных повреждений и др. [12].

В 1960–1980-е гг. в Ленинграде и области, прежде всего силами органов милиции, общественных объединений и организаций региона, была организована и проявила свои положительные стороны система работы с «трудными подростками», получившая высо-

кую оценку в ЦК ВЛКСМ и МВД СССР. Опыт Ленинграда по созданию военно-спортивных, трудовых лагерей и шефства над этой категорией несовершеннолетних получил распространение по всей стране.

В тоже время, в органах прокуратуры, и особенно в райгорнарсудах региона, в 1960–1980-е гг. явно «заигрались в либерализацию» в процессе своей правоприменительной практики. Нередкие реплики из обкома и горкома партии, типа «…не многовато ли привлекаем к ответственности нашей советской молодежи?», суды воспринимали как сигналы к либерализации судебных решений по отношению к малолетним преступникам. Руководство УВД — ГУВД Леноблгорисполкомов не раз обращало внимание прокуратур и судов региона на факты произвольного толкования ими постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1978 г. «О практике применения судами ст. 391 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик».

Отсрочка исполнения приговора (ст. 391 Основ) применялась судами региона без веских оснований все 1980-е гг. Так, во второй половине 1980-х гг. данная статья была применена практически к 40 % осужденных к лишению свободы несовершеннолетних. Все это не замедлило сказаться на росте подростковой преступности в Ленинграде и области.

Обращаясь к современности и опираясь на опыт прошлого, есть смысл заметить, что сегодня нет законодательной нормы, дающей право правоохранительным органам применять меры уголовно-правового запрета, связанные с изоляцией от общества несовершеннолетних нарушителей, совершивших многократные и опасные деяния. Между тем, мы замечаем, какой общественно опасный характер приобретают подобные деяния несовершеннолетних в современной российской действительности.

Наконец, можно говорить еще об одном важном итоге наших наблюдений общего процесса борьбы с преступностью в Ленинграде и области в 1960–1990-х гг. — о месте, роли и эффективности участия населения региона в охране общественного порядка.

Хотя здесь впервые в стране формировались и действовали ДНД, детские комнаты милиции на общественных началах, общественные инспекторы и другие добровольные объединения, участвующие в профилактике и борьбе с преступностью, закрепить их позитивный опыт деятельности на длительный период так и не удалось.

Как показало наше исследование, наиболее результативным в регионе оказалось взаимодействие подразделений уголовного розыска, БХСС и ГАИ с создаваемыми ими специализированными ДНД, осуществляющими выполнение мероприятий, близких к их профессиональным задачам. Эти общественные формирования, а также институт внештатных сотрудников милиции, специализирующихся по линиям органов милиции, оставались до начала 1990-х гг. самыми действенными объединениями правоохранительной направленности.

На различных сайтах, в том числе МВД России, неоднократно публиковались различные материалы об участии населения на добровольной основе в обеспечении охраны общественного порядка, содействии правоохранительным органам в профилактике преступности на местах. Из этих материалов видно, что массовым это явление не стало. Причин много, часть из которых унаследована из прошлой советской реальности. И дело вовсе не в нормативной правовой основе и механизмах регулирования, а в нежелании властей на местах действительно привлечь население, средства массовой информации, различных общественных активистов к повседневному участию в поддержании общественной безопасности, борьбе с правонарушениями. И что самое существенное — адекватно реагировать на выявленные проблемы в состоянии общественного порядка.

Уже давно возникла необходимость в городах, где созданы «Центры добровольчества», при поддержке местных ОВД и МЧС организовать узаконенную деятельность сети оперативных волонтерских групп, обученных и специализирующихся на участии в установлении судеб безвестно отсутствующих граждан, работе с трудными подростками в центрах временного содержания и в других правоохранительных акциях, не противоречащих идеям и принципам добровольчества. Актуальным представляется нерешенная проблема института страхования волонтеров и др.

Таким образом, исторический опыт борьбы с преступностью, при всей кажущейся архаичности, при более тщательном изучении позволит учесть многие аспекты и детали, явно сохраняющие свое значение и в современных условиях.

Список источников

1. Преступность и реформы в России / под ред. А. И. Долговой. М. : Норма, 1998.

2. Бойков А. Д. Проблемы государственно-правовой политики борьбы с преступностью // Преступность: стратегия борьбы / под ред. А. И. Долговой. М. : Криминологическая Ассоциация, 1997.

3. Министерство внутренних дел 1902–2002. Исторический очерк / под общ. ред. Р. Г. Нургалиева. М. : Объединенная редакция МВД России, 2004.

4. Малыгин А. Я. Милиция // МВД России. Энциклопедия / под ред. В. Ф. Некрасова. М., 2002.

5. Иванов Д. В. Государственно-правовой концепт и практика борьбы с преступностью на Северо-Западе РСФСР в 1917–1991 годах. СПб. : Издательство «Юридический центр», 2018.

6. Миньковский Г. М. Вопросы обеспечения эффективности социального планирования борьбы с преступностью // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 34. М. : Юридическая литература, 1981.

7. Егоршин В. М. Прорвемся, опера… Из практики раскрытия тяжких преступлений. СПб., 2004.

8. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 379. Т. 1. Л. 192; Ф. 56. Оп. 1. Д. 98. Лл. 141–148; Ф. 1. Оп. 1. Д. 482. Лл. 21, 22.

9. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 139. Д. 26. Лл. 21–51; Д. 50. Лл. 1–9; Ф. 744. Оп. 3. Д. 38. Лл. 20–25.

10. ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 7. Д. 23. Л. 108; Ф. 1740. Оп. 6. Д. 26. Л. 107; Д. 32. Лл. 62–96.

11. Иванов Д. В. Организационно-правовые аспекты деятельности органов БХСС по противодействию хищениям государственной собственности в Ленинграде и области (1961–1991) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 158–165.

12. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 127. Лл. 1, 32.

References

1. Crime and reforms in Russia / edited by A. I. Dolgova. M. : Norm, 1998.

2. Boikov A. D. Problems of state-legal policy of combating crime // Crime: strategy of struggle / edited by A. I. Dolgova. M. : Criminological Association, 1997.

3. Ministry of Internal Affairs 1902–2002. Historical essay / under the general editorship of R. G. Nurgaliev. M. : United edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004.

4. Malygin A. Ya. Militia // The Ministry of Internal Affairs of Russia. Encyclopedia / edited by V. F. Nekrasov. M., 2002.

5. Ivanov D. V. State-legal concept and practice of combating crime in the North-West of the RSFSR in 1917–1991. St. Petersburg : Publishing house «Legal Center», 2018.

6. Minkovsky G. M. Issues of ensuring the effectiveness of social planning of combating crime // Issues of combating crime. Issue 34. M. : Legal Literature, 1981.

7. Egorshin V. M. Let's break through, opera... From the practice of solving serious crimes. St. Petersburg, 2004.

8. OAI IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in St. Petersburg and the region. F. 2. Op. 1. d. 379. T. 1. L. 192; F. 56. Op. 1. D. 98. Ll. 141–148; F. 1. Op. 1. D. 482. Ll. 21, 22.

9. TSGAIPD SPb. F. 24. Op. 139. D. 26. Ll. 21–51; D. 50. Ll. 1–9; F. 744. Op. 3. D. 38. Ll. 20–25.

10. TSGAIPD SPb. F. 1711. Op. 7. D. 23. L. 108; F. 1740. Op. 6. D. 26. L. 107; D. 32. Ll. 62–96.

11. Ivanov D. V. Organizational and legal aspects of the activities of the BHSS bodies to counter theft of state property in Leningrad and the region (1961–1991) // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (54). P. 158–165.

12. OAI IC of the Ministry of Internal Affairs of Russia in St. Petersburg and the region. F. 56. Op. 1. d. 127. Ll. 1, 32.

Информация об авторе

Д. В. Иванов — соискатель кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

D. V. Ivanov — Applicant of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-94-96
NIION: 2003-0059-3/22-287
MOSURED: 77/27-003-2022-03-486

О роли нотариата в формировании рыночных отношений в Российской Федерации

Александра Александровна Кальгина
МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия, AleksandraNauka6@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства Российской Федерации о нотариате и его роли в формировании рыночных отношений в Российской Федерации обосновано несколько суждений: Конституцией РФ продекларирован курс на формирование правового государства в Российской Федерации, условием для чего являются рыночные отношения; среди правоприменительных органов трудно переоценить роль нотариата в формировании рыночных отношений в Российской Федерации; нотариат может быть представлен в виде системы государственного нотариата и частных нотариусов, объединенных в общественные формирования (в частности, нотариальные палаты); деятельность государственного нотариата и частных нотариусов должна быть организована на паритетных началах; организация и деятельность нотариата в Российской Федерации целесообразно урегулировать в едином нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ, федеральный закон РФ, Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г., нотариат, правовое государство, общественные отношения

Для цитирования: Кальгина А. А. О роли нотариата в формировании рыночных отношений в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 94–96. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-94-96.

Original article

About the role of the notary in the formation of market relations in the Russian Federation

Alexandra A. Kalgina
MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, AleksandraNauka6@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of the legal literature and the legislation of the Russian Federation on the notary and its role in the formation of market relations in the Russian Federation, several judgments are substantiated in the article: The Constitution of the Russian Federation has declared a course for the formation of the rule of law in the Russian Federation, the condition for which is market relations; among law enforcement agencies, it is difficult to overestimate the role of the notary in the formation of market relations in the Russian Federation; the notary can be represented in the form of a system of state notaries and private notaries united in public formations (in particular, notary chambers); the activities of the state notary and private notaries should be organized on a parity basis; the organization and activities of the notary in the Russian Federation should be regulated in a single regulatory legal act, legally equivalent to the federal law of the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation, legislation, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation, federal law of the Russian Federation, Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the notary of February 11, 1993, notary, the rule of law, public relations

For citation: Kalgina A. A. About the role of the notary in the formation of market relations in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):94–96. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-94-96.

© Кальгина А. А., 2022

Предметом данной статьи являются нотариат и его роль в формировании рыночных отношений в Российской Федерации [1].

Первоначально о состоянии теории.

Так, И. В. Перевалова, «основываясь на анализе последних изменений в законодательстве Российской Федерации, касающихся полномочий нотариата», сформулировала вывод «об использовании законодателем института нотариата как средства государственного воздействия на предпринимательскую деятельность» («Итак, общие тенденции законодательных новшеств позволяют сделать вывод о том, что посредством такого правового инструмента, как институт нотариата, повышается роль государственного воздействия в сфере предпринимательских отношений, в сфере бизнеса») [5].

А. Костылева обосновала следующее суждение: «Как представляется, анализируемая в нашей работе ситуация — один из самых ярких негативных примеров обыкновения законодателя употреблять тот или иной правовой термин в разных значениях. Отрицательные последствия такой практики очевидны, если учесть, сколько судебных инстанций и сколько раз вынуждены были распутывать клубки противоречий, постоянно образующихся в подзаконных нормативных актах и в правоприменительной практике только из-за одной-единственной небрежности законодателя. К тому же, как представляется, спровоцированной правоприменительной практикой одного из государственных ведомств, противозаконный характер которой многократно устанавливался судебными решениями» [3].

Авторы–единомышленники (Т. В. Ярошенко и Т. А. Васильева) рассмотрели «вопросы нотариального сопровождения предпринимательской деятельности», определив круг ее субъектов («Выводы: нотариат продолжает усиливать свои позиции в российской правовой системе, в частности в сфере правового сопровождения бизнеса: на этапе создания бизнеса (регистрации организации или статуса индивидуального предпринимателя), при непосредственном ведении предпринимательской деятельности (удостоверение сделок, обеспечение исполнения обязательств, способствование исполнению обязательств), при возникновении судебного спора (формирование доказательственной базы, удостоверение переводов, копий документов). Уже несколько лет законодатель идет по пути планомерного расширения компетенций нотариусов в правовом регулировании корпоративной сферы. На сегодняшний день обязательному нотариальному удостоверению подлежат сделки с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, а также отдельные виды решений и заявлений общего собрания участников обществ. Таким образом, некоторые предположения участников конференции, высказанные в 2013 г., реализуются, некоторые до сих пор проходят этап обсуждения») [6].

И. В. Москаленко обратила внимание на «такой аспект нотариальной деятельности, как соотношение ее с деятельностью предпринимательской» («Здесь необходимо обратить внимание на то, что декларации о непредпринимательском характере нотариальной деятельности еще не препятствуют сами по себе превращению ее в предпринимательскую. И дело не только в нарушениях нотариусами своих обязанностей по взиманию тарифа и платы за услуги, в укрывательстве налогов и ведении черных реестров. Это российские издержки нотариальной эйфории, охватившей некоторую часть российского нотариального корпуса в обстановке взбесившейся свободы, явления преходящего и для нотариата в целом совсем не характерного. Не менее важно, оказывается, определить границы, в которых нотариальная деятельность сохраняет свой непредпринимательский характер. В Евросоюзе, например, действует норма, в соответствии с которой в той части, в какой нотариусы заняты исполнением своих публичных обязанностей, подпадающих под действие ст. 45 Договора о Европейском Сообществе, европейское конкурентное право на них не распространяется. Но если нотариусы начинают заниматься другими видами деятельности, то они, в зависимости от конкретных обстоятельств, могут рассматриваться в качестве предпринимателей, подпадающих под действие норм европейского конкурентного права») [4].

Деятельность любого государственного и негосударственного органа в Российской Федерации во многом определяется доктринальными положениями Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. [2] («1. Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» — ч. 1 ст. 1; «1. В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. 2. В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности» — ст. 8).

Положения Конституции РФ относительно нотариата урегулированы в нормативном правовом акте с

неопределенным местом в системе нормативных правовых актов Российской Федерации [2]: «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11 февраля 1993 г. [7].

Таким образом, научные исследования относительно нотариата и его роли в формировании рыночных отношений в Российской Федерации необходимо продолжить.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, Конституцией РФ продекларирован курс на формирование правового государства в Российской Федерации, условием для чего являются рыночные отношения.

Во-вторых, среди правоприменительных органов трудно переоценить роль нотариата в формировании рыночных отношений в Российской Федерации.

В-третьих, нотариат может быть представлен в виде системы государственного нотариата и частных нотариусов, объединенных в общественные формирования (в частности, нотариальные палаты).

В-четвертых, деятельность государственного нотариата и частных нотариусов должна быть организована на паритетных началах.

В-пятых, организация и деятельность нотариата в Российской Федерации целесообразно урегулировать в едином нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ.

Список источников

1. Галузо В. Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123.

2. Галузо В. Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102.

3. Костылева А. Соотношение понятий «индивидуальный предприниматель» и «нотариус, занимающийся частной практикой» в гражданском и налоговом законодательствах // Бюллетень нотариальной практики. 2004. № 3.

4. Москаленко И. В. Нотариальная деятельность и деятельность предпринимательская // Нотариус. 2006. № 3.

5. Перевалова И. В. Правовой институт нотариата как средство государственного воздействия на предпринимательскую деятельность // Бизнес. Менеджмент и Право. 2014. № 2.

6. Ярошенко Т. В., Васильева Т. А. Нотариальное сопровождение предпринимательской деятельности: проблемы и перспективы // Нотариус. 2019. № 6.

7. Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357; СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4855; 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5182.

References

1. Galuzo V. N. Constitutional and legal status of Russia: the problem of state formation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. P. 119–123.

2. Galuzo V. N. Is it possible to ensure uniform enforcement of legislation in the absence of its systematization? // State and Law. 2014. No. 11. P. 98–102.

3. Kostyleva A. Correlation of the concepts of «individual entrepreneur» and «notary engaged in private practice» in civil and tax legislation // Bulletin of notary practice. 2004. № 3.

4. Moskalenko I. V. Notary activity and entrepreneurial activity // Notary. 2006. No. 3.

5. Perevalova I. V. The Legal institute of the notary as a means of state influence on entrepreneurial activity // Business. Management and Law. 2014. № 2.

6. Yaroshenko T. V., Vasilyeva T. A. Notarial support of entrepreneurial activity: problems and prospects // notary. 2019. No. 6.

7. Vedomosti of the SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 1993. No. 10.St. 357; NW RF. 2003. No. 50.St. 4855; 2021. No. 27 (Part I). St. 5182.

Информация об авторе

А. А. Кальгина — заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Kalgina — Head of the Department of Civil and Arbitration Procedure of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-97-103
NIION: 2003-0059-3/22-288
MOSURED: 77/27-003-2022-03-487

К вопросу о содержании государственной идеологической политики

Николай Николаевич Карпов
Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, nnkarpov@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы о содержании государственной идеологической политики, о ее основных составных частях, об основных принципах государственной идеологической политики. Высказываются предложения по ее разработке и принятию.

Ключевые слова: идеология, государственная идеологическая политика, содержание, основные составные части и принципы государственной идеологической политики

Для цитирования: Карпов Н. Н. К вопросу о содержании государственной идеологической политики // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 97–103. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-97-103.

Original article

On the question of the content of the state ideological policy

Nikolay N. Karpov
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, nnkarpov@yandex.ru

Abstract. The issues of the content of the state ideological policy, its main components, and the basic principles of the state ideological policy are considered. Suggestions are made for its development and adoption.

Keywords: ideology, state ideological policy, content, main components and principles of state ideological policy

For citation: Karpov N. N. On the question of the content of the state ideological policy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):97–103. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-97-103.

Продолжая рассмотрение вопросов, посвященных государственной идеологической политике [6], остановимся теперь на содержании, ключевых элементах, основных составных частях, которые должна, на наш взгляд, включать государственная идеологическая политика.

Основной функцией государственного идеологического воздействия на общественное правосознание, по мнению В. Н. Кудрявцева и В. П. Казимирчука, является определение идеологических смысловых установок, мотивирующих позитивную, с точки зрения субъекта идеологического воздействия, правовую активность населения. Значение идеологических установок определяется, в конечном счете, тем, что «одна из важнейших задач воспитания личности — это превращение идейных ценностей, т. е. внешних мотивирующих факторов, во внутренние убеждения и реальные поступки» [8, с. 135].

Исследователи относят идеологию к наивысшей форме общественного сознания, в которое также включают искусство, науку, мораль, правосознание и религию. В общественном сознании, прежде всего, выделяются обыденно-практический и научно-теоретический уровни. Общественное сознание на обыденно-практическом уровне проявляет себя как общественная психология, на научно-теоретическом уровне — как идеология. Вместе с тем, структура общественного сознания, как, впрочем и его формы, представляются, наш взгляд, не в полной мере с правовой точки зрения сформированными и научно обоснованными.

Помимо общей типологизации идеологий, данной нами ранее в зависимости от определенных кри-

© Карпов Н. Н., 2022

териев, каждый идеологический тип (идеологическая политика конкретного государства) должен соответствовать важнейшим основам (принципам), руководствуясь которыми такая идеология (идеологическая политика) создается и реализуется.

Одной из таких основ государственной идеологической политики, важнейшим ее принципом должна стать, образно выражаясь, питающая все ее составные части идея российского патриотизма.

По мнению Президента Российской Федерации В. В. Путина, российская национальная идея заключается в патриотизме, ничего другого не может быть. Но патриотизм, как считает глава государства, не должен быть квасным, затхлым и кислым. Президент России также отметил, что патриотизм заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны и ее движению вперед. Однако это совсем не значит, что нужно все время хвататься только за наше героическое прошлое, нужно смотреть в наше не менее героическое и успешное будущее. В этом залог успеха [15].

Разработка и реализация государственной идеологической политики, на наш взгляд, как раз и должна определить приоритеты успешного дальнейшего развития российского общества и государства.

Другими важнейшими основами, главными принципами, на которых должна быть построена государственная идеологическая политика России, как представляется, должны стать верховенство закона, высокая личная ответственность человека и гражданина за исполнение законов, высокая нравственность, соответствие идеологической политики канонам справедливости, постоянное стремление к гармонизации правовых общественных отношений, обеспечение безопасности и социального благополучия населения.

Одним из основных принципов построения государственной идеологической политики должен, по нашему мнению, стать постулат о ее направленности на духовно-нравственное, патриотическое воспитание граждан, обусловленности ею активизации правовоспитательной работы.

Законы обязаны своей силой нравам, совершенно правильно отмечал французский государственный и общественный деятель Клод Гельвеций [17].

Философ И.А. Ильин подчеркивал, что единственно верным путем ко всем реформам является постепенное воспитание правосознания. Совершенствовать право, значит не придумывать новые законы, а глубже и адекватнее воспитывать правосознание [14].

Как представляется, государственная идеологическая политика России должна быть сформулирована в отдельном нормативном правовом акте, предпочтительнее в Указе главы государства.

Составными частями, основными элементами государственной идеологической политики, должны стать, прежде всего:

а) стратегические идеологические интересы России в социальной, экономической, политической, культурной и других сферах;

б) система морально-нравственных ценностей и духовно-нравственные критерии оценки поведения граждан.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 5) под национальными интересами России понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении безопасности и устойчивого развития [16].

Вполне логично, в соответствии с изложенным, что несомненная главная цель современной идеологической политики государства должна объединять в себе как создание необходимых условий для достойной жизни человека, гражданина, но, наряду с этим, также обеспечение надлежащих условий для функционирования самого государства, которое, в свою очередь, обеспечивает заботу о своих гражданах.

Приведем по этому поводу хорошо сформулированную мысль В. Е. Чиркина, о том, что взаимосвязи человека, коллектива, государства, общества в любой стране концентрируются вокруг главного вопроса жизнедеятельности общества: создания, обмена и распределения материальных и духовных благ [13].

Государственные интересы в процессе формирования и реализации государственной идеологической политики должны быть выражены, прежде всего, созданием условий для обеспечения защиты основ конституционного строя Российской Федерации, территориально-государственного устройства и формы правления, прав и свобод человека и гражданина, реализации функционирования публичной власти, что достигается, в том числе и посредством установления обязанностей для граждан.

Однако не только обеспечение достойной настоящей жизни гражданина должно быть поставлено во главу угла идеологической политики государства, но и дальнейшее развитие личности человека через образование, приобщение его к культурным ценностям, воспитание его в духе российского патрио-

тизма и привития ему высоких духовно-нравственных качеств.

Главные интересы гражданина при формировании и реализации государственной идеологической политики заключаются, прежде всего, в необходимости обеспечения государством личных прав гражданина, главным образом таких естественных и неотъемлемых, как: право на жизнь, право на неприкосновенность (на безопасность), а также право на предоставление гражданину социальных возможностей для обеспечения им в меру своих способностей и своего труда (либо в силу болезни, инвалидности и иных форс-мажорных обстоятельств) достойного человека уровня жизни, в том числе организации пакета определенного социального стандарта в области медицины, образования и социального обеспечения.

Изучение отечественного и мирового правового, философского, мировоззренческого наследия выдающихся мыслителей, нормативно-правовой и законодательной базы позволяют автору сделать вывод о том, что именно право на жизнь и сопряженное с ним право на безопасность являются базовыми, приоритетными для каждого человека и гражданина и именно их реализация должна быть обеспечена государством в первую очередь.

Еще Эпикур высказывал в свое время мысль о том, что главная цель государства состоит в обеспечении взаимной безопасности людей, преодолении их взаимного страха, непричинении ими вреда друг другу. Он подчеркивал, что безопасность от людей достигается до некоторой степени благодаря некоторой силе, удаляющей беспокоящих людей, а также благодаря благосостоянию [10, с. 47].

Томас Гоббс подчеркивал, что цель государства — главным образом обеспечение безопасности, а обязанности суверена ... определяются той целью, ради которой он был облечен верховной властью, а именно целью обеспечения безопасности народа.., под которой понимается не одно лишь обеспечение безопасности голого существования, но также обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретенных законным трудом, безопасным и безвредным для государства [4, с. 42, 50].

Крупнейший русский юрист, специалист в области административного права И. Е. Андреевский в своем фундаментальном труде «Полицейское право», изданном в Санкт-Петербурге в 1871–1873 гг., словно развивая идеи Эпикура, сформулировал важнейшую мысль о том, что для жизни человека, развития его способностей и возможности достижения его человеческих целей необходимы известные условия; между ними главнейшее место занимают безопасность и благосостояние. Условие безопасности обеспечивается предупреждением и пресечением опасностей, могущих грозить, как от злой воли других людей, так и от сил природы и различных несчастных случаев. Условие благосостояния достигается возможностью приобрести и пользоваться известным количеством материальных благ, необходимых для удовлетворения создаваемых человеком потребностей, и, кроме того, достигать известного духовного развития. ...Такая деятельность является в государстве. Государство не только обеспечивает посредством закона признаваемые за каждым права, но и действует для создания условий безопасности и благосостояния [2, с. 689].

Прав и Бенедикт Спиноза, совершенно справедливо подчеркивавший, что законы в каждом государстве должно так устанавливать, чтобы людей сдерживал не столько страх, сколько надежда на какое-нибудь благо, которого больше всего желают; ведь таким образом каждый охотно будет исполнять свои обязанности [11, с. 74].

Приведем здесь и мнение известного русского писателя Н. Г. Чернышевского, который считал, что государство существует только для ограждения безопасности частных лиц и для отвращения стеснений, которые могли бы мешать полнейшему развитию частной деятельности [12, с. 585–586].

Иеремия Бентам, английский философ, правовед и экономист, одним из важнейших трудов которого в области права стало философско-правовое исследование «Введение в основания нравственности и законодательства» (1789 г.) указывал в нем, что при распределении прав и обязанностей законодатель имеет своей целью ...счастье общества... (которое) слагается из четырех второстепенных целей: средства к существованию, довольство, равенство и безопасность. ...Из всех перечисленных целей закона безопасность есть единственная, которая необходимо обнимает будущее... [3, с. 391].

Что же необходимо предоставить гражданину, чтобы обеспечить ему достойный уровень жизни и, таким образом, что совершенно логично, в обозримой перспективе обеспечить устойчивое, позитивное развитие государства и общества — на этот главный

вопрос и должна ответить государственная идеологическая политика посредством формирования своих идеологических целей и инструментария их решения в экономике, политике, социальном обеспечении, правоохране и правозащите, образовании и воспитании человека, культуре и других важнейших сферах своей деятельности.

Первые конституционные акты XVIII в. заложили принципиальные направления развития, совершенствования взаимоотношений государства и гражданина.

Так, в преамбуле к Конституции США 1787 г. (она заучивается наизусть в школах США) совершенно четко определяются цели заключенной государственной Федерации: «образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим».

Аналогичную направленность можно усмотреть и в Преамбуле французской 1789 г. Декларации прав человека и гражданина, составной части современной Конституции Французской Республики, в которой говорится о том, что лишь невежество, забвение прав человека и пренебрежение к ним являются единственными пороками общественных действий и пороков правительств. В ст. 2 указанного документа установлено, что цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Значение указанных конституционных актов заключается еще и в том, что интересы граждан, по существу, были заложены в основу общественных отношений между ними и государством.

Таким образом, важнейшими правами гражданина являются, прежде всего, право на жизнь, право на безопасность и право на социальное благополучие. С другой стороны, обеспечение реализации именно указанных прав есть первоочередная и важнейшая задача государства.

И вполне логично, что в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (п. 26) обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации следующих стратегических национальных приоритетов, в том числе: сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; оборона страны; государственная и общественная безопасность; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Провозглашая право гражданина на жизнь, общество, государство не должно оставаться в стороне от его обеспечения, должно гарантировать его реализацию как соблюдение важнейшего человеческого права. Очевидно, что такая гарантия должна содержать и конкретные механизмы ее осуществления. Например, должна быть обеспечена соответствующая законодательная база реализации данного права, чему, по нашему мнению, в весьма значительной мере может способствовать возможность разработки и применения на практике института государственного страхования жизни и здоровья граждан от преступлений. В таком случае государство будет обязано компенсировать потерпевшему (близким родственникам пострадавшего) причиненный противоправными посягательствами страховой ущерб, и в порядке регрессного иска, взыскать с лица, виновного в причинении вреда жизни и здоровью гражданина, указанную страховую сумму, что, по нашему мнению, хотя бы в определенной минимальной степени смягчит для пострадавшей стороны последствия преступления, окажет превентивное воздействие на потенциального правонарушителя и явится дополнительным фактором, предупреждающим преступления.

Следует предусмотреть и механизм жесткого обеспечения данного требования закона — вплоть до обращения взыскания на все движимое и недвижимое имущество преступника (непонятно: почему преступнику должен гарантироваться минимум имущества, на которое не распространится конфискация, а пострадавший от его преступных действий гражданин должен страдать, будучи лишенным, к примеру, своего имущества) и до принудительного направления, не имеющего возможности рассчитаться с потерпевшей стороной преступника для выполнения общественно-значимых работ, к примеру, по добыче экологически небезопасных полезных ископаемых, в регионы с тяжелыми климатическими условиями (государство поступит честно и справедливо, объявив о введении жестких мер,

ибо потенциальный правонарушитель будет об этом знать). При этом a priori немалые компенсационные суммы за такой труд осужденного будут взысканы с него государством, что исключит возможность воздействия со стороны преступника на потерпевшую сторону.

Рассмотрим далее вопрос о конкретных элементах, составных частях идеологической политики России.

С учетом ограниченного объема журнальной статьи, кратко рассмотрим здесь некоторые актуальные вопросы разработки государственной идеологической политики в сфере культуры.

Понятие культуры (от латинского термина «cultura», означающего «воспитание, образование и др.») имеет несколько значений, относящихся, в частности, к сельскохозяйственным наукам, психологии и педагогике, к экономическим знаниям. Однако к культуре, на наш взгляд, прежде всего, следует отнести поведение человека в соответствии с общепринятыми правилами человеческого общежития, степень его духовно-нравственного развития.

Государственная политика в сфере культуры связана с институциональным понятием планирования культурных преобразований. Взаимосвязь культуры, политики и права предполагает, что политика в области культуры должна находиться под общественным контролем как проявлением «культурной демократии» [5].

К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов Российской Федерации [16].

Профессор А. В. Агутин полагает, что национальное мировоззрение является проявлением менталитета российского народа, со свойственными ему мировосприятием, миропредставлением и миропониманием, и понимает под ним систему взглядов и убеждений, формирующих самобытность и своеобразие духовных тенденций мышления нашего народа [1, с. 47–48].

К характерным признакам русского (российского) менталитета исследователи относят: … приоритет духовных ценностей перед остальными, в том числе и перед материальным благополучием, софийность, особую исповедальность, социальную справедливость, соборность, ориентированность на коллективное сознание; открытость и всеотзывчивость, исключительную поглощенность будущим» [7; 1, с. 171–172].

Поэтому основы идеологической политики государства в сфере культуры должны базироваться именно на указанных традиционных российских духовно-нравственных ценностях, их сохранении и приумножении, на национальном мировоззрении и менталитете многоконфессионального российского народа.

Идеологическая политика государства в этой сфере должна быть направлена, прежде всего, на сохранение (если не сказать — на защиту) истории России. Многочисленные оппоненты в погоне за тридцатью сребренниками или иной личной выгодой готовы на заказ переписать историческую правду о великой миссии России, российского и советского народов, советского солдата — освободителя, о роли Советского Союза и России в предотвращении военных конфликтов и терроризма, однако этого никак нельзя допустить.

«Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания, — не отдавай этого за понюх табаку… Мы умели жить. Помни это. Будь человеком!» — такое завещание оставил нам выдающийся писатель и актер Василий Макарович Шукшин.

Важнейшим инструментарием для реализации этих идеологических задач должны стать прошедшие строгое государственное рецензирование и одобренные Министерствами просвещения, науки и высшего образования школьные педагогические программы, школьные, институтские, университетские и академические учебники по истории нашей Родины и государственному языку Российской Федерации.

Так, во время оглашения своего Послания Федеральному Собранию Российской Федерации Президент России В. В. Путин обратил внимание на то, что в отдельных школьных учебниках по истории написано и про «второй фронт», а о Сталинградской битве ничего не сказано. Министерство просвеще-

ния России сообщило, что учебник, о котором говорил Глава государства, действительно, используется в колледжах [18].

В определенной мере на защиту общества и государства должно встать и строго оговоренное в законе ограничение свободы средств массовой информации, которое должно применяться только в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, жизни и здоровья граждан и общественной нравственности.

Как представляется, несомненный интерес вызывает в этой связи опыт зарубежных государств, в частности Франции, в которой допускается ограничение свободы создания и эксплуатации телекоммуникационных устройств и пользование телекоммуникационными службами в той мере, в какой это вызвано интересами национальной обороны, публичной службы, необходимостью охраны публичного порядка, свободы и собственности граждан. Для заботы о соблюдении названных принципов учреждена Национальная комиссия по коммуникации и свободам. Она призвана также охранять французский язык и его престиж [9].

Список источников

1. Агутин А. В., Трошкин Е. З., Алексеев Е. В. Организационные основы уголовно-процессуальной деятельности и проблемы прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности: моногр. М., 2018.

2. Андреевский И. Е. Полицейское право // Антология мировой правовой мысли. Т. 4. М. : Мысль, 1999.

3. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / Антология мировой правовой мысли. Т. 3. М. : Мысль, 1999.

4. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Антология мировой правовой мысли. Т. 3. М. : Мысль, 1999.

5. Капинус О. С. Православие и культура как факторы национальной конституционной идентичности в Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 6. С. 83.

6. Карпов Н. Н. К вопросу о государственной идеологической политике // Вестник Университета Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 2 (82). С. 64–71.

7. Корсакова Л. Е. Аксиологическое ядро этнокультурной ментальности // Регионология. 2013. № 2 (82). С. 79–82.

8. Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права: учебник для вузов. М. : Юрист, 1995.

9. Мамонов В. В. Образовательная безопасность и государственная идеология // Право и образование. 2003. № 2. С. 118–128.

10. Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Норма – Инфра-М, 1999.

11. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Антология мировой правовой мысли. Т. 3. М. : Мысль, 1999.

12. Чернышевский Н. Г. Экономическая деятельность и законодательство // Антология мировой правовой мысли. Т. 4. М. : Мысль, 1999.

13. Чиркин В. Е. Об объекте конституционного регулирования // Государство и право. 2005. № 4. С. 7.

14. Ильин И. О сущности правосознания // URL://-https://www.gumer.info/bogoslov.

15. Интервью Президента Российской Федерации В. В. Путина программе «Москва. Кремль. Путин» // URL://www.interfax.ru.

16. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

17. Эссе по обществознанию // URL://https://-cknow.ru.

18. Минпросвещения нашло учебник истории, которым был недоволен Путин // URL://https://-www.kommersant.ru.

References

1. Agutin A. V., Troshkin E. Z., Alekseev E. V. Organizational bases of criminal procedural activity and problems of prosecutorial supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes: monogr. M., 2018.

2. Andreevsky I. E. Police law // Anthology of World Legal thought. Vol. 4. M. : Thought, 1999.

3. Bentham I. Introduction to the foundations of morality and legislation / Anthology of World Legal Thought. Vol. 3. M. : Mysl, 1999.

4. Hobbes T. Leviathan, or matter, form and power of the church and civil state // Anthology of World legal Thought. Vol. 3. M. : Mysl, 1999.

5. Kapinus O. S. Orthodoxy and culture as factors of national constitutional identity in the Russian Federation // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2020. No. 6. P. 83.

6. Karpov N. N. On the issue of state ideological policy // Bulletin of the University of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2021. No. 2 (82). P. 64–71.

7. Korsakova L. E. Axiological core of ethno-cultural mentality // Regionology. 2013. No. 2 (82). P. 79–82.

8. Kudryavtsev V. N., Kazimirchuk V. P. Modern sociology of law: textbook for universities. M. : Lawyer, 1995.

9. Mamonov V. V. Educational security and state ideology // Law and education. 2003. No. 2. P. 118–128.

10. Human rights: textbook / ed. by E. A. Lukasheva. M. : Norm – Infra-M, 1999.

11. Spinoza B. Theological and political treatise // Anthology of World legal Thought. Vol. 3. M. : Thought, 1999.

12. Chernyshevsky N. G. Economic activity and legislation // Anthology of World legal thought. Vol. 4. M. : Thought, 1999.

13. Chirkin V. E. About the object of constitutional regulation // State and law. 2005. No. 4. P. 7.

14. Ilyin I. About the essence of legal awareness // URL://https://www.gumer.info/bogoslov.

15. Interview of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the program «Moscow. Kremlin. Putin» // URL:// www.interfax.ru.

16. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // NW RF. 2021. No. 27 (P. II). Art. 5351.

17. Essay on social studies // URL://https://cknow.ru.

18. The Ministry of Education found a history textbook that Putin was unhappy with // URL://https://-www.kommersant.ru.

Информация об авторе

Н. Н. Карпов — заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, заслуженный работник прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

N. N. Karpov — Head of the Department of Prosecutorial Supervision over the Execution of Federal Legislation and Participation of the Prosecutor in Civil, Administrative Proceedings and Arbitration Proceedings of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Honored Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-104-107
NIION: 2003-0059-3/22-289
MOSURED: 77/27-003-2022-03-488

О соотношении конституционной, государственной и административной отраслей права в Российской Федерации

Алексей Юрьевич Кирсанов
Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия, inconsult.ak@gmail.com

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства при соотношении конституционной, государственной и административной отраслей права в Российской Федерации обосновано несколько суждений: Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. может рассматриваться лишь в качестве нормативного правового акта, обладающего наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации; принятие законов РФ о поправке к Конституции РФ с неопределенным местом в системе нормативных правовых актов не позволяет более гипертрофировать роль Конституции РФ; обособление конституционного права в системе права представляется необоснованным; в качестве альтернативы может рассматриваться государственное право; предмет административного права может быть представлен совокупностью общественных отношений, сопряженных с деятельностью государственных органов исключительно исполнительной ветви власти.

Ключевые слова: Российская Федерации, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ, юридическая наука, юриспруденция, система права, отрасль права, конституционное право, государственное право, административное право

Для цитирования: Кирсанов А. Ю. О соотношении конституционной, государственной и административной отраслей права в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 104–107. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-104-107.

Original article

On the correlation of constitutional, state and administrative branches of law in the Russian Federation

Alexey Yu. Kirsanov
Scientific-research institute of education and science, Moscow, Russia, inconsult.ak@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of legal literature and legislation in the correlation of constitutional, state and administrative branches of law in the Russian Federation, several judgments are substantiated: The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 can only be considered as a normative legal act having the highest legal force on the territory of the Russian Federation; the adoption of laws of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation with an indefinite place in the system of normative legal acts does not allow to exaggerate the role of the Constitution of the Russian Federation any more; the separation of constitutional law in the system of law seems unreasonable; state law can be considered as an alternative; the subject of administrative law can be represented by a set of public relations associated with the activities of state bodies exclusively executive branch of power.

Keywords: Russian Federation, legislation, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation, legal science, jurisprudence, legal system, branch of law, constitutional law, state law, administrative law

For citation: Kirsanov A. Yu. On the correlation of constitutional, state and administrative branches of law in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):104–107. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-104-107.

© Кирсанов А. Ю., 2022

Предметом данной статьи является соотношение конституционной, государственной и административной отраслей права в Российской Федерации [3].

Первоначально о состоянии теории.

Так, исследование А. А. Югова посвящено «анализу специфических способов воздействия конституционных норм на общественные отношения» и при этом конституционное право фактически отождествлено с «кратологическим правом» («Все вышеизложенное о специфических способах воздействия конституционных норм на общественные отношения позволяет утверждать, что конституционное правовое регулирование отличается значительным разнообразием, динамизмом, высшим уровнем публичновластной обеспеченности; занимает ведущее место в общем механизме правового регулирования национальной правовой системы; выделяется своеобразными специфическими особенностями; характеризуется исключительно широкими масштабами своего применения и, на наш взгляд, безусловно, выполняет важную конструктивную функцию в решении задачи по дифференциации права на отдельные самостоятельные отрасли») [7].

И. В. Выдрин «обращается к анализу конституционного права в качестве обособленного сегмента юридической науки и отдельной отрасли права: Довольно долгое время предмет конституционного права оставался стабильным, а правовое пространство, регулируемое им, казалось сложившимся на многие годы вперед. Сейчас это пространство расширяется, а роль отрасли конституционного права возрастает. Вопрос заключается в том, хватит ли у существующего конституционного права потенциала «освоить» новые (прирастающие) элементы своего предмета, в то время как остаются нерешенными важные проблемы собственно отрасли и науки конституционного права, связанные с организацией и функционированием системы власти, правами и свободами граждан. Не решив их на базовом (конституционном) уровне, трудно рассчитывать на конституционализацию отраслевой науки и отраслевого законодательства» [2].

А. Ю. Пуряева утверждает: «Интенсивное развитие российской науки экологического права затронуло пласт вопросов, связанных с местом экологического права и смежных с экологическим правом отраслей правовых знаний в системе права» («Таким образом, можно сделать вывод, что лесное право, к примеру, является и должно оставаться подотраслью экологического права. В данном понимании применение термина «право» не является признаком самостоятельности отрасли») [6].

А. В. Безруков рассмотрел «основные аспекты обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации в свете конституционализации отраслей национального права» («В целом же проблема обеспечения конституционализации обращена не только к национальному законодательству, но также к содержанию и обоснованию решений международных органов (включая межгосударственные органы по защите прав человека), которые не могут не считаться с положениями Конституции Российской Федерации, что способствует как усилению конституционализации отраслей национального права, так и укреплению российского конституционного правопорядка в целом») [1].

Действительно, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. [4], в виду наивысшей юридической силы на территории Российской Федерации, занимает особое место в правовой системе этого же субъекта международного права.

В ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации закреплено принципиально важное положение: «1. Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Приведенное положение корреспондирует положениям ст. 15 этого же нормативного правового акта: «1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. 2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. 3. Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. 4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Однако, обособление отрасли права лишь на основе одного нормативного правового акта представляется в недостаточной мере обоснованным [5].

Кроме того, в Российской Федерации принято несколько нормативных правовых актов о публичной власти [4]: Федеральный закон РФ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 14 декабря 2021 г. [8] («1. В соответствии с Конституцией Российской Федерации органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» — ч. 1 ст. 1); Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» («Одобрен Государственной Думой 11 марта 2020 г.», «Одобрен Советом Федерации 11 марта 2020 г.») [9] («Внести в Конституцию Российской Федерации, принятую всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (Российская газета. 1993. 25 дек.), следующие изменения: …» — ст. 1).

Приведенные сведения подтверждают целесообразность отказа от термина «конституционное право», а в качестве альтернативы использовать термин «государственное право».

Предмет административного права, таким образом, может быть представлен совокупностью общественных отношений, сопряженных с деятельностью государственных органов исключительно исполнительной ветви власти.

Таким образом, научные исследования относительно соотношения отраслей права, в том числе и конституционного, государственного, административного в РФ необходимо продолжить.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. может рассматриваться лишь в качестве нормативного правового акта, обладающего наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации.

Во-вторых, принятие законов РФ о поправке к Конституции РФ с неопределенным местом в системе нормативных правовых актов не позволяет более гипертрофировать роль Конституции Российской Федерации.

В-третьих, обособление конституционного права в системе права представляется необоснованным; в качестве альтернативы может рассматриваться государственное право.

В-четвертых, предмета административного права может быть представлен совокупностью общественных отношений, сопряженных с деятельностью государственных органов исключительно исполнительной ветви власти.

Список источников

1. Безруков А. В. Обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации в контексте конституционализации отраслей национального права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9.

2. Выдрин И. В. Об отрасли и науке конституционного права России // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 5.

3. Галузо В. Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123.

4. Галузо В. Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102.

5. Галузо В. Н. О допустимости «клонирования» отраслей юридической науки в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 1. С. 24–27.

6. Пуряева А. Ю. Проблемы соотношения смежных отраслей права в сфере природопользования // Журнал российского права. 2008. № 8.

7. Югов А. А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4.

8. СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

9. СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

References

1. Bezrukov A. V. Ensuring the supremacy of the Constitution of the Russian Federation in the context of

the constitutionalization of branches of national law // Constitutional and municipal law. 2017. № 9.

2. Vydrin I. V. On the branch and science of constitutional law of Russia // Constitutional and municipal law. 2017. № 5.

3. Galuzo V. N. Constitutional and legal status of Russia: the problem of state formation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. P. 119–123.

4. Galuzo V. N. Is it possible to ensure uniform enforcement of legislation in the absence of its systematization? // State and Law. 2014. No. 11. P. 98–102.

5. Galuzo V. N. On the permissibility of «cloning» branches of legal sciences in the Russian Federation // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2021. No. 1. P. 24–27.

6. Puryaeva A. Yu. The problem of correlation of related branches of law in the field of law enforcement // Journal of Russian Law. 2008. № 8.

7. Yugov A. A. on methods of regulation of the branch of the Russian constitutional (constitutional) law // Constitutional and municipal law. 2010. № 4.

8. Federal Law of the RF. 2021. No. 52 (P. I). Art. 8973.

9. Federal Law of the RF. 2020. No. 11. Art. 1416.

Информация об авторе

А. Ю. Кирсанов — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института образования и науки, кандидат юридических наук, адвокат, адвокат международного класса.

Information about the author

A. Yu. Kirsanov — Senior Researcher at the Scientific-research institute of education and science, Candidate of Legal Sciences, Lawyer, Lawyer of International Class.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

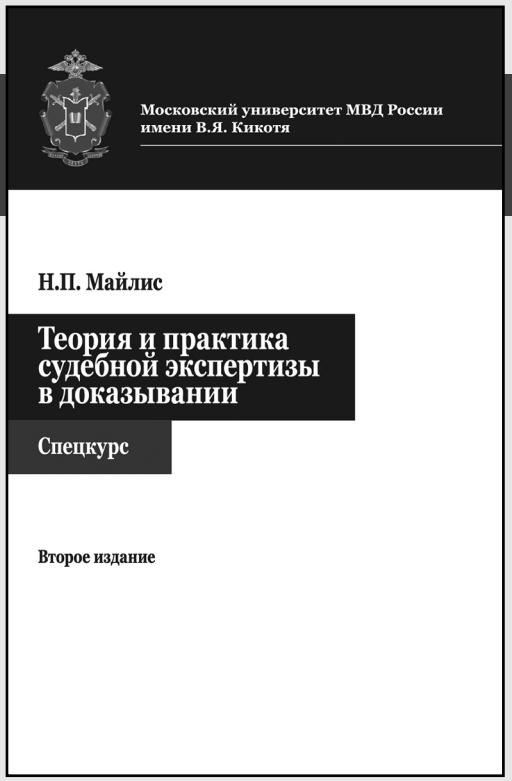
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОКАЗЫВАНИИ. СПЕЦКУРС

2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 255 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Н. П. Майлис

Изложены истоки формирования и развития теории судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены теория идентификации и диагностики, современная классификация судебных экспертиз, субъекты судебно-экспертной деятельности и система государственных экспертных учреждений. Раскрыто правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным и административным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Подробно изложены технологическое обеспечение производства судебных экспертиз, их доказательственное значение в раскрытии и рас-следовании преступлений. Должное внимание уделено информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, комплексным исследованиям, экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.



Научная статья
УДК 342.951
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-108-110
NIION: 2003-0059-3/22-290
MOSURED: 77/27-003-2022-03-489

Административно-правовой аспект реализации конституционной реформы 2020 г.

Владислав Игоревич Ковшевацкий
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kovshevatsky@yandex.ru
Рецензент: профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук **Т. А. Прудникова**

Аннотация. Представлена авторская точка зрения на административно-правовую природу проведенной в 2020 г. конституционной реформы в контексте деятельности органов государственного управления.

Ключевые слова: административное право, государственное управление, Конституция Российской Федерации, реформа, Президент, Правительство, Федеральное Собрание, государственная власть

Для цитирования: Ковшевацкий В. И. Административно-правовой аспект реализации конституционной реформы 2020 г. // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 108–110. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-108-110.

Original article

Administrative and legal aspect of the implementation of the 2020 constitutional reform

Vladislav I. Kovshevatsky
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kovshevatsky@yandex.ru
Reviewer: Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences **T. A. Prudnikova**

Abstract. Presents the author's point of view on the administrative and legal nature of the Constitutional Reform carried out in 2020 in the context of the activities of public administration bodies.

Keywords: administrative law, public administration, Constitution of the Russian Federation, reform, President, Government, Federal Assembly, state power

For citation: Kovshevatsky V. I. Administrative and legal aspect of the implementation of the 2020 constitutional reform. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):108–110. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-108-110.

Для любого государства Конституция является основополагающим юридическим документом, включающим в себя главные постулаты жизнедеятельности конкретного общества. В результате активного развития всех институтов государственной власти, действовавший до конституционной реформы 2020 г. текст Конституции Российской Федерации, оказался в так называемом правовом вакууме, который давно устарел и не соответствовал современной действительности. Юридическая техника позволяет провести конституционную реформу двумя основными способами: разработка и принятие текста новой Конституции; поступательное преобразование текста действующей редакции Основного закона. Государство, как известно, выбрало второй путь модернизации и реализации конституционной реформы в 2020 г.

Публичная власть, с точки зрения терминологии, не только осталась в действующей редакции Конституции РФ, но и значительно усилила свои позиции. Ряд статей теперь содержит прямое упоминание по-

© Ковшевацкий В. И., 2022

нятия «публичная власть». Так, в п. «г» ст. 81 установлено, что «организация публичной власти» находится в ведении федеральных органов государственной власти; в ч. 2 ст. 80 определена единая система публичной власти, ч. 1 ст. 67 регламентирует, что только федеральным законом может быть установлена организация публичной власти на федеральном уровне, ч. 3 ст. 131 декларирует особенности осуществления публичной власти в городах федерального значения.

Между тем, значительная часть изменений, внесенных в текст Конституции РФ, в том числе реформа публичной власти носит по большей части предсказуемый консервативный характер. Многие предложенные изменения были предметом дискуссии ученых юристов последнее десятилетие. С точки зрения официального и доктринального толкования проблема конституционного реформирования была обозначена как переход от политических иллюзий к юридическому реализму. Целесообразность концептуальных изменений, внесенных в текст Конституции РФ, обусловлена тем, что в обществе изменились политико-правовые ориентиры. Вектор сместился на промежуточное состояние между обеспечением прав и свобод человека и гражданина и обеспечением коллективных интересов гражданского общества.

Президент РФ 15 января 2020 г. в своем ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации обозначил следующие направления конституционного реформирования.

1. Закрепить юридическую силу Конституции РФ выше международных нормативных правовых актов.

2. При установлении административно-правового статуса высших должностных лиц органов государственной власти, в том числе потенциальных кандидатов на должность Президента РФ, закрепить дополнительные требования, связанные со сроком проживания на территории России, а также отсутствие юридической связи с любым другим государством.

3. Закрепить единую систему публичной власти на всех уровнях государственного управления: федеральном, субъектов Федерации, органов местного самоуправления.

4. Закрепить социальную защищенность граждан Российской Федерации в контексте ежегодной индексации пенсий и установлении пенсионного обеспечения выше уровня прожиточного минимума в стране на текущий период времени.

5. В целях усиления правового положения губернаторов и глав субъектов Федерации, установить правовой статус Государственного Совета, в состав которого входят все главы регионов под председательством Президента российской Федерации.

6. Наделить Государственную Думу полномочиями по утверждению Председателя Правительства Российской Федерации и, соответственно, всех вице-премьеров и федеральных министров, отвечающих за выработку и реализацию государственной политики в социально-экономической сфере жизнедеятельности общества. Право отстранять от занимаемой должности Председателя и членов Правительства Российской Федерации за ненадлежащее выполнение обязанностей закрепить за Президентом страны.

7. Закрепить право назначения руководителей силовых ведомств за Президентом страны после согласования кандидатур в Совете Федерации.

8. Реформирование судебной системы в части, касающейся расширения полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, связанных с обязательным согласованием всех законопроектов, принятых Федеральным Собранием Российской Федерации, перед подписанием Президентом РФ [2].

Между тем, с точки зрения организации публичной власти большой интерес представляет определение правового статуса Государственного Совета России. Данный совещательный орган предназначен для содействия в реализации полномочий главы государства в сфере координации единой системы публичной власти. Орган формируется Президентом России, в состав входят все высшие должностные лица различных органов государственной власти, а ключевое место занимают главы регионов. Важным аспектом является то, что в рамках названного органа учитываются интересы субъектов Федерации, при этом глава государства через взаимодействие с главами регионов получает обратную связь для решения задач текущей повестки. Кроме того, в состав Госсовета входят представители ключевых политических партий, входящих в состав Государственной Думы Российской Федерации.

Описывая административно-правовую характеристику системы государственной власти в России, нельзя обойти стороной главный законотворческий орган страны — Федеральное Собрание Российской Федерации. В свете проводимой Конституционной реформы 2020 г., можно выделить отдельные технико-

юридические ограничения в деятельности Федерального собрания Российской Федерации, в большей мере ее нижней палаты — Государственной Думы Российской Федерации. К примеру, реализация права Президента России на роспуск Государственной Думы Российской Федерации в процедурном аспекте гораздо проще, в отличие от процедуры отрешения Президента России от должности Федеральным собранием России.

Следует отметить, что конституционная реформа России 2020 г. по существу запустила процесс повышения политической независимости Федерального собрания России как законодательной ветви власти. Административно-правовой статус Государственной Думы России в отдельных своих элементах претерпел некоторые изменения. Это касается, прежде всего, ст. 112 Конституции РФ [1], которая закрепила принцип усиления роли Государственной Думы России при формировании состава Правительства России. В действующей редакции нижняя палата парламента согласует кандидатуры на должность министра и заместителя Председателя Правительства. Однако назначение министров силовых министерств остается исключительной прерогативой Президента РФ. Также в вышеназванной статье отмечается, что Президент не имеет права отклонить кандидатуры, согласованные Государственной Думой. Однако при возникновении подобной конфликтной политической ситуации, все же политический вес Президента РФ выше, чем Государственной Думы. На это указывает ряд аргументов. Во-первых, в Конституции России предусмотрен механизм, в котором после троекратного отклонения кандидатур Президент уполномочен назначить их самостоятельно. Кроме того, не смотря на положение Президента «над ветвями власти», безусловно, он ближе к исполнительной ветви власти и в новой редакции п. «б» ст. 83 Конституции РФ на это прямо указано: Президент осуществляет общее руководство Правительством Российской Федерации. Также, были расширены консультативные полномочия Совета Федерации [1], суть которых заключается в консультировании Президента при назначении кандидатур на должность министров силовых министерств и на должность Генерального Прокурора РФ.

Конституционная реформа также затронула отдельные элементы статуса Президента РФ. В частности, в п. «б» ст. 95 Конституции России сказано, что Глава государства, сложивший свои полномочия, может быть сенатором пожизненно.

К сожалению рамки научной статьи не позволяют более подробно рассмотреть все детали поведенной в 2020 г. конституционной реформы. Однако даже представленный анализ показывает, что изменения, прежде всего, направлены на укрепление государственности и авторитета власти, что дает надежду на поступательное развитие современного общества.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // СПС «КонсультантПлюс».

2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // СПС «Консультант плюс».

References

1. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // SPS «ConsultantPlus».

2. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of January 15, 2020 // SPS «Consultant plus».

Информация об авторе

В. И. Ковшевацкий — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. I. Kovshevatsky — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-111-125
NIION: 2003-0059-3/22-291
MOSURED: 77/27-003-2022-03-490

Критический анализ разрешения рядового гражданского иска в уголовном деле: случайные проблемы преюдициального характера или когнитивный диссонанс в головах правоприменителей?

Никита Александрович Колоколов
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. Исследуется переполненный противоречиями ход разрешения рядового гражданского иска в уголовном деле: факт преступления установлен, осужденный иск признает, его цена спора не вызывает, однако ущерб жертвам преступления до сих пор не возмещен, «чужим» имуществом до сих пор владеют «добросовестные приобретатели». Автор задается вопросом, что мешает разрешению неожиданно возникшего спора: проблемы преюдициального характера или когнитивный диссонанс в головах правоприменителей? Если образно, то что, по мнению читателя, судам предстоит сделать, чтобы «и волки были сыты и овцы целы»? Может быть: защита прав потерпевшего — дело только самого потерпевшего?

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, судебная система России, автономное существование подсистем общей и арбитражной юстиции, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, преюдиция, качество предварительного расследования и судебного разбирательства, конституционное право потерпевшего на защиту своих интересов, особый статус добросовестного приобретателя, потерпевший v.s. «добросовестный приобретатель», гражданский иск в уголовном деле, практика применения норм, регламентирующих назначение наказания и возмещения вреда, компенсации морального вреда

Для цитирования: Колоколов Н. А. Критический анализ разрешения рядового гражданского иска в уголовном деле: случайные проблемы преюдициального характера или когнитивный диссонанс в головах правоприменителей? // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 111–125. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-111-125.

Original article

Critical analysis of the resolution of an ordinary civil lawsuit in a criminal case: random problems of a prejudicial nature or cognitive dissonance in the minds of law enforcement officers?

Nikita A. Kolokolov
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract. The process of resolving an ordinary civil lawsuit in a criminal case, full of contradictions, is being investigated: the fact of a crime is established, the convicted lawsuit admits, its price does not cause a dispute, but the damage to the victims of the crime has not yet been compensated, «foreign» property is still owned by «bona fide purchasers». The author asks what prevents the resolution of an unexpected dispute: problems of a prejudicial nature or cognitive dissonance in the minds of law enforcement officers? Figuratively speaking, what, in the reader's opinion, will the courts have to do so that «both the wolves are fed and the sheep are safe»? Maybe: the protection of the rights of the victim is only the business of the victim himself?

Keywords: cognitive dissonance, Russian judicial system, autonomous existence of the subsystems of general and arbitration justice, criminal proceedings, civil proceedings, arbitration proceedings, prejudice, the quality of the preliminary investigation and trial, the constitutional right of the victim to protect his interests, the special status of a bona fide purchaser, the victim versus «bona fide purchaser», civil action in a criminal case, the practice of applying the rules governing the imposition of punishment and compensation for harm, compensation for moral damage

© Колоколов Н. А., 2022

For citation: Kolokolov N. A. Critical analysis of the resolution of an ordinary civil lawsuit in a criminal case: random problems of a prejudicial nature or cognitive dissonance in the minds of law enforcement officers? Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):111–125. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-111-125.

Право жертвы преступления (потерпевшего) на возмещение вреда: дуализам в законе и правоприменении

Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и, в конечном итоге, обеспечиваются правосудием (Конституция РФ, ст. 18). Казалось бы, приведенная выше норма российского Основного закона правоприменителем во всех видах судопроизводства должна истолковываться исключительно однозначно: права потерпевшего (жертвы преступления) государством должны быть защищены всегда, везде и в полном объеме.

Согласно ч. 1 ст. 302 ГК РФ если имущество потерпевшего от преступления возмездно приобретено добросовестным приобретателем у лица, которое не имело права его отчуждать, то собственник (потерпевший, жертва преступления) всегда вправе истребовать это похищенное у него имущество.

В тоже время, в этом же законе зафиксировано и исключение из общего правила: деньги, а также ценные бумаги на предъявителя у добросовестного приобретателя истребованы быть не могут (ч. 3 ст. 302 ГК РФ).

Дуализм в позитивном гражданском праве, а также дуализм в правоприменении, наличие которого в российском судопроизводстве a priori в определенной степени предопределено практически автономным существованием подсистем общей и арбитражной юстиции, обуславливает неизбежное возникновение целого ряда разного рода коллизий (казусов) в сфере толкования, казалось бы, очевидного.

Данная ситуация на практике осложняется признанием института преюдиции (ст. 90 УПК РФ), в рамках которого вступившие в законную силу решения суда, принятые в рамках гражданского и арбитражного процесса, с одной стороны, признаются судом без дополнительной проверки, с другой, — они не могут (не должны) предрешать не только виновность лиц, не участвовавших в деле, но и их материальную ответственность.

Ниже на конкретном примере читателю предлагается проследить попытки судов, во-первых, разрешить псевдопреюдициальные проблемы, во-вторых, защитить права потерпевшего и одновременно «добросовестного приобретателя». В статье также предлагается анализ взаимоисключающих правовых позиций по одному и тому же вопросу, авторство на которые принадлежит, в том числе, и судьями двух Судебных коллегий Верховного Суда РФ: по уголовным делам и экономическим спорам.

Насколько неизбежно при таких обстоятельствах возникновение когнитивного диссонанса в головах правоприменителей, судить читателю. Автор также предлагает читателю самостоятельно разрешить вопрос насколько возможно в таких ситуациях восстановить процессуальную гармонию.

Когнитивный диссонанс в сознании участников процесса

Когнити́вный диссона́нс (от лат. cognitio «познание» и dissonantia «несозвучность») речь идет об «отсутствии гармонии», особом психическом дискомфорте человека, вызванном столкновением в его сознании конфликтующих представлений: идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций.

Считается, что понятие «когнитивный диссонанс» впервые в научный оборот введено Леоном Фестингером (1919–1889) в 1957 г. В его теории когнитивного диссонанса утверждается, что конфликтные ситуации, которые нередко возникают в «когнитивной структуре» человека, — реакция в его сознании на некие опасные для личности ситуации, действия других индивидов, а то целого общества.

В своей теории Л. Фестингер выдвинул две основные гипотезы. Согласно первой из них, человек в случае возникновения диссонанса всеми силами стремится снизить уровень (степень) несоответствия между своими установками, попытается достичь консонанса (соответствия) как в рамках анализа своего поведения, так и в своих отношениях с окружением. Вторая гипотеза гласит: стремясь снизить возникший дискомфорт, человек постарается обойти стороной такие ситуации, в которых дискомфорт может усилиться.

Диссонанс может появиться по различным причинам:

1) из-за логического несоответствия;

2) культурных обычаев;

3) противоречия индивидуального и коллективного;

4) несоответствия опыта прошлого с настоящим.

В тоже время, человеку жизненно необходимо поддерживать согласованность своих знаний об окружающей действительности. Поэтому люди практически всегда спешат оправдать свои заблуждения. При этом индивид, совершивший ошибку, оправдывая себя в мыслях, постепенно сдвигая свои некогда «твердые» убеждения относительно случившегося в сторону того, что происшедшее на самом деле не так уж и страшно. Классический пример такого мыслительного процесса можно обнаружить у В. Войновича в его произведении «Приключения Ивана Чонкина», один из героев которого глубокомысленно замечает: «И в тюрьме тоже люди живут…». Таким образом, личность, а равно и различные социальные образования «регулирует» свое мышление так, чтобы уменьшить, в первую очередь, конфликт внутри себя.

Когнитивный диссонанс может усиливаться или ослабевать в зависимости от проблем, которые встают перед человеком. Степень диссонанса усиливается, если личности предстоит серьезное испытание, а человек даже и не пытается к нему подготовиться. Диссонанс возникает практически всегда, человеку предстоит сделать «нелегкий» выбор.

Порой, чтобы избавиться от мучающего личность когнитивного диссонанса, ей предстоит изменить свое поведение, т. е. убедить себя в обратном. Человек должен научиться фильтровать поступающую к нему информацию относительно важности проблемы. Например, признать свои ошибки и поступить в соответствии с общепризнанным вариантом толкования проблемы.

Защита имущественных прав потерпевшего (жертвы преступления)

В соответствии со Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г., Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. №40/34), Рекомендацией Комитета Министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» от 28 июня 1985 г. № R 85 (11) важнейшей функцией уголовного правосудия является охрана законных интересов потерпевшего (жертвы преступления).

Из содержания ч. 1 ст. 42 УПК РФ следует, что потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред. В силу ч. 3 этой же статьи потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного ущерба, причиненного преступлением.

В правовой позиции, закрепленной в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в ред. постановлений Пленума от 9 февраля 2012 г. и 16 мая 2017 г.), мы находим расширенное толкование как ст. 18 Конституции РФ, так и п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ — уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Авторы постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее — Постановление № 23) изначально поставили перед собой задачу, скорее всего, не разрешимую в принципе, так как невозможно совместить процесс уголовный («пламень»), в его основе розыск (инквизиция), с производством гражданским, база которого — равнодушный «лед» диспозитивности.

Носители государственной власти в уголовном процессе (дознаватель, следователь, прокурор и суд), сталкиваясь с необходимостью одновременного разрешения вопросов уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и гражданско-процессуального права в случае заявления гражданского иска потерпевшим (жертвой преступления) пребывают в состоянии перманентного когнитивного диссонанса, ибо нельзя объять необъятное. Что им делать: потерпевшего защищать или преступника изобличать?

Впрочем, ответ на данный вопрос перечисленные выше субъекты (в результате проведенного автором опроса — 87 %) сами себе уже давно дали: поскольку, согласно закону, мы носители власти в процессе уголовном, то поэтому, в первую очередь, и займемся процессом уголовным — выявлением и изобличением виновных. Что касается второй очереди — защиты имущественных прав по терпевшего, то мы этой проблеме внимание, конечно, уделим, так как закон того требует, но только, если это у нас реально получится.

Гражданский иск в уголовном деле: проблемы неразрешенные или неразрешимые в принципе?

Общеизвестно, что в уголовном процессе гражданский иск — категория a priori чужеродная, ибо основная задача производства заключается не в возмещении (компенсации) вреда жертве преступления (дело частное), а в решении вопросов государственного уровня: на досудебном этапе — это раскрытие преступлений и изобличение виновных (будущих гражданских ответчиков); в суде — назначение последним справедливого наказания. При таких обстоятельствах одновременное вынесение судом решения о возмещении вреда, причиненного преступлением, — не более чем, пусть и и приятная для жертвы, но для государства все же дополнительная опция.

Да и «скорости» у процессов уголовного и гражданского — разные. Поясним на примере: 16-летний подросток в весеннюю страду (когда день год кормит) угнал у фермера один единственный, взятый им в лизинг колесный трактор (ч. 1 ст. 166 УК РФ), на котором допустил столкновение сразу с двумя легковыми автомобилями.

Сразу было установлено: двум потерпевшим причинен тяжкий вред здоровью (ч. 1 ст. 264 УК РФ), в последствие (спустя восемь месяцев лечения) выяснилось, чтоб оба они к тому же стали инвалидами. Скрываясь от полиции, несовершеннолетний угонщик «утопил» трактор в болоте. Виновный задержан на месте преступления, в содеянном признался, дал подробные, развернутые показания, в содеянном раскаивается.

Очевидно, что особых сложностей в расследовании этих двух преступлений небольшой тяжести у следователя не будет, в тоже время, очевидно и то, что гражданские иски, вытекающие из причинения самых разных видов вреда разрешаться будут очень долго, возможно годами, и, естественно, уже за рамками уголовного судопроизводства.

При таких обстоятельствах приведенное в преамбуле Постановления № 23 утверждение о том, что гражданский иск в уголовном деле представляет собой механизм эффективной судебной защиты прав потерпевшего выглядит излишне оптимистичным, на самом деле, это — благое пожелание.

Очевидно и то, что при подготовке гражданского иска в уголовном деле основная тяжесть в работе выпадает не на суд, а на инквизитора — следователя (дознавателя), специально уполномоченного государством комиссара, который ex officio обязан найти не только виновных, но и озаботься поиском похищенного, равно как и имущество, подлежащее взысканию, сохранить до судебного разбирательства.

Не случайно в п. 34 Постановления № 23 судам апелляционной и кассационной инстанций рекомендовано строго «реагировать на каждый случай нарушения прав потерпевшего и гражданского истца, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия», карать нерадивых следователей (дознавателей), их руководителей и начальников путем вынесения частных определений.

При этом не совсем ясно, какой смысл авторы Постановления № 23 заложили в фразу «суду надлежит самому принять исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по делу гражданского иска» (п. 27), допустим ли судейский активизм, если выше указано, что по правилам процесса состязательного, основанном на принципе диспозитивности, судья обязан терпеливо ждать пока прокурор (профессионал) справится с возложенным на него «бременем доказывания характера и размера причиненного преступлением имущественного вреда (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), а наличие вреда прочего также сугубо самостоятельно докажет «любитель» — гражданский истец, он же по закону на приемлемом юридическом уровне должен «обосновывать свои требования о размере компенсации морального вреда» (п. 21).

Скажем больше, выше авторы Постановления № 23 предлагают суду принять участие даже в неком «светском диалоге» с гражданским истцом, которому вменяется в обязанность самостоятельно «устранить имеющиеся недостатки в его заявлении без возвращения такового» (п. 15).

Вопрос к авторам Постановления № 23, что делать суду, если тяжущиеся от доказывания по гражданскому иску самоустранились? Не считаясь со временем выполнить всю черновую работу за них или передать гражданский иск на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства?

В тоже время, согласно Постановлению № 23, пассивность сторон — не является основанием для передачи гражданского иска из процесса уголовного в судопроизводство гражданское. Более того, анализируемое Постановление № 23 под угрозой частного определения в адрес суда первой инстанции такую передачу и вовсе запрещает (п. 34).

«Суд принимает меры к обеспечению гражданского иска. В силу ч. 2 ст. 230 УПК РФ такие меры могут быть приняты судом по ходатайству потерпев-

шего, гражданского истца, их законных представителей или представителей либо прокурора» (п. 19 Постановления № 23). Вопрос: а исключительно по инициативе самого суда все это сделать возможно?

Поскольку Постановление № 23 является причиной когнитивного диссонанса у правоприменителя, то не удивительно, что данный документ вызвал повышенный интерес у представителей юридической общественности. Обсуждению положений, содержащихся в данном документе были посвящены публикации в журналах «Уголовный процесс» (№ 11 за 2020 г.) и в журнале «Закон» (№ 11 за 2020 г.)

Попробуем посмотреть, что из этого в конечном итоге из большой проделанной учеными аналитической работы получилось. Начнем с анализа того, что о Постановлении пишут уважаемые специалисты:

• профессор Л. В. Головко.

Леонид Витальевич свой комментарий начинает с констатации: «Новое Постановление № 23 ничего сенсационного не несет, да и нести не могло. Речь идет о классическом для уголовного процесса институте французского происхождения (концепция так называемого соединенного процесса), который глубоко укоренился в нашем праве с XIX в. Все атаки на него либо сугубо конъюнктурны (связаны с конкретными делами, чьим исходом недовольна одна из сторон), либо откровенно некомпетентны».

Ниже данный автор продолжает: «В этом Постановлении № 23 обращают на себя внимание три спорных момента. Во-первых, некоторое локальное проявление ныне, к сожалению, модных антисоциальных начал (п. 12)».

«Во-вторых, уголовно-процессуальная теория всегда исходила из специального порядка предъявления гражданского иска в уголовном процессе, не требующего составления искового заявления, так как в нем нечего писать. Пленум намекнул (именно намекнул!), что исковое заявление все-таки должно быть (п. 15)».

«В-третьих, уголовно-процессуальная теория исходит также из того, что фигура гражданского ответчика возникает лишь в ситуации, когда гражданскую ответственность за действия обвиняемого несет третье лицо (родители несовершеннолетних, владельцы источника повышенной опасности и т. п.) (п. 18) [7, с. 28–30];

• адвокат Л. Скловский.

Данный автор считает, что «Постановление № 23 представляется неоправданно узким и недостаточно точно отвечающим на запросы практики. Отсутствует тема заявления иных исков, кроме иска о возмещении вреда, — вещных исков, исков о недействительности сделки и т. д. Во-первых, крайне желательно четко указать, что такие иски не могут заявляться в уголовном процессе. Во-вторых, еще важнее подчеркнуть, что для обеспечения таких исков недопустим арест имущества в уголовном процессе, что является одной из самых острых практических проблем.

Повальный арест всего имущества подозреваемого весьма часто является главным мотивом уголовного преследования, даже если формула обвинения не содержит причинения существенного вреда, а квалификация преступления не предусматривает конфискации.

Для оправдания таких арестов следователь не может выдвигать довод о том, что арест накладывается для обеспечения права потерпевшего на возврат арестованного имущества от обвиняемого. Такой возврат должен осуществляться вещным иском в гражданском процессе и обеспечиваться в порядке гражданского судопроизводства.

Очень важно указать, что вещный спор не должен замещаться иском в уголовном процессе, и если потерпевший своевременно не возбудил спор об истребовании своего имущества, о признании права на него, то независимо от уголовного дела на такие требования распространяется срок исковой давности. Приговор может в известных случаях давать основания для пересмотра решения по гражданскому делу по вновь открывшимся обстоятельствам, но недопустимо, повторюсь, переносить вещный спор в уголовное дело» [7, с. 34–35];

• профессор А. С. Пашин.

По мнению Сергея Анатольевича в Постановлении № 23 «не урегулирован вопрос о пределах гражданского иска в случаях, когда легальные формы хозяйствующих организаций используются для совершения мошенничества и других преступлений. В таких случаях граждане могут сперва предъявлять иски в порядке гражданского судопроизводства к юридическому лицу, использовавшемуся злоумышленниками в качестве «отмычки». Создает ли эта активность какие-либо особенности предъявления и рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении руководителей такой организации? Увы — не развеивает Пленум подобные недоумения» [7, с. 30–31].

Потерпевший v.s. гражданский истец: бремя доказывания

Приведенные нормы международного и национального права, в их истолковании путем закрепления правовых позиции, высказанных Пленумом Верховного Суда РФ в рамках уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения, гласят, что потерпевший фактически полностью освобождается об бремени доказывания факта причинения ему имущественного вреда, ибо данную функцию взяло на себя государство в лице дознавателя, следователя, прокурора и суда.

В тоже время, российский уголовный процесс не отрицает наличия у потерпевшего субсидиарной роли в отстаивании им своих законных персональных, в том числе, и имущественных интересов.

Что касается иска гражданского в уголовном процессе, то получается, что его заявление, обоснование его размера (доказывание) — дело исключительно самого гражданского истца — потерпевшего (жертвы преступления).

Добросовестный приобретатель: субъект, возможное появление которого в уголовном деле обусловлено заявлением гражданского иска жертвой

Хотя Гражданский кодекс РФ знает понятие «добросовестный приобретатель» (ч. 3 ст. 302 ГК РФ), однако данный термин закон, по существу, не раскрывает и детально не толкует. Разъяснения по данному вопросу в свое время были даны в п. 38 совместного постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25). Приобретатель признается добросовестным, если докажет, что при совершении сделки он не знал и, что главное, не должен был знать о неправомерности отчуждения имущества продавцом, в частности принял все разумные меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества (абз. 1). Ответчик может быть признан добросовестным приобретателем имущества при условии, если сделка, по которой он приобрел владение спорным имуществом, отвечает признакам действительности сделки во всем, за исключением того, что она совершена неуполномоченным отчуждателем (абз. 3). Собственник вправе опровергнуть возражения приобретателя о его добросовестности, доказав, что при совершении сделки приобретатель должен был усомниться в праве продавца на отчуждение имущества (абз. 4).

Как видим, закон буквально, вменяет в обязанность приобретателю представить суду доказательства законности совершения им действий по приобретению чужого имущества, т. е. не знал и даже догадываться не имел возможности, ибо сам — жертва обмана.

Из п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» следует, что оценивая действия сторон как добросовестные и недобросовестные следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе и в получении необходимой информации (абз. 3).

В абз. 4 этого же пункта зафиксировано, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий гражданского оборота от добросовестного поведения, даже если стороны на них не ссылались (ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ).

Приведенные правовые позиции (прецеденты) позволяют сделать вывод, что как в гражданском, так и арбитражном процессе, по крайней мере, должен приветствоваться судейский активизм, направленный на пресечение недобросовестного поведения участников деликтных отношений.

Автомобиль один — владельцев двое: «законный» и «добросовестный»

9 июля 2016 г. следователь изъял у К. автомобиль «Хонда», при этом он исходил у того, что данная машина на самом деле принадлежит потерпевшему П., у которого она была ранее похищена. В соответствии ст. 82 УПК РФ следователь признал спорный автомобиль вещественным и поместил его на хранение, предполагая, что в будущем по решению суда машина будет возвращена ее первому владельцу — П.

В 2018 г. владелец «Хонды» ходатайствовал перед органами предварительного расследования о передаче спорного автомобиля на хранение ему. В обоснование

своей позиции К., во-первых, представил копии необходимых в таких случаях правоустанавливающих документов (договор купли-продажи, паспорт транспортного средства, свидетельства о его регистрации, страховой полис), согласно которым он является законным владельцем спорного автомобиля. Во-вторых, К. сослался на ст. 82 УПК РФ, регламент которой не препятствует хранению крупных предметов (к которым относятся и автомобили), признанных вещественными доказательствами, у их законных владельцев.

Постановлением старшего следователя СЧ СУ Управления МВД России по г. Новокузнецку от 30 марта 2018 г. К. в удовлетворении данного ходатайства отказано.

Считая, что машину изъяли у него незаконно, а также незаконно удерживают ее на стоянке, К. обжаловал решения и действия следователя по правилам ст. 125 УПК РФ.

Постановлением Центрального районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 23 мая 2018 г. жалоба К оставлена без удовлетворения. При этом суд исходил из того, что следователь действовал в пределах своих полномочий (ст. 38 и 82 УПК РФ) и только в его компетенции находится вопрос: вернуть машину ее законному владельцу П., добросовестному приобретателю К. или хранить вещественное доказательство в каком-либо ином (нейтральном) месте.

Апелляционным постановлением Кемеровского областного суда от 13 июля 2018 г. постановление оставлено без изменения.

Как видим, следователь, с одной стороны, поставлен перед дилеммой: вернуть машину потерпевшему П. либо оставить ее на хранение у К. Возвращение автомобиля П. возможно только при установлении всех обстоятельств по уголовному делу, данный процесс, как известно, завершается только вступлением в силу обвинительного приговора в отношении лиц, похитивших машину у потерпевшего. На текущий момент по документам «Хонда» принадлежит К., юридических оснований для обладания и распоряжения ею у П. нет.

Передав машину добросовестному приобретателю К., сторона обвинения, включая законного ее владельца потерпевшего П., рискуют автомобиль (вещественное доказательство) утратить, так как К. может ее продать, повредить в ДТП, уничтожить.

Суды Кемеровской области, отказывая К., оставили решение спора на усмотрение следователя.

К. обжаловал состоявшиеся по делу судебные постановления в Верховный Суд РФ.

Судья Верховного Суда РФ, направляя дело для рассмотрения в суд кассационной инстанции, указал, что суды, рассматривавшие жалобу К. не проанализировали приоритет потерпевшего П. перед К. [4].

Довод в пользу данного решения: затянувшийся срок хранения спорного автомобиля «Хонда», не исключено, что предварительное расследование по делу может растянуться на годы, в течение которых потребительские свойства машины только убывают.

Очевидно и другое: если машина была похищена у П., то почему государство не торопится брать на себя ответственность за ее незаконную регистрацию на имя К.?

Гражданский иск: дуализм в правоприменении [10]

Тысячу раз был прав, живший в 1748–1832 гг. английский философ-моралист, социолог, правовед, родоначальник утилитаризма Джереми Бентам (Jeremy Bentham), когда на рубеже XVIII–XIX вв. он на основе личного практического опыта с уверенностью был вынужден констатировать: наличие сразу нескольких судов в одном и том же споре неизбежно явится причиной того, что одни и те же факты будут ими истолковано по-разному (казус) [12].

Существование в России двух практически независимых судебных подсистем: арбитражной и общей юстиции — вечный источник споров о том, как следует толковать то или иное правовое явление. О данной проблеме в российском судопроизводстве, когда по одному и тому же элементарному делу (продажа бизнеса) вологодские суды общей и арбитражной юстиции вынесли два взаимоисключающих решения, мы уже писали [8]. Скажем больше, мы также уже касались, правда в условиях отсутствия правовой определенности на уровне кассационно-надзорного уголовного судопроизводства, уникального казуса, рассматриваемого в настоящей статье [10].

Впрочем, анализируемая проблема характерна не только для России, ее наличие открыто признают юристы Франции, которые вот уже как полтора века наблюдают дуализм в истолковании одних и тех же фактов судами общей юрисдикции и автономной системой административных судов. Они пишут, что теоретически «люди, обращающиеся к правосудию, должны иметь возможность легко и быстро определить компетентного судью для разрешения своего спора». В тоже время, поскольку никто не отменял «бои судов за территорию», «чрезмерно широкое экспансионистское

толкование норм Конституции Франции (ст. 66) судами общей юрисдикции» и прочих форм их «вопиющего произвола», в свое время был создан Трибунал по конфликтам, состоящий из равного числа членов Кассационного суда Франции и Государственного совета Франции. Французы считают, что данный орган призван свести к минимуму «риск гражданина остаться совсем без правосудия» [13, с. 17–27].

Преюдиция отраслевая

В современном российском уголовном процессе минимизировать возможность «разницы» в подходах к толкованию одних и тех же норм права и фактов, во-первых, призвана ст. 90 УПК РФ. Во-вторых, согласно ст. 69 АПК РФ (в ред. от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ), именуемой «Основания освобождения от доказывания»: 1) обстоятельства дела, признанные арбитражным судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании; 2) обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица; 3) вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле; 4) вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу обязательны для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом.

В тоже время, отечественный законодатель, видимо, еще «не дорос» до создания обязательного для всех судов унифицированного межотраслевого регламента института преюдиции (межотраслевой преюдиции). Это позволяет конкурирующим судебным подсистемам, преследуя свои узковедомственные цели, время от времени делать вид, что о существовании друг друга они ничего не знают.

Впрочем, есть ФКЗ «О судебной системе РФ» от 31 декабря 1996 г. (в ред. от 8 декабря 2020 г.), согласно которому, по крайней мере, теоретически: признается обязательность исполнения на всей территории РФ судебных постановлений, вступивших в законную силу (ст. 3), следовательно, игнорирование судами решений друг друга изначально будет незаконно [14].

Особо следует отметить то обстоятельство, что база всех уголовно-процессуальных судебных решений — результаты следственной деятельности, акторы (субъекты) которой о преюдиции вообще, арбитражной преюдиции в частности, практически ничего не знают. Проблемы, которые могут возникнуть при преюдициальном использовании результатов предварительного расследования, сами органы предварительного расследования и надзирающих за ними прокуроров занимают весьма мало, ибо с них требуется не компенсация ущерба потерпевшим в отдаленной перспективе, а вынесенный, как можно скорее, по определенному делу обвинительный приговор суда [9].

Скажем главное, даже для судей наличие в УПК РФ ст. 90 — это, за небольшим перечнем исключений, всего лишь повод к размышлению: что суду, рассматривающему конкретное дело, допустимо признавать априори установленным, а что ему предстоит перепроверять самому, как это было сделано, например, вологодскими следователями при расследовании, а вологодскими судьями при рассмотрении уголовного дела в отношении Я., которая путем обращения в арбитражный суд задумала обмануть коллегу по бизнесу [1; 2; 3].

Чисто теоретически (ибо об этом в действующем УПК РФ прямо не говорится) следователь в пределах, очерченных УК и УПК РФ, должен установить истину по делу, выявив, в том числе, и обстоятельства, способствующие преступлению. Более того, также теоретически это должен сделать и суд — т. е. тоже установить истину, но уже строго всего лишь в рамках предъявленного обвинения. Совершенно очевидно, что истина — соответствие наших процессуальных знаний реальным событиям зачастую нечто гораздо большее, чем то, что акторы (субъекты) процесса в состоянии отразить в оформляемых ими документах.

В гражданском и арбитражном судопроизводстве (ГПК, АПК РФ) следователя нет, есть только суд, оценивающий доказательства, представляемые сторонами, в том числе и теми, которые в силу самых различных обстоятельств легко могут злоупотребить правом на судебную защиту.

В реальном уголовном процессе судейский активизм, направленный на изучение события преступления за рамками предъявленного обвинения, мягко говоря, не поощряется. В процессе гражданском и арбитражном процессе на него (судейский активизм), даже в рамках вышеприведенных правовых позиции,

вроде как обязывающих пресекать недобросовестность сторон, и вовсе наложено табу [6][1].

Ниже на конкретном примере попробуем проанализировать, как в таких условиях участники процесса, базируясь исключительно на толковании ст. 90 УПК РФ, в течении нескольких лет пытались разрешить гражданский спор, вытекающий из уголовных и уголовно-процессуальных отношений. Кроме того, мы сделаем все возможное, чтобы разобраться, в чем же порочность избранного ими метода. Впрочем, для начала введем читателя в курс некоторых анализируемых в статье норм права.

Депозитарная деятельность

Согласно Федеральному закону от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» депозитарной деятельностью признается оказание услуг по учету и переходу прав на бездокументарные ценные бумаги (ч. 1 ст. 7 Закона). Профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий депозитарную деятельность, именуется депозитарием. Депозитарий, осуществляющий расчеты по результатам сделок, совершенных на торгах организаторов торговли по соглашению с такими организаторами торговли и (или) с клиринговыми организациями, осуществляющими клиринг обязательств по таким сделкам, именуется расчетным депозитарием (ч. 2 ст. 7 Закона).

Лицо, пользующееся услугами депозитария по учету прав на ценные бумаги, именуется депонентом. Договор между депозитарием и депонентом об оказании услуг по учету прав на ценные бумаги именуется депозитарным договором (договором о счете депо). Депозитарный договор должен быть заключен в письменной форме. Депозитарий обязан утвердить условия осуществления им депозитарной деятельности, являющиеся неотъемлемой частью депозитарного договора (ч. 3 ст. 7 Закона).

По общему правилу депозитарий не вправе совершать операции с ценными бумагами депонента иначе как по поручению последнего (ч. 5 ст. 7 Закона).

На ценные бумаги депонентов не может быть обращено взыскание по обязательствам депозитария (ч. 6 ст. 7 Закона).

Депозитарий несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей по учету прав на ценные бумаги, в том числе за полноту и правильность записей по счетам депо, а также за сохранность находящихся у него на хранении обездвиженных документарных ценных бумаг (ч. 8 ст. 7 Закона).

Депозитарий, осуществляющий учет прав на ценные бумаги, обязан оказывать депоненту услуги, связанные с получением доходов в денежной форме по таким ценным бумагам и иных причитающихся владельцам таких ценных бумаг денежных выплат (ч. 11 ст. 7 Закона).

Депозитарий — растратчик

ООО «ИК «ТКС»[2] в лице его генерального директора К. согласно уставу осуществляло депозитарную деятельность. Последний из корыстных побуждений похитил акции депонентов Р., Д-ых и В. (по уголовному делу потерпевшие и гражданские истцы). С этой целью К. в период с 30 апреля 2013 г. по 25 сентября 2014 г., обладая опытом работы на рынке ценных бумаг, совершил ряд незаконных сделок по отчуждению вверенных ему бездокументарных именных акций указанных лиц, «распродав» их другим депозитариям.

Когда хищение акций выявилось, то по данному факту было возбуждено уголовное дело. В ходе предварительного расследования акции потерпевших, обнаруженные в активе уже у других депозитариев, своевременно признавались вещественными доказательствами и на них даже был наложен формальный арест, наличие которого, впрочем, совершенно не пресекло цепочку их последующих многочисленных перепродаж.

Приговор и первые судебные решения по делу К.

В судебном заседании К. не стал отрицать очевидного и в содеянном виновным себя сразу же признал полностью. Кроме того, он в полном объеме признал предъявленные к нему все исковые требования потерпевших. По приговору Пресненского районного суда г. Москвы от 22 декабря 2015 г., постановленному, особо подчеркнем, с согласия всех потерпевших в особом порядке (гл. 40 УК РФ), генеральный директор К. осужден по ч. 4 ст. 160 УК РФ к пяти годам лишению свободы. Одновременно за гражданскими истцами по объективным причинам всего лишь признано право на удовлетворение заявленных ими исков

[1] В данном документе Высшая судебная инстанция, прямо требует от сторон доказательств недобросовестного поведения участника гражданских правоотношений.

[2] Названия юридических лиц изменены.

к К. и принято решение о передаче вопроса о их размере на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Также в приговоре было указано: «Учитывая, что судом заявленные гражданские иски переданы на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, вопрос о снятии ареста с имущества в целях обеспечения гражданских исков суд оставляет без рассмотрения».

Апелляционным определением Московского городского суда от 3 марта 2016 г. приговор в отношении К. в части, касающейся вещественных доказательств, был отменен, а уголовное дело в этой части направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд в порядке ст. 397 УПК РФ.

Параллель арбитражно-процессуальная

Владелец акций — потерпевший В., ссылаясь на ст. 302 ГК РФ, принял решение: «обогнать» естественный и неторопливый ход развития событий в уголовном процессе, поэтому с иском об истребовании своего личного имущества (акций), а равно причитающихся доходов, обратился к «новому» депозитарию — компании «Эн».

Арбитражный суд г. Москвы признал, что в рамках уголовного судопроизводства был установлен факт, согласно которому К. произвел незаконное отчуждение акций принадлежащих истцу, однако своим решением от 27 апреля 2016 г. по делу № А40-125859/15-159-1016 в удовлетворении иска В. отказал. Главный мотив отказа — акции сейчас находятся у добросовестных приобретателей, так как они были приобретены и оплачены через брокера на стандартных рыночных условиях, поэтому истребование этих «неких» акций у «нового» законного владельца повлечет возникновение у него убытков.

Данное решение оставлено в силе постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 сентября 2016 г. и постановлением Арбитражного суда Московского округа от 24 января 2017 г. Определением судьи Верховного Суда РФ от 29 мая 2017 г. № 305-ЭС17-5003 бывшему депозитарию В. отказано в передаче его кассационной жалобы по делу № А40-125859/15 для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Наконец, заместителем Председателя Верховного Суда РФ — председателем Судебной коллегии по экономическим спорам О. М. Свириденко жалоба потерпевшего В. на данное определение также была рассмотрена, письмом от 4 октября 2017 г. № 305-ЭС17-5003 в ее удовлетворении отказано, чем, казалось бы, в деле об истребовании акций была поставлена первая «жирная точка».

Параллель гражданско-процессуальная

Решением Драгомиловского районного суда от 24 июля 2017 г. все иски потерпевших к К. осужденным, честно отрабатывающим в настоящем деле роль качественного «громоотвода» от группы настоящих преступников — «Фунта», подставной фигуры, исключительно точно описанной И. Ильфом и Е. Петровым в «Золотом теленке», были признаны в полном объеме и удовлетворены судом также в полном объеме. Правда, как и с «Фунта», взыскать с К. было нечего. Совершенно ясно, что данное решение — не что иное как вторая «жирная точка» в деле о возмещении вреда потерпевшим.

Параллель уголовно-процессуальная

В период с июля 2017 г. по декабрь 2020 г. в ходе рассмотрения судами различных инстанций в порядке уголовного судопроизводства ходатайств потерпевших, а также адвокатов, действующих в интересах «новых» депозитариев по вопросам, которые, согласно ст. 397 УПК РФ подлежат рассмотрению судом при исполнении приговора в отношении К. о снятии ареста на указанные выше обыкновенные именные бездокументарные акции ОАО «ФА», возник затяжной спор о преюдициальной значимости решений арбитражных судов, в силу чего состоялось несколько взаимоисключающих судебных решений, авторы которых по-разному устанавливали судьбу вещественных доказательств — обыкновенных именных бездокументарных акций ОАО «ФА».

После всех этих препирательств постановлением Пресненского районного суда от 31 июля 2020 г. в порядке ст. 397 УПК РФ (далеко не сразу) был уточнен приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 22 декабря 2015 г. и снят арест с акций, а все эти вещественные доказательства возвращены потерпевшему В.: 200 тыс. (по факту — 124 121) и 175 500 штук обыкновенных именных бездокументарных акций ОАО «ФА». Такое же решение было принято в пользу потерпевших в отношении всех иных вещественных доказательств.

Апелляционным постановлением Московского городского суда от 14 сентября 2020 г. это постановление, наконец-то, было оставлено без изменения. Как

видим, московским судам потребовалось всего лишь пять лет, чтобы они смогли преодолеть преюдициальный синдром, возникновение которого было обусловлено последовательною чередой решений арбитражных судов, и пришли к выводу, что акции из владения потерпевших-депозитариев выбыли незаконно, а их приобретатели — «новые» депозитарии добросовестными участниками правоотношений быть не могут. Впрочем, ответа на вопрос почему «новые» приобретатели не могут быть добросовестными, ответа в рамках уголовного процесса дано не было. В тоже время, был сделан самый значимый для потерпевших вывод: акции однозначно следует отобрать у «новых» приобретателей и вернуть их потерпевшим — «старым» депозитариям (жертвам преступления).

Первая позиция Второго кассационного суда общей юрисдикции

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам КСОЮ от 23 декабря 2020 г. № 2 постановление Пресненского районного суда г. Москвы и апелляционное постановление Московского городского суда от отменены, материал направлены на новое рассмотрение в Пресненский районный суд г. Москвы, в ином составе со стадии судебного разбирательства.

Более того, в этот же день в адрес конкретных судей Пресненского суда и Московского городского суда кассационной инстанцией было вынесено частное определение, в котором они упрекались не только в неправильном понимании (толковании) ст. 90 УПК РФ, но и фактически в превышении своих должностных полномочий: причислили «новых» приобретателей к разряду недобросовестных. Авторы частного определения, в частности, подчеркнули, что согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П, признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым, преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности. Указанными выше решениями арбитражных судов, вступившими в законную силу, признано отсутствие права у потерпевшего В. на получение спорных акций, а равно и права потерпевших на получение денежных средств, находящихся в банке, в виде субординированных займов. Суд, принимая решение о возврате вещественных доказательств В. акций, приобретенных на организованных торгах, фактически решил вопрос об истребовании бездокументарных ценных бумаг у их добросовестных приобретателей, поскольку в рамках арбитражного дела установлено, что компании являются добросовестными приобретателями, разрешив, таким образом, вопрос о прекращении права собственности у их актуального владельца. Суд, принимая также решение о возврате вещественных доказательств В., Д-вым и Р. — денежных средств, находящихся в банке, в виде субординированных займов, фактически признал происхождение данных средств — у компании незаконным, самовольно определил их законного владельца [5].

Как видим, суд третьей инстанции на момент вынесения данных решений все еще пребывал в преюдициальном шоке, вызванном уверенностью в том, что системе арбитражной юстиции должно быть виднее, чьи акции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 июля 2021 г. оба решения КСОЮ № 2 отменены, материал возвращен на новое кассационное разбирательство.

Вторая позиция Второго кассационного суда общей юрисдикции

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам КСОЮ от 23 сентября 2021 г. № 2 постановление Пресненского районного суда г. Москвы и засиливающее его апелляционное постановление Московского городского суда теперь были оставлены уже без изменения.

Факт хищения у Волкова принадлежащих ему акций «ФосАгро» в количестве, соответственно, 124 121 штуки и 170 500 штук, которые были арестованы и признаны вещественными доказательствами по делу, никем не оспаривается. На неправомерные действия, в результате — выбыли из владения Волкова, не дававшего распоряжений по осуществлению таких операций с данными акциями, — указано и в решении Арбитражного суда г. Москвы от 29 апреля 2016 г.

Решая на основании ст. 397 УПК РФ в порядке исполнения приговора вопрос о судьбе вещественных доказательств, суд первой инстанции обоснованно руководствовался именно теми обстоятельствами, которые установил суд при рассмотрении уголовного дела по существу, не выходя за пределы своих полномочий.

Доводы кассационных жалоб о наличии спора о принадлежности акций, что исключало возможность рассмотрения вопроса о вещественных доказательствах в порядке гл. 47 УПК РФ, а также о том, что судам следовало руководствоваться положениями п. 6, а не п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, являются ошибочными.

Довод о добросовестности «новых» приобретателей акций также находится в противоречии с положениями ст. 302 ГК РФ, в силу которой право собственности потерпевшего на имущество, выбывшее из его владения в результате преступных действий, сохраняется.

Ссылка в кассационных жалобах на преюдициальное значение решения Арбитражного суда г. Москвы от 29 апреля 2016 г., несостоятельна, поскольку предмет производства в данной стадии вступившего в законную силу приговора, и суд, рассматривая вопросы в порядке его исполнения, не вправе подвергать сомнению или пересматривать обстоятельства и выводы, изложенные в приговоре.

Позиция судьи Верховного Суда РФ в надзоре

30 сентября 2021 г. судья Верховного Суда РФ отказал «новым» владельцам акций в передаче их надзорной жалобы для ее рассмотрения Президиумом Верховного Суда РФ. Как видим, в деле об истребовании акций — возмещении вреда потерпевшим появилась очередная, третья по счету «жирная точка».

Как видим, точка по делу оказывается не одна, их целых три.., т. е. имеются все основания говорить о многоточии. Главный герой кинофильма «Весна на заречной улице», рассуждая на тему отличия в орфографии многоточия от точки, констатирует, что первый вариант пунктуации — свидетельство того, что интересующих субъектов вопрос окончательного разрешения пока не получил. Очевидно, что «крайней» точкой по делу будет реальное взыскание либо не взыскание акций в пользу потерпевших.

Чем обусловлен преюдициальный кризис

Как видим, круг в очередной раз замкнулся: по одному и тому же спору есть два взаимоисключающих другу друга решения. Арбитражные суды: потерпевшим в иске к «новым» владельцам акций отказать; суды общей юрисдикции — акции и доходы с них с «новых» владельцев акций взыскать в пользу потерпевших.

Естественно, что у участников процесса не разрешенным остался вопрос: имеет ли приговор Пресненского районного суда г. Москвы в отношении К., вынесенный в особом порядке, преюдициальное значение и в какой части:

- для определения законного владельца вещественных доказательств — акций ПАО «ФА» в рамках ст. 81 УПК РФ;
- для разрешения вопроса о принадлежности акций ПАО «ФА» в рамках гражданского судопроизводства.

Наш анализ ситуации

Растрата (ст. 160 УК РФ) — разновидность хищения (умышленное противоправное перемещение имущества, находящееся в правомерном владении у собственника, куда-то «туда», где владелец имущества право собственности утрачивает). Мотив? По умолчанию — корысть.

Чтобы констатировать наличие состава преступления — «растрата», достаточно доказать, что по вине конкретного лица (К.) вверенное ему на законных основаниях имущество (в нашем случае акции) других лиц (законные владельцы) выбыло из массива собственности потерпевших (Р., Д-вы и В.). Все, преступление окончено, зачем следователю, а тем более суду «копать глубже». Не случайно, в приговоре указаны только время хищения акций (2013–2014 гг.) и вектор их движения — к «другим депозитариям».

Акции — не деньги, их еще надо уметь пристроить. Вот здесь-то и начинается самое интересное. Первый вопрос: почему именно акции ушли к «этим другим» конкретным депозитариям, а не кому-то еще? Вопрос второй: опять-таки, проблема с мотивом. Из приговора следует и не оспаривается осужденным, что действовал он «с целью обогащения», однако, как, когда и в какой мере он смог реально лично обогатиться, если все похищенное передал «новому» владельцу, в приговоре умалчивается.

Главное в этом самом интересном: юридические лица, «купившие» акции заявляют, что они персоны непорочные, товар приобрели легально на официальном рынке ценных бумаг и за деньги. Таким образом, из приговора явно не следует, что спорное имущество (акции) находятся у «новых» депозитариев неза-

конно. Иными словами, оснований для изъятия акций у перечисленных в приговоре депозитариев только на основании ст. 90 УПК РФ не имеется.

Сторона обвинения версию, избранную осужденным и «добросовестными покупателями краденого», опровергать не спешила. Только лишь в 2020 г. «заговорили» о каком-то «пороке титула», 28 июля 2020 г. даже якобы возбуждено уголовное дело по ст. 175 УК РФ, опять-таки в отношении неизвестных лиц. Судьба этого дела нам не ведома, а перспектива его расследования более чем туманна. Профессор П. С. Яни в комментарии к ст. 160 УК РФ покупателей, купивших заведомо похищенное у растратчика, относит к соучастникам [11, с. 228–231], видимо так на самом деле все и было.

Формально осужденный (К.) блестяще сыграл роль «Фунта» — признал и факт растраты, и гражданские иски, скрыв при явном попустительстве следствия и характер его отношений с «покупателями» акций, и информацию, что именно он в результате содеянного «поимел» сам-то.

Акции — вещественные доказательства? Могут ли бездокументарные правовые явления быть веществом? Серьезных суждений на этот счет мы пока не нашли. Вещественные доказательства по анализируемому делу, скорее всего, только документы (как бумажные, так и электронные), в которых нашло отражение движение бездокументарных акций. В таких документах, максимум, что мы можем найти: информацию о векторе их движении, возможно и о месте нахождения в какой-то, как усматривается из процессуальных решений, весьма непродолжительный конкретный период.

На текущий момент времени — спорные акции находятся в законном владении (иное в рамках арбитражного судопроизводства не установлено и игнорировать этот факт в силу ст. 3 ФКЗ «О судебной системе» не допустимо) у юридических лиц, законно купивших их на законно существующем рынке ценных бумаг. Оспорить статус добросовестности в гражданском процессе истцы даже и не пытались, как впрочем, в уголовном процессе также никто не пытался доказать, что «покупатели» — таковыми совсем не являются, ибо они сообщники К.

Содержание ст. 149.3 ГК РФ — весьма противоречиво: с одной стороны — защитим законного правообладателя; с другой — не сметь трогать добросовестного приобретателя. Именно по этому, второму традиционному пути и пошел арбитражный суд г. Москвы в своем решении от 27 апреля 2016 г.: акции, возможно, бывшие когда-то в собственности у В. и др., сейчас находятся у новых добросовестных ничем не опороченных владельцев.

24 июля 2017 г. Драгомиловский районный суд в своем решении открытым текстом заявил потерпевшим: акции проданы добросовестным владельцам (иное не установлено), следовательно, все убытки получите у К. Сведений об обжаловании данного решения у автора нет.

Суд, постановивший приговор, путь и не с первой попытки 31 июля 2020 г. попытался разрешить судьбу вещественных доказательств — спорных акций. Данное судебное решение вступило в законную силу 14 сентября 2020 г. Законность этих двух документов, однозначно подтверждена в рамках кассационного и надзорного разбирательства.

Таким образом, на текущий момент времени мы имеем формально неразрешенный спор о праве собственности на акции, которые, до совершения К. преступления, принадлежали В. и др. Согласно п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ такой спор разрешается исключительно в гражданском порядке.

Есть мнение (поскольку таковое официально не публиковалось, то фамилию профессора умалчиваем), что постановление суда от 31 июля 2020 г. должно быть безальтернативно исполнено. При этом автор правовой позиции забывает, что п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ применим только в том случае, когда деньги и ценности изъяты у самого преступника, т. е. спора о праве с другими, не вовлеченными в гражданский оборот лицами, нет.

Представим себе, что спорное имущество, вместо акций, — безналичные деньги, законно полученные тем же Сбербанком. Например, лицо, похитившее деньги ВТБ, переместило их в Сбербанк и со своего счета в этом банке расплатилось этими деньгами по ипотеке третьего лица, после чего деньги поступили на эскроу-счет обратно в ВТБ. Да, следователь и суд проследили эти векторы движения растраченного преступником принадлежащего другой государственной корпорации капитала, который после ряда законных банковских операций, вдруг, пошел на погашение чьей-то ипотеки. И что, Сбербанк эти деньги должен вернуть ВТБ, которому растратой причинен ущерб? Очевидно, что нет, все вопросы лично к растратчику. Именно такое решение и принял Драгомиловский районный суд, переадресовавший все претензии жертв преступления к К.

Вопрос: можем ли мы при таких обстоятельствах говорить о преюдициальном значении вступивших в законную силу приговора Пресненского районного суда от 22 декабря 2015 г. и его же постановления от 31 июля 2020 г., ибо ни в одном из этих документов не опровергается факт добросовестности приобретения акций, принадлежавших когда-то В. и др. «новыми» владельцами?

Будет ли по анализируемому спору иметь преюдициальное значение приговор, постановленный в отношении гипотетических соучастников К., лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 175 УК РФ? На этот вопрос тоже пока не имеется однозначного ответа: не случайно еще в Древнем Риме была придумана правовая конструкция «юридическое лицо» — преступления совершают лица физические, им за них и отвечать, в том числе и по гражданским искам, заявленным в уголовном процессе. Как известно, уголовная ответственность лиц юридических, например, фирм, скупающих ворованные акции, в России не предусмотрена.

Каковы могут быть варианты разрешения существующего спора:

1) со ссылкой на ст. 302 ГК РФ исполняется «засиленное» постановление от 31 июля 2020 г., будущее акций здесь всецело в руках судебных приставов-исполнителей;

2) данное постановление отменяется, со всеми вытекающими из этого последствиями. После чего заинтересованные лица исполняют закон — в гражданском порядке решают вопрос о принадлежности акций. Правила ст. 90 УПК РФ были бы применимы, если бы вопрос о незаконности приобретения акций депозитариями был бы решен еще в 2013–2014 гг.

Проблема несогласованности судебных актов, принимаемых в рамках арбитражного, гражданского и уголовного процесса, далеко не нова и нами неоднократно освещалась, дело в другом: в правильном и единообразном истолковании ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», первым пунктом в которой значится «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений».

Что касается описанного выше примера, то налицо не прюдициальный кризис, а всего лишь когнитивный диссонанс, возникновение которого обусловлено неправильным прочтением ст. 6 УПК РФ вовлеченными в дело субъектами сразу всех трех видов процесса.

Список источников

1. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда от 9 января 2014 г. № 22-11/2014 (22-2672/2013) // Электронный архив Вологодского областного суда за 2014 г.

2. Постановление заместителя председателя Вологодского областного суда об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 28 апреля 2013 г. № 4-у-144 // Электронный архив Вологодского областного суда за 2014 г.

3. Постановление судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 10 июня 2014 г. № 2-укс14-138 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2014 г.

4. Постановление судьи Верховного Суда РФ о передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции 9 апреля 2019 г. № 81-УД 19-3 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2019 г.

5. Частное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2020 г. №77-2471/2020 // Электронный архив Второго кассационного суда общей юрисдикции за 2020 г.

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 июля 2021 г. № 39-КГ21-6-К1 № 2-30/2020, вынесенное по гражданскому делу по иску Л. А. Водопьяновой и А. А. Водопьяновой к Гаджиеву о взыскании удержанных средств, полученных по сделке купли-продажи земельного участка, процентов за пользование чужими денежными средствами.

7. Гражданский иск в уголовных делах // Закон. 2020. № 11. С. 28–30; 30–31; 34–35.

8. Колоколов Н. А. Может ли арбитражный суд стать механизмом мошенничества // Уголовный процесс. 2015. № 1. С. 39–43.

9. Колоколов Н. А. Гражданский иск в уголовном деле — «лед» и «пламень» в одном флаконе // Мировой судья. 2021. № 5. С. 9–15.

10. Колоколов Н. А. Изучаем перспективы истребования бездокументарных акций у «добросовестного» приобретателя: к вопросу о преюдициальном значение решений уголовных судов в гражданском и арбитражном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. № 4. С. 3–14.

11. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017.

12. О судоустройстве / Соч. Бентама; по фр. изд. Дюмона изл. А. Книрим. СПб. : тип. Правительствующего сената, 1860.

13. Суд и государство / под ред. Л. В. Головко и Б. Матье. М. : Статут, 2018.

14. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н. А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2012.

References

1. Appeal ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Vologda Regional Court dated January 9, 2014. № 22-11/2014 (22-2672/2013) // Electronic archive of the Vologda Regional Court for 2014.

2. Resolution of the Deputy Chairman of the Vologda Regional Court on the refusal to transfer the cassation appeal for consideration at the court session of the Court of Cassation instance dated April 28, 2013 No. 4-u-144 // Electronic archive of the Vologda Regional Court for 2014.

3. Resolution of the judge of the Supreme Court of the Russian Federation on refusal to transfer the cassation appeal for consideration at the court session of the Court of cassation instance dated June 10, 2014 No. 2-uks14-138 // Electronic archive of the Supreme Court of the Russian Federation for 2014.

4. Resolution of the judge of the Supreme Court of the Russian Federation on the transfer of a cassation appeal for consideration at a court session of the court of cassation on April 9, 2019 No. 81-UD 19-3 // Electronic Archive of the Supreme Court of the Russian Federation for 2019.

5. Private ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated December 23, 2020 No. 77-2471/2020 // Electronic archive of the Second Cassation Court of General Jurisdiction for 2020.

6. The ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 13, 2021 No. 39-KG21-6-K1 No. 2-30/2020, issued in a civil case on the claim of L. A. Vodopyanova and A. A. Vodopyanova to Gadzhiyev on the recovery of withheld funds received under the land purchase and sale transaction, interest for the use of other people's money.

7. Civil action in criminal cases // Law. 2020. No. 11. P. 28–30; 30–31; 34–35.

8. Kolokolov N. A. Can the arbitration court become a fraud mechanism // Criminal process. 2015. No. 1. P. 39–43.

9. Kolokolov N. A. Civil suit in a criminal case — «ice» and «flame» in one bottle // Justice of the Peace. 2021. No. 5. P. 9–15.

10. Kolokolov N. A. We study the prospects of claiming undocumented shares from a «bona fide» acquirer: on the issue of the prejudicial significance of decisions of criminal courts in civil and arbitration proceedings // Criminal proceedings. 2021. No. 4. P. 3–14.

11. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Vol. 2. Special part. Sections VII–VIII / Rev. ed. Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V. M. Lebedev. M. : Yurayt, 2017.

12. On the judicial system / Op. Bentama; according to the French edition. Dumont izl. A. Knirim. SPb. : type. The Governing Senate, 1860.

13. The Court and the State / edited by L. V. Golovko and B. Mathieu. M. : Statute, 2018.

14. Theory of criminal procedure: presumptions and prejudices / edited by N. A. Kolokolov. M. : Yurlitinform, 2012.

Информация об авторе

Н. А. Колоколов — заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук почетный судья Верховного Суда РФ (в отставке).

Information about the author

N. A. Kolokolov — Head of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the Moscow State Pedagogical University, Doctor of Legal Sciences, Honorary Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (retired).

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 343.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-126-131
NIION: 2003-0059-3/22-292
MOSURED: 77/27-003-2022-03-491

Особенности совершения дистанционных хищений денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии

Виталий Викторович Копылов[1], Олег Михайлович Прокофьев[2], Юлия Сергеевна Калошина[3]
[1,2] Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Тверь, Россия
[3] Управление МВД России по Тверской области, Тверь, Россия
[1] kopylov_70@inbox.ru
[2] Oleg_prokoffev_72@bk.ru
[3] klybochek27@gmail.com

Аннотация. Анализируются проблемы борьбы с киберпреступностью в РФ. Рассматриваются особенности организации дистанционных хищений денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии. Делается вывод, что анонимность и скорость — это те сильные стороны, которые и обеспечивают стремительный рост данного вида преступления.

Ключевые понятия: дистанционные хищение денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии

Для цитирования: Копылов В. В., Прокофьев О. М., Калошина Ю. С. Особенности совершения дистанционных хищений денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 126–131. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-126-131.

Original article

Features of committing remote theft of citizens' funds using the method of social engineering

Vitaly V. Kopylov[1], Oleg M. Prokofiev[2], Yulia S. Kaloshina[3]
[1,2] Tver branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Tver, Russia
[3] Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Tver region, Tver, Russia
[1] kopylov_70@inbox.ru
[2] Oleg_prokoffev_72@bk.ru
[3] klybochek27@gmail.com

Abstract. The problems of combating cybercrime in the Russian Federation are analyzed. The features of the organization of remote embezzlement of citizens' funds using the method of social engineering are considered. It is concluded that anonymity and speed are the strengths that ensure the rapid growth of this type of crime.

Keywords: remote theft of citizens' funds using the method of social engineering

For citation: Kopylov V. V., Prokofiev O. M., Kaloshina Yu. S. Features of committing remote theft of citizens' funds using the method of social engineering. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):126–131. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-126-131.

В 2021 г. в РФ произошло снижение количества зарегистрированных преступлений, по сравнению с 2020 г., на 1,9 % (около — 2 млн преступлений.) Однако, темп роста зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по итогам 12 месяцев 2021 г. вырос — на 1,4 % [3], из них около 75 % это дистанционные хищения, совершенные с банковских карт с использование средств мобильной связи.

За семь лет уровень киберпреступности в России увеличился более чем в 20 раз. Нарушители становятся все более агрессивными и сохраняют аноним-

© Копылов В. В., Прокофьев О. М., Калошина Ю. С., 2022

ность, тщательно скрывая свои следы [4]. Раскрываемость подобного рода преступлений снижается год от года, так в 2020 г. она составила 20 %, а в 2019 г. — 24 % [7]. По словам начальника главного организационно-аналитического управления Генпрокуратуры А. Ю. Некрасова «За последние годы число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, возросло до масштабов, позволяющих говорить о них как об угрозе национальной безопасности» [5].

В настоящее время преступления, совершаемые с использованием метода социальной инженерии, являются одними из самых распространенных в сфере киберпреступности. Возникает вопрос: почему на протяжении такого длительного времени преступность в сфере социальной инженерии стремительно растет? В чем заключаются сильные стороны данного вида киберпреступности?

За последние годы дистанционные хищения денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии серьезным образом эволюционировали. Совершаются подобные преступления организованной преступной группой (далее — ОПГ) с четким распределением обязанностей, отлично технически оснащенной, их организаторы и участники глубоко законспирированы, взяли «на вооружение» достижения современных технологий в сфере связи, имеется разветвленная сеть информаторов (осведомителей) в отделениях банков и отделениях связи.

В целях конспирации и избежания привлечения к уголовной ответственности применяют «бесконтактный» способ передачи (получения) денег, банковских карт, SIM-карт и т. п. Суть данного способа состоит в том, что «закладку» (деньги, банковские карты, SIM-карт и т. п.) прячут в различные стационарные объекты в городе (лавочки, козырьки, урны и т. п.), место фотографируется на смартфон и передается адресату. Кроме этого, регулярно меняются контактные номера телефонов, сами телефоны, Qiwi-кошельки и банковские карты, со смартфонов удаляется вся значимая информация[1]. Злоумышленниками широко используются технические средства, анонимизирующие личность (меняются IP-адреса, используется IP-телефония для создания подменных номеров), счета и номера телефонов оформлены на иностранцев, либо людей с низкой социальной ответственностью, либо вовсе не зарегистрированы надлежащим образом. Все контакты между членами осуществляются в основном посредством смс-сообщений и голосовых сообщений в мессенджерах: WhatsApp, Telegram, через приложение «Skype».

Во главе группы стоит «организатор» — человек, который, обычно, находится за пределами РФ (Украина, Казахстан и другие соседние государства) и координирует деятельность из-за рубежа. Под руководством «организатора» находится несколько call-центров.

«Куратор» непосредственно на месте организует деятельность call-центра, набирает и распределяет обязанности членов ОПГ. Общение с организатором происходит посредством переписок в социальных сетях, смс-сообщений, телефонных переговоров, он осуществляет пополнение лицевых счетов аккаунтов SIP-телефонии. Под call-центр может быть арендован офис, либо обычная квартира.

Основным звеном call-центра являются «звонари» — это те лица, которые непосредственно обзванивают граждан по сотовым телефонам и при помощи вербального манипулирования получают конфиденциальную информацию относительно банковских карт, заставляют потерпевших совершать различные манипуляции с денежными средствами. В своей деятельности они используют особенности психики людей, а точнее их слабости, для того чтобы вынудить адресата сделать что-либо нужное для себя, таким образом, чтобы ему казалось, будто решение действовать именно так, а не иначе принял он сам либо указанный «сотрудником» алгоритм действий соответствует его интересам. На самом же деле адресат действует под влиянием значимых чувств, мотивов и убеждений, которые затронул в его душе манипулирующий [6]. «Звонарями» применяется множество технологий, основанных на особенностях человеческой натуры — страх за свои сбережения, уважение к властям, страх перед неизвестным, страх за близких людей и т. п. Полученная в результате подобного воздействия на психику потерпевшего информация сразу же реализуется, денежные средства со счета законного

[1] Из материалов уголовного дела. В ходе обысков у граждан, подозреваемых в совершении дистанционных хищений денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии, изъято: 80 сотовых телефонов; 8 планшетов; 21 ноутбук; 5 ПК; 8 жестких дисков ПК; 43 носителя информации, 97 банковских карт, записи бухгалтерии (тетради с чеками о снятии денежных средств с терминалов, извещения об оплате SiP-аккаунтов, договоры банковского обслуживания), 15 телефонов, sim-карты, планшеты, предметы одежды.

владельца переводятся на счета многочисленных электронных кошельков (таких как: Qiwi, Яндекс.деньги, либо через интернет-обменники переводятся в биткоины (самый востребованный цифровой актив среди мошенников), литкоины и т. п.

«Звонари» в обязательном порядке проходят обучение нейролингвистическому программированию, психоанализу, основам практической психологи и т. п., досконально знают регламент работы банковских служащих, сотрудников правоохранительных органов в данной сфере. Нередко даже устраиваются в банк на непродолжительный срок для практического опыта.

«Звонари» обладают конфиденциальной информацией, базами данных, которые приобретают на российском «ДаркНет» рынке «Hydra». Кроме этого, они имеют в своем распоряжении технические средства и программное обеспечение, благодаря которым могут менять свой абонентский номер для осуществления исходящих звонков потерпевшему. При подмене номера замена может происходить как на случайный номер, так и специально сгенерированный номер, принадлежащий кредитно-финансовой организации, правоохранительным органам, сведения о которых размещены в сети Интернет и могут быть проверены потерпевшим. Подмена номера возможна при осуществлении звонков посредством IP-телефонии (интернет-телефонии). С помощью ее они могут копировать, создавать подменные номера служебных телефонов сотрудников правоохранительных органов, сотрудников банка. В результате чего «звонари» могут представляться сотрудниками: ФСБ, Следственного комитета, прокуратуры, МВД или банка, озвучивая при этом сведения реально действующих сотрудников с «настоящего» номера служебного телефона. После чего идет массивная психологическая «атака», которая включает в себя (в зависимости легенды) угрозы уголовной ответственности, так как «идет секретная операция» или «с Вашего счета снимается крупная сумма, возможно, это несанкционированное подключение», «необходимость предотвращения хищения денежных средств со счета ее платежной (банковской) карты», «неправомерное оформление кредита на Ваше имя, рекомендовано перевести денежные средства на безопасный счет» в результате чего потерпевшие, находящиеся в состоянии паники, переводят деньги на «резервный счет», устанавливают на телефоне программу удаленного доступа (компьютерные программы TeamViewer QuickSupport), сообщают конфиденциальную информацию о: полном номере платежной (банковской) карты, сроке действия, CVV-коде, а также о содержании направляемых банком на абонентский номер владельца счета смс-уведомления с кодом-подтверждения и т. п., все это, в конечном счете, приводит к тому, что денежные средства у потерпевшего похищаются. Полученные сведения могут быть использованы для входа в личный кабинет онлайн-банка и последующего перевода имеющихся на счетах денежных средств на счета третьих лиц, подконтрольные злоумышленникам, оформления онлайн кредита, оплаты со счета потерпевшего покупок на сайте интернет-магазина либо покупки криптовалюты через интернет-обменники.

После этого подключаются «дропы». «Дроп» — это лицо обеспечивающие обналичивание денег. Они оформляют на себя банковские карты, их количество может достигать 20–30 штук, либо покупают их у других лиц. На счета банковских карт, подконтрольных «дропам», и переводят похищенные у граждан денежные средства. Для обналичивания денежных средств могут использоваться как сами банковские карты, так и их виртуальные образы, созданные в электронных кошельках платежной системы «Pay» на смартфонах членов преступной группы. Существует даже «дроповый рекрутинг», т. е. подбор лиц которые могут быть «дропами». В основном это студенты, которые оформляют банковскую карточку и за небольшую сумму (около 1 тыс. руб.) передают эту карточку и все сведения о ней для последующих денежных переводов. Подбор осуществляется через сайт «ДаркНет», либо в чатах «Telegram», либо среди знакомых. Так, «дроп» через некоторое время может сам стать «дроповодом», вовлекая в процесс обналичивания и оформления банковских карт новых людей. Работу «дропов» координируют «кураторы». Они ведут учет банковских карт, которые могут быть использованы для переводов, у кого они находятся, при необходимости сообщают о поступлении на счета похищенных денежных средств, сообщают, каким образом отправлять их иным участникам. «Дроп» получает свой процент от суммы обналиченных им денежных средств в качестве вознаграждения, а остальную часть при необходимости либо передает «курьеру», либо делает «закладку», либо вносит через другие терминалы на другой банковский счет либо счет электронного кошелька. «Дропы» в ряде случаев осуществляют фиктивное оформление банковского счета с эмитиро-

ванием платежной (банковской) карты в качестве электронного средства платежа к указанному счету и именно с этого счета забирают деньги, которые в последствии обналичивают.

«Курьеры», получив сведения о «закладке», забирают ее и доставляют адресату. Их работа заключается в том, чтобы приезжать на различные адреса и забирать денежные средства, и перечислять их на банковские счета. При этом им нужно будет надевать маску, кепку, чтобы изменить внешность, перчатки, делать все, чтобы быть неприметными.

Так же «курьеры» используются в случаях, когда со счета потерпевшего оплачена дорогостоящая покупка через Интернет, как правило, это смартфоны, компьютерная техника. Они забирают заказ в одном из крупных сетевых магазинов г. Москвы, г. Санкт-Петербурга («М-видео», «Эльдорадо»), либо в пункте выдачи заказов, товар впоследствии реализуют через ломбарды, через сайты «Авито», торговые площадки в социальных сетях. Полученные денежные средства за вычетом своего процента передают куратору или переводят организатору.

Так же существует штат информаторов, работающих в отделениях банка и организациях, оказывающих услуги связи, которые информируют о различных изменениях в регламентах и системах безопасности, сообщают о телефонных номерах, которыми интересуются правоохранительные органы.

Высокая эффективность данного вида киберпреступности обусловлена в том числе и тем, что преступники осваивают и развивают новые подходы и методы. Так, если ранее, по телефону представлялись сотрудниками службы безопасности банка[2] или сотрудником кадровой службы[3], то сейчас злоумышленники могут позвонить и представиться специалистом портала госуслуг и т. п. Кроме того, все чаще общение потерпевших происходит одновременно с якобы «представителями» двух сфер — банковской и правоохранительной, а получение конфиденциальных сведений происходит не только в целях «предотвращения несанкционированного доступа, отмены операций по переводу мошенника», но и под предлогом участия в акции либо регистрации в бонусной программе банка, снижения процентной ставки по кредиту в рамках специального предложения от банка.

Организация преступной группы по «бесконтактному» принципу позволяет «сохранять» «основных» участников ОПГ в недосягаемости для правосудия.

Несмотря на то, что более десяти лет киберпреступность активно развивается, не была разработана эффективная система противодействия и раскрытия данных преступлений. Из сложившейся судебной практики в РФ, в основном задерживаются правоохранительными органами и привлекаются к уголовной ответственности — «курьеры» и «дропы», остальные участники ОПГ по уголовным делам проходят как «неустановленное следствием лицо, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство».

До настоящего времени не разработан эффективный способ оперативного получения необходимой для расследования информации от кредитных организаций, интернет-провайдеров, операторов связи и интернет-сервисов. Сроки получения ответа на запрос в эти организации составляют от одного до нескольких месяцев, либо не доходят до инициатора вовсе. В ряде случаев представители бизнес-сообщества (ПАО «МТС», ПАО «ВТБ» и т. п.) в некоторых регионах уклоняются от организации сотрудничества и обмена информацией с правоохранительными органами. Длительные сроки исполнения запросов оказывают негативное влияние на результативность расследования. К сожалению, обеспечение безопасности вкладов клиентов не является приоритетной задачей [8]. Банки исключительно заинтересованы в получении прибыли, поэтому в большинстве случае риски возложены на клиента банка, в договоре дистанционного банковского обслуживания заложена ответственность клиента за потери вследствие разглашения конфиденциальных сведений; при этом у клиентов в большинстве случаев отсутствует четкое понимание,

[2] Неустановленное лицо, представилось сотрудником банка «ВТБ», сообщил, что гр-ке Н. одобрена заявка на кредит, далее на телефон гр-ке Н. поступило смс-сообщение со ссылкой для перехода в личный кабинет. Затем поступил звонок с абонентского номера, неустановленное лицо, представилось сотрудником банка «ВТБ», во время разговора с которым со счета гр-ки Н. стало происходить списание денежных средств различными суммами.

[3] Неустановленные лица, предложили работу, связанную с криптовалютой, в части выделения денежных средств, в целях получения прибыли при помощи сети Интернет. Для осуществления данной деятельности неустановленные лица предложили гр-ке А. создать приложение «Киви-кошелек», на который необходимо было перечислять денежные средства. Согласившись с данным предложением гр-ка А. со своей банковской карты ПАО «Сбербанк» при помощи приложения «Киви-кошелек» переводила денежные средства разными суммами на сайтах на неустановленный номер счета. После перевода денежных средств связь прекратилась.

что именно относится к конфиденциальным сведениям, какие сведения можно сообщать сотруднику банка по телефону и какие категорически нельзя, что имеет право спрашивать сотрудник банка. Такая ситуация сложилась давно, банковское сообщество напрямую не заинтересовано в поддержке граждан и государства. Этим объясняется нежелание активно консолидироваться с правоохранительными органами в вопросах противодействия киберпреступности и оказывать им реальную, прежде всего финансовую помощь [1]. Финансово-кредитные учреждения не уделяют должного внимания безопасности, клиент обязан знать и уметь защищаться от угроз использования социальной инженерии. Также необходимо изменить подход финансово-кредитных организаций к предоставлению дистанционных продуктов гражданам. Созданные в соответствии с требования Центрального банка России в кредитно-финансовых организациях системы фрод-мониторинга для анализа безопасности совершаемых операций, не обеспечивают должного уровня защиты, скорость предоставления банковских услуг опережает его возможности, не справляются с той нагрузкой по количеству анализируемых операций, которую, в том числе, создают мошенники.

Срок возбуждения уголовных дел данной категории составляет 5–10 суток, что не допустимо. Злоумышленники успевают поменять номера телефонов и т. п., полностью скрыть «электронные» следы преступления.

Несмотря на то, что во всех субъектах РФ созданы специализированные подразделения по расследованию деятельности организационных преступных сообществ и преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, они не укомплектованы сотрудниками, имеющими достаточные знания и компетенции в сфере форензики.

Кроме этого, необходимо увеличение числа экспертов, имеющих право проводить компьютерные экспертизы средств мобильной связи, с целью сокращения сроков проведения, возможности их привлечения к осмотрам места происшествия при поступлении сообщений о совершенном преступлении с целью своевременного выявления и фиксации «компьютерных» информационных следов.

Низкая финансовая грамотность россиян. Далеко не все граждане, имеющие дома устройства, подключенные к сети Интернет, изучали информацию, размещенную на обучающих платформах по финграмотности; причина тому, как неосведомленность о существовании подобных проектов, так и нежелание и интеллектуальная пассивность самих граждан заниматься самопросвещением и самообразованием в области учета личных финансов [2]. Вместе с тем, большая часть потерпевших, в силу возраста, не являются активными пользователями сети Интернет, поэтому не осведомлены о его возможностях и опасностях.

«Бесконтактный и быстрый способ совершения» киберпреступлений делает общество все более уязвимым, к чему правоохранительные органы «зачастую» оказываются не готовы. В конечном счете, именно анонимность и скорость — это те сильные стороны, которые и обеспечивают стремительный рост дистанционных хищений денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии. Противодействие данному виду преступности должно основываться на устранении этих сильных сторон. С этой целью уже внесен ряд изменений в Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-фз «О связи», однако, необходимо обеспечить его надлежащее исполнение. Требуется внесение изменений по организации взаимодействия кредитно-финансовых организаций с правоохранительными органами на законодательном уровне. Устранить имеющиеся проблемы с привлечением к уголовной ответственности лиц, предоставляющих сведения третьим лицам за вознаграждение. Возможно, использовать опыт привлечения к уголовной ответственности «номиналов». Должна быть создана такая организация деятельности правоохранительных органов, которая позволила бы не только эффективно раскрывать преступления, но успешно их предотвращать.

Список источников

1. Копылов В. В., Анисимова Т. В., Прокофьев О. М. Анализ факторов, способствующих росту киберпреступности в банковском секторе Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 172–176.

2. Коркин Р. И. Финансовая грамотность домашних хозяйств в современной России // «Цифровая экономика и финансовые кибертехнологии: проблемы и перспективы». Смирновские чтения-2019 (21 марта 2019 г., Санкт-Петербург). СПб., 2019. С. 65–67.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 г. // URL://https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/

4. В Генпрокуратуре заявили, что киберпреступность стала представлять угрозу нацбезопасности // URL://https://tass.ru/obschestvo/11451173.

5. Генпрокуратура: в России раскрывается меньше 25 % киберпреступлений // URL://https://www.tadviser.ru/index.php.

6. О манипулировании людьми с помощью лексических средств и проблеме определения границы между речевым актом и манипуляцией // URL://-https://ling-expert.ru/conference/langlaw6/kravcova.

7. Число киберпреступлений в России выросло в 11 раз за пять лет // URL://https://tass.ru/obschestvo/10616343.

8. URL://https://docviewer.yandex.ru/view/

References

1. Kopylov V. V., Anisimova T. V., Prokofiev O. M. Analysis of factors contributing to the growth of cybercrime in the banking sector of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 5. P. 172–176.

2. Korkin R. I. Financial literacy of households in modern Russia // «Digital economy and financial cyber technologies: problems and prospects». Smirnov Readings-2019 (March 21, 2019, SPb.). SPb., 2019. P. 65–67.

3. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2021 // URL://-https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/

4. The Prosecutor General's Office stated that cybercrime has become a threat to national security // URL://https://tass.ru/obschestvo/11451173.

5. Prosecutor General's Office: less than 25 % of cybercrimes are disclosed in Russia // URL://https://-www.tadviser.ru/index.php.

6. About the manipulation of people using lexical means and the problem of determining the boundary between a speech act and manipulation // URL://https://-ing-expert.ru/conference/langlaw6/kravcova.

7. The number of cybercrimes in Russia has increased 11 times in five years // URL://https://tass.ru/obschestvo/10616343.

8. URL://https://docviewer.yandex.ru/view/

Информация об авторах

В. В. Копылов — профессор кафедры Тактико-специальной, огневой и физической подготовки Тверского филиала Московского университета имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

О. М. Прокофьев — преподаватель кафедры Тактико-специальной, огневой и физической подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Ю. С. Калошина — старший следователь контрольно-методического отделения следственного Управления МВД России по Тверской области.

Information about the authors

V. V. Kopylov — Professor of the Department of Tactical-Special, Fire and Physical Training of the Tver branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

O. M. Prokofiev — Lecturer of the Department of Tactical-Special, Fire and Physical Training of the Tver branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

Yu. S. Kaloshina — Senior Investigator of the Control and Methodological Department of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Tver Region.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-132-137
NIION: 2003-0059-3/22-293
MOSURED: 77/27-003-2022-03-492

Взаимодействие разыскных подразделений с волонтерскими движениями при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести

Елена Леонидовна Красовская
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
elena.krasovskaya94@mail.ru

Аннотация. Раскрываются особенности взаимодействия разыскных подразделений органов внутренних дел с государственными органами и учреждениями Российской Федерации, общественными организациями России, а также с гражданами при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести. В организации межведомственного взаимодействия акцент ставится на следование нормативным правовым актам. При работе с гражданами и поисковыми отрядами рекомендуется использовать технические средства информирования и оповещения.

Ключевые слова: взаимодействие, разыскные подразделения, оперативно-разыскное мероприятие, пропавший без вести, волонтер, доброволец, общественная организация, поисково-списательные отряды, «Лиза Алерт», поисковые мероприятия

Для цитирования: Красовская Е. Л. Взаимодействие разыскных подразделений с волонтерскими движениями при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 132–137. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-132-137.

Original article

Interaction of search units with volunteer movements in the search for missing persons

Elena L. Krasovskaya
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
elena.krasovskaya94@mail.ru

Abstract. The article reveals the peculiarities of interaction of investigative units of the internal affairs agencies with State bodies and institutions of the Russian Federation, public organizations of Russia, as well as with citizens in implementation of the search for missing persons. In the organization of inter-agency cooperation emphasis on adherence to normative legal acts. We recommend using the phalange technical means of informing and alerting when dealing with citizens and search teams.

Keywords: interaction, search unit, operational-search event, missing person, volunteer, volunteer public organization, search and rescue teams, «Lisa Alert», search activities

For citation: Krasovskaya E. L. Interaction of search units with volunteer movements in the search for missing persons. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):132–137. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-132-137.

Статистические данные МВД России указывают на то, что в стране катастрофически растет число людей, которые исчезли без следа. Они пропадают внезапно, без объяснимых причин, многие — навсегда. Ежегодно в России регистрируется более 120 тыс. сообщений о пропавших без вести граждан[1].

Одним из резервов повышения эффективности работы по розыску без вести пропавших следует назвать сотрудничество с общественными организациями и гражданами, добровольно содействующими полиции.

[1] Данные ГИАЦ МВД России по сост. на 10 января 2022 г.

© Красовская Е. Л., 2022

Волонтерское движение в нашей стране имеет давнюю историю и зародилось несколько веков назад. Тогда оно было связано с благотворительностью и взаимопомощью. Сегодня добровольчество основано на безвозмездном участии граждан в реализации все тех же социально значимых проектов и охватывает различные стороны общественной жизни. Волонтеры оказывают содействие при ликвидации последствий стихийных бедствий, помогают людям с ограниченными физическими возможностями, а также в поисках без вести пропавших.

Поисково-спасательные отряды появились около 15 лет назад. До тех пор поиском людей занимались только полиция и МЧС. В настоящее время действующими волонтерскими движениями, оказывающих содействие при поиске пропавших без вести на территории России являются следующие.

1. Волонтерский Центр «Поиск пропавших детей».

Сайт «Поиск пропавших детей» был открыт 23 мая 2009 г., когда в Москве пропала 14-летняя девочка Аня М. Информация о трагедии распространялась слишком долго, поэтому драгоценное время, когда велики шансы на оказание помощи, было упущено. Тем не менее, массовое оповещение пользователей тоже принесло свои плоды: благодаря ему был найден свидетель, который помог следствию выйти на убийцу девочки. Тогда и было принято решение основать сайт poiskdetei.ru[2], который начал активную деятельность благодаря вниманию волонтеров. Таким образом, сайт и волонтерская организация «Поиск пропавших детей» — первая в России и на территории СНГ.

2. Добровольческий поисково-спасательные отряд «Лиза Алерт»[3].

Самый известный ПСО России называется «ЛизаАлерт». Его отряды есть в каждом регионе. Начало он взял в 2010 г. Тогда Россию взбудоражила история пропажи девочки Лизы Фомкиной и ее тети. Люди несколько дней объединялись в группы, искали пропавших. Но механизмов поиска людей не было, поэтому добровольцы опоздали. Пропавшие были найдены погибшими.

Тогда те, кого сильнее всего поразила эта история, решили сформировать постоянный поисково-спасательный отряд, который назвали в честь маленькой девочки. Теперь у отряда «Лизы Алерт» сложилась разветвленная сеть подразделений по всей стране, накоплен богатый практический опыт проведения широкомасштабных поисковых операций, взаимодействия в процессе поисков с другими добровольными поисковыми отрядами, полицией, МЧС, СМИ и интернет-сообществом.

3. Московская областная общественная организация Поисково-спасательный отряд «Полярная звезда»[4].

Осенью 2010 г., когда пропала 4-летняя Лиза, пять дней круглосуточных поисков изменили мировоззрение добровольцев, именно тогда было образовано добровольческое движение, которое в феврале 2011 г. прошло государственную регистрацию, и образовалась Московская областная Общественная Организация Поисково-спасательный отряд «Полярная звезда».

Сегодня ПСО «Полярная звезда» представляет собой добровольческое структурное объединение профессиональных спасателей и добровольцев, прошедших специальное обучение, и готовых круглосуточно прийти на помощь попавшим в беду. Основной состав отряда — это опытные спасатели, оснащенные специальной техникой и оборудованием. ПСО «Полярная звезда», являясь юридическим лицом, имеет права и обязанности в соответствии с действующим в России законодательством о социально-ориентированных общественных организациях, регулярно проводит учебно-тренировочные сборы и осуществляет поисковые мероприятия в полном взаимодействии с официальными структурами.

4. Вертолетный поисково-спасательный отряд «Ангел»[5].

Волонтерское сообщество неравнодушных граждан, частных пилотов, владельцев воздушных судов малой авиации, основанное в 2012 г. на базе многофункционального вертолетного центра «Хелипорт Москва». ВПСО «Ангел» осуществляет поиски пропавших в природной среде людей с использованием вертолетов авиации легкого назначения. «Ангел» — официально зарегистрированное аварийно-спасательное формирование, является подразделением межрегиональной общественной организации пилотов и граждан-владельцев воздушных судов АОПА-Россия. Поисково-спасательные работы осуществляются во взаимодействии с негосударственными поисковыми

[2] URL://https://poiskdetei.ru/
[3] URL://https://lizaalert.org/
[4] URL://https://pol-star.ru/
[5] URL://https://angel.aopa.ru/

организациями: «Лиза Алерт», Российский Красный Крест, а также государственными органами (МЧС, полиция, ВС РФ).

Практически в каждом регионе России есть свои волонтерские поисково-спасательные отряды, например, ярославский волонтерский отряд «ЯрСпас», Ленинградское Объединение добровольных спасателей «Экстремум», сахалинский поисково-спасательный отряд «СОВА», читинские волонтерские движения «Клуб «Диверсант» и «Поисковый отряд им. Кости Долгова» и др. Многие из них входят в более крупные волонтерские объединения по розыску пропавших людей.

Все поисково-спасательные отряды действуют по единой схеме. Как только появляется информация о пропаже ребенка или взрослого, волонтеры собирают всю имеющуюся информацию, которая может оказаться полезной в поисках, распространяют сведения о пропавших детях в Интернете и в СМИ, расклеивают листовки с приметами пропавшего, проводят опросы жителей той местности, где пропал человек, и незамедлительно начинают поиск с привлечением профессиональных спасателей и кинологов. Среди волонтеров есть и психологи, которые при необходимости оказывают профессиональную помощь родственникам пропавших.

В своей нелегкой работе волонтеры-поисковики не могут не взаимодействовать с местными властями, прежде всего, с правоохранительными органами и МЧС. Такое взаимодействие является приоритетным. Волонтеры отмечают, что они ни в коей мере не пытаются подменить собой МВД, СК, МЧС и другие специальные государственные службы, а сотрудничают с ними в рамках законодательства Российской Федерации и международных норм права.

Правовой основой такого сотрудничества служит, в частности, ст. 10 ФЗ «О полиции»[6], согласно которой полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»[7] добровольцами являются физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности).

Основными направлениями сотрудничества территориальных органов МВД и добровольцев в розыске лиц, пропавших без вести, являются:

- привлечение добровольцев к участию в мероприятиях по предупреждению безвестного исчезновения;
- привлечение добровольцев к осуществлению поисковых мероприятий, направленных на розыск конкретных лиц, пропавших без вести.

Добровольцы распространяют информацию о пропавших детях в Интернете, СМИ и, расклеивая листовки, оказывают поддержку в поиске на местности методом прочесывания и опроса местных жителей. В рядах добровольческих групп участвующих, в поиске пропавших без вести: кинологи и следопыты, джипперы и квадроциклисты, воздухоплаватели и водолазы, которые используют имеющую в собственности технику (беспилотные летательные аппараты, лодки, акваланги и т. д.).

Основной задачей добровольческого отряда является оперативное реагирование и гражданское содействие в поиске пропавших детей.

В этой связи организация сотрудничества должна быть выстроена таким образом, чтобы максимально эффективно использовать помощь добровольцев в целях повышения результативности розыска в целом. Сотрудничество с добровольцами не должно рассматриваться как противоборство, конкуренция, некий отвлекающий или раздражающий компонент, а должно стать согласованной деятельностью единомышленников.

Как правило, работой добровольческого отряда руководит координатор (координаторы) — наиболее сознательный, мотивированный, хорошо подготовленный доброволец-организатор. Для обеспечения должного уровня взаимодействия добровольцев и полиции целесообразно привлекать координаторов к внештатному сотрудничеству, руководствуясь п. 34 ст. 13 ФЗ «О полиции».

В частности, необходимо акцентировать внимание добровольцев на том, что при осуществлении поисковых мероприятий они обязаны соблюдать конститу-

[6] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (последняя ред.).

[7] Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» (с изм. и доп.).

ционные права граждан: право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ[8]). Доброволец обязан знать, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ст. 24 Конституции РФ). В соответствии со ст. 25 Конституции РФ жилище неприкосновенно, никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основе судебного решения.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[9] операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом (ст. 7). Обработка персональных данных, в соответствии со ст. 6, допускается, в частности, с согласия субъекта персональных данных, а также в случаях, когда обработка персональных данных необходима для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных, если получение согласия субъекта персональных данных невозможно. Добровольцы должны соблюдать морально-этические нормы поведения, касающиеся невмешательства в частную жизнь, неразглашения сведений, которые стали им известны в связи с проведением поисковых мероприятий, если только в этом нет крайней необходимости. Добровольцы должны осознавать недопустимость недобросовестного использования фотографий и личных данных лиц, пропавших без вести, и их родственников. Так, отмечены случаи размещения в сети Интернет фотографий разыскиваемых после завершения поисковых мероприятий. Необходимо обратить внимание добровольцев на недопустимость подобных действий.

Добровольцы не имеют права осуществлять видео- и аудиозапись, фото- и киносъемку в служебных или иных помещениях без письменного согласия на то соответствующих должностных или частных лиц; прибегать к действиям, посягающим на права и свободы граждан; совершать действия, ставящие под угрозу жизнь, здоровье, честь и достоинство, а также создающие опасность нанесения ущерба имуществу граждан.

Добровольцы должны осознавать, что, осуществляя помощь в розыске лиц, пропавших без вести, они не становятся субъектами уголовного процесса, ОРД, детективной деятельности, следовательно, не имеют права проводить следственные, оперативно-разыскные мероприятия[10], а также действия, осуществляемые частными детективами.

Следует обратить внимание добровольцев на то, что в случае нарушения ими законодательства при оказании содействия в розыске лица, пропавшего без вести, они несут ответственность на общих основаниях. Добровольцы, в частности, должны знать о том, что ст. 137 УК РФ[11] предусматривает наступление уголовной ответственности за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия, либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или СМИ; ст. 138 УК РФ — за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений; ст. 139 УК РФ — за незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица.

Для упорядочения взаимоотношений полиции и добровольцев, а также в целях соблюдения баланса взаимной ответственности руководитель штаба либо сотрудник полиции, отвечающий за розыск лица, пропавшего без вести, дает координатору (в случае необходимости — иным членам отрядов) конкретные рекомендации об объеме и характере поисковых мероприятий, при необходимости — инструктирует о способах выполнения и контролирует их исполнение.

В случае возникновения в процессе работы добровольцев каких-либо трудностей, координатор сообщает о них руководителю штаба или сотруднику, отвечающему за розыск, и далее действуют в соответствии с их рекомендациями.

Добровольцам запрещается поручать проведение следственных действий, оперативно-разыскных мero-

[8] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

[9] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (последняя ред.).

[10] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (последняя ред.).

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.).

приятий. Запрещается также привлекать добровольцев к участию в мероприятиях, заведомо связанных с риском для их жизни и здоровья. Запрещается знакомить добровольцев с документами, содержащими сведения, отнесенные к государственной тайне, и иной информацией ограниченного пользования.

Координатор принимает от добровольцев добытую информацию, немедленно передает ее сотруднику, отвечающему за розыск или в оперативный штаб.

При принятии решения о необходимости привлечения к поисковым мероприятиям добровольцев, перед ними ставятся следующие задачи:

а) поиск пропавшего лица или следов, указывающих на возможное преступление, на территории, прилегающей к вероятному месту исчезновения (для решения задачи рекомендуется обследовать территорию, прилегающую к месту исчезновения (чердаки, подвалы, вентиляционные шахты, расположенные в доме или недалеко от дома, где проживал пропавший), место, где пропавшего без вести видели в последний раз, места, которые обычно посещал разыскиваемый; осмотреть контейнеры вблизи дома, канализационные колодцы, выгребные ямы, свалки мусора, пустыри, парки, участки лесонасаждений, заброшенные строения и другие места, которые могут быть использованы преступником для сокрытия трупа и иных вещественных доказательств, лесные массивы, болота, заросли кустарника, овраги по маршруту направления движения пропавшего без вести). При обнаружении следов, указывающих на возможное местонахождение пропавшего лица либо на совершение в отношении него преступления, добровольцы принимают меры к их сохранению, и незамедлительно сообщают об обнаруженном в штаб розыска. Рекомендуется составить опись всех обнаруженных предметов в том числе с использованием видеофотосъемки, при этом, не трогая обнаруженные предметы. В целях обеспечения возможности отработки обнаруженных следов служебно-разыскной собакой необходимо ориентировать добровольцев на недопустимость изъятия, порчи следов, самовольного проведения каких-либо действий при их обнаружении. Добровольцы, в том числе журналисты, которые могут среди них находиться, должны быть ориентированы на недопустимость разглашения информации об обнаруженных следах;

б) поиск максимально достоверной информации о последнем местонахождении разыскиваемого и обстоятельствах его исчезновения (для решения задачи добровольцам рекомендуется осуществлять поиск очевидцев исчезновения, выявлять видеокамеры, находившиеся в предполагаемом районе исчезновения, осуществлять мониторинг ресурсов Интернета и других источников с целью выявления информации, относящейся к исчезновению лица, и т. д.).

Добровольцы должны быть нацелены на незамедлительную передачу в штаб розыска добытой информации, в том числе об обнаруженных очевидцах, для последующей организации следственных и оперативно-разыскных мероприятий;

в) распространение информации о пропавшем в районе проведения поисковых мероприятий (задача решается посредством изготовления и размещения объявлений о розыске в местах, предназначенных для размещения информации, распространения листовок-ориентировок в местах наибольшего скопления людей в организациях, учреждениях, торговых центрах, на рынках, объектах транспорта), размещения объявлений в СМИ и Интернете (содержание объявлений, район размещения, перечень СМИ должен быть предварительно согласован со штабом); выставления автопостов, оборудованных громкоговорителями, у лесных массивов, на окраинах населенных пунктов, вокзалах и других местах возможного появления разыскиваемого и т. д.).

В соответствии с ФЗ «О полиции», в целях розыска лиц, полиции предоставлено право использовать на безвозмездной основе возможности средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет для размещения соответствующей информации. Наряду с использованием полицией данной возможности, добровольцы могут размещать соответствующую информацию доступными им способами. Ответственные за данную линию работы добровольцы должны своевременно получать из штаба розыска актуальную информацию для обновления объявлений.

Координация работы различных подразделений осуществляется в целях повышения эффективности поиска. Поисково-спасательные работы для всех участников поиска заканчиваются по решению руководителя поисково-спасательных работ. В состав отрядов добровольцев при обследовании больших участков местности («прочесывании») целесообразно включать сотрудников полиции (в том числе УУП), МЧС, местных жителей, хорошо знающих

особенности обследуемой территории. При наличии возможности следует оснащать отряды навигаторами. Рекомендуемая численность отрядов — 10–12 человек, находящихся в зоне видимости друг друга. При этом, прежде всего, следует обращать внимание на обеспечение безопасности добровольцев, поддержание с ними постоянной связи через ответственные группы. Для наиболее эффективного поиска следует по карте локализовать территорию поиска, исключив участки, ограниченные непреодолимыми преградами (река, болото, обрыв и т. д.), обозначить маршруты, удобные для движения пропавшего, а также места возможного отклонения от маршрута (где пропавший мог заблудиться), потенциально опасные участки.

Координатор поддерживает постоянную связь с добровольцами, регистрирует добытую информацию в журнале, незамедлительно передает ее в штаб розыска ОВД или сотруднику, отвечающему за розыск[12].

В заключение можно сказать, что сотрудничество с добровольцами — это дополнительная возможность повышения эффективности розыска. Помощь добровольцев в розыске лиц, пропавших без вести, — это проявление активной гражданской позиции, самоотверженная работа, к которой надо относиться бережно.

[12] Выдержки из методических рекомендаций по взаимодействию ОВД с волонтерскими организациями // URL://https://-52.мвд.рф/document/3553422.

Информация об авторе

Е. Л. Красовская — адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

E. L. Krasovskaya — Adjunct of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

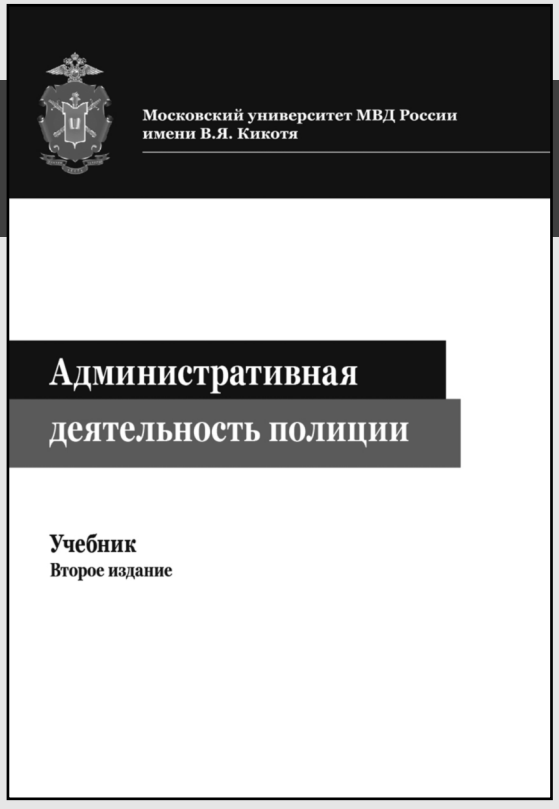
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ

2-е изд., перераб. и доп. Учебник. 688 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Зиборов О. В. и др.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции». Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.



Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-138-141
NIION: 2003-0059-3/22-294
MOSURED: 77/27-003-2022-03-493

Некоторые аспекты использования положительного опыта зарубежных стран в предупреждении организации занятия проституцией

Николай Александрович Кузьмин[1], Ильдар Хамзеевич Апаев[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] kyzminn80@mail.ru
[2] ildar_apaev@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы использования положительного опыта зарубежных стран в предупреждении организации занятия проституцией. Анализируются возможности применения перспективных зарубежных информационных систем в предупреждении организации занятия проституцией. Предлагается создание отдельной информационной системы с целью быстрого анализа и получения сведений, имеющих значение для выявления организаторов занятия проституцией и иных соучастников преступной деятельности. Выделяется ряд маркеров, направленных на выявление лиц, причастных к организации занятия проституцией.

Ключевые слова: предупреждение, преступление, информационные системы, организация занятия проституцией, оперативные подразделения, маркеры преступлений

Для цитирования: Кузьмин Н. А., Апаев И. Х. Некоторые аспекты использования положительного опыта зарубежных стран в предупреждении организации занятия проституцией // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 138–141. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-138-141.

Original article

Some aspects of using the positive experience of foreign countries in preventing the organization of prostitution

Nikolay A. Kuzmin[1], Ildar Kh. Apaev[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] kyzminn80@mail.ru
[2] ildar_apaev@mail.ru

Abstract. The issues of using the positive experience of foreign countries in preventing the organization of prostitution are considered. The possibilities of using promising foreign information systems in preventing the organization of prostitution are analyzed. It is proposed to create a separate information system in order to quickly analyze and obtain information that is important for identifying the organizers of prostitution and other accomplices in criminal activity. There are a number of markers aimed at identifying persons involved in the organization of prostitution.

Keywords: prevention, crime, information systems, organization of prostitution, operational units, crime markers

For citation: Kuzmin N. A., Apaev I. Kh. Some aspects of using the positive experience of foreign countries in preventing the organization of prostitution. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):138–141. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-138-141.

Предупреждение преступлений — одна из важнейших обязанностей сотрудников полиции, на что прямо указано в п. 10 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» [1]. Кроме того, в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] в качестве одной из задач оперативно-разыскной деятельности также выделятся предупреждение преступлений. Однако в действительности указанной задаче со стороны оперативных подразделений ОВД уделяется недостаточно внимания, по сравнению с иными закрепленными в данном законе задачами. Нередки случаи, когда на практике предупреждение преступлений осуществляется сотрудниками оперативных подразделений факульта-

© Кузьмин Н. А., Апаев И. Х., 2022

тивно, либо попутно при реализации таких задач, как например: выявление и раскрытие преступлений [5]. На это есть ряд объективных и субъективных причин. Рассмотрим одну из важнейших объективных причин, а именно недостаточное использование технологии искусственного интеллекта[1] и больших данных для обеспечения данной деятельности.

В этом контексте обращает на себя внимание опыт зарубежных стран, а именно Соединенных Штатов Америки (США), где с 2012 г. относительно успешно в FBI[2] создана и внедрена в оперативно-служебную деятельность информационная система SENTINEL.

Система SENTINEL включает в себя следственные, разведывательные, кадровые (вспомогательные) и административные данные, собранные ФБР в ходе выполнения своей миссии. Она включает в себя множество типов информации, которая либо непосредственно идентифицирует человека (например, имя, адрес, номер социального страхования, номер телефона, адрес электронной почты, фотография или другой уникальный идентификационный номер, код или характеристика), либо косвенно идентифицирует человека (например, пол, раса, дата рождения, место рождения, географический указатель, номер лицензии, идентификатор транспортного средства, включая номерной знак, и другие дескрипторы). Другая информация о лицах, которые могут находиться в SENTINEL, включает номера финансовых счетов, а также медицинские, образовательные или военные записи о людях. Некоторая информация может касаться несовершеннолетних.

В контексте темы нашей статьи стоит отдельно остановиться на некоторых аспектах предупредительной работы в отношении лиц, занимающихся организацией занятия проституцией с использованием современных технологий. Так, стоит отметить возможность получения сведений об интересующем объекте из источников, отличных от этого лица. Иногда жизненно важную информацию можно получить только из других источников, которые знакомы с человеком и его деятельностью. В некоторых случаях прямой запрос информации к отдельному лицу может поставить под угрозу проводимые мероприятия, поскольку в этом случае человек будет знать, что он или она находится под следствием.

Кроме того, обнаружение информации при работе системы SENTINEL обеспечивается с помощью служб поиска и отображения. Поиск включает в себя возможность поиска по имени (включая варианты имен и иностранные имена), биографическую информацию (например, страну рождения, дату рождения, вес, рост) и возможность полнотекстового поиска, включая поддержку различных типов поиска (нечеткие, подстановочные, близкие, логические).

Также, при анализе разведывательных данных важным моментом является подтверждение и проверка точности личной информации из всех доступных источников [6].

Отмеченные моменты, на наш взгляд, целесообразно использовать в оперативно-разыскной деятельности в том числе при предупреждении преступлений оперативными подразделениями полиции, с целью чего необходимо создать и внедрить в оперативно-служебную деятельность ОВД информационную систему, аналогичную той, что используется правоохранительными органами США.

Подобная система позволила бы в автоматическом режиме обрабатывать огромный массив информации за минимальный промежуток времени, при этом выявляя неочевидные взаимосвязи между различными объектами. К примеру, изучая на первый взгляд не связанные между собой факты организации занятия проституцией, можно получить сведения, подтверждающие, к примеру, то, что они являются звеньями одной цепи. Так, с целью конспирации некоторые лица, причастные к организации занятия проституцией получают денежные средства за свою противоправную деятельность от администраторов посредством безналичных переводов денежных средств на банковские счета (по номеру банковской карты/по номеру телефона) и электронные кошельки различных систем электронных платежей с использованием электронных денег (например, QIWI, ЮMoney, WebMoney). В связи с этим крайне важно при проведении оперативно-разыскных мероприятий, в том числе опросов, исследовании предметов и документов (сотовых телефонов, планшетов, ноутбу-

[1] Искусственный интеллект (ИИ; англ. artificial intelligence, AI) — свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека (не следует путать с искусственным сознанием, ИС); наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ. ИИ связан со сходной задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта, но не обязательно ограничивается биологически правдоподобными методами. Существующие на сегодня интеллектуальные системы имеют достаточно узкие области применения. Например, программы, способные обыграть человека в шахматы, не могут отвечать на вопросы и т. д. // URL://https://ru.wikipedia.org/wiki/Искусственный интеллект.

[2] Федеральное бюро расследований, (ФБР) (англ. Federal Bureau of Investigation, FBI) (правильный вариант прочтения: [фэ-бэ-э́р], (англ: [эф-би-ай]) является органом внутренней разведки и, одновременно, федеральной правоохранительной структурой Соединенных Штатов // URL://https://ru.wikipedia.org/wiki/Федеральное_бюро_расследований.

ков, тетрадей, записных книжек), получать сведения об электронных кошельках на которые начислялись деньги. Это позволит выявить связь с другими притонами, в которых также для безналичного перевода денег используются те же электронные кошельки; это позволит выявить единую сеть притонов.

При этом, если раньше лица, задействованные в криминальном бизнесе в качестве проституток и администраторов, вносили наличные денежные средства, полученные от оказания сексуальных услуг посредством терминалов либо салонов сотовой связи на указанные им организаторами анонимные электронные кошельки (таким образом установить отправителя и получателя было затруднительно — терминал не идентифицировал личность, а QIWI-кошелек не отображал персональные сведения пользователя), то с учетом поправок в Федеральный закон «Об электронных платежных системах» [3] с 2021 г. данный способ оказался под запретом.

Говоря о сути предупредительной работы, стоит отметить необходимость использования полученной информации о банковских счетах и электронных кошельках, используемых в противоправной деятельности по организации занятия проституцией, в дальнейшем. Для этого необходимо создание отдельной информационной системы с целью их быстрого анализа и получения дополнительных сведений, имеющих значение для выполнения задач оперативно-разыскной деятельности. В том числе это позволило бы установить организаторов занятия проституцией и иных соучастников преступной деятельности (диспетчеров, охранников, водителей), проституток, а также их связи, движимое и недвижимое имущество, поездки, используемые для связи абонентские номера телефонов, покупки, страницы в социальных сетях и т. д.

Вместе с тем, справедливо встает проблема в юридической плоскости. А именно, согласно ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», кредитная организация, Банк России, организация, осуществляющая функции по обязательному страхованию вкладов, гарантируют тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов [4]. Закономерно возникает вопрос о доступе системы искусственного интеллекта к данным таких организаций, без каких-либо ограничений. Этот вопрос представляется чрезвычайно важным, поскольку сегодня продолжаются тенденции уменьшения доли наличных денежных средств при каких либо действиях по легализации преступно нажитых денежных средств (операциях по купле-продаже товаров и услуг, недвижимости и т. д.) [7].

Говоря о рабочих моментах функционирования предлагаемой нами в статье информационной системы для противодействия организации занятия проституцией, стоит выделить ряд маркеров, направленных на выявление лиц, причастных к организации занятия проституцией. К ним в частности можно отнести:

- факт привлечения лица в прошлом к уголовной ответственности по аналогичным фактам, либо к административной ответственности за занятие проституцией;
- наличие у лица в собственности или в пользовании, а также аренде помещений, использующихся для организации притона с целью оказания сексуальных услуг за денежное вознаграждение;
- размещение объявлений о трудоустройстве (приеме на работу) лиц, соответствующих определенным критериям (возраст, внешние данные, ценностные ориентиры, финансовое положение);
- подписка лиц на соответствующие тематических группы в социальных сетях, форумах, чатах с целью поиска граждан, которых предполагается вовлечь в занятие проституцией;
- наличие у лица значительного количества банковских карт, электронных кошельков, криптокошельков;
- создание или приобретение лицом соответствующего сайта в социальных сетях (мессенджерах) с целью размещения объявлений с данными девушек, оказывающих сексуальные услуги за денежное вознаграждение либо с рекламой притонов;
- регистрация или приобретение лицом организации по оказанию различных услуг досуга с целью придания своей преступной деятельности законного вида (баня, сауна, массажный салон, эскорт агентство);
- приобретение с определенным постоянством лицом значительного количества средств гигиены, а также сексуальных девайсов;
- использование в разговорной речи и в общении в социальных сетях (мессенджерах) определенного сленга, характерного для лиц, причастных к указанному криминальному бизнесу;
- ведение лицом «активного образа жизни» в социальных сетях с указанием различных мест отдыха (преимущественно за рубежом), дорогих покупок, а также проведение при этом различных секс-тренингов. В действительности это является завуалированной формой организации занятия проституцией.

Если предполагаемая информационная система будет иметь техническую возможность получения указанной информации из различных источников, то она вполне может спрогнозировать совершение конкретных преступлений со стороны отдельных лиц.

Однако для получения корректного результата, весьма важно оценивать имеющиеся косвенные признаки, свидетельствующие о подготовке или совершении преступлений, связанных с организацией занятия проституции в совокупности, т. е. когда имеется несколько из перечисленных маркеров, а не один-два.

Список источников

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 11 июня 2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 24 августа 2021 г.) // СПС «Консультант плюс».

2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 2 ноября 2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 декабря 2021 г.) // СПС «Консультант плюс».

4. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 30 декабря 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Апаев И. Х. Некоторые аспекты индивидуальной профилактики в отношении лиц, занимающихся проституцией / И. Х. Апаев, М. А. Пестрецов // Защити меня. 2021. № 2. С. 14–19.

6. Апаев И. Х. Криминогенные факторы, влияющие на организацию занятия проституцией в России // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: сб. науч. трудов. М., 2021. С. 8–16.

7. Кузьмин Н. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в противодействии коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 154–156.

References

1. Federal Law № 3-FZ of February 7, 2011 «On the police» (ed. of June 11, 2021, with amendments and additions, intr. effective from August 24, 2021) // SPS «Consultant Plus».

2. Federal Law № 144-FZ of August 12, 1995 «On operational investigative activities» // SPS «ConsultantPlus».

3. Federal Law № 161-FZ of June 27, 2011 «On National Payment System» (ed. of November 2, 2021, with amendments and additions, intr. effective from December 1, 2021) // SPS «Consultant plus».

4. Federal Law № 395-1 of December 2, 1990 «On banks and banking activities» (ed. of December 30, 2021) // SPS «ConsultantPlus».

5. Apaev I. Kh. Some aspects of individual prevention against persons engaged in prostitution / I. Kh. Apaev, M. A. Pestretsov // Protect me. 2021. № 2. P. 14–19.

6. Apaev I. Kh. Criminogenic factors influencing the organization of prostitution in Russia // Actual issues of theory and practice of operational investigative activity: collection of scientific works. M., 2021. P. 8–16.

7. Kuzmin N. A. Prospects for the use of artificial intelligence in combating corruption // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3. P. 154–156.

Информация об авторах

Н. А. Кузьмин — начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

И. Х. Апаев — преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

N. A. Kuzmin — Head of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

I. Kh. Apaev — Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 343.98:347.948.2
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-142-146
NIION: 2003-0059-3/22-295
MOSURED: 77/27-003-2022-03-494

Автоматизация решения задач судебной портретной экспертизы с помощью программного обеспечения «Visosoft»

Алексей Федорович Купин[1,2]
[1] Главное управление криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, alexcrim@rambler.ru
[2] Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрены возможности и порядок применения программного обеспечения «Visosoft» в целях криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. В частности: проанализирована эффективность методов, которые применяются в данном программном обеспечении для идентификации человека по его фотоизображениям; определена результативность выявляемых с их помощью признаков с учетом качества исследуемых фотоизображений внешнего облика человека; продемонстрирован порядок получения результатов, а также их последующей оценки экспертами в области судебной портретной экспертизы. Помимо этого приведены результаты специального экспериментального исследования, проведенного с целью изучения возможностей применения программного обеспечения «Visosoft» в следующих экспертных ситуациях:

- при сравнительном анализе фотоизображений, заведомо содержащих изображения одного и того же лица, изготовленных с интервалом в один год;
- при сравнительном анализе фотоизображений, заведомо содержащих изображения разных лиц;
- при сравнительном анализе фотоизображений, заведомо содержащих изображения разных лиц, обладающих схожей внешностью.

По результатам проведенных исследований делается вывод о том, что программное обеспечение «Visosoft» является эффективным специализированным программным средством для автоматизации решения задач судебной портретной экспертизы, связанных с идентификацией человека по признакам внешнего облика.

Ключевые слова: признак внешности, особые приметы, судебная портретная экспертиза
Для цитирования: Купин А. Ф. Автоматизация решения задач судебной портретной экспертизы с помощью программного обеспечения «Visosoft» // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 142–146. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-142-146.

Original article

Automating the solution of the tasks of forensic portrait examination with the help of software «Visosoft»

Alexey F. Kupin[1,2]
[1] Main Department of Criminalistics of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, alexcrim@rambler.ru
[2] Moscow State Technical University named after N. E. Bauman, Moscow, Russia

Abstract. The possibilities and the procedure for using the «Visosoft» software for the purpose of criminalistic support for the disclosure and investigation of crimes are considered. In particular: the effectiveness of the methods used in this software to identify a person by his photographic images is analyzed; the effectiveness of the signs detected with their help is determined, taking into account the quality of the studied photographic images of the external appearance of a person; the procedure for obtaining results, as well as their subsequent evaluation by experts in the field of forensic portrait examination is demonstrated. In addition, the results of a special experimental study conducted to study the possibilities of using «Visosoft» software in the following expert situations are presented:

© Купин А. Ф., 2022

• in the comparative analysis of photographic images that knowingly contain images of the same person, made with an interval of one year;

• in the comparative analysis of photographic images that obviously contain images of different faces;

• in the comparative analysis of photographic images, obviously containing images of different persons with similar appearance.

Based on the results of the conducted research, it is concluded that the «Visosoft» software is an effective specialized software tool for automating the solution of tasks of forensic portrait examination related to the identification of a person by signs of appearance.

Keywords: portrait examination, automation, sign of appearance, image, technique, identification

For citation: Kupin A. F. Automating the solution of the tasks of forensic portrait examination with the help of software «Visosoft». Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):142–146. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-142-146.

Постановка проблемы. Одной из процессуальных форм использования данных о внешнем облике человека в криминалистической практике является судебная портретная экспертиза. Данный вид экспертиз относится к числу традиционных криминалистических экспертиз и имеет в достаточной степени разработанную методическую основу, в том числе включающую проработку решения ряда сложных экспертных задач [1, с. 64]. Одной из основных задач, решаемых судебной портретной экспертизой, является определение того, что одно и то же или разные лица изображены на представленных фотоснимках [2, с. 517].

Стоит отметить, что судебная портретная экспертиза относится к числу наиболее сложных и редко назначаемых экспертиз, а ее производство может сопровождаться допущением ряда методических ошибок [2, с. 521]. Отчасти, решение задачи, связанной с идентификацией человека по внешнему облику, запечатленному на исследуемых объектах (фотографических изображениях), может быть упрощено за счет применения специализированных программных продуктов, позволяющих оптимизировать процесс производства портретной экспертизы и, тем самым, повысить объективность ее результатов.

Анализ последних исследований и публикаций. Следует отметить, что над вопросами, связанными с особенностями исследования внешнего облика человека в рамках судебной портретной экспертизы работают многие ученые и практикующие специалисты в области криминалистики и судебной экспертизы. Среди них А. М. Зинин, Т. В. Аверьянова, Н. П. Майлис, С. А Буданов, И. И. Черкашина, В. Ф. Финогенов, Е. В. Давыдов и др. В подготовленных ими работах [3, с. 60–143; 4 с. 293–299] изложена классификация методов анализа признаков внешности, показаны возможности и ограничения этих методов, даны рекомендации, которых следует придерживаться при исследовании признаков внешности в разных экспертных ситуациях в зависимости от видов представленных объектов, описаны возможности решения отдельных экспертных задач в отношении отображений внешнего облика человека, запечатленных на различных носителях портретной информации.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Большинство из распространенных в экспертной практике методов, позволяющих изучать внешний облик человека с целью его установления по признакам внешности, предполагают проведение лабораторных исследований с применением методов анализа признаков внешности в «ручном» режиме, что значительно увеличивает сроки проведения экспертных исследований, а также ведет к повышению роли субъективных факторов в оценке полученных результатов в виду их ограниченности. В этой связи рассмотрены возможности применения специализированного программного обеспечения «Visosoft», объединяющего различные методы анализа признаков внешности человека и позволяющего в автоматическом режиме обсчитывать получаемые результаты.

Формулирование целей статьи. Основной целью работы является изучение принципов действия, а также возможностей применения программного обеспечения «Visosoft» для решения отдельных задач судебной портретной экспертизы.

Изложение основного материала. Одним из программных продуктов, который может применяться в процессе сравнительного исследования внешнего облика человека, является программное обеспечение «Visosoft». Данное программное обеспечение базируется на криминалистических методиках отождествления человека по признакам внешности, используемых экспертными подразделениями правоохранительных органов Российской Федерации [5].

Программное обеспечение «Visosoft» предоставляет возможность ведения базы заданий (заключений), содержащих сведения о поступивших на исследование материалах. К каждому заданию, в свою очередь, может быть привязан набор учетных карт, содержащих представленные на исследование фотопортреты с описанием признаков, особых примет и иных сведений. Добавление изображений можно производить одним из трех способов:

• из файла (доступны файлы с расширениями *.jpg, *.jpeg, *.bmp, *.tif, *.tiff, *.png) с добавлением в описании типа изображения (анфас, левый профиль, правый профиль, ракурс, ¾ вправо, ¾ влево) и его текстовым описанием. После ввода изображения можно осуществить его редактирование посредством изменения яркости, контраста, насыщенности, обрезки лишних (посторонних) фрагментов изображения, а также поворота изображения по или против часовой стрелки до 360 град.;

• с помощью сканера с поддержкой TWAIN-интерфейса с использованием разрешения не ниже 300 точек на дюйм в формате TrueColor (цветное изображение);

• из стоп-кадров видеофайлов с помощью специальной вкладки «видео», представляющей собой видеоплеер, позволяющий открывать видеофайлы, выполнять паузу, перемещение по кадрам и просмотр стоп-кадров, а также их добавление в список используемых в дальнейшем изображений.

После загрузки в программу новых изображений с помощью операции «Антропометрия» проводится расстановка антропометрических точек в соответствии с предлагаемым стандартом и информационно-справочными материалами по предлагаемым шаблонам, а также приведение абсолютных и относительных размеров антропометрических данных загружаемого изображения к масштабу 1:3,5 одним из предлагаемых программой способов:

• расстояния между центрами зрачков x(4.2 – 4.3) = = 19 мм;

• расстояние между наружными углами глаз x(5 – – 5.1) = 25 мм;

• расстояние между центром зрачка и углом рта y(4.2 – 11) или y(4.3 – 11.1) = 21 мм;

• расстояние между верхненосовой и верхнегубной точками y(2 – 10) = 27 мм;

• расстояние между верхнелобной и подбородочной точками y(1 – 14) = 55 мм.

При выборе способа приведения к требуемому масштабу все абсолютные размеры автоматически пересчитываются программой.

Помимо этого для загруженного изображения с помощью операции «Ракурс» может быть вычислено значение ракурса для выбранного изображения.

По завершению предварительной работы с изображением и расстановки всех параметров возможно производство сравнительного анализа изображений с помощью операций «Отбор изображения для сравнительного исследования» и «Сравнительное исследование изображений». Сравнительный анализ основывается на следующих параметрах:

• измерительные характеристики лица (абсолютные и относительные размеры, вычисляемые по результатам расстановки антропометрических точек);

• описательные признаки и особые приметы (определяются экспертом и заносятся в соответствующие поля при заполнении учетной карты).

Сопоставление признаков сравниваемых изображений происходит автоматически с помощью опции «Протокол сравнения», а результаты сравнения отображаются в табличном виде и включают в себя следующие характеристики:

• ракурс для каждого изображения, если он был вычислен (поворот — вращение относительно оси Y в градусах, наклон — вращение относительно оси X в градусах);

• таблицу совпадающих пар признаков;

• суммарную идентификационную значимость;

• таблицу различающихся пар признаков;

• таблицу абсолютных размеров;

• таблицу относительных размеров;

• таблицу динамических признаков;

• таблицу дополнительных признаков

По результатам сравнения по всем характеристикам в протоколе сравнения отражается вычисленная программой суммарная идентификационная значимость, представляющая собой цифровое значение от 1 до 18 единиц. В случае, если значение данного показателя лежит в интервале от 6 до 8 единиц, предполагается вероятный вывод о тождестве сравниваемых объектов или его отсутствии. При показателе суммарной идентификационной значимости 8 и более единиц — категорический вывод о тождестве, а если показатель менее 6 единиц — формируется категорический вывод об отсутствии тождества. Программа также позволяет наносить на исследуе-

мые изображения разметку признаков и необходимые пояснения.

Кроме того, программное обеспечение «Visosoft» предоставляет возможность проведения исследования с использованием следующих методов портретной экспертизы:

• метод сопоставления одноименных признаков внешности;

• методы совмещения (метод медианной линии; метод ломанной линии). В методе медианной линии используются две линии — одна вертикальная, другая горизонтальная;

• метод наложения, позволяющий корректировать % прозрачности накладываемого изображения, а также производить автоматическую коррекцию с целью выделения слабоконтрастных элементов;

• метод аппликации, позволяющий вырезать фрагмент определенной формы из одного изображения и накладывать его на другое изображение;

• метод сопоставления относительных величин — используется только при наличии на изображениях попарно установленных антропометрических точек. На каждом из изображений выбираются и измеряются попарно расстояния между этими точками. Затем большая величина делится на меньшую. Сравниваются полученные пары относительных величин. При оценке полученных результатов вычислений используют правило — если разница равна 0 или не превышает 0,05, то лица тождественны;

• метод проверки на биологическую симметрию, позволяющий создавать комбинированные изображения, составленные из правых (прямой и зеркальной) и левых (прямой и зеркальной) половин изображений лиц;

• метод сопоставления с использованием масок, предполагающий изготовление шаблона маски прямоугольной формы, закрывающей на сравниваемых изображениях отдельные элементы головы (ушных раковин, волосяного покрова, щек, подбородка);

• метод сопоставления с использованием координатной сетки, в основе которого находится возможность нанесения масштабной сетки на оба сравниваемых изображения с заданным шагом сетки. Положение нулевой координаты на каждом изображении задается перемещением вертикальной и горизонтальной осей.

Необходимо учитывать, что данное программное обеспечение не предусматривает возможности решения диагностических задач, в том числе задач, связанных с определением пригодности представленных изображений для проведения исследования путем применения конкретных методов. Указанное обстоятельство может иметь важное значение при использовании некоторых реализованных в программе методов. Например, использование методов совмещения и наложения целесообразно только в случае, если на сравниваемых портретах лица изображены в совпадающем положении (наклоне и повороте головы), одинаковом ракурсе и при сходной мимике [2, с. 519].

С целью выяснения возможностей программного обеспечения «Visosoft» нами было проведено экспериментальное исследование, в ходе которого изучались его возможности при решении практических экспертных задач. В частности, были рассмотрены три ситуации, которые могут возникать в ходе производства судебной портретной экспертизы.

1. Сравнительный анализ фотоснимков, заведомо содержащих изображение одного и того же ли лица, изготовленных с большим временным интервалом (более одного года);

2. Сравнительный анализ фотоснимков, заведомо содержащих изображение разных лиц;

3. Сравнительный анализ фотоснимков, заведомо содержащих изображение разных лиц, обладающих схожей внешностью.

В ходе сравнительного анализа использовались изображения человека в анфас.

Полученные с помощью программы «Visosoft» результаты в этих экспериментальных ситуациях показали высокую надежность и эффективность программного обеспечения. Так, например, по результатам работы программы показатель суммарной идентификационной значимости для фотоснимков, заведомо содержащих изображение одного и того же ли лица, полученных с разрывом во времени в один год, составил 11,05 единиц, что соответствует категорическому выводу о тождестве. Сравнительный анализ фотоснимков, заведомо содержащих изображение разных лиц, показал результат 5,46 единиц, что свидетельствует об отсутствии тождества сравниваемых изображений. При сравнении фотоснимков, заведомо содержащих изображение разных лиц, обладающих схожей внешностью, получено значение 6,9, которое, с одной стороны, не позволяет исключить факт расположения на сравниваемых изображениях одного лица, и, в тоже время, указывает на недостаточность

установленных признаков для установления индивидуального тождества.

Выводы из данного исследования и перспективы. Результаты проведенных исследований показали, что программное обеспечение «Visosoft» является достаточно эффективным специализированным программным средством для автоматизации решения определенного круга задач судебной портретной экспертизы. Однако, важным условием качественного производства таких экспертиз остается высокая компетентность эксперта, его умение на основе своих специальных знаний применить реализованные в программе методы, правильно интерпретировать и оценить полученные результаты работы. Кроме того, важным критерием при проведении сравнительного анализа является качество исследуемого изображения внешнего облика человека, которое определяется непосредственно экспертом перед началом исследования. Данное программное обеспечение может применяться в целях решения как поисковых задач, связанных с проверкой по экспертно-криминалистическим учетам устанавливаемых и (или) разыскиваемых лиц, так и в процессе решения идентификационных задач в ходе производства судебных экспертиз, связанных с установлением по признакам внешности конкретного человека.

Список источников

1. Зинин А. М. Актуальные проблемы судебной портретной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 64–66.

2. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: практич. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

3. Зинин А. М. Руководство по портретной экспертизе: учеб. пособие. М. : Эксмо, 2006.

4. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина. Ч. 1. М., 2010.

5. VisoSoft // URL://https://ban-bars.ru/visosoft/

References

1. Zinin A. M. Actual problems of forensic portrait examination // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 1. P. 64–66.

2. Practical guide to the production of forensic examinations for experts and specialists: practical. manual. 2nd ed., reprint. and additional M., 2013.

3. Zinin A.M. Guide to portrait examination: textbook. manual. M. : Eksmo, 2006.

4. Standard expert methods of investigation of material evidence / edited by Y. M. Dildin. Part 1. M., 2010.

5. VisoSoft // URL://https://ban-bars.ru/visosoft/

Информация об авторе

А. Ф. Купин — инспектор отдела исследования проблем технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, доцент кафедры «Цифровая криминалистика» Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. F. Kupin — Inspector of the Department of Research of Problems of Technical and Forensic and Expert support of Crime Investigation of the Department of Research Activities (Research Institute of Criminalistics) of the Main Department of Criminalistics (Forensic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Digital Criminalistics of the Moscow State Technical University named after N. E. Bauman, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 343.136
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-147-150
NIION: 2003-0059-3/22-296
MOSURED: 77/27-003-2022-03-495

Участковый уполномоченный полиции и дознаватель: сравнительно-правовой анализ полномочий на стадии возбуждения уголовного дела

Эльдар Кяримович Кутуев[1], Оксана Алексеевна Чабукиани[2]
[1,2] Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
[1] kutuev@inbox.ru
[2] oksana_kartohina@mail.ru

Аннотация. Одним из путей реформирования досудебного производства является предложение возможности упразднения стадии возбуждения уголовного дела. Причиной таких предложений выступает существенное увеличение непроцессуальных действий на первой стадии процесса, расширение круга участников и делегирование полномочий по принятию решения о возбуждении уголовного дела или отказа в возбуждении уголовного дела органу дознания. В ходе исследования было установлено, что дознаватели специализированных подразделений МВД России принимают к своему производству материалы лишь при наличии всесторонней проверки, свидетельствующей о наличии признаков преступления. В случае установления оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, участковые уполномоченные полиции вынуждены принимать решение самостоятельно. Выяснение, как соотносятся полномочия УПП и дознавателя на стадии возбуждения уголовного дела и какие есть тенденции в практических органах уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела, — являлось целью настоящего исследования. Именно решение вопроса о разграничении полномочий дознавателя специализированного подразделения и УПП поможет исключить споры о подследственности, уменьшить объем полномочий участковых уполномоченных полиции в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, орган дознания, стадия возбуждения уголовного дела, дознаватель

Для цитирования: Кутуев Э. К., Чабукиани О. А. Участковый уполномоченный полиции и дознаватель: сравнительно-правовой анализ полномочий на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 147–150. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-147-150.

Original article

District police Commissioner and investigator: comparative legal analysis of powers at the stage of initiation of a criminal case

Eldar K. Kutuev[1], Oksana A. Chabukiani[2]
[1,2] St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
[1] kutuev@inbox.ru
[2] oksana_kartohina@mail.ru

Abstract. one of the ways to reform pre-trial proceedings is to offer the possibility of abolishing the stage of initiation of a criminal case. The reason for such proposals is a significant increase in non-procedural actions at the first stage of the process, the expansion of the circle of participants and the delegation of authority to make a decision on the initiation of a criminal case or refusal to initiate a criminal case to the body of inquiry. In the course of the study, it was found that the investigators of specialized units of the Ministry of Internal Affairs of Russia accept for their production only if there is a comprehensive check indicating the presence of signs of a crime. If the grounds for refusal to initiate a criminal case are established, the district police commissioners are forced to make a decision on their own. The purpose of this study was to find out how the powers of the DPC and the investigator correlate at the stage of initiation of a criminal case and what trends there are in the practical bodies of criminal prosecution

© Кутуев Э. К., Чабукиани О. А., 2022

at the stage of initiation of a criminal case. It is the solution of the issue of the delimitation of the powers of the investigator of a specialized unit and the DPC that will help to eliminate disputes about the investigation, reduce the scope of powers of district police commissioners in criminal proceedings.

Keywords: district police commissioner, body of inquiry, stage of initiation of a criminal case, investigator

For citation: Kutuev E. K., Chabukiani O. A. District police Commissioner and investigator: comparative legal analysis of powers at the stage of initiation of a criminal case. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):147–150. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-147-150.

Участковый уполномоченный полиции (далее — УПП) является сотрудникам органа дознания.

Начальник органа дознания может уполномочить УПП осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также выполнять иные полномочия дознавателя, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ).

На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ В. В. Путин обратил внимание на то, что основная нагрузка по обеспечению порядка в жилом секторе приходится именно на УУП. Их силами выявлено почти 75 % общего числа преступлений, совершенных в быту. Всего под их наблюдением находится около 360 тыс. граждан, склонных к противоправному поведению[1].

Обратимся к официальной статистике состояния преступности. Из официальной статистики МВД России видно, что УУП разрешено в 2021 г. 13,359 млн сообщений и заявлений, что составляет 39,75 % от всех поступивших сообщений о преступлении в МВД России. Учитывая, что это лишь 5–6% личного состава, то в юридической литературе неоднократно высказывались мнения о необходимости изменения организации несения службы УПП и правового регулирования осуществления ими деятельности в ходе проверки сообщений о преступлении в рамках ст. 144 УПК РФ.

Обратимся к законодательству. Основным нормативным актом, регламентирующим полномочия УПП, является Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», которым утверждены Инструкция по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке и Наставление по организации службы участковых уполномоченных полиции.

Задач перед УПП поставлено много, одной из них является обеспечение своевременного рассмотрения в полном объеме устных и письменных обращений граждан.

Многие начальники органа дознания, для исключения сложностей при формировании доказательственной базы при указании о необходимости проведения проверки сообщения о преступлении, делегируют УПП полномочия дознавателя. Это приводит к тому, что дознаватель специализированных подразделений, правомочный проводить расследование в полном объеме, не принимает материалы проверки от УПП, мотивируя свой отказ (чаще всего в устной форме) нехваткой или необходимостью дополнения собираемых оснований для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Например, УПП осуществлял проверку сообщения в отношении гр. К. о хищении в магазине продуктов на общую сумму 1500 руб. Собрав материал, который включал в себя объяснения кассира, гр. К., которого задержал на выходе из магазина охранник, объяснения охранника об обстоятельствах выявления хищения и удержания лица до прибытия сотрудников полиции, изъятую видеозапись, зафиксировавшую факт непредоставления части товара для оплаты гражданином К., протокол осмотра места происшествия, в ходе которого похищенные предметы были изъяты, потому что гр. К. выложил похищенное в стоявшую на выходе из магазина корзину, как только понял, что охранник вызвал сотрудников полиции, справку о стоимости похищенных предметов, справку о судимости гр. К.

Этот материал был направлен дознавателю. Однако, в принятии такого материала он отказал, пояснив, что для решения вопроса о возбуждении уголовного дела не хватает еще объяснений других покупателей, что деяние может быть признано малозначительным и, раз УПП также наделен полномочиями дознавателя, то он и сам может принять соответствующее решение.

[1] Стенограмма выступления Путина на расширенном заседании коллегии МВД 3 марта 2021 г. // Официальный сайт Президент России // URL://http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-03-03-2021.html.

При этом начальник органа дознания уполномочил УПП провести проверку сообщения о преступлении и принять по нему решение в порядке, установленном УПК РФ, но не уполномочил его осуществлять предварительное расследование в форме дознания.

Такое взаимодействие нами было выявлено во многих подразделениях органа дознания. Так, в ходе опроса 20 УПП в рамках проведенного исследования в 2020 г. [1, с. 34] было установлено, что тенденция требований о максимальной отработке материала и передачи его в дознание лишь при установлении признаков преступления, характерна для многих регионов Российской Федерации. В случае же установления оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, решение принимает непосредственно УПП. Многие сотрудники органа дознания ошибочно полагают, что поручение начальника органа дознания на проведение проверки сообщения о преступлении, данное в соответствии с Инструкцией от 29 августа 2014 г. № 736[2], делегирует им полномочия дознавателя, поэтому решение об отказе в возбуждении уголовного дела выносят самостоятельно, без утверждения принимаемого решения начальником органа дознания.

Есть и кардинально противоположная практика, где дознаватель, приняв материал к своему производству, давал поручение УПП. Выполнение поручения заключалось в составлении формальных рапортов об отработке жилого сектора [2, с. 130].

Такая ситуация приводит к большому количеству обжалований вынесенных решений УПП на стадии возбуждения уголовного дела, увеличению срока проверки сообщения (что определено не только требованиями дознавателей специализированных подразделений о доработки материала, а и объемом полномочий участковых уполномоченных полиции в рамках иных задач, в том числе направленных на профилактику преступлений).

Таким образом, исследование практики МВД РФ позволяет выявить следующие тенденции деятельности органов уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела:

• участие дознавателя специализированных подразделений в уголовном судопроизводстве начинается исключительно после принятия решения о возбуждении уголовного дела;

• категорический отказ дознавателей специализированных подразделений принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела в случае, если проверка сообщения о преступлении была поручена УПП;

• затягивание сроков рассмотрения сообщения о преступлении УПП в связи с большим объемом полномочий вне рамок уголовного судопроизводства.

Какие предлагаются пути решения возникших проблем?

Вопросами взаимодействия дознавателей с участковыми уполномоченными полиции на первоначальном этапе расследования занимались многие процессуалисты: М. В. Бобровская, Д. А. Григорьев, А. К. Зебницкая, В. А. Крымов, Е. С. Кудряшова, А. В. Мельников, В. Ю. Миллер, К. А. Наумов, Т. А. Паутова, Ю. В. Шпагина и др.

Анализ юридической литературы позволяет выделить несколько направлений достижения более эффективной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела, устранения противоречий в работе дознавателей специализированных подразделений и органов дознания. Первое направление: отказаться от стадии возбуждения уголовного дела, оставив необходимость проверки сообщений о преступлении как полицейское расследование [3, с. 111]. Второе направление: исключение возможности делегировать полномочия дознавателя органу дознания. Третье направление: предусмотреть возможность принимать решения на стадии возбуждения уголовного дела исключительно дознавателям [4, с. 11–12]. Четвертое направление: на данный момент не требуется каких-либо изменений, все зависит от контроля начальника органа дознания [5].

Несмотря на имеющиеся практические проблемы и количество высказываемых предложений, ситуация продолжает оставаться прежней. Каждое указанное направление имеет как свои положительные моменты, так и отрицательные. Начало выполнения действий по проверке одним должностным лицом, а принятие окончательного решения другим, уже исторически доказало неэффективность. Так, когда дознание осуществлялось исключительно по уголовным делам, возбужденным в отношении конкретного лица, дознаватели стали указывать в некоторых постановлениях о возбуждении уголовного дела, что в ходе

[2] Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: утверждена Приказом МВД РФ от 29 августа 2014 г. № 736 (с изм. и доп.) // СПС «Гарант».

проверки нет достаточных доказательств, позволяющих возбудить уголовное дело в отношении конкретного лица, материалы передавались по подследственности. Результат: проведение ряда следственных действий с существенным опозданием по времени или исключение целесообразности их проведения спустя длительный промежуток времени. Негативная тенденция практики потребовала внести изменения в УПК РФ, что и было сделано Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ.

Для исключения стадии возбуждения уголовного дела на сегодняшний день требуются фундаментальные научные исследования при этом не только (и не столько) зарубежного законодательства, а отечественного, с привлечением сотрудников органа дознания и дознавателей. Так как именно практика привела к появлению в российском уголовном процессе этой стадии. Дублирование работы органа дознания и дознавателя на стадии возбуждения уголовного дела может быть исключено лишь при разграничении случаев, когда сообщение будет проверяться УУП, а когда исключительно дознавателем специализированного подразделения. Именно такой подход обеспечит разделение полномочий, исключит споры и наличие двух дознавателей (уполномоченного и правомочного) на одной территориальной подследственности.

Список источников

1. Кутуев Э. К., Логунов О. В. Совершенствование стадии возбуждения уголовного дела как средства устранения причин и условий, способствующих принятию необоснованных процессуальных решений // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 33–35.

2. Кудряшова Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве: дисс. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020.

3. Савельев К. А., Трещева Е. А. Дознание как излишнее звено отечественного уголовного процесса // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 3. Т. 4. С. 107–112.

4. Васильев Ф. Ю. Институт отказа в возбуждении уголовного дела: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. СПб., 2016.

5. Шоров Р. З., Васильев А. М. О роли участковых уполномоченных полиции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-2 (50). С. 152–154.

References

1. Kutuev E. K., Logunov O. V. Improvement of the stage of initiation of a criminal case as a means of eliminating the causes and conditions conducive to the adoption of unjustified procedural decisions // Russian Justice. 2020. No. 11. P. 33–35.

2. Kudryashova E. S. Quality assurance of inquiry in criminal proceedings: diss. ... cand. jurid. N. Novgorod, 2020.

3. Savelyev K. A., Treshcheva E. A. Inquiry as an unnecessary link in the domestic criminal process // Legal Bulletin of Samara University. 2018. No. 3. Vol. 4. P. 107–112.

4. Vasiliev F. Yu. Institute of refusal to initiate criminal proceedings: abstract. diss. ... cand. jurid. Sciences. SPb., 2016.

5. Sharov R. Z., Vasiliev A.M. On the role of district police commissioners // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 11-2 (50). P. 152–154.

Информация об авторах

Э. К. Кутуев — начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор;

О. А. Чабукиани — доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. K. Kutuev — Head of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor;

O. A. Chabukiani — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 343.983.25
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-151-154
NIION: 2003-0059-3/22-297
MOSURED: 77/27-003-2022-03-496

Факторы, определяющие эффективность развития судебно-экспертной деятельности

Надежда Павловна Майлис
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, jlmaylis@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с факторами, способствующими эффективному развитию судебно-экспертной деятельности; проблемы, негативно влияющие на такое развитие и возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: судебная экспертиза, информационное обеспечение, информационное сопровождение, комплексная и ситуационная экспертизы, сравнительные образцы, подготовка экспертов

Для цитирования: Майлис Н. П. Факторы, определяющие эффективность развития судебно-экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 151–154. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-151-154.

Original article

Factors determining the effectiveness of the development of forensic expertise

Nadezhda P. Mailis
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, jlmaylis@yandex.ru

Abstract. Issues related to factors contributing to the effective development of forensic activities are considered; problems that negatively affect such development and possible ways to overcome them.

Keywords: forensic examination, information support, information support, complex and situational expertise, comparative samples, expert training

For citation: Mailis N. P. Factors determining the effectiveness of the development of forensic expertise. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):151–154. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-151-154.

Эффективность развития судебно-экспертной деятельности зависит от многих факторов, особенно в настоящее время, когда использование инновационных технологий позволяет расширять рамки экспертных исследований при решении новых задач, встающих перед правоохранительными органами. Институт судебной экспертизы, как известно, постоянно пополняется новыми видами экспертиз, обусловленных новыми способами совершения преступлений и, соответственно, появлением новых объектов исследования.

Одним из эффективных средств для решения поставленных задач в судебно-экспертной деятельности является процесс информационного обеспечения. Такой процесс охватывает экспертную деятельность как в целом, так и при решении задач в процессе производства конкретных видов судебных экспертиз. При этом, исходя из основных форм судебно-экспертной деятельности, она включает: аналитическую, научную, дидактическую, профилактическую и управленческую, которые тесно взаимодействуют между собой и обуславливают друг друга; информационное обеспечение способствует проведению конкретного экспертного исследования на более качественном уровне. Одной из составных частей информационного обеспечения является информационное сопровождение. При этом в процессе производства многих видов

© Майлис Н. П., 2022

экспертиз в настоящее время широко используются электронные информационные фонды в форме автоматизированных информационно-поисковых систем криминалистически значимых характеристик объектов (АИПС). Такой подход, наряду с натурными коллекциями, которые еще не утратили свою значимость во многих видах традиционных экспертиз, безусловно, благодаря постоянному пополнению, способствует более эффективному решению задач. Однако, по новым родам и видам судебных экспертиз информационное обеспечение и информационное сопровождение еще не отвечают должному уровню и требуют своего совершенствования.

Особенно актуальны исследования, связанные с компьютерными преступлениями. Учеными уделяется в последние годы достаточно внимания в области теории судебной экспертизы исследованиям в различных направлениях судебных экспертиз, но по многим вопросам еще не сформировались единые подходы в научном и методических аспектах, что не способствует более эффективному проведению судебных экспертиз.

Эксперты должны, по возможности, отслеживать новые подходы и в теории судебной экспертизы и знать проблемы в экспертной практике, уделять внимание совершенствованию и разработке методического обеспечения при исследовании объектов, унификации понятийного аппарата в судебной экспертизе, изучать и обобщать экспертную практику, с целью выявления экспертных ошибок и прогнозировать их предотвращение. Несомненно, эти составляющие будут способствовать эффективному развитию судебно-экспертной деятельности.

Наряду с изучением факторов, способствующих эффективному развитию судебно-экспертной деятельности в целом, особое место занимает и непосредственное производство судебных экспертиз. В этом контексте следует отметить и такой не менее важный фактор, как своевременность назначения судебной экспертизы. Многие вещественные доказательства, объекты, изъятые с места происшествия, которые могут подвергаться изменениям вследствие неправильного хранения (окровавленная одежда, продукты питания, на которых имеются следы зубов, губ и др.) утрачивают важные признаки, необходимые для проведения идентификационного исследования. Объект признается непригодным для этих целей, что уменьшает доказательственную базу при расследовании по конкретному уголовному делу. В некоторых случаях, особенно по делам, связанным с компьютерными преступлениями, несвоевременное изъятие важной информации приводит ко многим негативным последствиям (подозреваемый уничтожил ее до прибытия следователя, передал другому лицу и т. п.), что не способствует правильному разрешению по делу. Многие экспертизы требуют их длительного времени проведения в соответствии с методикой производства (например, экономические экспертизы, установление давности при исследовании документов и др.). Несвоевременность назначения таких экспертиз приводит к затягиванию сроков расследования дела в целом.

Несмотря на положительные тенденции в развитии судебной экспертизы на современном уровне, в тоже время необходимо рассмотреть и некоторые не решенные проблемы в этой деятельности.

Важное значение имеют вопросы, связанные со стандартизацией в судебной экспертизе. Хотя этим вопросам и уделяется внимание в специальной литературе, но до настоящего времени ученые и практики не достигли желаемого результата. Это касается использования терминов и в научной и в практической деятельности. Стандартизированные понятия используются как при производстве традиционных экспертиз, так и в других судебных экспертизах, при этом многие из них, закреплены в ГОСТах или в иной нормативно-технической документации [1, с. 176]. Особое место стандартизация занимает при производстве судебных экспертиз, как справедливо отмечала Е. Р. Россинская, когда используются «судебно-экспертные методики, разработанные в разных учреждениях (СЭУ) различных ведомств, часто противоречащие друг другу» [2, с. 203].

Оставляет желать лучшего и правовая составляющая, так как несовершенство правового регулирования в отношении судебной экспертизы не способствует эффективному использованию современных возможностей судебных экспертиз и требует восполнения пробелов в законодательстве.

По-прежнему особую озабоченность вызывают вопросы, касающиеся ситуалогической экспертизы. Ученые в области криминалистических экспертиз и ученые в области судебной медицины, обращали внимание на ее важную роль в раскрытии и расследовании преступлений. Эта экспертиза, несмотря на долгий период развития, не имеет самостоятельного

статуса среди криминалистических экспертиз на ведомственном уровне, и, как правило, проводится в отдельных родах, в частности, в трасологической, баллистической, взрывотехнической и других видах экспертиз.

В этой связи, учитывая значимость ситуалогической экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений, комплексного подхода при исследовании объектов на основе интеграции специальных знаний, необходимо дополнить ч. 2 ст. 201 УПК РФ понятием ситуалогическая экспертиза, изложив ее в следующей редакции: ситуалогическая экспертиза производится комиссией экспертов, имеющих специальные знания из разных областей научных, технических и иных направлений для решения интеграционных задач в целях установления фактических данных (обстоятельств), механизма совершения преступления и реконструкции события происшествия и правильного разрешения конкретного уголовного дела.

Недостаточно совершенны нормы законодательства по получению сравнительных образцов. Анализ процессуального законодательства, специальной литературы, следственной и экспертной практики свидетельствует о необходимости ряда уточнений: и самого названия нормы ст. 202 УПК РФ, и в случаях, например, если отобрание их у живых лиц производится в принудительном порядке. На практике имеют место случаи, когда нарушаются конституционные права и законные интересы таких процессуальных субъектов, как подозреваемый и обвиняемый, что недопустимо для государственного демократического строя.

Не менее важной составляющей является подготовка экспертных кадров. Многими учеными уделялось внимание этому направлению, и оно отличается от преподавания других дисциплин тем, что состоит из методов, специфики организации форм обучения, включает научные основы судебной экспертизы в целом и ее отдельных направлений, особенностей в зависимости от конкретного вида экспертизы, ее объектов и решаемых задач. При этом преподаватель должен обладать достаточной эрудицией о возможностях смежных экспертных специальностей. Особенно это важно в настоящее время, когда судебная экспертиза развивается за счет интеграционного подхода к изучению новых объектов, появлению современных технических средств, методов и методик исследования.

Интеграция знаний в судебную экспертизу из различных наук (математики, физики, химии, биологии, естественных наук, психологии, социологии, медицины и многих других) способствует совершенствованию собственных знаний эксперта при производстве той или иной экспертизы, при разработке новых методов или усовершенствования существующих. Особое место использование интегрированных знаний занимает при производстве комплексной экспертизы, когда в ней принимают участие специалисты из разных областей знаний. Эксперты должны знать возможности каждого вида исследований, особенно при оценке всех полученных результатов. В дидактическом процессе необходимо делать на этом не только особый, но и обязательный акцент.

Кроме того, при обучении судебных экспертов необходимо осуществлять комплексный подход, который состоит и в знаниях криминалистики. Эксперты должны хорошо ориентироваться в вопросах проведения отдельных следственных действий, на что должен обращать внимание следователь или специалист при осмотре места происшествия. Как известно, от того как будут обнаружены, правильно зафиксированы и изъяты все следы и предметы, имеющие отношение к преступному событию, соблюдены правила сохранения объектов, их упаковки и т. д., будет зависеть и качество проведения в последующем той или иной экспертизы. В этой связи, на наш взгляд, при преподавании конкретной экспертной дисциплины, следует в лекционном материале напоминать особенности обнаружения, фиксации и изъятия следов, предметов на месте происшествия, так как эксперт может в качестве специалиста выезжать на осмотр или при проведении экспертизы ему будет необходимо ознакомиться с протоколом осмотра и другими данными, необходимыми для решения поставленных следователем вопросов.

Более того, ранее мы уже обращали внимание на необходимость взаимодействия преподавателей, читающих лекции по криминалистике и судебной экспертизе, на выработку единых методических подходов, использование единой терминологии при описании и измерении следов, их правильной фиксации и соблюдении многих других правил [3, с. 16].

Сложности имеют место при описании новых объектов, например, цифровых следов, их изъятии, фиксации и исследовании и не только в России, но во многих странах ближнего зарубежья, например, в Бе-

лоруссии, в Казахстане. Как, известно, цифровизация в настоящее время занимает доминирующее положение во многих областях, в том числе и в судебной экспертизе. Требуется разработка типовых методик и по изъятию доказательственной информации и по ее исследованию в последующем. В этой связи необходима подготовка соответствующих специалистов. Для экспертов стран ближнего зарубежья возможно создать специальные курсы, осуществлять стажировки, например, по компьютерно-технической экспертизе, по исследованию трасологических объектов, как наиболее часто встречающихся в экспертной практике, на основе инновационных технологий.

В этой связи уместно отметить, что в настоящее время в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя защищены несколько кандидатских диссертаций, в которых предлагаются современные методы исследования различных трасологических объектов на основе инновационных технологий и разработан ряд методических рекомендаций, направленных на совершенствование практики производства трасологических экспертиз. Новые подходы предложены и по судебно-баллистической экспертизе, и по метательному и холодному оружию и многие другие. Полученные результаты носят предметный характер и могут быть применены при производстве конкретных экспертиз. Так же они могут быть использованы и экспертами в других странах. Эти разработки дали положительный результат в России. Такой обмен, несомненно, поможет повысить эффективность судебно-экспертной деятельности в целом при раскрытии и расследовании преступлений.

Поднятые лишь некоторые проблемы по совершенствованию судебно-экспертной деятельности требуют более пристального внимания ученых и практиков с целью восполнения пробелов, имеющих место в теории и практике судебных экспертиз.

Список источников

1. Майлис Н. П. О стандартизации понятий в научной и практической судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 176–179.

2. Россинская Е. Р. Стандартизация судебно-экспертной деятельности сквозь призму использования цифровых технологий // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 202–206.

3. Майлис Н. П. Комплексный подход при изучении следов человека в современных условиях // Теория и практика судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15 (2). С. 15–20.

References

1. Mailis N. P. On standardization of concepts in scientific and practical forensic activity // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 4. P. 176–179.

2. Rossinskaya E. R. Standardization of forensic expert activity through the prism of the use of digital technologies // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 4. P. 202–206.

3. Mailis N. P. An integrated approach to the study of human footprints in modern conditions // Theory and practice of forensic examination // Theory and practice of forensic examination. 2020. Vol. 15 (2). P. 15–20.

Информация об авторе

Н. П. Майлис — профессор кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД РФ имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

N. P. Mailis — Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-155-163
NIION: 2003-0059-3/22-298
MOSURED: 77/27-003-2022-03-497

Противоэпидемиологические административно-правовые меры в дореволюционной России

Елена Владимировна Мельник
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, melnikev@mail.ru

Аннотация. Противоэпидемиологические мероприятия актуальны практически всегда. Исторический опыт может быть весьма полезным.

Ключевые слова: карантин, застава, «моровое поветрие», карантинные и оспенные дома, вариоляция, прививки, инокулирование, медицинская полиция

Для цитирования: Мельник Е. В. Противоэпидемиологические административно-правовые меры в дореволюционной России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 155–163. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-155-163.

Original article

Anti-epidemic administrative and legal measures in pre-revolutionary Russia

Elena V. Melnik
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, melnikev@mail.ru

Abstract. Antiepidemiological measures are almost always relevant. Historical experience can be very useful.

Keywords: quarantine, outpost, «pestilence», quarantine and smallpox houses, variolation, vaccinations, inoculation, medical police

For citation: Melnik E. V. Anti-epidemic administrative and legal measures in pre-revolutionary Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):155–163. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-155-163.

Коронавирусная инфекция не первая и не последняя, с которой сталкивается мировое сообщество. На всем протяжении истории человечества его неизменно сопровождают болезни, последствия которых значительны [1]. Еще в Древнем мире неоднократно свирепствовала чума, унося жизни миллионов людей. Средневековое общество, кроме чумы, познало еще множество болезней. Человеческие потери были колоссальны. Расширение географии общественных контактов способствовало дальнейшему распространению и росту инфекций — различных видов гриппа, тифа, лихорадки, холеры, туберкулеза и проч.

Российское общество не было исключением из общих правил. Оно также было подвержено всем перечисленным заболеваниям. Однако в Древней Руси эпидемий было значительно меньше, чем в Европе. Возможными причинами этого являются и более суровые природно-климатические условия и повсеместное распространение на Руси бань, и, как следствие, формирование у русского населения традиции чистоплотности. В основном проникновение болезней на территорию государства происходило за счет осуществления торговой деятельности и войн. Как правило, очагами заболеваемости становились пограничные города: Псков, Новгород, Смоленск, Киев и другие. Первое известное нам «моровое поветрие» на Руси упомянуто в летописи под XI в. в Полоцке [2]. Последующие века уже изобилуют сообщениями. В 1128 г. был великий «глад и мор» в Новгороде.

© Мельник Е. В., 2022

В 1162, 1187, 1229–1230 гг. болезни снова опустошали Русь. Летописцы впервые указали, что были наняты особые люди для захоронения умерших за пределами города, чтобы не разносить заразу: «И постави архиепископ Спиридон скудельницю … и пристави мужа блага… возити мертвьця на кони, кде обидуце по городу; …и наполни до верха, иже бысть в ней числом 3000 … и поставиша другую скудельницю на поле, конец Чюдиньчеве улици, и быть та полна, в нейже числа несть…» [3].

Сведения о начале чумы, которую называли «черной смертью», относятся в XIV в., и, хотя историки не могут определиться с точной датой ее распространения на Руси, известно, что болезнь пошла из г. Пскова. В Западной Европе в это время чума унесла уже огромное количество человеческих жизней. По данным Ф. Ф. Геккера и Б. В. Урланиса цифра варьируется от 25 до 15 млн человек [4, с. 24].

Новгородская летопись так описывает начало этого «мора» в Пскове: «Того же лета бысть мор зол в граде Пскове и по селам, смерти належащи мнози; мроша бо люди, мужи и жены, старыи и младыи, и дети, и попове, и чернци и черници» [5]. Отсутствие мер по изоляции зараженных привели к быстрому распространению болезни по всей Руси. В Москве в это время «нечаянно» умер московский митрополит Феогност, а в 1353 г. от «моровой язви» умер московский великий князь Симеон Гордый с семерыми детьми и братом Андреем. В 1387 г. был «мор» в Смоленске: «Только выйдоша из города 5 человек, город затвориша...» [5]. В 1388 г. эпидемия распространилась на Псков и Новгород: «А во Пскове бысть мор, на мясной недели, и в великое говение, и через всю весну, и в Петрово говение, а знамение бысть ово железою, ово хракъ кровию» [6, с. 96]. В 1396 г. татары осадили Москву, но через две недели сняли осаду. Причиной этого, вероятно, стала начавшаяся эпидемия: «Тое же осени бывшу царю Темир Аксаку на Ординских местах... прииде на него гнев божий... мор силен на люди и на скоты» [7, с. 162]. Чума свирепствовала до 1417 г. в Пскове, Новгороде, Владимире, Ладоге, Твери, Дмитрове, Торжке [7, с. 232–233].

К XIV в. относится появление первых карантинов. Начало им было положено в Венеции, где в 1348 г. были построены специальные дома, в которых в течение сорока дней выдерживались все приехавшие из пораженных болезнью мест. Отсюда произошло и название карантинов (итальянское quarantena, от quaranta giorni — сорок дней). В качестве профилактической меры власти рекомендовали «очищать» воздух и по возможности уезжать или уходить из зачумленной местности. Для «очищения» жглись костры на площадях, улицах и в жилищах. Известно, что в 1352 г. в Новгороде горожане обратились к владыке с просьбой «костры нарядить в Орехова» [4, с. 35]. Таким образом, и на Руси стали применятся похожие меры.

Однако эпидемии продолжали свое шествие на протяжении последующих столетий, чаще всего начинаясь в Новгороде и Пскове. В русском государстве XVI в. палитра болезней стала существенно шире и разнообразней — распространение получили проказа, сифилис, туберкулез, тиф, который называли «огневой болезнью», оспа, грипп.

Летописи начала XVI столетия сообщают о событиях в Пскове и Москве: «Мряхут бо мужи и жены и старыя и младыя… и князь Михайло Кислица велел улицу Петровскую заперети с обею концов, а сам … побеже на Руху в паствище» [7, с. 294]. В послании старца Филофея из Псковского монастыря к дьяку Мюсерю Мунехину сказано: «Вы ныне пути заграждаете, домы печатлеете, попом запрещаете к болящим приходити, мертых телеса из града далече измещете» [9, с. 20]. Данные сообщения, очевидно, свидетельствуют о введении внутренних карантинов. В русских летописях XVI в. встречаются также упоминания о заставах и сторожах «от мора». Так, новгородская летопись, говоря о событиях 1552 г., отмечает «И бысть застава на Псковской дороги, чтоб гости с товаром не ездили во Псков, ни изо Пскова в Новгород» [4, с. 155]. Об эпидемии 1566 г. написано: «…в Можайску, на Добрейском яму явилось лихое поветрие, умирали люди знамением; великий государь велел и заставу и сторожу кругом того места учинить крепкую… того же лета в тех местах то лихое поветрие утишилось» [8, с. 282]. Беглецов из зараженной местности предписывалось на заставах ловить и жечь: «…А которые люди побегаши из града и тех беглецов имаша и жгаша». Следует обратить внимание, что эпидемии почти не распространялись в глубь страны, а ограничивались в основном теми землями, откуда и начинались, что говорит скорее об эффективности предпринимаемых действий.

Времена Бориса Годунова отмечены распространением «моровой язвы». Сохранились сведения о предпринимаемых в связи с этим мерах: «Царь же Борис повеле мертвых людей погребати в убогих

домах и учреди к тому людей, кому те трупы собирати» [7, с. 308]. Обычно «убогие дома» и «скудельницы» являлись местом, куда отправлялись тела казненных преступников, самоубийц и прочих; закапывались такие братские могилы по мере их наполнения. Однако, в период эпидемии их предписывалось закрывать сразу.

XVII в. изобилует «моровыми поветриями». Все чаще в качестве мер противодействия эпидемиям упоминаются «заставы и засеки». «Всяких чинов людям, поместных и вотчинных сел и деревень крестьянам, с 5 дворов по человеку с рогатины, топоры и заступ … и на заставах, и на засеках, и на сторожах, в день и в ночь огни класть безпрерывно и беречь накрепко, чтобы из Вязьмы ... в Калугу… никто не проехал и не пришел» [10]. С 1654–1657 гг. в России вновь свирепствовала чума. Жившие в Москве иностранцы (Адам Олеарий, Сигизмунд Герберштейн и проч.) отметили, что «московиты» растерялись, так как «не знали моровой язвы издавна» [11, с. 158]. Москва, «прежде битком набитая народом, сделалась безлюдной…». С первых же дней власть озаботилась выставлением застав для нераспространения инфекции. Однако, на первых порах жителям Москвы разрешалось отбывать в подмосковные деревни, что привело к дальнейшему распространению болезни. Вскоре всякое сообщение с Москвой и городами, где появилась болезнь, было прекращено.

С одной стороны, меры, предпринимаемые в XVII столетии по предотвращению распространения инфекций, не содержали в себе новизны («печатание» заразных домов, изоляция больных, сторожа, заставы, захоронения за пределами города и прочее), но в условиях централизации власти эти меры теперь были распространены на всю территорию страны и стали обязанностью должностных лиц. Сверх того, местная власть в лице воевод должна была собирать статистические данные о смертности, заболеваемости и прочих обстоятельствах и «тотчас» без «замотчанья», «наспех» докладывать центральным властям. Воеводам в сборе информации помогали приставы, дьяки, подьячие. Сведения могли быть получены также от проезжих и прохожих людей, путем «обыска» и «розыска». Самим жителям «…было приказано накрепко, где у кого учинится во дворех болезнь с язвами…о том извещать государю» [12, с. 168]. Специальным указом 1680 г. жителям государства было предписано, в случае появления в доме или на дворе больных «…огневою или лихорадкою и оспою или иными какими тяжкими болезнями», сообщать в «Разряд» [13, с. 135]. Путем следствия, т. е. «обыска» и «розыска» опрашивались люди, которых в расспросах приводили к присяге. «Около тех сел и деревень, в которых людское моровое поветрие, в здоровых местах, взяти обыски». Добытые сведения пересылались в виде «сказок» в «Разряд», уезд или Москву. Показания скреплялись подписью воеводы или пристава, иногда священника и дьяка.

Следует отметить, что данные меры положили начало практике сбора сведений о зараженных местностях, заболеваемости и др., но эти данные пока еще носили разрозненный характер и не давали целостной картины. Ни в одном из имеющихся документов нет общих данных по стране.

Власть пыталась прогнозировать ситуацию и для этого следила за эпидемиологической ситуацией в соседних государствах. Сведения поступали в Посольский приказ. При получении известий о появлении морового поветрия за рубежом на границах устраивались заставы. Первые упоминания о таких заставах «от Смоленска по всему рубежу» относятся к 1602 г. А в 1665 г. была полностью прекращена торговля с Англией ввиду распространения там лондонской чумы. Также, боясь заноса чумы из Швеции, было предписано тщательно досматривать, подвергать карантину всех приезжающих в Псков и Новгород со шведской границы [14, с. 71–74].

Петровские реформы серьезно ухудшили экологическую ситуацию в стране и расширили контакты с Западом, а вместе с этим увеличили количество инфекционных заболеваний. Первая и единственная на тот момент русская газета «Ведомости» начала информировать население о «моровых поветриях» в соседних с Россией странах, упоминая о ситуации и внутри государства [15, с. 34].

Оценивая сложившуюся ситуацию как неблагоприятную, власть предпринимала меры для ее улучшения.

Так, для наблюдения за чистотой в Москве в 1712 г. от каждых десяти дворов назначался десятский. Эта же обязанность в Санкт-Петербурге была возложена на учрежденную в 1718 г. полицию: «…в надсмотрении иметь чистоту улиц и переулков, рынков, рядов и мостов». Регламент или Устав главного магистрата 1721 г. в гл. X устанавливал, что полиция «…предостерегает все приключившияся болезни, производит чистоту по улицам и в домах…» [16, с. 297].

В инструкции Московской полицмейстерской канцелярии 1722 г. также говорилось: «Понеже многой помет и мертвичина валяется по улицам, того ради каждому жителю против своего двора … иметь чистоту, и сор чистить, и возить за город и за слободы … и ежели кто чистоты иметь не будет … за то чинить наказание» [17, с. 726–736]. В 1721 г. Петровским указом была учреждена Медицинская канцелярия, ведавшая медицинским делом, в том числе и противоэпидемиологическими мероприятиями. О том, что эпидемии относились к числу важнейших событий и были предметом внимания высших органов государственной власти свидетельствует тот факт, что военным и гражданским должностным лицам строго предписывалось о «моровых поветриях» сообщать Верховному Тайному Совету [18, с. 794]. В 1754 г. последовал императорский указ о строжайшем соблюдении мер безопасности «ежели … кто занеможет оспою или корью и лопухою, или подобною тем какою сыпью, тем четыре недели … ко двору ея императорскаго величества … не ходить; … во время той болезни никакого сообщения не иметь, …а у кого ж те болезни в домах случатся, …то и тем в присутственныя свои места … отнюдь не ездить и не ходить, и никакого с ними сообщения не иметь под неупустительным штрафом; и о том в Главную и Санктпетербургскую полицеймейстерския и в Медицинскую канцелярии, …и кому надлежит, для ж объявления о том, послать указы» [19, с. 248–249].

Неким обобщением всей предыдущей практики борьбы с эпидемиями стал «Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать» [20, с. 107–109], изданный в 1728 г. от имени Петра II и подготовленный, по всей вероятности, главой Медицинской канцелярии Иоганом Блюменпростом. Этот наказ стал основой всех распоряжений XVIII столетия, дававшихся по поводу эпидемий.

Согласно п. 38 наказа, местные должностные лица при появлении признаков эпидемии должны были незамедлительно сообщать об этом в Сенат или Сенатскую контору. Данное сообщение должно было подкрепляться «освидетельствованием доктором, а где докторов нет — лекарями или подлинными свидетельствы». В случае подтверждения этой информации, местным властям предписывалось «немедленно по всем дорогам и по малым стежкам поставить крепкие заставы, дабы отнюдь никакого проезда и прохода через те места и из них, и близ оных не было и иметь при всех таких караулах огни. А в которых домах та язва явится из тех домов людей вывести в особые пустые места далее от жилья и около их завалить и зарубить лесом, дабы оные никуда не расходились, а пищу и питье приносить им и класть в виду от них и, не дожидаясь их, тем здоровым людям отходить прочь немедленно, и никакого сообщения с ними не иметь» [20, с. 107–109]. Зараженные дома требовалось сжигать. Местные должностные лица обязывались наблюдать ситуацию в соседних губерниях и предпринимать соответствующие меры для профилактики.

По итогам борьбы с эпидемиями первой половины XVIII в. были приняты меры по организации и совершенствованию пограничных карантинов в России. Кроме пограничных, внешних карантинов, были усовершенствованы карантины «внутренние» — по границам губерний. Устроены «карантинные дома», где лечение осуществлялось лекарями. Все карантинные дома сдавались на откуп. Пребывание в таком доме было платным — по копейке в сутки с человека и по 1 деньге — с лошади или вола. Общество негативно относилось к данным заведениям, отчасти по причине их недоступности из-за платы.

Екатерина II указом 1763 г. вместо Медицинской канцелярии учредила Медицинскую коллегию, располагавшуюся в Санкт-Петербурге и имевшую контору в Москве. Кроме прочего, коллегия участвовала в разработке карантинных уставов, организации оспенных домов и т. д. Задумывая реформы государственного управления и разработку Уложения, свои основные идеи императрица изложила в «Наказе» для кодификационной комиссии. В дополнении к «Наказу» в 1768 г. п. 554 обращено внимание на то, что «3) Здоровье — третий предмет полиции и обязует распространить свое тщание на безвредность воздуха, на чистоту улиц, рек, колодезей и других водных источников, на качество съестных и питейных припасов, наконец, на болезни как в народе размножающияся, так и на прилипчивыя» [21, с. 473–478].

В 1774 г. принимается «Инструкция, данная сотскому с товарищи» [22, с. 1067–1081]. Среди множества обязанностей сотского упоминается об обязанности рапортовать «не мешкав нималейшего времени» властям, если «приключится… какая незапная и тяжкая болезнь», «а до получения из канцелярии наставления… больных от здоровых отделить… иметь крепкие караулы, при коих раскласть огни с

куревом, а прочим жителям… иметь чистоту и окуриваться, …и в котором доме скоропостижно …помрут, оных тотчас…класть крючьями ... и зарывать в глубокие ямы и сверху тех ям высоко песком накидать…» [22, с. 1067–1081].

Эпидемия чумы (1770–1772) и восстание Емельяна Пугачева (1773–1775) привели власть к необходимости проведения реформ и выработке эффективных противоэпидемиологических мер.

Русская беспечность не позволила своевременно предпринять меры по предотвращению эпидемии чумы и вопрос решался уже в условиях масштабного распространения болезни. Для выработки мер противодействия дальнейшему распространению болезни в 1770 г. был учрежден совет докторов, сменившийся в 1771 г. Комиссией для предохранения и врачевания от моровой заразительной болезни. Разногласия среди врачей затянули время и усугубили ситуацию.

Тем не менее, власть приняла решение о разделении Москвы на 14 частей (затем 20, позже 27), во главе с частным смотрителем, при которых состояли врачи. В круг обязанностей смотрителей, помимо противоэпидемиологических карантинных действий, входила ежедневная подача сведений о количестве заболевших и умерших, причем получать эти данные частные смотрители должны были от полицейских чинов. Это было серьезным новшеством, которое позволило правильно оценить сложившуюся ситуацию. Временное улучшение ситуации и поспешность снятия ограничительных мер привели к новому осложнению ситуации и дальнейшему распространению болезни.

Сформированная в 1771 г. Комиссия заседала ежедневно, имела в подчинении врачей, медицинских чинов, больницы, госпитали, карантинные дома, аптеки. Полиция по участкам была подчинена частным смотрителям, последние подчинялись комиссии. Итогом этой слаженной работы стало: санитарное просвещение населения, организация больниц и карантинов, учет больных и умерших, увеличение жалования врачам, оказание материальной поддержки излечившимся — женатым по 10, холостым по 5 руб., а также новая одежда. Это привело к положительным результатам.

В Учреждении для управления губерний 1775 г. говорится о формировании органов местной (городской и сельской) полиции, которым также предписывались действия по проведению противоэпидемиологических мероприятий. «Буде …окажутся на людях прилипчивыя болезни ... то земскому исправнику освидетельствовать немедленно самому на месте с находящимися в уезде доктором или лекарем …отлучить …здоровых от больных… о болезни уведомляет, не мешкав губернии наместническое правление …с ясным докторским или лекарским описанием, как болезни, так и где, кому и от чего она приключилась» [23, с. 229–304]. Аналогичные меры должны были принимать и в городах. Если же выяснится, что в уезде «язва», то земскому исправнику следовало руководствоваться предписанием 1771 г., по которому необходимо выставлять караулы, ограничивать проезд по зараженной местности, использовать огонь для дезинфекции, предпринимать все возможные меры для предотвращения распространения болезни [23, с. 229–304]. Таким образом, мы видим постоянную заботу власти о предотвращении распространения инфекционных заболеваний. Данные меры стали очередной вехой в развитии процесса сбора сведений о заболеваемости населения.

Окончательное оформление осуществления полицейского надзора за санитарным состоянием городов России произошло в «Уставе благочиния» 1782 г. [24, с. 461–488]. Все российские города по Уставу делились на части и кварталы. В часть направлялся частный пристав, в квартал–квартальный надзиратель, помощником которого являлся квартальный поручик. Все перечисленные должностные лица обязывались заботиться о санитарном состоянии частей города, а также надзирать за рынками и местами торговли съестными припасами.

Основной тенденцией в XVIII в. становится унификация и масштабность действий русских властей. В случае начала «морового поветрия» целые населенные пункты окружались заставами и кордонами, устанавливался многодневный карантин. Власть, под воздействием эпидемий, разражается целым пакетом указов, инструкций и наставлений о мерах борьбы с «моровой язвой». Идет четкая регламентация действий в условиях карантинов, производится их дифференциация. На границах государства, вместо прежних застав, создаются постоянные пограничные карантины. «Устав пограничных и портовых карантинов» от 1800 г. закрепил организацию постоянных карантинов и регламентировал их деятельность.

Началось также активное внедрение специальных средств борьбы с отдельными эпидемиче-

скими заболеваниями. Поскольку известные меры по введению карантинов и изоляции больных относительно натуральной оспы оказались безуспешными, то «не видя пользы от стремления избежать заразы, человечество перешло к противоположной крайности — и стало искать ее» [25, с. 21]. Было положено начало вариоляции и вакцинации. В 1755 г. в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» была опубликована анонимная статья о прививании оспы [26, с. 37]. Первые опыты оспопрививания в России были проведены в середине 50-х гг. [26, с. 30–34]. В 1768 г. Екатерине II и ее сыну Павлу, решившим подать подданным пример, была сделана вариоляция. Сам факт привития оспы императрице дал толчок к началу инокуляции среди населения. Известно. Что с 1756 по 1780 г. было инокулировано 20 900 человек [27, с. 174] и эта цифра неполная. В ряде городов были открыты «оспенные дома», под которыми понимались, прежде всего, инфекционные больницы. Учреждались и оспопрививательные учреждения. В 1770–1980-е гг. по числу инокулированных Россия не только сравнялась с европейскими странами, но и опередила их. Вариоляцию впоследствии сменила прививка. Процесс оспопрививания тормозился существовавшими в обществе предрассудками. С целью их преодоления медицинским персоналом велась серьезная просветительская работа. Впоследствии разъяснительная работа по оспопрививанию станет обязанностью полицейских.

Несмотря на предпринимаемые меры, «заразительные болезни» не только не уменьшались, их становилось все больше и смертность от них выше. Известно, что в начале XIX в. детская смертность была огромной. Из 100 новорожденных только около 55 доживало до шести лет [28, с. 59]. Одной из причин высокой смертности населения Российской империи, по-прежнему, было широкое распространение заразных болезней. Наиболее распространенными в XIX — начале XX столетий были эпидемии холеры, сыпного и брюшного тифов, дизентерии, оспы, малярии, гриппа, детских инфекций. Точной регистрации заболеваемости инфекционных больных в стране не было, хотя созданное в 1802 г. Министерство внутренних дел стало не только собирать, но и начало публиковать имеющиеся сведения. В ведение МВД вошла Медицинская коллегия [29, с. 243–248], преобразованная впоследствии в Медицинский департамент. К направлениям деятельности последнего относились: руководство губернскими врачебными управами, созданными в 1797 г.; противоэпидемиологические мероприятия; подготовка медицинских кадров; кадровое и лекарственное обеспечение учреждений здравоохранения; судебно-медицинская экспертиза; популяризация медицинских знаний; разработка законодательных актов; развитие аптечного дела. С 1836 г. возглавлять Медицинский департамент стали врачи-профессионалы, сменившие на посту чиновников.

В последующие реформы 1836 и 1842 гг. Медицинский департамент сосредоточил в своих руках центральное управление гражданской медицинской частью и судебной медициной. Основной его функцией стало принятие общих административных мер по противодействию эпидемиям. Полиция для осуществления данной функции была необходима, так как была наделена государственно-властными полномочиями.

На протяжении XIX в. был принят целый комплекс нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность полиции по поддержанию населенных пунктов в надлежащем санитарном состоянии и предотвращению эпидемий: «Общие правила об устройстве городов» 1816 г., «Инструкция околоточным надзирателям г. Санкт-Петербурга» 1867 г., «Инструкция полицейским урядникам» 1878 г. [30, с. 170–183], «Инструкция городовым московской полиции» 1883 г. [31, с. 5–55].

В 1815 г. было принято решение об обязательной вакцинации младенцев против оспы. Контролировало это мероприятие Министерство полиции. В высочайше утвержденном Положении о земской полиции от 1837 г. в п. 13 говорится о том, что полиция принимает «первоначальные меры предосторожности при появлении заразительных и других повальных болезней и наблюдение за точным исполнением дальнейших по сему предмету предписаний высшаго начальства» [32, с. 463–484]. В Наказе земской полиции п. 19 также упоминается о том, что «все чины и служители земской полиции обязаны иметь особенное попечение о сохранении народного здравия» [33, с. 484–521]. В конце Наказа дается перечень утвержденных правил для земской полиции на случай появления повальных и заразительных болезней между людьми. Среди уже известных нам действий полиции, можно отметить новое требование к

полиции — ведение разъяснительной работы с населением — «внушение обывателям, что принимаемые меры служат к их общему благу».

В высочайше утвержденном Сельском полицейском уставе для государственных крестьян от 1839 г. в п. 86 содержится требование «всех без изъятия государственных крестьян прививать детям предохранительную оспу чрез лиц, имеющих на сие право» [34, с. 279–289]. Кодификация российского права, проводимая в 30 гг. XIX в. не обошла вниманием и этот вопрос. В 1842 г. был принят «Устав медицинской полиции», вошедший в состав «Свода законов российской империи». «Устав» состоял из пяти разделов: общие меры к охранению народного здравия; особенные меры против повальных болезней; Устав карантинный; Положения о карантинной страже; погребение мертвых тел по правилам, для сего установленным» [35]. Надзор за выполнением предписываемых законом требований возлагался на городскую и сельскую полиции.

К Особенным мерам Устав медицинской полиции относил: предостерегательные меры против развития повальных и прилипчивых болезней, которые предусматривали определенные действия обывателей, врачей, содержателей гостиниц, трактиров, постоялых дворов. Так, например, предусматривалась обязанность хозяина дома, гостиницы, постоялого двора сообщать о появившейся в заведении болезни местному полицейскому начальству. В случае высокой смертности от заболевания губернаторы доносили о возникшей эпидемии Императорскому величеству через Министерство внутренних дел [36].

В 1852 г. во всех губерниях и уездах для «охранения народного здравия» были созданы Комитеты общественного здравия [37, с. 33]. В них входили представители высшей губернской и уездной администрации, дворянства и духовенства. Уездные комитеты подчинялись губернскому, губернский — министру внутренних дел. Однако практика показала, что отсутствие средств у комитета не позволило им принести ощутимой для общества пользы. Остро ощущалась нехватка медицинского персонала и больниц.

Вторая половина столетия связана с главным событием того времени — отменой крепостного права и последовавшей за этим событием серией реформ. Создание всесословных местных органов самоуправления — земств, повлекло за собой появление оригинальной, не имевшей аналогов в мире формы медицинской помощи населению — земской медицины. Просуществовала она до 1917 г. К сфере деятельности земской медицины относились: противоэпидемиологические мероприятия, оказание медицинской помощи сельскому населению, санитарный надзор и санитарные мероприятия, популяризация медицинских знаний и проч. На местном уровне создавались должности санитарных врачей, санитарные бюро, комиссии, лаборатории и институты. Основными чертами санитарной деятельности этого времени являлись общественный характер, профилактическая направленность, бесплатность, рациональность и доступность медицинской помощи населению.

Важнейшей особенностью противоэпидемической работы XIX — начала XX вв. стало постепенное ограничение использования карантинных мер, вступавших в прямое противоречие с интересами торгово-промышленного капитала. В этот период карантины устанавливались лишь в исключительных случаях, уступив место практике раннего выявления эпидемических заболеваний, изоляции больных и дезинфекции. Для предупреждения распространения венерических заболеваний стали активно применяться такие медико-полицейские меры, как регистрация проституток, учреждение домов терпимости и постоянный врачебно-санитарный контроль за состоянием их здоровья.

В обществе этого времени росло понимание, что справиться с эпидемиями только медико-полицейскими мерами невозможно. Главное, на что следовало обратить внимание, это благоустройство населенных территорий. Ставшие правилом международные санитарные конференции и съезды общества русских врачей (Пироговские съезды) ставили задачу разработки государственных мер по улучшению жизни населения. В отчете Министерства внутренних дел 1904 г. говорилось: «…помимо санитарной охраны границ от заноса заразы, надо … доставлять населению доброкачественную питьевую воду, устранять источники загрязнения почвы, улучшать жилища для рабочих и т. д.» [4, с. 224].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что «охрана народного здоровья» являлась одним из важнейших направлений деятельности полиции Российской империи. На различных исторических этапах менялась ее роль, формы и степень участия в разрешении этих вопросов. Исторические факты показы-

вают нам чередование методов административно-запретительных и регулирующего воздействия на эпидемиологическую обстановку в стране.

Список источников

1. Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М., 2010.

2. Полное собрание русских повестей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Ленинград, 1926.

3. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Новгородская II летопись. М., 1965.

4. Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России». М., 1960.

5. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Пг., 1915–1929.

6. Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1–8. СПб., 1767–1792.

7. Полное собрание русской летописи. Т. 5. Псковские летописи. М., 2003.

8. Дополнения к актам историческим. Т. 1. СПб, 1846. № 23.

9. Русская историческая библиотека. Т. III. 1876.

10. Цит. по Новомбергскому. Архив Министерства юстиции, Белгородский стол, столбец № 130.

11. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно (1647–1671 гг.). СПб., 1906.

12. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. I. СПб., 1830. № 168.

13. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. II. СПб., 1830. № 826.

14. Рихтер В. История медицины в России. Ч. Н. М., 1820, прибавление.

15. Погорелов В. Материалы и оригиналы Ведомостей 1702–1727 гг. М., 1903.

16. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3708.

17. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 4047.

18. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. № 5078.

19. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XIV. СПб., 1830. № 10317.

20. ПСЗ РИ. Собр.1. Т. VII. СПб., 1828. № 5333.

21.ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVIII. СПб., 1830. № 13075.

22. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XIX. СПб., 1830. № 14231.

23. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XX. СПб., 1830. № 14392.

24. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXI. СПб., 1830. № 15379.

25. Гамалея Н. Ф. История оспы и значения оспопрививания. СПб., 1913.

26. О воспе и прививании оной. Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755.

27. Хныков Я. В. Журнал Министерства внутренних дел. 1851.

28. Герман Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819.

29. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVII. СПб., 1830. № 20406.

30. Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 г. / сост. Д. Чудовский. СПб., 1880. № 148.

31. Инструкция городовым московской полиции. М., 1883.

32. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XII. Ч. 1. СПб., 1838. № 10305.

33. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XII. Ч. 1. СПб., 1838. № 10306.

34. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIV. Ч. 1. СПб., 1840. № 12165.

35. СЗ РИ. Т. XIII. Ч. 3. СПб., 1832.

36. СЗ РИ. Т. XIII. Ч. 3. СПб., 1857.

37. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXVII. Отд. II. СПб., 1852. № 25930-а.

References

1. Diamond D. Guns, germs and steel: the History of human communities. M., 2010.

2. The Complete Collection of Russian stories. Vol. 1. The Laurentian Chronicle. 2nd ed. Leningrad, 1926.

3. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. Novgorod II Chronicle. M., 1965.

4. Vasiliev K. G., Segal A. E. History of epidemics in Russia. M., 1960.

5. Novgorod Fourth Chronicle // PSRL. Russian Russian Chronicle, 1915–1929.

6. The Russian Chronicle according to the Nikon list. Ch. 1–8. SPb., 1767–1792.

7. The complete Collection of the Russian Chronicle. Vol. 5. Pskov Chronicles. M., 2003.

8. Additions to historical acts. Vol. 1. SPb., 1846. No. 23.

9. Russian Historical Library. Vol. III. 1876.

10. Cit. on Novombergsky. Archive of the Ministry of Justice, Belgorod table, column No. 130.

11. Olearius A. Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back (1647–1671). SPb., 1906.

12. PSZ RI. Sobr. 1. T. I. SPb., 1830. No. 168.

13. PSZ RI. 1. Vol. II. SPb., 1830. No. 826.

14. Richter V. History of medicine in Russia. Ch. N. M., 1820, supplement.

15. Pogorelov V. Materials and originals of the Statements of 1702–1727, M., 1903.

16. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. VI. SPb., 1830. No. 3708.
17. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. VI. SPb., 1830. No. 4047.
18. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. VII. SPb., 1830. No. 5078.
19. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XIV. SPb., 1830. No. 10317.
20. PSZ RI. Sobr.1. Vol. VII. SPb., 1828. No. 5333.
21. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XVIII. SPb., 1830. No. 13075.
22. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XIX. SPb., 1830. No. 14231.
23. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XX. SPb., 1830. No. 14392.
24. PSZ RI. 1. Vol. XXI. SPb., 1830. No. 15379.
25. Gamaleya N. F. The history of smallpox and the significance of smallpox vaccination. SPb., 1913.
26. About smallpox and inoculation thereof. Monthly essays for the benefit and entertainment of employees. SPb., 1755.
27. Khnykov Ya. V. Journal of the Ministry of Internal Affairs. 1851.
28. German F. Statistical research on the Russian Empire. SPb., 1819.
29. PSZ RI. Sobr. 1. T. XXVII. SPb., 1830. No. 20406.
30. Collection of circulars and instructions of the Ministry of Internal Affairs for 1878 / comp. D. Chudovsky. SPb., 1880. No. 148.
31. Instructions to the policemen of the Moscow police. M., 1883.
32. PSZ RI. Sobr. 2. Vol. XII. Ch. 1. SPb., 1838. No. 10305.
33. PSZ RI. Sobr. 2. Vol. XII. Ch. 1. SPb., 1838. No. 10306.
34. PSZ RI. Sobr. 2. Vol. XIV. Part 1. SPb., 1840. No. 12165.
35. SZ RI. Vol. XIII. Part 3. SPb., 1832.
36. SZ RI. Vol. XIII. Ch. 3. SPb., 1857.
37. PSZ RI. Sobr. 2. Vol. XXVII. Department II. SPb., 1852. No. 25930-a.

Информация об авторе

Е. В. Мельник — доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Melnik — Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

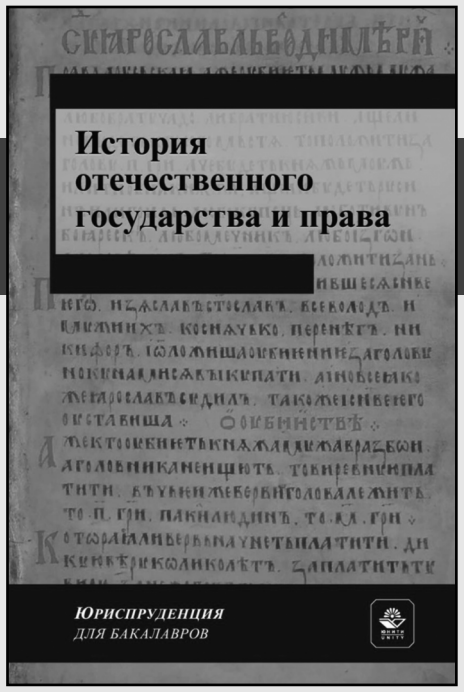
The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учебное пособие
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. Н. В. Михайловой

Рассмотрены становление и развитие отечественного государства и права в русле исторического процесса. Периодизация курса дана в соответствии с основными этапами развития государства и права. Проанализирована специфика российской государственности и правовой системы. Учебное пособие ориентирует читателя на отход от традиционных, принятых в советское время оценок правовых явлений в стране, обусловленных идеологизацией и политизацией юридических знаний.

Для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению «Юриспруденция».



Научная статья
УДК 343.92+34.01
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-164-168
NIION: 2003-0059-3/22-299
MOSURED: 77/27-003-2022-03-498

О некоторых вопросах защиты прав и свобод лиц с ограниченными возможностями от противоправных посягательств в деятельности органов внутренних дел

Наталья Васильевна Михайленко[1], Александр Александрович Вихляев[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] natamvz@gmail.com
[2] vih.alexander2011@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные аспекты защиты прав и свобод лиц с ограниченными возможностями в деятельности органов внутренних дел, а также профилактика и предупреждение противоправных действий, совершаемых в отношении лиц с нарушениями ментального и физиологического здоровья.

Ключевые слова: социальная инженерия, инвалидность, форма профилактического воздействия, социальная интеграция, социальные коммуникации

Для цитирования: Михайленко Н. В., Вихляев А. А. О некоторых вопросах защиты прав и свобод лиц с ограниченными возможностями от противоправных посягательств в деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 164–168. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-164-168.

Original article

On some issues of protecting the rights and freedoms of persons with disabilities from unlawful encroachments in the activities of internal affairs bodies

Natalia V. Mikhaylenko[1], Alexander A. Vikhlyaev[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Moscow, Russia
[1] natamvz@gmail.com
[2] vih.alexander2011@mail.ru

Abstract. The current aspects of the protection of the rights and freedoms of persons with disabilities in the activities of internal affairs bodies, as well as prevention and prevention of illegal actions committed against persons with mental and physiological health disorders are considered.

Keywords: social engineering, disability, form of preventive impact, social integration, social communications

For citation: Mikhailenko N. V., Vikhlyaev A. A. On some issues of protecting the rights and freedoms of persons with disabilities from unlawful encroachments in the activities of internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):164–168. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-164-168.

В соответствии с Конституцией РФ [1, ч. 2 ст. 17] права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому гражданину от рождения. При этом, достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления.

В соответствии с Конвенцией о правах инвалидов [2] дискриминация в отношении любого лица по признаку инвалидности представляет собой ущемление достоинства и ценности, присущих человеческой личности.

© Михайленко Н. В., Вихляев А. А., 2022

Статья 21 Конституции РФ гарантирует, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Данные позиции неопровержимы и в соответствии с заложенными в них положениями определяют необходимые аспекты деятельности федеральных органов исполнительной власти не только с лицами, не испытывающими проблем со здоровьем, но и с лицами, нуждающимися в дополнительном внимании со стороны общества и государства.

Делая акцент на взаимодействии с людьми, имеющими определенные аномалии в физическом или психическом (также ментальном) здоровье, было бы верным рассмотреть вопросы, связанные с разграничением понятий «ограниченные возможности» и «инвалидность».

Понятие ограниченные возможности и инвалидность не являются смежными, и не взаимозаменяют друг друга.

Безусловно, понятие ограниченных возможностей гораздо шире понятия инвалидности.

В соответствии с определениями, представленными Организацией Объединенных Наций, под инвалидностью понимается состояние, при котором человек вследствие своего физического или психического состояния утрачивает способность выполнять обычные функции.

С определением ограниченных возможностей немного сложнее.

В 1980 г. Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) приняла британский вариант трехзвенной шкалы ограниченных возможностей:

Первая — носит название «недуг». Речь идет о любой утрате или аномалии (психологической/физиологической, анатомической структуры или функции).

Вторая ступень подразумевает пациентов с дефектами и потерей способности исполнять такую деятельность, которая считается нормальной для остальных людей.

Третья ступень — недееспособность (инвалидность).

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в мире насчитывается более 750 млн инвалидов. Каждый десятый ребенок в мире живет с инвалидностью.

Конвенция о правах инвалидов определяет инвалидность как эволюционирующее понятие. Инвалидность является результатом взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими.

При этом следует отметить, что само восприятие инвалидности обществом не является однобоким и не трактуется исключительно с позиции наличия проблем в здоровье человека. Так, Организация Объединенных Наций предлагает не рассматривать в качестве инвалидов лиц, имеющих проблемы со слухом или словесной коммуникацией, которые свободно социализированы в обществе и могут изъясняться с окружающими их лицами, так и лицам, имеющим ментальные расстройства психики, реализовывать свой потенциал в обществе, выполняя доступную им работу или реализуя доступные системы коммуникаций.

С одной стороны, подобная позиция позволяет лицам, имеющим проблемы физиологического или ментального характера проявлять себя в обществе и достигать новых уровней коммуникации, с другой, — не умаляет возможных проблем, с которыми они могут столкнуться в процессе этих коммуникаций, и, прежде всего, стать жертвами противоправных действий.

Таким образом, мы можем прийти к выводу: понятие «ограниченные возможности» гораздо шире, чем «инвалидность», в связи с чем полагаем в настоящем исследовании рассмотреть вопросы защиты прав и свобод именно граждан с ограниченными возможностями, подразумевая под этим понятием как лиц с инвалидностью, так и лиц, имеющих проблемы с социализацией и иными проблемами ментального и физиологического характера.

Под ментальным нарушением (или ментальным расстройством) понимается психическое заболевание или нарушение психического (интеллектуального) развития, которое ограничивает способность человека работать или обслуживать себя, а также осложняет процесс интеграции в общество.

В отличие от проблем психического характера, ментальные расстройства выступают более стабильными состояниями и остаются сравнительно неизменными на всех этапах жизни человека (например, низкий уровень социализации в связи с тяжелой формой аутизма), а также независимо от оказываемого медикаментозного лечения.

По аналогии с инвалидностью выделяются три степени нарушения интеллектуального развития — легкую, среднюю или тяжелую степень отставания в интеллектуальном развитии.

Реализуя интеракции с лицами, имеющими ограниченные возможности, сотрудники органов внутренних дел должны руководствоваться положениями Конституции Российской Федерации и требованиями норм международного права, основывая свое общение на следующих незыблемых правилах:

1) они осознают, что все лица равны перед законом и по нему и имеют право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации;

2) не допускается никакая дискриминация по признаку инвалидности или ограничений в социальной интеграции;

3) лицам с ограниченными возможностями гарантируется равная и эффективная правовая защита от дискриминации на любой почве;

4) должны реализовываться все возможности для организации приспособления лиц с ограниченными возможностями и правильного восприятия последними решений и мер, принимаемых федеральными органами исполнительной власти для защиты их прав и свобод;

5) конкретные меры, необходимые для ускорения или достижения фактического равенства лиц с ограниченными возможностями и защиты их прав и основных свобод, не считаются дискриминацией по своей сути.

Отдельно следует отметить взаимодействие с детьми, имеющими ограниченные возможности.

При осуществлении защиты прав и свобод детей, имеющих нарушения физиологического и ментального здоровья, следует первоочередное внимание уделять высшим интересам ребенка, независимо от фактического восприятия им объективной действительности.

Так, в случае ненадлежащего исполнения родителями возложенных на них родительских обязанностей, формально содержащего признаки уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного ст. 156 УК РФ, независимо от принятого процессуального решения, и понимания самим ребенком противоправного характера оказываемых на него действий (в силу физиологических недостатков — например, не видел действий лица из-за слепоты; ментальных расстройств — например, ребенок страдает аутизмом и воспринимает унижения в свой адрес как ежедневный процесс), следует исходить из позиций не только действующего законодательства, предусматривающего юридическую ответственность нерадивого родителя за совершенные им противоправные действия, но и принять все усилия к оказанию помощи ребенку в его социализации, передаче ребенка специалистам, способным оказать ему квалифицированную медицинскую и иную помощь, социализироваться и нивелировать последствия совершенных противоправных действий.

Так, ст. 7 Конвенции о правах инвалидов предусматривается, что дети-инвалиды имеют право свободно выражать по всем затрагивающим их вопросам свои взгляды, которые имеют должную весомость, соответствующую их возрасту и зрелости, наравне с другими детьми и получать помощь, соответствующую инвалидности и возрасту, в реализации этого права.

Не менее важным аспектом в работе правоохранительных органов должен выступать и доступ лиц с ограниченными возможностями к материалам и процессуальным действиями, связанным с защитой их прав и свобод в органах внутренних дел и суде, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы, облегчающие выполнение теми своей эффективной роли прямых и косвенных участников, в том числе свидетелей, во всех стадиях юридического процесса, включая стадию расследования и другие стадии предварительного производства по делу.

В данном случае немаловажное внимание следует уделять правовому информированию указанных лиц, направленному на устранение проблем, связанных с их адаптацией к процессуальным аспектам деятельности правоохранительных органов.

Например, разъяснять права и обязанности участника процесса; возможности получения необходимой информации как лично, так и с использованием специальных социальных служб и информационных ресурсов (например, обучение лиц с проблемами в социальной адаптации возможностям работы с интернет-приемной Министра внутренних дел).

Вся эта деятельность носит не только просветительский и образовательный характер, но и, по сути, является превентивной мерой, снижающей возможности совершения в отношении указанных лиц каких-либо противоправных действий, в том числе и эксплуатирующих их недуг (совершение тайного хищения личного имущества у лица, страдающего расстройствами зрения; совершение мошеннических

действий в отношении лица, испытывающего проблемы ментального характера — например, хищение денежных средств за мнимые лекарства у лица, страдающего психопатией, связанной с боязнью за свое здоровье, или излишней мнительностью и пр.).

В настоящее время МВД России принимаются оптимальные меры, направленные на обеспечение надлежащей защиты прав и свобод граждан с ограниченными возможностями, профилактики и превенции совершения в отношении указанных категорий граждан преступлений и административных правонарушений.

В частности, в деятельности подразделений, обеспечивающих охрану общественного порядка и соблюдение общественной безопасности, внедряются новые методики общения с гражданами с ограниченными возможностями, доведения до них необходимой информации и осуществление непосредственной превенции совершения в отношении них правонарушений.

Нельзя не отметить практику ГУ МВД России по г. Москве по проведению комплексных оперативно-профилактических операций по недопущению совершения преступлений с использованием методик социальной инженерии в отношении указанных категорий граждан. Так, регулярно, в рамках комплексных операций категории граждан, наиболее подверженные противоправным действиям, в том числе и путем социальной инженерии, проверяются подразделениями и службами органов внутренних дел, с последними сотрудниками полиции проводятся специальные профилактические беседы, осуществляется правовое информирование указанных лиц.

Действующими приказами МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 и от 28 июня 2021 г. № 495 существенно расширены полномочия участковых уполномоченных полиции и сотрудников патрульно-постовой службы по непосредственной профилактике правонарушений, совершаемых в отношении граждан с ограниченными возможностями.

В целях решения поставленных задач существенно расширены полномочия сотрудников полиции по применению форм профилактического воздействия, предусмотренных Федеральным законом 23 июня 2016 г. № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Так, в рамках профилактического обхода административного участка участковыми уполномоченными полиции уделяется особое внимание лицам с ограниченными возможностями (в том числе лицам с нарушением ментального здоровья), которые могут стать жертвами противоправных действий.

Как было отмечено ранее, одной из наиболее действенных форм профилактического воздействия продолжает оставаться правовое информирование, правом на применение которого наделены все сотрудники органов внутренних дел.

Применение указанной формы проводится как напрямую, так и опосредованно (посредством применения современных информационных технологий, СМИ, мессенджеров и пр.), что, в целом, позволяет наладить оптимальные коммуникации между сотрудниками органов внутренних дел и гражданами, лишенными возможности обратиться в полицию напрямую. Активно внедряются в деятельность органов внутренних дел интернет-приемные, порталы, используются аккаунты в социальных сетях, создаются контекстные группы в мессенджерах и телеграм-каналах.

Таким образом, развитие института профилактики правонарушений, совершаемых в отношении лиц с ограниченными возможностями, является одним из наиболее важных направлений развития деятельности органов внутренних дел в ближайшей перспективе. Применение современных методик и форм профилактики правонарушений сотрудниками органов внутренних дел в сочетании с информационно-технологическими решениями, позволит нивелировать негативные последствия и надлежащим образом обеспечить защиту прав и свобод лиц с ограниченными возможностями от противоправных посягательств.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

2. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020.

2. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by General Assembly resolution 61/106 of December 13, 2006.

Библиографический список

1. Вихляев А. А., Лукинский И. С., Мысов А. Ю. К вопросу об использовании современных технологических решений при реализации института обращений граждан в условиях цифровизации // Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции на современном этапе: сб. науч. трудов межведом. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 98–102.

2. Михайленко Н. В., Бондарь Е. О. Архитектура компетенций и навыков сотрудников органов внутренних дел в современных условиях // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 2. С. 114–116.

3. Михайленко Н. В., Мецгер А. А. Некоторые вопросы системного подхода конституционных гарантий реализации прав и свобод человека // Актуальные вопросы административной деятельности полиции: сб. науч. трудов. М., 2020. С. 106–108.

4. Сосновская Ю. Н. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в современной России // Всеобщая Декларация прав человека: теория и практика в российской правовой системе: сб. статей по мат. общерос. конф., посвященной годовщине подписания Всеобщей декларации прав человека ООН. М. : Российский государственный социальный университет, 2020. С. 292–298.

Bibliographic list

1. Vikhlyaev A. A., Lukinsky I. S., Mysov A. Yu. To the question of the use of modern technological solutions in the implementation of the institute of citizens' appeals in the conditions of digitalization // Actual problems of the activities of the district commissioner of the police at the present stage: collection of scientific works of mezhvedom. scientific and practical conf. M., 2020. P. 98–102.

2. Mikhailenko N. V., Bondar E. O. The architecture of competencies and skills of employees of internal affairs bodies in modern conditions // International Journal of Constitutional and State Law. 2021. No. 2. P. 114–116.

3. Mikhaylenko N. V., Metzger A. A. Some issues of the systematic approach of constitutional guarantees of the realization of human rights and freedoms // Actual issues of administrative activity of the police: collection of scientific works. M., 2020. P. 106–108.

4. Sosnovskaya Yu. N. Actual issues of the implementation and protection of human rights in modern Russia // Universal Declaration of Human Rights: theory and practice in the Russian legal system: collection of articles on mat. All-Russian conference dedicated to the anniversary of the signing of the UN Universal Declaration of Human Rights. M. : Russian State Social University, 2020. P. 292–298.

Информация об авторах

Н. В. Михайленко — доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

А. А. Вихляев — преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

N. V. Mikhaylenko — Associate Professor of the Department of Administrative Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

A. A. Vikhlyaev — Lecturer of the Department of Administrative Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-169-173
NIION: 2003-0059-3/22-300
MOSURED: 77/27-003-2022-03-499

Роль адвоката в доверительном управлении наследственным имуществом

Ара Тигранович Мовсисян[1], Алексей Борисович Опокин[2], Александр Олегович Гукаленко[3]
[1,2,3] Государственный университет управления, Москва, Россия
[1] at_movsisyan@guu.ru
[2] alopokin@yandex.ru
[3] gukalenkoa@mail.ru

Аннотация. Анализируется институт доверительного управления в российском гражданском праве, роль доверительного управляющего, выступающего в качестве управляющего в доверительном управлении наследственным имуществом и, одновременно, генеральным директором коммерческой организации. В последние годы российская статистика показывает, что действующие российские адвокаты часто нарушают правовые нормы российского законодательства. Рассматривается вопрос: как же действующий российский адвокат, обладающий правовым статусом по закону, стал доверительным управляющим в управлении наследственным имуществом?

Ключевые слова: адвокат, норма, право, закон, субъект, решение, договор, управление
Для цитирования: Мовсисян А. Т., Опокин А. Б., Гукаленко А. О. Роль адвоката в доверительном управлении наследственным имуществом // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 169–173. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-169-173.

Original article

Role of a lawyer in the trust management of hereditary property

Ara T. Movsisyan[1], Aleksey B. Opokin[2], Aleksandr O. Gukalenko[3]
[1,2,3] State University of Management, Moscow, Russia
[1] at_movsisyan@guu.ru
[2] alopokin@yandex.ru
[3] gukalenkoa@mail.ru

Abstract. The article analyzes the institution of trust management in Russian civil law, the role of a trustee acting as a trustee in the trust management of hereditary property and, at the same time, the general director of a commercial organization. In recent years, Russian statistics show that current Russian lawyers often violate the legal norms of Russian legislation. The question is being considered: «how did the current Russian lawyer, who has a legal status under the law, become a trustee in the management of hereditary property?».

Keywords: lawyer, norm, law, law, subject, decision, judicial act, contract, management
For citation: Movsisyan A. T., Opokin A. B, Gukalenko A. O. Role of a lawyer in the trust management of hereditary property. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):169–173. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-169-173.

В современном российском обществе роль адвоката имеет огромное значение. Как нам известно, российские граждане с большим уважением относятся к лицам, обладающим правовым статусом адвоката на территории Российской Федерации. Еще в советский период лица, получившие статус адвоката, имели большое уважение в советском обществе, поскольку основная функция адвокатов — это правозащитная деятельность, т. е. направить все свои силы и профессионализм для защиты прав и интересов граждан, отдельных социальных групп общества, населения и т. д.

© Мовсисян А. Т., Опокин А. Б., Гукаленко А. О., 2022

Не углубляясь в историю развития адвокатуры в российском праве, под термином «адвокат» понимаем лицо, обладающее правовым статусом, согласно российскому законодательству, и, отметим, что деятельность адвокатов на территории России регулируется соответствующими федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами, а также подзаконными актами.

Впервые о правовом институте доверительного управления, а также об институте доверительной собственности (траст) в российском гражданском праве было упомянуто в 1993 г. В начале 90-х гг. российские правоведы обсуждают об этом правовом институте и в связи с этим даже был принят указ Президента России, но в силу он не вступил. Это указ Президента России от 24 декабря 1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» [1].

Впервые институт доверительного управления возник в Англии в XV–XVI вв. Этот институт до сих пор широко применяется в английском праве. Позже, с точки зрения развития истории права, некоторые европейские страны решили внедрить этот институт в свое право, например, Германия, Франция, но с некоторыми изменения.

Институт доверительного управления российский законодатель закрепил в российском гражданском праве. На протяжении многих лет российские правоведы предлагали российскому законодателю внедрить институт доверительного управления в российское гражданское законодательство. Доверительное управление может осуществляться наследственным имуществом; согласно нормам российского законодательства, управление имущественным комплексом, управление активами граждан и юридических лиц, управление ценными бумагами, управление акциями и т. д. В отличие от российского законодательства, в белорусском законодательстве доверительное управление денежными средствами рассматривается как отдельный вид доверительного управления. По мнению А. А. Кирильчика, «доверительное управление денежными средствами — сравнительно новый вид доверительного управления имуществом» [2, с. 96].

Например, сегодня Сбербанк России предоставляет такое управление российским гражданам. В Сбербанке России доверительное управление рассматривают как «…вид профессиональной деятельности по управлению активами клиентов…» [3]. Скажем, к примеру, для инвестирования в ценные бумаги необходимы навыки специалиста, поэтому на финансовых рынках для сохранения и преумножения капитала часто российские граждане обращаются к профессионалам.

В Гражданском Кодексе России российский законодатель закрепил отдельную главу под названием «доверительное управление имуществом». В гл. 53 действующего Гражданского Кодекса России закреплены несколько правовых норм, регулирующих отношения в области доверительного управления, а также правовые вопросы, касающиеся оформления договора доверительного управления, права и обязанности учредителя доверительного управления, а также права и обязанности доверительного управляющего.

Так, объективно возникает вопрос: ну, а в чем же состоит роль адвоката в доверительном управлении, в том числе в доверительном управлении наследственным имуществом? Какая взаимосвязь существует между действующим российским адвокатом и доверительным управлением наследственным имуществом. И что же побудило нас на написание данной статьи? Отвечаем! Постановление арбитражного суда, принятого в 2014 г. в российской современной судебной практике [4]. Уникальность указанного судебного акта состоит в том, что проводится подробный анализ института доверительного управления в российском практике, т. е. управление имущественным комплексом в целом. Но для нас интерес представляет роль действующего российского адвоката, выступающего и в качестве доверителя, т. е. защитника, и в качестве доверительного управляющего наследственным имуществом, и в качестве генерального директора коммерческой организации, и в качестве ответчика по гражданскому делу № А56-21035/2013 в Федеральном арбитражном суде Северо-западного округа.

В России действует Федеральный закон Российской Федерации № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [5]. Российский закон подробно регламентирует деятельность российских адвокатов на территории России. Согласно положениям российского внутреннего законодательства, лица, обладающие статусом адвоката, не имеют права заниматься коммерческой деятельностью, вступать в трудовые отношения в

коммерческих организациях как на территории России, так и за границей.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не имеет права вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности, а также занимать государственные должности в Российской Федерации.

К сожалению, современная российская практика показывает обратное. Необходимо отметить, что нарушителями правовых норм действующего российского законодательства выступают юристы-профессионалы, т. е. адвокаты. Наши действующие российские адвокаты часто нарушают нормы российского законодательства и даже попадают в криминальную хронику.

За последние годы некоторые действующие российские адвокаты совершили правонарушения как гражданско-правового характера, так и уголовного. Российские адвокаты прекрасно владеют юридическими тонкостями, обладают знанием законов в области гражданского, трудового, уголовного законодательства. Например, адвокат и одновременно депутат Армянского городского совета второго созыва субъекта РФ Крым, задержан с килограммом наркотиков [6]. Оказывается, оба подельника были действующими адвокатами, их подозревают в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 Уголовного Кодекса РФ [7]. Квалификация действий российских адвокатов по положениям данных статей предусматривает покушение на незаконный сбыт психотропных веществ в особо крупном размере.

Как нам известно, адвокат — это лицо, получившее в установленном Федеральным законом РФ порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат является профессионалом, предоставляет гражданам профессиональную консультацию по правовым вопросам. Таким образом, проанализируем в целом институт доверительного управления в российском законодательстве и на практике. Как указывает Е. Ситникова «…передача недвижимого имущества в доверительное управление — удачное решение проблемы эффективности его использования, однако его реализация на практике может вызвать у собственника немало трудностей…» [8].

Так, согласно п. 1 ст. 1012 Гражданского Кодекса РФ, по договору доверительного управления имуществом одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему) на неопределенный срок имущество в доверительное управление, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя) [9].

В соответствии с п. 1 ст. 1026 Гражданского Кодекса РФ, доверительное управление имуществом может быть учреждено вследствие необходимости управления наследственным имуществом или по иным основаниям, предусмотренным законом. В соответствии с п. 2 ст. 1026 Гражданского Кодекса РФ, в случаях, когда доверительное управление имуществом учреждается по основаниям, указанным в п. 1 ст. 1026, права учредителя управления, предусмотренные правилами гл. 53 Гражданского Кодекса РФ, принадлежат соответственно органу опеки и попечительства, нотариусу или иному лицу, указанному в законе.

Так, суть данного дела состоит в том, что сначала адвокат А. Б. Маркова защищала интересы семьи Амелиных, в том числе интересы Е. С. Амелиной, т. е. истца. Позже, до вступления наследников в наследство, т.е. в течение шести месяцев, поскольку глава семьи Сергей Николаевич Амелин скончался, предложили адвокату А.Б. Марковой стать доверительным управляющим в организации ООО «Стройимпулс СМУ-1», поскольку умерший С. Н. Амелин был единственным участником Общества. Российское гражданское законодательство разрешает гражданам выступать в качестве доверительного управляющего по основаниям, предусмотренным законом, осуществлять управление и охрану наследственного имущество до вступления наследников в наследство.

После оформления нотариусом Л. А. Вороновой договора доверительного управление наследственным имуществом, действующий адвокат А. Б. Маркова выступала как доверительный управляющий в отношении недвижимого имущественного комплекса, состоящего на балансе данного Общества. Отметим, что объектом доверительного управления могут быть предприятия и другие имущественные комплексы, отдельные объекты, относящиеся к недвижимому имуществу, ценные бумаги, исключи-

тельные права и другое имущество. Российский законодатель деньги, денежные средства самостоятельным объектом доверительного управления не рассматривает, за исключением случаев, предусмотренных российским законом.

В момент принятия решений по управлению и охране наследственным имуществом А. Б. Маркова выступала в качестве доверительного управляющего. Так, доверительный управляющий А. Б. Маркова приняла решение о прекращении полномочий генерального директора ООО «Стройимпульс СМУ-1» М. А. Боброва от 28 марта 2013 г. № 06/03 и, тем самым, возложила на себя полномочия генерального директора Общества. Чуть позже возник конфликт интересов между Е. С. Амелиной и А. Б. Марковой.

При этом А. Б. Маркова в этот момент была одновременно и действующим российским адвокатом, и генеральным директором Общества. По сути, это грубое нарушение норм российского гражданского законодательства. Как сама указывает в судебном процессе А. Б. Маркова, она выступала в должности генерального директора коммерческого Общества всего лишь меньше месяца.

Напомни, что основная функция российских адвокатов — это правозащитная деятельность, они осуществляют защиту прав и основных свобод российских граждан как в пределах территории России, так и за границей.

В Федеральном законе РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» закреплено положение, касающееся интересов адвоката и доверителя; установлено четкое разграничение в этом вопросе. В соответствии с п. 4 ст. 6 Федерального Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не имеет права оказывать юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что, с одной стороны, если интересы адвоката и доверителя противоречат друг другу, то данные действия квалифицируются как нарушение российского законодательства, а с другой стороны, назначение действующего адвоката в качестве генерального директора коммерческой организации также рассматривается как нарушение норм российского законодательства. Институт доверительного управления в российском гражданском праве постепенно адаптируется к новым условиям современного общества, но существуют проблемы, которые возникают в современной практике. Избежать проблем можно лишь при четком соблюдении норм гражданского законодательства России.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кирильчик А. А. Доверительное управление денежными средствами как вид доверительного управления имуществом: правовая классификация и проблемы правоприменения // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. № 1 (17). С. 96–107.

3. Доверительное управление // URL://https://-www.sberbank.ru/ru/legal/parterservices/confidential_management.

4. Постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 февраля 2014 г. по гражданскому делу № А56-21035/2013 «по иску Е. С. Амелиной к ООО Стройимпульс СМУ-1» // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c0f428fd-3b1c-4a6f-8a6b-aa245979f467/8403fcad-5e18-42ca-beb0-fcdb79e89d59/A56-21035-2013_20140203_Postanovlenie.

5. Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Депутата и адвоката из Крыма задержали с килограммом амфетамина // URL://https://crimea-news.-com/society/2020/12/26/742914.html.

7. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 марта 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Ситникова Е. Доверительное управление недвижимостью // URL://https://www.klerk.ru/boss/articles/18992/

9. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ч. I, II, III, IV) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 2296 of December 24, 1993 «On trust property (trust)» // SPS «ConsultantPlus».

2. Kirilchik A. A. Trust management of funds as a type of trust management of property: legal classification and problems of law enforcement // Actual problems of civil law. 2021. No. 1 (17). P. 96–107.

3. Trust management // URL://https://www.sberbank.ru/ru/legal/parterservices/confidential_management.

4. Resolution of the Federal Arbitration Court of the North-Western District of February 3, 2014 in civil case No. A56-21035/2013 «on the claim of E. S. Amelina to LLC Stroyimpuls SMU-1» // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c0f428fd-3b1c-4a6f-8a6b-aa245979f467/8403fcad-5e18-42ca-beb0-fcdb79e89d59/A56-21035-2013_20140203_Postanovlenie.

5. Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of May 31, 2002 «On advocacy and advocacy in the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

6. A deputy and lawyer from Crimea were detained with a kilogram of amphetamine // URL://https://crimea-news.com/society/2020/12/26/742914. html.

7. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on March 25, 2022) // SPS «ConsultantPlus».

8. Sitnikova E. Trust management of real estate // URL://https://www.klerk.ru/boss/articles/18992/

9. Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994 (Parts I, II, III, IV) // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

А. Т. Мовсисян — старший преподаватель кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук;

А. Б. Опокин — преподаватель кафедры публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления;

А. О. Гукаленко — аспирант кафедры частного права Государственного университета управления.

Information about the authors

A. T. Movsisyan — Senior Lecturer of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences;

A. B. Opokin — Lecturer of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the State University of Management;

A. O. Gukalenko — Postgraduate Student of the Department of Private Law of the State University of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 27.05.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-174-176
NIION: 2003-0059-3/22-301
MOSURED: 77/27-003-2022-03-500

Криминалистическая деятельность судебного эксперта: возможности и ограничения

Татьяна Федоровна Моисеева
Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, moiseevatf@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены криминалистические аспекты деятельности судебного эксперта как процессуального лица и как должностного лица. Обосновывается целесообразность специальной подготовки специалистов для собирания доказательств на месте происшествия и исключение этой обязанности экспертов-криминалистов, выполняющих судебные экспертизы. Показана необходимость более четкого правового регулирования получения образцов для сравнительного исследования судебным экспертом.

Ключевые слова: судебный эксперт, эксперт-криминалист, собирание материалов на экспертизу, образцы для сравнительного исследования

Для цитирования: Моисеева Т. Ф. Криминалистическая деятельность судебного эксперта: возможности и ограничения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 174–176. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-174-176.

Original article

Criminalistic activities of a forensic expert: opportunities and limitations

Tatiana F. Moiseeva
Russian State University of Justice, Moscow, Russia, moiseevatf@mail.ru

Abstract. The forensic aspects of the activity of a forensic expert as a procedural person and as an official are considered. The expediency of special training of specialists for collecting evidence at the scene and the exclusion of this obligation of forensic experts who perform forensic examinations are substantiated. The need for a clearer legal regulation of obtaining samples for comparative research by a forensic expert is shown.

Keywords: forensic expert, forensic expert, collecting materials for examination, samples for comparative research

For citation: Moiseeva T. F. Criminalistic activities of a forensic expert: opportunities and limitations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):174–176. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-174-176.

Судебный эксперт как процессуальное лицо, наделенное правами, обязанностями и ответственностью при производстве судебных экспертиз появляется в судопроизводстве после принятия сведущим лицом судебной экспертизы к производству. Его функция — это проведение исследований, представленных ему на экспертизу объектов и формулирование на основе проведенного исследования научно-обоснованного вывода. Криминалистические аспекты деятельности, связанные с обнаружением, фиксацией и изъятием объектов, несущих информацию о расследуемом событии и являющихся в последствие объектами судебной экспертизы, казалось бы, не входят в его компетенцию.

В соответствии с процессуальным законодательством судебный эксперт не вправе собирать материалы для экспертного исследования (п. 4 ст. 57 УПК РФ, п. 2 ст. 85 ГПК РФ, п. 6 ст. 49 КАС РФ, ст. 16 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» ФЗ-73 от 31 мая 2001 г.).

© Моисеева Т. Ф., 2022

Это криминалистическая деятельность следователя или привлекаемого им специалиста, выезжающего на осмотр места происшествия (в этом качестве часто выступает эксперт-криминалист). Однако, на практике встречаются ситуации, неурегулированные законом, когда судебный эксперт осуществляет собирание объектов экспертного исследования. Это связано с обнаружением в процессе осмотра представленных на экспертное исследование объектов-носителей различных следов, являющихся непосредственными объектами экспертного исследования. Например, следы крови, пальцев рук и волокон на представленном на экспертизу ноже. Обнаружение, фиксацию и изъятие этих следов с последующим их направлением на экспертизу возможно и на месте происшествия, однако очевидна целесообразность делать это в лабораторных условиях судебным экспертом, понимающим все аспекты собирания объекта для успешного решения поставленной на экспертизу задачи.

Такие объекты экспертного исследования, как образцы для сравнительного исследования также должны быть предоставлены эксперту субъектом назначения экспертизы за исключением случаев, когда они получаются в процессе ее производства. Как правило, это связано с проведением в процессе производства судебной экспертизы модельных экспериментов, в результате которых возможно получение образцов для сравнительного исследования (например, установления давности выстрела, давности оставления потожирового следа, давности рукописного текста или подписи). При этом остаются неурегулированными вопросы о допустимости использования натурных коллекций лабораторий и баз данных, внесенных в современные аналитические приборы, в качестве образцов для сравнительного исследования. Используя объекты из натурных коллекций и информационные базы данных, эксперт по существу также самостоятельно формирует сравнительные образцы. Если речь идет об использовании натурных коллекций в экспертном исследовании, то правильным, в соответствии с процессуальными требованиями, было бы предварительное изъятие субъектом, назначающим экспертизу, необходимых объектов из натурных коллекций с последующим предоставлением их эксперту. А процессуальный механизм использования в экспертизе справочных данных о структуре и составе различных веществ, используемых в современных аналитических приборах, не ясен.

Таким образом, можно говорить, что судебный эксперт как процессуальное лицо, наделенное правами, обязанностями и ответственностью, все же осуществляет некоторые аспекты криминалистической деятельности. В значительной мере криминалистические аспекты присущи деятельности экспертов-криминалистов.

Следует четко разграничивать понятие судебный эксперт как процессуальное лицо — субъект производства судебной экспертизы, и судебный эксперт как сотрудник судебно-экспертного учреждения. В соответствии с процессуальным законодательством к производству судебной экспертизы может привлекаться любое, сведущее в вопросах экспертизы и заведомо не имеющее заинтересованности в ее результатах, лицо. Это может быть и государственный судебный эксперт (сотрудник государственного экспертного учреждения), и частный судебный эксперт (сотрудник негосударственного экспертного учреждения), и государственный эксперт (сотрудник государственного экспертного учреждения, но не судебно-экспертного), и любое другое лицо. До принятия экспертизы к производству (после поручения экспертизы, т. е. после разъяснения прав, обязанностей и ответственности эксперта, о чем берется подписка), эти лица не имеют процессуального статуса и являются с процессуальной точки зрения просто сведущими людьми.

Понятие эксперта-криминалиста в этом аспекте может рассматриваться как должностная категория, свидетельствующая о том, что данное лицо обладает специальными знаниями в области криминалистических экспертиз, является сотрудником системы МВД и, в отличие от судебных экспертов по должности в системе Минюста, осуществляет криминалистическую деятельность по собиранию объектов на экспертное исследование в качестве специалиста. При этом одно и то же лицо может выступать сначала в качестве специалиста, а затем привлекаться для производства судебной экспертизы в качестве судебного эксперта. Процессуальный закон это допускает (п. 2 ст. 70 УПК РФ, ч. 2 ст. 18 ГПК РФ). Такое положение представляется несомненно положительным, поскольку будущий эксперт с особой тщательностью и пониманием будет собирать объекты и сравнительные образцы, но только при условии, что он обладает специальными знаниями в области исследования соби-

раемых объектов. На место происшествия может выезжать любой эксперт-криминалист, и если он специалист в области почерковедения, то для него собирать следы биологического происхождения достаточно сложно. Возможности судебных экспертиз значительно расширяются с развитием научного знания и разработкой принципиально новых методов исследования, что позволяет использовать в экспертном исследовании объектов, ранее не рассматриваемых в качестве возможных источников криминалистически значимой информации (например, микроколичеств крови и других биологических объектов, и их следов для идентификации человека с помощью ДНК-анализа). Кроме того, техника, используемая для осмотра места происшествия, все время совершенствуется и усложняется (лазерное 3Д-сканирование, использование беспилотных летательных аппаратов и др.).

Для эффективного использования новой техники в собирании объектов судебной экспертизы, несомненно, требуется специальная подготовка лиц, проводящих осмотр мест происшествий, выемок и других следственных действий. В этом аспекте представляется целесообразным разделить профессиональную подготовку экспертов-криминалистов на судебных экспертов, выполняющих криминалистические экспертизы и специалистов, проводящих следственные действия с целью собирания объектов на экспертное исследование. Это представляется особенно актуальным в перспективе дальнейшего совершенствования технологий как производства судебных экспертиз, так и собирания доказательств и обусловлено объективными процессами интеграции знаний с последующей неизбежной их дифференциацией.

Информация об авторе

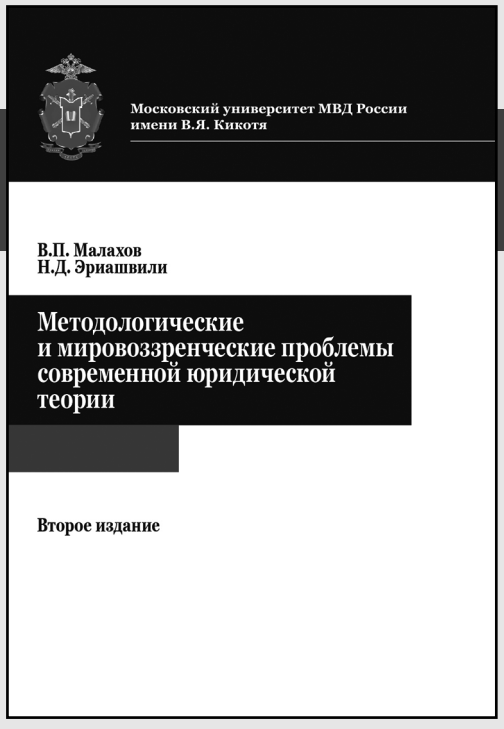
Т. Ф. Моисеева — заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, кандидат биологических наук, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

T. F. Moiseeva — Head of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Candidate of Biological Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.



МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

2-е изд. Монография. 431 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
В. П. Малахов, Н. Д. Эриашвили

Продемонстрирована неразрывность методологических и мировоззренческих проблем, расширено понятие методологии; теория государства и права получила ряд специфических интерпретаций, выделено одно из наиболее перспективных направлений в развитии общеправовой теории, выработана матрица постановки методологических и мировоззренческих проблем юридической теории на основе органичного сочетания возможностей общеправовой теории и философии права. Рассмотрена проблема типов права, решение которой призвано быть мировоззренческой и методологической основой отраслевых наук.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений юридического профиля, а также всех интересующихся философскими и прикладными проблемами правовой жизни общества и личности.

Научная статья
УДК 342.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-177-181
NIION: 2003-0059-3/22-302
MOSURED: 77/27-003-2022-03-501

Информационно-пропагандистское сопровождение в структуре административно-правового обеспечения управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации

Михаил Борисович Молотков
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, molotkovmihail@mail.ru

Аннотация. Рассматривается информационно-пропагандистский компонент применительно к процедуре подготовки и реализации управленческих решений в МВД России. Цель работы состоит в анализе и выявлении связей процессов информирования и управления. В исследовании использовались методы сравнительного анализа и синтеза, формально логический, общенаучный диалектический метод. Выделены принципы, раскрыто содержание этапов информационно-пропагандистского сопровождения управленческих решений. Результаты работы предназначены для использования в повседневной оперативно-служебной деятельности, проведении дальнейших теоретико-практических изысканий. Анализ эмпирического, нормативного и теоретического материала позволил выявить потребность в совершенствовании нормативного правового регулирования вопросов организации информирования в процессе управленческой деятельности.

Ключевые слова: информационно-пропагандистское сопровождение, МВД России, правомерное поведение, правонарушение, средства массовой информации, управленческое решение

Для цитирования: Молотков М. Б. Информационно-пропагандистское сопровождение в структуре административно-правового обеспечения управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 177–181. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-177-181.

Original article

Information and propaganda support in the structure of management activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation

Mikhail B. Molotkov
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, molotkovmihail@mail.ru

Abstract. The information and propaganda component is considered in relation to the procedure of preparation and implementation of management decisions in the Ministry of Internal Affairs of Russia. The purpose of the work is to analyze and identify the links between the processes of information and management. The methods of comparative analysis and synthesis, formal logical, general scientific dialectical method were used in the study. The principles are highlighted, the content of the stages of information and propaganda support of management decisions is disclosed. The results of the work are intended for use in daily operational and service activities, conducting further theoretical and practical research. The analysis of empirical, normative and theoretical material revealed the need to improve the regulatory legal regulation of the organization of information in the process of management activities.

Keywords: information support, the Ministry of Internal Affairs of Russia, lawful behavior, offense, mass media, management decision

For citation: Molotkov M. B. Information and propaganda support in the structure of management activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):177–181. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-177-181.

© Молотков М. Б., 2022

Проблемы научной организации управленческой деятельности в органах внутренних дел (далее — ОВД) находятся в центре внимания ведомственной науки [13]. В число приоритетных направлений входят и различные аспекты, средства, формы и методы информационно-пропагандистского сопровождения деятельности МВД России [14].

Выступая в качестве предмета анализа, управленческая и информационно-пропагандистская деятельность рассматриваются как учеными, так и практиками, как правило, в качестве самостоятельных объектов. Идеи о сотрудничестве со средствами массовой информации (далее — СМИ) как основным институтом в системе информационно-пропагандистского сопровождения реализации управленческих решений, ранее уже были высказаны учеными [1, с. 148]. Однако, дальнейшего развития в научных исследованиях не получили.

В результате, в отечественной науке сложилась ситуация, при которой реальное значение информационно-пропагандистского компонента в структуре управленческих решений, нацеленных, прежде всего, на решение задач, выходящих за рамки внутриорганизационной проблематики административной деятельности ОВД, оставалось не замеченным, специально, в качестве самостоятельного объекта исследования, не выделялась. Роль и значение информационно-пропагандистского компонента в процессе управления, особенно в условиях информационного общества, постоянно возрастают, а информационно-пропагандистское сопровождение управленческих решений становится неотъемлемым компонентом научно-организованной управленческой деятельности.

Очевидная взаимосвязь управленческих решений и процесса их информационно-пропагандистского сопровождения требует более глубокого изучения его сущности и закономерностей.

Связь процесса управления и информации подчеркивают исследователи [5, с. 239]. Вопросы информирования получили отражение в нормативно-правовых актах [12].

В системе права информирование исторически выступает ключевым элементом. Публикацию нормативных правовых актов и обеспечение доступа к ним неограниченного круга лиц принято считать наиболее демократичной и прогрессивной формой правового информирования.

Разъяснение целей и задач, механизма реализации, существующих дозволений и запретов, вариантов правомерного поведения, санкций за возможное нарушение, в конечном счете, убеждение в преимуществах добровольного принятия требований законодательства, является, вторым, не менее значимым этапом правового информирования, после опубликования нормативного правового акта.

По мнению И. Н. Правкиной и Н. А. Марковой, «…если поведение индивида в полной мере скоординировано с регламентированными требованиями правовых норм законодателя, то идеальный желаемый результат фактически будет воплощаться в выстраивании исключительно правомерной линии поведения» [10, с. 33–34].

На взгляд исследователей, ведущая роль в формировании позитивного отношения к норме, обеспечении правомерного поведения, принадлежит правотворческим и правоприменительным органам [10].

В этом контексте МВД России, выступая в качестве правотворческого и правоприменительного органа, исторически значительное внимание уделяло вопросам формирования позитивного отношения к действующему законодательству, пропаганде правомерного поведения, информированию населения о принимаемых мерах по предупреждению, пресечению и выявлению правонарушений.

Информирование представляет собой «мягкий» метод правого воздействия и правового регулирования. Профессионально организованная система информирования позволяет решать задачи управления социальными процессами более эффективно, отводя методам прямого принуждения второстепенную роль.

Главная цель процесса информирования — добиться добровольного характера поведения субъектов права, отказа от противоправного поведения, воздержание от него. Применение мер принуждения требует материальных ресурсов, расхода личного состава, и в этом смысле, является крайней, исключительной мерой.

Информационно-пропагандистское воздействие на поведение участников правоотношений с целью сознательного выбора правомерной модели поведения, является наиболее оптимальным в процессе достижения целей и задач управления. Рассматривая сознательность в качестве ключевого морально-психологического элемента в структуре правомерного поведения, необходимо учитывать, что внешне законопослушное поведение может быть обусловлено и другими мотивами (чувством страха перед санкцией, рациональным отказом от противоправного деяния, в результате сопоставления получаемых благ и возможных неблагоприятных последствий и т. д.).

Организация информационно-пропагандистской работы, принятие конкретных управленческих реше-

ний находится в компетенции руководителя ОВД, подчинено требованиями законодательства. Нормативные основания управленческой деятельности в ОВД рассмотрены А. К. Дубровиным [6, с. 233]. Анализ норм права позволяет сделать вывод о фактическом отождествлении управленческого решения и юридического акта [11].

Законодательство РФ выступает юридическим фундаментом принятия управленческих решений и в процессе информационно-пропагандистской деятельности, предоставляя руководителю юридический инструментарий, инициативу и самостоятельность в процессе решения служебных задач [9].

Ведущая роль в процессе решения задач информационно-пропагандистской деятельности ОВД обоснованно отводится СМИ. На наш взгляд, именно СМИ являются институтом, позволяющим эффективно решать задачи информационно-пропагандистского сопровождения.

Роль СМИ в современном мире подчеркивают ученые [7, с. 109]. Сложный и динамичный характер общественных отношений, развитие и специализация масс-медиа выдвигают требования к наличию профессиональных знаний и компетенций в процессе принятия управленческих решений применительно к информационной сфере. Гарантией научной обоснованности, эффективности принимаемых решений, выступает высокая организация управленческого труда руководителя ОВД. Помощником руководителя в процессе принятия решения об организации информационно-пропагандистского сопровождения, конкретных форм привлечения СМИ, является руководитель пресс-службы. Ежедневное «погружение» в информационную повестку, события, освещаемые СМИ, понимание различных сторон функционирования СМИ позволит минимизировать возможные риски, повысить эффективность информационно-пропагандистского сопровождения.

Понятия «информирование» и «информационно-пропагандистское сопровождение», несмотря на близость значений, все-таки имеют, на наш взгляд, и некоторые различия. В отличие от «информационно-пропагандистского сопровождения», предполагающего активное воздействие на сознание аудитории с целью призыва к совершению или воздержанию от определенных действий, «информирование» более нейтрально по отношению к воздействию на сознание, предоставляет субъекту возможность выбора поведения. Примером информирования является опубликование нормативных правовых актов, разъяснение механизма их реализации, размещение сведений об оказываемых государственных услугах, руководителях ОВД, графиках приема граждан и т. д.

Информационно-пропагандистское сопровождение характеризуется более масштабным развертыванием во времени и пространстве, сочетанием различных методов и форм психологического и юридического воздействия (убеждение, принуждение и т. д.). Примером информационно-пропагандистского сопровождения управленческого решения, направленного на снижение аварийности, выступает размещение информации о проведении профилактического мероприятия под названием «Внимание, пешеход!»; значительная профилактическая, информационно-разъяснительная работа проводится сотрудниками полиции по реализации решений органов государственной власти, направленных на борьбу с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) [3; 4].

Важнейшей задачей является определение основных принципов информационно-пропагандистского сопровождения управленческих решений. В качестве таковых обоснованно выделить следующие: приоритет метода убеждения, разъяснительной работы, над методами принуждения; стремление к максимальному охвату аудитории в процессе доведения правовой информации; публичная демонстрация неотвратимости наказания в сочетании с последовательным применением санкций; признание вины правонарушителем, раскаяние; учет возможных информационных рисков, интерпретации массовым сознанием распространенных сведений. Эффективная реализация предложенных принципов возможна в процессе взаимодействия практических подразделений ОВД с ведомственными пресс-службами.

Принципы воплощаются на каждом из этапов информационно-пропагандистского сопровождения управленческих решений.

Первый этап — доведение и разъяснений положений нормативных правовых актов до аудитории, в том числе ответственности за нарушение требований законодательства.

Второй этап — проведение рейдовых мероприятий, расширение практики патрулирования нарядами ППСП и ДПС с целью освещения действий полиции по применению санкций за неисполнение требований законодательства. Применение санкций не является самостоятельной и конечной задачей. Основная цель на этом этапе — продемонстрировать силу закона. Параллельно проводятся дополнительные профилактические беседы, разъяснительная работа.

Третий этап — организация репортажей, видеосюжетов, показывающих негативные последствия

деликта непосредственно для нарушителей (назначение административного ареста, организации уголовного преследования). Публичное признание вины, раскаяние со стороны правонарушителей способно усилить информационное воздействие на аудиторию.

Ключевым условием эффективного решения задач информационного сопровождения является максимальное привлечение СМИ на каждом из этапов реализации управленческого решения.

Охватывая практически все направления оперативно-служебной деятельности, значение информационно-пропагандистского сопровождения наиболее рельефно проявляется в процессе практической реализации системы мер профилактики и предупреждения правонарушений в целом организации правовой пропаганды.

Подчеркивая место и роль правовой пропаганды в системе правопорядка, исследователи акцентируют внимание на вопросах профессиональной организации правовой пропаганды. Именно профессиональная организация правовой пропаганды, координация действий с другими правоохранительными органами, взаимодействие с общественностью «…позволит увеличить уровень законности и снизить преступность в стране» [2, с. 14].

В качестве ключевого элемента информационно-пропагандистское сопровождение выступает в процессе профилактики виктимности. Особенно актуальной выступает задача организации проведения эффективной массовой разъяснительной работы применительно к предупреждению IT-преступлений. Одним из условий, позволяющим наиболее комплексно и эффективно решить поставленную задачу, является подготовка специалистов в сфере информационной безопасности [8, с. 14].

В нормативных правовых документах МВД России порядок информационно-пропагандистского сопровождения управленческих решений, конкретные формы и методы детально не регламентированы.

Разработка проблемы нормативного правового обеспечения информационного сопровождения управленческих решений позволит более эффективно решать служебные задачи, предоставит в распоряжение руководителя научно обоснованные принципы, примерные алгоритмы эффективного информационного сопровождения управленческих решений.

Список источников

1. Акапьев В. Л., Дрога А. А., Савотченко С. Е. Профилактическая деятельность органов внутренних дел во взаимодействии со средствами массовой информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 146–152.

2. Беляева О. В. Правовая пропаганда как путь к безопасности личности, общества и государства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 2 (83). С. 12–17.

3. В Иркутске сотрудники полиции призывают граждан соблюдать масочный режим // URL://https://-38.мвд.рф/news/item/24730905/

4. В Иркутской области сотрудники Госавтоинспекции проведут профилактическое мероприятие «Внимание, пешеход!» // URL://https://38.мвд.рф/-news/item/23822571/

5. Дубинина Н. М., Бубнов В. В. Некоторые методологические вопросы использования базовых элементов современных информационных технологий в совершенствовании управленческой деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 238–240.

6. Дубровин А. К. Проблемы подготовки и принятия управленческих решений в органах внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96). С. 231–240.

7. Зудаева В. В., Бруева Н. В. Роль СМИ в создании имиджа сотрудника органов внутренних дел // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (5). С. 108–114.

8. Калиниченко И. А. О приоритетных направлениях подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации в условиях информатизации общества // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 11–14.

9. Молотков М. Б. Нормативное правовое регулирование информационного сопровождения деятельности МВД России в контексте обеспечения права граждан на информацию // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 40. № 4. С. 43–51.

10. Правкина И. Н., Маркова Н. А. Факторы формирования правомерного поведения // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 33–36.

11. Приказ МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623 «Вопросы организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Приказ МВД России от 26 февраля 2018 г. № 109 «О порядке подготовки и размещения информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в информационно-телеком-

муникационной сети «Интернет» (ред. от 30 июля 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Ульянов А. Д., Власов Б. Е. Организация управленческого труда (практической деятельности) руководителя в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 47–57.

14. Цветов С. В., Рыбальченко А. Ю. Средства массовой информации как один из факторов формирования образа сотрудника полиции XXI века // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 2. С. 40–43.

References

1. Akapyev V. L., Droga A. A., Savotchenko S. E. Preventive activity of internal affairs bodies in interaction with mass media // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2. P. 146–152.

2. Belyaeva O. V. Legal propaganda as a way to the security of the individual, society and the state // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2020. No. 2 (83). P. 12–17.

3. In Irkutsk, police officers urge citizens to observe the mask regime // URL://https://38.mia.rf/news/item/-24730905/

4. In the Irkutsk region, traffic police officers will hold a preventive event «Attention, pedestrian!» // URL://https://38.mia.rf/news/item/23822571/

5. Dubinina N. M., Bubnov V. V. Some methodological issues of using basic elements of modern information technologies in improving the management activities of internal affairs bodies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 6. P. 238–240.

6. Dubrovin A. K. Problems of preparation and adoption of managerial decisions in internal affairs bodies // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (96). P. 231–240.

7. Zudaeva V. V., Brueva N. V. The role of the media in creating the image of an employee of the internal affairs bodies // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (5). P. 108–114.

8. Kalinichenko I. A. On priority areas of personnel training for the internal affairs bodies of the Russian Federation in the conditions of informatization of society // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 11–14.

9. Molotkov M. B. Normative legal regulation of information support of the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of ensuring the right of citizens to information // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2021. Vol. 40. No. 4. P. 43–51.

10. Pravkina I. N., Markova N. A. Factors of formation of lawful behavior // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. P. 33–36.

11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 623 dated September 26, 2018 «Issues of organizing information and analytical work in the management activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

12. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 109 dated February 26, 2018 «On the procedure for preparing and posting information on the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the Internet information and Telecommunications network» (ed. dated July 30, 2019) // SPS «ConsultantPlus».

13. Ulyanov A. D., Vlasov B. E. The organization of managerial work (practical activity) of the head in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (57). P. 47–57.

14. Tsvetov S. V., Rybalchenko A. Yu. Mass media as one of the factors of forming the image of a police officer of the XXI century // Problems of law enforcement. 2020. No. 2. P. 40–43.

Информация об авторе

М. Б. Молотков — доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат философских наук.

Information about the author

M. B. Molotkov — Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophical Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 343.97
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-182-187
NIION: 2003-0059-3/22-303
MOSURED: 77/27-003-2022-03-502

Статистическое исследование лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности

Татьяна Витальевна Молчанова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, molcha@yandex.ru

Аннотация. Представлена сравнительная статистическая характеристика лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности. Исследованы некоторые социальные характеристики: гендерные, образовательные и уголовно-правовые в составе организованной группы и преступного сообщества, ранее судимые и рецидивисты. Высказаны предположения о факторах, обусловивших рост регистрации лиц, совершающими преступления в сфере экономической деятельности, в том числе лицами женского пола за период 2015–2021 гг. Выдвинуты гипотезы о снижении уровня высшего образования лицами, участвующими в свершении рассматриваемых преступлений. Представлена сравнительная характеристика лиц, зарегистрированных по гл. 22 УК РФ в составе организованной группы и преступного сообщества, выявлены проблемы в их минимальной количественной оценке, определены проблемы правоприменительной практики по выявлению лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: лица, преступления в сфере экономической деятельности, статистическая отчетность, показатели, факты, гендерные особенности, образовательные особенности, уголовно-правовые особенности, лица женского пола, субъекты предпринимательской деятельности

Для цитирования: Молчанова Т. В. Статистическое исследование лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 182–187. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-182-187.

Original article

Statistical study of persons committing crimes in the field of economic activity

Tatyana V. Molchanova
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, molcha@yandex.ru

Abstract. The article presents a comparative statistical description of persons who commit crimes in the sphere of economic activity. Some social characteristics were studied: gender, educational and criminal — legal: as part of an organized group and a criminal community, early convicted and recidivists. Assumptions are made about the factors that led to the growth in the registration of persons committing crimes in the field of economic activity, including female persons for the period 2015–2021. Hypotheses have been put forward about a decrease in the level of higher education by persons involved in the commission of the crimes in question. The article presents a comparative description of persons registered under Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation as part of an organized group and a criminal community, identifies problems in their minimum quantitative assessment, and identifies problems in law enforcement practice to identify persons who commit crimes in the field of economic activity.

Keywords: persons, crimes in the field of economic activity, statistical reporting, indicators, facts, gender, educational, criminal law features, females, business entities

For citation: Molchanova T. V. Statistical study of persons committing crimes in the field of economic activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):182–187. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-182-187.

© Молчанова Т. В., 2022

Таблица 1.

Динамика количества выявленных лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности и материалов уголовных дел, направленных суд за период 2018–2021 гг.[1]

Год	Выявлено лиц (гл. 22)	Уголовные дела, направленные в суд	Удельный вес, %
2018	14 834	9283	62,58
2019	15 931	9270	58,19
2020	15 539	8626	55,51
2021	16 972	11 079	65,28

Основным и обязательным источником информации как о массовом социальном явлении служит уголовная статистика [1, с. 233], а наиболее плодотворным методом криминологического исследования является статистический метод, который должен пронизывать каждое криминологическое исследование [2, с. 233].

«Уголовная статистика есть выраженный цифрами отчет о преступных или безнравственных действиях какого-либо народа или каких-либо народов [4, с. 3]». Уголовная статистика в настоящее время является ведомственной и охватывает учет преступлений, лиц, совершивших преступления, уголовных дел, который ведется органами внутренних дел, прокуратуры и судами. Оценивая в целом полноту и точность уголовной статистики, нельзя не отметить, что она, в силу объективных причин, не может быть абсолютным верным отображением преступности, так как существует скрытая ее часть.

Статистический анализ лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности в нашем исследовании исключительно построен на статистических оценках. Представленные статистические данные позволяют осуществить их замеры, исключительно на имеющейся информации, зафиксированной органами регистрации и учета.

Основные статистические параметры преступности, выражаемые в принятых ныне характеристиках этого явления, разделяются на абсолютные, относительные и средние, качественные и количественные. Возможности использования перечисленных показателей для оценки преступности не ограничены только этими показателями.

Наиболее распространенным на практике приемом изучения преступности является сопоставление динамических рядов и констатация их роста или снижения количества преступлений. Этим методом воспользуемся для оценки количественных и качественных параметров лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности (табл. 1).

Продемонстрированные количественные характеристики позволяют сделать вывод о значительном удельном весе материалов, направляемых в суд. Это свидетельствует о формировании должной доказательственной базы и складывающейся правоприменительной практики, несмотря на то, что данный вид преступности относиться к категории сложно доказуемых

[1] Ф. 492. Кн. 1. Сводный отчет по России «Сведения о лицах, совершивших преступления». Разд. 1. «Сведения о возрастных, гендерных, образовательных и криминологических характеристиках лиц, совершивших преступления», 2018–2021 гг.

Таблица 2.

Динамика соотношения количества лиц, совершенных в сфере экономической деятельности с количеством женщин, совершаемых преступления в этой сфере за период 2015–2021 гг.

Гл. 22	Распределение лиц по гендерному признаку						
	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*
Всего лиц (гл. 22)	**8894**	**9789**	**11 476**	**14 834**	**15 931**	**15 539**	**16 972**
Из них женщины	1811	2195	2968	4181	4658	4456	4929
Удельный вес, %	20,4	22,4	25,9	28,2	29,2	28,7	29,04

Таблица 3.

Динамика количества действующих индивидуальных предпринимателей — женщин за период 2016–2022 гг.[2]

Отчетная дата	Женщины	Всего	Удельный вес женщин, %
01.01.2016	1 571 772	3 628 470	43,3
01.01.2017	1 578 000	3 718 143	42,4
01.01.2018	1 586 009	3 832 225	41,3
01.01.2019	1 610 237	3 967 435	40,5
01.01.2020	1 608 172	4 041 702	39,9
01.01.2021	1 453 556	3 695 711	39,3
01.01.2022	1 474 343	3 706 065	39,7

в уголовно-процессуальном порядке. Одной из тенденций является отрицательные динамические изменения в количестве выявленных лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности.

В любом исследовании, касающемся личностных особенностей, человеческий организм может быть рассмотрен как организм вообще, способный на совершение преступления, но, и как организм мужчины и женщины.

Согласно нашему исследованию, статистическое распределение данных, приведенных в табл. 2, демонстрирует тенденцию роста доли лиц женского пола в совершении преступлений в сфере экономической деятельности. За исследуемый период (2015–2021 гг.) темп прироста числа выявленных лиц составляет +72,2 %, соответственно увеличение произошло и в удельном весе рассматриваемой категории лиц.

Следует отметить, что приведенные данные не коррелируют с удельных весомы лиц женского пола, совершающих все преступления на территории России. В этой связи наблюдается противоположная тенденция, доля лиц женского пола за рассматриваемый период составляет в среднем 15,2 % от всех совершенных преступлений. Данные значения значительно ниже, чем по категории лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности, за отдельные годы почти в два раза [3].

В целом за последние годы отмечается положительная динамика вовлеченности лиц женского пола в современные экономические отношения.

Данные табл. 3 показывают снижение регистрации доли лиц женского пола в качестве индивидуальных предпринимателей и увеличением их доли в качестве субъектов, выплачивающих налог на профессиональный доход (табл. 4). Данный вид налога предполагает более льготную налоговую ставку и

[2] Данные содержатся в формах статистической отчетности Налоговой службы Российской Федерации.

Таблица 4.

Динамика количества женщин, осуществляющих предпринимательскую деятельность в рамках специального налогового режим (НПД) за период 2016–2022 гг.

Отчетная дата	Всего	Женщины	Удельный вес женщин, %
01.01.2019	407	148	36,36
01.01.2020	291 980	112 674	38,59
01.01.2021	1 365 047	534 008	39,12
01.01.2022	3 841 229	162 4645	42,29

Таблица 5.

Динамика оценки образовательного уровня лиц за период 2018–2021 гг.

Год	Выявлено лиц (гл. 22)	Высшее профессиональное образование	Удельный вес, %	Среднее профессиональное образование	Удельный вес, %	Среднее (полное) общее образование	Удельный вес, %
2018	14 834	4941	33,31	4247	28,63	3969	26,76
2019	15 931	5063	31,78	4857	30,49	4330	27,18
2020	15 539	4775	30,73	4835	31,12	4308	27,72
2021	16 972	5148	30,33	5457	32,15	4678	27,56

иные упрощенные условия ведения предпринимательской деятельности. Указанные обстоятельства привели к значительной интенсификации регистрации лиц женского пола в качестве такого субъекта экономической деятельности.

Представленные статистические оценки подтверждают вывод о том, что имеется корреляционная зависимость между ростом преступной экономической деятельности женщин и их увеличением в статусе субъекта предпринимательской деятельности (самозанятые, табл. 4). Безусловно, в каждом из обозначенных видов деятельности этот рост не равнозначный, но указанная характеристика вывода имеет свое теоретическое и практическое обоснование. Рост регистрации числа женщин в качестве предпринимателей (самозанятые) имеет больший процесс интенсификации, чем рост их преступной деятельности. Это вполне очевидно и имеет статистическое подтверждение. Удельный вес лиц женского пола, совершающих преступления в сфере экономической деятельности в целом отражает равномерную тенденцию с долей лиц женского пола, выступающих субъектом экономической деятельности.

Готовность быть равноправным участником с лицами мужского пола объясняется, прежде всего, наличием соответствующей профессиональной подготовки, обусловленной в том числе достаточным уровнем образования. Как отмечают некоторые гендерные исследования, «женщины гораздо образованнее мужчин, 37 % имеют высшее образование, тогда как у мужчин этот показатель составляет только 31 %»[3].

Произошла феминизация преступности в сфере экономической деятельности. В сферу экономических интересов вовлеченность женщин обусловлена и тем обстоятельством, что наблюдается тенденции увеличения лиц женского пола среди субъектов предпринимательской деятельности.

Представленная характеристика данных в табл. 5 позволяет сделать вывод о существенной доле лиц, совершающих преступления в расстраиваемом сегменте отношений с высшим профессиональным образованием, несмотря на незначительные параметры снижения. Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что все большее число граждан приобретают правовой статус «самозанятый»[4]. Для такого рода категории людей, в соответствии с видовым характером их предпринимательской деятельности, как правило, свойственно иметь в доминирующем числе случаев среднее профессиональное образование.

В соответствии с действующим законодательством к такого рода видам деятельности относится: оказание косметических услуг, перевозка как пассажиров, так и грузов, производство продукции своими руками и ее продажа, ведение мероприятий, фото- и видеосъемка, строительные работы, ремонт и т. д.

Результаты правоприменительной практики подтверждают наметившиеся тенденции увеличения чис-

[3] Гендерное равновесие. О возрастающей роли женщин в экономике. 14 декабря 2019 г. // Новостное интернет-издание Lenta.ru.

[4] Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» по состоянию на 31 января 2022 г. Форма-1. УЧ Разд. 3.

Таблица 6.

Динамика лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности в составе организованной группы и преступного сообщества за период 2018–2021 гг.[5]

Год	Выявлено лиц (гл. 22)	Организованной группой лиц	Удельный вес, %	Преступным сообществом	Удельный вес, %
2018	14 834	1378	9,29	31	0,21
2019	15 931	1353	8,49	51	0,32
2020	15 539	1453	9,35	13	0,08
2021	16 972	1782	10,50	36	0,21

ла лиц со средним профессиональным образованием и со средним общим образованием по отдельным составам преступлений, совершающих преступления в данной сфере отношений.

Структурно-динамические изменения вышеуказанных статистических данных свидетельствует о нестабильной тенденции совершения преступлений в составе организованной группы или преступного сообщества. Представляется, что вышеуказанные тенденции связаны не столько с фактическим их снижением или увеличением, сколько с несовершенством процесса выявления, расследования и раскрытия, а также иными обстоятельствами, формирующими предмет доказывания по данным формам соучастия.

В связи с общей предметной уголовно-правовой спецификой преступлений, дополнительной криминологической их особенностью выступает довольно высокая степень латентности. Указанные обстоятельства свидетельствует об отсутствии какой-либо объективной действительности в установлении фактов преступных деяний такой структурированной группы, как преступное сообщество.

Данные, представленные в табл. 7, указывают на достаточно высокую долю лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности повторно. Это вызвано разными обстоятельствами, в том числе самим характером преступной деятельности. Анализ правоприменительной практики и статистической отчетности показывает, что наи-

[5] Ф. 492. Кн. 1. Сводный отчет по России «Сведения о лицах, совершивших преступления». Разд. 2. Сведения об отдельных криминологических характеристиках лиц, совершивших преступления», 2018–2021 гг.

Таблица 7.

Динамика лиц, ранее совершавших преступления в сфере экономической деятельности и признанных рецидивистами за период 2018–2021 гг.

Год	Выявлено лиц (гл. 22)	Из них				Признанные			
		Ранее совершившими преступление	Удельный вес, % (от гр. 2)	Ранее судимыми	Удельный вес, % (от гр. 3)	Рецидивом	Удельный вес, % (от гр. 5)	Опасным рецидивом	Удельный вес, % (от гр.5)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2018	14 834	4607	31,06	1661	36,05	616	37,09	54	3,25
2019	15 931	4918	30,87	1771	36,01	591	33,37	63	3,56
2020	15 539	4960	31,92	1735	34,98	645	37,18	68	3,92
2021	16 972	5510	32,47	2018	36,62	687	34,04	101	5,00

больший удельный вес составляют составы преступлений, предусмотренных ст. 186, 187, 198, 199 УК РФ. Данные преступные деяния имеют и устойчивую тенденцию своего повторного проявления в основных количественных характеристиках среди всех преступлений в сфере экономической деятельности.

В содержании представленного исследовательского материала мы рассмотрели отдельные криминологические параметры лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности. Наше изучение продолжается; в следующем номере мы опишем иные характеристики лиц, которые дополняют все вышеобозначенные моменты и формируют целостную характеристику портрета исследуемой категории лиц.

Список источников

1. Вицин С. Е. Моделирование в криминологии. М. : Высшая школа МВД СССР, 1993.

2. Криминология. М., 1968.

3. Молчанова Т. В. Криминологическая характеристика лица, совершающего преступления в сфере экономической деятельности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 28.

4. Неклюдов Н. А. Уголовно-статистические этюды // Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. М. : Инфра-М, 2016.

References

1. Vitsin S. E. Modeling in criminology. M. : Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1993.

2. Criminology. M., 1968.

3. Molchanova T. V. Criminological characteristics of a person committing crimes in the sphere of economic activity // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 5. P. 28.

4. Neklyudov N. A. Criminal statistical studies // Statistical experience of the study of the physiological significance of different ages of the human body in relation to crime. M. : Infra-M, 2016.

Информация об авторе

Т. В. Молчанова — доцент кафедры криминологии Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Molchanova — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.02.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 22.02.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 004.031.43:343.851.3
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-188-194
NIION: 2003-0059-3/22-304
MOSURED: 77/27-003-2022-03-503

Сложности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 291[1] Уголовного кодекса Российской Федерации

Мурадян Светлана Владимировна[1], Мария Михайловна Рыбак[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] lanamuradyan@gmail.com
[2] masharybak14@gmail.com

Аннотация. Проводится обсуждение сложностей квалификации посредничества во взяточничестве, которое предусмотрено ст. 291[1] Уголовного кодекса Российской Федерации. Проанализированы проблемы, возникающие в судебной и следственной практике, которые препятствуют справедливой, равнозначной и рациональной уголовно-правовой оценке указанного деяния. Предложены возможные пути решения существующих противоречий, в том числе путем внесения изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Ключевые слова: уголовная ответственность, коррупция, должностные преступления, взяточничество, посредничество во взяточничестве, соучастие во взяточничестве

Для цитирования: Мурадян С. В., Рыбак М. М. Сложности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 291[1] Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 188–194. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-188-194.

Original article

Difficulties in qualifying offences under Article 291[1] of the Criminal Code of the Russian Federation

Svetlana V. Muradyan[1], Mariya M. Rybak[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] lanamuradyan@gmail.com
[2] masharybak14@gmail.com

Abstract. The difficulties of qualification of mediation in bribery, which is provided for in Article 291[1] of the Criminal Code of the Russian Federation, are discussed. The problems arising in judicial and investigative practice that hinder a fair, equivalent and rational criminal legal assessment of the specified act are analyzed. Possible ways of solving the existing contradictions are proposed, including by amending the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 dated July 9, 2013 «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes».

Keywords: criminal responsibility, corruption, official crimes, bribery, mediation in bribery, complicity in bribery

For citation: Muradyan S. V., Rybak M. M. Difficulties in qualifying offences under Article 291[1] of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):188–194. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-188-194.

Коррупция как неотъемлемая часть жизни любого современного общества возникает, прежде всего, потому что люди, в большинстве своем, готовы использовать незаконные средства для получения максимальной личной или корпоративной выгоды. Однако для того, чтобы эти люди стали заниматься коррупционной деятельностью, должны существовать обстоятельства, которые не препятствуют или не ме-

© Мурадян С. В., Рыбак М. М., 2022

шают им это делать. Безусловно, уголовный закон не является основным сдерживающим фактором в этом вопросе, но уголовное законодательство может сыграть роль некой «подпорки», лежащей за необходимыми структурными изменениями. Законодательная система Российской Федерации пошла именно этим путем, включив в Уголовный кодекс Российской Федерации [2] (далее — УК РФ) достаточно широкий спектр преступлений коррупционной направленности. Основными среди них, конечно же, выступают дача и получение взятки (ст. 290 и 291 УК РФ). С точки зрения уголовно-правовой оценки, взяточничество представляет собой один состав, который законодателем технически был разделен на две уголовно-правовые нормы. В этой связи посредничество во взяточничестве возможно как в интересах взяткодателя, так и взяткополучателя. Активное использование института посредничества в процессе совершения преступлений коррупционной направленности вполне объяснимо. Во-первых, взяткодатель не всегда уверен в коррумпированности потенциального взяткополучателя. Во-вторых, предложив сумму существенно ниже ожидаемой, есть шанс не только получить отказ от потенциального взяткополучателя, но и его обращение в правоохранительные органы. В-третьих, наличие сдерживающего взяткодателя психологического фактора, который нивелируется при использовании посредника. Однако именно этот фактор говорит о повышенной общественной опасности роли посредника во взяточничестве. Лицо, которое могло бы в силу страха или иных сдерживающих причин отказаться от совершения преступления, тем не менее, совершает его.

Учитывая данные факторы Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» [3] в УК РФ появляется статья, предусматривающая ответственность за посредничество во взяточничестве.

С появлением данной нормы были решены многие вопросы правоприменения, однако выявились существенные сложности в процессе квалификации деяний, подпадающих под действие самой ст. 291^1 УК РФ.

Начнем с анализа различных форм посредничества во взяточничестве, которыми являются, в соответствии с УК РФ, «непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя», т. е. физическая форма и «иное способствование взяткодателю или взяткополучателю в реализации или достижении договора между ними о даче или получении взятки», т. е. интеллектуальная форма [4, с. 23]. При передаче взятки, в том числе посредником, активно проявляется проблема определения предмета взяточничества — взятки, так как подразумевается, что она должна быть материальной. На этой почве и возникает множество споров, так как взятка может быть осуществлена не только передачей денег, но и, например, погашением каких-либо долгов. Ранее в УК РСФСР [5] отмечалось, что взяткой может быть что угодно «в каком бы то ни было виде», однако сейчас законодатель в некоторой мере конкретизировал предмет взятки. Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предметом взяточничества могут быть «незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав» [1], а не только деньги и ценные бумаги. Однако, на практике, зафиксировать передачу подобной взятки и в целом выявить такого рода взятку намного сложнее, так как отсутствует ее очевидная материальная составляющая. Понятным остается то, что предмет взяточничества должен носить имущественный характер, чем и будет предоставлять какую-либо выгоду ее будущему получателю.

В связи с постоянной цифровизацией общества особенности определения предмета взяточничества все больше усложняются. Например, криптовалюты получают широкое распространение по всему миру, а значит все чаще применяются не только в легальном, но и в нелегальном обороте. Согласно Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] криптовалюта, будучи цифровой валютой, не является объектом гражданско-правового регулирования. Однако в рамках взяточничества при передаче и получении выгоды имущественного характера в цифровой валюте для правильной квалификации необходимо признать криптовалюту в качестве предмета преступления, что выходит за рамки действующего законодательства и требует дополнительного регулирования [7].

Рассмотрим особенности определения момента окончания различных форм посредничества во взяточничестве. Интересно, что согласно п. 13.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» моментом окончания посредничества путем иного способствования в достижении или реализации соглашения следует считать выполнение посредником одного из действий, которые относятся к иному способствованию. Независимо от того, достигнуто ли было соглашение между взяткодателем и взяткополучателем. Когда же мы говорим о физическом посредничестве, тогда непосредственная передача взятки считается оконченной с момента фактической передачи посредником взяткополучателю хотя бы части оговоренной суммы. Намного раньше момент окончания определен в случае, когда деньги остаются, согласно соглашению, у посредника, тогда для наличия оконченного состава преступления достаточно просто их ему передать, независимо от того, начал ли взяткополучатель реализовывать свою часть соглашения и был ли в принципе оповещен посредником о необходимости начинать такую реализацию.

Переходя к форме интеллектуального посредничества, рассмотрим особенности разграничения посредничества во взяточничестве и действий пособника в даче/получении взятки. До внесения изменений в 2019 г. [8] в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» действия лица, формально подпадающего под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 291[1] УК РФ, но не отвечающего требованиям значительности размера взятки (25 тыс. руб.), ее крупного (более 150 тыс. руб.) или особо крупного размера (более 1 млн руб.) можно было рассматривать как пособничество в покушении на дачу/получение взятки в размере менее 25 тыс. руб. На сегодняшний день, согласно п. 13.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», такие действия нельзя рассматривать как соучастие в даче/получении взятки.

Если же лицо просто побуждает к даче/получению взятки, а другое лицо лично осуществляет соглашение о даче/получении взятки, то действия такого лица следует рассматривать как подстрекателя и необходимо квалифицировать по ст. 290, 291 УК РФ со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ независимо от суммы взятки. Так, в приговоре № 1-117/2017 от 23 мая 2017 г. по делу № 1-117/2017 гражданка И. В. Царелунга обвиняется в подстрекательстве к даче взятки должностному лицу лично за совершение незаконных действий. Она, являясь участковым уполномоченным полиции группы участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних отдела полиции, склонила ФИО2 и ФИО1 к даче взятки в виде денег лично начальнику отдела полиции подполковнику полиции ФИО4 за не привлечение ФИО3 к уголовной ответственности. Суд признал виновной гражданку И. В. Царелунга в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291; ч. 4 ст. 33 УК РФ [9].

В случае, когда посредник, являясь еще и подстрекателем, действует по поручению взяткодателя или взяткополучателя, как и указано в ч. 1 ст. 291[1] УК РФ, но ему не удается реализовать свою цель по не зависящим от него причинам — такое деяние квалифицируется как приготовление к даче/получению взятки в соответствии с ч. 5 ст. 34 УК РФ. Однако, стоит учесть тот факт, что уголовно-правовые последствия за приготовление наступают только в отношении тяжких или особо тяжких преступлений, т. е. тогда, когда подстрекателю не удалось склонить лицо к преступным деяниям, предусмотренным ч. 2–6 ст. 290 УК РФ либо ч. 3–5 ст. 291 УК РФ. В остальных случаях уголовной ответственности удастся избежать.

Не меньше вопросов у правоприменителей возникает исходя из обязательного признака рассматриваемого состава преступления, а именно — значительности размера взятки. Анализируя законодательную конструкцию, можно сделать вывод о ее некой неоднозначности. Не ясно, к какой форме посредничества все-таки относится рассматриваемый признак. Понятие значительного размера взятки устанавливается прил. 1 к ст. 290 УК РФ, и он должен составлять более 25 тыс. руб. Относится ли данный признак ко всем формам посредничества во взяточничестве, либо только к способствованию, де-юре нигде не оговорено. Мнения специалистов по данному вопросу абсолютно разные: одни считают, что квалифицировать данное деяние необходимо как пособничество, другие говорят о том, что тогда не стоит рассматривать данное деяние как преступное. По нашему мнению, такой выбор в корне не верен, и надо признать и принять меры по устранению пробела «в

регулировании уголовно-правового противодействия коррупционной преступности» [10]. Размер взятки за одни и те же действия может быть абсолютно разным, например, в городах федерального значения, Москве и Санкт-Петербурге, и в субъектах с более низким уровнем жизни и оплаты труда. А это значит, что при отсутствии такого признака, как значительность размера взятки, действия посредника не представляется квалифицировать по ст. 291[1] УК РФ.

Так, например, в постановлении Президиума Верховного суда от 23 августа 2018 г. № 44у-39/2018 говорится о том, что гражданин Н. А. был оправдан, так как в его действиях отсутствовал признак значительности размера. В данном постановлении сказано, что уголовная ответственность, согласно диспозиции ч. 1 ст. 291[1] УК РФ, наступает только при наличии значительного размера взятки [11].

Рассмотрим наглядно санкции статей, смежных с рассматриваемой нами нормой, и представленных в табл. 1.

Проведя анализ данных этой таблицы и сравнив санкции смежных составов преступлений, можно заметить, что при применении иных статей УК РФ к посреднику во взяточничестве при отсутствии в его действиях обязательного признака — значительности размера взятки, будет сохраняться соответствие принципу справедливости, предусмотренному ст. 6 УК РФ; т. е. при оценке возможного решения с этой стороны, в случае возвращения возможности квалификации действий лица как соучастника по иным статьям УК РФ, положение виновного только улучшается.

На данный момент у правоприменителей возникают проблемы при уголовно-правовой характеристике посредничества во взяточничестве, когда размер взятки не является значительным. В большинстве случаев, логически, было бы верным квалифицировать такие деяния по ст. 290 и 291 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ, как это было ранее. Подтвердить правильность данного вывода может то, что посредничество во взяточничестве и соучастие во взяточничестве имеют схожую юридическую природу, что заметно при их общем анализе. Де-юре, в некоторых вариантах реализации объективной стороны, ст. 291[1] УК РФ представляет собой частный случай соучастия в преступлении. Согласно Кассационному определению Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2012 г. № 9-О12-18 ст. 291[1] УК РФ содержит понятие посредничества, которое схоже с понятием пособничества [12]. Но само положение данной нормы предусматривает искусственное отделение от института соучастия, так как подразумевается, что посредничество является самостоятельным составом преступления.

На данный момент перечень возможных пособнических действий, содержащихся в УК РФ является исчерпывающим, но такая позиция вызывает несогласие у широкого круга представителей научного сообщества и правоприменителей [13]. С подобной позицией можно согласиться, поскольку, учитывая быстро меняющиеся реалии современного общества невозможно четко определить, каким образом лицо может способствовать совершению любого преступления.

Не можем не согласиться и с тем, что непосредственная передачи взятки от взяткодателя к взяткополучателю не является соучастием, и применение квалификации по ст. 290 и 291 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ, при данной форме посредничества, все же будет аналогией, что недопустимо, однако иное способствование в рамках посредничества можно признать частным случаем пособничества, по крайней мере, до момента устранения имеющегося пробела в действующем законодательстве. Хотя такой подход вызывает много вопросов относительно того, что такая квалификация данного деяния не соответствует принципу справедливости и создает аналогию закона [14], что мы предприняли попытку опровергнуть.

Таблица 1.

Сравнительный анализ санкций, предусмотренных в ст. 291[1] УК РФ со смежными составами преступлений

Норма / Санкция	ч. 1 ст. 291[1]	ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 290	ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 291
Лишение свободы	до 4-х лет	до 3-х лет	до 2-х лет
Штраф/руб.	20-кратная сумма взятки	От 10 до 20-кратной сумме взятки	От 5 до 10-кратной сумме взятки

По постановлению Президиума Московского городского суда от 13 июня 2017 г. № 44у-195/17 можно заметить, что действия преступника рассматривались бы как соучастие в форме пособничества, если бы не введение в заблуждение потерпевшего. В данном судебном решении говорится, что ранее С. А. Агашичев был осужден по ст. 33 ч. 5 и 290 ч. 6 УК РФ, хотя позднее его действия были переквалифицированы на ч. 4 ст. 291[1] УК РФ. Однако изначально суд признал гражданина С. А. Агашичева виновным в пособничестве в получении должностным лицом лично взятки в виде денег за совершение незаконных действий в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, за действия, входящие в служебные полномочия должностного лица, группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере [15]. Подобная квалификация показывает, что посредничество в ряде случаев можно рассматривать и как соучастие.

При анализе указанной проблемы параллельно возникает и еще одна. Если признать, что признак значительности является конструктивным элементом всех видов посредничества во взяточничестве, тогда он должен быть указан и в ч. 5 ст. 291[1] УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Подобное решение подтверждается и п. 13.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», согласно которому действия лица изначально обещавшего, либо предлагавшего услуги посредника во взяточничестве, а затем совершившего преступление, предусмотренное ч. 1–4 ст. 291[1] УК РФ, содержащими обязательный признак размера взятки, не требуют дополнительной квалификации по ч. 5 ст. 291[1] УК РФ [1].

Завершая исследование рассматриваемой нами проблемы, можно сделать вывод, что практика применения рассматриваемой статьи в настоящее время еще полностью не сформирована, в связи с чем и возникает множество сложностей в оценке деяний, подпадающих под действие данной нормы. И это несмотря на то, что факты взяточничества составляют около 0,9 % от всех преступлений, зафиксированных в России к концу 2021 г. Из 30 929 преступлений коррупционной направленности предварительно расследованы лишь 1493 случая посредничества во взяточничестве, а по 933 уголовным делам в суд направлены обвинительные заключения [16]. Для точной и правильной квалификации преступлений предпочтительно было бы конкретизировать некоторые положения в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». В том числе, рассмотреть вопросы квалификации деяний посредника во взяточничестве при отсутствии значительного размера взятки, а также уточнить возможный состав действий посредника.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ (ред. от 4 июня 2014 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Яни П. С. Интеллектуальное посредничество во взяточничестве: начало и окончание / Законность. 2014. № 12 (962). С. 23–29 // URL://https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22792235_55255105.pdf.

5. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 декабря 1960 г.) (ред. от 30 июля 1996 г.) (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Мурадян С. В. Актуальные проблемы противодействию финансированию терроризма с использованием криптовалюты: сб. статей по итогам междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 20-летию принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (29 октября 2020 г.) «Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью». М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 115.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приговор № 1-117/2017 от 23 мая 2017 г. по делу № 1-117/2017 // URL://https://sudact.ru/regular/-doc/nl4HbSIemkmz/

10. Яни П. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Президиума Верховного суда от 23 августа 2018 г. № 44у-39/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2012 г. № 9-О12-18 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Ображиев К. В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2019. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Бриллиантов А. В., Яни П. С. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование? // Законность. 2013. № 6 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Президиума Московского городского суда от 13 июня 2017 г. № 44у-195/17 // Официальный сайт Московского городского суда // URL://https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/fb93efb5-6caf-478d-afc3-d5e8a647320f.

16. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за октябрь 2021 г. // Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации // URL://http://crimestat.ru/analytics

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 No. 24 (ed. of December 24, 2019) «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» // SPS «ConsultantPlus».

2. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on December 30, 2021) // SPS «ConsultantPlus».

3. Federal Law No. 97-FZ of May 4, 2011 (as amended on June 4, 2014) «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the Improvement of Public Administration in the field of combating corruption» // SPS «ConsultantPlus».

4. Yani P. S. Intellectual Mediation in bribery: Beginning and Ending / Legality. 2014. No. 12 (962). P. 23–29 // URL://https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22792235_55255105.pdf.

5. The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on December 27, 1960) (as amended on July 30, 1996) (expired) // SPS «ConsultantPlus».

6. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to separate legislative acts of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

7. Muradyan S. V. Actual problems of countering the financing of terrorism using cryptocurrencies: collection of articles on the results of the international scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the adoption of the UN Convention against Transnational Organized Crime 2000 (October 29, 2020) «Actual problems of international cooperation in the fight against crime». M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2020. P. 115.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2019 No. 59 «On amending the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 No. 24 «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» and dated October 16, 2009 No. 19 «On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of power» // SPS «ConsultantPlus».

9. Sentence No. 1-117/2017 dated 23 may 2017 in case No. 1-117/2017 // URL://https://sudact.ru/regular/-doc/nl4HbSIemkmz/

10. Yani P. S. New resolution of the Plenum of the Supreme Court on bribery // Legality. 2013. No. 12 // SPS «ConsultantPlus».

11. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of August 23, 2018 No. 44u-39/2018 // SPS «ConsultantPlus».

12. Cassation ruling of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 7, 2012 No. 9-O12-18 // SPS «ConsultantPlus».

13. Obrazhiev K. V. Complicity in crime: problems of criminal legal assessment // Criminal law. 2019. No. 3 // SPS «ConsultantPlus».

14. Brilliantov A. V., Yani P. S. Application of norms on complicity: analogy or interpretation? // Legality. 2013. No. 6 // SPS «ConsultantPlus».

15. Resolution of the Presidium of the Moscow City Court of June 13, 2017 No. 44u-195/17 // Official website of the Moscow City Court // URL://https://www.mosgorsud.ru/mgs/cases/docs/content/fb93efb5-6caf-478d-afc3-d5e8a647320f.

16. Monthly collection on the state of crime in Russia for October 2021 // Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // URL://http://crimestat.ru/analytics

Библиографический список

1. Бриллиантов А. В., Четвертакова Е. Ю. Уголовная ответственность за взяточничество: моногр. М. : РГУП, 2019.

2. Глоссарий международных стандартов в уголовном праве. Коррупция // Глоссарии ОЭСР (на английском языке) // URL://https://www.oecd.org/daf/anti-bribery/41194428.pdf.

3. Коррупция: природа, проявления, противодействие: моногр. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2014.

4. Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / А. С. Автономов, Н. А. Голованова, В. В. Гриб и др.; отв. ред. А. С. Автономов. М. : Юрист, 2017.

5. Яни П. С. Взяточничество и должностное злоупотребление: уголовная ответственность: моногр. М. : Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2002.

Bibliographic list

1. Brilliantov A.V., Chetvertakova E. Y. Criminal liability for bribery: monogr. M. : RGUP, 2019.

2. Glossary of international standards in criminal law. Corruption // OECD Glossaries (in English) // URL://-https://www.oecd.org/daf/anti-bribery/41194428.pdf.

3. Corruption: nature, manifestations, counteraction: monogr. / ed. T. Ya. Khabrieva. M., 2014.

4. Legal and organizational anti-corruption measures: a comparative study / A. S. Avtonomov, N. A. Golovanova, V. V. Grib et al.; ed. A. S. Avtonomov. M. : Lawyer, 2017.

5. Yani P. S. Bribery and official abuse: criminal liability: monogr. M. : Business School «Intel-Synthesis», 2002.

Информация об авторах

С. В. Мурадян — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

М. М. Рыбак — курсант Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

S. V. Muradyan — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

M. M. Rybak — Cadet of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-195-198
NIION: 2003-0059-3/22-305
MOSURED: 77/27-003-2022-03-504

Методические аспекты определения момента возникновения опасности для движения при экспертном исследовании механизма дорожно-транспортного происшествия

Павел Михайлович Мурашев
Научно-исследовательская судебно-экспертная группа «Содействие», Тверь, Россия, myptver@gmail.com

Аннотация. Представлены некоторые методические особенности экспертного исследования механизма ДТП исходя из определения момента возникновения опасности и помехи для движения.

Ключевые слова: Российская Федерация; законодательство, Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г., экспертное исследование, судебная экспертиза, исходные данные, компетенция эксперта, автотехническая экспертиза, непосредственная техническая причина ДТП, механизм ДТП, безопасность дорожного движения, экспертная квалификация действия водителей, момент возникновения опасности для движения, динамический коридор при движении автомобиля

Для цитирования: Мурашев П. М. Методические аспекты определения момента возникновения опасности для движения при экспертном исследовании механизма дорожно-транспортного происшествия // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 195–198. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-195-198.

Original article

Methodological aspects of determining the moment of a danger to traffic in the expert study of the mechanism of a road transport accident

Pavel M. Murashev
Research Forensic Expert Group «Assistance», Tver, Russia, myptver@gmail.com

Abstract. Some methodological features of an expert study of the mechanism of an accident based on the definition of the moment of occurrence of danger and obstacles to traffic are presented.

Keywords: Russian Federation, legislation, Federal Law of the Russian Federation «On State Forensic Activities in the Russian Federation» dated April 05, 2001, expert research, forensic examination, initial data, expert competence, autotechnical expertise, the immediate technical cause of the accident, accident mechanism, road safety, expert qualification of drivers' actions, moment of occurrence of danger for movement, dynamic corridor when the car is moving

For citation: Murashev P. M. Methodological aspects of determining the moment of a danger to traffic in the expert study of the mechanism of a road transport accident. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):195–198. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-195-198.

При проведении исследования и составлении заключения судебной автотехнической экспертизы эксперт должен основываться исключительно на достоверных и объективных исходных данных. Исходные данные, используемые при проведении экспертного исследовании, должны удовлетворять требованиям достаточности и достоверности. Информация считается достаточной, если использование дополнительной информации не ведет к существенному изменению параметров, использованных при проведении экспертизы, а также не ведет к существенному изменению выводов судебного эксперта.

В случае невозможности получения достаточного объема исходной информации, выводы судебного экс-

© Мурашев П. М., 2022

перта должны быть условными. При этом эксперт должен указать все допущения, сделанные им в ходе проведения исследования и составления заключения для восполнения недостающей информации.

При этом, информация считается достоверной, если соответствует действительности и позволяет пользователю заключения эксперта (судье, прокурору, адвокату, органу дознания или предварительного следствия и т. д.) делать правильные выводы об обстоятельствах, которые исследовались экспертом при проведении экспертизы и сделанных им выводах, и принимать базирующиеся на этих выводах обоснованные, аргументированные и законные решения.

Поэтому при ответе на поставленные вопросы перед экспертом для определения реальной, а не гипотетической технической причины дорожно-транспортного происшествия, необходимо иметь достаточный объем достоверной исходной информации.

В современной экспертной практике при квалификации технических действий водителей с целью оценки соответствия или несоответствия этих действий нормам и требованиям ПДД необходимо установить возможность, либо невозможность реализации каждым из них всех относящихся в нему норм и требований ПДД, естественно с указанием причин отсутствия такой возможности.

Одним из важнейших аспектов экспертного исследования механизма любого ДТП является установление момента возникновения опасной ситуации (опасности для движения). Далеко не всегда этот момент может быть задан судом, или предварительным следствием. Достаточно часто установление момента возникновения опасной ситуации является предметом именно экспертного исследования и обоснования.

Трактовка понятия «опасность для движения», или опасная ситуация весьма важна и актуальна при расследовании ДТП, поскольку возникновение такой ситуации, которую «водитель в состоянии обнаружить», является важным, если не решающим фактором, требующим от водителя на безальтернативной основе «принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки» (п. 10.1 ПДД РФ).

Совершенно очевидно, что понятие опасности для движения шире термина помеха, или препятствие для движения, по той причине, что может иметь как явные, так и косвенные признаки.

Например, предупреждающие дорожные знаки можно рассматривать как косвенный признак или потенциальную возможность внезапного появления помехи для движения.

В этой связи необходимо привести полное описание такой ситуации в соответствии с Общими положениями ПДД РФ (п. 1.2 ПДД РФ):

«Опасность для движения» — ситуация, возникшая в процессе дорожного движения, при которой продолжение движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу возникновения дорожно-транспортного происшествия».

При экспертном исследовании ДТП необходимо учитывать два весьма существенных обстоятельства, а именно:

- при квалификации действий водителей следует иметь в виду, что момент возникновения опасности для движения и момент возможного обнаружения этой опасности водителем могут не совпадать, при том, что в соответствии с п. 10.1 ПДД РФ, водитель должен принимать технические меры по предотвращению ДТП именно с момента обнаружения этой опасности, т.е. когда водитель в состоянии ее обнаружить;
- при участии в ДТП двух или более водителей, либо водителя и пешехода, момент обнаружения опасности для движения (не момент возникновения, а именно момент обнаружения ее) может быть различным для участников дорожного движения в силу того обстоятельства, что у каждого из них могут быть различные возможности обнаружения опасности для движения как явные, так и косвенные.

Следует отметить, что реальными признаками опасности для движения, а по сути потенциальной опасности возникновения ДТП, могут быть не только помехи для движения в виде препятствия, но и наличие впереди знаков «Пешеходный переход», перекрестка, оборудованного светофорными объектами и т. д. Совершенно очевидно, что это вполне реальные признаки потенциальной опасности для движения.

Например, таким реальным и объективным признаком потенциальной опасности для движения перед регулируемым перекрестком, при наличии на нем светофорного объекта, является мигающий зеленый сигнал, поскольку это обстоятельство является признаком скорого переключения светофора на запрещающий сигнал с возможностью выезда на перекресток транспорта с пересекающего направления и выхода пешеходов, пересекающих проезжую часть.

При этом реальная опасность для движения в такой ситуации обусловлена не только возможным движением транспорта в поперечном направлении, но и, что бывает достаточно часто, движением встречного транспорта в режиме левого поворота с целью освобождения перекрестка.

Это означает, что в полном соответствии с нормами и требованиями п. 10.1 ПДД РФ, каждый из водителей мог (обнаружить) воспринимать опасную ситуацию в разные моменты времени. Тот водитель, который приближается к регулируемому перекрестку, может обнаружить потенциальную опасность для движения в момент включения зеленого мигающего сигнала светофора, т. е. на определенном расстоянии до перекрестка, иногда 40–50 м и более, а водитель, который находился на перекрестке в ожидании возможности покинуть перекресток в режиме левого поворота, при включении соответствующего сигнала светофора, имеет возможность обнаружить опасность для движения (опасную ситуацию) в момент выезда встречного автомобиля на перекресток, если этот выезд произошел после переключения зеленого мигающего сигнала светофора на запрещающий (желтый, либо красный).

Расхождение по времени обнаружения опасности водителями в таком случае соответствует времени работы зеленого сигнала светофора в мигающем режиме, обычно 3–4 сек.

Именно исходя из этого очевидного и бесспорного обстоятельства и необходимо давать оценку технической возможности предотвращения такого ДТП каждым из водителей.

Достаточно типичными и распространенными являются ДТП, связанные с наездом на пешеходов в темное время суток.

При этом, устанавливая механизм такого ДТП, эксперт обязан исходить из того бесспорного обстоятельства, что момент возникновения опасной ситуации практически всегда соответствует моменту выхода пешехода на проезжую часть при ее пересечении. Однако возможности обнаружения этой ситуации водителем и пешеходом отличаются кардинально.

Если дальность обнаружения пешехода, особенно в темной одежде, с места водителя соответствует дальности предметной видимости в условиях данного ДТП, то возможности пешехода по обнаружению автомобиля, приближающегося по проезжей части с включенным светом фар, практически соответствуют протяженности прямолинейного участка дороги, т.е. значительно превышают возможности водителя.

Данное обстоятельство должно учитываться при установлении механизма ДТП, связанного с наездом на пешехода, особенно при пересечении им проезжей части в непредназначенном для этого месте.

Следует отметить, что механизм любого ДТП — это комплекс факторов и обстоятельств, устанавливающий причинную связь между действиями участников дорожного движения и наступившими последствиями.

В смысловом аспекте установленный механизм ДТП должен давать развернутый ответ на вопрос: почему оно произошло, а не представлять собой простое хронологическое описание события. Такое описание может рассматриваться лишь как детализация обстоятельств ДТП, но не как механизм этого происшествия.

Необходимость и актуальность совершенствования методики экспертного расследования дорожно-транспортных происшествий по определению момента возникновения опасности и помехи для движения в различных ситуациях были продиктованы существенным увеличением количества подобных споров в последнее время.

Библиографический список

1. Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

2. ГОСТ 34.401-90. Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Средства технические периферийные автоматизированных систем дорожного движения. Типы и технические требования.

3. ГОСТ Р 52282-2004. Технические средства организации дорожного движения. Светофоры дорожные. Типы и основные параметры. Общие технические требования. Методы испытаний (с Изменением № 1).

4. ГОСТ Р 52290-2004. Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Общие технические требования (с Поправками, с Изменениями № 1, 2, 3).

5. Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 26 марта 2020 г.) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»).

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 г. Москва «О судебной экспертизе по уголовным делам».

7. Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия: расследование, реконструкция, экспертиза // ДНК. 2008 г.

8. Мурашев П. М. Судебная автотехническая экспертиза как средство доказывания при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Вестник

Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 31–34.

9. Мурашев П. М. Экспертное исследование механизма дорожно-транспортных происшествий, связанных со столкновениями транспортных средств при встречном разъезде // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 26–29.

10. Мурашев П. М. О предназначении экспертных исследований в гражданском процессе России (историко-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 44–46.

11. Мурашев П. М. Проведение судебной автотехнической экспертизы при учете технических особенностей транспортного средства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 41–43.

12. Мурашев П. М. Методические аспекты установления механизма ДТП, связанного с наездом на пешехода // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 30–33.

13. Расследование дорожно-транспортных происшествий / под ред. В. А. Федорова и Б. Я. Гаврилова. М., 2003.

Bibliographic list

1. The Law «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» dated May 31, 2001 № 73-FZ (with amendments and additions).

2. GOST 34.401-90. Information technology. A set of standards for automated systems. Technical peripheral means of automated traffic systems. Types and technical requirements.

3. GOST R 52282-2004. Technical means of traffic management. Traffic lights are on the road. Types and basic parameters. General technical requirements. Test methods (with Change No. 1).

4. GOST R 52290-2004. Technical means of traffic management. Road signs. General technical requirements (as Amended, with Changes № 1, 2, 3).

5. Decree of the Government of the Russian Federation of 23.10.1993 № 1090 (ed. of 26.03.2020) «On the Rules of the road» (together with the «Basic provisions on the admission of vehicles to operation and the duties of officials to ensure road safety»).

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 28 of December 21, 2010, Moscow «On forensic examination in criminal cases».

7. Yevtyukov S. A., Vasiliev Ya. V. Traffic accidents: investigation, reconstruction, expertise // DNA. 2008.

8. Murashev P. M. Forensic automotive expertise as a means of proof in the investigation of road accidents // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 5. P. 31–34.

9. Murashev P. M. Expert study of the mechanism of road accidents associated with collisions of vehicles at oncoming traffic // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 6. P. 26–29.

10. Murashev P. M. On the purpose of expert research in the civil process of Russia (historical and legal aspect) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 7. P. 44–46.

11. Murashev P. M. Conducting a forensic auto-technical examination taking into account the technical features of the vehicle // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 8. P. 41–43.

12. Murashev P. M. Methodological aspects of establishing the mechanism of an accident associated with hitting a pedestrian // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3. P. 30–33.

13. Investigation of traffic accidents / Edited by V. A. Fedorov and B. Ya. Gavrilov. M., 2003.

Информация об авторе

П. М. Мурашев — председатель Научно-исследовательской судебно-экспертной группы «Содействие», ведущий судебный эксперт.

Information about the author

P. M. Murashev — Chairman of the Scientific Research Forensic Expert Group «Assistance», Leading Forensic Expert.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; одобрена после рецензирования 03.06.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 27.05.2022; approved after reviewing 03.06.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-199-202
NIION: 2003-0059-3/22-306
MOSURED: 77/27-003-2022-03-505

Права и свободы личности в контексте конституционных изменений

Алла Анатольевна Опалева
Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, allaopaleva@yandex.ru

Аннотация. Раскрывается значение конституционных изменений в контексте их влияния на права и свободы человека и гражданина. Отмечается, что вопрос о том, можно ли считать ряд новелл новыми правами, свободами и обязанностями, ранее не прописанными в Основном законе, является дискуссионным. На примере ряда поправок показывается, как они вписываются в систему уже закрепленных в Конституции прав и свобод и их гарантий.

Ключевые слова: права и свободы личности, Конституция Российской Федерации, конституционные поправки

Для цитирования: Опалева А. А. Права и свободы личности в контексте конституционных изменений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 199–202. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-199-202.

Original article

Individual rights and freedoms in the context of constitutional changes

Alla A. Opaleva
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, allaopaleva@yandex.ru

Abstract. The article reveals the significance of constitutional changes in the context of their impact on human and civil rights and freedoms. It is noted that the question of whether a number of novels can be considered new rights, freedoms and duties not previously prescribed in the Basic Law is debatable. The example of a number of amendments shows how they fit into the system of rights and freedoms already enshrined in the Constitution and their guarantees.

Keywords: individual rights and freedoms, the Constitution of the Russian Federation, constitutional amendments

For citation: Opaleva A. A. Individual rights and freedoms in the context of constitutional changes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):199–202. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-199-202.

Изменения в Конституции РФ, принятые в качестве Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», напрямую не затрагивают гл. 2, в которой закреплены права и свободы человека и гражданина, но значительно расширяют гарантии их реализации. В первую очередь это касается социальных прав и свобод.

Значение конституционных поправок в контексте их влияния на права и свободы человека и гражданина еще предстоит глубоко осмыслить, но уже сегодня можно сказать, что, поскольку Конституция РФ является не просто совокупностью, а системой норм, то любые новеллы, будь то вопросы конституционно-правового статуса Российской Федерации или организации, функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти, организации и функционировании местного самоуправления, в той или иной мере будут влиять на реализацию прав и свобод человека и гражданина.

В этой связи целесообразно выделить два аспекта. Первый связан с введением в текст Конституции новых прав и свобод, при условии что правам и свободам посвящена гл. 2, которая не подверглась изме-

© Опалева А. А., 2022

нениям. Второй касается соответствия вводимых новелл, содержащих, пусть и не в прямой формулировке, права и свободы личности и их гарантии, системе уже прописанных в Конституции прав и свобод.

Вопрос о том, можно ли считать ряд новелл новыми правами, свободами и обязанностями, ранее не прописанными в Основном законе, на наш взгляд, является дискуссионным. Так, по мнению профессора В. А. Винокурова, поскольку в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» поправки вноситься не могут, то формально-юридически эта часть Основного закона страны не подвергалась каким-либо изменениям. Однако в тексте гл. 3 Конституции появились нормы, в которых можно обнаружить отдельные права и свободы человека и гражданина, а также их обязанности. Разумеется, что в статьях, куда были внесены новые положения, в той или иной степени регулирующие вопросы прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, напрямую не используются слова «право», «свобода» или «обязанность» [1, с. 40].

Тем не менее, он полагает, что такими не упоминавшимися ранее в тексте главного документа страны правами и обязанностями можно считать: 1) норму о приоритете семейного воспитания, что предполагает право выбора родителей в воспитании детей — по отдельности или в семье (ч. 4 ст. 671); 2) право выбора создания семьи, ограниченное возможностью создания семьи именно как союза мужчины и женщины или не создания такой семьи. При этом вопрос создания семьи (как брака) мужчины и мужчины или женщины и женщины невозможен, поскольку Конституция РФ не допускает никакого иного состава семьи (п. «ж1» ст. 72); 3) обязанности граждан следить за своим здоровьем, не запускать его, что вытекает из задачи государства, касающейся создания условий для формирования «культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью» (п. «ж» ст. 72) [1, с. 40–41]. По мнению названного автора, права, свободы и обязанности человека и гражданина в Российской Федерации, внесенные поправками, содержатся в гл. 3 «Федеративное устройство» Конституции Российской Федерации, в которую эти нормы включать не следовало, поскольку они, во-первых, не соответствуют тематике главы, во-вторых, загромождают текст Основного Закона государства, делая его сложным для прочтения и понимания [1, с. 43].

На наш взгляд, первые два приведенных В. А. Винокуровым примера все-таки следует рассматривать не как новые конституционные права и обязанности личности, а как конституционное закрепление традиционных общественных ценностей. Естественно, реализация этих ценностей предполагает наличие целого комплекса взаимных прав и обязанностей личности, общества и государства, а не только тех, на которые указал В. А. Винокуров. Представляется, что правовое закрепление этих прав и обязанностей будет происходить, скорее всего, на уровне федеральных законов. Как справедливо отметили авторы комментария к Конституции РФ под редакцией В. Д. Зорькина и Л. В. Лазарева, «если на более высоком уровне конституционного регулирования нередко достаточно конституционных норм, то на другом уровне — в конституционных правоотношениях с участием граждан — часто необходима большая степень формальной определенности при установлении их прав и обязанностей, что обеспечивается посредством отраслевых норм» [2, с. 161].

Можно было бы согласиться с В. А. Винокуровым в том, что новая конституционная норма, касающаяся создания условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью содержит в себе обязанность граждан следить за своим здоровьем. Наверное, наличие такой обязанности было бы сегодня весьма кстати, что приобретает особое значение и содержание в условиях пандемии COVID-2019. Однако в названной поправке эта обязанность представлена не в классической формулировке обязанности, а в виде создания государством условий для защиты здоровья граждан. Если бы была возможность внести изменения в гл. 2 Конституции Российской Федерации, то, видимо, закрепление обязанности вести здоровый образ жизни, следить за своим здоровьем и соблюдать право других граждан на здоровье должно было бы стать первостепенным.

Что касается второго аспекта, то мы солидарны с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой внесенные изменения не противоречат основополагающим положениям Конституции о правах и свободах, не снижают их гуманистического потенциала и не вносят ограничения в их реализацию [3]. Другими словами, вписываются в систему уже закрепленных в Конституции прав и свобод и их гарантий.

Но если признать, что вводимые новеллы не являются новыми правами и свободами, то, какое отношение они имеют к уже прописанным в Конституции правам и свободам? В этой связи в литературе высказано мнение, что дополнительно внесенные в текст Конституции РФ поправки (иными словами и выра-

жениями) повторяют права, свободы и обязанности, ранее зафиксированные в главном документе страны [1, с. 43].

На наш взгляд, анализ новелл, затрагивающих права и свободы граждан, показывает, что они либо уточняют содержание прав и свобод, закрепленных в гл. 2 Конституции, либо акцентируют внимание на тех или иных актуальных аспектах этих прав и свобод, либо усиливают гарантии их реализации. Особенностью изложения новых норм является то, что они не напрямую указывают на права и свободы, иначе их пришлось бы поместить в гл. 2, а рассматриваются через призму, прежде всего, их государственного обеспечения, что обусловлено их положением в рамках гл. 3 «Федеративное устройство» и отношением к широкому спектру вопросов, объединенных проблемой совершенствования организации и функционирования публичной власти.

Так, в последние годы актуальными стали вопросы, касающиеся прав и свобод личности в сфере частной жизни. Конституционные дополнения и уточнения еще раз подтвердили значимость для нашего общества традиционных ценностей, связанных с защитой семьи, материнства, отцовства и детства, таких, как защита института брака как союза мужчины и женщины, создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. Закрепление этих вопросов в качестве предмета совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов строго соответствуют предписаниям ст. 2, 17, 19, 21–23 и 38 Конституции РФ. Это не снимает с государства конституционные обязанности не допускать произвольного вторжения в сферу частной жизни, уважать связанные с нею различия, принимать меры, направленные на исключение возможных ущемлений прав и законных интересов лиц по мотиву их сексуальной ориентации, и обеспечивать эффективные возможности для защиты и восстановления их нарушенных прав [3].

В Конституции РФ значительно расширены гарантии социальных прав, в частности, закреплено, что минимальный размер оплаты труда гарантируется государством не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по РФ. Таким образом, этот вопрос с уровня федерального закона был поднят на конституционный уровень [4].

Болезненным вопросом и источником повышенного внимания общества является система пенсионного обеспечения граждан. Хотя право на пенсионное обеспечение уже было зафиксировано в Конституции (ч. 1 и 2 ст. 39), не случайно в дополнениях к Конституции эти вопросы получили свое развитие. В частности, указано, что данная система формируется на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений, поддерживается ее эффективное функционирование, осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом. В соответствии с федеральным законом гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат (ч. 5–7 ст. 75).

Многие гарантии прав и свобод личности прописываются через полномочия государственных органов (например, п. «в. 2» ст. 114).

Изменения, касающиеся ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, в том числе ограничений, связанных с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, а также ограничений, связанных с открытием и наличием счетов (вкладов), хранением наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации (п. «т» ст. 71 Конституции РФ), на наш взгляд, следует рассматривать как гарантию обеспечения интересов личности, общества и государства, в том числе охраны и защиты прав и свобод граждан от неправомерных действий со стороны названных категорий должностных лиц.

Таким образом, даже краткий обзор внесенных в Конституцию РФ изменений и дополнений показывает их значение для реализации прав и свобод человека и гражданина. Не затрагивая непосредственно содержания и перечня изложенных в гл. 2 прав и свобод, эти изменения существенно углубляют их гарантированность, конкретизируя и расширяя положения, которые позволяют полнее раскрыть возможности и полномочия, заложенные в этих правах и свободах.

Список источников

1. Винокуров В. А. Поправка в Конституцию Российской Федерации о публичной власти: теоретико-правовое осмысление прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в России // Юридическая мысль. 2021. № 1 (121). С. 39–44.

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М., 2009.

3. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-З (г. Санкт-Петербург) // Российская газета. 2020.17 марта.

4. Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» // СЗ РФ. 2000. № 26. Ст. 2729; 2018. № 1 (ч. I). Ст. 5.

References

1. Vinokurov V. A. Amendment to the Constitution of the Russian Federation on public power: theoretical and legal understanding of the rights, freedoms and duties of man and citizen in Russia // Legal thought. 2021. No. 1 (121). P. 39–44.

2. Commentary to the Constitution of the Russian Federation / edited by V. D. Zorkin, L. V. Lazarev. M., 2009.

3. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation on compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation «On improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and functioning of public Power», as well as on compliance with the Constitution of the Russian Federation of the procedure for entry into force of Article 1 of this The Law in connection with the request of the President of the Russian Federation No. 1-Z of March 16, 2020 (St. Petersburg) // Rossiyskaya Gazeta. March 2020.17.

4. Federal Law «On the minimum wage» // SZ RF. 2000. No. 26. St. 2729; 2018. No. 1 (part I). St. 5.

Библиографический список

1. Баранов В. М. Защита прав человека в фокусе президентских поправок в Конституцию России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2. С. 177–181.

3. Винокуров В. А. Права и свободы человека и гражданина и поправки в Конституцию Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Юридический мир. 2021. № 3. С. 29–32.

4. Каюмов Р. В. Анализ поправок в области традиционных семейных ценностей, прав и свобод человека и гражданина, вносимых в Конституцию // Отечественная юриспруденция. 2020. № 3. С. 12–14.

5. Патюлин Г. С. Поправки 2020 в Конституцию Российской Федерации. К вопросу о гарантиях социальных прав граждан России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3. С. 79–81.

Bibliographic list

1. Baranov V. M. Protection of human rights in the focus of presidential amendments to the Constitution of Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. P. 177–181.

3. Vinokurov V. A. Human and civil rights and freedoms and amendments to the Constitution of the Russian Federation: comparative legal analysis // Legal World. 2021. No. 3. P. 29–32.

4. Kayumov R. V. Analysis of amendments in the field of traditional family values, human rights and freedoms and the citizen, introduced into the Constitution // Domestic jurisprudence. 2020. No. 3. P. 12–14.

5. Patyulin G. S. Amendments 2020 to the Constitution of the Russian Federation. On the issue of guarantees of social rights of Russian citizens // Law and the State: theory and practice. 2020. No. 3. P. 79–81.

Информация об авторе

А. А. Опалева — профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. A. Opaleva — Professor of the Department of State Construction and Law of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-203-208
NIION: 2003-0059-3/22-307
MOSURED: 77/27-003-2022-03-506

К вопросу о правовой природе условного осуждения в уголовном праве: продолжение дискуссии

Анатолий Николаевич Павлухин[1], Любовь Юрьевна Ларина[2], Нодари Дарчоевич Эриашвили[3]
[1] Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, Рязань, Россия, pavlukhin49@mail.ru
[2] Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия, larina1708@yandex.ru
[3] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru
[3] Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается правовая природа условного осуждения и ее значение, приводятся аргументы в пользу признания условного осуждения наказанием. Повышенное внимание уделяется вопросу правового регулирования досрочного освобождения от дополнительных наказаний при условном осуждении. Вносятся конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства в отношении условного осуждения в уголовном праве.

Ключевые слова: условное осуждение, наказание, основное наказание, дополнительное наказание, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отмена условного осуждения, категории осужденных

Для цитирования: Павлухин А. Н., Ларина Л. Ю., Эриашвили Н. Д. К вопросу о правовой природе условного осуждения в уголовном праве: продолжение дискуссии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 203–208. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-203-208.

Original article

On the question of the legal nature of a conditional sentence in criminal law: continuation of the discussion

Anatoly N. Pavlukhin[1], Lyubov Yu. Larina[2], Nodari D. Eriashvili[3]
[1] Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, pavlukhin49@mail.ru
[2] Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia, larina1708@yandex.ru
[3] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru
[3] University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the legal nature of a suspended sentence and its significance, and provides arguments in favor of recognizing a suspended sentence as a punishment. Increased attention is paid to the issue of legal regulation of early release from additional punishments with a suspended sentence. Specific proposals are being made to improve criminal legislation in relation to conditional sentences in criminal law.

Keywords: suspended sentence, punishment, main punishment, additional punishment, conditional early release from serving a sentence, cancellation of a suspended sentence, categories of convicts

For citation: Pavlukhin A. N., Larina L. Yu. Eriashvili N. D. On the question of the legal nature of a conditional sentence in criminal law: continuation of the discussion. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):203–208. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-203-208.

Уголовное законодательство Российской Федерации предоставляет судам возможность достаточно широкого выбора наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, не связанных с лишением свободы. Среди них особое место занимает условное осуждение.

© Павлухин А. Н., Ларина Л. Ю., Эриашвили Н. Д., 2022

По результатам специальных исследований от общего количества назначенных судами наказаний, не связанных с лишением свободы, условное осуждение составляет 56,1–58,9 %. В отношении осужденных несовершеннолетних этот показатель еще выше.

К ним условное осуждение применялось в 73,6–80,7 % случаев [1, с. 6]. Это говорит о необходимости повышенного внимания к вопросам как назначения, освобождения, и исполнения условного осуждения, так и его законодательного совершенствования. В первую очередь, по нашему мнению, это относится к правовой природе условного осуждения, вопрос о которой до сих пор остается дискуссионным.

Между тем, его правильное решение имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, например, при назначении наказания по совокупности приговоров, отмене условного осуждения, применении амнистии и других юридических важных вопросов [2, с. 71].

Не вдаваясь в глубокие теоретические дискуссии по данному вопросу, отметим, что мы полностью поддерживаем точку зрения авторов, которые относят условное осуждение к наказанию. В поддержку данной позиции приведем их наиболее убедительные, на наш взгляд, аргументы, дополнив своими. Так, крупный ученый в области уголовного права А. А. Пионтковский, считая условное осуждение одним из видов уголовного наказания, приводил в обоснование такого утверждения следующие аргументы:

1) условное осуждение, как и наказание, выполняет задачи охраны общественного порядка;

2) преследует те же цели, что и наказание;

3) как и всякое уголовное наказание, назначается судом за совершенное преступление путем вынесения обвинительного приговора;

4) содержит в себе, как и всякое наказание, элементы кары, страдания [3, с. 112].

Д. В. Ривман писал, что «условное осуждение по своей юридической природе представляет собой особый вид уголовного наказания, которому присущи все отличительные черты наказания, и который способен выполнить и выполняет возложенные задачи покарать и перевоспитать преступника, а также удержать от совершения преступления как его самого, так и других неустойчивых лиц» [4]. Сторонник отнесения условного осуждения к наказанию М. И. Якубович определял его как меру наказания, находящуюся в системе наказаний между лишением свободы и исправительными работами [5]. Данную позицию в отношении условного осуждения также разделяют такие ученые-правоведы, как В. И. Горобцов, В. И. Зубкова, О. Э. Лейст, И. С. Ной и др. По нашему мнению, весьма весомые перечисленные аргументы в пользу отнесения условного осуждения к наказанию можно дополнить следующими.

1. Сам законодатель употребляет термины, выражения и предложения применительно к условному осуждению, которые присущи только наказанию. Так, в ч. 1 ст. 73 УК РФ установлено, что если «…суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное **наказание условным**; т. е., законодатель сам дает определение (наименование) условному осуждению, как **условное наказание.** В ч. 5 ст. 46 УК РФ, регламентирующей наказание в виде штрафа, закреплено, что «в случае злостного уклонения от уплаты штрафа в размере…», назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. При этом **назначенное наказание не может быть условным.**

При условном осуждении точно так же, как и при условно досрочном освобождении от отбывания реального наказания, контроль за данными категориями лиц в обоих случаях осуществляется одним и тем же «уполномоченным на то специализированным государственным органом, а в отношении военнослужащих — командованием воинских частей и учреждений» (ч. 6 ст. 73 УК РФ, ч. 6 ст. 79 УК РФ).

Одинаковые правила действуют при назначении наказания в случаях, когда условно осужденные и условно-досрочно освобожденные от отбывания реального наказания совершают новые преступления (ч. 5 ст. 74 УК РФ; п. «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ). Часть 5 ст. 74 УК РФ содержит правило о том, что в случае совершения условно осужденным в течении испытательного срока тяжкого или особо тяжкого преступления, суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ, т. е. по совокупности приговоров. Это означает, что «к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично или полностью присоединяется **не отбытая часть наказания** по предыдущему приговору суда» (**т. е. по условному осуждению** — *выд. авт.*). Окончательное наказание по со-

вокупности приговоров должно быть больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и **не отбытой части наказания по предыдущему приговору суда, т. е. по условному осуждению** (ч. 4 ст. 70 УК РФ).

2. При условном осуждении также могут быть назначены дополнительные виды наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ). Это означает, что условное осуждение, по сути, является основным видом наказания, поскольку только к нему могут назначаться (присоединяться) дополнительные наказания. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» прямо указано: «учитывая, что в соответствии с ч. 4 ст. 73 УК РФ при условном осуждении могут быть назначены дополнительные наказания, **условным может быть признано лишь основное наказание.** Дополнительные наказания приводятся в исполнение реально» [6, с. 83].

3. Условное осуждение влечет за собой судимость, а лица условно осужденные считаются судимыми в течение испытательного срока (п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ).

В случаях, когда условному осужденному было назначено дополнительное наказание, то оно, как отмечалось, исполняется реально и судимость при этом погашается по истечению одного года после отбытия или исполнения этого наказания (п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ).

Судимость является неотъемлемым свойством (последствием) уголовного наказания и ее наличие порождает различные неблагоприятные общеправовые, уголовно-правовые и социальные последствия. Поскольку в отношении виновного в совершении преступления лица судом вынесен обвинительный приговор и назначено условное наказание, постольку оно считается судимым со всеми уголовно-правовыми и социальными последствиями судимости.

В частности, уголовно-правовыми последствиями могут быть признание рецидива, если условное осуждение отменялось и лицо направлялось для отбывания реального наказания в места лишения свободы (ст. 18 УК РФ, п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ); признание состава нового преступления квалифицированным или особо квалифицированным; назначение более строгого наказания при рецидиве преступлений и др.

Негативные социальные последствия могут выразиться, например, в невозможности устроиться на государственную службу, связанную с режимом секретности, невозможностью устроиться на соответствующую работу по специальности, если было назначено дополнительное наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью до окончания срока действия этого наказания, обязанностью указывать сведения о судимости в официальных анкетах, отрицательным общественным отношением и т. д.

Отметим также, что условно осужденное лицо считается преступником, поскольку ему официально выражено порицание от имени государства в обвинительном приговоре суда.

4. Органы контроля, сам контроль, его организация и обязанности, которые могут быть возложены на условно осужденных, практически совпадают с теми, которые установлены законом для реально отбывающих наказание осужденных, освобожденных условно-досрочно (ч. 2 ст. 79 УК РФ), а также предусмотренных для иных самостоятельных видов наказания, в частности, ограничения свободы (ч. 1, 3, 5 ст. 53 УК РФ).

Кроме того, осуществляя контроль за поведением условно осужденных, уполномоченный специализированный орган (уголовно-исполнительная инспекция), в пределах своей компетенции, может принять к ним меры, сходные с применяемыми администрацией исправительного учреждения к лицам, реально отбывающим наказание. Например, он вправе ограничивать досуг условно осужденного в случае, когда это препятствует его дальнейшему исправлению, если такое требование не было установлено судом при вынесении обвинительного приговора. Он также может применить меры административного или дисциплинарного взыскания или, наоборот, поощрительные меры при надлежащем поведении условно осужденного, проводить с ним определенную воспитательную работу в целях привития духовной, нравственной культуры и др.

Подобно тому, как в исправительном учреждении, в зависимости от поведения осужденного, может меняться режим отбывания наказания, при условном осуждении возможно изменение уровня контроля за условно осужденным как в сторону его усиления, так и смягчения.

Как видим, карательный элемент условного осуждения весьма ощутимый, а по объему не уступает, на наш взгляд, таким наказаниям как, например, штраф, лишение права занимать определенные должности

или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и принудительные работы.

Приведенные дополнительные аргументы, как нам представляется, убедительно доказывают правоту сторонников позиции, согласно которой **условное осуждение является именно наказанием в уголовном праве России.**

Но вопрос сейчас в другом. Почему же законодатель в течении столь длительного времени так и не может определиться в такой несложной, на наш взгляд, проблеме? Ответа на него пока нет. Зато возникает другой вопрос. А зачем, вообще, все это нужно? Зачем вести на страницах юридической печати такие длительные дискуссии, полемику и споры о правовой природе условного осуждения? Неужели это так актуально и серьезно? На этот вопрос следует дать положительный ответ. А почему это важно и серьезно мы попытаемся объяснить.

Российский законодатель, предусмотрев порядок досрочной отмены условного осуждения и снятия с условно осужденного судимости в отношении основного вида наказания (ч. 1 ст. 74 УК РФ), **вообще никак не урегулировал этот вопрос в отношении дополнительных наказаний, которые были назначены к основному.**

В этой связи создалась весьма противоречивая правовая коллизия, которая ставит различные категории осужденных явно в неравные условия (положения), нарушая принципы справедливости [7], гуманизма [8] и в какой-то степени нормы Конституции Российской Федерации [9].

Так, в ч. 1 ст. 79 УК РФ сказано, что при определенных основаниях и условиях, лицо, отбывающее основное наказание, подлежит условно-досрочному освобождению… **«При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания».** Следует особо подчеркнуть, что условно-досрочному освобождению от основного и дополнительного наказаний могут подлежать все категории осужденных, в том числе лица, отбывающие пожизненное лишение свободы (ч. 5 ст. 79 УК РФ).

Что же касается лиц, условно осужденных, то в отношении них может применяться, при соответствующих основаниях и условиях, досрочная отмена **только** условного осуждения и снятие судимости (ч. 1 ст. 74 УК РФ) по основному наказанию.

В отношении дополнительных наказаний при условном осуждении их досрочная отмена законом (ст. 74 УК РФ) не предусмотрена, и они отбываются самостоятельно, реально и до конца. В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» от 20 декабря 2011 г. № 21 указано, что «при рассмотрении вопроса, указанного в п. 7 ст. 397 УПК РФ, когда условно осужденному назначен дополнительный вид наказания и до истечения испытательного срока он своим поведением доказал свое исправление, суд принимает решение об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости (ч. 1 ст. 74 УК РФ) **лишь после отбытия им дополнительного наказания»** [6, с. 97]. Получается, что досрочная отмена и снятие судимости с условно осужденного даже по основному наказанию, зависит («завязано») от дополнительного наказания, которое ему необходимо отбыть до конца.

Таким образом, можно констатировать, что условно осужденные являются единственной категорией, причем, наименее опасной по сравнению с другими осужденными, к которым по закону нельзя применять досрочное освобождение от дополнительного наказания.

Это не только нарушает, как отмечалось, принцип справедливости и гуманизма, но и приводит к тому, что значительное количество лиц, осужденных условно, с назначением дополнительных наказаний, которые доказали свое исправление, чистосердечно раскаялись в содеянном и могли бы добросовестно работать по своей специальности или заниматься определенной деятельностью (врачебной, педагогической, тренерской, деятельностью по управлению транспортным средством и т. д.) лишены такой возможности и права. По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ количество условно осужденных, в том числе с назначением дополнительных наказаний, за 2018–2020 гг. представлено в табл. 1.

По нашему убеждению, **отсутствие права** и возможности у условно осужденных на досрочное освобождение от дополнительных наказаний является пробелом в действующем уголовном законодательстве, который должен быть устранен на законодательном уровне.

Этот пробел обусловлен рядом причин и обстоятельств. Вместе с тем, как нам представляется, он

Таблица 1

Годы	2018	2019	2020
Всего лиц, осужденных условно	181 659	169 035	157 577
Осуждено условно с назначением дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	57 475	58 691	57 784
Осуждено условно с назначением дополнительного наказания в виде штрафа	7852	6843	5283
Осуждено условно с назначением дополнительного наказания в виде ограничения свободы	7080	6518	5406

имеет место быть также из-за того, что до сих пор на законодательном уровне не решен вопрос о правовой природе условного осуждения. **Если условное осуждение официально будет признано основным наказанием, то при его назначении с присоединением дополнительных наказаний законодателем должны быть предусмотрены и правила досрочного освобождения от них.**

Вышеизложенное позволяет, как нам представляется, сделать следующие выводы и предложения.

1. В настоящее время результаты научных исследований и судебная практика дают достаточные основания считать условное осуждение самостоятельным основным наказанием. В этой связи, предлагаем заглавие уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 73 УК РФ изменить: слова «Условное осуждение» заменить словами «Условное наказание».

В случае оставления названия ст. 73 УК РФ в прежней редакции, в конце уголовно-правовой нормы предусмотреть примечание, в котором разъяснить, что условное осуждение является одним из видов основного наказания.

2. Условное наказание не следует располагать в ст. 44 УК РФ (виды наказаний), поскольку рассматриваемое наказание является условным, а в ст. 44 УК РФ перечисляются реальные наказания. То, что условное наказание расположено в разд. III УК РФ (Наказания), а не в IV (Освобождение от уголовной ответственности и от наказания), на наш взгляд, вполне нормально.

3. Отсутствие права и возможности у условно осужденных на досрочное освобождение от дополнительных наказаний следует считать пробелом в уголовном законодательстве, в результате которого, они являются единственной категорией (причем, менее опасной) среди других осужденных, к которым по закону нельзя применять досрочное освобождение от дополнительных наказаний. Этот пробел необходимо устранить на законодательном уровне.

В этой связи, предлагаем ч. 1 ст. 74 УК РФ после последнего абзаца дополнить предложением следующего содержания: **«Условно осужденный также может быть полностью или частично освобожден от дополнительного вида наказаний».**

4. Поскольку в настоящее время по вопросу досрочного освобождения от дополнительных наказаний в отношении условно осужденных имеют место правовая коллизия и пробел в уголовном законодательстве, полагаем, что они могут быть полностью или частично освобождены от дополнительного вида наказания на основании Конституции РФ как Основного Закона прямого действия (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ).

Согласно ч. 1 ст. 19 Конституции РФ: «Все равны перед законом и судом, а в ч. 2 ст. 55 Основного Закона России сказано, что «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».

Список источников

1. Князева О. В., Сыч К. А., Павлухин А. Н. и др. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений, совершаемых условно-осужденными в период испытательного срока: моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2019.

2. Расторопов С. В., Звонов А. В., Лядов Э. В. и др. Условное осуждение к лишению свободы: законодательная регламентация, практика применения и исполнения. СПб. : Юридический центр, 2017.

3. Пионтковский А. А. Об условном осуждении или системе испытания. Одесса, 1864.

4. Ривман Д. В. О юридической природе условного осуждения и участии общественности в пере-

воспитании условно осужденных // Вестник Ленинградского университета. 1965. Вып. 4. № 23. С. 142.

5. Якубович М. И. О правовой природе условного осуждения // Советское государство и право. 1946. № 11. С. 59.

6. Судебная практика по уголовным делам. Тематический сборник. 3-е изд. М., 2015.

7. Павлухин А. Н. Цели наказания и возможности их достижения в Российском уголовном праве // Закон и право. 2018. № 5. С. 97–98.

8. Павлухин А. Н. О гуманизации наказания в уголовном и уголовно-исполнительном праве России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 144.

9. Конституция Российской Федерации. М., 2021.

References

1. Knyazeva O. V., Sych K. A., Pavlukhin A. N. et al. Criminal-legal and criminological characteristics of crimes committed by probationers during the probation period: monogr. M. : UNITY-DANA : Law and Law, 2019.

2. Rastoropov S. V., Zvonov A.V., Lyadov E. V., etc. Conditional sentence to imprisonment: legislative regulation, practice of application and execution. St. Petersburg : Law Center, 2017.

3. Piontkovsky A. A. On probation or the testing system. Odessa, 1864.

4. Rivman D. V. On the legal nature of probation and public participation in the re-education of probationers // Bulletin of the Leningrad University. 1965. Issue 4. No. 23. P. 142.

5. Yakubovich M. I. On the legal nature of probation // The Soviet state and law. 1946. No. 11. P. 59.

6. Judicial practice in criminal cases. Thematic collection. 3rd ed. M., 2015.

7. Pavlukhin A. N. The goals of punishment and the possibilities of their achievement in Russian criminal law // Law and Law. 2018. No. 5. P. 97–98.

8. Pavlukhin A. N. On the humanization of punishment in criminal and penal enforcement law of Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 10. P. 144.

9. Constitution of the Russian Federation. M., 2021.

Информация об авторах

А. Н. Павлухин — почетный профессор Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Л. Ю. Ларина — директор юридического института Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент;

Н. Д. Эриашвили — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кафедра гражданско-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

Information about the authors

A. N. Pavlukhin — Honorary Professor of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

L. Yu. Larina — Director of the Law Institute of Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

N. D. Eriashvili — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Department of Civil Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the Field of Science and Technology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-209-213
NIION: 2003-0059-3/22-308
MOSURED: 77/27-003-2022-03-507

Участие специалиста-взрывотехника в осмотре места происшествия по преступлениям, совершенным с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ

Николай Анатольевич Панасенко
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, panasenko-kms@mail.ru

Аннотация. Анализируются проблемные вопросы взаимодействия следователей ОВД и системы Следственного комитета России со специалистами-саперами при осмотре места происшествия по преступлениям, совершаемым с использованием взрывных устройств. Рассматриваются решаемые ими задачи и особенности, реализуемых при этом методов и средств. Отмечается необходимость технико-криминалистической подготовки специалистов-саперов как элемента их профессиональной подготовки, ориентированного на обеспечение поиска, изъятия и сохранности следов преступлений. Обосновывается необходимость подготовки и издания Наставления о работе специалиста-сапера на месте происшествия в порядке взаимодействия со следователем.

Ключевые слова: специалист-сапер, межведомственные связи, взрывное устройство, взрывчатые вещества, обезвреживание, идентификация, следственно-оперативная группа, Наставление

Для цитирования: Панасенко Н. А. Участие специалиста-взрывотехника в осмотре места происшествия по преступлениям, совершенным с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 209–213. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-209-213.

Original article

Participation of a super specialist in the site inspection of crimes committed with the use of explosive devices and explosives

Nikolay A. Panasenko
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, panasenko-kms@mail.ru

Abstract. The problematic issues of interaction between the investigators of the department of internal affairs and the system of the Investigative Committee of Russia with sappers during the inspection of the scene of crimes committed with the use of explosive devices are analyzed. The tasks solved by them and the features of the methods and means implemented in this case are considered. The necessity of technical and forensic training of sappers as an element of their professional training focused on ensuring the search, seizure and preservation of traces of crimes is noted. The necessity of preparing and publishing Instructions on the work of a specialist sapper at the scene of the incident in the order of interaction with the investigator is substantiated.

Keywords: sapper specialist, interdepartmental communications, explosive device, explosives, neutralization, identification, investigative-operational group, Manual

For citation: Panasenko N. A. Participation of a super specialist in the site inspection of crimes committed with the use of explosive devices and explosives. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):209–213. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-209-213.

Согласно официальной статистике, в Российской Федерации в 2020 г., по сравнению с 2019 г., количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств (ВУ) и взрывчатых веществ (ВВ), увеличилось на 15 % (с 119 до 139). Кроме того, правоохранительными ор-

© Панасенко Н. А., 2022

ганами пресечено на стадии приготовления 72 преступления данного вида, а в результате проведенных оперативно-разыскных мероприятий было выявлено и изъято 118 взрывоопасных предметов и более 1200 кг взрывчатых веществ [4].

В числе преступлений, совершаемых с использованием ВУ и ВВ, предусмотренных УК РФ, особое место занимает незаконный оборот таких объектов; именно их предупреждение, раскрытие и расследование представляет чрезвычайно большое значение для безопасности граждан и государства. Правоохранительными органами России на постоянной основе проводятся оперативно-разыскные мероприятия в целях выявления незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств, разрабатываются меры добровольной сдачи гражданами незаконно хранящихся ВУ и ВВ.

В результате реформирования правоохранительных органов и создания Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации из системы МВД России был выведен ОМОН и находящиеся в его составе инженерно-технические подразделения, в том числе специалисты-саперы. Естественно усложнилось их взаимодействие со следователями системы МВД РФ и СК РФ, что наглядно проявляется при участии этих специалистов в осмотре мест происшествий по фактам применения ВУ и ВВ.

Между тем, специалисты-саперы инженерно-технических подразделений ОМОН, оказавшись в другом ведомстве, по-прежнему обязаны участвовать в осмотрах мест происшествий по преступлениям, совершаемым с использованием ВУ и ВВ. Основная их задача заключается в обеспечении безопасности участников СОГ, осуществляющей осмотр, и иных граждан. Решая эти задачи, они обследуют территорию места происшествия, обнаруживают и обезвреживают взрывоопасные объекты, при необходимости организуют их перевозку в безопасные места.

В криминалистике традиционно особое внимание уделяется осмотру места происшествия и использованию при этом помощи специалистов, в основном — криминалистов или представителей иных отраслей научного знания, в массовом порядке востребованных следственной практикой. Преступления, совершаемые с использованием ВУ и ВВ, их расследование заявляют о себе в отношении массовости пока относительно скоромно. Поэтому проблемам взаимодействия следователей со специалистами-саперами, при осмотре места происшествия по преступлениям, совершенным с ВУ и ВВ, все еще не уделяется должного внимания.

Во всяком случае, до настоящего времени не проведен серьезный научный анализ принципов взаимодействия следователя со специалистами-саперами в условиях межведомственного организационного разобщения. Пока не уделяется должного внимания проблемам правового, научно-технического и методического обеспечения деятельности специалиста-сапера, вопросам их профессиональной, в том числе криминалистической подготовки.

В действующих методических и практических рекомендациях, в учебных пособиях по осмотру места происшествия, фактически ничего не говорится об использовании специальных знаний сапера, об организации его деятельности в порядке взаимодействия со следователем на месте происшествия. И это при очевидной тенденции роста числа преступлений, совершаемых с использованием ВУ и ВВ, о чем говорилось выше. Не менее тревожна в этом отношении растущая активность преступников в части изобретательства, совершенствования способов, методов и средств их преступной деятельности на основе современных достижений науки и техники, в том числе в области электроники, информатики и компьютерной техники.

Анализ практики участия специалиста-сапера в осмотрах мест происшествий показывает, что не редко они действуют по усмотрению и на грани, не всегда в деталях осмысленного риска. Зачастую, решая задачи обнаружения и обезвреживания ВУ и ВВ, они не соблюдают криминалистические рекомендации по обеспечению сохранности традиционных следов преступлений. В результате проведенного нами опроса специалистов-саперов установлено, что фактически более половины из них (57 %) не имеют представления о следах человека и об их идентификационных качествах. Очевидно, такие вопросы следовало бы прописать в Наставлении о деятельности специалиста-сапера в порядке взаимодействия со следователем при осмотре места происшествия по преступлениям, совершенным с применением ВУ и ВВ.

При поступлении информации, как правило, в ОВД, о применении ВУ или обнаружении взрывоопасного предмета, при угрозе взрыва, незамедлительно решается вопрос о привлечении специалиста-сапера для участия в осмотре места происшествия, при чем с учетом его специализации. Имеются в виду

знания боеприпасов и самодельных ВУ, умение обезвреживать, расснаряжать и уничтожать взрывоопасные предметы, исследовать взрывчатые вещества и продукты взрыва с помощью химических реагентов, знания конструкции взрывателей и их действия, методов сборки и применения самодельных ВУ, компонентов радиоэлектронных устройств. Такие знания позволяют специалистам-саперам классифицировать взрывное устройство, без особого риска обезвредить его, выдвигать версии о квалификации преступника в области взрывотехники.

С использованием результатов комплексного (взрывотехнического и криминалистического) исследования следовой картины места происшествия, соответственно, осуществляемого специалистом-криминалистом и специалистом-сапером, иногда удается получить информацию, достаточную для раскрытия преступления по горячим следам. По изученным нами уголовным делам с использованием результатов деятельности специалистов (саперов и криминалистов) на месте происшествия, лицо, подозреваемое в совершении преступления, было установлено в течение суток в 4 % уголовных дел.

Для повышения эффективности деятельности указанных специалистов на месте происшествия важно, чтобы они понимали друг друга, а это значит, что в определенных пределах взаимно познавали особенности профессиональных знаний сапера и криминалиста. Было бы полезно для этого ввести в практику их обучения совместное проведения занятий, в том числе практических, на которых можно было бы отрабатывать приемы обеспечения безопасности при работе с взрывоопасными объектами, с сохранением и изъятием слетов преступника.

На месте происшествия специалист-сапер должен постоянно осуществлять контроль за каждой из угроз по отдельности и за всеми ими одновременно. Это первое и основное условие обеспечения личной безопасности членов СОГ и иных граждан при производстве данного следственного действия [3, с. 217]. В тоже время, специалисту-криминалисту ОВД необходимо знать классификацию взрывоопасных предметов, порядок безопасного обращения с ними, взрывотехническую терминологию.

Одним из основных критериев при выборе специалиста-сапера для участия в осмотре места происшествия является знание им способов изготовления ВУ. Они бывают самодельные, кустарные и промышленного изготовления. Правильная классификация взрывоопасного предмета на первоначальном этапе его осмотра учитывается при формировании СОГ. Иначе говоря, для успешной деятельности специалиста-сапера на месте происшествия, в случаях обнаружения ВУ, важное значение имеет не только его компетенция, но и специализация. Однако она нередко не учитывается следователями при формировании СОГ. Чаще всего ими привлекаются специалисты инженерно-технических подразделений ОМОН, теперь, как отмечалось выше, Федеральной службы войск национальной гвардии РФ, хотя согласно порядку взаимодействия по вопросам поиска и обезвреживания взрывоопасных предметов на территории Российской Федерации должны привлекаться специалисты инженерно-технического подразделения Управления Федеральной службы безопасности РФ.

Необходимо отметить, что самодельное ВУ имеет четкое определение — это взрывное устройство, в котором один и более его конструктивных элементов изготовлены самодельным либо кустарным способом. Иногда сотрудники полиции, прибыв на место происшествия, докладывают в дежурную часть ОВД неверную информацию о классификации обнаруженного взрывоопасного предмета, а дежурный, в свою очередь, привлекает специалистов не той специализации. Это к вопросу о необходимости обратить особое внимание на подготовку сотрудников территориальных ОВД, выезжающих на место происшествия по факту обнаружения ВУ и ВВ.

В настоящее время территориальные ОВД вызывают специалистов-саперов для участия в осмотре места происшествия на основе нормативно-правовых актов и межведомственных приказов по организации осмотра места происшествия и проведения взрывотехнических работ на открытом участке местности, где основным критерием для выбора специалистов является наличие специальных знаний по взрывотехнике.

Между тем, и в этих ситуациях специалистам-саперам необходимо понимать, что осмотр места происшествия не может быть результативен, когда производящий его специалист-сапер не знает, где и какие следы на месте происшествия он может обнаружить и должен сохранить для следствия, не владеет способами обнаружения, фиксации и изъятия вещественных доказательств. В данном случае специалист-сапер должен действовать, соблюдая общие

принципы обязательного взаимодействия с другими участниками СОГ, а прежде всего, со следователем. При этом важно понимать, что речь идет о важных доказательствах, об объектах последующих судебных экспертиз, эффективность которых непосредственно зависит от результатов осмотра места происшествия [1, с. 177].

В порядке взаимодействия социалиста-сапера с другими участниками СОГ на месте происшествия решаются вопросы транспортировки ВУ на место его исследования или уничтожения. Автомобильный транспорт, используемый в таких целях, в территориальных ОВД отсутствует. В некоторых ЭКЦ МВД, ГУВД, УВД регионов имеются передвижные взрывотехнические лаборатории, монтируемые на базе автомобилей ГАЗ-2705 «Газель» и «ЗИЛ». Но их возможности ограниченны, если масса взрывчатого вещества значительная.

Для взрывобезопасности в таких случаях необходимы специальные контейнеры (ЭТЦ-1, ЭТЦ-2, ЭТЦ-3) которые позволяют транспортировать взрывчатое вещество массой от 0,5 до 0,85 кг. [2, с. 45]. В случае несанкционированного взрыва в таких контейнерах исключается выход и распространение продуктов взрыва вне его корпуса и гарантируется безопасность сотрудников, принимающих участие в транспортировке. В инженерно-технических подразделениях ОМОН есть в наличии передвижной комплекс «Аракс» на базе автомобиля «ЗИЛ», позволяющий безопасно транспортировать довольно объемное количество ВВ и средств инициирования (СИ). Он оборудован бронеплитами и специальными контейнерами, защищающими водителя транспортного средства и специалистов-саперов от несанкционированного взрыва перевозимого груза.

Для обеспечения безопасности участников следственно-оперативной группы при осуществлении транспортировки ВУ с места происшествия, необходимо решить вопрос, возможно в межведомственном приказе, об использовании транспортных средств инженерно-технических подразделений Федеральной службы войск национальной гвардии РФ по заявкам следователей ОВД и СК РФ.

Результаты проведения первоначальных следственных действий с привлечением квалифицированных специалистов-саперов и последующие исследование следов, обнаруженных на месте происшествия, зачастую имеют решающее значение в раскрытии и расследовании данного вида преступлений. Однако, как свидетельствуют результаты изучения практики, все еще не редки случаи некомпетентности специалистов-саперов, влекущие безвозвратную утрату доказательств.

Традиционно актуальной остается проблема поиска, фиксации и изъятия вещественных доказательств на месте происшествия. Важным фактором в раскрытии данного рода преступлений является обучение специалистов-саперов знаниям, позволяющим использовать приемы и средства криминалистической техники. Задачей данного обучения является наработка навыков по сохранению вещественных доказательств на месте происшествия для последующей взрывотехнической экспертизы, проводимой в целях решения диагностических и идентификационных задач.

Как свидетельствуют результаты анализа следственной практики, наиболее эффективно действуют постоянные следственно-оперативные группы, в состав которых входят специалисты-саперы инженерно-технических подразделений. При этом, наряду с правовыми предписаниями и методическими рекомендациями, важную роль с психологической точки зрения играют межличностные отношения.

Список источников

1. Волынский А. Ф. Предмет криминалистики и научный сепаратизм, последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. №1 (45). С. 175–185.

2. Волынский В. А. Криминалистическая техника: наука–техника–общество–человек. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000.

3. Панасенко Н. А., Соколов Н. Н. Согласованные действия специалистов-саперов с сотрудниками следственно-оперативной группы при осмотре места происшествия, связанного с применением взрывных устройств. В сб.: Тактико-специальная подготовка сотрудников ОВД: сб. науч. трудов сотрудников кафедры по итогам II-й всерос. конф. М., 2019. С. 215–221.

4. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ // URL://http://crimestat.ru/

References

1. Volynsky A. F. The subject of criminalistics and scientific separatism, consequences and possibilities of overcoming them // Proceedings of the Academy of Ma-

nagement of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (45). P. 175–185.

2. Volynsky V. A. Forensic technology: science–technology–society–man. M. : UNITY-DANA, 2000.

3. Panasenko N. A., Sokolov N. N. Coordinated actions of sappers with employees of the investigative task force when examining the scene of an incident involving the use of explosive devices. In the collection: Tactical and special training of police officers: collection of scientific works of the department's staff following the results of the II All-Russian conf. M., 2019. P. 215–221.

4. Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // URL://http://crimestat.ru/

Библиографический список

1. Аверьянова Т. В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики. 2001. Вып. 2. С. 31.

2. Андреев К. К., Беляев А. Ф. Теория взрывчатых веществ. М. : Оборон-гиз, 1960.

3. Беляков А. А. Взрывчатые вещества и взрывные устройства. М. : Юрлитинформ, 2003.

4. Большаков М. С. Криминалистические аспекты осмотра места происшествия в современных условиях // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2018. № 4-1 (4). С. 308–312.

5. Дильдин Ю. М., Мартынов В. В., Семенов А. Ю., Шмырев А. А. Криминалистические признаки взрывных устройств самодельного изготовления: учеб. пособие. М., 1991.

6. Семенов А. Ю., Агинский В. Н., Дильдин Ю. М. Экспертное исследование конструктивно оформленных зарядов взрывчатых веществ. Заряды аммонитов промышленного изготовления // Экспертная практика. 1984.

7. Хайр А. Ф., Скориков Д. Г. Организация и производство осмотра места происшествия по фактам взрывов и обнаружения взрывных устройств. Волгоград, 2018. С. 310–317.

Bibliographic list

1. Averyanova T. V. Subjects of expert activity // Bulletin of Criminalistics. 2001. Issue. 2. P. 31.

2. Andreev K. K., Belyaev A. F. Theory of explosives. M. : Oboron-giz, 1960.

3. Belyakov A. A. Explosives and explosive devices. M. : Yurlitinform, 2003.

4. Bolshakov M. S. Criminalistic aspects of the inspection of the scene in modern conditions // Public safety, legality and law and order in the III millennium. 2018. No. 4-1 (4). P. 308–312.

5. Dildin Yu. M., Martynov V. V., Semenov A. Yu., Shmyrev A. A. Forensic signs of improvised explosive devices: textbook. manual. M., 1991.

6. Semenov A. Yu., Aginsky V. N., Dildin Yu. M. Expert study of structurally designed explosive charges. Charges of ammonites of industrial manufacture // Expert practice. 1984.

7. Khair A. F., Skorikov D. G. Organization and production of inspection of the scene of the incident on the facts of explosions and detection of explosive devices. Volgograd, 2018. P. 310–317.

Информация об авторе

Н. А. Панасенко — старший преподаватель кафедры специальной тактики учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. A. Panasenko — Senior Lecturer at the Department of Special Tactics of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 343.1:343.37:004
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-214-221
NIION: 2003-0059-3/22-309
MOSURED: 77/27-003-2022-03-508

Роль интерактивных экспертных систем в повышении эффективности применения специальных знаний при расследовании преступлений в сфере цифровых прав

Владимир Антонович Прорвич
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия,
kse60@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы борьбы с высокотехнологичной преступностью в сфере цифровых прав, для решения которых необходимо последовательное применение обширного спектра специальных знаний на различных стадиях выявления, раскрытия и расследовании таких преступлений. Сделан ряд акцентов на особенности исследования электронных документов и сведений из различных информационных систем без их преобразования для представления на бумажных носителях информации. Показана необходимость ориентации задач по выявлению закодированных информационных следов преступлений на формирование доказательств по расследуемому уголовному делу. Описаны подходы к созданию криминалистических и экспертных методик в виде алгоритмов обработки электронных документов, на основе которых может быть создано программное обеспечение для проблемно-ориентированных интерактивных экспертных систем.

Ключевые слова: расследование преступлений, цифровые права, цифровые финансовые активы, информационные системы, электронные документы, специальные знания, специалисты, судебные эксперты, экспертные методики, алгоритмы обработки электронных документов, юридический алгоритмический язык, интерактивные экспертные системы

Для цитирования: Прорвич В. А. Роль интерактивных экспертных систем в повышении эффективности применения специальных знаний при расследовании преступлений в сфере цифровых прав // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 214–221. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-214-221.

Original article

The role of interactive expert systems in improving the effectiveness of the use of special knowledge in the investigation of crimes in the field of digital rights

Vladimir A. Prorvich
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia,
kse60@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of combating high-tech crime in the field of digital rights, the solution of which requires the consistent application of a wide range of special knowledge at various stages of detection, disclosure and investigation of such crimes. A number of accents are placed on the features of the study of electronic documents and information from various information systems without their transformation for presentation on paper media. The necessity of orientation of tasks on identification of coded information traces of crimes on formation of evidence on the investigated criminal case is shown. Approaches to the creation of forensic and expert methods in the form of algorithms for processing electronic documents, on the basis of which software for problem-oriented interactive expert systems can be created, are described.

Keywords: crime investigation, digital rights, digital financial assets, information systems, electronic documents, special knowledge, specialists, forensic experts, expert techniques, algorithms for processing electronic documents, legal algorithmic language, interactive expert systems

© Прорвич В. А., 2022

For citation: Prorvich V. A. The role of interactive expert systems in improving the effectiveness of the use of special knowledge in the investigation of crimes in the field of digital rights. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):214–221. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-214-221.

В последние годы происходят существенные изменения в действующем законодательстве, отражающие кардинальные изменения общественных отношений при переходе к информационному обществу и экономике знаний [1; 2]. В частности, два года назад в гражданское законодательство была введена система цифровых прав, а затем и цифровых финансовых активов. При этом законодатель связал их не только с определенными информационными системами, но и с их правилами. Это поставило перед правоохранительными органами принципиально новые задачи по уголовно-правовой защите субъектов таких прав.

Проведенный анализ их особенностей показывает, что решение этих задач требует разработки новых подходов к созданию соответствующего высокотехнологичного инструментария наук уголовно-правового блока. При этом повышается актуальность преодоления сложившихся еще в прошлом веке проявлений «научного сепаратизма» в данной сфере [3]. В свою очередь, особую роль приобретает надлежащее применение специальных знаний и профессиональных компетенций судебных экспертов и специалистов в той форме, которая позволяет обеспечить максимальную эффективность борьбы с криминалом, взявшим на вооружение самые современные информационные технологии.

Новые вызовы со стороны высокотехнологичной преступности требуют и нового осмысления той роли и места специальных знаний, которые они могли бы приобрести в системе уголовного судопроизводства информационного общества. Но речь идет не о сугубо технократических подходах в рамках всеобщего увлечения цифровизацией, которая проникает и в уголовное судопроизводство, прямо или опосредованно вносится в него чуждые элементы англо-саксонской правовой семьи [4]. Оставаясь юридическими науками, криминалистика и судебная экспертиза на новом этапе развития информационного общества позволяют имплементировать в свой инструментарий высокотехнологичные средства, сформированные в рамках наук информационного блока. Это открывает ряд новых возможностей для повышения эффективности всей системы обеспечения безопасного развития информационного общества и экономики знаний.

Как было показано в ряде работ по данной проблематике, речь идет о взаимном интегрировании возможностей наук уголовно-правового и информационного блоков на основе того накопленного опыта, который уже имеется в ряде разделов информатики [5]. Речь идет не только о документальной информатике, но и о ряде других ее разделов, включая применение таких элементов искусственного интеллекта, как гипертекстовые технологии, инженерия знаний, нейросетевые алгоритмы и некоторых других, показавших высокую эффективность в рамках судебно-экономической экспертизы [6]. Тем более, что уже накоплен более чем 20-летний опыт применения соответствующих специальных знаний и профессиональных компетенций в сфере информационных технологий с элементами искусственного интеллекта на основе нейросетевых алгоритмов в рамках массовой и индивидуальной оценки наиболее сложных объектов недвижимого имущества, включая застроенные и незастроенные земельные участки, и выполнения оценочной экспертизы [7–9].

Эти задачи стали особенно актуальными в связи с недавним введением в гражданское законодательство системы цифровых прав и цифровых финансовых активов [10]. Но с точки зрения правоприменения, в рамках уголовно-правовой защиты субъектов таких прав, возникают серьезные проблемы, поскольку законодатель связал цифровые права с определенными информационными системами и их правилами. В свою очередь, эти правила не только отличаются большим разнообразием, но и требуют организации следователем проверки на предмет их соответствия требованиям действующего законодательства.

Самая первая из возникающих проблем — идентификация обязательных и факультативных признаков преступлений, совершенных в системе отношений субъектов цифровых прав. Из-за явно выраженного бланкетного характера соответствующих уголовно-правовых норм следователю приходится «вручную» отбирать соответствующие положения гражданского, финансового и иного специального законодательства, чтобы понять особенности состава конкретного преступления и тех обстоятельств, которые подлежат доказыванию в рамках расследования уголовного дела.

При этом возникает высокий уровень рисков совершения юридических ошибок уже на самой первой стадии доследственной проверки [11].

Для того, чтобы существенно повысить эффективность следственных действий по преступлениям рассматриваемого вида и избежать при этом юридических ошибок, необходима разработка специальных, проблемно-ориентированных информационных технологий формирования развернутых уголовно-правовых характеристик таких преступлений. С их помощью создаются принципиально новые возможности для отбора и последующего использования соответствующих положений гражданского и специального законодательства из имеющихся баз данных и баз знаний. При этом могут использоваться элементы искусственного интеллекта на основе гипертекстовых технологий и инженерии знаний, опирающиеся на определенные информационные эталоны, специально сформированные с учетом специфики таких преступлений. Особенно важно применение в рамках таких информационных технологий специальных средств контроля за тем, чтобы полученный результат не выходил за рамки уголовного права [5].

Понятно, что решать вручную данные задачи, даже с привлечением следователем опытных специалистов, обладающих обширными специальными знаниями и профессиональными компетенциями в данной области, оказывается практически невозможно. В то же время, с использованием гипертекстовых технологий и других элементов искусственного интеллекта выполнять такой анализ оказывается возможным в режиме реального времени. Однако здесь встает ряд вопросов уже не столько информационно-технологического, сколько правового характера.

Прежде всего, речь идет о необходимости организации контроля с применением специальных знаний в различных сферах гражданского и уголовного права за процессом отбора тех нормативных правовых актов, которые могут быть использованы для раскрытия бланкетных и смешанных диспозиций соответствующих уголовно-правовых норм. Для этого важно создать ряд «опорных» информационных эталонов, отражающих, с одной стороны, особенности деятельности законопослушных субъектов информационного общества, а с другой, — особенности приготовления, совершения и сокрытия преступлений в системе цифровых прав и цифровых финансовых активов. При этом необходимо одновременно учитывать и особенности правил тех информационных систем, которые имеют отношение к преступлению и, прежде всего, их соответствие требованиям действующего законодательства.

В результате создается ряд возможностей для формирования нескольких вариантов развернутой уголовно-правовой характеристики конкретного преступления и выделения следователем после их анализа полной совокупности его обязательных и факультативных признаков с их исчерпывающей характеристикой. При этом важно подчеркнуть, что подобное применение специальных знаний является не вполне привычным для сложившейся практики организации экспертно-криминалистической деятельности в правоохранительных органах, где роль специалиста нередко сводится к участию штатных судебных экспертов в сборе доказательств на месте преступления.

Однако в ст. 58 УПК РФ законодатель прямо указал на то, что специалист призван давать разъяснения по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию. При этом никаких ограничений на «тематический характер» профессиональных компетенций и их уровень, а также количество привлекаемых специалистов, процессуальное законодательство не устанавливает. В этой связи необходимо обратить внимание не только на реальную практику привлечения некоторыми следователями ведущих ученых в качестве специалистов при расследовании весьма сложных уголовных дел о преступлениях самых различных видов. В качестве специалистов нередко привлекаются наиболее опытные следователи-криминалисты, а также следователи-наставники.

Вместе с тем, применение современных информационных технологий в уголовном судопроизводстве открывает принципиально новые возможности использования специальных знаний лучших отечественных ученых–юристов, экономистов и представителей других отраслей научного знания, при создании и практическом применении соответствующего высокотехнологичного инструментария уголовного судопроизводства. В его основе могут быть использованы различные алгоритмы и их иерархические системы, описанные в недавно опубликованных монографиях, ссылки на которые уже были приведены выше [4; 5].

Важно обратить внимание на то, что в рамках данных алгоритмов речь идет о цепочке последователь-

ных действий по применению специальных знаний специалистов высокого уровня для оказания практической помощи следствию на всем протяжении досудебного производства. При правильной организации и надлежащем информационно-технологическом обеспечении взаимодействия следствия с лицами, обладающими необходимыми специальными знаниями, возникает своеобразная «цепная реакция» интеллектуального характера, придающая следствию дополнительную энергию. Это позволяет значительно быстрее добиться установления истины по расследуемому уголовному делу, собрав необходимую и достаточную совокупность доказательств вины или невиновности определенных лиц в совершении конкретного уголовно наказуемого деяния.

Проведенные исследования показывают, что разработка соответствующей системы алгоритмов должна быть основана на специально сформированной для этого совокупности взаимосвязанных принципов, охватывающих важнейшие положения уголовного и уголовно-процессуального права. Кроме того, необходимо учитывать и накопленный опыт правоприменения по преступлениям рассматриваемого вида, чтобы при создании на основе данных алгоритмов комплекса компьютерных программ, сориентировать их на максимально эффективное построение диалога следователя со своим компьютерным помощником.

Накопленный опыт в данной сфере показывает, что оптимальный уровень взаимодействия следователя с информационными системами, реализующими определенные элементы искусственного интеллекта, обеспечивается в рамках интерактивных экспертных систем. При этом для надлежащей организации диалога его необходимо формализовать по максимально детализированным стадиям, в рамках каждой из которых следователю необходимо обеспечить возможность выбора из нескольких вариантов. Важно обратить внимание на то, что во многих случаях возникает необходимость возврата на одну из предыдущих стадий, чтобы рассмотреть новый вариант сочетания соответствующих сведений, имеющих значение для расследования уголовного дела.

В частности, на самом первом шаге формирования развернутой уголовно-правовой характеристики конкретного преступления возникает необходимость проверки правил определенных информационных систем, с которыми связаны цифровые права субъектов преступления, на их соответствие требованиям действующего законодательства. Проведенные исследования показывают, что такую проверку целесообразно проводить в два этапа. На первом этапе выполняется контекстно-тематический анализ положений соответствующих нормативных правовых актов, сориентированный на соответствующую уголовно-правовую и криминалистическую характеристику преступления. На втором — анализ соответствия правил информационных систем, определяющих характер конкретного вида цифровых прав субъектов, вовлеченных в преступление, отобранным положениям нормативных правовых актов.

После отбора с помощью соответствующих специальных знаний необходимых положений действующего законодательства и сопоставления с ними правил информационных систем могут возникать следующие ситуации.

Прежде всего, если правила информационных систем, имеющих отношение к расследуемому преступлению, полностью соответствуют требованиям действующего законодательства, то создается возможность формирования развернутой уголовно-правовой характеристики данного преступления.

Если выявляется лишь частичное соответствие правил данных информационных систем требованиям действующего законодательства, то создается необходимость выполнения нового этапа анализа по разветвленной системе критериев.

Наконец, при выявлении несовпадений правил информационных систем требованиям действующего законодательства, возникает необходимость сбора дополнительных сведений об истории их создания, целевых установках их обладателей, характере выполняемых с их помощью транзакций, заинтересованных лицах, возможных способах причинения ущерба и его масштабе, а также ряда других.

После формирования развернутой уголовно-правовой характеристики конкретного преступления в системе цифровых прав, установления обязательных и факультативных признаков состава преступления и обстоятельств, подлежащих доказыванию, следователь получает возможность надлежащего обоснования развернутого плана расследования уголовного дела, включая постановку новых задач, решение которых требует применения специальных знаний. Их решение связано с необходимостью применения специальных криминалистических методик и про-

блемно-ориентированных информационных технологий, предназначенных для обработки электронной документации и сведений из различных информационных систем без их перевода на бумажные носители информации.

С точки зрения криминалистики выявление и фиксация следов соответствующих преступлений в электронной документации и иных сведениях из информационных систем различного вида, с последующим формированием доказательств по уголовному делу на их основе, представляет принципиально новую группу проблем. Однако в последнее время слишком много внимания уделяется бессмысленным спорам о том, какие следы оставляют преступники при совершении подобных деяний — цифровые, электронные, электронно-цифровые или виртуальные.

Не вдаваясь в детали используемой при этом аргументации, следует обратить внимание на то, что следы как таковые для выявления, раскрытия и расследования преступления не имеют самостоятельного значения. Работа с ними необходима для формирования следователем на их основе доказательств по уголовному делу, изобличающих в установленном порядке определенное лицо в совершении данного преступления. Поэтому при разработке соответствующих криминалистических методик, нацеленных на выявление и фиксацию следов преступлений рассматриваемого вида в электронной документации и иных сведениях, хранящихся в информационных системах различного вида, необходимо акцентировать внимание на последующих процессуальных действиях, позволяющих следователю получить необходимые доказательства по уголовному делу, а также на те виды классификации доказательств, которые приняты в уголовно-процессуальном праве [5].

В этой связи важно подчеркнуть, что ч. 3 ст. 1641 УПК РФ регламентирует первую часть соответствующих следственных действий по изъятию соответствующей электронной документации путем ее копирования на электронный носитель информации следователя и приобщения его к материалам уголовного дела. Но дальнейшие следственные действия с многими тысячами и даже миллионами электронных документов, отражающих различные особенности транзакций с цифровыми финансовыми активами в системе цифровых прав, связанных с различными информационными системами, процессуальное законодательство не регламентирует. Здесь возникает естественная необходимость применения специальных знаний для обработки электронной документации и сведений из различных информационных систем, связанных с цифровыми правами субъектов преступлений.

Что касается характера соответствующих криминалистических и экспертных методик, то они должны обеспечивать принципиально новые возможности обработки электронных документов различного вида без их преобразования в документы на бумажных носителях. По своим структурно-содержательным характеристикам такие методики представляют собой программы соответствующих следственных либо экспертных действий, взаимно связанных в определенной последовательности.

По сути, речь идет о соответствующих алгоритмах обработки документированной информации при организации жесткого контроля за обеспечением правового статуса промежуточных и итоговых результатов обработки данной информации. Соответственно, подобные алгоритмы могут использоваться и для обработки электронных документов, имеющихся в уголовном деле. При этом оказывается необходимым выделить ту часть информации, которая имеет признаки криминальной, на фоне намного большей по объему информации, отражающей правомерные действия законопослушных субъектов. Необходимо обратить внимание и на другие особенности таких алгоритмов, описанных в данных работах.

Прежде всего, речь идет о применении для обработки электронной документации специализированных компьютерных программ, с помощью которых и происходит практическое применение описанных выше и иных «криминалистических» и «экспертных» алгоритмов. При этом необходимо ориентироваться на создание программного обеспечения для интерактивных экспертных систем, с помощью которых создается ряд возможностей не только для обеспечения постоянного диалога следователя со своим «компьютерным помощником» при обработке документированной информации, но и для его личного контроля за сохранением правового статуса промежуточных и итоговых результатов обработки электронных документов. В частности, для этого следователю может быть предоставлено право электронной подписи результатов обработки электронной документации, выполненной под его контролем [5].

Необходимо учитывать, что после надлежащей обработки электронной документации и выполнения соответствующих следственных действий, создаются возможности для формирования объекта экспертных исследований из имеющихся материалов уголовного дела и постановки экспертных задач, решение которых позволяет получить необходимые доказательства по данному делу. При этом эксперту также оказывается необходимым обрабатывать большие массивы электронной документации и всевозможных сведений из различных информационных систем, приобщенных к уголовному делу на электронных носителях.

Здесь речь идет о применении не только комплекса специальных знаний в различных сферах наук информационного блока, но и в различных сферах экономики и финансов, включая цифровые финансовые активы, а также ряде других сфер научного знания, на основе принципа дополнительности [12]. Их применение должно быть формализовано до уровня экспертных методик, которые в соответствии с требованиями п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ должны быть описаны в заключении эксперта. Выполнение данного требования обеспечивает возможность проверки и оценки следователем заключения эксперта как доказательства по уголовному делу в соответствии с положениями ст. 87 и 88 УПК РФ. И наоборот, невыполнение данного требование приводит к утрате заключением эксперта юридической силы и невозможности его использования в уголовном деле в соответствии с положениями ст. 75 УПК РФ.

С учетом данных требований Уголовно-процессуального кодекса РФ важно обратить внимание на сложившуюся практику указания в заключениях экспертов, подготовленных по результатам компьютерно-технических экспертиз, не на экспертные методики, а на те компьютерные программы, которые были использованы для обработки информации, содержащейся на различных электронных носителях. При этом эксперты непосредственно либо «по умолчанию» ссылаются на то, что данные программы были сертифицированы и поэтому с их применением получаются однозначно относимые, допустимые и достоверные результаты обработки информации, имеющей значение для уголовного дела. Однако, на допросе не могут ответить, кто именно осуществил сертификацию данных программ для целей уголовного судопроизводства.

Во многом эта проблема носит объективный характер, поскольку все компьютерные программы написаны на искусственных алгоритмических языках, недоступных для большей части участников уголовного судопроизводства. Понятно, что кардинальным выходом из данной ситуации может стать разработка специального юридического алгоритмического языка, о чем говорится в указанных выше монографиях, однако это задача вряд ли будет решена в ближайшем будущем.

Единственным выходом, на наш взгляд, может стать формирование единых требований к описанию алгоритмов тех компьютерных программ, которые используются экспертами. Важно обратить внимание на то, что для описания алгоритмов используются определенные условные обозначения в виде геометрических фигур и связей между ними с подробными разъяснениями на русском языке. При достаточно подробном описании алгоритма обработки электронных документов или иных сведений из информационных систем, имеющих значение для уголовного дела, создаются необходимые возможности для проверки и оценки соответствующих заключений экспертов как доказательств по уголовному делу.

Для надлежащего применения всего комплекса специальных знаний, связанных с новой системой отношений экономических субъектов в системе цифровых прав, возникает необходимость создания научно обоснованных и выверенных с правовой точки зрения экспертных методик нового вида. Фактически, речь идет о введении и в судебную экспертизу, и в криминалистику как юридические науку, элементов юридического алгоритмического языка, полностью совместимого с естественным юридическим языком, на котором осуществляется российское уголовное судопроизводство. Его преимуществом является не только простота в освоении и использовании российскими юристами, но и однозначность используемых логических конструкций. В результате известное крылатое выражение о том, что в результате дискуссии двух юристов вырабатывается три мнения, потеряет смысл, поскольку с использованием предлагаемого юридического алгоритмического языка всегда будет формироваться единственно возможный вывод.

На основе соответствующих алгоритмов, которые после апробации могут получить в установленном порядке необходимый правовой статус, эксперты и

специалисты могут создавать оригинальные компьютерные программы. При этом речь идет не только о программах, предназначенных для обработки электронных документов и иных сведений из информационных систем, связанных с цифровыми правами субъектов различного вида, позволяющих выявить следы преступлений рассматриваемого вида и сформировать на их основе доказательства по уголовному делу. На основе тех же алгоритмов специалистами, привлекаемыми следователем для оказания содействия в проверке и оценке заключений экспертов как доказательств по делу, также могут быть написаны соответствующие компьютерные программы.

Понятно, что для минимизации затрат труда специалистов высокой квалификации такие компьютерные программы для алгоритмов, признанных в качестве типовых или базовых, могут быть созданы централизованно. При этом важную роль может сыграть использование их версий, предназначенных для интерактивных экспертных систем, обеспечивающих работу следователя по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемого вида. Подобные интерактивные экспертные системы, но с несколько иным набором функций, могут быть созданы и для судебных экспертов, специалистов, других участников уголовного судопроизводства, а также для судей.

Реализация описанных подходов к комплексному использованию широкого спектра специальных знаний в режиме их взаимного дополнения, а также создание для этого необходимого методического обеспечения в виде алгоритмов обработки электронной документации и сведений из различных информационных систем, связанных с цифровыми правами субъектов различного вида и уровня, позволяет существенно повысить эффективность их применения в борьбе с современной высокотехнологичной преступностью в сфере цифровых прав.

Список источников

1. Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

2. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года».

3. Волынский А. Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175–185.

4. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты): моногр. М. : Экономика, 2019.

5. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: моногр. М. : Экономика, 2020.

6. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе / под ред. А. Ф. Волынского и В. А. Прорвича. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Экономика, 2021.

7. Атлас оценки земель Москвы / под ред. В. А. Прорвича. М. : Экономика, 1999.

8. Оценка урбанизированных земель / под ред. В. А. Прорвича. М. : Экономика, 2004.

9. Прорвич В. А. Стандартизация оценки недвижимого имущества. М. : Экономика, 2006.

10. Прорвич В. А. Экспертно-криминалистическое обеспечение выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере цифровой экономики и финансов. Актуальные проблемы экспертно-криминалистической деятельности: междунар. конф. (24 июня 2021 г.): сб. науч. трудов / сост. В. В. Бушуев. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 365–375.

11. Ошибки при раскрытии и расследовании экономических преступлений / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Ф. Волынского, В. А. Прорвича. М. : Спутник+, 2018.

12. Прорвич В. А. Особенности комплексного информационно-методического обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере цифровой экономики. Криминалистика и новые вызовы современности (58-ые криминалистические чтения): сб. статей всерос. науч.-практ. конф. М. : Академия управления МВД России, 2018. С. 300–306.

References

1. The Strategy for the Development of the Information Society of the Russian Federation for 2017–2030, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017.

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018 «On National goals and strategic objectives for the Development of the Russian Federation until 2024».

3. Volynsky A. F. The subject of criminalistics and «scientific separatism»: consequences and possibilities of overcoming them // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (45). P. 175–185.

4. Volynsky A. F., Prorvich V. A. Electronic legal proceedings on crimes in the sphere of economics (scientific and practical aspects): monogr. M. : Economics, 2019.

5. Volynsky A. F., Prorvich V. A. Computer criminalistics in the system of criminal legal protection of the «traditional» and digital economy: monogr. M. : Economics, 2020.

6. Forensic economic expertise in criminal proceedings / edited by A. F. Volynsky and V. A. Prorvich. 2nd ed., reprint. and additional M. : Economics, 2021.

7. Atlas of the evaluation of the lands of Moscow / edited by V. A. Prorvich. M. : Economics, 1999.

8. Evaluation of urbanized lands / edited by V. A. Prorvich. M. : Economics, 2004.

9. Prorvich V. A. Standardization of real estate valuation. M. : Economics, 2006.

10. Prorvich V. A. Forensic support for the identification, disclosure and investigation of crimes in the field of digital economy and finance. Actual problems of forensic activity: international conference (June 24, 2021): collection of scientific works / comp. V. V. Bushuev. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2021. P. 365–375.

11. Errors in the disclosure and investigation of economic crimes / edited by A. I. Bastrykin, A. F. Volynsky, V. A. Prorvich. M. : Sputnik+, 2018.

12. Prorvich V. A. Features of complex information and methodological support for the identification, disclosure and investigation of crimes in the digital economy. Criminalistics and new challenges of Modernity (58th Criminalistic readings): collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical conf. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. P. 300–306.

Информация об авторе

В. А. Прорвич — почетный профессор Московской академии Следственного комитета РФ, профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор.

Information about the author

V. A. Prorvich — Honorary Professor of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, Doctor of Legal Sciences, Doctor of Technical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 342.951
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-222-225
NIION: 2003-0059-3/22-310
MOSURED: 77/27-003-2022-03-509

Особенности реализации кадровой политики органов народной общественной безопасности (на примере Социалистической Республики Вьетнам)

Татьяна Анатольевна Прудникова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, prudi1@rambler.ru

Аннотация. Анализируются понятие и сущность, цели и задачи кадровой политики органов общественной безопасности Социалистической республики Вьетнам. Выработаны предложения по ее совершенствованию.

Ключевые слова: кадровая политика, государственный служащий, органы, потенциал, безопасность, правопорядок, должность, требования, кадры, общество, работа

Для цитирования: Прудникова Т. А. Особенности реализации кадровой политики органов народной общественной безопасности (на примере Социалистической Республики Вьетнам) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 222–225. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-222-225.

Original article

Features of the implementation of the personnel policy of the people's public security bodies (on the example of the Socialist Republic of Vietnam)

Tatiana A. Prudnikova
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, prudi1@rambler.ru

Abstract. The concept and essence, goals and objectives of the personnel policy of the public security bodies of the Socialist Republic of Vietnam are analyzed. Proposals for its improvement have been developed.

Keywords: personnel policy, civil servant, potential, security, law and order, position, requirements, personnel, society, work

For citation: Prudnikova T. A. Features of the implementation of the personnel policy of the people's public security bodies (on the example of the Socialist Republic of Vietnam). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):222–225. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-222-225.

Кадровая политика — это важное, приоритетное направление деятельности государства, учреждения, организации по проведению мероприятий, направленных на формирование кадрового состава и совершенствование трудового потенциала, а кадровая работа является одним из ключевых факторов, определяющих эффективность каждой государственной организации. Данные термины также законодательно закреплены и используются в системе государственных органов Социалистической Республики Вьетнам.

Обладая характеристиками, тесно связанными с обеспечением безопасности, обороны и социального порядка, Министерство общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам является одним из органов, предъявляющих к своим служащим требования точности и высокой эффективности работы в рамках делопроизводства.

Законодательно понятие кадров государственных служащих содержится в Законе о кадрах и государственных служащих Социалистической Республики Вьетнам (далее — Вьетнам) от 1 января 2010 г. № 22/2008/QH12 [2], в соответствии с которым кадры — это вьетнамские граждане, избранные и назначаемые для занятия должностей в соответствии с

© Прудникова Т. А., 2022

условиями в органах Коммунистической партии Вьетнама, государства и центральных общественно-политических организаций. Данным гражданам Вьетнама, назначаемым на должности, присваивается соответствующий квалификационный разряд и начисляется заработная плата из государственного бюджета; для государственных служащих в аппарате руководства и управления заработная плата гарантируется из фонда заработной платы государственной некоммерческой единицы в соответствии с законодательством республики.

Изучение основополагающих нормативных правовых документов позволяет выделить ряд принципов управления кадрами Вьетнама, которые активно реализуются в настоящее время:

- принцип демократического централизма, индивидуальной ответственности и четкого распределения;
- сочетание стандартов должностей и норм заработной платы;
- работа под руководством Коммунистической партии Вьетнама;
- использование, оценка и классификация кадров государственных служащих должны основываться на политических качествах, этике и способности выполнять служебные обязанности [2];
- принцип гендерного равенства.

Устанавливая идеологические основы кадровой политики, Министерство общественной безопасности Вьетнама исходит из следующих гуманистических соображений: признания человеческих ресурсов, необходимости разработки более организованного планового подхода к управлению персоналом, необходимости обновления кадрового ресурса, формирования нового профессионального облика государственного служащего.

Кадры в системе Министерства общественной безопасности работают в тесной взаимосвязи друг с другом и координируют выполнение поставленных задач. На каждом уровне Министерства общественной безопасности Вьетнама созданы соответствующие функциональные подразделения: на уровне Департамента, непосредственно подчиненного Министерству общественной безопасности — Департамент кадровой службы, на уровне провинции — отдел организации кадров; на уровне округа, общины, района и поселка существуют подразделения, выполняющие организационно-технические и иные функции кадровой службы и отдел организации кадров на провинциально-городском уровне.

Согласно ст. 3 Закона народной общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам от 1 июля 2019 г. № 37/2018/QH14 [1] одной из единиц кадровой политики Министерства общественной безопасности являются органы народной общественной безопасности, выполняющие задачи по защите национальной безопасности, обеспечению общественного порядка и безопасности, а также борьбе с преступностью.

Кроме того, в соответствии со ст. 15 Закона народной общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам от 1 июля 2019 г. № 37/2018/QH14 [1], органы народной общественной безопасности ежегодно отчитываются Коммунистической партии по вопросам защиты национальной безопасности, обеспечения общественного порядка и безопасности, а также борьбы с преступлениями и нарушениями.

Предупреждение и борьба с коррупцией и иными правонарушениями в Министерстве общественной безопасности представляют устойчивый элемент профилактики правонарушений и основываются на формировании и развитии правосознания личного состава и соблюдении норм профессионально-этических правил антикоррупционного поведения [3].

К категориям органов народной общественной безопасности относятся [1]:

- офицеры Народной общественной безопасности, работающие в профессиональном режиме;
- унтер-офицеры и государственные служащие Народной общественной безопасности;
- работники, проходящие службу по отбору.

Принимаемые на службу в эти структуры лица, до того, как занять соответствующую должность, не должны миновать подготовку в одном из ведомственных тренировочных центров.

Если обратиться к ст. 4 Закона народной общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам № 37/2018/QH14, то организация и деятельность сил Министерства общественной безопасности должна соответствовать следующим принципам:

- во всех аспектах своей деятельности руководствоваться идеями Коммунистической партии Вьетнама;
- соблюдать Конституцию Вьетнама и законодательство;

• служить народу и партии, защищать интересы государства, законные права и интересы организаций и частных лиц.

Что касается профессиональной ориентации и развития сотрудников Министерства общественной безопасности, то нормативное правовое регулирование по организации кадровых работников постоянно изменяется, дополняется и совершенствуется. Для эффективного функционирования органов народной общественной безопасности, оптимальной расстановки и реструктуризации системы кадров общественной безопасности с каждым годом увеличивается укомплектование штатной численности сотрудников на всех уровнях.

Важный вклад в реализацию кадровой политики вносит Департамент кадровой службы, который уделяет должное внимание исследованию, изучению и совершенствованию системы правовых документов по организации кадрового персонала; укреплению кадрового аппарата в подразделениях и населенных пунктах, совершенствованию сил народной общественной безопасности, в том числе и в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-2019.

Исходя из анализа практической деятельности, руководство министерства общественной безопасности Вьетнама в своих выступлениях за последнее время неоднократно обращало внимание на совершенствование кадрового потенциала в различных сферах. Так, в конце сентября 2020 г. Министерство общественной безопасности Вьетнама и Министерство связи и информации Сингапура провели онлайн-конференцию на уровне министров по кибербезопасности [4], и высказали свое отношение по поводу вызовов и угроз кибербезопасности во всем мире. Они также обменялись информацией о ситуации с кибербезопасностью в каждой стране, чтобы облегчить их координацию при решении связанных вопросов.

В своем выступлении на конференции министр общественной безопасности Вьетнама подчеркнул [4], что динамичное развитие информации и технологий, телекоммуникаций и Интернета во всем мире, создает условия для повышения производительности, конкурентоспособности и социально-экономического роста. По его словам, Вьетнам сталкивается с многочисленными проблемами в киберпространстве, угрожающими национальной безопасности и общественному порядку, отметив, что киберпреступность растет как по количеству, так и по степени тяжести, затрагивая многие аспекты социальной жизни. Он предложил ряд мер по совершенствованию кадрового потенциала в различных сферах, в том числе и в обеспечении кибербезопасности, информационной безопасности и борьбы с киберпреступлениями и преступлениями в сфере высоких технологий.

Следует отметить, что ведущими задачами в кадровой политике выступают поддержание качества кадров при помощи комплектования отделов специалистами, имеющими высокую квалификацию, кадровый состав должен соответствовать предъявляемым требованиям, а также быть готовым противодействовать преступности и защищать права и свободы граждан.

Важно подчеркнуть, что на правительственном уровне должное внимание уделяется совершенствованию кадрового потенциала и его организационно-техническому оснащению так Проектом «Строение силы народной общественной безопасности до 2030 г.» предусмотрена работа по увеличению количественного состава сил народной общественной безопасности, наращиванию потенциала физических, материально-технических и технических баз, соответствующих характеру каждого уровня общественной безопасности.

В заключении, следует отметить, что кадровая политика Министерства общественной безопасности Вьетнама играет важную роль в обеспечении эффективности работы всех звеньев, тем самым создавая предпосылки для обеспечения безопасности правопорядка. Кадровая работа реализуется государственными служащими в соответствии с принципами и на основе законодательства. Одним из основополагающих принципов кадровой работы — повышение эффективности данной работы. Кроме того, Проект «Строение силы народной общественной безопасности до 2030 г.» имеет стратегическое, фундаментальное и ключевое значение для проведения работы по совершению кадрового потенциала органов народной общественной безопасности в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Закон народной общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам от 1 июля 2019 г. № 37/2018/QH14.

2. Закон о кадрах и государственных служащих Социалистической Республики Вьетнам от 1 января 2010 г. № 22/2008/QH12.

3. Организация подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А. В. Ольшевская, Л. Л. Сакулина. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2016.

4. URL://https://ru.vietnamplus.vn/vetnam-i-singapur-proveli-ministerskuyu-konferentsiyu-po-kiberbezopasnosti.

References

1. Law of the People's Public Security of the Socialist Republic of Vietnam of July 1, 2019 № 37/2018/QH14.

2. Law on Personnel and Civil Servants of the Socialist Republic of Vietnam of January 1, 2010 № 22/2008/QH12.

3. Organization of personnel training for positions in the internal affairs bodies: studies. manual for students of higher educational institutions studying in the field of Law / A. V. Olshevskaya, L. L. Sakulina. M. : UNITY-DANA : Law and Law, 2016.

4. URL://https://en.vietnamplus.vn/vetnam-i-singapur-proveli-ministerskuyu-konferentsiyu-po-kiberbezopasnosti.

Библиографический список

1. Приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 (ред. от 25 января 2021 г.) «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации».

2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. (ред. от 30 декабря 2020 г.) № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Bibliographic list

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of May 5, 2018 № 275 (ed. of January 25, 2021) «On approval of the Procedure for organizing personnel training for positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation».

2. Federal Law of November 30, 2011 (ed. dated December 30, 2020) № 342-FZ «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation».

Информация об авторе

Т. А. Прудникова — профессор кафедры административного права Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. A. Prudnikova — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 347.1
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-226-230
NIION: 2003-0059-3/22-311
MOSURED: 77/27-003-2022-03-510

О некоторых вопросах административно-правового статуса водителя транспортного средства при возникновении дорожно-транспортного происшествия

Николай Викторович Румянцев[1,2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, rumyantsevn.v@yandex.ru
[2] Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва, Россия

Аннотация. Исследуются особенности административно-правового статуса водителя транспортного средства, ставшего участником дорожно-транспортного происшествия. Рассматриваются вопросы прав, обязанностей и запретов, предусмотренных правилами дорожного движения, и особенности их реализации. Анализируются нормативно-правовые пробелы и неточности формулировок правил дорожного движения и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, права и обязанности водителя, оставление места дорожно-транспортного происшествия, административная ответственность.

Для цитирования: Румянцев Н. В. О некоторых вопросах административно-правового статуса водителя транспортного средства при возникновении дорожно-транспортного происшествия // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 226–230. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-226-230.

Original article

About some issues of the administrative and legal status of the driver of the vehicle in the event of a traffic accident

Nikolay V. Rumyantsev[1,2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, rumyantsevn.v@yandex.ru
[2] Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The features of the administrative and legal status of the driver of a vehicle who became a participant in a traffic accident are investigated. The issues of rights, duties and prohibitions provided for by the rules of the road, and the specifics of their implementation are considered. Regulatory gaps and inaccuracies in the wording of traffic rules are analyzed and ways to overcome them are proposed.

Keywords: road safety, driver's rights and obligations, leaving the scene of a traffic accident, administrative responsibility

For citation: Rumyantsev N. V. About some issues of the administrative and legal status of the driver of the vehicle in the event of a traffic accident. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):226–230. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-226-230.

Увеличение количества зарегистрированных транспортных средств и лиц, допущенных к их управлению, определяет повсеместную вовлеченность граждан в дорожное движение. Закрепляя его предмет и границы, законодатель определил дорожное движение как «систему общественных отношений, возникающих в ходе перемещения людей и грузов с использованием транспортных средств или без таковых в

© Румянцев Н. В., 2022

пределах дорог, а его безопасность — как состояние, которое отражает степень защищенности участников дорожного движения от происшествий с участием транспорта и их последствий» [1].

В научной литературе высказывается следующая точка зрения: если исходить из того, что безопасность дорожного движения — это некая система, которая представляет собой множество взаимосвязанных элементов, обособленных от среды и взаимодействующих с ней как целое, то ее можно определить как состояние защищенности от последствий воздействия на отношения, которые находятся в этой системе [2, с. 46–48].

В связи с этим первоочередными задачами государства продолжают оставаться обеспечение безопасности в этой сфере, охрана жизни и здоровья граждан, предупреждение причин возникновения ДТП и снижение тяжести их последствий [1].

Как отмечает ряд авторов, роль власти не исчерпывается лишь охранительной функцией, но и предполагает гарантированность необходимого уровня безопасности населения, которое достигается, в том числе, путем применения различного рода правоограничений [3, с. 65–67]. Значимость запретов и ограничений как методов административно-правового регулирования подтверждается большим количеством научных работ [4, с. 233; 5, с. 232; 6, с. 484], посвященных изучению их природы. Они, будучи правовыми инструментами, являются частью системы сдержек и противовесов, призванных исключить из сферы дорожного движения лиц, создающих риск безопасному состоянию этой среды.

Согласимся с точкой зрения ученых–административистов, которые отмечают, что запрет, представляя собой сложное юридическое образование, является средством административно-правового регулирования, которое призвано оказать требуемое воздействие на охраняемые общественные отношения [7, с. 19] и определяет виды деятельности, которые запрещены [8, с. 102–123]. Мы поддерживаем мнение Ю. И. Попугаева, причисляющего запреты к важным и необходимым юридическим средствам, с помощью которых обеспечивается организованность общественных отношений, осуществляется охрана прав и законных интересов граждан и общества, создаются барьеры для нежелательных и социально вредных деяний [9, с. 61].

Безопасность как правовая категория предусматривает равновесное состояние системы, где ее участники, реализуя предоставленные им права, обязаны соблюдать установленные и санкционированные правила дозволенного поведения. Их нарушение приводит к дестабилизации общественных отношений, создавая реальную или потенциальную угрозу охраняемым интересам в области дорожного движения.

Грамотные и профессиональные действия водителей транспортных средств на месте ДТП являются залогом снижения тяжести их последствий, определения нарушителя правил дорожного движения и привлечения виновных лиц к юридической ответственности. Обязанности водителя, ставшего участником ДТП, регламентированы п. 2.5–2.6 правил дорожного движения (далее — Правила), и зависят от характера и степени причиненного вреда, который может быть имущественным или связан с ранениями, гибелью людей.

Дорожно-транспортные происшествия, связанные с причинением травм его участникам, несут в себе наибольшую общественную опасность. Это послужило основанием для возложения на водителя широкого спектра обязанностей, связанных с совершением действий по устранению вредных последствий, фиксации первичных данных, которые могут являться основанием для правильного, полного и всестороннего рассмотрения дела об административном правонарушении, связанного с нарушением Правил. Важно отметить, что необходимость выполнения предписаний возложена законодателем только на одну категорию участников дорожного движения — водителей транспортных средств, независимо от того, кто допустил нарушение Правил и явился виновником происшествия.

Обязанности водителей следует разделить на две группы. В первую группу необходимо отнести действия, связанные с уведомлением компетентных органов исполнительной власти: скорой медицинской помощи и полиции о ДТП и ожидание их прибытия, установление свидетелей и очевидцев аварии, фиксация их данных. Во вторую — включены обязанности по оказанию первой помощи пострадавшим, освобождение проезжей части для устранения препятствий для движения других транспортных средств, фиксация обстоятельств происшествия и организация объезда места аварии.

Закрепляя в Правилах указанные обязанности, законодатель допускает использование неточных формулировок, реализация которых вызывает

обоснованные вопросы. Так, из п. 2.6 Правил следует обязанность водителя в экстренных случаях доставить пострадавших на своем транспортном средстве в ближайшую медицинскую организацию, где следует сообщить свою фамилию, регистрационный знак транспортного средства (с предъявлением документа, удостоверяющего личность, или водительского удостоверения и регистрационного документа на транспортное средство) и возвратиться к месту происшествия. Указанное требование вступает в противоречие с другой обязанностью водителя, связанное с запретом покидать место ДТП и ожидать прибытия сотрудников полиции. Данная формулировка создает состояние правовой неопределенности, делая возможным двояко квалифицировать одно и тоже деяние, исходя из субъективных оценок и внутренних убеждений уполномоченного должностного лица, осуществляющего процессуальную проверку.

Отметим, что понятие и виды экстренных случаев не находят своего закрепления и конкретизации в Правилах, в связи с чем целесообразно отнесение их к состоянию крайней необходимости, т. е. рассмотреть совокупность действий, направленных на устранение опасности для жизни и здоровья лиц, пострадавших в результате ДТП. В разрезе необходимости выполнения участником дорожно-транспортного происшествия обязанностей, возложенных Правилами, следует учесть, что опасность должна обладать рядом признаков. Во-первых, быть реальной, а не мнимой, т. е. характер полученных телесных повреждений и травм должен свидетельствовать о наличии действительной угрозы жизни и здоровью пострадавшего в ДТП. Во-вторых, следует учесть, что крайняя необходимость, как возможность отступления от требований Правил в целях устранения опасности, является непродолжительной по времени мерой. Ее действие прекращается в момент устранение угрозы, вызвавшей отклонение от правомерного поведения. Таким образом, действие состояния крайней необходимости водителя транспортного средства, покинувшего место ДТП, заканчивается в момент доставления больного в медицинское учреждение. Злоупотребление таким правом после исчезновения опасности и невозвращение к месту ДТП, безусловно, служит основанием для привлечения водителя к юридической ответственности [10, с. 99].

Вместе с тем, Правила не содержат таких формулировок, как, например, «незамедлительно», «в кратчайшие сроки», ограничивающих водителя во времени выполнения указанной обязанности. Кроме того, не определен алгоритм действий водителя, осуществляющего доставление пострадавшего в медицинское учреждение, в части уведомления об этом сотрудников полиции до их прибытия к месту происшествия.

Следующим моментом, являющимся, по нашему мнению, дискуссионным, является обязанность освободить проезжую часть, если движение других транспортных средств невозможно. Правила требуют от участников ДТП предварительно зафиксировать, в том числе средствами фотосъемки или видеозаписи, положение транспортных средств по отношению друг к другу и объектам дорожной инфраструктуры, а также следы и предметы, относящиеся к происшествию, принять исчерпывающие меры к их сохранению и организации объезда места происшествия. Следует отметить, что проезжая часть является одним из составных элементов дороги, предназначенным для движения безрельсовых транспортных средств, наряду с трамвайными путями, тротуарами, обочинами и разделительными полосами. Таким образом, буквальное толкование приведенного положения не возлагает на водителя транспортного средства освобождать, например, трамвайные пути. Предлагаем, что в этой части п. 2.6 Правил изложить в следующей редакции: освободить проезжую часть, трамвайные пути, тротуары, обочины и разделительные полосы, если движение других транспортных средств невозможно.

Полагаем, что требует уточнения и обязанность водителя принять все возможные меры к сохранению следов и предметов ДТП и организации объезда происшествия. Расплывчатость приведенной формулировки не дает понятного и четкого алгоритма действий водителя транспортного средства. Правила устанавливают исчерпывающий перечень предметов, которые водитель обязан использовать в случае ДТП или вынужденной остановки в ночное время: знак аварийной остановки, одежду со светоотражающими элементами. Сохранение же, например, следов торможения возможно путем ограждения части дороги специальными конусами, которые разработаны для использования в условиях ограниченной видимости. По нашему мнению, использование иных предметов в целях сохранения следов происшествия

на проезжей части может создать помехи в движении других участников дорожного движения, явиться причиной аварий.

Следующим важным моментом является обязанность водителя организовать объезд места ДТП. Данное положение Правил предписывает водителю, исходя из заложенного смысла, принять меры к регулированию дорожного движения. Вместе с тем, Правила предусматривают, что регулировщиками может быть узкий перечень наделенных специальными полномочиями лиц: сотрудники полиции, военной автомобильной инспекции, дорожных служб и др., к которым водители — участники ДТП — не отнесены. Помимо этого, регулировщики должны находиться в форменной одежде и обладать соответствующей экипировкой для осуществления распорядительно-регулировочных действий.

Таким образом, возникает вопрос, как водитель может выполнить обозначенные обязанности по сохранению следов происшествия и организации его объезда, учитывая отсутствие соответствующего инвентаря и полномочий в области организации дорожного движения? Несмотря на это, ч. 1 ст. 12.27 КоАП РФ за невыполнение данных обязанностей предусмотрена ответственность в виде штрафа.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что нормативно-правовые коллизии являются предпосылками для двусмысленного толкования Правил, не в полной мере конкретизируют порядок выполнения водителями транспортных средств, ставшими участниками ДТП, возложенных законодательством обязанностей и реализацией прав. По нашему мнению, приведенные примеры свидетельствуют о том, что нормы Правил, регламентирующие совокупность правоотношений, при возникновении ДТП, требует дальнейшего осмысления и конкретизации в целях выработки единообразного подхода к реализации прав и обязанностей участников дорожного движения.

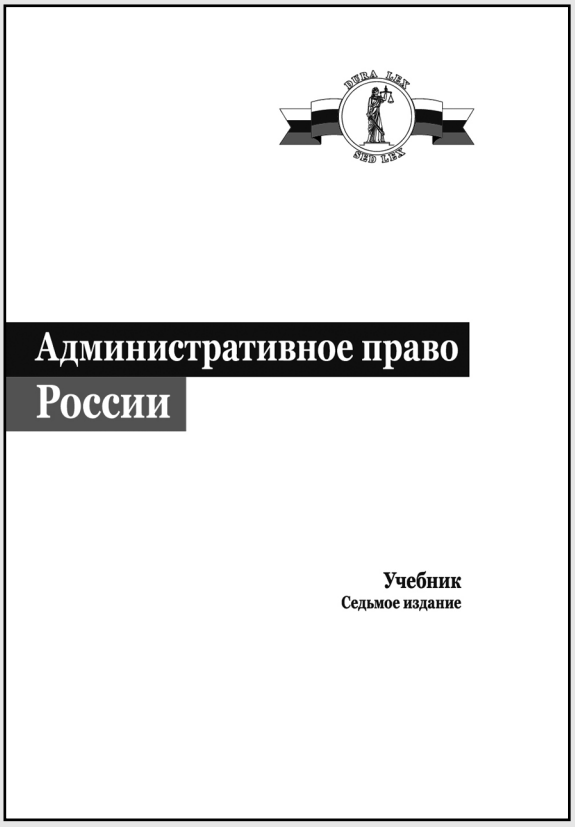
Список источников

1. Статья 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

2. Моховая Т. А. Преступления против безопасности дорожного движения как объект криминалистического исследования // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 46–48.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО РОССИИ

**7-е изд., перераб. и доп. Учебник. 744 с.
Гриф МО РФ
Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
(Серия «Dura lex, sed lex»)
Под ред. В. Я. Кикотя, Н. В. Румянцева**



В учебнике предложено оригинальное видение предмета административного права, механизма административно-правового регулирования общественных отношений, во многом отличающееся от стереотипов, сложившихся в административно-правовой науке в течение многих десятилетий. Особое внимание уделено таким малоизученным вопросам административного права, как особенности административно-правового статуса организаций (в том числе государственных учреждений, должностных лиц), основы правоохранительной службы, административно-правовые действия, методы осуществления административной деятельности, основы теории административно-публичного обеспечения безопасности.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений юридического профиля.

3. Вопросы административно-правового регулирования обеспечения безопасности современной России / А. С. Дугенец [и др.] // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 65–67.

4. Слепченко Ю. Н. Запреты в административном праве: дисс. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2002.

5. Трегубова Е. В. Метод административного запрета в российском праве: моногр. М. : NotaBene, 2010.

6. Мельников В. А. Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел: дисс. … докт. юрид. наук. Краснодар, 2016.

7. Рыбушкин Н. Н. К вопросу о запрещающих нормах // Актуальные вопросы советского права. Казань, 1985.

8. Шергин А. П. К концепции механизма административно-правового регулирования // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. М., 2004.

9. Попугаев Ю. И. Теоретико-прикладные проблемы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2020.

10. Журавлев В. В. Управление транспортным средством в разрезе крайней необходимости // Юридическая наука. 2018. № 6. С. 99.

Reference

1. Article 2 of Federal Law No. 196-FZ of December 10, 1995 «On Road safety» // SZ RF. 1995. No. 50. St. 4873.

2. Mokhovaya T. A. Crimes against road safety as an object of forensic research // Russian justice. 2016. No. 2. P. 46–48.

3. Issues of administrative and legal regulation of security in modern Russia / A. S. Dugenets [et al.] // Administrative law and process. 2012. No. 3. P. 65–67.

4. Slepchenko Yu. N. Prohibitions in administrative law: diss. ... cand. jurid. sciences'. Voronezh, 2002.

5. Tregubova E. V. Method of administrative prohibition in Russian law: monogr. M. : NotaBene, 2010.

6. Melnikov V. A. Administrative and legal restriction of citizens' rights and the mechanism of its implementation by internal affairs bodies: diss. ... doct. jurid. sciences'. Krasnodar, 2016.

7. Rybushkin N. N. On the question of prohibiting norms // Actual issues of Soviet law. Kazan, 1985.

8. Shergin A. P. On the concept of the mechanism of administrative and legal regulation // Actual problems of administrative and administrative procedural law. M., 2004.

9. Parugaev Yu. I. Theoretical and applied problems of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses: diss. ... doct. jurid. M., 2020.

10. Zhuravlev V. V. Vehicle management in the context of extreme necessity // Legal science. 2018. No. 6. P. 99.

Информация об авторе

Н. В. Румянцев — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Rumyantsev — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 08.02.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 343.01
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-231-235
NIION: 2003-0059-3/22-312
MOSURED: 77/27-003-2022-03-511

Цифровые аналоги официальных документов как предмет преступления: постановка проблемы

Евгений Александрович Русскевич[1], Ксения Борисовна Чернова[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] russkevich@mail.ru
[2] kseniachernovaxx@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются уголовно-правовые аспекты развития и внедрения технологий, позволяющих альтернативно использовать цифровые аналоги официальных и иных основных документов личного хранения. Аргументируется вывод о необходимости дополнения статей Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за преступления в сфере официального документооборота, оговоркой о цифровых аналогах документов. Подчеркивается, что предлагаемый термин является условным и требует обсуждения. Важным является выработать и использовать в тексте закона некую универсальную категорию, которая позволила бы охватить не только QR-коды, но и иные существующие, а также возможные в ближайшей перспективе цифровые заменители официальных документов.

Ключевые слова: официальные документы, цифровые аналоги, QR-код, сертификат о вакцинации, преступления против порядка управления

Для цитирования: Русскевич Е. А., Чернова К. Б. Цифровые аналоги официальных документов как предмет преступления: постановка проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 231–235. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-231-235.

Original article

Digital analogues of official documents as a subject of crime: problem statement

Evgeny A. Russkevich[1], Kseniya B. Chernova[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] russkevich@mail.ru
[2] kseniachernovaxx@mail.ru

Abstract. Criminal-legal aspects of the development and implementation of technologies that allow the alternative use of digital analogues of official and other basic documents of personal storage are considered. The conclusion is argued that it is necessary to supplement the articles of the Criminal Code of the Russian Federation providing for liability for crimes in the field of official document management with a reservation on digital analogues of documents. It is emphasized that the proposed term is conditional and requires discussion. It is important to develop and use in the text of the law a kind of universal category that would cover not only QR codes, but also other existing, as well as possible digital substitutes for official documents in the near future.

Keywords: official documents, digital analogs, QR code, vaccination certificate, crimes against the order of government

For citation: Russkevich E. A., Chernova K. B. Digital analogues of official documents as a subject of crime: problem statement. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):231–235. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-231-235.

© Русскевич Е. А., Чернова К. Б., 2022

Информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью современных управленческих систем, в том числе в сфере государственного управления и обеспечения правопорядка. Довольно уверенно можно заявить, что процесс этот не только не завершен, но в ближайшей перспективе будет иметь нарастающий характер с качественным изменением самой модели государственного управления. Как отмечает М. Н. Дудин, по истечении некоторого времени государство будет в полном объеме функционировать только при помощи современных технологий. Прав автор и относительно того, что задачи по образованию «цифрового государства» технологически понятны, но являются сложными с точки зрения правового регулирования [4].

Переход на цифровой способ хранения и передачи данных наблюдается и в области официального документооборота. Темпы сужения традиционного документооборота с каждым днем ускоряются. На смену ему приходит электронное децентрализованное хранение и обмен данными [6, с. 201]. И это связано не столько с развитием электронного документооборота, сколько с внедрением технологий, посредством которых у гражданина появляется доступ к цифровым аналогам всех основных документов личного хранения. При этом в случае необходимости использовать такие «виртуальные аватары» можно будет взамен бумажных документов [2]. Как известно, с сентября текущего года в тестовом режиме стартовал сервис цифрового аналога свидетельства о праве собственности на транспортное средство. При необходимости предъявление свидетельства может быть осуществлено через приложение «Госуслуги.Авто», которое по запросу сформирует QR-код для считывания.

Разработка и внедрение указанных технологий представляет собой не просто формальный (программный) этап в построении «электронного правительства», но и вполне справедливо воспринимается как реальный способ повышения эффективности государства и общества в решении стоящих перед ними актуальных задач, в том числе противодействие бюрократизации, коррупционности и т. д. Как верно пишет по этому поводу А. М. Тарасов, большое количество выдаваемых государственными органами документов одному и тому же лицу, причем содержащих нередко информацию дублирующего характера, приводит к нерациональному использованию выделяемых бюджетных средств на их производство, затрудняет процедуру их использования, перегружает наши карманы тяжестью многочисленных документов [13, с. 35]. В некотором смысле эта тенденция повторяет ситуацию с движением денег во внутреннем экономическом обороте страны, когда активное развитие сервисов дистанционного банковского обслуживания, их доступность, удобство и относительная безопасность, привело к существенному снижению наличных расчетов.

Появление цифровых двойников официальных и иных документов закономерно обусловливает постановку вопроса о том, насколько пригодны положения отечественного уголовного закона для противодействия обороту поддельных цифровых аналогов таких документов как паспорт, водительское удостоверение, свидетельство о регистрации транспортного средства и т. д. Наиболее наглядно эта проблема предстала в связи с введением системы QR-кодов для предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции. В сети Интернет появились многочисленные предложения о продаже поддельных сертификатов о вакцинации от Covid-19, а также QR-кодов. Сфера применения QR-кода весьма разнообразна. Он является обязательным реквизитом кассового чека, полиса ОСАГО, используются в рекламе, как средство (элемент) индивидуализации товара, в качестве инструмента оплаты товаров либо услуг, для организации пропускного режима и др. К сожалению, матричный код быстрого отклика получил свое распространение и в преступной деятельности. Так, виновные подделывают QR-коды, выступающие подтверждением покупки билета и одновременно пропуском для посещения культурно-массовых мероприятий (концертов, выставок и т. п.). Другой распространенной тенденцией стало переклеивание QR-кодов в общественных местах, например, на велосипедах или самокатах, предоставляемых в аренду. В таких ситуациях клиенты, пытаясь воспользоваться сервисом, переводят деньги не оператору, а мошенникам. Кроме того, довольно часто происходит неправомерное копирование персональных данных пользователей, а зачастую и распространение вредоносных компьютерных программ [1]. В отечественной правоприменительной практике такие ситуации были связаны с подменой матричных кодов в местах общественного питания (ресторанах, кафе и др.). Посетители заведения, желая ознако-

миться с меню или оставить чаевые, также теряли свои денежные средства в результате сканирования QR-кодов [7].

Обращаясь к опыту зарубежных стран, можно обнаружить примеры привлечения лиц к ответственности за использование поддельных QR-кодов. Так, в Марселе (Франция) полицейские задержали посетителя больницы, который для входа использовал пропуск с QR-кодом Эммануэля Макрона. За использование медицинского пропуска, принадлежащего другому лицу, виновный был оштрафован. QR-код Макрона был размещен неизвестными в открытом доступе в сети Интернет. Главе Франции из-за этого пришлось получить новый код, а старый был оставлен в сети с указанием, что попытка использовать его является преступлением [3].

Функционально QR-код удостоверяет юридически значимые факты, а также определенным образом предоставляет права или освобождает от обязанностей, подтверждает выполнение санитарно-эпидемиологических правил и дает право посещения определенной категории мероприятий («COVID-free»). В связи с этим О. Черкасов отмечает: «…с учетом отсутствия в нормативных актах такого признака официального документа, как изготовление в бумажном варианте на официальном бланке, утвержденном Госстандартом, либо наличия электронной цифровой подписи для электронных документов и в целом отсутствия четкого понятийного аппарата… нельзя однозначно исключать квалификацию действий по подделке QR-кода по ст. 327 УК РФ» [11].

В свою очередь, А. Каракасиян подчеркивает: «…официальный электронный документ должен содержать информацию документированную, т. е. с определенными реквизитами… Едва ли в QR-кодах, используемых Правительством Москвы, можно обнаружить подобные элементы» [12].

Из этих же соображений А. С. Рубцова убедительно обосновывает, что QR-код нельзя считать официальным или иным документом, как и документом вообще. Он не отвечает критериям официального документа. Автор утверждает, что использование поддельного QR-кода, если это деяние не сопряжено с покупкой или продажей поддельного сертификата о вакцинации, ПЦР-теста или справки о ранее перенесенном заболевании, не может повлечь ответственности по ст. 327 УК РФ в силу того, что он не является официальным документом [10]. Это не исключает возможности квалификации деяния по ст. 236 УК РФ как нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание либо создавшее угрозу наступления таких последствий.

Возможность квалификации подделки, сбыта или оборота поддельного сертификата о вакцинации по ст. 327 УК РФ сомнений в целом не вызывает. Имеющаяся правоприменительная практика демонстрирует конкретные примеры такой юридической оценки. Так, по ч. 1 ст. 327 УК РФ были квалифицированы действия Т., который, имея умысел на подделку официального документа, с целью дальнейшего сбыта изготовил справку о результатах лабораторного теста на коронавирусную инфекцию SARS-CoV-2, выданную от имени ООО «Лаборатория Гемотест», после чего неосведомленный о его преступной деятельности курьер сбыл вышеуказанную справку за денежное вознаграждение [9].

Однако следует не просто согласиться с позицией А. С. Рубцовой, но и, проявляя последовательность, одновременно заявить, что механизм уголовно-правовой охраны столкнулся (или вплотную приблизился) с очередной проблемой, связанной с цифровизацией жизнедеятельности, — проблемой противодействия обороту цифровых аналогов (QR-кодов и др.) официальных документов.

Обсуждаемая проблема самым тесным образом примыкает и в определенном смысле перекликается с имеющейся в отечественной науке уголовного права дискуссией относительно принципиальных отличий между электронным и бумажным документом, необходимости в этом отношении конкретизировать положения российского уголовного закона [5, с. 13]. Вместе с тем, вопрос об уголовно-правовом противодействии фальсификациям «цифровых аватаров» официальных документов обладает самостоятельной природой, — цифровые аналоги документов (QR-код свидетельства о праве собственности на транспортное средство) не являются электронными документами в собственном смысле слова. Именно поэтому расширительное толкование соответствующих положений уголовного закона, позволившее бы как-то приравнять цифровой двойник к официальному документу, полагаем, будет вступать в очевидное противоречие с положениями ст. 3 УК РФ. По этой причине представляется невозможным

решить обозначенную проблему путем дополнения рекомендаций, сформулированных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 324–3271 Уголовного кодекса Российской Федерации» [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие и непосредственное внедрение технологий, позволяющих гражданину альтернативно использовать «цифровые аватары» официальных и иных основных документов личного хранения, требует совершенствования российского уголовного законодательства. Наиболее приемлемым решением видится дополнение соответствующих статей УК РФ оговоркой о «цифровых аналогах» конкретных документов. Конечно же, предлагаемый термин является условным и требует обсуждения. Важным представляется выработать и использовать в тексте закона некую универсальную категорию, которая позволила бы охватить не только QR-коды, но и иные существующие, а также возможные в ближайшей перспективе цифровые заменители официальных документов.

Список источников

1. Будьте осторожны — в Китае орудуют QR-воры // URL://https://laowai.ru/budte-ostorozhny-v-kitae-oruduyut-qr-vory/

2. В Минцифры назвали сроки появления цифровых двойников документов // URL://https://ria.ru/-20201102/tsifrovizatsiya-1582672792.html.

3. Во Франции задержали посетителя больницы, воспользовавшегося санитарным QR-кодом Макрона // URL://https://tass.ru/obschestvo/12624057.

4. Дудин М. Н. Электронная демократия, электронное правительство и технологии электронного администрирования // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2017. № 4. С. 18.

5. Ефремова М. А. Электронный документ как предмет преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 5 (49). С. 10–15.

6. Иванов А. Ю., Башкатов М. Л., Галкова Е. В. и др. Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

7. Опасность быстрых платежей: как крадут деньги через QR-коды // URL://https://www.gazeta.ru/-business/2020/08/11/13190905.shtml.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–3271 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приговор Тверского районного суда города Москвы от 30 июля 2021 г. № 01-0407/2021.

10. Рубцова А. С. Уголовная ответственность за подделку сертификатов о вакцинации от COVID-19, ПЦР-тестов и QR-кодов. Что учесть практикам // Уголовный процесс. 2021. № 9 (201). С. 69.

11. URL://https://www.sravni.ru/q/chto-budet-za-poddelku-qrkoda-38043/

12. URL://https://300.pravo.ru/opinion/233146/

13. Тарасов А. М. Электронное правительство и информационная безопасность: учеб. пособие. СПб., 2011.

References

1. Be careful — QR thieves are operating in China // URL://https://laowai.ru/budte-ostorozhny-v-kitae-oruduyut-qr-vory/

2. The Ministry of Finance called the timing of the appearance of digital duplicates of documents // URL://-https://ria.ru/20201102/tsifrovizatsiya-1582-672792.html.

3. A hospital visitor was detained in France who used Macron's sanitary QR code // URL://https://tass.ru/-obschestvo/12624057.

4. Dudin M. N. Electronic democracy, electronic government and electronic administration technologies // Actual problems of socio-economic development of Russia. 2017. No. 4. P. 18.

5. Efremova M. A. Electronic document as a subject of crime // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2015. No. 5 (49). P. 10–15.

6. Ivanov A. Yu., Bashkatov M. L., Galkova E. V. et al. Blockchain at the peak of hype: legal risks and opportunities. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2017.

7. The danger of fast payments: how money is stolen through QR codes // URL://https://www.gazeta.ru/business/2020/08/11/13190905.shtml.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43 dated December 17, 2020 «On some issues of judicial practice in cases of

crimes provided for in Articles 324-3271 of the Criminal Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

9. Verdict of the Tverskoy District Court of Moscow dated July 30, 2021 No. 01-0407/2021.

10. Rubtsova A. S. Criminal liability for forgery of vaccination certificates from COVID-19, PCR tests and QR codes. What to consider for practitioners // Criminal trial. 2021. No. 9 (201). P. 69.

11. URL://https://www.sravni.ru/q/chto-budet-za-poddelku-qrkoda-38043/

12. URL://https://300.pravo.ru/opinion/233146/

13. Tarasov A. M. Electronic government and Information security: textbook. stipend. St. Petersburg, 2011.

Информация об авторах

Е. А. Русскевич — профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук;

К. Б. Чернова — курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

E. A. Russkevich — Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences;

K. B. Chernova — Cadet of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

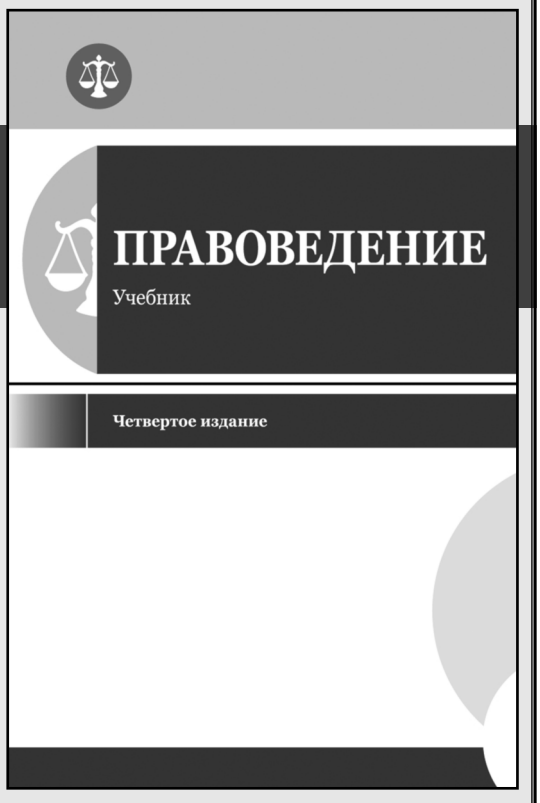
ПРАВОВЕДЕНИЕ

4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 423 с.
Гриф МО РФ
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. С. С. Маиляна

Представлены важнейшие аспекты существования государства и права.

Рассмотрены основы наиболее значимых отраслей российского права — конституционного, гражданского, наследственного, семейного, трудового, административного, налогового, земельного, уголовного, международного, конституционного процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального, уголовного процессуального, таможенного и экологического.

Для обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях неюридического профиля.



Научная статья
УДК 351.865
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-236-240
NIION: 2003-0059-3/22-313
MOSURED: 77/27-003-2022-03-512

Миграция как интеграция прав и свобод человека на опыте России — Франции

Василий Дмитриевич Самойлов[1], Шамиль Магомедович Нурадинов[2], Александра Владимировна Земскова[3]
[1] Академия военных наук, Москва, Россия, vas.samoylow2016@yandex.ru
[2,3] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[2] trianonnn2017@mail.ru

Аннотация. Ретроспективный аспект статьи отражает процесс интеграции людей (их социальных групп) во Франции и в современной России, который, с одной стороны, ориентирует на актуальность ситуационного разрешения моделируемой миграционной проблемы в части интеграции различных категорий мигрантов (иммигрантов, эмигрантов, трудовых мигрантов, соотечественников, вынужденных мигрантов, и других), с другой, — на государственно-правовые аспекты принимающего их социума.

Ключевые слова: миграция, глобализация, интеграция, Россия, Франция
Для цитирования: Самойлов В. Д., Нурадинов Ш. М., Земскова А. В. Миграция как интеграция прав и свобод человека на опыте России — Франции // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 236–240. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-236-240.

Original article

Migration as integration of human rights and freedoms on the experience of Russia — France

Vasily D. Samoilov[1], Shamil M. Nuradinov[2], Alexandra V. Zemskova[3],
[1] Academy of Military Sciences, Moscow, Russia, vas.samoylow2016@yandex.ru
[2,3] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[2] trianonnn2017@mail.ru

Abstract. The retrospective aspect of the article reflects the process of integration of people (their social groups) in France and in modern Russia, which, on the one hand, focuses on the relevance of situational resolution of the simulated migration problem in terms of integration of various categories of migrants (immigrants, emigrants, labor migrants, compatriots, forced migrants, and others), on the other — on the state-legal aspects of their host society.

Keywords: migration, globalization, integration, Russia, France
For citation: Samoilov V. D., Nuradinov Sh. M., Zemskova A. V. Migration as integration of human rights and freedoms on the experience of Russia — France. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):236–240. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-236-240.

Введение. В современном мироздании ни одно государство не может существовать изолированно от других государств. Из-за усиления роли средств массовой информации, технологий и связи, Интернета (далее — СМИ) стало возможным для людей, различными способами перемещаться на огромные расстояния за короткий отрезок времени. В связи с этим глобализация и интеграция охватывает практически все аспекты жизни и деятельности человека / гражданина на территории 198 государств планеты.

Несомненно, что среди субъективных и объективных причин, которые побуждают людей мигрировать, кроме экономических, часто доминируют социально-политические, религиозно-культурные вы-

© Самойлов В. Д., Нурадинов Ш. М., Земскова А. В., 2022

зовы. Массовый приток иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — ИГ и ЛБГ), в основном из афро-азиатских государств с иной культурой, укладом, религией, образом мышления, образованием, обостряет социальные проблемы европейских стран, ставит под угрозу их национально-культурное своеобразие. При этом прогрессирует исламский экстремизм и международный терроризм, что угрожает условиям безопасности государств, включая РФ [1; 2, ст. 13; 10].

Ответом угрозам и рискам в сфере миграции на потребности органов государственной власти (далее — ОГВ) стал Указ Президента РФ от 10 февраля 2022 г. № 48 «Об образовании Межведомственной комиссии Совета безопасности России по вопросам совершенствования государственной миграционной политики», который ориентирует на задачи и координацию деятельности ОГВ, других органов власти и организаций при реализации ими государственной миграционной политики (далее — ГМП), возложенных на Совбез РФ в сфере миграции и регулирования миграционных процессов для социально-экономического развития страны [10].

Материалы и методы. В европейских странах идеи культурного многообразия и синтеза сменились стремлением к «жесткой интеграции» ИГ и ЛБГ в свои социумы на условиях компромисса, при соблюдении их гражданских прав в том объеме, в котором они не вступают в противоречие с этно-национальными интересами и культурными традициями европейцев. В исследовании применены методы историзма, генезиса, компаративизма, контент-анализа, ситуационного моделирования [3, с. 184; 5; 6; 9, с. 103].

В частности, историко-правовой аспект миграционной политики Франции подтверждает гипотезу о том, что процесс интеграция ИГ и ЛБГ является одной из проблем правительства Пятой республики и французского сообщества по всему миру [7, с. 162–165]. Стратегия интеграции нацелена на обеспечение позитивного взаимодействия ИГ и ЛБГ с их принимающими, а взаимовыгодная необходимость регуляторами рассматривается как часть всеобъемлющей интеграционной политики. В связи с новыми реалиями в сфере миграции при глобальной мобильности ИГ и ЛБГ, ситуационное моделирование процесса интеграции востребовано акторами политики применительно к наплыву миграционных объектов [4, с. 191–196].

Обсуждение. В большинстве практик включение мигрирующих лиц в принимающее их общество рассматривается как процесс интеграции с целью формирования новой идентичности, приемлемой для этнических меньшинств и для этноса доминанта. В связи с этим ситуационным моделированием выделим две структурные модели интеграции переселенцев [1; 7, с. 162]:

1) модель ассимиляции с коренными жителями мест вселения, что для мигрирующих лиц обусловливает национально-государственную (этно-национальную) идентичность (традиционный тип);

2) диалогическую модель культур вплоть до адаптации переселенцев к государственно-гражданской идентичности их с коренными жителями (инновационный тип).

Модель ассимиляции пришлых с коренными жителями распространена в процессе их интеграции, идейное клише которой популярно у политиков из стран–реципиентов как реакция на проявления «культурной колонизации» со стороны иноэтнических сообществ (Франция) или для формирования этнонациональной идентичности как основы возрождения духовности (Россия). Однако данная модель часто порождает негативные явления в принимаемом обществе (ксенофобию, экстремизм, терроризм) [8, с. 18–21].

Модель мультикультурализма (франц. multiculturalisme) политически и идеологически направлена на сохранение / создание в мире и отдельной стране, культурных различий, при трех условиях:

1) эгалитарности (франц. égalité — равенство);

2) добровольного приобщения к культуре, языку и религии;

3) свободный выход (из группы) и ассоциация [1; 11].

Право самоопределения культурной идентичности означает перенос проблематики государственного управления из этнической плоскости в гражданскую, например, для поиска «золотой середины», на принципах:

а) соблюдения прав человека независимо от места его рождения;

б) защиты от дискриминации по расово-национальным признакам;

в) гражданства при толерантности к иной культуре.

Итак, «мультикультурализм» интеграции мигрантов как «сосуществование множества культур в

одной стране» РФ поддерживает, Франция в смысле этого термина считает себя «государством-нацией», принципиально не многонациональным государством [11].

Во Франции Отдел международной миграции (со 2 ноября 1945 г.), как государственное учреждение в системе Минтруда и солидарности, решает следующие задачи:

а) организует набор рабочих, в том числе ИГ, для работы за границей;

б) осуществляет прием ИГ и их семей;

в) ведет контроль их пребывания на территории Франции;

г) содействует ИГ в их интеграции во французский социум. Кроме того, создан Фонд содействия и поддержки, интеграции ИГ и борьбы с дискриминацией (FASILD) с миссией интеграции ИГ и членов их семей во французское общество.

Стратегия интеграции ИГ и ЛБГ в РФ возлагалась на ФМС России, в структуре которой с 10 сентября 2010 г. было Управление содействия интеграции, полномочное в решении следующих задач:

- участие в создании стратегии интеграции иммигрантов в российское общество;
- организация работы терорганов ФМС России для адаптации ИГ и ЛБГ, прибывших на территорию РФ, а также интеграции — для включения ИГ и ЛБГ в культуру российского общества;
- сотрудничество с общественными, правозащитными российскими и международными организациями, со СМИ;
- информационное обеспечение деятельности ФМС России в сфере реализации государственной миграционной политики [6; 7, с. 163].

С упразднением 5 апреля 2016 г. ФМС России, деятельность данного Управления прекращена.

Результаты. В стратегии интеграции мигрирующих лиц в РФ надо учитывать опыт других стран, включая Францию в ее культурно-историческом и расово-языковом аспектах. Процесс интеграции людей сочетает обязанности переселенцев и коренных жителей мест вселения.

Проблемы миграционной и общественной безопасности обострились с 11 марта 2020 г., когда Всемирной организацией здравоохранения (далее — ВОЗ) был дан старт на противодействие Covid-19. Вскоре пандемия стала препятствием для миграционных процессов на территории всех государств, включая процесс интеграции находящихся ИГ и ЛБГ. Государственно-правовое регулирование сферы миграции подвержено вызовам санитарно-эпидемиологической безопасности. При возникновении международной угрозы внесены коррективы в деятельность органов исполнительной власти, общественных институтов, бизнес-структур. Важен поиск эффективного разрешения дезинтеграции людей (социальная дистанция, масочный режим).

Тем не менее, определенная часть ИГ, ЛБГ, а также бипатридов и лиц с множественным гражданством (далее — ДГ, ЛМГ) продолжала посещать свои заморские владения, решать финансово-экономические проблемы, отдыхать в привилегированных регионах и т. д. Применительно к реализации миграционных намерений иных физических лиц подчеркнем бегство ВС США и воинских контингентов НАТО с территории Афганистана после 20-летнего установления там *демократии по-американски* [8, с. 18–21]. Итогом бегства и *пирровой победы ВС США* стала иммиграция и вынужденная миграция афганцев. По телеканалам мы наблюдали как они цеплялись за шасси улетающих бортов США, как падали с километровой высоты.

Мы утверждаем о том, что реализация намерений ИГ, ЛБГ, ДГ и ЛМГ выступает инструментом связи между сферой миграции и интеграционными процессами мирового уровня. Несмотря на то, что сущность понятия «интеграция» в странах и контекстах разная, мы полагаем, что «интеграцию» следует детерминировать как процесс, посредством которого мигрирующие лица принимаются в социум, как отдельные лица и социальные группы. Таков и процесс адаптации ИГ, ЛБГ, ДГ и ЛМГ в принимающих их социумах [7, с. 163]. Подчеркнем, что интеграция не влечет за собой передвижение мигрирующих лиц на постоянное место жительства при их вселении, ибо часто указанные лица стремятся к улучшению или изменению материального и иного статуса:

а) таким лицам страны по-разному тарифицируют выплаты;

б) к части переселенцев наведываются вербовщики в ряды террористов и частные военные кампании;

в) незнание законов и правомерного поведения влечет наступление юридической ответственности, от которой спасает поиск материально-бытовых условий в других социумах.

Заключение. На вышеизложенной научно-исследовательской основе потребность в экспертно-аналитической оценке миграционной безопасности в РФ в интересах социально-экономического развития страны, в прогнозах геополитической стратегии и глобальных рисков — это реальность. Она обусловлена потребностями ОГВ в выработке стратегии в сфере миграции для совершенствования государственной миграционной политики с целью выполнения задач и координации деятельности полномочных органов.

Список источников

1. Декларация о правах человека. Принята резолюцией 217А (III) Генассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // URL://https://www.un.org/ru/documents/-decl_conv.

2. Конституция РФ от 25 декабря 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

3. Нурадинов Ш. М., Самойлов В. Д., Селезнева К. В. Профессиональная подготовка кадров для сферы миграции: конституционно-правовые аспекты реализации государственной миграционной политики // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 1. С. 184–187.

4. Панов А. И., Самойлов В. Д. Миграция как социально-экономическое явление // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3(19). С. 191–196.

5. Самойлов В. Д. Андрогогические основы педагогики и психологии в системе высшего образования России: учебник. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.

6. Самойлов В. Д. Методика преподавания юридических дисциплин в системе высшего образования России: курс лекций. М.: Русайнс, 2018.

7. Самойлов В. Д., Соловьева М. Л. Институт российского гражданства как инструмент обеспечения безопасности государства (экспертно-аналитическая оценка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2018. № 7. С. 162–165.

8. Самойлов В. Д. О современных требованиях к системе высшего военного образования // Вестник высшей школы. 2002. № 11. С. 18–21.

9. Самойлов В. Д. Педагогика и психология высшей школы: учебник. М.–Вологда : Инфра-Инженерия, 2021.

10. Указ Президента РФ от 10 февраля 2022 г. № 48 «Об образовании Межведомственной комиссии Совета безопасности России по вопросам совершенствования государственной миграционной политики» // URL://https://tass.ru/politika/13674067?utm.

11. Le Petit Robert de la langue française. 2020 // URL://https://ru.frwiki./Le_Petit_Robert.

References

1. Declaration of Human Rights. Adopted by resolution 217A (III) of the UN General Assembly of December 10, 1948 // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv.

2. The Constitution of the Russian Federation of December 25, 1993 (with amendments. from July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. July 4th.

3. Nuradinov Sh. M., Samoilov V. D., Selezneva K. V. Professional training of personnel for the sphere of migration: constitutional and legal aspects of the implementation of the state migration policy // Education. The science. Scientific personnel. 2020. No. 1. P. 184–187.

4. Panov A. I., Samoilov V. D. Migration as a socio-economic phenomenon // Economic and socio-humanitarian studies. 2018. No. 3(19). P. 191–196.

5. Samoilov V. D. Androgogical foundations of pedagogy and psychology in the higher education system of Russia: textbook. M. : UNITY-DANA, 2015.

6. Samoilov V. D. Methods of teaching legal disciplines in the higher education system of Russia: course of lectures. M. : Rusains, 2018.

7. Samoilov V. D., Solovyova M. L. Institute of Russian citizenship as a tool for ensuring state security (expert-analytical assessment) // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2018. No. 7. P. 162–165.

8. Samoilov V. D. On modern requirements for the system of higher military education // Bulletin of the higher school. 2002. No. 11. P. 18–21.

9. Samoilov V. D. Pedagogy and psychology of higher education: textbook. M.–Vologda : Infra-Engineering, 2021.

10. Decree of the President of the Russian Federation No. 48 dated February 10, 2022 «On the formation of the Interdepartmental Commission of the Security Council of Russia on improving State migration policy» // URL://https://tass.ru/politika/13674067?utm.

11. Le Petit Robert de la langue française. 2020 // URL://https://ru.frwiki./Le_Petit_Robert.

Информация об авторах

В. Д. Самойлов — корреспондент Вестника Сибирского отделения Академии военных наук, доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор, ветеран военной службы, полковник запаса, пенсионер МВД России;

Ш. М. Нурадинов — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации;

А. В. Земскова — профессор кафедры Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России.

Information about the authors

V. D. Samoilov — Correspondent of the Bulletin of the Siberian Branch of the Academy of Military Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Military Sciences, Professor, Veteran of Military Service, Colonel of the Reserve, Pensioner of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Sh. M. Nuradinov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation;

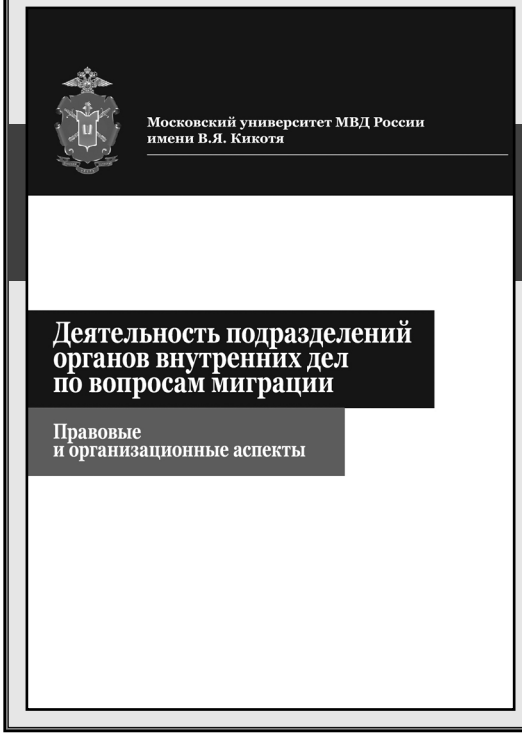
A. V. Zemskova — Professor of the Department of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.



ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Учебное пособие. 215 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Прудников А. С., Харламов С. О.

Учебное пособие подготовлено с учетом теоретических и научно-практических подходов к изучению организационных основ деятельности подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. В частности, в нем нашли отражение такие вопросы, как деятельность органов внутренних дел, формы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в сфере миграции, основные мероприятия международного сотрудничества МВД России в сфере миграции, а также задачи и функции подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции.

Для студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов, а также практических работников системы правоохранительных органов.

Научная статья
УДК 342.72/.73
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-241-244
NIION: 2003-0059-3/22-314
MOSURED: 77/27-003-2022-03-513

Правовые позиции Конституционного Суда РФ об обязанности каждого платить законно установленные налоги

Марат Вильданович Саудаханов
Российский технологический университет — МИРЭА, Москва, Россия, viento_del_norte@bk.ru
Научный консультант: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ **Б. С. Эбзеев**

Аннотация. На основе анализа положений Конституции РФ и решений Конституционного Суда РФ по вопросам, касающимся конституционной обязанности уплаты налогов показана роль правовых его позиций по указанному вопросу, которые послужили основанием для признания неукоснительного исполнения указанной обязанности, но при условии законности установления налогов. Кроме того, Конституционный Суд установил, что обязанность уплаты законно установленных налогов имеет универсальный характер, консолидирующий разных субъектов, взаимодействующих в этой сфере; налогоплательщики вправе требовать защиты своих прав.

Особое внимание уделено анализу правовых позиций Конституционного Суда РФ, которые подготовили правовую базу для внесения в 2020 г. поправок в Основной закон, направленных на консолидацию человек — общество — государство (на примере добросовестной уплаты налогов) что имеет принципиальное значение для России как социального государства.

Ключевые слова: налогоплательщик, налог, конституционная обязанность, уплата налогов, законно установленный налог

Для цитирования: Саудаханов М. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ об обязанности каждого платить законно установленные налоги // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 241–244. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-241-244.

Original article

Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the obligation of everyone to pay legally established taxes

Marat V. Saudakhanov
Russian Technological University — MIREA, Moscow, Russia, viento_del_norte@bk.ru
Research consultant: Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation **B. S. Ebzeev**

Abstract. Based on the analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on issues related to the constitutional duty to pay taxes, the role of its legal positions on this issue is shown, which served as the basis for recognizing the strict fulfillment of this duty, but subject to the legality of the establishment of taxes. In addition, the Constitutional Court established that the obligation to pay legally established taxes has a universal character, consolidating different entities interacting in this area; taxpayers have the right to demand protection of their rights.

Special attention is paid to the analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which have prepared the legal framework for introducing amendments to the Basic Law in 2020 aimed at consolidating man — society — state (on the example of fair payment of taxes) which is of fundamental importance for Russia as a welfare state.

Keywords: taxpayer, tax, constitutional obligation, payment of taxes, legally established tax

© Саудаханов М. В., 2022

For citation: Saudakhanov M. V. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the obligation of everyone to pay legally established taxes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):241–244. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-241-244.

Поскольку обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы закреплена в Конституции Российской Федерации, которая имеет высшую юридическую силу и прямое действие, то она является одной из основных обязанностей. Тем самым играет важнейшую роль в существовании нашей страны, наполняя государственную казну и обеспечивая возможность государства осуществлять свои обязанности, в первую очередь, в социально-экономической сфере.

Данное обстоятельство является одной из причин пристального внимания ученых-конституционалистов к исследованию проблем, возникающих в данной сфере для выработки предложений по их разрешению [1, с. 409–434; 2; 3].

В частности, многие исследователи налоговых правоотношений, рассматривая взаимосвязь налогоплательщика и государства, полагают, что «уплата налога является наиболее важным действием налогоплательщика по отношению к государству» [4]. В результате чего за счет налогов формируется финансовая основа осуществления всех функций государства. Они, в конечном итоге, затрагивают основы конституционного строя, всю систему прав и свобод человека и гражданина. Это подчеркивает исключительную важность надлежащей уплаты налогов, ее системообразующий характер для современного государства [5]. Таким образом, можно утверждать, что уплата налогов является не только основной, но и универсальной обязанностью каждого человека.

Видимо, это является одной из основных причин пристального внимания к правоотношениям в данной сфере Конституционного Суда Российской Федерации. Достаточно сказать, что только с января 2003 г. по декабрь 2021 г. Конституционный Суд РФ вынес 142 решения[1], имеющих непосредственное отношение к вопросам, возникающим в налоговой сфере, а по вопросам, имеющим косвенное отношение к указанной сфере в разы больше — 1882 решения[2].

В частности, в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П установлено, что налог — это необходимое условие существования государства, поэтому обязанность платить налоги, закрепленная в ст. 57 Конституции РФ, распространяется на всех налогоплательщиков в качестве безусловного требования государства. В этой обязанности налогоплательщиков «воплощен публичный интерес всех членов общества»[3].

Другими словами, Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию о безусловном исполнении каждым человеком указанной конституционной обязанности. Поскольку для обеспечения исполнения публичной обязанности уплачивать налоги и сборы государство обладает мерами государственного принуждения[4], постольку за неисполнение или ненадлежащее исполнение данной обязанности к налогоплательщику могут быть применены соответствующие меры ответственности.

Вместе с тем, выступая за безусловное исполнение каждым человеком указанной конституционной обязанности, Конституционный Суд РФ обращает особое внимание на то, что подобное исполнение данной обязанности распространяется только на законно установленные обязанности. Акцентируя внимание на данном аспекте обязанности уплаты налогов Конституционный Суд РФ в п. 2 мотивировочной части своего постановления от 10 июля 2017 г № 19-П сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой «федеральный законодатель располагает достаточной степенью усмотрения при установлении конкретных налогов: он самостоятельно определяет параметры основных элементов налога, в том числе состав налогоплательщиков и объекты налогообложения, виды налоговых ставок, продолжительность налогового периода, стоимостные и (или) количественные показатели, необходимые для определения налоговой базы, порядок исчисления налога. При этом, … он обязан соблюдать положения Конституции РФ, относящиеся к признанию и гарантиям прав и свобод человека и гражданина»[5].

---

[1] URL://http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx/

[2] Там же.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12790/

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июля 2017 г. № 19-П // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220081/

Исходя из данного требования в Налоговом кодексе РФ закреплено, что они «не могут быть произвольными. Недопустимы налоги и сборы, препятствующие реализации гражданами своих конституционных прав (п. 3 ст. 3)[6].

Более того, в указанном пункте Постановления Конституционный Суд не только в очередной раз подтвердил требование правовой определенности, но и сформулировал позицию, направленную на защиту прав налогоплательщика: «Все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах следует толковать в пользу налогоплательщика»[7].

В п. 2 постановления от 10 июля 2017 г. № 19-П Конституционный Суд установил, что являющееся конкретизацией конституционных принципов равенства и законности требование формальной определенности налоговых норм должно быть соблюдено как при установлении налогов, сборов, так и при правовом регулировании контрольных и юрисдикционных процедур, связанных с реализацией налогообложения»[8].

Аналогичные позиции были сформулированы по другим делам (постановления Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П; от 23 мая 2013 г. № 11-П; от 25 июня 2015 г. № 16-П; от 24 марта 2017 г. № 9-П; от 1 июля 2015 г. № 19-П и др.). Причем, требование конкретизации конституционных принципов равенства и законности посредством формальной определенности налоговых норм касается не только регулирования налогообложения, но и его реализации в отношении физических, а также и юридических лиц.

Подобное объединение принципов равенства и законности и распространение их в равной мере на физических, и юридических лиц, судя по датам принятия указанных решений, подготовило солидную правовую базу для включения новой редакции п. 6 ст. 75 и новой ст. 751 в Конституцию РФ в 2020 г.[9]. Более того, подобными правовыми позициями Конституционный Суд РФ выходит далеко за пределы формального требования правовой определенности. Поскольку подготовил правовую основу для консолидации человека, гражданского общества и государства, которые так важны и крайне необходимы в условиях социального государства, которым является Российская Федерация.

После вступления в юридическую силу указанных конституционных новелл, Конституционный Суд РФ в п. 4 постановления от 12 ноября 2020 г. № 46-П сформулировал правовую позицию, в которой указал на возможную основу для консолидации человек — общество — государство: «Налоговые обязательства производны от экономической деятельности, а налоги должны быть установлены в их общей системе сообразно их существу, имея в виду экономическую обоснованность налогов и недопустимость их произвольного введения. Дискреция, принадлежащая государству, …не позволяет ему вводить несправедливые, дискриминационные различия среди налогоплательщиков и действовать вопреки критериям формальной определенности закона, принципам поддержания доверия к действиям властей, законного и справедливого налогообложения»[10].

Другими словами, у юридического лица, которое одновременно является работодателем для человека и налогоплательщиком для государства, а также у человека, являющегося производителем материальных благ и налогоплательщиком, должна быть объединяющая их материальная заинтересованность производительно трудиться и добросовестно исполнять конституционную обязанность уплаты законно установленных налогов. У государства, которое устанавливает налоги и осуществляет другие виды правового регулирования, должна быть заинтересованность в установлении конституционного правопорядка и обеспечения указанной консолидации.

А для этого, как указано в данном пункте постановления, государство не должно допускать «возложение повышенной налоговой нагрузки на налогоплательщика без экономических на то оснований и не позволяет — вопреки ст. 19 (ч. 1 и 2) и 57 Конституции Российской Федерации, принципам равенства и справедливости налогообложения — применить для расчета налоговой базы более благоприятное для налогоплательщика общее правило ее определения»[11].

Таким образом, правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные по вопросам

---

[6] URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-19671/d03926665a6af79635a902fe666ce607ad1cdab0/

[7] URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-220081/

[8] Там же.

[9] URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-28399/

[10] URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-367700/

[11] Там же.

обязанности каждого платить законно установленные налоги, представляют собой комплекс теоретических идей и обязательных правовых предписаний, нацеленных не только на обеспечение неукоснительного исполнения указанной обязанности, но и на защиту самого налогоплательщика. Кроме того, как показано в исследовании, они создали солидную правовую базу для дальнейшего развития положений Конституции РФ в части конкретизации признаков социального государства и их реализации. А самое главное — установили правовую основу для консолидации человек — общество — социальное государство.

Список источников

1. Эбзеев Б. С. Конституционное право России: учебник. М. : Проспект, 2019.

2. Осавелюк А. М. Конституционные основы экономической системы России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 3. С. 5–8.

3. Паюшин М. К. Конституционно-правовые основы реализации обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы в Российской Федерации. М., 2011.

4. Смирнов Д. А. Правовая природа обязанности по уплате налога // Налоги. 2008. № 30.

5. Печенкина А. А. Конституционные основы обязанности по уплате налога // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 157–161.

References

1. Ebzeev B. S. Constitutional law of Russia: textbook. M. : Prospect, 2019.

2. Osavelyuk A. M. Constitutional foundations of the economic system of Russia // International Journal of Constitutional and State Law. 2019. No. 3. P. 5–8.

3. Payushin M. K. Constitutional and legal bases for the implementation of the duty of everyone to pay legally established taxes and fees in the Russian Federation. M., 2011.

4. Smirnov D. A. The legal nature of the duty to pay taxes // Taxes. 2008. № 30.

5. Pechenkina A. A. Constitutional foundations of the duty to pay taxes // Legality and law and order in modern society. 2014. No. 17. P. 157–161.

Информация об авторе

М. В. Саудаханов — доцент кафедры государственного и административного права Российского технологического университета — МИРЭА, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Saudakhanov — Associate Professor of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University — MIREA, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 28.04.2022.

Научная статья
УДК 342.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-245-248
NIION: 2003-0059-3/22-315
MOSURED: 77/27-003-2022-03-514

Формирование поведенческой установки пользования устройством мобильной связи водителем транспортного средства: административно-правовой аспект

Сергей Александрович Сойников
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, SSojnikov@mail.ru

Аннотация. Отмечается, что одним из факторов, способствующих уменьшению отвлечения внимания водителя транспортного средства в процессе участия в дорожном движении на пользование устройством мобильной связи является определенная модель его поведения. Сформулированы предложения, реализация которых будет способствовать совершенствованию отношений в данной сфере.

Ключевые слова: отвлечение внимания водителя, устройство мобильной связи, поведенческая установка
Для цитирования: Сойников С. А. Формирование поведенческой установки пользования устройством мобильной связи водителем транспортного средства: административно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 245–248. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-245-248.

Original article

Forming a behavioral installation to use a mobile communication device by a vehicle driver: administrative legal aspect

Sergey A. Soynikov
All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
SSojnikov@mail.ru

Abstract. It is noted that one of the factors contributing to reducing the distraction of the driver of the vehicle in the process of participating in traffic to the use of a mobile communication device is a certain model of his behavior. Problems are identified and proposals are formulated, the implementation of which will contribute to the improvement of relations in this area.

Keywords: driver distraction, mobile communication device, behavioral setting
For citation: Soynikov S. A. Forming a behavioral installation to use a mobile communication device by a vehicle driver: administrative legal aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):245–248. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-245-248.

Отвлечение внимания водителя, управляющего транспортным средством (далее — ТС) является одной из причин создания аварийных ситуаций и дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП).

Недостаточная сосредоточенность водителя может быть вызвана различными статическими и динамическими источниками, являющимися внутренними или внешними по отношению к ТС. Во время использования устройство мобильной связи (далее — УМС) можно отнести к динамическим источникам, расположенным внутри ТС, снижающим внимание водителя в процессе движения.

В 2001 г. для водителей ТС был установлен запрет на пользование во время движения телефоном, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук [4] (далее — Правила пользования УМС), за нарушение которого, с 2007 г. предусмотрена административная ответственность [10]. При этом, ранее обращалось внимание на целесообразность уточнения и конкретизации указанных в правилах дорожного движения (далее — ПДД) и КоАП РФ терминов и формулировок [9].

Наряду с совершенствованием Правил пользования УМС водителем ТС и мер их обеспечения, приме-

© Сойников С. А., 2022

нением технических возможностей УМС и ТС, использованием косвенных методов предупреждения возможных ошибок со стороны водителя ТС или минимизации их последствий, осуществлением контроля за его поведением с помощью технических устройств и др., эффективным направлением, способствующим уменьшению отвлечения внимания водителя во время движения ТС на пользование УМС является формирование определенной модели его поведения.

Формирование и изменение модели поведения водителя ТС возможно в результате определенного воздействия, которое может быть основано на жизненном опыте определенного субъекта (реальным), а также на различных обучающих и информационно-просветительских программах (виртуальным). Наличие у водителя ТС поведенческой установки позволяет ему реагировать определенным способом, т. е. реализовать алгоритм конкретных действий.

Формирование поведенческой установки важно не только в отношении водителя ТС, использующего УМС. Учитывая, что пешеход является участником дорожного движения (п. 1.2 ПДД РФ), определенный интерес представляет озвученная в октябре 2015 г. инициатива, в соответствии с которой, за нарушение Правил пользования УМС предлагалось штрафовать пешеходов на регулируемых и нерегулируемых пешеходных переходах [6].

Являясь депутатом Государственной Думы, В. И. Лысаков в июле 2021 г., с целью уменьшения количества ДТП, предложил ужесточить ответственность за манипуляции с гаджетом в руках водителя, а также усилить социальную рекламу. Он обратил внимание, что нужно при помощи камер фиксировать любой предмет у головы, и если видно, что он отвлекает водителя, следует назначать административный штраф в размере 5 тыс. руб. [2].

На начало 2021 г. в России насчитывалось 45 млн легковых автомобилей. Учитывая значительное количество водителей ТС, а также большую вероятность использования ими УМС, актуальным представляется дополнение нормативных правовых актов, регламентирующих формирование модели их поведения в процессе участия в дорожном движении, а также разработка и реализация мер обеспечительного характера в данной сфере.

Формирование соответствующей поведенческой установки участника дорожного движения целесообразно начинать в дошкольном возрасте и осуществлять родителями (иными законными представителями несовершеннолетних), воспитателями детского сада, инспекторами по пропаганде БДД ГИБДД..

Продолжать формирование определенной модели поведения уместно в период обучения в школе и осуществлять родителями (иными законными представителями несовершеннолетних), учителями, инспекторами по пропаганде БДД ГИБДД. В качестве примера можно отметить реализацию Федерального проекта «Безопасность дорожного движения» части национального проекта «Безопасные качественные дороги», к приоритетным задачам которого относится привитие детям навыков безопасного поведения на дорогах. Важно вовлекать детей в деятельность по профилактике дорожно-транспортного травматизма, развивать детско-юношеские автошколы, формировать отряды юных инспекторов движения и др. Значимым мероприятием 2021 г. стала всероссийская онлайн-олимпиада «Безопасные дороги» для учащихся 1–9-ых классов на знание основ ПДД, в которой приняли участие более 3,7 млн школьников [1].

Определенную модель поведения у будущего водителя целесообразно формировать во время обучения и в ходе экзаменов на право управления ТС в автошколе и осуществлять преподавателем теории и инструктором практического вождения.

В феврале 2021 г. был пересмотрен перечень ошибок и нарушений, которые учитываются в процессе сдачи практического экзамена на право управления ТС (далее — экзамен). Являясь депутатом Государственной Думы В. И. Афонский в марте 2021 г. отметил, что все чаще причиной ДТП является то, что водители во время движения пользуются мобильными телефонами. Ранее за такое правонарушение в России уже были введены штрафы. Однако в ГИБДД решили уничтожить опасную привычку, так сказать, в зародыше. Если испытуемый даже просто достанет телефон из кармана или возьмет его в руки, экзамен для него будет закончен [3]. Так, в соответствии с Административным регламентом [7], проведение экзамена прекращается с выставлением оценки «НЕ СДАЛ» (п. 162, п. 186.), если кандидат в водители при сдаче допустил ошибку (нарушение), указанную в перечне, в который входит пользование телефоном либо иным техническим устройством, позволяющим вести переговоры (подп. 162.10 п. 2.15 прил. 4). При этом, вполне логично, что введение новых правил проведения экзамена должно найти отражение в программах профессионального обучения водителей ТС.

В научной статье М. А. Харченко и М. А. Плотникова справедливо отмечают, что, к сожалению, традиционные формы обучения в автошколах не затра-

гивают вопросов формирования безопасных установок у начинающего водителя [11].

Учитывая, что начинающие водители с большой вероятностью будут использовать УМС во время управления ТС, а при этом, могут быть задействованы физические, визуальные, слуховые и когнитивные факторы отвлечения внимания, актуальным представляется дополнение в учебные предметы базового и специального циклов Примерных программ профессиональной подготовки водителей ТС соответствующих категорий и подкатегорий [8] положениями, направленными на формирование соответствующей поведенческой установки. Важно акцентировать внимание обучающихся на Правилах пользования УМС, ответственности за невыполнение установленных требований, на информации, характеризующей отношение к указанной проблеме в обществе, факторах риска и важности адекватного поведения водителя ТС, влиянии отвлечения внимания водителя, управляющего ТС, на создание аварийных ситуаций, актуальных статистических данных и др.

Повышению эффективности обучения на право управления ТС будет способствовать сочетание теоретической и практической подготовки по различным аспектам вождения. При этом, образовательную деятельность следует понимать как продолжение воспитания личности. Непрерывное последовательное обучение будет способствовать созданию модели устойчивого безопасного поведения в процессе участия в дорожном движении и минимизации вероятности создания аварийных ситуаций и ДТП.

С целью актуализации информации, используемой в процессе подготовки водителей ТС, значимым элементом формирования поведенческой установки, представляется проведение совещаний с участием инструкторов, обучающих вождению, и представителей, организующих проведение экзамена.

Для привлечения внимания водителей, имеющих определенный опыт и стаж управления ТС, к важности правильного пользования УМС в интересах их собственной безопасности и безопасности других участников дорожного движения, представляется целесообразным реализация различных форм и методов, позволяющих изменять тип их поведения. Все большую востребованность имеет проведение социальных и информационно-разъяснительных кампаний, а также мероприятий, пропагандирующих безопасность движения и привлекающих внимание участников дорожного движения к факторам рисков на дорогах, с внедрением надлежащего контроля и оценки проводимых мероприятий. Следует периодически проводить кампании, направленные на повышение осведомленности водителей о возможных негативных последствиях недостаточной сосредоточенности во время управления ТС, в том числе, с приглашением лиц, которые непосредственно участвовали в подобных ситуациях. В этой связи можно отметить социальную кампанию «Внимание на дорогу», к основным направлениям которой относится информирование и просвещение населения, закрепление знаний ПДД, обучение высокой скорости принятия правильных решений, отработка практических навыков поведения на дороге в различных ситуациях [5].

Эффективной мерой, формирующей законопослушное поведение, представляется широкое освещение в средствах массовой информации действий сотрудников органов внутренних дел (полиции), направленных на предупреждение и пресечение неправомерного использования водителями ТС УМС во время участия в дорожном движении.

Предлагаемый перечень мер не является исчерпывающим, при этом, представляется, что комплексный подход в их реализации позволит каждому участнику дорожного движения осознать свою ответственность и придерживаться самодисциплины, а также окажет положительное влияние на модель поведения водителей, использующих УМС в процессе управления ТС, что позволит повысить безопасность дорожного движения.

Список источников

1. Знания ПДД проверили на олимпиаде [Электронный ресурс]: Газета «Коммерсантъ» // URL://https://www.-kommersant.ru/doc/5130222.

2. Лысаков призвал ужесточить штрафы за использование телефона за рулем [Электронный ресурс]: Электронное периодическое издание «Парламентская газета» // URL://https://www.pnp.ru/politics/lysakov-prizval-uzhestochit-otvetstvennost-za-telefony-v-rukakh-voditeley.html.

3. Новоиспеченных водителей отучат от телефона за рулем прямо на экзамене [Электронный ресурс]: Электронное периодическое издание «Парламентская газета» // URL://https://www.pnp.ru/social/novoispechennykh-voditeley-otuchat-ot-telefona-za-rulem-pryamo-na-ekzamene.html.

4. Постановление Правительства РФ от 24 января 2001 г. № 67 (ред. от 5 декабря 2011 г.) «О внесении изменений и дополнений в решения Правительства Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1029.

5. О проекте: Социальная кампания «Внимание на дорогу!» [Электронный ресурс]: За безопасность на дорогах России // URL://https://bezdtp.ru/bezdtp/ru/events/o_47879.

6. Пешеходов предлагают штрафовать за разговоры по мобильному на «зебре» [Электронный ресурс]: Информационный портал газеты Известия // URL://https://iz.ru/news/592336.

7. Приказ МВД России от 20 февраля 2021 г. № 80 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений» // URL://http://pravo.gov.ru.

8. Приказ Минобрнауки России от 26 декабря 2013 г. № 1408 (ред. от 19 октября 2017 г.) «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий» (зарег. в Минюсте России 9 июля 2014 г. № 33026) // Российская газета. 2014. 1 авг.

9. Сойников С. А. Правовые основы пользования устройством мобильной связи водителем транспортного средства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 274–277.

10. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4007.

11. Харченко М. А. Формирование установок безопасного вождения у начинающих водителей / М. А. Харченко, М. А. Плотникова // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 180–191.

References

1. Knowledge of traffic regulations was tested at the Olympics [Electronic resource]: Kommersant newspaper // URL://https://www.kommersant.ru/doc/5130222.

2. Lysakov called for tougher penalties for using the phone while driving [Electronic resource]: Electronic periodical «Parliamentary Newspaper» // URL://https://www.pnp.ru/politics/lysakov-prizval-uzhestochit-otvetstvennost-za-telefony-v-rukakh-voditeley.html.

3. Newly minted drivers will be weaned off the phone while driving right at the exam [Electronic resource]: Electronic periodical «Parliamentary Newspaper» // URL://https://www.pnp.ru/social/novoispechennykh-voditeley-otuchat-ot-telefona-za-rulem-pryamo-na-ekzamene.html.

4. Resolution of the Government of the Russian Federation of January 24, 2001 No. 67 (ed. of December 5, 2011) «On Amendments and additions to the Decisions of the Government of the Russian Federation on road safety issues» // SZ RF. 2001. No. 11. St. 1029.

5. About the project: Social campaign «Attention to the road!» [Electronic resource]: For safety on the roads of Russia // URL://https://bezdtp.ru/bezdtp/ru/events/o_47879.

6. Pedestrians are offered to be fined for talking on a mobile on a zebra [Electronic resource]: Izvestia newspaper information portal // URL://https://iz.ru/news/592336.

7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 80 dated February 20, 2021 «On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the provision of state services for conducting examinations for the right to drive vehicles and issuing driver's licenses» // URL://http://pravo.gov.ru.

8. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1408 dated December 26, 2013 (ed. dated October 19, 2017) «On approval of approximate professional training programs for drivers of vehicles of relevant categories and subcategories» (reg. in the Ministry of Justice of Russia on July 9, 2014 No. 33026) // Rossiyskaya Gazeta. 2014. 1 Aug.

9. Soynikov S. A. Legal bases of using a mobile communication device by a vehicle driver // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 6. P. 274–277.

10. Federal Law No. 210-FZ of July 24, 2007 (as amended on December 31, 2014) «On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // SZ RF. 2007. No. 31. St. 4007.

11. Kharchenko M. A. Formation of safe driving attitudes among novice drivers / M. A. Kharchenko, M. A. Plotnikova // Experimental psychology. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 180–191.

Информация об авторе

С. А. Сойников — главный научный сотрудник 2-го отдела НИЦ № 4 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Soynikov — Chief Researcher of the 2nd Department of SIC No. 4 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-249-252
NIION: 2003-0059-3/22-316
MOSURED: 77/27-003-2022-03-515

О необходимости совершенствования методик при исследовании различных объектов как важнейший фактор эффективности судебно-экспертной деятельности

Ольга Александровна Соколова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sokolova-o-a@mail.ru

Аннотация. В настоящее время критерии оценки эффективности как судебно-экспертной деятельности, так и деятельности правоохранительных органов в целом, не сформулированы, их оценка сводится к сравнению повременных формальных количественных результатов. Основное внимание уделено необходимости совершенствования методик при исследовании различных объектов как важнейшему фактору эффективности судебно-экспертной деятельности. Актуальность данного направления обусловлена не только появлением новых объектов исследования, но и современными возможностями исследования традиционных объектов, открывающихся достижениями научно-технического прогресса. Обозначен ряд проблем, заслуживающих отдельного рассмотрения, в частности, ведомственный подход экспертно-криминалистических подразделений к исследованию одного объекта, дальнейшее усовершенствование терминологического аппарата судебной экспертизы, его унификация и некоторые другие.

Ключевые слова: совершенствование экспертных методик, объекты судебной экспертизы, технико-криминалистические средства и методы, эффективность судебно-экспертной деятельности

Для цитирования: Соколова О. А. О необходимости совершенствования методик при исследовании различных объектов как важнейший фактор эффективности судебно-экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 249–252. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-249-252.

Original article

On the need to improve methods in the study of various objects as the most important factor in the effectiveness of forensic activities

Olga A. Sokolova
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sokolova-o-a@mail.ru

Abstract. Currently, the criteria for evaluating the effectiveness of both forensic expert activities and the activities of law enforcement agencies in general have not been formulated, their assessment is reduced to comparing time-based formal quantitative results. In this regard, the main attention is paid to the need to improve methods in the study of various objects as the most important factor in the effectiveness of forensic activities. The relevance of this direction is due not only to the emergence of new research objects, but also to the modern possibilities of studying traditional objects opened by the achievements of scientific and technological progress. In conclusion, the author identifies a number of problems that deserve separate consideration, in particular, the departmental approach of forensic units to the study of one object, further improvement of the terminological apparatus of forensic examination, its unification and some others.

Keywords: improvement of expert techniques, objects of forensic examination, technical and forensic tools and methods, efficiency of forensic activity

For citation: Sokolova O. A. On the need to improve methods in the study of various objects as the most important factor in the effectiveness of forensic activities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):249–252. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-249-252.

© Соколова О. А., 2022

Исходя из общего понятия эффективности (лат. effectus — исполнение, действие), под которым понимается «способность выполнять работу и достигать необходимого или желаемого результата с наименьшей затратой времени и усилий», отметим, что в данном определении философская трактовка сводится к пониманию способности действующей причины произвести определенный эффект. Поскольку не существует единого мнения относительно того, что является способностью, возможны различные спорные случаи, касающиеся того, что именно существует и что именно проявляет свою истинную причинность. Проблема заключатся в том, что часто предлагаются несоответствующие (не совсем достаточные) причины, которые просто кажутся таковыми, в том числе и их совокупность, используемая для достижения действительно эффективных действий [1].

Как известно, методическое состояние экспертных методик оказывает существенное влияние на уровень эффективности судебно-экспертной деятельности в целом. Что касается определения критериев оценки эффективности этой деятельности, как и деятельности правоохранительных органов в целом, то, по мнению А. Ф. Волынского, до настоящего времени они не сформулированы, их оценка происходит формальным сравнением повременных формальных количественных результатов [2, с. 10]. Представляется, что данная проблема заслуживает подробного отдельного рассмотрения в других работах.

Раскрывая творческий подход при решении экспертных задач как залог эффективности и качества производства судебных экспертиз, Н. П. Майлис считает, что эффективность состоит из многих составляющих, в первую очередь знания основ судебной экспертизы, предмета и исследования объекта в конкретном экспертном исследовании, организационных и методических подходов, современных методов исследования, а также соблюдение профессиональной этики и этики судебного эксперта [3, с. 297].

Е. Р. Россинская, рассматривая эффективность судебно-экспертной деятельности сквозь призму судебной экспертологии, к компонентам эффективности этой деятельности относит: методологический, экономический, управленческий, социальный (психологический), методический, которые взаимно переплетены и должны учитываться в комплексе [4, с. 85]. Из выше перечисленных выделим методический компонент, характеризующий состояние экспертных методик, которое, как известно, существенно влияют на результат экспертного исследования — заключение эксперта и, в конечном итоге, уровень эффективности судебно-экспертной деятельности в целом.

В этом плане определенный интерес представляют типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств по производству экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел, предусмотренных приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». Отметим, что в них содержатся типовые методики, применяемые при производстве некоторых видов судебных экспертиз,: баллистической, дактилоскопической, компьютерной, лингвистической, портретной, почерковедческой, технико-криминалистического исследования документов, трасологической и др. [5].

Очевидно, что поскольку указанные методики были изданы в 2010 г., ряд рекомендаций, актуальных на момент выхода данной работы, в настоящее время несколько устарел, и не позволяют исследовать как новые объекты, появление которых обусловлено активными процессами научно-технического прогресса и его достижениями, что, в свою очередь, способствуют поиску новых технико-криминалистические средств и методов выявления следов рук на них, а также на традиционных объектах. В последнем случае имеющиеся технико-криминалистические средства и методы являются неэффективными при выявлении следов рук на некоторых объектах, таких, как, например, загрязненные наслоением маслянистых веществ: косметический крем, жирная еда, оружейная смазка, а также термобумага и др. Помимо этого, недостаточный уровень научно-технического обеспечения является существенным препятствием к внедрению зарубежных дорогостоящих расходных материалов для выявления следов рук на таких объектах в ЭКП МВД РФ.

В этом плане интерес представляют исследования, проводимые сотрудниками ЭКЦ МВД РФ, в частности, выявление следов рук, образованных на объектах, имеющих наслоения маслянистых веществ, и др. в первом случае, особенности обнаруже-

ния следов рук и их выявление затрудняется наличием слоя масла. Полученные результаты исследований позволяют рассматривать применение суспензий порошкообразных веществ из дисульфида молибдена, оксидов железа, углерода (сажи), диоксида титана и оксида цинка как самостоятельный метод их выявления. Помимо этого отметим, что специфическая реакция на жировые составляющие позволяет выявлять следы рук в условиях повышенной влажности, включая пребывание объектов в воде, а также на мокрых непористых поверхностях. В случаях выявления следов рук на объектах, загрязненных синтетическими и минеральными маслами и нефтепродуктами, к которым относятся бензин, керосин, машинное масло, оружейная смазка и др., успешно используется водно-спиртовой раствор черного судана [6, с. 43–54].

В течение длительного времени актуальной оставалась проблема выявления следов рук на пористых поверхностях чувствительного слоя термобумаги. Так, применение традиционных химических методов выявления, в частности, раствора нингидрина в ацетоне, как правило, приводило к уничтожению рукописных и печатных текстов, выполненных красителями шариковых и гелевых ручек, а также оттисков печатей и штампов, нанесенных типографской или другими видами красок, имеющихся на поверхности исследуемой бумаги. Как и в выше описанном случае, хорошо зарекомендовавшие зарубежные криминалистические средства из-за высокой их стоимости и незначительных сроков хранения не могут быть приобретены большинством экспертно-криминалистическими подразделениями ЭКЦ МВД России.

Предложенный сотрудниками ЭКЦ МВД России альтернативный способ, основанный на неполярном растворителе (петролейный эфир, гексан, гептан и др.), смешанным с определенным количеством нингидрина в полярном растворе этилацетата, изопропанола, этанола и др. или смеси полярных растворителей, позволяет выявлять следы пальцев рук на термобумаге [7, с. 39–63].

Отметим, что альтернативный способ позволяет не только выявить следы рук на термобумаге, но и на поверхности других бумажных носителях, имеющих оттиски печатей и штампов, рукописные и печатные тексты, что в итоге минимизирует разрушающее воздействие химического раствора на целостность этих документов. Учитывая незначительную стоимость предложенного метода, его экономическую составляющую, не требующую специальных материальных затрат, он может быть внедрен практически во все экспертно-криминалистические подразделения, в которых данные химические вещества активно используются.

Таким образом, решение проблемных вопросов, связанных с необходимостью совершенствования существующих методик исследования как новых, так и традиционных объектов судебных экспертиз, позволяет констатировать появление новых технико-криминалистических средств и методов исследования, что способствует периодическому пересмотру действующих экспертных методик, внесению в них соответствующих дополнений и изменений.

Отдельного рассмотрения заслуживает и проблема ведомственного подхода экспертно-криминалистических учреждений к исследованию одного объекта, усовершенствование терминологического аппарата судебной экспертизы, его унификации и некоторые другие актуальные направления.

Таким образом, совершенствование методик исследования различных объектов судебных экспертиз, повышающих их объективность, является важнейшим фактором эффективности судебно-экспертной деятельности. Несомненно, что помимо их совершенствования следует учитывать состояние и уровень научного, материально-технического обеспечения, организационные особенности производства экспертных исследований, а также подготовку и переподготовку экспертных кадров.

Список источников

1. URL://https://ru.wikipedia.org/wiki/Эффективность_(философия).

2. Волынский А. Ф. Эффективность как принцип организации судебно-экспертных и технико-криминалистических видов деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 10–13.

3. Майлис Н. П. Творческий подход при решении экспертных задач как залог эффективности и качества производства судебных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 71–73.

4. Россинская Е. Р. Эффективность судебно-экспертной деятельности сквозь призму судебной экс-

пертологии // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 85–90.

5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010.

6. Латышов И. В., Донцова Ю. А. Особенности выявления следов рук, образованных на объектах, имеющих наслоения маслянистых веществ // Экспертная практика. 2019. № 86. С. 43–54.

7. Донцова Ю. А. Химические методы выявления следов рук на пористых поверхностях, не оказывающие разрушающего воздействия на рукописные и печатные тексты, оттиски печатей и штампов, чувствительный слой термобумаги // Экспертная практика. 2019. № 83. С. 49–63.

References

1. URL://https://ru.wikipedia.org/wiki/Efficiency-(philosophy).

2. Volynsky A. F. Efficiency as a principle of organization of forensic and technical-forensic activities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2. P. 10–13.

3. Mailis N. P. A creative approach to solving expert tasks as a guarantee of the efficiency and quality of the production of forensic examinations // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2. P. 71–73.

4. Rossinskaya E. R. Efficiency of forensic expert activity through the prism of forensic expert science // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2. P. 85–90.

5. Standard expert methods of investigation of material evidence. Part I / ed. by Yu. M. Dildin; general ed. by V. V. Martynov. M. : ECC of the MIA of Russia, 2010.

6. Latyshov I. V., Dontsova Yu. A. Features of detecting handprints formed on objects with layers oily substances // Expert practice. 2019. No. 86. P. 43–54.

7. Dontsova Yu. A. Chemical methods for detecting handprints on porous surfaces that do not have a destructive effect on handwritten and printed texts, prints of seals and stamps, a sensitive layer of thermal paper // Expert practice. 2019. No. 83. P. 49–63.

Информация об авторе

О. А. Соколова — профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Sokolova — Professor of the Department of Forensic Activity of the Educational and Scientific complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-253-256
NIION: 2003-0059-3/22-317
MOSURED: 77/27-003-2022-03-516

К вопросу о международном сотрудничестве в сфере противодействия кибертерроризму

Юлия Николаевна Сосновская[1], Элеонора Викторовна Маркина[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] lisenok1214@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основы международного сотрудничества в сфере противодействия кибертерроризму. Анализируются вопросы взаимодействия сил всех государств в борьбе с данным видом преступления.

Отмечается, что международное сотрудничество ведется в рамках односторонних и двусторонних международных отношений. Основной пробел при взаимодействии национальных органов по противодействию киберугрозам заключается в том, что, с одной стороны, это единственный способ противостоять современным угрозам кибертерроризма для защиты государственно-важной инфраструктуры, а с другой стороны, данное взаимодействие приводит к отказу государств от части своего суверенитета. Эффективная борьба с кибертерроризмом возможна только при объединении сил государств в рамках деятельности международных и региональных организаций для совершенствования нормативной основы и механизмов защиты информационной инфраструктур.

Ключевые слова: кибертерроризм, международное сотрудничество, международные отношения, государственные инфраструктуры, международные организации, ООН, Совет Европы, Международная организация экспертов, Интерпол, Европол, информатизация, взаимодействие государственных органов

Для цитирования: Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. К вопросу о международном сотрудничестве в сфере противодействия кибертерроризму // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 253–256. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-253-256.

Original article

On the issue of international cooperation in the field of countering cyberterrorism

Yulia N. Sosnovskaya[1], Eleonora V. Markina[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] lisenok1214@yandex.ru

Abstract. The basics of international cooperation in the field of countering cyberterrorism are considered. The issues of interaction of forces of all states to combat this type of crime are analyzed.

It is noted that international cooperation is conducted within the framework of unilateral and bilateral international relations. The main gap in the interaction of national authorities to counter cyber threats is that, on the one hand, this is the only way to counter modern threats of cyberterrorism to protect state-important infrastructure, and on the other hand, this interaction leads to the renunciation of states of part of their sovereignty. An effective fight against cyberterrorism is possible only with the unification of the forces of states within the framework of the activities of international and regional organizations to improve the regulatory framework and mechanisms for the protection of information infrastructure.

Keywords: cyberterrorism, international cooperation, international relations, state infrastructures, international organizations, UN, Council of Europe, International Organization of Experts, Interpol, Europol, informatization, interaction of state bodies

© Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В., 2022

For citation: Sosnovskaya Yu. N., Markina E. V. On the issue of international cooperation in the field of countering cyberterrorism. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):253–256. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-253-256.

В современных условиях становится очевидным, что в связи с межнациональным характером кибертерроризма и общественной опасностью, которую он несет, только при взаимодействии сил всех государств можно добиться успеха в борьбе с данным видом преступления.

На уровне межгосударственных отношений активно ведется борьба с кибертерроризмом. Основными международными организациями — центрами международного сотрудничества являются: ООН, Совет Европы, Международная организация экспертов, Интерпол, Европол. Центральная роль в координации данной борьбы отводится ООН, в особенности ее главным органам: Генеральной Ассамблее, Совету Безопасности, а также различным многосторонним неформальным партнерствам [1]. Основная деятельность в данных организациях ведется в части нормотворчества и разработки резолюций, а также иных международных договоров.

В то же время, нормотворчество — это лишь одно из направлений деятельности международных организаций для эффективного противодействия кибертерроризму. Следует отметить, что все нормативно закрепленные меры теряют всякий смысл без их воплощения в практической деятельности.

В связи с этой причиной в современном мире расширяется практика создания специальных органов в рамках международных организаций, осуществляющих непосредственное противодействие киберугрозам. Так, в 2013 г. в Европол учредил Европейский центр борьбы с киберпреступностью, внесший существенный вклад в обеспечение антитеррористической безопасности. Согласно ежегодно публикуемому отчету в 2019 г. силами Европейского центра было предотвращено 129 террористических атак в 13 государствах–членах ЕС. 1056 человек были арестованы по факту подготовки и совершения террористических актов.

Кроме того, активная работа в целях обеспечения безопасности киберпространства ведется в НАТО, например, путем разработки единой системы реагирования на кибератаки и совершенствования мер для их предупреждения. Стоит отметить, что ежегодно НАТО проводит учения «Кибер коалиция», целью которых является обучение персонала в соответствии с трансформацией форм преступлений в области информационных технологий.

Большое значение в борьбе с кибертерроризмом имеет Шанхайская организация сотрудничества, одной из целей которой является обеспечение безопасности и стабильности в Центральной Азии. В целях обеспечения безопасности была создана Региональная антитеррористическая структура ШОС (РАТС ШОС), проводятся консультации по сбору и обмену информацией, анализу существующих угроз, а также осуществляется подписание межведомственных договоров. РАТС ШОС совместно с государствами–членами организации регулярно проводят учения по борьбе с кибертерроризмом, на которых проверяются силы участников по предотвращению актов терроризма в киберпространстве. Данная организация имеет большое значение в рамках сотрудничества постсоветских государств, поэтому деятельность в ней, в том числе в части противодействия угрозам кибертерроризма, только набирает свои обороты.

Международное сотрудничество ведется в рамках и двусторонних международных отношений. Показательным в этом плане является сотрудничество России и Китая, осуществляемое в рамках Соглашения о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности. Взаимодействие данных государств обусловлено тем, что они зачастую становятся целями для террористических организаций. В рамках сотрудничества страны обмениваются опытом в нормативном регулирования.

Сотрудничество России и Китая также строится в области мониторинга и реагирования на киберугрозы, противодействия распространению материалов в сети Интернет террористической направленности, проведения совместных учебных мероприятий.

Следует отметить, что кибертерроризм признается серьезной угрозой на глобальном уровне и все силы государств должны быть направлены на противодействие ей. Данная деятельность в наши дни остается недостаточно эффективной, так как, несмотря на нормативную работу международных организаций, по-прежнему, отсутствуют международные договоры, посвященные проблемам кибертерроризма.

В силу того, что преступления, совершаемые в киберпространстве, имеют специфику, связанную с тем, что субъект преступления и его объект могут находиться на территориях разных государств, традиционные методы борьбы с преступностью, которые обычно организуют на национальном уровне, оказываются неэффективными. Для разрешения данной проблемы необходимо международное сотрудничество, которое оказывается более результативным на региональном уровне.

Основной пробел при взаимодействии национальных органов заключается в том, что, с одной стороны, это единственный способ противостоять современным угрозам кибертерроризма для защиты государственно-важной инфраструктуры, а с другой стороны, данное взаимодействие приводит к отказу государств от части своего суверенитета. В таких условиях, взаимодействующие государства должны иметь высокий уровень взаимного доверия, обеспечить который в современных политических условиях крайне сложно. По этой причине международное сотрудничество в борьбе с кибертерроризмом продуктивно развивается только в регионах, где государства имеют наиболее тесные взаимосвязи, например, в рамках Европейского Союза или СНГ.

На глобальном уровне создание единого межгосударственного органа, организующего действия государств по борьбе с кибертерроризмом является достаточно затруднительным. Для разрешения данной проблемы создаются вспомогательные органы, например Европол, Евроюст, занимающиеся, в том числе обобщением практики борьбы с данной общечеловеческой проблемой отдельных государств [1, с. 37–42].

Также значимой тенденцией в борьбе с кибертерроризмом является обобщение практики обеспечения информационной безопасности отдельными государствами. Например, Центром передового опыта НАТО в области компьютерной безопасности выпущен сборник рекомендаций «Таллинское руководство по применению международного права в кибервойне», в котором одной из задач признается адаптация существующих правовых норм в отношении вооруженных конфликтов под специфику враждебной деятельности в виртуальном пространстве [2]. Данную меру можно считать полезной для заимствования и в рамках работы ШОС, так как данный документ служит ориентиром для правотворческой деятельности государств, входящих в состав данных международных организаций.

Необходимо отметить, что международное сотрудничество на сегодняшний день является необходимым условием противодействия использования информационных технологий в террористических целях. Международное сотрудничество организуется в рамках международных и региональных организаций государств, которые осуществляют совместную нормотворческую деятельность, проводят совместные учения и разрабатывают системы мониторинга, предупреждения и пресечения компьютерных атак. Таким образом, основной тенденцией в данной сфере является усиление взаимодействия государственных органов для эффективного противодействия данной глобальной угрозе.

Следует отметить, что кибертерроризм, являясь угрозой для национальной и мировой безопасности, обладает рядом особенностей как механизмов совершения таких преступлений, так и последующего расследования их с учетом определенной специфики. Отсутствие единой нормативной базы и терминологического аппарата затрудняет международное сотрудничество в противодействии терроризму с использованием компьютерных систем. На наш взгляд, эффективная борьба с кибертерроризмом возможна только при объединении сил государств в рамках деятельности международных и региональных организаций для совершенствования нормативной основы и механизмов защиты информационной инфраструктуры, создания международных структур для предотвращения киберугроз и расследования преступлений в информационном пространстве, а также расширения практики сотрудничества уже существующих организаций в целях обмена опытом и реализации совместных профилактических мероприятий.

Список источников

1. Атнашев В. Р., Яхъеева С. Н. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3 (29).

2. Якимова Е. М., Нарутто С. В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 369–377.

References

1. Atnashev V. R., Yakhyaeva S. N. International cooperation in the fight against cybercrime and cyberterrorism // Eurasian integration: economics, law, politics. 2019. № 3 (29).

2. Yakimova E. M., Narutto S. V. International cooperation in the fight against cybercrime // All-Russian Journal of Criminology. 2016. No. 2. P. 369–377.

Библиографический список

1. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 2018 г. (73-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН) // URL://https://undocs.org/ru/A/RES/73/27.

2. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) // URL://https://-base.garant.ru/2571379/

3. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.) «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

Bibliographic list

1. Achievements in the field of informatization and telecommunications in the context of international security // Resolution of the UN General Assembly of December 5, 2018 (73rd session of the UN General Assembly) // URL://https://undocs.org/ru/A/RES/-73/27.

2. Agreement between the Governments of the member States of the Shanghai Cooperation Organization on Cooperation in the Field of international information security Security (Yekaterinburg, June 16, 2009) // URL://-https://base.garant.ru/2571379/

3. Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 (as amended on May 26, 2021) «On Countering Terrorism» // SZ RF. 2006. No. 11. St. 1146.

4. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and on the protection of information» (ed. dated July 2, 2021) // SZ RF. 2006. No. 31 (P. I). St. 3448.

Информация об авторах

Ю. Н. Сосновская — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Yu. N. Sosnovskaya — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Markina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-257-261
NIION: 2003-0059-3/22-318
MOSURED: 77/27-003-2022-03-517

Производство следственных действий, осуществляемых на основании судебного решения: развитие и перспективы в современной реальности уголовного процесса

Денис Валентинович Теткин [1], Александр Анатольевич Никоноров [2]
[1] Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия, tyotkinden@mail.ru
[2] Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия, Nikonorov777@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена необходимость изменения уголовного процесса в современной реальности в части производства следственных действий, осуществляемых на основании судебного решения; перспективы дальнейшего развития производства следственных действий в современной реальности уголовного процесса. Определены, направления необходимой трансформации уголовного процесса в части следственных действий. Сделан вывод о совершенствовании правоохранительной деятельности в современной реальности, основанной на качественно-новом подходе к защите прав и свобод человека, выражающейся в формировании современных институтов и законодательных основ производства следственных действий, осуществляемых на основании судебного решения.

Ключевые слова: современная реальность, следственные действия, судебное решение, оперативно-разыскные мероприятия, уголовный процесс, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Теткин Д. В., Никоноров А. А. Производство следственных действий, осуществляемых на основании судебного решения: развитие и перспективы в современной реальности уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 257–261. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-257-261.

Original article

Production of investigative actions carried out on the basis of a court decision: development and prospects in the modern reality of the criminal process

Denis V. Tetkin[1], Alexander A. Nikonorov[2]
[1] Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Ryazan', Russia, tyotkinden@mail.ru
[2] Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaevo, Russia, Nikonorov777@mail.ru

Abstract. The necessity of changing the criminal process in modern reality in terms of the production of investigative actions carried out on the basis of a court decision is considered; prospects for further development of the production of investigative actions in the modern reality of the criminal process. The directions of the necessary transformation of the criminal process in terms of investigative actions are determined. The conclusion is made about the improvement of law enforcement activities in modern reality, based on a qualitatively new approach to the protection of human rights and freedoms, expressed in the formation of modern institutions and legislative bases for the production of investigative actions carried out on the basis of a court decision.

Keywords: modern reality, investigative actions, court decision, operational-search measures, criminal process, criminal proceedings

For citation: Tetkin D. V., Nikonorov A. A. Production of investigative actions carried out on the basis of a court decision: development and prospects in the modern reality of the criminal process. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):257–261. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-257-261.

© Теткин Д. В., Никоноров А. А., 2022

Интегральная парадигма следственных действий — одна из важнейших в уголовном процессе в современной реальности, ибо именно в ней в сегодняшнее время разработаны и закреплены инструменты, позволяющие собирать и проверять доказательства достаточного объема и качества. Достижение целей уголовно-процессуального закона без этого феномена невозможно. При этом в современной реальности уголовного процесса возникает значительное количество проблемных вопросов, требующих решения со стороны ученых и со стороны законодателя. Мир вокруг стремительно меняется — меняются формы общения людей, средства коммуникации, как следствие — меняется преступность. Уголовно-процессуальное законодательство не должно отставать, постоянно трансформируясь, успевая подстроиться под изменяющуюся реальность. Для этого необходимо искать и внедрять новые современные средства и способы получения доказательственной базы.

Президент России В. В. Путин в выступлении на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2019 г. указал, в частности, на то, что «от архаизмов, от всего того, что тормозит развитие, нужно, безусловно, решительным образом избавляться. Но делать это нужно в высшей степени аккуратно. Мы понимаем, сколько здесь рисков. Нужно быть очень внимательным при принятии определенных решений» [10].

Следственные действия представляют собой сложную систему, которая является «альфой и омегой» уголовного процесса, источником получения доказательств, позволяющим привлечь виновное лицо к уголовной ответственности. Следственные действия предполагают, что следователь не только точно и в полном объеме будет их реализовывать, прикладывая усилия, но и будет активно применять специальные знания и навыки, вследствие чего расследование будет рациональным, структуированым, высококачественным.

Среди терминов, законодательно определенных в УПК РФ, мы не найдем понятия «следственные действия»; среди ученых и практиков все еще не выработалось устоявшееся четко определенное их содержание. Есть несколько подходов и, соответственно, определений, которые имеют разное юридическое наполнение. Так, И. Ф. Герасимов [1] и А. М. Ларин [2] в основу понятия «следственные действия» положили субъект, который обладает сугубой индивидуальностью в уголовно-процессуальной деятельности, не только широкие полномочия, но и процессуальную самостоятельность. Исходя из этого ученые настаивают на том, что все действия, которые совершает следователь, являются следственными.

Рассматривая понятие следственных действий, отметим, что ученые считают, что следственные действия — это средство познания. И. Е. Быховский [3] и А. Н. Гусаков [4] утверждают, что результатом следственного действия должно быть получение информации, которая носит доказательственный характер. Несомненно, что следственное действие направлено и совершается с целью получения такой информации, т. е. одним из признаков действия, которое является следственным — это собирание, проверка и оценка доказательств.

Странно слушать заявление некоторых правоведов, о том, что профессия следователя устарела [5, с. 31–35], о том, что следователи плохо знают и умеют применять уголовно-процессуальное законодательство [6]. Все это не соответствует действительности, свидетельство тому, более миллиона ходатайств о проведении следственных действий, подаваемых в суд ежегодно. Уровень следователей достаточно высок, а вот имеющиеся проблемы производства следственных действий решаются медленно.

В своей деятельности следователь должен придерживаться принципа достаточности, избегая избыточности. Это достаточно сложно, так как кажется, что чем больше доказательств, тем лучше, тем надежнее. С этим сложно спорить, но следователю всегда нужно помнить о том, что на пути к торжеству справедливости не нужно безосновательно ущемлять права и свободы людей. Принимая решение о проведении следственного действия, для которого необходимо обращение в суд за разрешением, следователю нужно иметь достаточное количество веских причин его необходимости, невозможности получить результат иным способом (другим следственным действием). А также выбрать, какое следственное действие будет оптимальным, т. е. и эффективным, и наименее травмирующим для лиц, вовлекаемых в его проведение.

Следственные действия всегда проводятся в несколько этапов: во-первых, подготовка проведения — когда решается вопрос о целесообразности, форме, а также истребований необходимых разрешений. Непосредственно реализация следственного действия — в процессе чего достигаются цели и реализуются задачи, определенные на этапе подготовки, на этом же этапе документально фиксируются все полученные сведения, вещественные доказательства. Заключительный этап — подведение результатов и анализ полученной информации.

Какие же перспективы, пути дальнейшего развития производства следственных действий в современной реальности уголовного процесса. Интересным направлениям является вопрос специальных следственных действий, негласных действий. Сегодня мы видим, что следственные действия во многом близки к оперативно-разыскным мероприятиям. Объем таких следственных действий измеряется сотнями тысяч ежегодно санкционированных судом. При этом следователь имеет право поручить производство следственного действия такого типа, в том числе оперативным сотрудникам. Грань между оперативно-разыскным мероприятием и следственным действием становится практически невидимой: одинаковое техническое исполнение, осуществляется одним и тем же лицом. При этом регулируется разными законами, имеет разные основания и цели.

Опыт других государств, в том числе, стран постсоветского пространства [7], свидетельствует об интеграции уголовного судопроизводства с оперативно-разыскной деятельностью. Связано это, прежде всего с тем, что все больше становится необходимость использования научно-технических методов и средств в получении доказательств, так как преступность активно пользуется всеми современными достижениями науки и техники. Например, такое следственное действие, как наложение ареста на корреспонденцию, осмотр и ее выемка в учреждениях связи, применяется в ничтожных количествах, по сравнению с другими действиями. Сегодня информация, содержащаяся в письмах, которые отправляются через учреждения связи, бумажная почта, стала скорее редкостью, исключением, а вот электронные средства связи стали многообразны и продолжают активно развиваться.

Связь уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности несомненна, и очень тесна, понятны проблемы использования в уголовном процессе результатов, полученных оперативным путем. Тем не менее, судебная практика идет по пути признания таких результатов, перевода их в доказательства. Уголовный процесс фактически дублирует действия, которые принесли важную доказательственные информацию, сначала полученную оперативным путем, без возможности ее легализовать в уголовном процессе. В результате уголовный процесс становится более объемным, неповоротливым [8, с. 8–9].

Такой вектор развития следственных действий в современной реальности уголовного процесса кажется перспективным и неизбежным, а, следовательно, требует пристального внимания со стороны ученых, в частности, в разработке законодательной регламентации процедуры придания оперативной информации статуса доказательства в уголовном судопроизводстве.

Есть два пути развития: первый, это создание новой правовой конструкции, института негласных следственных действий; другой, это трансформирование уже имеющейся системы, с выработкой механизма, придающего доказательственное значение оперативной информации.

А. Ф. Волынский отмечает, что «ни в одной из западноевропейских стран нет столь категоричного и искусственного разграничения оперативно-разыскной и процессуальной деятельности, боле того, в некоторых из них нашли законодательное закрепление положения, в которых органически сочетаются гласные и негласные методы и средства получения доказательств» [9, с. 5]. Какой путь следует выбрать и реализовывать в законе пока сложно сказать, тем не менее, более простой — признание негласных следственных действий, таит гораздо больше проблем в дальнейшем, чем сложный путь систематизации и трансформации производства следственных действий. Сращивание уголовно-процессуальной деятельности и оперативно-разыскной ослабит независимость следователя, его беспристрастность. Сегодня следует провести ревизию следственных действий, для производства которых требуется судебное решение, собрать достаточное число аналитических материалов практического характера и создать самостоятельную систему следственных действий. А впоследствии, опираясь на нее, провести трансформацию системы оперативно-разыскных мероприятий, с целью их гармонизации. После приведения двух взаимосвязанных, но самостоятельных систем, в сбалансированный вид, следует внедрить механизм ввода результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовный процесс.

Изменение уголовного процесса — очевидное явление, однако, для решения многих проблем явно недостаточно тех мер, вернее полумер, которые предпринимает законодатель. Уголовный процесс сложен для нормативного регулирования, так что аккуратные действия законодателя имеют вескую причину, но имеющиеся проблемы все также требует разрешения.

Такой сложной и нерешенной остается стадия с момента получение информации о преступлении до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Законодательство ограничивает возможности следователя в применении следственных действий до возбуждения уголовного дела. На практике же следователь имеет право произвести: осмотр места происшествия, осмотр трупа и освидетельствование. Однако,

совершенные деяния могут потребовать проведения следственных действий иного характера, для получения и сохранения информации и вещественных доказательств, которые спустя короткое время могут быть утрачены, уничтожены.

Сегодня недостающие возможности по возбуждению уголовного дела следователь добирает с помощью оперативных подразделений, которые содействуя раскрытию преступления, проводят оперативно-разыскные мероприятия. В результате возникает проблема легализации в уголовном процессе полученных результатов. Сложность заключается в том, что такие оперативно-разыскные мероприятия будут проводиться не по решению следователя, а инициативно оперативным сотрудником, следствием чего может стать отказ от проведения мероприятия, длительный срок исполнения, так как первоочередными всегда являются мероприятия, проводимые по поручению следователя в рамках возбужденного уголовного дела. В особо сложных случаях следователь выносит постановление о возбуждении уголовного дела, не имея еще полноценной информации, хотя и будучи уверенным в том, что она не будет получена, с целью приобретения возможности проведения следственных действий.

Основой, которая помогла бы решить эту проблему, а также много других важных вопросов, станет разработка и законодательное закрепление системы следственных действий, на базе которой гораздо проще сформировать механизмы производства следственных действий на разных этапах, в различных ситуациях.

Еще одно важное направление возможной трансформации уголовного процесса в части следственных действий. Практика показывает, что для проведения большинства следственных действий, осуществляемых на основе решения суда, необходимо использование института понятых. До настоящего момента в судах возникают ситуации, когда выясняется, что понятые аффилированы, не являются независимыми, или что-то не запомнили, не увидели, следствием чего становится утрата доказательственной силы представленной информации. Кроме того, при проведении следственного действия организационные вопросы занимают существенное время; это поиск, приглашение понятых, разъяснение их прав. Учитывая, что следственные действия могут проводиться в любое время суток, достаточно долго, по несколько часов, становится очевидно, что институт понятых превращается в обузу для следствия с неизвестным результатом.

Институт понятых был создан как гарантия защиты прав граждан от возможных некомпетентных или недобросовестных действий следователя. Однако, сегодня требуется реформирование этой гарантии, выработка нового, вероятно революционного решения. Отказаться от института понятых без замены его чем-либо, ссылаясь на объективную невозможность, трудности и так далее, кажется неправильным, неграмотным. Учитываем скорость и качество технического прогресса сегодня возможно говорить о замене института понятых обязательным требованием сопровождения следственного действия качественной контролируемой технической фиксацией. Техническая фиксация, с разработанным и законодательно закрепленным механизмом реализации, станет достойной заменой в будущем. Конечно, потребуется не только разработка норм, но и создание системы технического обеспечения, а также оснащения следователей, что потребует финансовых вложений, в то время как институт понятых добровольный и бесплатный. Государству рано или поздно придется прийти к технической фиксации как более надежной, точной, в отличие от института понятых.

Совершенствование правоохранительной деятельности в современной реальности, основанное на качественно новом подходе к защите прав и свобод человека, выражается в формировании современных институтов и законодательных основ производства следственных действий, осуществляемых на основании судебного решения. Это отражается также и в концепции регулирования уголовного судопроизводства.

Правильное и полностью согласуемое с объективной действительностью понимание следственных действий, их сущностно-содержательного предназначения, четкая классификация на обоснованные виды являются залогом социально-ценностного использования следственных действий для познания обстоятельств расследуемого и (или) разрешаемого уголовного дела и для успешного выполнения российским уголовным судопроизводством своего предназначения по защите прав и законных интересов граждан России в современной реальности уголовного процесса.

Список источников

1. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975.

2. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970.

3. Быховский И. Н. Развитие процессуальной регламентации следственных действий // Советское государство и право. 1972. № 4. С. 108.

4. Гусаков А. Н. Следственные действия и тактические приемы: дисс. … канд. юрид. наук. М., 1973.

5. Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Омск, 2005.

6. Чайка Ю. Я. Своими словами // Комсомольская правда. 2018. 1–8 марта.

7. Мазунин Я. М., Мазунин П. Я. Негласная деятельность следователя: пора признать данность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 139.

8. Волынский А. Ф. Социальные функции и задачи наук криминального цикла в условиях реформирования уголовного судопроизводства // Наука и практика: мат. междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы юридической науки и практики». Орел, 2004.

9. Волынский А. Ф. Уголовное судопроизводство, задачи и социальные функции криминалистики в его реформировании // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: вопросы современной криминалистики. М., 2004.

10. Выступление Президента России В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2019 г. // URL://http://www.kremlin.ru.

References

1. Gerasimov I. F. Some problems of crime detection. Sverdlovsk, 1975.

2. Larin A.M. Investigation of a criminal case. Planning, organization. M., 1970.

3. Bykhovsky I. N. Development of procedural regulation of investigative actions // Soviet state and law. 1972. No. 4. P. 108.

4. Gusakov A. N. Investigative actions and tactical techniques: diss. ... cand. jurid. M., 1973.

5. Derishev Yu. V. Criminal pre-trial proceedings: the concept of procedural and functional legal construction: abstract. diss. ... doct. jurid. sciences'. Omsk, 2005.

6. Chaika Yu. Ya. In his own words // Komsomolskaya Pravda. 2018. March 1–8.

7. Mazunin Ya. M., Mazunin P. Ya. The unspoken activity of the investigator: it's time to recognize the reality // Legal science and law enforcement practice. 2015. No. 1 (31). P. 139.

8. Volynsky A. F. Social functions and tasks of the sciences of the criminal cycle in the conditions of reforming criminal proceedings // Science and practice: mat. international scientific and practical conference «Actual problems of legal science and practice». Orel, 2004.

9. Volynsky A. F. Criminal justice, tasks and social functions of criminalistics in its reformation // Actual problems of theory and practice of criminal justice and criminalistics: issues of modern criminalistics. M., 2004.

10. Speech of the President of Russia V. V. Putin at an expanded meeting of the Board of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation on March 19 2019 // URL://http://www.kremlin.ru.

Информация об авторах

Д. В. Теткин — доцент кафедры уголовного процесса Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. А. Никоноров — преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и применения информационных технологий Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

D. V. Tetkin — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ryazan branch of the Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. A. Nikonorov — Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Application of Information Technologies of the Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 349.2
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-262-269
NIION: 2003-0059-3/22-319
MOSURED: 77/27-003-2022-03-518

Риск-ориентированный подход при организации государственного контроля (надзора) в сфере труда: итоги нескольких лет

Светлана Евгеньевна Титор
Государственный университет управления, Москва, Россия, setitor@mail.ru

Аннотация. Прослеживаются примеры, которые происходят в российском надзоре, то как внедряется риск-ориентированная модель при организации контрольно-надзорной деятельности. Трудо-правовая сфера, как пилотная сфера, начала реализовывать принцип риск-ориентированности ранее, чем остальные надзоры. Определена и действует модель обновленной формы контроля (надзора). Несколько лет реализации риск-ориентированной модели контроля (надзора) позволяют дать оценку ее результативности, провести статистический анализ динамики изменений основных показателей, задействованных в этой модели: количества проведенных проверок (в том числе, плановых и внеплановых), их соотношение; количество выявленных нарушений; количество обращений граждан за защитой нарушенных трудовых прав; количество несчастных случаев. На основе оценки статистических показателей сделаны выводы и предложения о возможности совершенствования модели риск-ориентированного подхода к контролю (надзору) за соблюдением трудового законодательства, в том числе расширение альтернативных государственных форм и видов контроля.

Ключевые слова: риск-ориентированная модель, реформирование государственного контроля (надзора), трудовые права граждан, нарушения трудового законодательства, несчастные случаи на производстве

Для цитирования: Титор С. Е. Риск-ориентированный подход при организации государственного контроля (надзора) в сфере труда: итоги нескольких лет // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 262–269. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-262-269.

Original article

Risk-oriented approach in the organization of state control (supervision) in the field of labor: the results of several years

Svetlana E. Titor
State University of Management, Moscow, Russia, setitor@mail.ru

Abstract. The examples that occur in Russian supervision are traced, then how a risk-oriented model is being implemented in the organization of control and supervisory activities. The labor and legal sphere, as a pilot sphere, began to implement the principle of risk-orientation earlier than other supervisors. The model of the updated form of control (supervision) is defined and operates. Several years of implementation of the risk-based model of control (supervision) allow us to assess its effectiveness, to conduct a statistical analysis of the dynamics of changes in the main indicators involved in this model: the number of inspections carried out (including planned and unplanned), their ratio; the number of violations detected; the number of appeals of citizens for the protection of violated labor rights; the number of accidents. Based on the evaluation of statistical indicators, conclusions and suggestions are made about the possibility of improving the model of a risk-based approach to monitoring (supervision) of compliance with labor legislation, including the expansion of alternative state forms and types of control.

Keywords: risk-oriented model, reforming of state control (supervision), labor rights of citizens, violations of labor legislation, industrial accidents

For citation: Titor S. E. Risk-oriented approach in the organization of state control (supervision) in the field of labor: the results of several years. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):262–269. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-262-269.

© Титор С. Е., 2022

В 2014 г. Президент В. В. Путин обратился с традиционным посланием к Федеральному собранию, где озвучил необходимость сокращения тотального бесконтрольного надзора (контроля) со стороны государственных служб [2]. Было обозначено, что контроль нужен там, где действительно есть риски нарушений охраняемых законом ценностей.

Реформирование контрольно-надзорной деятельности начато с внесения изменений в Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Была введена [1] ст. 8.1 «Применение риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора)». Новая норма определила право внедрения риск-ориентированного контроля (надзора) для отдельных государственных контрольно-надзорных ведомств.

Перечень видов надзоров, по которым надлежало применять риск-ориентированный подход, определило Правительство РФ постановлением от 17 августа 2016 г. № 806 [5].

Сфера труда, как объект надзора с применением принципа риск-ориентированности, была определена значительно ранее, чем в целом стала развиваться такая политика. Еще в 2015 г. распоряжением Правительства РФ от 5 июня 2015 г. № 1028-р [4] была утверждена Концепция повышения эффективности обеспечения соблюдения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права на 2015–2020 гг. (далее — Концепция 2015–2020).

Одной из задач поставлено внедрение риск-ориентированного подхода к организации федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных, непосредственно связанных с ним законодательных актов.

Во исполнение Концепции 2015–2020 в Положение о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, утвержденном постановлением Правительства РФ от 1 сентября 2012 г. № 875 [3], и в последующем, в аналогичном Положении, утвержденном постановлением Правительства РФ от 21 июля 2021 г. № 1230 [6] (далее — Положение о надзоре в сфере труда), определены категории рисков в целях контроля (надзора).

В сфере труда выделено пять уровней рисков в зависимости от показателя тяжести потенциального риска причинения вреда охраняемым законом интересам в сфере труда со следующими сроками плановых мероприятий по контролю (надзору) (табл. 1).

Положение о надзоре в сфере труда устанавливает критерии отнесения хозяйствующих субъектов — работодателей к определенным категориям риска. Отнесение хозяйствующих субъектов к соответствующей категории риска осуществляется на основе расчета потенциального риска причинения вреда. При расчете потенциального риска оцениваются *объективный* и *субъективный* факторы хозяйствующего субъекта по формуле $P = T + K_y$.

К *объективному фактору* относят показатель тяжести потенциальных негативных последствий возможных нарушений обязательных правил трудового законодательства (далее — *Т*). Этот фактор относится к объективным, поскольку не зависит от поведенческой деятельности и добросовестности самого объекта проверки. Он рассчитывается путем умножения показателя потенциального вреда охраняемым законом ценностям и трудовым правам вследствие возможных нарушений в целом по отрасли (далее — *ПВ*) на показатель масштаба распространения таких негативных последствий (или численности работни-

Таблица 1

Категория (класс) риска	Показатель тяжести потенциального риска	Сроки плановых контрольно-надзорных мероприятий
Высокий	1 и более	Выездная проверка один раз в два года
Значительный	0,99–0,75	Выездная проверка один раз в три года
Средний	0,74–0,5	Выездная проверка один раз в пять лет
Умеренный	0,49–0,25	Выездная проверка один раз в шесть лет
Низкий	0,24 и менее	Не проводятся

Таблица 2

Вид экономической деятельности (ОКВЭД)	Показатель ПВ
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	0,49
Добыча полезных ископаемых	1,49
Обрабатывающее производство	0,96
Обеспечение электроэнергией, газом, паром, кондиционирование воздуха	0,99
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,97
Строительство	0,87
Транспортировка и хранение	0,85
Деятельность в области информации и связи	0,58
Образование	0,44
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,57
Прочие виды экономической деятельности	0,2

ков у данного работодателя) (далее — *М*), т. е. по формуле: *Т = ПВ х М.*

Характерно, что показатель потенциального вреда основывается лишь на одном из возможных нарушений законодательства в сфере труда — на охране труда, т. е. показатель зависит от количества и тяжести несчастных случаев, связанных с производством. Таким образом, в качестве основного индикатора риска выступает жизнь и здоровье человека.

ПВ по отрасли определяется с учетом ряда статистических показателей по формуле *ПВ = 4 х С + 2 х х $Т_1$ + 0,5 х Л:*

• количественный показатель погибших работников в результате несчастных случаев на производстве по отрасли в соотношении к 1000 работающих (далее — *С*);

• количественный показатель пострадавших на производстве работников в результате тяжелого несчастного случая в соотношении к 1000 работающих (далее — $Т_1$);

• количественный показатель пострадавших на производстве работников в результате легкого несчастного случая в соотношении к 1000 работающих (далее — *Л*).

Отраслевые показатели потенциального вреда охраняемым законом ценностям в сфере труда вследствие возможных нарушений (*ПВ*) рассчитаны в зависимости от видов экономической деятельности хозяйствующего субъекта на основании среднестатистических показателей (*С, $Т_1$, Л*) (табл. 2).

Показатель *М* при расчете тяжести потенциальных негативных последствий возможных нарушений трудового законодательства устанавливается в зависимости от численности работодателя (табл. 3).

Таблица 3

Среднесписочная численность	Показатель
Менее 200	0,5
200–499	0,7
500–999	1,0
Свыше 1000	1,5

Категория риска зависит также от *субъективных факторов*, относящихся непосредственно к хозяйствующему субъекту (далее — $К_у$), или от добросовестного поведения работодателя в части соблюдения трудового законодательства. Показатель Ку зависит от трех индивидуальных составляющих:

• показатель наличия травматизма на предприятии (далее — $К_т$). Показатель рассчитывается путем суммы количества несчастных случаев на производстве с тяжелым исходом (далее — $К_{тт}$), которым засчитываются с коэффициентом 0,4 за каждый, т. е.

по формуле 0,4х (где х — количество несчастных случаев), и количества легких несчастных случаев на производстве (далее — $К_{тл}$), которые засчитываются с коэффициентом 0,1, т. е. по формуле 0,1у (где у — количество легких несчастных случаев): $К_т = К_{тт} + К_{тл}$. Данные учитываются за три последних года;

• показатель наличия задолженности по заработной плате за предшествующий год (далее — $К_з$). При наличии задолженности учитывается коэффициент 0,3, при отсутствии — 0;

• показатель привлечения хозяйствующего субъекта и его должностных лиц к административной ответственности за нарушения трудового законодательства за предшествующие три года (далее — $К_{адм}$). При наличии административных наказаний учитывается коэффициент 0,1.

Таким образом, субъективный показатель рассчитывается по формуле: $К_у = К_т + К_з + К_{адм}$.

Отнесение хозяйствующего субъекта к категории риска влияет особо значимое при оценке вреда охраняемым законам ценностям событие — несчастный случай со смертельным исходом. При наличии смертельного несчастного случая в предыдущем году объект надзора сразу относится к категории высокого риска. Категория высокого риска за данным хозяйствующим субъектом сохраняется в течение трех лет.

Риск-ориентированный подход в контрольно-надзорной деятельности можно рассматривать как управленческую функцию превентивного характера. Одним из принципов риск-ориентированного подхода является стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований. В связи с этим законодатель предусматривает возможность снижения установленной категории риска при наличии одновременно следующих обстоятельств:

• отсутствие несчастных случаев на производстве со смертельным исходом в течение трех лет;

• отсутствие задолженности по заработной плате в течение предыдущего года;

• отсутствие непогашенных административных взысканий на работодателя и его должностных лиц (погашаются административные наказания по истечении одного года с момента их исполнения).

Для оценки результативности внедренной риск-ориентированной модели контроля (надзора) в сфере трудовых отношений обратимся к статистическим данным за 2014–2020 г. [8] (табл. 4).

Из анализа статистических данных видно, что в целом за период 2014 по 2020 гг. количество проводимых контрольно-надзорных мероприятий с момента начала риск-ориентированного подхода до его развития, практически не уменьшилось. Отдельное внимание следует уделить итогам 2020 г., где снижается количество проведенных проверок ввиду моратория на проведение контрольно-надзорных мероприятий в связи с пандемией COVID-19. На приведенном ниже рисунке наблюдается стабильная динамика (рис. 1).

Таблица 4

	2014	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020***
Всего проверок, тыс.	132,6	137,2	136,0	149,0	137,0	131,2	69,8
В том числе плановых	21,2	20,1	13,3	9,5	7,3	10,6	5
В том числе внеплановых	78,8	79,9	86,7	90,5	92,7	90,4	95
Выявлено нарушений, тыс.	631,0	579,0	478,9	462,0	323,0	308,0	178,0
Всего зарегистрировано хозяйствующих субъектов [9]	7 780 932	8 280 932	8 280 932	8 216 365	8 070 777	7 785 991	7 127 838
Проверено в %	1,7	1,65	1,64	1,8	1,7	1,68	0,97
Количество обращений граждан	275 164	272 214	461 601	459 447	463 000	397 000	458 625
Количество работников, погибших на производстве	2223	2071	2051	1711	1671	1598	1238
Количество пострадавших (тяжелые случаи)	7654	7137	6121	5371	5394	5086	4595

* Действует мониторинг на проведение проверок ввиду пандемии COVID-19.

Рис. 1

Практически не изменился количественный охват контрольно-надзорными мероприятиями поднадзорных хозяйствующих субъектов (рис. 2). Из табл. 4 видно, что динамика соотношения по годам 2014–2019 — стабильна. Резкое снижение охвата контрольно-надзорными мероприятиями наблюдается в 2020 г., когда действовал мораторий на проверки ввиду пандемии COVID-19.

В результате риск-ориентированного подхода к контрольно-надзорной деятельности изменилось соотношение плановых и внеплановых проверок (рис. 3).

Очевидно, что количество проводимых плановых проверок сокращается, поскольку это одна из основных задач внедрения риск-ориентированного подхода к контрольно-надзорной деятельности. Вновь не показательным является 2020 г. ввиду пандемии Covid-19.

В то же время, количество внеплановых проверок возрастает. А с учетом того, что общее количество контрольно-надзорных мероприятий не изменяется, очевидно, что перевес в них идет в сторону внеплановых мероприятий.

Еще одной целью реформирования контрольно-надзорной деятельности является повышение эффективности и результативности государственного контроля (надзора), снижение ущерба охраняемым законам ценностям (рис. 4).

Видно, что наблюдается динамика систематического снижения количества выявленных нарушений. Не показательным является вновь 2020 г., причина та же — мораторий в контрольно-надзорной деятельности ввиду пандемии. Но данные цифры не могут служить основанием для вывода о том, что риск-ориентированный подход к контрольно-надзорной деятельности снижает риск нарушений трудового законодательства. Практика проведения проверок соблюдения трудового законодательства показывает, что в ходе плановых проверок, которые проводятся комплексно, т. е. охватывают большой круг вопросов, нарушений выявляется гораздо больше, чем при внеплановых проверках. Внеплановая проверки проводится точечно, это, как правило, целевая, тематическая проверка, по одному узкому вопросу. Соответственно, нарушений при такой проверке выявляется намного меньше.

Однако, при этом количество обращений граждан за защитой своих трудовых прав только возрастает.

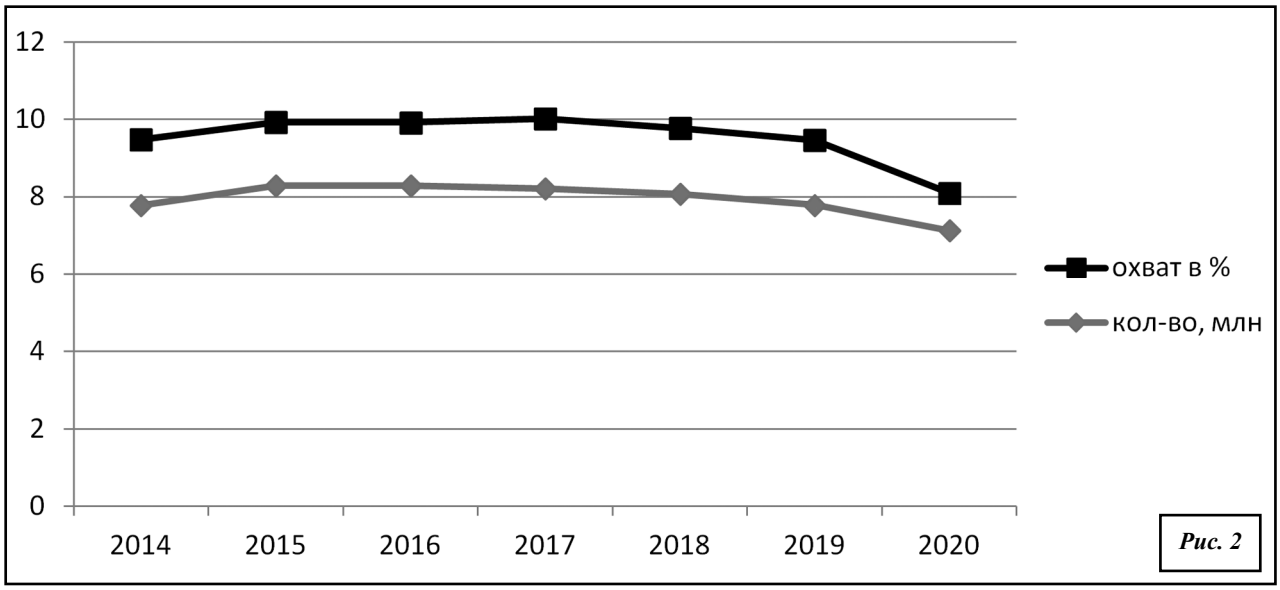


Рис. 2

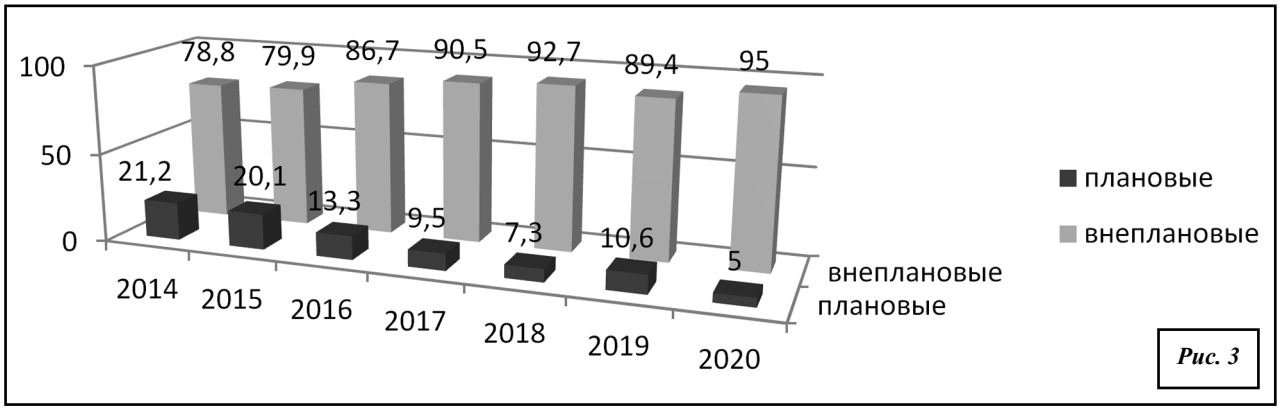


Рис. 3

Полагаем, что причиной является снижение количества плановых проверок, которые влекут за собой увеличение нарушений; у работников возрастает необходимость обращаться в государственную инспекцию труда индивидуально. Резкий скачок роста обращений граждан (на 15 %) произошел в 2020 г. по отношению к 2019 г. Усматривается снижение уровня соблюдения трудового законодательства в период пандемии COVID-19. Следует не забывать, что в силу ст. 352 Трудового кодекса РФ государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных, непосредственно связанных с ним норм права, рассматривается как способ защиты трудовых прав и свобод граждан. Соответственно, приоритетным при оценке хозяйствующего субъекта с точки зрения отнесения его к тому или иному классу (категории) риска возможного причинения вреда должны рассматриваться наличие обращений и жалоб работников этой организации, их количество и обоснованность. Данный показатель несправедливо, на наш взгляд, упущен в действующей методике оценки рисков в трудоправовом контроле (надзоре).

В основу оценки рисков возможного ущерба охраняемым законом ценностям в сфере труда положен критерий — жизнь и здоровье. В сфере труда такой показатель актуален, поскольку не исключены несчастные случаи на производстве с получением работниками тяжелых увечий, а иногда и смерти. Проанализируем состояние данных показателей за 2014–2020 гг. (рис. 5).

Анализ показывает, что количество несчастных случаев и смертей на производстве снижается, но незначительно. Вновь не показательным является 2020 г., поскольку в этот год многие производства не работали.

Внедрение риск-ориентированного подхода призвано снизить административную нагрузку на все поднадзорные элементы. Но само по себе снижение порядка, периодичности проверок неизбежно приведет к снижению уровня гарантий и прав работни-

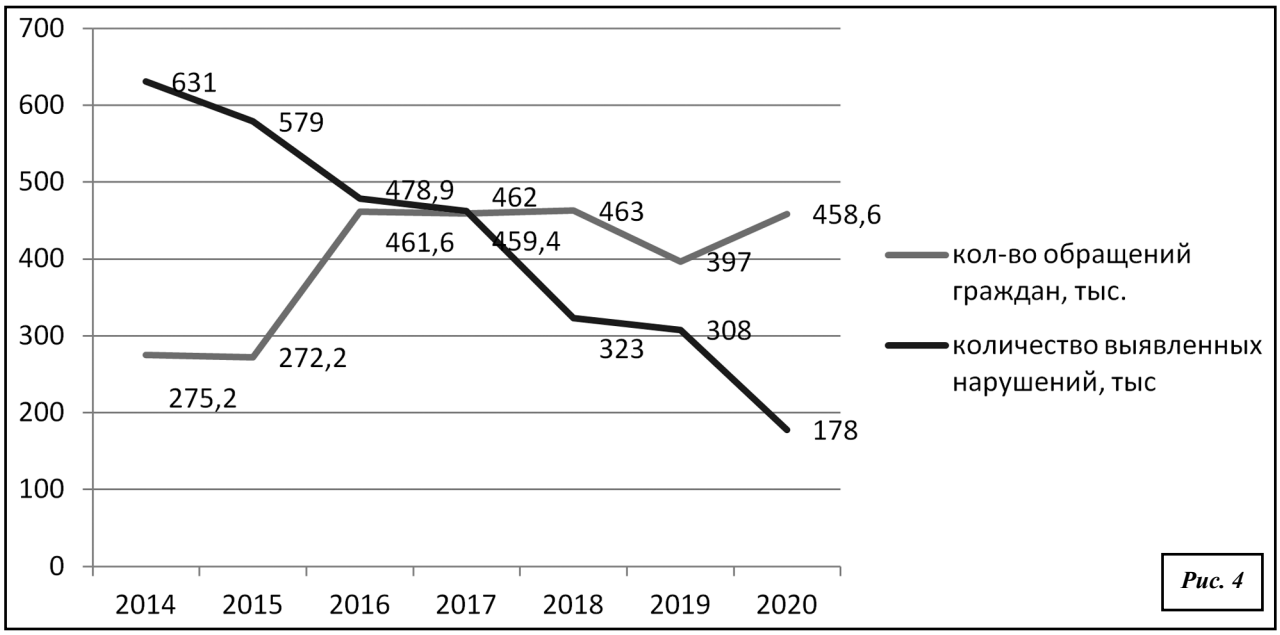


Рис. 4

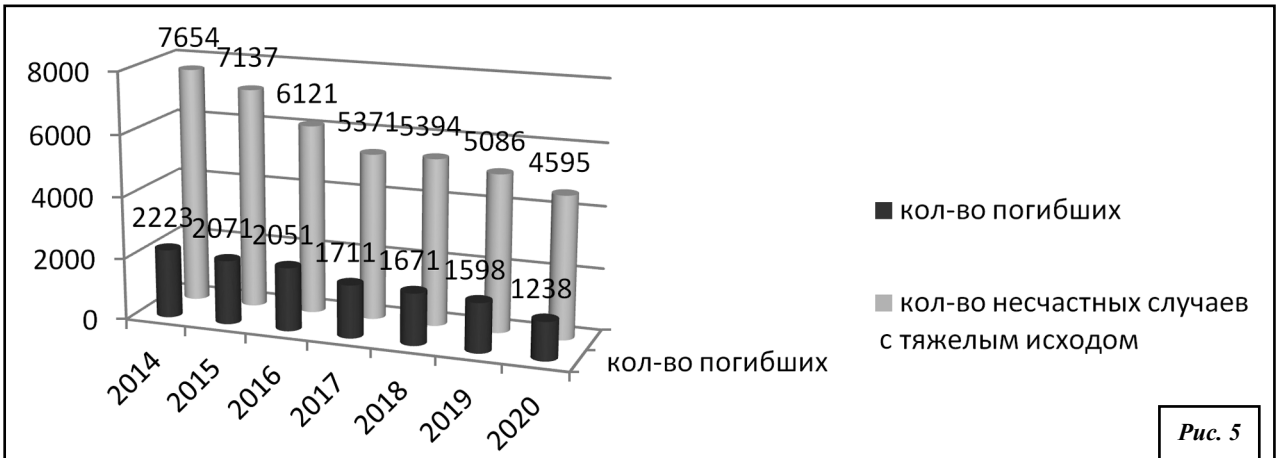


Рис. 5

ков, или иных интересов и свобод; т. е. при снижении уровня контроля не должны пострадать те ценности (права и свободы), на охрану которых направлен тот или иной надзор. Должен быть достигнут баланс интересов. На помощь, в первую очередь, должен прийти профилактический предупредительный контроль.

Реформирование контрольно-надзорной деятельности в большей мере нацелено на профилактические меры по предупреждению рисков причинения вреда.

Законодательно закреплено проведение следующих профилактических мероприятий:

• объявление предостережения при наличии у контрольно-надзорного органа информации о возможном нарушении обязательных требований;

• консультирование контрольно-надзорными органами всех заинтересованных лиц, всеми доступными способами, в том числе онлайн и офлайн;

• самообследование — это самостоятельная автоматизированная оценка соблюдения обязательных требований, организованная контрольно-надзорным органом, по результатам которой контролируемое лицо сможет самостоятельно определить уровень соблюдения законодательства, а также откорректировать свои действия в сторону их правомерности;

• профилактический визит: предполагает беседу по месту деятельности контролируемого лица.

В целях снижения административной нагрузки на бизнес при осуществлении контрольно-надзорных функций некоторые авторы считают, что часть функций контроля следует передать иным, альтернативным субъектам. Например, предлагается внеплановые проверки, основанием которых, как правило, являются обращения граждан, передать на рассмотрение другим субъектам защиты трудовых прав: профсоюзам, комиссиям по трудовым спорам, негосударственным трудовым арбитрам (которые предлагается создать для этих целей) [7, с. 87].

Результаты исследования приводят к мысли о необходимости совершенствования модели риск-ориентированного подхода при организации контрольно-надзорной деятельности.

1. При оценке рисков в целях контроля (надзора) следует вводить такой индикатор, как обоснованные обращения граждан за защитой своих трудовых прав.

2. В целях снижения административной нагрузки на хозяйствующие субъекты и федеральную инспекцию труда, следует расширить формы альтернативных видов контроля. Их результаты учитывать при оценке рисков и отнесении хозяйствующего субъекта к определенной категории риска.

Список источников

1. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 246-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // URL://http://www.pravo.gov.ru.

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. // Президент России: официальный сайт Президента Российской Федерации // URL://-http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173.

3. Постановление Правительства РФ от 1 сентября 2012 г. № 875 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных норматив-

ных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // URL://http://pravo.gov.ru.

4. Распоряжение Правительства РФ от 5 июня 2015 г. № 1028-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности обеспечения соблюдения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (2015–2020 годы)» // URL://http://www.pravo.gov.ru.

5. Постановление Правительства РФ от 17 августа 2016 г. № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // URL://http://www.pravo.gov.ru.

6. Постановление Правительства РФ от 21 июля 2021 г. № 1230 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // URL://http://pravo.gov.ru.

7. Таракановский М. А., Аюрзанайн А. Б. Совершенствование деятельности органов государственной инспекции труда в системе государственного надзора и контроля республики Бурятия // Экономический вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2018. № 5. С. 87–91.

8. URL://https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/-?CAT_ID=14167.

9. URL://https://фси.рф/Main/StatisticalInformation.

References

1. Federal Law No. 246-FZ of July 13, 2015 «On Amendments to the Federal Law «On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control» // URL://http://www.pravo.gov.ru.

2. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated December 4, 2014 // President of Russia: official website of the President of the Russian Federation // URL://-http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173.

3. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 875 dated September 1, 2012 «On Approval of the Regulations on Federal State Supervision of Compliance with Labor Legislation and Other Regulatory Legal Acts Containing labor Law norms» // URL://-http://pravo.gov.ru.

4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1028-r dated June 5, 2015 «On approval of the Concept of improving the effectiveness of ensuring compliance with Labor Legislation and other Regulatory Legal Acts containing Labor Law Norms (2015–2020)» // URL://http://www.pravo.gov.ru.

5. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 17, 2016 No. 806 «On the application of a risk-based approach in the organization of certain types of state control (supervision) and Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation» // URL://http://www.pravo.gov.ru.

6. Government Resolution RF No. 1230 dated July 21, 2021 «On Approval of the Regulations on Federal State Control (Supervision) over Compliance with Labor Legislation and Other Regulatory Legal Acts Containing Labor Law norms» // URL://http://pravo.gov.ru.

7. Tarakanovsky M. A., Ayurzanain A. B. Improving the activities of state labor inspection bodies in the system of state supervision and control of the Republic of Buryatia // Economic Bulletin of the East Siberian State University of Technology and Management. 2018. No. 5. P. 87–91.

8. URL://https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/-?CAT_ID=14167.

9. URL://https://fsi.rf/Main/StatisticalInformation.

Информация об авторе

С. Е. Титор — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-270-273
NIION: 2003-0059-3/22-320
MOSURED: 77/27-003-2022-03-519

К вопросу об уголовной ответственности за мошенничество по законодательству Республики Таджикистан

Хамидулло Хабибуллоевич Файзуллаев
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kfayzulloev@mail.ru

Аннотация. Рассматривается сущность и содержание уголовно-правовой характеристики мошенничества. Проводится анализ данного вида преступления; приводятся статистические данные о его динамике за последние пять лет; представляется мнение об актуальности совершенствования уголовного законодательства в области борьбы с этим общественно опасным деянием.

Ключевые слова: мошенничество, уголовное право, безопасность, субъект преступления, права человека
Для цитирования: Файзуллаев Х. Х. К вопросу об уголовной ответственности за мошенничество по законодательству Республики Таджикистан // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 270–273. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-270-273.

Original article

On the issue of criminal liability for fraud under the legislation of the Republic of Tajikistan

Khamidullo Kh. Fayzullaev
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kfayzulloev@mail.ru

Abstract. The essence and content of the criminal-legal characteristics of fraud are considered. The analysis of this type of crime is carried out; statistical data on its dynamics over the past five years are given; an opinion is presented on the relevance of improving criminal legislation in the field of combating this socially dangerous act.

Keywords: fraud, criminal law, economic security, subject of crime, human rights
For citation: Fayzullaev Kh. Kh. On the issue of criminal liability for fraud under the legislation of the Republic of Tajikistan. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):270–273. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-270-273.

Проблемы уголовно-правовой характеристики мошенничества в юридической литературе обычно принято считать наиболее исследованными. Однако, современное состояние преступности, имеющее тенденцию к постоянному развитию, доказывает обратное, когда в современных условиях мошенники приспосабливаются к новым формам и методам деятельности, учитывают специфику рыночных отношений и совершают преступления с учетом постоянно изменяющейся экономической обстановки. В связи с этим полемика вокруг уголовно-правовых мер борьбы с мошенничеством обострилась. И обусловлено это, в первую очередь, возросшим количеством совершенных мошенничеств. Так, согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Республики Таджикистан в 2017 г. в Республике было зарегистрировано 1635 случаев мошенничества, возбуждено уголовных дел в отношении 1521 лица.

В 2018 г. было зарегистрировано уже 2027 случаев мошенничества, возбуждено уголовных дел в отношении 1929 лиц. В 2019 г. выявлено 1697 случаев мошенничества, возбужденно уголовных дел в отношении 1615 человек. В 2020 г. зарегистрировано

© Файзуллаев Х. Х., 2022

1724 случая, возбуждено уголовных дел в отношении 1653 подозреваемых. В 2021 г. зарегистрировано 2186 случаев мошенничества, возбужденно уголовных дел в отношении 1977 человек.

Официальные статистические данные МВД Республики Таджикистан указывают, что число данных преступлений год за годом растет, и если провести сравнительный анализ за последние пять лет, то получается, что в 2021 г. данный вид преступления и в процентном соотношении по сравнению с 2018 г. вырос на 59 % [3]. Более того, в 2021 г. прирост по сравнению с 2020 г. составил уже 5,4 %. Поэтому, не смотря на позитивные сдвиги в области совершенствования уголовного законодательства в этой области, говорить о снижении роста данного вида преступления пока не приходится.

В связи с этим в современной науке уголовного права преступления, связанные с мошенничеством, всегда занимали особое место, так как такие виды незаконной деятельности посягают не только на права и свободы граждан, но и на экономическую безопасность государства, которые относятся к наиболее приоритетным задачам развития страны.

Итак, в соответствии с диспозицией ст. 247 Уголовного Кодекса Республики Таджикистан (далее — УК РТ), под мошенничеством понимается «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана либо злоупотребления доверием» [2].

Мошенничество представляет собой одну из форм хищения, отличающуюся от иных форм хищения объективной стороной, способами совершения преступления.

Как известно, объектом любого преступления являются общественные отношения, в которых фигурируют конкретные блага, интересы людей, общества и государства. Поэтому объектом мошенничества выступают общественные отношения собственности между людьми по поводу материальных благ и более того, не просто общественные отношения, а отношения собственности, регулируемые нормами гражданского права. В связи с этим под собственностью как объектом посягательства понимается право владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим собственнику имуществом. Согласно ст. 12 Конституции Республики Таджикистан, в республике признаются и защищаются равным образом различные формы собственности [1]. Поэтому, непосредственным объектом мошенничества необходимо признать существующие в Республике Таджикистан формы собственности, которые охраняются законом в равной мере. Предметы, на которые направлен данный вид преступного посягательства — это различные товарно-материальные ценности во всем своем многообразии, наличные или безналичные деньги, товары и т. д.

Объективная сторона преступления представляет собой внешнюю сторону поведения человека, совершившего преступление. Согласно действующему законодательству, такое поведение должно быть:

- общественно опасным;
- противоправным.

Объективная сторона мошенничества характеризуется совершением хищения чужого имущества или приобретением права на него путем обмана или злоупотребления доверием. Следует обратить внимание на то, что в статье указывается на два альтернативных способа совершения мошенничества:

- обман как способ совершения преступления предполагает заведомо введение в заблуждение потерпевшего собственника имущества;
- злоупотребление доверием выражается в том, что виновный преднамеренно использует доверительные отношения, которые у него сложились с потерпевшим, для завладения в последующем его имуществом.

Причем и в том и в другом случае собственник имущества добровольно отдает свое имущество, не подозревая о корыстных мотивах лица, которому полностью доверяет.

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста [2].

При этом мошенничество может совершаться только с прямым умыслом, означающее, что виновное лицо действует умышленно, преследуя корыстную цель по завладению чужим имуществом, и желает причинить ущерб потерпевшему.

Как было отмечено выше, в уголовном законодательстве существуют два основных способа мошенничества — обман и злоупотребление доверием. Однако при этом количество видов этого противоправного деяния бессчетно и имеет тенденцию к постоянному росту, особенно в бурную эпоху развития Интернета. Так, по некоторым данным, в мире совокупный ущерб от киберпреступности в год превышает 120 млрд долл. [4, с. 11]. Поэтому мошен-

ничество, находясь в постоянном поле зрения специалистов, имеет свойства меняться и развиваться в соответствии с требованиями времени[1].

Динамика роста преступлений данного вида свидетельствует о нестабильной криминогенной ситуации в республике, слабой способности правоохранительных органов обеспечить безопасность населения и, конечно, о латентности таких преступлений. Исследователи отмечают, что, несмотря на официальные статистические данные МВД Республики Таджикистан, отмечается высокий уровень латентности мошенничества, что на наш взгляд, связано с субъектом мошеннических действий, обладающим, как правило, недюжинными умственными способностями, достаточным уровнем образования, отсутствием определенных морально-нравственных принципов, но при этом нередко обладающим хорошим положением в обществе.

К сожалению, необходимо констатировать тот факт, что причиной высокого процента совершения этого вида преступлений в Республике Таджикистан выступает совокупность экономических, социально-психологических, политических и правовых факторов, тесно связанных и переплетающихся между собой. Более того, причинами могут выступать такие факты, как недостатки в воспитании и иные негативные явления, характеризирующие личность мошенника, а также виктимное поведение потерпевшего. Причинный комплекс служит предпосылкой разработки мер предупреждения мошенничества в республике и преступлений против собственности, которые совершаются путем обмана или злоупотребления доверием.

Как отмечалось выше, мошенничество напрямую связано с экономическими отношениями. Наиболее благоприятные условия для мошенничества представляют городские условия, облегчающие поиск жертв преступления и затрудняющие обмен информацией между последними.

Причина кроется в нестабильном экономическом положении страны, высоком уровне безработицы, несоответствующей экономическим реалиям заработной платы и т. д. Среди всех экономических преступлений, причин и условий мошенничества в Республике Таджикистан, лидирующее положение занимает фактор экономической нестабильности, который становится причиной и объективным основанием рискованного поведения как первичного психологического фактора этого вида преступления. При этом не существует принципиальных криминологических различий в последствиях быстрого экономического роста или ускоренного экономического благосостояния. Политическими причинами и условиями совершения мошенничества являются неудовлетворительная государственная политика по обеспечению экономической безопасности населения, прежде всего на рынке ценных бумаг, недоработки в осуществлении государственной политики в области защиты прав свобод граждан, уголовной политики в сфере борьбы с преступными посягательствами и преследованием мошенников, состояние контроля над деятельностью Национального банка Республики Таджикистан и Минфина Таджикистана на рынке ценных бумаг.

На наш взгляд, к правовым причинам и условиям совершения мошеннических действий можно отнести такие, как:

- нормы, регламентирующие рассмотрение, порядок споров, возникающих между банками и кредиторами;
- отсутствие надлежащего законодательного обеспечения прав жертв мошенничеств, совершаемых при попустительстве государственных и местных органов власти;
- закостенелость и несоответствие современным тенденциям развития законодательства в сфере борьбы с данным видом преступлений;
- недооценка общественной опасности мошенничества в особо крупных размерах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в динамике регистрируемых мошенничеств наблюдаются устойчивые тенденции к росту. Следовательно, можно ожидать, что проблема предупреждения мошенничеств и борьбы с ними будет становиться все более актуальной. В связи с этим назрела необходимость выявления тенденций совершения мошенничества, его причин, научно обоснованного определения эффективных мер его предупреждения, выявления роли личности и поведения потерпевшего в происхождении преступных посягательств, в том числе и корыстного характера. Следует также отме-

[1] Так, в соответствии с Законами Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан», в данную статью вносились изменений в редакции Закона РТ от 17 мая 2004 г. № 35, от 21 июля 2010 г. № 617, от 13 июня 2013 г. № 966.

тить, что норма закона, определяющая состав преступления о мошенничестве, на наш взгляд, выглядит не вполне совершенной, что предполагает необходимость изучения вариантов ее улучшения.

Список источников

1. Конституция Республики Таджикистан (с изм. и доп. от 26 сентября 1999 г., 22 июня 2003 г. и 22 мая 2016 г.). Душанбе : Ганч, 2016.

2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по сост. на 20 апреля 2021 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст. 68, ст. 69. № 22. Ст. 306; 1999; … ЗРТ от 4 июля 2020 г., № 1701, от 7 августа 2020 г. № 1717.

3. Данные Главного информационно-аналитического центра МВД Республики Таджикистан: 23/576//11-01-2021. Душанбе, 2021.

4. Квалификация преступлений против собственности: учеб. пособие / [Д. А. Безбородов, Я. И. Гилинский, А. В. Зарубин и др.]; под общ. ред. А. Н. Попова. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018.

References

1. The Constitution of the Republic of Tajikistan (with amendments and add. dated September 26, 1999, June 22, 2003 and May 22, 2016). Dushanbe: Ganch, 2016.

2. Criminal Code of the Republic of Tajikistan No. 574 dated May 21, 1998 (with amendments and additions. according to comp. on April 20, 2021) // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. 1998. No. 9. Article 68, Article 69. No. 22. Article 306; 1999; ... ZRT of July 4, 2020, No. 1701, of August 7, 2020 No. 1717.

3. Data of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan: 23/576//11-01-2021. Dushanbe, 2021.

4. Qualification of crimes against property: studies. manual / [D. A. Bezborodov, Ya. I. Gilinsky, A. V. Zarubin, etc.]; under the general editorship of A. N. Popov. St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018.

Информация об авторе

Х. Х. Файзуллаев — адъюнкт 2-го года обучения Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Kh. Kh. Fayzullaev — Adjunct of the 2nd Year of Study of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-274-278
NIION: 2003-0059-3/22-321
MOSURED: 77/27-003-2022-03-520

О некоторых основных направлениях подготовки кадров с целью реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации

Сергей Олегович Харламов[1], Мария Владимировна Донская[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] xardd66@mail.ru
[2] donskoy8@yandex.ru

Аннотация. Дается краткая характеристика хода реализации плана мероприятий по подготовке кадров для подразделений по вопросам миграции в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя; рассмотрены его особенности и перспективы за последние 2020–2021 учебные годы.

Ключевые слова: подготовка кадров, подразделения по вопросам миграции, практико-ориентированный подход к обучению, программы обучения, образовательный процесс

Для цитирования: Харламов С. О., Донская М. В. О некоторых основных направлениях подготовки кадров с целью реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 274–278. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-274-278.

Original article

About some main directions of personnel training for the purpose of implementation of the Concept of the state migration policy of the Russian Federation

Sergei O. Kharlamov[1], Maria V. Donskaya[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] xardd66@mail.ru
[2] donskoy8@yandex.ru

Abstract. A brief description of the implementation of the action plan for training personnel for migration departments of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot' is given, its features and prospects for the last 2020–2021 academic years are considered.

Keywords: personnel trainings, migration units, practice-oriented approach to training, training programs, educational process

For citation: Kharlamov S. O., Donskaya M. V. About some main directions of personnel training for the purpose of implementation of the Concept of the state migration policy of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):274–278. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-274-278.

В соответствии с Планом мероприятий по подготовке кадров в сфере реализации государственной миграционной политики на период до 2025 г. мы продолжаем серию статей по приоритетному профилю подготовки.

В 2021 г. впервые осуществлен выпуск 25 специалистов для подразделений по вопросам миграции. Почти 80 % выпускников в настоящее время трудоустроены по профилю подготовки: «Деятельность подразделений по вопросам миграции» по спе-

© Харламов С.О., Донская М.В., 2022

циальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности государственно-правовой специализации.

По происшествию 5-летнего срока обучения можно подвести некоторые конкретные итоги и наметить планы дальнейшего развития приоритетного профиля подготовки в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя.

В одной из публикаций мы уже анализировали реализацию приоритетного профиля подготовки, но это был первоначальный этап, и многое еще было необходимо воплотить в учебный процесс, в практико-ориентированный подход подготовки специалистов для практических органов внутренних дел, в научном обеспечении деятельности подразделений по вопросам миграции и многие другие направления [1].

В настоящее время Университет уверенно вышел на платформу планомерной подготовки и наращивает свой научный и научно-педагогический потенциал в соответствии с поставленными задачами и вышеуказанными направлениями. Обучение курсантов и слушателей по профилю сопровождается несколькими производственными практиками: по получению первоначальных навыков и умений, профессиональной деятельности научно-исследовательской практикой в подразделениях по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Москве, Московской области и других субъектов Российской Федерации и на выпускном курсе четырехмесячная производственная практика по получению профессиональных навыков и умений, и опыта профессиональной деятельности, в том числе преддипломной практики. Профессорско-преподавательский состав Университета, задействованный в реализации основной образовательной программы по профилю подготовки и в реализации дополнительных образовательных программ в соответствии с программой повышения квалификации, проходил стажировку в практических подразделениях по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Москве. Кафедрой конституционного и муниципального права разработана и направлена в ГУ МВД России по г. Москве на согласование дополнительная профессиональная программа повышения квалификации сотрудников Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в форме стажировки по теме: «Деятельность подразделений по вопросам миграции МВД России». Программа согласована руководством ГУ МВД России по г. Москве (письмо ГУ МВД России по г. Москве от 13 июля 2020 г. № 6/21-10703).

Научный потенциал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя позволяет оказывать содействие в научном сопровождении деятельности Центрального аппарата МВД России и его территориальных органов. Заказные и инициативные научно-исследовательские работы, подготовленные профессорско-преподавательским составом Университета в виде: учебных пособий, научно-аналитических обзоров, методических рекомендаций и других работ позволяют усовершенствовать не только образовательную деятельность Университета, но и деятельность территориальных подразделений по вопросам миграции МВД России. Согласно Плану научной деятельности Московского университета МВД России на 2020 г. были выполнены две коллективные научно-исследовательские работы по заявкам ГУВМ МВД России: «Реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и перспективы ее совершенствования», «Правила и принципы института гражданства Российской Федерации и их согласованность с порядком въезда в Российскую Федерацию и получением права на проживание в Российской Федерации». По Плану научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации были выполнены шесть научно-исследовательских работ по заявкам ГУВМ МВД России: «Проблемы реализации права на прохождение государственной службы гражданами Российской Федерации, имеющими гражданство иностранного государства, выход из которого либо отказ от которого невозможен по независящим от них причинам», «Участие институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля за исполнением миграционного законодательства Российской Федерации», «Правовое регулирование осуществления реадмиссии», «Проблемы правового регулирования адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации», «Риски и негативные (неблагоприятные) последствия при распространении порядка въезда иностранных граждан на основании электронной визы на всю территорию Российской Федерации», «Порядок мониторинга органами внутренних дел соблюдения работодателями, заказчи-

ками работ (услуг), а также юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации являются принимающей и (или) приглашающей стороной, обязательных требований в сфере миграции».

Можно констатировать, что между Университетом и практическими органами МВД России сложились деловые, творческие и научные рациональные отношения. На систематической основе руководство ГУВМ МВД России осуществляет сопровождение (патронаж) по подготовке кадров в виде участия в торжественных мероприятиях, например, приведение к присяге первокурсников, торжественный выпуск специалистов, учебно-методические сборы, научно-практические мероприятия, в показательных и иных занятиях, встречах с курсантами и слушателями.

Комплектующие органы, особенно ГУ МВД России по г. Москве и Московской области, на плановой основе в течение нескольких лет выделяют наиболее отличных, подготовленных сотрудников, имеющих высокие показатели в служебной деятельности для участия в проведении практических и иных видах занятий с курсантами и слушателями старших курсов по учебным дисциплинам профилизации. Сотрудники ГУВМ МВД России привлекаются для проведения занятий на факультете переподготовки и повышения квалификации с практическими сотрудниками подразделений по вопросам миграции различных должностных категорий и по разным дополнительным образовательным программам. Анализируя 5-летний период выполнения Плана подготовки кадров с целью реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации утвержденной Министром внутренних дел генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольцевым. 24 октября 2017 г., можно констатировать убедительный вклад всего личного состава Университета в подготовку высококвалифицированных сотрудников для органов внутренних дел.

В настоящее время проводится модернизация учебного процесса (образовательной деятельности), связанная, во-первых, с ограниченными мерами в связи с расширением коронавирусной инфекции COVID-19; во-вторых, с внедрением новых информационно-телекоммуникационных технологий в образовательное пространство и, в-третьих, усовершенствованием форм и методов преподавания учебных дисциплин и учебно-методического обеспечения с учетом их апробирования в учебном процессе и поиске новых форматов проведения различных видов аудиторных и дистанционных занятий. Многие научные и учебные материалы размещаются в информационном образовательном пространстве Университета, что помогает курсантам и слушателям, практическим сотрудникам, находящимся на дистанционном обучении, использовать данные материалы для подготовки к итоговой аттестации. Для обеспечения учебного процесса научной и учебной литературой кафедрами Университета подготовлены монографии, учебные пособия, учебники по профилю подготовки специалистов в сфере миграции.

Так, на кафедре конституционного и миграционного права Университета за последние несколько лет выпущены следующие учебные пособия.

1. Реализация миграционной политики уполномоченными органами в сфере миграции в ряде зарубежных стран: учеб. пособие / под общ. ред. А. С. Прудникова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020.

2. Гражданство Российской Федерации: учеб. пособие / под общ. ред. А. С. Прудникова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020.

3. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов: учеб. пособие / под общ. ред. А. С. Прудникова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020.

4. Конституционное право России: учебник для студентов вузов / под общ. ред. В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020.

5. Конституционное право России: учебник для студентов вузов / О. В. Зиборов, С. О. Харламов, Е. Н. Хазов [и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020.

6. Конституционное право России. Общая часть: учебник. В 3 кн. Кн. 1 и кн. 2 / В. И. Червонюк. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020.

7. Амельчаков И. Ф., Катаева О. В., Прудников А. С. и др. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов в Российской Федерации: учеб. пособие. Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина, 2020.

Ведется работа по созданию электронного учебного курса по дисциплинам профилизации, электронного сборника задач с элементами виртуальной реальности по предоставлению государственных

услуг в сфере миграции. Дальнейшая работа будет продолжаться по следующим направлениям:

• разработка учебно-программной документации и учебно-методических материалов;

• рецензирование учебно-программной документации и учебно-методических материалов, разрабатываемых образовательными организациями МВД России;

• участие в реализации образовательных программ по приоритетному профилю подготовки с использованием Системы дистанционных образовательных технологий МВД России;

• разработка дополнительных профессиональных программ;

• осуществление научного обеспечения и методической поддержки служебной деятельности органов внутренних дел, участие в экспертизе научной продукции, разработанной для профильных подразделений органов внутренних дел и ее апробации;

• разработка, апробация и внедрение инновационных образовательных технологий и методик, обеспечивающих необходимое качество и практическую направленность обучения курсантов и слушателей;

• организация и проведение конкурсов среди курсантов, слушателей, адъюнктов;

• проведение НИР кафедр Университета в соавторстве с ведущими специалистами образовательных организаций МВД России, руководителями и сотрудниками подразделений Центрального аппарата МВД России и территориальных органов МВД России;

• привлечение к проведению занятий ведущих специалистов территориальных органов МВД России, ветеранов органов внутренних дел;

• проведение профессорско-преподавательским составом кафедр Университета научно-исследовательских работ по актуальным проблемам деятельности профильных подразделений органов внутренних дел;

• подготовка предложений, направленных на совершенствование системы обеспечения качества учебного процесса в образовательных организациях МВД России;

• разработка и внедрение материально-технических средств и учебных комплексов для использования в учебном процессе;

• проведение научно-практических конференций, семинаров, совещаний и учебно-методических сборов по актуальным проблемам подготовки кадров для подразделений по вопросам миграции органов внутренних дел;

• участие профессорско-преподавательского состава кафедр в реализации дополнительных профессиональных программ для практических сотрудников подразделений по вопросам миграции;

• обеспечение полного удовлетворения потребности подразделений по вопросам миграции в профессиональной подготовке по должности служащего «Полицейский»;

• обеспечение своевременного внесения изменения в программы профессиональной подготовки сотрудников, выполняющих обязанности по профилактике, выявлению и расследованию правонарушений в сфере миграции, с учетом изменений нормативной правовой базы, опыта служебной деятельности по противодействию незаконной миграции.

Список источников

1. Калиниченко И. А., Зиборов О. В., Харламов С. О. Актуальные направления подготовки кадров для подразделений по вопросам миграции МВД России // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 333–336 // URL://https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42734617.

References

1. Kalinichenko I. A., Ziborov O. V., Kharlamov S. O. Actual directions of personnel training for migration units of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of Economic Security. 2020. № 1. P. 333–336 // URL://https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42734617.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 22 февраля 2019 г. № 265-р О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 гг. Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. // URL://-http://www.consultant.ru/

2. Постановление Правительства РФ от 28 марта 2019 г. № 337-18 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // URL://http://www.consultant.ru/

3. URL://http://mosumvd.com/izdatelskaya-deyatelnost/periodicheskie-izdaniya/vestnik-moskovskogo-universiteta-mvd-rossii/polnotekstovye-nomera-zhurnalov/polnotekstovye-nomera-zhurnalov-za-2021-god/2021-06_vmosumvd.pdf.

Bibliographic list

1. Decree of the Government of the Russian Federation of February 22, 2019 № 265-r «On the action plan for implementation in 2019–2021 of the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025». http://www.consultant.ru/

2. Decree of the Government of the Russian Federation of March 28, 2019 № 337-18 «On Amendments to the State Program of the Russian Federation «Ensuring Public Order and Combating Crime». http://www.consultant.ru/

3. URL://http://mosumvd.com/izdatelskaya-deyatelnost/periodicheskie-izdaniya/vestnik-moskovskogo-universiteta-mvd-rossii/polnotekstovye-nomera-zhurnalov/polnotekstovye-nomera-zhurnalov-za-2021-god/2021-06_vmosumvd.pdf.

Информация об авторах

С. О. Харламов — начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

М. В. Донская — доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. O. Kharlamov — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

M. V. Donskaya — Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-279-281
NIION: 2003-0059-3/22-322
MOSURED: 77/27-003-2022-03-521

К вопросу о перспективах развития частного экспертного учения о моделировании как элементе совершенствования судебно-экспертной деятельности

Ольга Александровна Харламова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, olga15.77@mail.ru

Аннотация. В последнее время экспертные учения активно развиваются и именно их формированию все большее внимание уделяют ученые в различных областях науки. На сегодняшний день в науке судебной экспертизы существует большое множество разработанных частных экспертных учений. Каждое из них представляет интерес как для науки судебной экспертизы так и для экспертной практики. Проблемам применения метода моделирования в экспертной практике уделялось внимание еще в 60-х гг., однако на сегодняшний день, в свете внедрения цифровых технологий в судебную экспертизу, назрела необходимость совершенствования теоретической базы методов моделирования и разработки нового частного экспертного учения о моделировании.

Ключевые слова: частные экспертные учения, судебная экспертиза, моделирование

Для цитирования: Харламова О. А. К вопросу о перспективах развития частного экспертного учения о моделировании как элементе совершенствования судебно-экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 279–281. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-279-281.

Original article

To the question of the prospects for the development of private expert teaching on modeling as an element of improving forensic expert activity

Olga A. Kharlamova
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, olga15.77@mail.ru

Abstract. Recently, expert teachings have been actively developing and it is their formation that scientists in various fields of science are paying more and more attention to. To date, there are a large number of developed private expert exercises in the science of forensic examination. Each of them is of interest both for the science of forensic examination and for expert practice. The problems of applying the modeling method in expert practice were paid attention back in the 60s, but today, in the light of the introduction of digital technologies in forensic examination, there is a need to improve the theoretical basis of modeling methods and develop a new private expert teaching about modeling.

Keywords: private expert exercises, forensic examination, modeling

For citation: Kharlamova O. A. To the question of the prospects for the development of private expert teaching on modeling as an element of improving forensic expert activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):279–281. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-279-281.

Постановка проблемы. В настоящее время эффективность борьбы с преступностью связана с современными возможностями раскрытия и расследования преступлений, в том числе вооруженностью экспертных подразделений достижениями научно-технического прогресса. Цель применения данных достижений — повышение уровня раскрываемости преступлений, обеспечение полноты и достоверности доказывания, соблюдение требований законности при производстве по уголовным делам.

Усложнение в современных условиях процесса установления истины по уголовным делам представ-

© Харламова О. А., 2022

ляет собой один из стимулов расширения возможностей судебной экспертизы [1].

В этой связи хотелось бы обратить внимание на необходимость совершенствования такого института судебной экспертизы, как частные экспертные учения. В последнее время экспертные учения активно развиваются и именно их формированию все большее внимание уделяют ученые в различных областях науки.

На сегодняшний день в науке судебной экспертизы существует большое множество разработанных частных экспертных учений. Каждое из них представляет интерес как для науки судебной экспертизы, так и для экспертной практики.

Проблемам применения метода моделирования в экспертной практике уделялось внимание еще в 60-х гг. и связано это было с:

• возможностью применения ЭВМ в экспертной практике, что повлекло за собой решение вопроса о применении метода математического моделирования;

• развитием и совершенствованием технических средств, способствующих точному копированию доказательств;

• возможностью материализовать внешний облик человека с помощью мыслительного процесса;

• допустимостью исследования доказательственного значения получения образов для экспертного исследования, проведения реконструкции.

Все это способствовало дальнейшему проведению исследований в области применения методов моделирования и развитию таких видов моделирования, как математическое моделирование, моделирование при работе со следами; моделирование внешнего облика человека и, конечно, исследование общеметодологических и процессуальных проблем моделирования [2].

Анализ последних исследований и публикаций. Следует отметить, что проблемам применения методов моделирования в судебной экспертизе посвящены работы как ученых, так и экспертов-практиков нашей страны и зарубежья. Среди них — Р. С. Белкин, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинская, П. В. Шиманович, Ю. П. Шакирьянова и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Сегодня, с появлением новых технологий, в судебной экспертизе назрела необходимость совершенствования и ее методов. Одним из таких методов, подлежащих переработке, является метод моделирования. Данный метод или, лучше сказать, методы приобретают все большую популярность. Перед экспертом ставятся новые задачи, требующие применения совершенно новых знаний и опыта. В связи с чем, широко используются методы моделирования при решении экспертных задач. Особенно когда необходимо установить истину по делу, а других доступных методов у эксперта нет.

Формулирование целей статьи. Основной целью работы является обоснование необходимости разработки частного экспертного учения о моделировании.

Рассмотрим современное состояние моделирования и перспективы создания такого учения.

Изложение основного материала. Моделирование — это сложный метод познания, имеющий интегрированный характер. В настоящее время, благодаря научно-техническому прогрессу и использованию компьютерной технике, сформировался уже более новый самостоятельный вид — компьютерное моделирование и именно это моделирование является одним из основных методов познания. Также в экспертную практику уже прочно внедрились методы цифровой фотографии [1]. Данные методы значительно расширяют возможности моделирования в экспертной практике на современном этапе. Следователи и эксперты могут решать поставленные перед ними задачи в ходе раскрытия и расследования преступлений на более высоком качественном уровне. Современные методы моделирования позволяют более качественно решать такие экспертные задачи, как реконструкция события преступления, определение механизма его совершения.

У экспертов появилась возможность создания трехмерной модели объекта, представленного на исследование. Для этого сегодня созданы различные программные продукты, позволяющие создавать такие модели и в дальнейшем работать с ними. Появилась возможность моделирования дорожно-транспортного происшествия для установления истины по делу.

В связи с вышесказанным имеющийся терминологический аппарат методов моделирования требует переработки. А появление новых видов моделирования с модернизацией уже имеющихся видов моделирования создает предпосылки для создания частного экспертного учения о моделировании, в том числе разработки методических рекомендаций по применению новых методов моделирования, применения современных программных продуктов для создания трехмерных моделей.

Поддерживая точку зрения Р. С. Белкина, мы считаем, что частное экспертное учение о моделировании должно отвечать ряду требований [3]:

• должно представлять теоретическую основу для разработки и совершенствования методов и средств расследования преступлений;

• соответствовать направлениям экспертной деятельности в целях раскрытия и расследования преступлений;

• должно изменяться с изменением потребностей экспертной практики;

• в связи с интеграцией знаний в экспертную деятельность должно совершенствоваться содержание экспертного учения;

• экспертное учение должно иметь один предмет познания с другими экспертными учениями;

• должно иметь единый подход с другими экспертными учениями о комплексном изучении одних и тех же объектов.

Если мы обратимся к экспертной практике применения моделирования, то самый часто используемый вид моделирования сегодня — это моделирование дорожно-транспортного происшествия (ДТП). У экспертов появилась возможность более детально, не перегружая заключение эксперта, с применением трехмерного графического моделирования визуализировать ДТП. Применение современных методов моделирования позволило представить осмотр автомобилей–участников ДТП в виде видеосъемки, имеющей неоспоримые преимущества перед статическим кадрами фотографий, не передающих объемность (глубину) и рельефность повреждений [4]; моделирование также позволило более детально и объективно создавать место ДТП, расположение его участников с сохранением значимой информации и, конечно же, новые методы моделирования позволили эксперту донести до заинтересованных лиц не только результаты экспертного исследования, но и процесс экспертного исследования.

В **заключение** хотелось бы отметить, что сегодня методы моделирования при решении экспертных задач могут применяться как основные доступные и подходящие к конкретной ситуации методы, так и как дополнительные методы. В любом случае развитие моделирования на современном этапе вызывает потребность в разработке экспертного учения о моделировании.

Список источников

1. Майлис Н. П. Методы моделирования при производстве судебных экспертиз, как эффективное средство в доказывании // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4.

2. Шакирьянова Ю. П. Трехмерное моделирование в судебной медицине: визуализация, идентификация, реконструкция: автореф. дисс. … докт. мед. наук. М., 2021.

3. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М., 1997.

4. Шиманович П. В. Возможности использования 3D-моделирования при производстве судебных экспертиз: сб. работ 70-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорусского государственного университета (15–18 мая 2013 г.). В 3 ч. Ч. 2. Мн., 2013.

References

1. Mailis N. P. Modeling methods in the production of forensic examinations, as an effective means in proving // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4.

2. Shakiryanova Yu. P. Three-dimensional modeling in forensic medicine: visualization, identification, reconstruction: abstract. diss. ... Doctor of Medical Sciences. M., 2021.

3. Belkin R. S. Course of criminology. In 3 vols. Vol. 2: Private forensic theories. M., 1997.

4. Shimanovich P. V. Possibilities of using 3D modeling in the production of forensic examinations: collection of works of the 70th Scientific Conference of students and postgraduates of the Belarusian State University (May 15–18, 2013). At 3 h. h. 2. Mn., 2013.

Информация об авторе

О. А. Харламова — начальник кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Kharlamova — Head of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-282-285
NIION: 2003-0059-3/22-323
MOSURED: 77/27-003-2022-03-522

Некоторые особенности выявления преступлений, совершаемых в условиях пандемии

Сергей Владимирович Харченко
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия,
x.s.v.l@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся выявления лиц, представляющих оперативный интерес и преступлений, совершаемых в условиях пандемии. Предлагается алгоритм действий по выявлению преступлений, совершаемых в условиях пандемии, включающий в себя установление оперативно-разыскным путем самого события преступления (времени, места, способа, мотивов и других обстоятельств его совершения) и лиц, его совершивших либо подозреваемых.

Ключевые слова: выявление, преступление, оперативно-разыскные мероприятия, оперативные подразделения, пандемия, информация

Для цитирования: Харченко С. В. Некоторые особенности выявления преступлений, совершаемых в условиях пандемии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 282–285. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-282-285.

Original article

Some features of the detection of crimes committed in a pandemic

Sergey V. Kharchenko
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia,
x.s.v.l@yandex.ru

Abstract. Issues related to the identification of persons of operational interest and crimes committed in a pandemic are being considered. The algorithm of actions to identify crimes committed in the conditions of a pandemic is proposed, which includes the establishment of the crime event itself (time, place, method, motives and other circumstances of its commission) and the persons who committed it or suspects.

Keywords: detection, crime, operational search activities, operational units, pandemic, information

For citation: Kharchenko S. V. Some features of the detection of crimes committed in a pandemic. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):282–285. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-282-285.

Пандемия COVID-19 оказывает глубокое воздействие на все социальные процессы в обществе, в том числе и на криминальные проявления, особенно на организованную преступность (ОП) и незаконные рынки.

На ранних стадиях пандемии представляется достаточно затруднительным не только количественно оценить, но и содержательно спрогнозировать криминальные последствия воздействия COVID-19 и осуществляемых мер по противодействию ОП [7].

В процессе выявления преступлений, совершаемых в условиях пандемии, руководители правоохранительных органов обязаны организовать реализацию комплекса специальных организационно-управленческих и организационно-тактических мер [2].

Выявление лиц, представляющих оперативный интерес, и преступлений, совершаемых в условиях пандемии, являясь одной из основных задач оперативно-разыскной деятельности, одновременно признается и в качестве организационно-тактической

© Харченко С. В., 2022

формы этой деятельности. Эта форма ОРД охватывает комплекс оперативно-разыскных и иных мероприятий, обеспечивающих получение как гласно, так и негласно информации криминального характера из различных источников. Особое внимание при этом уделяется процессу получения информации о криминальных деяниях, носящих латентный характер, о действиях некоторых должностных лиц, которые глубоко замаскированы (особенно, если речь идет о действиях организованных групп, совершающих преступления против здоровья населения и общественной нравственности) и внешне могут не носить характера криминальных [3]. В частности, в основной массе преступлений путем проведения комплекса оперативно-разыскных и иных мероприятий выявляются коррупционные деяния; преступления, связанные нарушением санитарно-эпидемиологических правил; сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей; публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан; публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия и многие другие преступления, совершаемые организованными преступными структурами [4].

Выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, преступлений предполагает предварительный сбор, накопление, систематизацию и анализ сведений об этих мерах, отличающихся состоянием криминальной опасности и характеризующихся отклоняющимся от принятых норм поведением [1].

Первоначальная информация, полученная оперативным путем, детализируется и уточняется с помощью последующих оперативно-разыскных и иных мероприятий с тем, чтобы подготовить модель возможного поведения выявленных лиц и принять меры к предупреждению или пресечению их противоправной деятельности в условиях пандемии.

Информация о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, концентрируется в делах оперативного учета. Данные информационного массива используются в ходе реализации материалов дел оперативного учета, а также для поиска и установления лиц, причастных к подготовке и совершению рассматриваемых преступлений, для получения сведений на разыскиваемых лицах, а также при осуществлении различных оперативно-разыскных и иных мероприятий [5].

Для этого оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность в целях анализа и оценки оперативной обстановки, особенно в стадии, предшествующей развитию ситуаций, приводящих к условиям пандемии, определения оптимальных мер борьбы с преступлениями, осуществляемым по отдельным направлениям работы (УР, ЭБиПК и т. д.), могут вести дополнительные накопители информации, так называемые дела оперативного учета. В них сосредотачиваются и систематизируются сведения о социальной, экономической, демографической, криминологической и оперативной обстановке, силах и средствах правоохранительных органов, используемых в процессе выявления и раскрытия преступлений, совершаемых в условиях пандемии.

Проведенное нами исследование показало, что выявление преступлений, совершаемых в условиях пандемии, должно обязательно включать в себя установление оперативно-разыскным путем самого события преступления (времени, места, способа, мотивов и других обстоятельств его совершения) и лиц, его совершивших либо подозреваемых. В некоторых случаях, характерных для условий пандемии, усилия оперативных подразделений должны быть направлены на установление личности потерпевшего, его местонахождения, обстоятельств, характеризующих потерпевшего. То же самое может быть отнесено и к проблемам, связанным с установлением свидетелей преступления.

Задача выявления преступления оперативно-разыскным путем должна в любой обстановке рассматриваться в органической связи с уголовно-процессуальной деятельностью, поскольку в случае ее успешного решения возбуждается уголовное дело. В ряде случаев уголовное дело может быть возбуждено при обнаружении только события преступления. Нередко именно эта ситуация характерна для условий пандемии. При этом орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность, обязать обеспечить установление и задержание лиц, совершивших преступления.

Началом работы оперативных подразделений, органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность по выявлению преступлений, совершаемых в условиях пандемии, является период действий по установлению фактов неочевидных и тщательно маскируемых действий лиц, замышляющих или готовящих эти преступления. Именно в

этой стадии деятельности необходимо организовать четкое взаимодействие оперативных подразделений, относящихся к разным организационно-структурным уровням ОВД. При этом вышестоящий аппарат координирует работу нижестоящих подразделений, оказывает им практическую помощь, а также выполняет некоторые практические действия в качестве исполнителя.

Лиц, замышляющих или подготавливающих названные преступления, следует выявлять среди ранее медицинских работников или их связей, а также состоящих на соответствующих оперативных учетах. Далее изучаются лица, ведущие антиобщественный образ жизни; поддерживающие контакты с криминальной средой; не имеющие постоянного места жительства или занятий трудом, или иной полезной деятельности [6].

Информацию первичного характера об указанных лицах и их намерениях оперативные подразделения могут получать, к примеру, из таких источников, как:

• сообщения лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в том числе анонимного характера;

• документов, отражающих результаты наблюдения и имеющих оперативно-разыскное назначение;

• из материалов дел оперативного учета, сводок наблюдений: документов, отражающих результаты личного сыска и т. д.;

• сообщений должностных лиц и представителей общественности;

• массивов (банков данных) учетов МВД, ФСБ, Росфинмониторинга, ФСИН, ФТС России и др.;

• сообщений от сотрудников различных подразделений правоохранительных органов;

• материалов проверок корреспонденции осужденных и лиц, находящихся в следственных изоляторах.

Таким образом, алгоритм основных действий оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность и выявление преступлений, совершаемых в условиях пандемии, можно отразить в следующем виде.

1. Источники информации о замышляемых преступлениях:

• лица, оказывающие содействия органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность;

• сводки наблюдений, установок, рапорта и другие документы о результатах проведения оперативно-разыскных и иных мероприятиях за различными объектами;

• письма, заявления и другие сообщения граждан, должностных лиц и т. п.;

• банки данных и иные материалы дел оперативных учетов и т. д.

2. Первоначальные проверочные действия оперативных подразделений в связи с поступающей информацией:

• выявление лиц, представляющих оперативный интерес, с учетом получения информации;

• установление и предварительная проверка ранее судимых лиц и их связей;

• изучение архивных и иных материалов по аналогичным фактам и т. д.

3. Дополнительные проверочные действия:

• установление и проверка всех связей выявленных лиц, представляющих оперативный интерес;

• постановка на учет выявленных лиц;

• выявление и проверка иных лиц, которым хотя бы частично известно о фактах приготовления к преступлению, о способах его совершения и т. п.

Большую актуальность для правоохранительных органов при выявлении преступлений, совершаемых в период пандемии, установлении лиц, замышляющих или подготавливающих совершение преступлений, имеет оперативно-разыскное мероприятие «оперативное внедрение» в организованную группу, тщательно маскирующую свою противоправную деятельность. В ходе проведения этого мероприятия решаются, как правило, следующие задачи: выявление состава группы, роли каждого ее участника и фактов, свидетельствующих о ее устойчивости, замыслах и т. п.; получение сведений о конкретных готовящихся или уже совершенных преступлениях; установление путей и способов систематического получения взяток, в нашем случае, за внесение фиктивных сведений в Единую государственную информационную систему в сфере здравоохранения Министерства здравоохранения РФ о вакцинации от COVID-19 граждан, без ее фактического проведения, с последующей выдачей справок (сертификатов) о прививках, для предоставления их по месту требования и мест их хранения; проведение работы по разобщению организованной группы; склонение отдельных участников группы к явке с повинной, отказу от совершения тех или иных преступных действий и т. п.

Список источников

1. Бычков В. В. Административная и уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации о коронавирусной инфекции COVID-19 // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2021. № 1. С. 41–49.

2. Бычков В. В., Харченко С. В. Актуальные вопросы организации расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет // Военное право. 2020. № 6(64). С. 175–182.

3. Бычков В. В., Харченко С. В. Некоторые особенности выдвижения и проверки следственных версий по уголовным делам о преступлениях экстремистского характера // Российский следователь. 2021. № 4. С. 17–20.

4. Бычков В. В., Харченко С. В. О некоторых проблемах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Журнал. В 2 т. Т. 1(2). Орел, 2020. С. 49–57.

5. Бычков В. В., Харченко С. В. К вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 102–105.

6. Бычков В. В., Харченко С. В. Противодействие расследованию преступлений экстремистской направленности и меры по его преодолению // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 55–59.

7. Овчинский В. С. Преступность COVID-19: как меняется криминал в период пандемии // URL://-https://izborsk-club.ru/19029.

References

1. Bychkov V. V. Administrative and criminal responsibility for the public dissemination of deliberately false information about coronavirus infection COVID-19 // Actual problems of medicine and biology. 2021. No. 1. P. 41–49.

2. Bychkov V. V., Kharchenko S. V. Topical issues of the organization of the investigation of criminal cases of crimes of the past years // Military law. 2020. No. 6(64). P. 175–182.

3. Bychkov V. V., Kharchenko S. V. Some features of the nomination and verification of investigative versions in criminal cases of crimes of an extra-mystical character // Russian investigator. 2021. No. 4. P. 17–20.

4. Bychkov V. V., Kharchenko S. V. On some problems of using the results of operational investigative activities in the disclosure and investigations of crimes of extremist orientations // Modern criminal procedure legislation - lessons of history and problems of further reform. Journal. In 2 t. t. 1(2). Orel, 2020. P. 49–57.

5. Bychkov V. V., Kharchenko S. V. On the question of the investigator's activity in the framework of a typical situation at various stages of the investigation of crimes of an extremist nature // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2021. No. 2. P. 102–105.

6. Bychkov V. V., Kharchenko S. V. Countering the investigation of extremist crimes and measures to overcome it // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 6. P. 55–59.

7. Ovchinsky V. S. Crime COVID-19: how crime changes during the pandemic // URL://https://izborsk-club.ru/19029.

Информация об авторе

С. В. Харченко — заведующий кафедрой криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

S. V. Kharchenko — Head of the Department of Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 23.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 23.05.2022.

Научная статья
УДК 343.983:004.8
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-286-290
NIION: 2003-0059-3/22-324
MOSURED: 77/27-003-2022-03-523

Экспертная ситуация и искусственный интеллект

Алексей Иванович Хмыз
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, xmyz.aleksej@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются ситуации, складывающиеся при подготовке, назначении, производстве судебной экспертизы, оценке заключения эксперта; анализируются возможности искусственного интеллекта при решении идентификационных, диагностических и иных задач экспертного исследования.

Ключевые слова: экспертная ситуация, задачи экспертного исследования, искусственный интеллект
Для цитирования: Хмыз А. И. Экспертная ситуация и искусственный интеллект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 286–290. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-286-290.

Original article

Expert situation and artificial intelligence

Alexey I. Khmyz
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, xmyz.aleksej@bk.ru

Abstract. The situations that develop during the preparation, appointment, production of forensic examination, evaluation of the expert's conclusion are considered; the possibilities of artificial intelligence in solving identification, diagnostic and other tasks of expert research are analyzed.

Keywords: expert situation, tasks of expert research, artificial intelligence
For citation: Khmyz A. I. Expert situation and artificial intelligence. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):286–290. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-286-290.

Познавательный процесс зависит от многих факторов, в том числе случайного характера. Не исключение и процесс установления фактических данных с использованием специальных знаний, средств и методов в форме судебной экспертизы.

Понятие «экспертная ситуация» прочно вошло в научный оборот, однако многие ученые ассоциируют его исключительно с производством судебной экспертизы. Так, А. Р. Сысенко полагает, что экспертную ситуацию можно назвать совокупностью сложившихся обстоятельств в процессе экспертного исследования, направленной на реализацию поставленных экспертных задач [9, с. 69].

На наш взгляд, связывать экспертную ситуацию непосредственно с экспертным исследованием не совсем верно.

Несмотря на то, что в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ [1] судебная экспертиза рассматривается как процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом, невозможно представить это действие без процесса подготовки, назначения, а также оценки заинтересованными субъектами заключения эксперта.

От эффективности организации и осуществления подготовительного этапа во многом зависит непосредственно круг решаемых экспертом задач, формулировка вопросов перед экспертом, выбор экспертного учреждения и т. д. Например, невозможность изъятия образцов для сравнительного исследования исключает постановку перед экспертом вопросов о том, не оставлены ли следы кем-либо из проверяемых лиц.

© Хмыз А. И., 2022

Некоторые ситуации нашли прямое отражение в нормативных правовых актах, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Так, в ситуациях, когда возникают сомнения в правильности или обоснованности заключения эксперта, по решению суда, судьи, лица, производящего дознание, следователя, назначается повторная судебная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту или другой комиссии экспертов (абз. 2 ст. 20 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

При этом ситуации могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными для решения стоящих перед экспертом задач. Например, в ситуации, когда в экспертном подразделении нет соответствующего специалиста, отсутствует необходимые технические и иные средства, отсутствует экспертная методика экспертного исследования, необходимо отказаться от производства исследования, что входит в рамки компетенции руководителя экспертного учреждения.

Рассмотренная ситуация неблагоприятная в конкретный период времени как для инициатора назначения судебной экспертизы, так и для судебного эксперта. Однако она создает предпосылки для принятия соответствующих процессуальных и иных управленческих решений, например, о направлении объектов исследования в иное экспертное подразделение, разработки и апробации экспертных методик, направленных на получение достоверных и обоснованных выводов в отношение новых объектов, представляющих интерес для органов расследования.

Ряд ученых, например, В. А. Снетков, Ф. Г. Аминев делят экспертные ситуации на стационарные и поисковые, и дифференцируют их наличием или отсутствием в распоряжении эксперта, наряду с исследуемым объектом, проверяемых объектов либо образцов для сравнительного исследования. В первом варианте складывается стационарная, во втором, при постановке вопросов, например, установления модели автомобиля — поисковая ситуация.

По мнению Е. Б. Мельникова, экспертные ситуации, складывающиеся в рамках расследования конкретного дела, обычно сводятся к нескольким группам задач и зависят от природы возникающего комплекса признаков, в частности при решении задач материаловедческой идентификации [3, с. 217–218].

В отношение предметов материального мира, документов, живых лиц, животных, трупов либо их частей, вещественных доказательств, представленных в том числе в виде электронных носителей информации, в рамках производства судебной экспертизы могут решаться задачи, разносторонность которых обусловливает различные основания для их классификации.

Исходя из зависимости вопросов, поставленных перед экспертом, от рода и вида экспертизы выделяют общие, типичные и конкретные экспертные задачи [6, с. 288].

Одним из оснований для классификации является цель экспертного исследования. По этому основанию до сих пор не сложилось единого мнения среди ученых. Обобщая имеющиеся позиции можно выделить идентификационные, диагностические, классификационные, реконструкционные и ситуационные (в аналогичной трактовке — ситуалогические) задачи. По нашему мнению, последние четыре относятся к неидентификационным задачам.

Идентификационные — это задачи, направленные на установление тождества конкретного единичного и неповторимого объекта материального мира по следам-отображениям этого объекта. Вариантом решения этой задачи является установление факта оставления одним и тем же лицом либо объектом двух и более следов, изъятых, в том числе по разным преступлениям, без предоставления образцов для сравнительного исследования.

Диагностические — это задачи, направленные на установление, распознавание свойств и качеств исследуемых объектов. В чистом виде эти задачи решаются, как правило, в ситуациях неопределенности, когда, например, нет установочных и иных данных о лице, совершившем противоправное деяние, но имеются следы действия этого лица в момент подготовки, совершения либо сокрытия преступления.

Классификационные — это задачи, направленные на установление соответствия объекта исследования заранее заданным характеристикам и отнесение его к определенному классу, роду, виду.

Реконструкционные — это задачи, связанные с восстановлением первоначального либо иного (за период своего существования) состояния объекта.

Ситуационные — это задачи, направленные на установление обстоятельств во времени совершенного события, процесса.

Эксперт при производстве судебной экспертизы в том или ином сочетании решает указанные задачи.

Результативность решения отдельной из перечисленных выше задач иногда зависит от эффективности решения иной задачи из этого списка. Так, успешное решение диагностической задачи расширяет объемы разыскной информации, следовательно, позволяет повысить шанс установления проверяемого и, в конечном итоге, искомого объекта.

На повышение результативности любой из обозначенных задач направлено внедрение в процесс экспертного исследования передовых в конкретный период времени технических средств и технологий. Так, например, средства осуществления автоматизированного сравнения следов рук с отпечатками пальцев и ладоней рук проверяемых лиц позволяют достаточно быстро и с высокой степенью достоверности решать соответствующие идентификационные задачи. Результативность же дактилоскопических экспертиз в разы превышает другие традиционные направления.

В настоящее время на повестке дня стоят вопросы интегрирования и использования в экспертной деятельности колоссальных возможностей искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Искусственный интеллект это, прежде всего, комплекс технологических решений, включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [5].

На начальном периоде своего развития искусственный интеллект основывался на высокоуровневом «человекочитаемом» представлении задач [8, с. 44], используя при их решении логическую схему: если → то.

Приведенная схема легко работает на этапе подготовки и назначения судебной экспертизы. Она помогает инициатору исследования определить вид судебной экспертизы, круг решаемых вопросов исходя из обнаруженного при осмотре места происшествия, проведении иного следственного действия следа, объекта и т. д.

Однако, указанная схема не приемлема для решения более сложных задач, требующих комплексного подхода, адаптивного мышления, что является характерным для производства современной, основанной на необходимости интеграции специальных знаний судебной экспертизы.

Совершенно иным принципом построения искусственного интеллекта стало создание искусственных нейронных сетей, которые достаточно эффективно решают задачи распознавания образов, различных движений и т. д.

Искусственные нейронные сети обычно представляются как системы соединенных между собой «нейронов», которые обмениваются сообщениями друг с другом. Соединения имеют множество весов, которые могут быть настроены на основании опыта, делая нейронные сети адаптируемыми к входным данным и способными обучаться [4] — на этапе разработки математической модели и самообучаться — при сборе и накоплении опытных данных [10].

Способность обучаться и самообучаться позволяет искусственному интеллекту действовать по-разному в аналогичных ситуациях, в зависимости от ранее выполненных действий [7, с. 94], и принимать соответствующие решения. Однако, данное преимущество перед обычными компьютерными алгоритмами является и основной проблемой, так как для качественного обучения при необходимости решения новой задачи необходим довольно большой объем данных, основанных на реальных примерах решения этой задачи.

Кроме способности обучаться, нейронные сети способны к обобщению и к абстрагированию. В первом случае сеть становится нечувствительной к малым изменениям входных сигналов (шуму или вариациям входных образов) и дает правильный результат на выходе. Во втором — при предъявлении сети несколько искаженных вариантов входного образа сеть сама может создать на выходе идеальный образ, с которым она никогда не встречалась [2, с. 4].

Информационные технологии решают идентификационные задачи путем верификации и собственно идентификации.

Основой верификации является идентификатор, например, сочетание некого логина и пароля, которые при вводе подтверждаются или отвергаются системой распознавания.

При идентификации система распознавания сравнивает определенные признаки вводимой информации, например, речевого сигнала, текста, иного биометрического параметра с аналогичными признаками, содержащимися в базе данных, пополняемой в процессе обучения системы.

При решении вопросов о принадлежности биометрических параметров одному и тому же лицу, например, двух и более голосовых сообщений, возможна идентификация с предварительным обучением, т. е. когда образец голоса имеется в базе данных, и идентификация без предварительного обучения. В обоих случаях система, и это, на наш взгляд, принципиальное требование к ней, должна решать вопрос однозначно, без каких-либо вероятных суждений.

Искусственный интеллект является наиболее эффективным способом решения классификационной задачи, в связи с тем, что базируясь на параллельной обработке информации, способен генерировать значительное количество моделей, сопоставляя при этом входной образ, представленный вектором признаков, с одним или несколькими предварительно определенными классами.

При производстве судебной экспертизы эксперт сталкивается с одной или несколькими неопределенностями.

Задачу устранения неопределенностей также возможно возложить на нейронные сети.

В ряде случаев при решении поставленных перед экспертом вопросов необходимо учитывать множество факторов и условий, которые составляют механизм образования тех или иных следов, например, встречный и фронтальный угол при образовании динамических следов от орудий взлома, глубина проникновения клинка при образовании повреждений на одежде и т. д.

При учете и анализе механизма следообразования также можно задействовать нейронные сети, при этом условия следообразования следует отнести к входным параметрам системы. В качестве выходной информации нейронные сети предлагают эксперту ответ на решаемый вопрос.

К одному из основных недостатков нейронных сетей относится вероятностный результат ответа на поставленный вопрос, поэтому исключать эксперта из процесса исследования, а главное, формулирования вывода, не стоит.

Моделируя работу головного мозга искусственный интеллект, также как и человек, склонен допускать ошибки. Поэтому при его использовании в экспертной деятельности необходимо решить вопрос о мере ответственности эксперта в ситуации, когда система допускает такую ошибку. Каким бы совершенным не был искусственный интеллект, принцип персональной ответственности эксперта за результаты проведенного исследования отменять нет необходимости.

Таким образом, искусственный интеллект можно представить как вспомогательное средство решения задач, стоящих перед экспертом в конкретной экспертной ситуации в процессе осуществления данным субъектом экспертной деятельности.

Список источников

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Заенцев И. В. Нейронные сети: основные модели. Воронеж, 1999.

3. Мельников Е. Б. Экспертные ситуации в идентификационных исследованиях наркотических средств и психотропных веществ. В сб.: Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат. XXIV междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2021. С. 217–219.

4. Михалевич Ю. С., Ткаченко В. В. Использование сверточных нейронных сетей для распознавания автомобильных номеров. Преимущества и недостатки по сравнению с шаблонным методом // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 120 // URL://http://ej.kubagro.ru/2016/-06/pdf/112.pdf.

5. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Генезис классификации экспертных задач в судебно-экспертной деятельности // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 7А. С. 286–292.

7. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

8. Селиванов Е. В., Стружанцев А. И. Технологии искусственного интеллекта // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 6 (47). С. 44–47.

9. Сысенко А. Р. Понятие экспертной ситуации в криминалистической экспертизе. В сб.: Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики: сб. науч. трудов // пред. редкол. Я. М. Мазунин. Омск, 2021. С. 66–69.

10. Тушкина Т. М., Верещагин П. В., Ермилов Е. Е. Использование искусственных нейронных сетей в проектировании технологии изготовления пуль // Южно-Сибирский научный вестник. 2012. № 2 (2). С. 79–80.

References

1. Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 «On State forensic expert activity in the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

2. Zaentsev I. V. Neural networks: basic models. Voronezh, 1999.

3. Melnikov E. B. Expert situations in identification studies of narcotic drugs and psychotropic substances. In the collection: Actual problems of combating crime: questions of theory and practice: mat. XXIV International scientific and Practical conference. Krasnoyarsk, 2021. P. 217–219.

4. Mikhalevich Yu. S., Tkachenko V. V. Using convolutional neural networks for car license plate recognition. Advantages and disadvantages in comparison with the template method // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. № 120 // URL://http://ej.kubagro.ru/2016/06/pdf/112.pdf.

5. National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030. Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

6. Novikov A. V., Slabkaya D. N. Genesis of classification of expert tasks in forensic expert activity // Issues of Russian and international law. 2021. Vol. 11. No. 7A. P. 286–292.

7. Ponkin I. V., Redkina A. I. Artificial intelligence from the point of view of law // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2018. Vol. 22. No. 1. P. 91–109.

8. Selivanov E. V., Struzhantsev A. I. Artificial intelligence technologies // Central Scientific Bulletin. 2018. Vol. 3. No. 6 (47). P. 44–47.

9. Sysenko A. R. The concept of expert situation in forensic examination. In the collection: Problems of criminalistic science, investigative and expert practice: collection of scientific works // pre. ed. Ya. M. Mazunin. Omsk, 2021. P. 66–69.

10. Tushkina T. M., Vereshchagin P. V., Ermilov E. E. The use of artificial neural networks in the design of bullet manufacturing technology // South Siberian Scientific Bulletin. 2012. No. 2 (2). P. 79–80.

Информация об авторе

А. И. Хмыз — начальник кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. I. Khmyz — Head of the Department of Forensic Activity of the Educational and Scientific complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-291-298
NIION: 2003-0059-3/22-325
MOSURED: 77/27-003-2022-03-524

Аудиовизуальное произведение как правовая категория: межотраслевой аспект

Наталья Михайловна Чепурнова[1], Михаил Юрьевич Соловьев[2]
[1,2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
[1] Chepurnovana@mail.ru
[2] Solmiha@mail.ru

Аннотация. Осуществлен анализ теоретико-правовых аспектов аудиовизуального произведения как правовой категории. Уточнена правовая сущность, признаки и природа понятия «аудиовизуальное произведение», раскрыт ее межотраслевой характер. Обоснована необходимость установления публично-правовой охраны и административно-правового режима аудиовизуальных произведений.

Ключевые слова: аудиовизуальное произведение, публично-правовая охрана, административно-правовой режим аудиовизуальных произведений, защита авторских и смежных прав на аудиовизуальные произведения

Для цитирования: Чепурнова Н. М., Соловьев М. Ю. Аудиовизуальное произведение как правовая категория: межотраслевой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 291–298. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-291-298.

Original article

Audiovisual work as a legal category: inter-branch aspect

Natalia M. Chepurnova[1], Mikhail Yu. Soloviev[2]
[1,2] Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia
[1] Chepurnovana@mail.ru
[2] Solmiha@mail.ru

Abstract. The analysis of theoretical and legal aspects of an audiovisual work as a legal category is carried out. The legal essence, signs and nature of the concept of «audiovisual work» are clarified, its intersectoral nature is revealed. The necessity of establishing public-legal protection and administrative-legal regime of audiovisual works is substantiated.

Keywords: audiovisual work, public law protection, administrative and legal regime of audiovisual works, protection of copyright and related rights to audiovisual works

For citation: Chepurnova N. M., Soloviev M. Yu. Audiovisual work as a legal category: inter-branch aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):291–298. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-291-298.

Научный интерес к правовым аспектам функционирования аудиовизуальной сферы обусловлен ролью и тем местом в жизни общества постмодерна, которое она занимает. Есть основания признать, что бытие социума и человека в XXI в. невозможно представить без аудиовизуальной продукции, рост производства и потребления которой постоянно возрастает. Современный «аудиовизуальный мир» — это не только кинематографические произведения, но и все иные произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы, и иные подобные произведения).

© Чепурнова Н. М., Соловьев М. Ю., 2022

За последние годы информационно-коммуникационные технологии способствовали динамичному развитию аудиовизуальной сферы, которая приобретает все более глобальный характер. Массово тиражируется набор и контент аудиовизуальных произведений. С развитием технологических средств записи и воспроизведения происходит все большее сближение между различными видами аудиовизуальных произведений и способами их использования (трансляции). Об этом, в частности, свидетельствует происходившее в свое время бурное развитие онлайн-кинотеатров и стриминговых сервисов (предоставляющих услуги по просмотру фильмов и иных произведений без их непосредственного «скачивания» на устройство).

Однако, следует признать, что эти позитивные процессы вызвали ряд проблем правового характера, касающихся, прежде всего, обеспечения легального оборота аудиовизуальных произведений, особенно в информационно-коммуникационном пространстве. Использование бесплатных способов просмотров аудиовизуального контента в сети Интернет и иные нарушения интеллектуальных прав авторов аудиовизуальных произведений приобрели массовый и перманентный характер.

Для установления наиболее адекватного правового режима объектов аудиовизуальной сферы возникла необходимость определения понятий и категорий новых явлений, уточнения сущности и правовой природы такого базового понятия как «аудиовизуальное произведение», а также характера возникающих на его основе правоотношений. Решение этих теоретико-правовых вопросов позволит раскрыть состояние и круг имеющихся правовых проблем, наметить пути их решения, определить характер и систему правовых средств защиты (охраны) авторских и смежных прав на аудиовизуальные произведения.

Аудиовизуальные произведения, в основе которых, как известно, находится духовно-интеллектуальная и эстетическая составляющая, создаются в сфере искусства и доносятся до массового потребителя [13, с. 52]. В объективном смысле они представляют собой результат (продукт) творческой деятельности людей. В процессе их создания и последующего потребления между субъектами возникают различного рода общественные отношения, требующие своего правового регулирования. В этом смысле аудиовизуальные произведения представляют собой объект правоотношений, и в зависимости от характера общественных отношений и круга их субъектов имеют либо частно-правовую, либо публично-правовую природу. При этом нормативное правовое регулирование оборота «аудиовизуального произведения» придает ему характер правовой категории.

Во второй половине XX в. произошло осознание неполноты и узкого подхода к определению кинематографических трактовок произведений, связанных с движущимся изображением («кинофильм», «телефильм» и т. п.). Возникла необходимость в выработке обобщенной дефиниции (правовом конструкте) для обозначения произведений кино, телевидения, видео и иных объектов, основанных на зрительном и слуховом восприятии. В результате этого в официальный и научный оборот была введена такая правовая категория, как «аудиовизуальное произведение» [7, с. 83]. Так, в отечественном законодательстве она впервые была использована с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. [5]; в ст. 134 Основ к объектам авторского права, наряду с другими, были отнесены аудиовизуальные произведения, а именно: кино-, теле- и видеопроизведения.

В последующем определение «аудиовизуальное произведение» было дано в ст. 4 Закона РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» [4]. В настоящее время его легальное определение содержится в ч. 1 ст. 1263 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1].

Анализ действующей дефинитивной нормы ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель в ней выделил:

1) общие черты аудиовизуального произведения как произведения, состоящего из зафиксированной серии связанных между собой изображений и предназначенного для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств;

2) разновидности аудиовизуального произведения — кинематографические, теле- и видеофильмы, и другие подобные произведения.

При этом перечень видов аудиовизуальных произведений оставлен открытым. Представляется, что такой подход соответствует логике развития аудиовизуальной отрасли и позволяет новациям аудиовизуальной сферы вписываться в установленное за-

конодательное определение аудиовизуального произведения.

Весьма продуктивным является компаративное сопоставление легального определения аудиовизуального произведения с его дефиницией, закрепленной в ранее действовавшем законодательстве. Их сравнение позволяет сделать выводы о том, что в действующей дефиниции:

1) вместо термина «кадр» используется более широкое понятие — «изображение», что позволило расширить круг охраняемых объектов;

2) из числа аудиовизуальных произведений исключены диафильмы, слайдфильмы, как реликты предыдущей эпохи аудиовизуальной индустрии.

Обоснованно отмечается, что внесенные в законодательство коррективы отражают объективные процессы технологического развития, приводящие к закономерному появлению новых форм технической репрезентации [14].

В литературе также высказываются предложения, направленные на совершенствование законодательного определения аудиовизуального произведения. Так, Я. А. Гончарова считает необходимым имеющиеся в нем слова «состоящего из зафиксированной серии связанных между собой изображений» заменить на слова: «состоящее из зафиксированной последовательности изображений» [9, с. 16].

Данное предложение обосновывается тем, что в определении аудиовизуального произведения, как утверждает Я. А.Гончарова, не нашел отражения такой его квалифицирующий признак, как динамизм (динамичность, эффект движущегося изображения), благодаря которому совокупность сменяющихся изображений создает непрерывность развития сюжета [9, с. 11]. Такое же, по сути, предложение высказывают Е. А. Мельник и О. Г.Селютина, обосновывая необходимость дополнения нормы ч. 1 ст. 1263 ГК РФ словами «последовательно сменяющихся изображений, при воспроизведении создающих эффект движения» [13, с. 55].

Для определения обоснованности высказанных предложений по корректировке легального определения аудиовизуального произведения представляется необходимым проанализировать вопрос о его признаках (отличительных чертах), что будет способствовать уяснению правовой сущности и природы объекта правоотношений.

В литературе сложились различные подходы по рассматриваемому вопросу. Так, Я. А. Гончарова в качестве одного из существенных признаков аудиовизуального произведения называет «динамичность серии изображений, наличие «эффекта движущегося изображения»» [9, с. 11]. Такой подход поддерживают Е. А. Мельник и О. Г. Селютина, которые также выделяют в качестве характеристики наличие динамичного, движущегося изображения [13, с. 55].

В научной литературе, наряду с динамичностью изображения (наличие движущейся картинки), в качестве существенного признака аудиовизуального произведения также выделяются иные признаки.

Так, С. В. Никитенко не делает акцент на том, что аудиовизуальному произведению обязательно должен быть присущ динамизм (динамичность, эффект движущегося изображения) и выделяет такие признаки, как:

1) изображение и звук как его составные элементы;

2) исключительная предназначенность для зрительного и слухового восприятия (т. е. перцептивная ограниченность аудиовизуального произведения);

3) обязательность визуальной составляющей;

4) множественность изображений, которые образуют серию;

5) обязательная связанность между собой изображений;

6) техническая опосредованность [14].

В связи с таким подходом следует отметить, что ранее в соответствии с определением, установленным в ст. 4 Закона РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», диафильмы и слайдфильмы относились к числу разновидностей аудиовизуальных произведений, несмотря на то, что отличаются неподвижностью сменяющихся изображений.

Представляется, что наличие движущегося изображения имеет отношение к форме выражения аудиовизуального произведения, а не к его сущности (существенному признаку). И само по себе движущееся изображение не обеспечивает наличия характера именно аудиовизуального произведения.

Безусловно, для аудиовизуального произведения характерно наличие движущегося изображения (динамизм), однако вряд ли есть основания считать его существенным и определяющим признаком. Более

значимыми представляется наличие иных свойств аудиовизуального произведения, определяющих его сущностный характер.

Так, интерес представляет позиция Я. А. Гончаровой, которая выделила семь существенных признаков аудиовизуального произведения [9, с. 12]. В качестве одного из признаков она выделает признак «триумвират авторов». При этом отметим, что наличие авторства (в том или ином составе) относится не к отличительному признаку аудиовизуального произведения, а к субъектному составу возникающих правоотношений.

Не совсем удачным является использование автором самого термина «триумвират», обозначающего разновидность политического режима. Более точным в данном случае представляется использование такого термина как «творческий союз трех лиц», поскольку согласно ч. 2 ст. 1263 ГК РФ авторами аудиовизуального произведения являются три лица. К их числу относятся: режиссер-постановщик, автор сценария, композитор, являющийся автором музыкального произведения (с текстом или без текста), специально созданного для этого аудиовизуального произведения.

Иные лица, внесшие творческий вклад в создание аудиовизуального произведения (оператор-постановщик, художник-постановщик и др.), обладают авторскими правами каждый на свое произведение, но не имеют авторских прав на аудиовизуальное произведение в целом (ч. 5 ст. 1263 ГК РФ). Именно в этом усматривается специфика отечественного правового режима аудиовизуальных произведений [10, с. 101].

Кроме того, согласно абз. 4 п. 83 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» не дает оснований к признанию соавторства оказание автору или соавторам технической и иной помощи, не носящей творческого характера [3].

В силу п. 3 ст. 1263 ГК РФ за авторами музыкального произведения (с текстом или без такового), использованного в аудиовизуальном произведении, сохраняется право на вознаграждение при публичном исполнении (либо сообщении в эфир или по кабелю), в том числе путем ретрансляции этого аудиовизуального произведения.

В литературе обоснованно отмечается, что, в отличие от других проявлений творчества, специфика аудиовизуального произведения заключается в том, что оно имеет форму единого цельного объекта, объединяя в себе результаты интеллектуальной деятельности разных лиц [13, с. 52]. По этой причине на аудиовизуальное произведение возникает особое авторское право, так как его невозможно квалифицировать как созданное в соавторстве [8, с. 97].

От авторов аудиовизуального произведения следует отличать его изготовителя (продюсера) — лица, организовавшего создание этого произведения, права которого определяются в соответствии со ст. 1240 ГК РФ. Изготовителю принадлежит исключительное право на аудиовизуальное произведение в целом, если иное не вытекает из договоров, заключенных им с авторами аудиовизуального произведения, указанными в п. 2 ст. 1263 ГК РФ. Изготовитель при любом использовании аудиовизуального произведения вправе указывать свое имя или наименование либо требовать такого указания. При отсутствии доказательств иного, изготовителем аудиовизуального произведения признается лицо, имя или наименование которого указано на этом произведении обычным образом (абз. 3 ч. 4 ст. 1263 ГК РФ).

В своем исследовании Я. А. Гончарова также относит к существенным признакам аудиовизуального произведения его особый творческий характер, выражающийся в применении выразительных средств кинематографии, своеобразном совмещении текста и видеоряда и тому подобные элементы [9, с. 12]. Однако, такой подход не бесспорен, речь здесь необходимо вести не об особом творческом характере произведения, а о творческом труде, выраженном в профессиональном использовании средств (художественных, технических и т. д.) при его создании.

Важной чертой аудиовизуальных произведений является их создание творческим трудом (внесением личного творческого вклада), что прямо закреплено в ст. 1228, 1257, 1258 ГК РФ. При этом оказание только технического, консультационного, организационного или материального содействия, а также осуществление контроля за выполнением соответствующих работ, не приводит к признанию авторства аудиовизуального произведения (абз. 2 ч. 1 ст. 1228 ГК РФ).

Именно творческий труд, где под таковым понимается труд, создающий нечто новое, оригинальное, креативное и тому подобное, является главным признаком для признания гражданина автором аудиовизуального произведения и предусматривает исполь-

зование правовых механизмов защиты его прав. В этом смысле аудиовизуальное произведение — это новое, единое и самостоятельное произведение; своеобразный синтез, «сплав», вобравший в себя отдельные произведения. Так, в актах высших судебных органов подчеркивалось, что отсутствие новизны и оригинальности не исключает творческого труда [6, п. 28].

Данная позиция подтверждена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», в п. 80 которого сказано, что «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права» [3].

Также следует отметить, что наличие такого признака, как творческий труд, внесение личного творческого вклада в создание аудиовизуального произведения позволяет его отграничить от иных схожих объектов, которые имеют иную природу и не подпадают под правовую защиту.

Например, соотношение аудиовизуального произведения с одним из таких объектов — видеозаписью, где аудиовизуальное произведение всегда является видеозаписью, тогда как видеозапись не всегда является аудиовизуальным произведением. Именно форма видеозаписи позволяет аудиовизуальному произведению быть воспринятым зрителями и стать законодательно охраняемым объектом [13, с. 55].

Однако, если видеозапись лишь запечатлевает предметы и явления объективной реальности, то аудиовизуальное произведение — это совместный творческий труд в соответствии с определенным сценарием, с соблюдением сюжетной линии и совершением иных тому подобных действий. Целый ряд исследователей отмечают синтетический, комплексный характер аудиовизуального произведения, в силу того, что оно включает в себя разнообразные объекты авторского права [7, с. 84].

Проведенный анализ позволяет выделить ряд существенных признаков аудиовизуального произведения. Представляется, что к таковым следует отнести следующие существенные отличительные черты: творческий труд авторов (внесение личного творческого вклада в создание); наличие сюжета; зрительное и, как правило, слуховое восприятие зафиксированных и связанных между собой изображений; использование специальных технических устройств. Совокупность указанных признаков придает созданному произведению характер аудиовизуального. Представляется, что данные признаки должны учитываться при определении правового режима использования аудиовизуальных произведений, установлении механизма правовой защиты интересов правообладателей, в том числе в цифровом пространстве.

Исследование вопроса о существенных признаках аудиовизуального произведения важен не только с теоретической, но и практической точки зрения, так как с ним связан вопрос о правообладании авторов и возможности использования правовых механизмов защиты прав. Так, В. А. Жданов обоснованно обращает внимание на возникающие на практике вопросы о правомерности отнесения того или иного произведения к аудиовизуальным при наличии всех основных черт [12, с. 6].

Проблемы защиты интересов и прав правообладателей обусловлены тем, что такая защита прав авторов аудиовизуального произведения в силу отнесения их к авторским и смежным правам и закреплению их в нормах гражданского законодательства предопределили их гражданско-правовую сущность и в большей степени гражданско-правовое регулирование. Это прямо вытекает из положений ч. 1 ст. 1259 ГК РФ. Аудиовизуальное произведение также, согласно норме ч. 1 ст. 1240 ГК РФ, признается сложным объектом авторского права, включающим несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Однако, гражданско-правовая защита данных объектов интеллектуальной собственности во многом направлена на компенсацию причиненного правообладателям материального вреда, тогда как правовые механизмы защиты должны иметь превентивный характер; не решен в полном объеме порядок установления субъектов — правообладателей, а также установления процедур регистрации передачи прав на использование аудиовизуального произведения и осуществление контроля за его правомерностью. Данные превентивные меры, предусматривающие проведение регистрационных и надзорных процедур, относятся к публично-правовой сфере.

Закрепление понятия аудиовизуального произведения в нормах гражданского законодательства не

является свидетельством того, что оно имеет исключительно гражданско-правовое содержание и характер, возникающих общественных отношений в сфере оборота аудиовизуальных произведений не имеет административно-правовой природы. Правоотношения, возникающие в сфере регистрации прав авторов данного объекта, а также его дальнейшего использования, имеют не только частно-правовой, но и публично-правовой аспект.

В силу того, что аудиовизуальное произведение включает в себя разнообразные объекты авторского права, большинство исследователей обоснованно отмечают его синтетический, комплексный характер [7, с. 84]. Сохраняет свою актуальность утверждение о том, что правовой науке необходимо пересмотреть многие положения об аудиовизуальных произведениях для приведения их в соответствие с реалиями эпохи информационно-коммуникационных технологий [11, с. 37]. В наибольшей степени это касается использования механизмов административно-правовых форм и методов, установления административно-правового режима оборота аудиовизуальных произведений, особенно в сети Интернет и использования иных информационных технологий. Есть основания утверждать, что в рассматриваемой сфере не исчерпаны имеющиеся возможности публично-правового воздействия на аудиовизуальную сферу в целом, и на обеспечение прав авторов и защиту авторских и смежных прав на аудиовизуальные произведения.

В связи с этим особое значение в настоящее время приобретает комплексное исследование административно-правового аспекта категории «аудиовизуальное произведение». Аудиовизуальные произведения имеют значимость и ценность не только для их авторов и создателей, но и, будучи объектом оборота в социальной среде с использованием информационных технологий, они приобретают важное общественное значение. Как отмечают Н. А. Кулаков и М. В. Савельева, для общества особую значимость имеет не творческий труд отдельных авторов, а его итоги и возможности практического применения [15, с. 131].

В настоящее время в правовом регулировании данной сферы общественных отношений наблюдается перенос акцента правового регулирования на обеспечении интересов личности — автора, в ущерб публичным интересам, связанным с функционированием аудиовизуальной индустрии. Так, по мнению Н. Ю. Щербакова, имеет место противопоставление частных интересов отдельно взятого индивида общественно-значимым функциям интеллектуально-творческой деятельности [16, с. 56].

Важно понимать, что в содержании рассматриваемых общественных отношений, помимо частно-правового, имеется и достаточно объемный публично-правовой компонент. С учетом общественно-политической и духовно-нравственной значимости кино- и видеопродукции, государственной поддержки кинематографа, необходимо создание административно-правового режима, обеспечивающего условия для деятельности авторов аудиовизуальных произведений, регистрационной и контрольно-надзорной деятельности, и использования иных административно-правовых форм и методов регулирования общественных отношений в аудиовизуальной сфере.

В связи с этим повышается роль государственного управления аудиовизуальной сферой, в рамках которого необходимо обеспечить баланс между частными и публичными интересами, касающимися создания и использования аудиовизуальных произведений. Необходим научный поиск, разработка и внедрение адекватных административно-правовых механизмов и способов юридической защиты авторских и смежных прав на аудиовизуальные произведения, соответствующих современным информационным реалиям и устойчивым трендам в аудиовизуальной сфере.

Список источников

1. Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СР РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

2. Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 29 авг.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ» // URL://http://-www.consultant.ru/document/

4. Закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (утратил силу) // Российская газета. 1993. 3 авг.

5. Основы гражданского законодательства Союза

СССР и республик, утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 (утратили силу) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (утратило силу) // Российская газета. 2009. 22 апр.

7. Андрианова М. С. Правовая охрана аудиовизуального искусства (кинематографа): этапы развития // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. № 15 (137). С. 82–92.

8. Гаврилов Э. П. Комментарий к Закону РФ «Об авторском праве и смежных правах». М. : Экзамен, 2005.

9. Гончарова Я. А. Проблемы реализации и защиты интеллектуальных прав на аудиовизуальные произведения в сети Интернет: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2018.

10. Гринь Е. С. Реестры сложных объектов интеллектуальных прав (на примере аудиовизуальных произведений) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 99–105.

11. Дроздов А. В. Становление законодательства о кинематографии в Российской Империи // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2012. № 3. С. 37–41.

12. Жданов В. А. Регулирование использования аудиовизуальных произведений по праву ВТО // Международное публичное и частное право. 2013. № 2. С. 6–11.

13. Мельник Е. А. Аудиовизуальные произведения как объект гражданских правоотношений / Е. А. Мельник, О. Г. Селютина // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 51–57.

14. Никитенко С. В. Публичный показ и публичное исполнение аудиовизуального произведения. Красноярск : СФУ, 2017 // URL://http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/68539.

15. Кулаков Н. А. Межотраслевая природа права интеллектуальной собственности: административно-правовой и гражданско-правовой аспекты / Н. А. Кулаков, М. В. Савельева // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по мат. X междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) / под общ. ред. А. И. Каплунова. М., 2019. С. 130–135.

16. Щербаков Н. Ю. Эволюционный подход к феномену творчества и особенности организации творческой личности // Человек: индивидуальность, творчество, жизненный путь: сб. ст. / под ред. В. Н. Келасьева. СПб., 1998. С. 53–58.

References

1. Part Four of the Civil Code of the Russian Federation No. 230-FZ of December 18, 2006 // SZ RF. 2006. No. 52 (h. I). St. 5496.

2. Federal Law No. 126-FZ of August 22, 1996 «On State Support of Cinematography of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 1996. 29 Aug.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 dated April 23, 2019 «On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation» // URL://http://www.consultant.ru/-document/

4. Law of the Russian Federation No. 5351-1 of July 9, 1993 «On Copyright and Related Rights» (expired) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. 3 Aug.

5. Fundamentals of civil legislation of the USSR and the Republics, approved. USSR Armed Forces No. 2211-1 on May 31, 1991 (expired) // Vedomosti of the SND and the Supreme Soviet of the USSR. 1991. No. 26. St. 733.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 of March 26, 2009 «On some issues arising in connection with the entry into force of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation» (expired) // Rossiyskaya Gazeta. 2009. 22 Apr.

7. Andrianova M. S. Legal protection of audiovisual art (cinematography): stages of development // Bulletin of the Russian State University. Series: Economics. Management. Right. 2014. No. 15 (137). P. 82–92.

8. Gavrilov E. P. Commentary on the Law of the Russian Federation «On Copyright and Related Rights». M. : Exam, 2005.

9. Goncharova Ya. A. Problems of realization and protection of intellectual rights to audiovisual works on the Internet: diss. ... cand. jurid. M., 2018.

10. Grin E. S. Registries of complex objects of intellectual rights (on the example of audiovisual works) // Actual problems of Russian law. 2017. No. 8 (81). P. 99–105.

11. Drozdov A. V. Formation of legislation on cinematography in the Russian Empire // Intellectual property. Copyright and related rights. 2012. No. 3. P. 37–41.

12. Zhdanov V. A. Regulation of the use of audiovisual works under WTO law // International public and private law. 2013. No. 2. P. 6–11.

13. Melnik E. A. Audiovisual works as an object of civil legal relations / E. A. Melnik, O. G. Selyutina // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 6. P. 51–57.

14. Nikitenko S. V. Public display and public performance of an audiovisual work. Krasnoyarsk : SFU, 2017 // URL://http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/68539.

15. Kulakov N. A. The intersectoral nature of intellectual property law: administrative-legal and civil-legal aspects / N. A. Kulakov, M. V. Savelyeva // Actual problems of administrative and administrative procedural law: collection of articles on mat. X international scientific and practical conference (Sorokin readings) / under the general editorship of A. I. Kaplunov. M., 2019. P. 130–135.

16. Shcherbakov N. Yu. Evolutionary approach to the phenomenon of creativity and features of the organization of a creative personality // Man: individuality, creativity, life path: sat. art. / under Edited by V. N. Kelasyev. St. Petersburg, 1998. P. 53–58.

Информация об авторах

Н. М. Чепурнова — заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

М. Ю. Соловьев — магистрант программы «Правовое обеспечение государственного и муниципального управления» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the authors

N. M. Chepurnova — Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Department «Higher School of Jurisprudence» of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

M. Yu. Soloviev — Master's student of the program «Legal Support of State and Municipal Administration» of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья
УДК 34.343
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-299-303
NIION: 2003-0059-3/22-326
MOSURED: 77/27-003-2022-03-525

Осмотр электронных средств связи

Любовь Евгеньевна Чистова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tchistova-lubov@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены тактические приемы осмотра компьютеров/ноутбуков и телефонов/смартфонов. Даны рекомендации по их изъятию и упаковке с целью предупреждения потери информации, содержащейся в этих устройствах.

Ключевые слова: компьютер, ноутбук, телефон, смартфон, следственный осмотр

Для цитирования: Чистова Л. Е. Осмотр электронных средств связи // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 299–303. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-299-303.

Original article

Inspection of electronic communications

Lubov E. Chistova
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tchistova-lubov@yandex.ru

Abstract. Tactical methods of inspection of computers/laptops and phones/smartphones are considered. Recommendations are given for their removal and packaging in order to prevent the loss of information contained in these devices.

Keywords: computer, laptop, telephone, smartphone, investigative examination

For citation: Chistova L. E. Inspection of electronic communications. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):299–303. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-299-303.

Наиболее распространенным следственным действием по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемым с помощью Интернета и иных электронных средств связи выступает следственный осмотр.

Учитывая особенности таких преступлений, а именно, что в процессе их совершения остаются так называемые, виртуальные следы, содержащиеся на экранах мониторов компьютеров, ноутбуков, индикаторных панелях, флеш-картах, съемных винчестерах, компакт-дисках и т. д., наиболее часто проводится осмотр этих предметов.

Однако, необходимо обратить внимание, что следственный осмотр этих предметов проводить без специалистов в области компьютерных знаний нельзя, поскольку непрофессиональное обращение с этими объектами может повлечь уничтожение доказательственной информации по делу [2, с. 45–62].

Кроме того, специалисты для выявления информационных следов используют современную технику, разработанную для выявления специфической информации, находящейся в этих устройствах, к которой относятся «Мобильный криминалист», «UFED», «XRY» и др., позволяющие входить в операционную систему в обход паролей и логинов.

В частности, обнаруженные информационные следы могут указывать не только на посещение пронаркотических сайтов, но и на общение с конкретными лицами, а также на предмет такого общения, что может подтверждать переписка пользователя со своими соучастниками или с иными лицами, имеющими отношение к незаконному обороту таких

© Чистова Л. Е., 2022

средств; сведения об управлении счетами электронных платежных систем; геолокации, схемы или фотографии мест закладок, свидетельствующие о посещении этих мест конкретным лицом и т. д.

Содержаться такие следы могут в списке контактов, имеющихся на том или ином устройстве в телефонной книге или журнале звонков; смс-сообщениях; данных браузера (например, истории посещения социальных сетей «ВКонтакте», «Facebook», «Одноклассники» и т. д.; приложениях (WhatsApp, Viber, Brosix, Telegram и др.), памяти телефона, картах памяти.

Ценную информацию можно получить при исследовании жесткого диска персонального компьютера, его оперативной памяти и сетевой карты, по уникальному номеру которой провайдер идентифицирует своих клиентов. Установление IP- и MAC-адресов позволит правоохранительным органам доказать причастность конкретного лица к незаконному обороту рассматриваемых нами средств и определить ту роль, которую он выполняет в преступном сообществе.

Исследование электронных платежных систем, которыми пользовался виновный в незаконном обороте наркотических средств, позволит установить не только, кому он переводил денежные средства, но и кто ему отправлял переводы и на какую сумму. Следует отметить, что в последнее время в расчетах по сделкам с наркотическими средствами и психотропными веществами все чаще используется Bitcoin, для операций с которым гарантируется полная анонимность. При обнаружении виртуальных следов, подтверждающих факт посещения данным лицом конкретных сайтов с целью приобретения или сбыта такой валюты, можно предположить, что оно в своей незаконной деятельности использует средства такого расчета для ее засекречивания.

В связи с этим с помощью материальной информации, содержащейся в информационных следах, возможно выявить стадии преступной деятельности в рассматриваемой сфере, поскольку, как мы уже ранее отмечали, все незаконные действия с наркотическими средствами между собой тесно связаны.

Следует заметить, что тактические приемы осмотра компьютеров, телефонов, смартфонов и др. электронных средств связи имеет свои особенности.

Так, осмотр компьютеров требует тщательной подготовки.

Прежде всего, как мы уже отмечали, к участию в данном следственном действии следует пригласить соответствующего специалиста и вместе с ним выяснить количество и тип компьютерной техники, вид его программного обеспечения и характер взаимодействия (соподчиненности) устройств, наличие аппаратных и программных средств защиты от несанкционированного доступа. После чего определить возможные меры безопасности, предпринятые преступниками с целью уничтожения доказательств по делу.

Следует отметить, что при проведении данного следственного действия, следователь и другие участники должны знать и соблюдать общие правила обращения с компьютерной техникой и носителями информации, несоблюдение которых может привести к потере важной для расследования информации.

Особо следует обратить внимание на устройства, предназначенные для обмена информацией с другими компьютерами. Ими могут быть модемы или другие устройства (например, Wi-Fi), которые имеют возможность обмена сообщениями с другими компьютерами, телефаксными аппаратами, коммуникаторами и мобильными телефонами.

Осмотр компьютеров может производиться как в помещениях, где они установлены, так и в служебном кабинете следователя, куда после изъятия доставлена компьютерная техника.

При осмотре компьютерной техники следует обращать внимание на правильность внесения записей в протокол следственного действия, для чего необходимо:

• установить и зафиксировать в протоколе осмотра и прилагаемой к нему схеме расположение всех компьютеров в сети, их периферийных устройств, наличие сервера, места прокладки кабелей, устройств телекоммуникации (модемов, факс-модемов), их расположение и подключение к каналам телефонной связи;

• отразить в протоколе название (обычно указывается на лицевой стороне), серийный номер, комплектацию (наличие и тип дисководов, сетевых карт, разъемов и др.), наличие соединения с локальной вычислительной сетью и (или) сетями телекоммуникации, состояние устройств (со следами вскрытия или без);

• описывая внешнее состояние техники, следует обращать внимание на места подключения (напри-

мер, соединительный кабель между коммуникационными портами принтера и системным блоком компьютера) периферийных устройств, винты крепления крышек корпуса, поверхности под системным блоком, монитором и другими устройствами. Обычно в этих местах происходит скопление пыли, а значит, могут остаться следы, наличие или отсутствие которых должно быть отражено в протоколе. Также должно быть отмечено наличие и состояние всех пометок, пломб, специальных знаков и наклеек (инвентарных номеров, записей на память, контрольных маркеров фирм-продавцов и др.), нанесенных на корпуса и устройства компьютеров, наличие загрязнений, механических повреждений и их локализация;

• точно описать порядок соединения между собой указанных устройств, промаркировав (при необходимости) соединительных кабелей и портов их подключения, после чего разъединить устройства компьютера;

• в протоколе фиксируется, какие файлы или программы скопированы и откуда, время начала и окончания копирования, количество копий. Указываются физические носители, на которые скопирована информация, их упаковка, технические характеристики принтера, который был использован для распечатки компьютерной информации.

При копировании информации с жесткого диска следует учитывать, что современные винчестеры имеют значительный объем дискового пространства и скопировать всю содержащуюся там информацию невозможно. Поэтому необходимо выбрать самое важное. Если оценить важность той или иной программы затруднительно, то для создания копий можно использовать архивацию (сжатие) информации.

Кроме компьютеров и периферийного оборудования, должны исследоваться носители компьютерной информации (оптические диски, съемные винчестеры, компакт-диски, флеш-карты и т. п.). Устанавливается, имеются ли на указанном объекте следы рук, механические повреждения. В протоколе указывается место обнаружения каждого носителя, температура воздуха, при которой они хранились, серийный заводской номер, тип, название, размеры, плотность записи, сведения об изготовителе, указываются надписи на упаковке, наклейки на носителях с соответствующими надписями, цвет материала упаковки и наклеек, состояние средств защиты записи от стирания.

Обнаруженная информация должна тщательно фиксироваться в протоколе осмотра данного компьютерного средства, особенно обратить внимание следует на вход в Интернет и сведения об обнаруженных интернет-магазинах.

В связи с этим в протоколе осмотра отражается сам факт входа на площадку «Гидра», на которой в настоящее время располагаются интернет-магазины по реализации наркотических средств.

При получении доступа к конкретному интернет-магазину следует в протоколе осмотра подробно описать его главную страницу: имеющиеся на ней изображения, надписи, разделы и т. д.; предлагаемый ассортимент наркотических средств и их название; сведения о реализованных наркотических средствах.

Необходимо также зафиксировать в протоколе учетные записи лиц, работающих в этом магазине и регионы, в которых они действуют.

Желательно обратить внимание на имеющийся в этом магазине раздел «форум» и при его осмотре отразить список сообщений, которые там оставляют поставщики наркотических средств, администраторы и клиенты.

Кроме осмотра магазина, в компьютере возможно обнаружить переписку через электронную почту, которую владелец этого осматриваемого средства вел со своими соучастниками или иными лицами, имеющими отношение в незаконному обороту наркотических средств, планы, схемы местности, где возможно оставление «закладок» наркотических средств и иную информацию, которая в последствии может стать вещественными доказательствами по расследуемому делу.

Помимо отражения полученных сведений, в протоколе осмотра компьютерного средства обнаруженная информация фотографируется, копируется специалистом на электронный носитель в документ формата Word и приобщается к протоколу осмотра компьютерного средства.

Для обеспечения дальнейшего экспертного исследования компьютерной техники требуется изымать все устройства. При изъятии, для исключения возможности доступа к компьютерной информации, разукомплектования и физического повреждения основных рабочих элементов, рекомендуется поместить технику в специальную упаковку (картонные или деревянные коробки, полиэтиленовые пакеты и др.), которые заклеиваются и опечатываются. Сле-

дует при этом отметить, что изъятие мониторов нецелесообразно.

Упаковать средства вычислительной техники необходимо:

• при наличии — в специальную тару, в которой данную технику поставляет предприятие-изготовитель;

• в картонные и деревянные коробки подходящего размера, уплотнить их прокладками из упругого материала (гофрированного картона, пенопласта, мятой бумаги и др.) с целью исключения перемещения техники внутри упаковки;

• в полиэтиленовые пакеты подходящего размера; если в пакеты упаковываются платы или блоки, необходимо принять меры для исключения повреждения микросхем (поместить плату между двумя пластинами мягкого гофрированного картона и перетянуть липкой лентой или ниткой и др.).

Следует также опломбировать упаковку (оклеить бумажными лентами с подписями следователя и понятых).

Осмотр телефонов, смартфонов и иных цифровых устройств.

Данный вид осмотра также проводится обязательно в присутствии специалиста.

Прежде чем приступить к осмотру данных объектов следует убедиться, что аккумуляторная батарея заряжена. В противном случае необходимо обеспечить его работу от электросети. Помимо этого, в месте осмотра не должны находиться предметы, обладающие сильным электромагнитным излучением.

В остальном при проведении данного следственного действия используются тактические приемы, разработанные криминалистической тактикой для осмотра предметов.

В ходе осмотра обращается внимание на наименование предмета, его размеры, цвет, конструкцию, внешний вид, материал, из которого изготовлен, модель, серийный номер, характеристику клавиатуры, а также фоновый рисунок на дисплее.

В случае обнаружения царапин, потертостей, сколов на корпусе или дисплее, следует указать, что они из себя представляют, где конкретно находятся, их количество и размеры. При залипании или иных дефектах клавиш, фиксируется какие конкретно клавиши залипают, и какие конкретно иные дефекты имеются. В случае обнаружения на корпусе телефона или смартфона наклеек или украшений, в протоколе отмечается их размещение, форма, цвет и т. д.

В обязательном порядке указывается IMEI-номер, расположенный на корпусе под аккумуляторной батареей, а также идентификационный номер, для чего необходимо нажать на клавиатуре *#06#. При этом на дисплее высвечивается 15-значный номер.

В результате осмотра SIM-карты устанавливаются ее цвет и размер, номер, логотип, индивидуальные признаки, если таковые имеются.

Информация, содержащаяся в данном мобильном телефоне или смартфоне, может быть обнаружена при исследовании содержащихся в них разделах. Так, изучение раздела «записная книга» позволяет выявить содержащиеся в данном объекте телефонные номера и сведения об их владельцах; раздела «контакты» — последних входящих и исходящих звонках, дате, времени и продолжительности соединения; «сообщения» — входящих и исходящих sms, mms, ems; адреса электронной почты как самого владельца, так и лиц, с кем он переписывался; профили в соц. сетях; личные данные, в том числе и других лиц, с кем происходило общение с осматриваемого средства; карты; фотографии, в том числе и с геопозиционными данными и другую интересующую следственные органы информацию.

Такую информацию можно получить с помощью специально установленных для этого программ для выхода в Интернет и ведения переписки (ICQ, Telegram, Jabber, Brosix, Viber, OOVOO, Vipole) и др. [1, с. 82–99].

В настоящее время преступники отдают предпочтение мессенджеру Telegram в связи с тем, что его серверы находятся за пределами России. Это не только способствует еще большей конспирации их незаконных действий, обеспечивает полную анонимность, но и за счет встроенной функции секретных чатов позволяет, используя таймер самоуничтожения, стирать посылаемые сообщения удаленно через другие устройства.

В связи с тем, что основным платежным средством за приобретение наркотических средств в настоящее время является Bitcoin, проследить транзакции владельца осматриваемого смартфона или телефона возможно с помощью специальной программы «Blockchain». При этом целесообразнее просматривать историю движения криптовалюты на ноутбуке следователя с тем, чтобы сразу можно

было переносить информацию с осматриваемого устройства.

Помимо этого, в случаях обнаружения на осматриваемых электронных средствах связи приложений синхронизации файлов, например, Яндекс.Диск, Googe-drive и др., необходимо просмотреть имеющуюся информацию «облачных хранилищ» и при необходимости также скопировать и приобщить к протоколу осмотра.

При осмотре интернет-браузера возможно проследить на какие сайты заходил владелец осматриваемого устройства, а также даты и время посещения, что также должно отражаться в протоколе осмотра и, кроме того, к протоколу приобщаются скриншоты такой информации.

Если в процессе осмотра конкретного электронного средства связи не удается просмотреть имеющиеся на нем файлы и другую информацию, необходимо использовать переносной компьютер, содержащий программы просмотра распространенных форматов файлов, таких как .doc, .docs, .pdf и другие и программы подбора паролей, например Advanced Archive Password Recovery.

Факт применения технических средств, их наименование и использованные при этом тактические приемы необходимо отразить в протоколе осмотра электронных средств связи.

Список источников

1. Земцова С. И., Суров О. А., Галушин П. В. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием интернет-технологий: учеб. пособие. М., 2019.

2. Суров О. А., Земцова С. И., Галушин П. В. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием интернет-магазинов: учеб. пособие. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2016.

References

1. Zemtsova S. I., Surov O. A., Galushin P. V. Methods of investigation of illegal sale of narcotic drugs committed using Internet technologies: textbook. manual. M., 2019.

2. Surov O. A., Zemtsova S. I., Galushin P. V. Methods of investigation of illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues committed using online stores: textbook. stipend. Krasnoyarsk : SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016.

Информация об авторе

Л. Е. Чистова — доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

L. E. Chistova — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 343.983.22
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-304-307
NIION: 2003-0059-3/22-327
MOSURED: 77/27-003-2022-03-526

Идентификация огнестрельного оружия при условии взаимозаменяемости следообразующих деталей, а также изменения их контактных поверхностей

Иван Анатольевич Чубарь
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, expert76@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы установления наличия (отсутствия) тождества оружия по его отображениям в следах на стреляных гильзах и выстрелянных снарядах в условиях взаимозаменяемости следообразующих деталей, а также при изменении (обработке) их контактирующих поверхностей. Приводятся примеры формулирования выводов судебно-баллистических экспертиз при решении вопросов идентификационного характера с целью избежания негативных последствий в рамках расследования преступлений, связанных с применением оружия. Предлагается рассматривать вопросы идентификационного характера в рамках комплексных экспертиз.

Ключевые слова: судебно-баллистическая экспертиза, комплексный подход, взаимозаменяемость следообразующих деталей и сборочных единиц оружия, доработка поверхностей следообразующих деталей

Для цитирования: Чубарь И. А. Идентификация огнестрельного оружия при условии взаимозаменяемости следообразующих деталей, а также изменения их контактных поверхностей // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 304–307. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-304-307.

Original article

Identification of firearms, provided that trace-forming parts are interchangeable, as well as changes in their contact surfaces

Ivan A. Chubar
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, expert76@rambler.ru

Abstract. The issues of establishing the presence (absence) of the identity of weapons by their representations in the traces on spent cartridges and fired shells in the conditions of interchangeability of trace-forming parts, as well as when changing (processing) their contacting surfaces are considered. Examples of the formulation of conclusions of forensic ballistics examinations in solving identification issues in order to avoid negative consequences in the investigation of crimes related to the use of weapons are given. It is proposed to consider identification issues within the framework of comprehensive examinations.

Keywords: forensic ballistic examination, an integrated approach, interchangeability of trace-forming parts and assembly units of weapons, refinement of the surfaces of trace-forming parts

For citation: Chubar I. A. Identification of firearms, provided that trace-forming parts are interchangeable, as well as changes in their contact surfaces. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):304–307. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-304-307.

По результатам проведенных сравнительных исследований[1] следов на выстреленных снарядах и стреляных гильзах эксперт может сформулировать вывод об установлении тождества конкретному экземпляру

© Чубарь И. А., 2022

[1] Здесь и далее под словами «сравнительное исследование» понимается этап сравнительного исследования в рамках предварительного исследования, производства судебно-баллистической экспертизы, а также проверки по экспертно-криминалистическим учетам.

огнестрельного оружия[2]. Под словами «конкретный экземпляр оружия» нами представляется совокупность деталей и сборочных единиц, образующих в конечном варианте оружие как составное целое и подпадающее под понятие, приводимое в нормативно-правовой и технической документации [1; 2].

Согласно действующим методикам идентификации огнестрельного оружия по следам на стреляных гильзах и выстреленных снарядах [3, с. 50, 62, 72, 82] эксперт по результатам проведенных сравнительных исследований может сформулировать пять основных выводов: категорический положительный, категорический отрицательный, вероятный положительный, вероятный отрицательный и не представилось возможным решить поставленный вопрос. При этом задачами указанных методик являются установление наличия или отсутствия тождества исследуемого экземпляра того или иного вида огнестрельного оружия по отображениям в следах его частей и деталей на стреляных гильзах и (или) выстреленных снарядах.

При формулировании категорического положительного вывода об установлении тождества объекта по следам, оставленным на стрелянных гильзах и (или) выстреленных снарядах, эксперт ссылается на устойчивый индивидуальный комплекс совпадающих признаков, выявленных в следах от различных деталей оружия. При этом выявленные различающиеся признаки в следах объясняет, в основном, условиями механизма следообразования.

Как правило, следообразующие детали в собранном оружии являются съемными. Таковыми, например, могут быть ударник с бойком, ствол, корпус магазина, выбрасыватель с зацепом, отражатель, сигнальный штифт.

В случае их замены на аналогичные после совершенного преступления и до момента его обнаружения или изъятия, а затем представления на экспертизу вывод, сформулированный экспертом, может повлиять на ход дальнейшего расследования либо одного преступления, либо нескольких с целью их дальнейшего объединения.

Например, съемный ствол в 7,62-мм пистолете обр. 1930/33 гг. конструкции Токарева (ТТ — Тульский Токарева) вполне реально может быть использован в другом экземпляре аналогичного пистолета.

В данном случае следовая картина, причем только лишь по частным признакам по умолчанию, будет не соответствовать следовой картине до указанных изменений.

Рассмотрим другой пример, когда взаимозаменяемые детали устанавливаются на оружие той же модели, но другого года выпуска. Так, например, затворная задержка в 9-мм пистолете конструкции Макарова (ПМ) в зависимости от разных годов выпуска имеет различную форму отражателя.

В данном случае следовая картина уже по общим признакам также по умолчанию будет не соответствовать следовой картине до указанных изменений.

Таким образом в момент изъятия на осмотрах мест происшествий стрелянных гильз и (или) выстреленных снарядов по факту использования одного экземпляра оружия, но с разными деталями, следы, очевидно, будут разными.

На выходе в подобных ситуациях лица, ведущие расследование, сталкиваются с довольно серьезной проблемой: получение вывода по результатам проведенных сравнительных исследований заранее не соответствующего действительности до внесенных замен (когда формулируется вывод о наличии (отсутствии) тождества конкретного экземпляра огнестрельного оружия по отображаемым признакам в следах).

По сути, эксперт в ходе проведения сравнительных исследований не должен учитывать указанные обстоятельства, которые могут возникать после совершения преступления и до момента направления объектов в экспертно-криминалистическое подразделение, а исходить из того, что ему представлено в соответствующем виде. Однако стоит, на наш взгляд, учитывать вышеуказанные обстоятельства по взаимозаменяемости деталей и формулировать вывод с их учетом.

В этой связи далее нами предлагаются формулировки выводов по результатам идентификационных экспертиз с учетом указанных особенностей.

Примеры формулировки выводов о наличии тождества.

1. Пуля, обнаруженная на месте происшествия, выстрелена из ствола пистолета № 12345, изъятого у гражданина К.

2. Пуля, обнаруженная на месте происшествия (МП-1) и пуля, обнаруженная на месте происше-

[2] Здесь и далее под словами «огнестрельное оружие» подразумевается также и огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое, сигнальное оружие, а также списанное оружие.

ствия (МП-2) выстрелены из одного и того же ствола огнестрельного оружия.

3. Гильза, обнаруженная на месте происшествия, стреляна в пистолете № 12345, представленном на экспертизу, в составе которого имеются следообразующие детали, установленные до момента производства выстрела на указанном месте происшествия.

4. Гильза, обнаруженная на месте происшествия (МП-1), и гильза, обнаруженная на месте происшествия (МП-2), стреляны в одном экземпляре огнестрельного оружия, в составе которого были установлены одни те же следообразующие детали до момента производства выстрелов на указанных местах происшествий.

Примеры формулировки выводов об отсутствии тождества.

1. Пуля, обнаруженная на месте происшествия, выстрелена не из ствола пистолета № 12345, изъятого у гражданина К., а из другого ствола, который мог быть установлен в том числе и в пистолет № 12345, изъятый у гражданина К.

2. Пуля, обнаруженная на месте происшествия (МП-1), и пуля, обнаруженная на месте происшествия (МП-2), выстрелены из разных стволов огнестрельного оружия.

3. Гильза, обнаруженная на месте происшествия могла быть стреляна в пистолете № 12345, изъятом у гражданина К. при условии произведенной взаимной замены следообразующих деталей на аналогичные от другого экземпляра огнестрельного оружия.

4. Гильза, обнаруженная на месте происшествия (МП-1), и гильза, обнаруженная на месте происшествия (МП-2), могли быть стреляны в одном экземпляре огнестрельного оружия при условии взаимной замены следообразующих деталей на аналогичные от разных экземпляров огнестрельного оружия.

Как видим, при подобных формулировках выводов у органов расследования справедливо будут возникать вопросы о том, были ли произведены замены указанных следообразующих деталей в конкретных экземплярах огнестрельного оружия после его применения на месте преступления и до момента представления на экспертизу.

Для успешного разрешения указанного вопроса, а соответственно для более полного, всестороннего и объективного исследования нами представляется целесообразным использовать в необходимых случаях комплексный подход, проводя сравнительное исследование и по установлению единого составного целого взаимозаменяемых деталей оружия. В случае установления факта замены деталей на аналогичные, экспертом в отдельных случаях реально это установить по оставляемым следам на контактирующих между собой поверхностях составных деталей. Тем самым будет достигаться полное, всестороннее и объективное сравнительное исследование указанных объектов.

Рассмотрим другую ситуацию, когда после произведенного выстрела и до момента представления оружия на экспертизу производилось изменение (доработка) поверхностей следообразующих деталей, например, в следствие ремонта или других каких-либо умышленных действий с помощью абразивных материалов.

В данной ситуации нам представляется целесообразным еще на стадии выявления и оценки следов на стреляных гильзах и выстреленных снарядах учитывать их с точки зрения механизма образования. В случае обнаружения следов, возникших в результате умышленных изменений (доработки) поверхностей следообразующих деталей оружия каким-либо обрабатывающим инструментом, учитывать данное обстоятельство при дальнейшем проведении сравнительного исследования следов, оставленных деталей оружия.

С целью исключения подобных негативных ситуаций в экспертной практике предлагается внести изменения в алгоритм проведения идентификационных исследований, включив в стадию раздельного исследования выявление и оценку признаков, указывающих на умышленное изменение следовой картины на поверхностях следообразующих деталей оружия.

В качестве предложения по упрощению данной ситуации нами предлагается внести изменения также и в нормативную базу, регулирующую оборот оружия на территории Российской Федерации в части индивидуализации следообразующих деталей оружия (например, маркирования с одноименными значениями).

Список источников

1. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 2 августа 2019 г.) «Об оружии» // СПС «КонсультантПлюс».

2. ГОСТ 28653–2018. Межгосударственный стандарт. Оружие стрелковое. Термины и определения

(введен в действие приказом Росстандарта от 10 января 2019 г. № 1-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. Ч. I. М. : ЭКЦ МВД России, 2010.

References

1. Federal Law No. 150-FZ of December 13, 1996 (as amended on August 2, 2019) «On weapons» // SPS «ConsultantPlus».

2. GOST 28653-2018. Interstate standard. Small arms. Terms and definitions (put into effect by Order of Rosstandart No. 1-st dated January 10, 2019) // SPS «ConsultantPlus».

3. Standard expert methods for the study of material evidence / ed. by Yu. M. Dildin; general ed. by V. V. Martynov. Ch. I. M. : ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.

Библиографический список

1. Кокин А. В. Заключение эксперта по судебным баллистическим экспертизам в системе доказательств по уголовным делам // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 2-2. С. 60–67.

2. Кокин А. В. Перспективные направления развития и пути совершенствования криминалистического исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39). С. 118–121.

3. Кокин А. В. Правовые и организационные проблемы назначения и проведения судебно-баллистических экспертиз и исследований // Энциклопедия судебной экспертизы. 2015. № 1 (5). С. 5–19.

4. Кокин А. В., Гиверц П. В. Проблема подклассовых признаков судебной баллистике возникновение диагностирования и влияние на идентификацию // Судебная экспертиза. 2020. № 1 (61). С. 78–96.

Bibliographic list

1. Kokin A. V. Conclusion of an expert on forensic ballistic examinations in the system of evidence in criminal cases // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2015. No. 2-2. P. 60–67.

2. Kokin A. V. Promising directions of development and ways to improve the forensic investigation of rifled firearms by traces on bullets // The rule of law: theory and practice. 2015. No. 1 (39). P. 118–121.

3. Kokin A. V. Legal and organizational problems of appointment and conduct of forensic ballistics examinations and research // Encyclopedia of Forensic Examination. 2015. No. 1 (5). P. 5–19.

4. Kokin A. V., Giverts P. V. The problem of subclass features of forensic ballistics the emergence of diagnosis and the impact on identification // Forensic examination. 2020. No. 1 (61). P. 78–96.

Информация об авторе

И. А. Чубарь — старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I. A. Chubar — Senior Lecturer of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 34.01
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-308-312
NIION: 2003-0059-3/22-328
MOSURED: 77/27-003-2022-03-527

Понятие, формы и механизм информационно-правового воздействия

Анна Сергеевна Чувальникова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, assolas88@gmail.com

Аннотация. Рассматривается понятие информационно-правового воздействия как одной из форм правового воздействия. Выделяются присущие ему признаки, виды и формы. Анализируется механизм информационно-правового воздействия. Делается вывод о системообразующей роли правосознания в качестве элемента данного механизма.

Ключевые слова: информационно-правовое воздействие, правовое регулирование, правовая информация, дезинформация, правосознание

Для цитирования: Чувальникова А. С. Понятие, формы и механизм информационно-правового воздействия // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 308–312. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-308-312.

Original article

The concept, forms and mechanism of information and legal impact

Anna S. Chuvalnikova
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, assolas88@gmail.com

Abstract. The concept of information and legal impact is considered as one of the forms of legal impact. Its inherent features, types and forms are distinguished. The mechanism of information and legal impact is analyzed. The conclusion is made about the system-forming role of legal awareness as an element of this mechanism.

Keywords: information and legal impact, legal regulation, legal information, disinformation, legal awareness

For citation: Chuvalnikova A. S. The concept, forms and mechanism of information and legal impact. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):308–312. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-308-312.

Развитие современных информационных технологий и постоянно возрастающая роль информации и различных форм социальной коммуникации делают актуальным исследование проблем влияния данных процессов на правовую жизнь. Учитывая особенности действия права в условиях информационного общества, юридическая теория предлагает рассматривать в качестве специфической формы правового воздействия «информационно-психологическое воздействие» [1–3]. Название данной формы подчеркивает объективно существующую связь между правовым воздействием, правовой информацией и психологией правового поведения. Однако, учитывая тесную связь правовой психологии с правовой идеологией [4], есть основания полагать, что правовая информация способна влиять не только на эмоциональные и поведенческие, но и на другие компоненты правового сознания. В связи с этим, для обозначения формы правового воздействия, связанной с влиянием правовой информации, нам представляется более подходящим термин «информационно-правовое воздействие». Данный термин также представляется более корректным, учитывая, что применительно к рассматриваемой форме правового воздействия речь идет о влиянии на общественные отношения не просто «информации», а именно «правовой информации».

© Чувальникова А. С., 2022

Сделанные терминологические уточнения позволяют определить *информационно-правовое воздействие как специфическую форму правового воздействия, представляющую собой процесс влияния правовой информации на общественные отношения через правосознание с целью их упорядочения, охраны и развития в соответствии с общественными потребностями.*

К признакам информационно-правового воздействия можно отнести следующие:

• во-первых, информационно-правовое воздействие *является специфической формой правового воздействия;*

• во-вторых, информационно-правовое воздействие *осуществляется посредством влияния правовой информации на общественные отношения;*

• в-третьих, информационно-правовое воздействие *направлено на правосознание*, через которое оно опосредованно оказывает влияние на поведение субъектов права и возникающие между ними отношения;

• в-четвертых, *целью информационно-правового воздействия является упорядочение, охрана и развитие общественных отношений в соответствии с общественными потребностями.*

Указанная цель, предложенная профессором С. С. Алексеевым [5, с. 209] в качестве цели правового регулирования как специально-юридической формы правового воздействия, на наш взгляд, должна быть признана обязательной и для информационно-правового воздействия, поскольку только такая цель может служить критерием для разграничения информационно-правового воздействия и дезинформации, направленной на манипулирование массовым правосознанием [6], а также политической рекламы [7] и других форм политической пропаганды [8], преследующих не правовые, а политические цели. В процессе дезинформации используется недостоверная (модифицированная или сфальсифицированная) информация о праве или неполная правовая информация, сопровождаемая комментариями, искажающими правовой смысл первоисточников, намеренно умалчивая об их полном содержании.

В зависимости от субъекта, оказывающего информационно-правовое воздействие, можно выделить два его вида: государственное и негосударственное информационно-правовое воздействие.

Государственное информационно-правовое воздействие осуществляется через официальные информационные ресурсы органов государственной власти. Это воздействие может сопровождать процесс непосредственного правового регулирования (прямого регулирующего воздействия на правовое поведение участников правовой жизни), а так же процессы правового воспитания и правового образования. Главное требование к государственному информационно-правовому воздействию — это достоверность распространяемой правовой информации и соблюдение установленных законом условий ее легализации.

В свою очередь, *негосударственное* информационно-правовое воздействие осуществляется через информационные ресурсы негосударственных субъектов права, которые могут распространять как принятые ими правовые нормы (если речь идет о негосударственных субъектах санкционированного и делегированного правотворчества — например, об органах местного самоуправления), так и акты реализации права (например, договор публичной оферты, данные о лицензировании, государственной регистрации и иная достоверная информация правового характера). Кроме того, негосударственные субъекты могут размещать и распространять официальную правовую информацию, в том числе в коммерческих целях, и нередко именно негосударственные информационно-правовые ресурсы используются субъектами права (в том числе официальными субъектами правоприменения) для получения правовой информации (работы с текстами нормативных правовых актов, судебной практикой и проч.) в наиболее удобной для ее поиска и использования форме. Таким образом, негосударственное информационно-правовое воздействие может сопровождать процессы: санкционированного и делегированного правотворчества, правореализации, правового воспитания, правового образования и развития юридической науки. Кроме того, следует отметить, что негосударственное информационно-правовое воздействие может оказывать влияние и на государственные структуры, выступая в качестве одной из правовых форм воздействия гражданского общества на государственную власть [9; 10].

Формы информационно-правового воздействия — это конкретные способы информационно-правового влияния на общественные отношения.

В качестве форм информационно-правового воздействия могут быть выделены: прямое и опосредованное информационно-правовое воздействие.

Прямое информационно-правовое воздействие предполагает передачу правовой информации, которая является первоисточником норм права и актов реализации права (тексты нормативно-правовых актов, нормативных договоров, судебных решений и т. п.), т. е. транслирует нормативную и официальную ненормативную правовую информацию, оказывающую непосредственное (нормативное или индивидуальное) регулирующее воздействие на общественные отношения. Прямое информационно-правовое воздействие может рассматриваться в качестве формы осуществления одной из завершающих стадий правотворческого или же правореализационного процессов, связанных с обнародованием соответствующих источников права или же размещением правореализационных актов.

При *опосредованном* информационно-правовом воздействии правовая информация поступает не из первоисточников, а из научных и научно-практических комментариев, учебной литературы или научных исследований, т. е. информационно-правовое воздействие осуществляется через ненормативную неофициальную правовую информацию. При этом, не следует забывать об общей цели информационно-правового воздействия, которая помогает отличить опосредованное информационно-правовое воздействие от упомянутой выше дезинформации и политической пропаганды.

Механизм информационно-правового воздействия — это совокупность взаимосвязанных элементов процесса информационно-правового воздействия.

Элементами данного механизма являются:

1) субъекты информационно-правового воздействия;

2) источники правовой информации;

3) правовая информация;

4) правосознание;

5) объект информационно-правового воздействия.

Субъекты информационно-правового воздействия — это участники процесса влияния правовой информации на общественные отношения. При этом можно выделить две группы участников данного процесса. С одной стороны, субъектами информационно-правового воздействия являются те государственные и негосударственные участники правовой жизни, которые непосредственно размещают и распространяют правовую информацию, оказывающую влияние на общественные отношения. С другой стороны, субъектами информационно-правового воздействия являются те участники правовой жизни, которые используют данную информацию, влияющую на их правовое поведение и возникающие между ними отношения. Таким образом, субъектами информационно-правового воздействия следует признать не только тех, кто оказывает это воздействие, но и тех, на чье поведение это воздействие оказывает влияние. Важно понимать, что последние тоже являются субъектами информационно-правового воздействия и притом субъектами не пассивными, в то время как объектом такого воздействия выступают общественные отношения (поведение данных субъектов). На наш взгляд, именно такое понимание «субъект — объектной» связи в механизме информационно-правового воздействия исключает превращение данной формы правового воздействия в форму тотального информационного контроля над обществом, где право выступает лишь средством легализации всеохватывающих форм подобного контроля, а общество рассматривается как пассивный исполнитель властных предписаний, не имеющий права на какое-либо участие в этом процессе и выражение своего мнения относительно пределов, форм и других вопросов, связанных с расширением сферы информационно-правового воздействия.

Источники правовой информации — это формы внешнего представления правовой информации. Они могут быть государственными и негосударственными. При этом наиболее оперативное влияние способны оказывать источники правовой информации, размещаемые с использованием информационных технологий, существенно расширяющих возможности поиска и использования данной информации.

Правовая информация, выступающая в рассматриваемом механизме как средство информационно-правового воздействия, представляет собой сведения, которые создаются в результате правотворческой, правореализационной деятельности [11, с. 13], а также содержатся в нормативно-технических, научных и справочных материалах [12]. При этом следует различать нормативную правовую информацию и ненормативную, где ненормативная правовая информация может быть официальной и неофициальной.

Правосознание, представляющее собой специфическую форму (сферу) общественного сознания, отражающую правовую действительность, выступает как «канал связи» между субъектами информационно-правового воздействия. Однако, данный «канал связи» весьма сложно организован, поэтому особенности правосознания могут оказывать существенное влияние на процесс информационно-правового воздействия. При этом достижение целей информационно-правового воздействия зависит не только от организации процесса реализации рассматриваемой формы правового воздействия, но и от характера и содержания самой правовой информации, которая, в частности, должна отвечать требованию доступности для понимания тех носителей правосознания, на правовое поведение которых оказывает влияние данная информация.

И, наконец, *объект информационно-правового воздействия* — это общественные отношения, на которые информационно-правовое воздействие оказывает влияние. Следует отметить, что круг общественных отношений, подверженных информационно-правовому воздействию, гораздо шире, чем круг общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования.

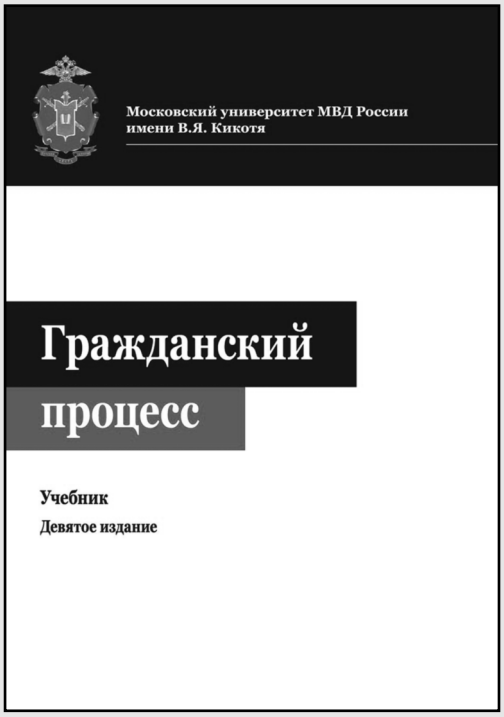
Предложенное определение, формы и структура механизма информационно-правового воздействия указывают на особую роль правосознания в процессе правового воздействия, осуществляемого в условиях современного информационного общества. Это связано с тем, что правосознание не только устанавливает связь между субъектами информационно-правового воздействия, но и выполняет роль посредника в передаче правовой информации между источником правовой информации и общественными отношениями, на которые данная информация способна оказать влияние. Таким образом, правосознание связывает воедино все элементы механизма информационно-правового воздействия и поэтому может рассматриваться в качестве системообразующего (узлового) элемента, особенности которого могут стать «ключом» к дальнейшему исследованию закономерностей процесса информационно-правового воздействия.

Список источников

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2007.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с.
Гриф МО РФ
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. Л. В. Тумановой, Н. Д. Амаглобели



На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

2. Морозова Л. Я. Теория государства и права. М. : Эксмо, 2010.

3. Палеха Р. Р. К вопросу о формах правового воздействия // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3. С. 215–218.

4. Хакимов И. А. Основные элементы структуры правосознания // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 4. С. 41–62.

5. Алексеев С. С. Теория права. М. : Издательство БЕК, 1995.

6. Прохватилов В. В. Теория дезинформации. Научные основы социального манипулирования // Информационные войны. 2021. № 4. С. 18–24.

7. Крюкова Е. В. Политическая реклама как искусство информационно-психологического воздействия // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 7. С. 1406–1411.

8. Селенина А. Л. Приемы информационно-психологического воздействия, реализуемые в пропагандистских целях // Энигма. 2020. № 17-2. С. 62–74.

9. Грачев В. С. Правовые формы воздействия на государство субъектов гражданского общества // Закон и право. 2020. № 2. С. 23–24.

10. Нуридинова А. Н., Жолдошбекова А. Ж. Правовые формы воздействия институтов гражданского общества на государственную власть // Modern Science. 2019. № 5-4. С. 272–276.

11. Куликова С. А. Информационное право России. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2010.

12. Концепция системы классификации правовых актов Российской Федерации от 29 сентября 1999 г. / А. Л. Маковский, Д. Б. Новиков, А. В. Силкина, А. Н. Симбирцев // Некоммерческий проект АО «Консультант Плюс» // URL://http://www.consultant.ru/about/nc/class/concept/

References

1. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law. M. : Jurist, 2007.

2. Morozova L. Ya. Theory of state and law. M. : Eksmo, 2010.

3. Palekh R. R. On the question of forms of legal influence // Law and the State: theory and practice. 2021. No. 3. P. 215–218.

4. Khakimov I. A. Basic elements of the structure of legal consciousness // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 41–62.

5. Alekseev S. S. Theory of Law. M. : BEK Publishing House, 1995.

6. Prokhvatilov V. V. Theory of disinformation. Scientific foundations of social manipulation // Information wars. 2021. No. 4. P. 18–24.

7. Kryukova E. V. Political advertising as the art of informational and psychological influence // Questions of political science. 2019. Vol. 9. No. 7. P. 1406–1411.

8. Selenina A. L. Methods of informational and psychological influence implemented for propaganda purposes // Enigma. 2020. No. 17-2. P. 62–74.

9. Grachev V. S. Legal forms of influence on the state of subjects of civil society // Law and Law. 2020. No. 2. P. 23–24.

10. Nuridinova A. N., Zholdoshbekova A. J. Legal forms of the impact of civil society institutions on state power // Modern Science. 2019. No. 5-4. P. 272–276.

11. Kulikova S. A. Information Law of Russia. Saratov : Sarat Publishing House. un-ta, 2010.

12. The concept of the classification system of legal acts of the Russian Federation of September 29, 1999 / A. L. Makovsky, D. B. Novikov, A. V. Silkina, A. N. Simbirtsev // Non-profit project of JSC «Consultant Plus» // URL://http://www.consultant.ru/about/nc/class/concept/

Информация об авторе

А. С. Чувальникова — доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. S. Chuvalnikova — Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 23.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 23.05.2022.

Научная статья
УДК 343.43:34.05
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-313-317
NIION: 2003-0059-3/22-329
MOSURED: 77/27-003-2022-03-528

Уголовно-правовая охрана генетической информации в зарубежном праве

Вадим Андреевич Чукреев
Прокуратура Свердловской области, Екатеринбург, Россия, prso_10@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются способы противозаконного использования генетической информации о личности как одного из видов биометрических персональных данных. Исследуются уже имеющиеся правовые механизмы противодействия таким угрозам в зарубежных странах. Сделаны предложения о пути совершенствования российского уголовного законодательства путем имплементации положительного зарубежного опыта в исследуемой сфере.

Ключевые слова: человек, личность, эксплуатация, персональные данные, генетическая информация, криминализация, незаконная эксплуатация

Для цитирования: Чукреев В. А. Уголовно-правовая охрана генетической информации в зарубежном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 313–317. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-313-317.

Original article

The criminal legal protection of genetic information in foreign law

Vadim A. Chukreev
Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia, prso_10@mail.ru

Abstract. The methods of illegal use of genetic information about a person as one of the types of biometric personal data are considered. The existing legal mechanisms for countering such threats in foreign countries are being investigated. Proposals are made on ways to improve Russian criminal legislation by implementing positive foreign experience in the field under study.

Keywords: human, personality, exploitation, personal information, genetic information, criminalization, illegal exploitation

For citation: Chukreev V. A. The criminal legal protection of genetic information in foreign law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):313–317. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-313-317.

Генетическая информация является одним из видов биометрических персональных данных. В настоящее время персональные данные используются достаточно широко и имеют важное значение для многих стран, в том числе России. В системе здравоохранения всех стан происходят серьезные изменения, в том числе в сфере оцифровки генетической информации для ее использования, что связано с охраной здоровья и профилактикой заболеваний, исследованиями в области наук о начале, продолжительности, улучшения качества жизни.

Генетическая информация содержит связанные со здоровьем данные, которые касаются наиболее интимной информации о человеке и о его частной жизни, поэтому они должны иметь особый статус, учитывающий потенциальный риск ущерба в случае их незаконного оборота.

Авторы считают, что геном человека — это еще одна операционная система, ожидающая взлома. Вся область генной инженерии основана на теории, что этими парами оснований можно манипулировать для улучшения человечества. Но поскольку затраты на доступ к этой технологии резко снижаются, методы биоинженерии становятся доступными для масс, таким образом, так называемые «биохакеры» уже работают над геномом человека [1].

© Чукреев В. А., 2022

Считается, также, что знание того, что конкретный человек имеет определенный генетический дефект, может помочь в нацеливании его или ее на совершение какого-либо преступления, вплоть до убийства или террористического акта. Поэтому сбор, анализ, охрана данных о ДНК является важным инструментом для обеспечения законной деятельности не только сферы здравоохранения, но и правоохранительных органов во всем мире. В США по данным ФБР, по состоянию на 2018 г. почти 400 тыс. случаев использовали доказательства ДНК для помощи в уголовных расследованиях более 350 человек, некоторые из которых находились в камерах смертников и были оправданы.

По состоянию на 2018 г. более 16 млн человек в Соединенных Штатах имеют свой профиль ДНК в базе данных преступников или арестованных, более двух третей из которых были добавлены за последние десять лет. Некоторые ожидают, что это число будет продолжать расти в результате решения Верховного суда 2013 г. по делу Мэриленд против Кинга, в котором суд постановил разрешить правоохранительным органам собирать ДНК у людей, которые арестованы, но которым пока не предъявлено обвинение. По состоянию на 2018 г. все штаты США собирают ДНК у лиц, осужденных за преступления, 40 штатов собирают ДНК у тех, кто осужден за уголовные правонарушения (мисдиминоры), а 30 штатов собирают ДНК даже у арестованных лиц. При этом, если арестованное лицо впоследствии не было осуждено, их данные ДНК удаляются автоматически (Иллинойс, Мэриленд и Техас) или по запросу лица.

Достаточно часто ДНК являются одним из основных доказательств по уголовным делам, например, в период с 1974 по 2004 гг. Д. Рейдер убил десять женщин. У полиции были доказательства, чтобы заподозрить Рейдера, но их было недостаточно, чтобы произвести арест, поэтому попросили предоставить в суд медицинские данные его дочери. После получения ее ДНК из образца, взятого во время гинекологического мазка, было установлено, что оно совпадает с ДНК с места преступления, что стало доказательством для ареста Рейдера, который потом признался в убийствах и был осужден в 2005 г. на десять пожизненных сроков.

Анализ ДНК помог выйти из места заключения Дэррил Ханту, который провел 19 лет в тюрьме за преступление, которого он не совершал. Следователи искали в базах данных частичное совпадение с ДНК, найденной на месте преступления и смогли связать преступление с братом Ханта.

По состоянию на 2018 г. 11 штатов, включая Калифорнию, Техас и Нью-Йорк, имеют официальные протоколы для семейного поиска ДНК, однако Мэриленд и Вашингтон, округ Колумбия, официально их запретили.

Проблемой в США был тот факт, что в 2015 г. журналисты обнаружили, что правоохранительные органы ищут информацию из баз данных ДНК потребительских генетических компаний, которым миллионы людей представили свои образцы ДНК для тестирования здоровья или родословной, в частности, компании «23andMe» и «AncestryDNA» делятся информацией ДНК клиента с полицией.

Однако, не все ученые и граждане согласны с анализом своих ДНК, например, для раскрытия преступлений. В 2018 г. выяснилось, что полиция в Калифорнии использовала публичную базу данных, куда все желающие загружали и обмениваются данными ДНК, что вызвало дополнительные споры о балансе между общественной безопасностью и конфиденциальностью.

Таким образом, с одной стороны, использование генетических данных служит обществу, в частности, помогает улучшить состояние здоровья, обнаружить преступника и раскрыть преступление, с другой стороны, необходимо создать четкие гарантии безопасности их использования [2].

В 2008 г. Конгресс США принял Закон о недискриминации генетической информации (GINA), чтобы ограничить доступ компаний медицинского страхования и работодателей к генетической информации лиц и запретить генетическую дискриминацию, чтобы предупредить незаконное использование геномной информации для дискриминации лиц, ходатайствующих о страховании жизни, долгосрочного ухода или инвалидности [3].

В США говорят о проблеме тайного тестирования ДНК (тестирование без ведома тестируемого человека), что является еще одной из потенциальных угроз конфиденциальности геномной информации людей. Некоторые компании, которые предлагают тестирование ДНК, позволяют потребителям получать генетические анализы различных биологических образцов, зачастую не требуя согласия тестируемого человека. Так, образцы ДНК могут поступать из объектов, начиная от пятен крови и заканчивая облизанным конвертом. Лаборатории могут выполнять раз-

личные тесты с использованием этих образцов ДНК, включая тестирование, связанное со здоровьем, и определение происхождения; эти тесты могут выявить конфиденциальную информацию.

Ни один федеральный закон США не запрещает тайное тестирование; во многих штатах есть законы или правила, которые регулируют геномную конфиденциальность и незаконное использование геномных данных, однако законы существенно различаются. В то время как некоторые штаты запрещают несанкционированное приобретение или анализ генетической информации, другие запрещают только несанкционированное раскрытие. Может ли генетическое тестирование быть выполнено без согласия донора, может зависеть от того, кто проводит тест, что тест пытается определить, как будут использоваться результаты и в каком состоянии проходит тестирование. Пока государство и общество расходятся во мнениях о том, как обеспечить соблюдение законов [4].

Опубликованная в 1991 г. Федеральная политика защиты человеческих субъектов, также известная как Общее правило, устанавливает базовый стандарт этики для финансируемых правительством исследований людей в Соединенных Штатах. В 2017 г. были опубликованы поправки к Общему правилу, направленные на «модернизацию, упрощение и усиление» надзора. Следователи должны информировать участников о потенциальных рисках исследования, включая риски, связанные с разглашением их личной информации. Политика обмена геномными данными NIH устанавливает руководящие принципы о том, как защитить конфиденциальность участников исследования, в то же время, предоставляя научному сообществу доступ к ценным данным исследований.

В США есть несколько баз данных, которые содержат такую геномную информацию; это (dbGaP), NHGRI Genomic Data Science Analysis, Visualization, and Informatics Lab-Space (AnVIL) и The Cancer Genome Atlas (TCGA). Чтобы получить доступ к конфиденциальным данным из одной из этих баз данных, ученые должны запросить разрешение на конкретные виды использования у комитетов по доступу к данным в NIH или курирующего органа базы данных. Важно отметить, что не вся информация в этих базах данных хранится в режиме «контролируемого доступа», некоторые данные легкодоступны практически любому.

Во многих других странах приняты новые нормы или внесены изменения в законодательство в отношении персональных данных, в том числе, генетической информации, например Закон Великобритании о защите данных от 23 мая 2018 г. персональные данные определяет как любую информацию, относящуюся к идентифицированному или идентифицируемому живому лицу.

При этом идентифицируемое живое лицо означает живое лицо, которое может быть идентифицировано прямо или косвенно, в частности, путем ссылки на: идентификатор, такой как имя, идентификационный номер, данные о местоположении или онлайн-идентификатор, или один или несколько факторов, характерных для физической, физиологической, генетической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности индивида.

В этом же разделе сказано, что нарушение персональных данных означает нарушение безопасности, ведущее к случайному или незаконному уничтожению, потере, изменению, несанкционированному раскрытию или доступу к персональным данным, передаваемым, хранящимся или иным образом обработанным [5].

В Великобритании криминализировано несколько видов деяний, связанных с исследованием генома человека, например: любой, кто закупает, хранит или использует гаметы без письменного и информативного согласия поставщика гамет либо другой генетической информации, совершает уголовное преступление, что влечет лишение свободы на срок не более 12 месяцев или штраф, не превышающий установленный законом максимум; или лишение свободы на срок не более трех лет или штраф.

Самое обширное, требующее осмысления и, возможно, заимствования законодателей других стран уголовное законодательство о противодействии незаконному обороту генетической информации, — во Франции. Так, 29 июля 1994 г., законом № 94-653 в уголовный кодекс введен разд. VI «Посягательства на человека, связанные с исследованием его генетических свойств или идентификацией посредством его генетических следов». Статья 226-25 устанавливает ответственность просто за факт изучения генетических характеристик лица в целях, отличных от медицинских или научных исследований, или в медицинских или научных исследовательских целях, без получения его предварительного согласия на условиях, предусмотренных ст. 16-10 Гражданского кодекса, что наказывается лишением свободы сроком на один год и штрафом в размере 15 тыс. евро.

В ст. 226-26 преступлением признано использование не по назначению сведений, полученных о каком-либо человеке путем изучения его генетических свойств в медицинских целях или в рамках научного исследования. В ст. 226-27 — идентификация какого-либо человека посредством его генетических следов в медицинских целях без предварительного получения его согласия в порядке, предусмотренном ст. 16-11 Гражданского кодекса, на его идентификацию по генетическим отпечаткам пальцев для медицинских целей или научных исследований или на удаление его биологических следов как восходящего, потомка или залога для целей установления, по его генетическим отпечаткам пальцев, личности лица, упомянутого в п. 3 той же статьи.

Статья 226-28 признает наказуемым факт идентификации какого-либо человека по его генетическим отпечаткам пальцев лица вне случаев, предусмотренных ст. 16-11 Гражданского кодекса, наказывается лишением свободы сроком на один год или штрафом в размере 15 тыс. евро. Такие же наказания применяются к раскрытию информации, касающейся идентификации лица по его генетическим отпечаткам пальцев или для проведения исследования генетических характеристик лица или для идентификации лица по его генетическим отпечаткам пальцев без разрешения, предусмотренного в ст. L. 1131-3 Кодекса общественного здравоохранения, и разрешения, предусмотренного в ст. L. 1131-2-1 того же кодекса.

В ст. 226-28-1 незаконным признан тот факт, что лицо запрашивает исследование своих генетических характеристик или характеристик третьей стороны или идентификацию человека по его генетическим отпечаткам пальцев вне условий, предусмотренных законом.

В УК Франции также наказуемы покушения на указанные преступления, и, что не менее важно, — установлена уголовная ответственность для юридических лиц [6].

В отличие от Франции, в УК Италии содержатся только общие нормы без выделения охраны генетической информации. Так, ст. 615 бис наказуемым признает деяние того, кто с помощью визуальных или звукозаписывающих средств ненадлежащим образом приобретает новости или изображения, касающиеся частной жизни. Данное деяние наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до четырех лет.

Если факт не является более серьезным преступлением, такое же наказание подлежит любому лицу, которое раскрывает или распространяет информацию, любыми средствами информирования общественности, новостей или изображений, полученных способом, указанным в ч. 1 настоящей статьи.

Преступления наказываются по жалобе обиженного лица; однако оно рассматривается ex officio и предусматривает наказание в виде тюремного заключения на срок от одного до пяти лет, если деяние совершено государственным должностным лицом или лицом, отвечающим за государственную службу, со злоупотреблением полномочиями или с нарушением обязанностей, присущих этой функции или службе, или теми, кто также занимается профессией частного детектива. Также виновным может быть признан любой, кто оскорбительным образом узнав о содержании, которое должно оставаться секретным, чужих действий или документов, публичных или частных, не составляющих переписку, раскрывает его, без уважительной причины, т. е. он использует его для собственной или чужой выгоды. Деяние подлежит наказанию, если повлекло за собой причинение вреда лишением свободы до трех лет или штрафом от 103 до 1032 евро.

Любой, имеющий известие, по причине своего состояния или должности, или своей профессии или искусства, о секрете, раскрывает его, без уважительной причины, т. е. он использует его для собственной или чужой выгоды может быть наказан, если деяние может привести к причинению вреда лишением свободы до одного года или со штрафом от 30 до 516 евро. При этом штраф усугубляется, если деяние совершено директорами, генеральными менеджерами, менеджерами, ответственными за подготовку бухгалтерских документов компании, обязательные аудиторы или ликвидаторы или если это совершено лицом, осуществляющим аудит компании [7].

Уголовный кодекс ФРГ (StGB) [8] также содержит общие нормы о защите конфиденциальной или персональной информации. Параграф 126а наказуемым признает незаконное распространение персональных данных, в § 201а преступлением признается нарушение сугубо личной сферы жизни и личных прав посредством записи изображения. Более общие нормы, противодействующие неправомерному доступу к информации (шпионаж данных), содержатся в § 202а: любое лицо, которое без разрешения получает доступ к данным, которые либо предназначены не для него, либо специально защищены от несанкционированного доступа, путем преодоления безо-

пасности доступа, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до трех лет или штрафа.

По § 202b УК ФРГ наказуем перехват данных; отдельно от персональных данных УК Германии защищает частную тайну (§ 203) — тайну личной жизни, коммерческую тайну физического лица или коммерческую тайну организации, известную ему как врачу, стоматологу, ветеринару, фармацевту или работнику другой медицинской профессии, (которая предполагает при осуществлении профессиональных обязанностей или при использовании профессионального звания, требует государственной подготовки), профессиональному психологу с признанным государством научным выпускным экзаменом, юристу, юрисконсульту палаты, патентному поверенному, нотариусу, защитнику в юридической регулируемой процедуре, аудитору, дипломированному бухгалтеру, налоговому консультанту, налоговому агенту или органу или члену органа адвокатов, патентному поверенному или аудитору аудиторской или налоговой консультационной компании, консультанту по вопросам брака, семьи, образования или молодежи, а также консультанту по вопросам зависимости проблемы в консультационном центре, который признан органом власти или корпорацией, учреждением или фондом публичного права, членом или аналогичным представителем признанного консультационного центра в соответствии с § 3 и 8 «Закона о конфликте беременных», признанному государством социальному работнику или признанному государством социальному педагогу, или члену частной компании по страхованию здоровья, страхования от несчастных случаев или жизни или частному медицинскому, налоговому консультанту или юридическому клиринговому центру, которому было поручена или иным образом стала известна эта тайна.

Таким образом, зарубежные уголовные законы поразному охраняют персональные данные; не все отдельно указывают генетическую информацию, но все страны признают опасность ее незаконного оборота.

На основании вышеизложенного считаем возможным дополнить Уголовный кодекс РФ новой нормой, ст. 137.1, предусматривающей ответственность за незаконное создание, собирание, фальсификацию, хранение, уничтожение, распространение персональных данных, повлекшее тяжкие последствия. Такие нормы позволили бы поставить под охрану генетическую информацию как разновидность персональных данных.

Список источников/References

1. Goodman M. Attacking the Human Genome: Biological-Based Crimes // URL://https://bigthink.com/articles/attacking-the-human-genome-biological-based-crimes/

2. Ting Wu. Genetics, law enforcement and crime // URL://https://pged.org/genetics-and-crime/

3. Gurayah A. Privacy Protections for Biomedical Research Participants // URL://https://www.genome.gov/sites/default/files/media/files/2021-04/Privacy_protection_for_biomedical_research.pdf.

4. Green E. Privacy in Genomics // URL://https://www.genome.gov/about-genomics/policy-issues/Privacy.

5. Data Protection Act 2018: UK Public General Acts // URL://https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/part/3/enacted.

6. Code pénal of France Republic. Chapter 6 // URL://https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006165397/#LEGISCTA000006165397.

7. Italy Codice Penale 2020 // URL://https://www.brocardi.it/codice-penale/libro-secondo/titolo-xii/capo-iii/sezione-v/art622.html.

8. Strafgesetzbuch (StGB) § 74d // URL://https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/__74d.html.

Информация об авторе

В. А. Чукреев — заместитель прокурора прокуратуры Свердловской области, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. A. Chukreev — Deputy Prosecutor of the Sverdlovsk Region Prosecutor's Office, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 341.45
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-318-325
NIION: 2003-0059-3/22-330
MOSURED: 77/27-003-2022-03-529

Современные особенности сотрудничества Российской Федерации и Исламского Эмирата Афганистан в сфере борьбы с преступностью

Виктор Анатольевич Шестак[1], Виталий Эдуардович Карпович[2]
[1,2] Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
[1] shestak.v.a@mgimo.ru
[2] karpovich.vitalii@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ различных аспектов взаимодействия Российской Федерации и Исламского Эмирата Афганистан в борьбе с преступностью. Раскрываются основные механизмы двустороннего организационно-правового сотрудничества. Обобщается практический опыт компетентных органов рассматриваемых государств по организации сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Затрагиваются ключевые особенности деятельности международных и региональных организаций. Освещается необходимость заключения соответствующих договоров между Россией и Афганистаном о выдаче, а также о правовой помощи по уголовным делам.

Ключевые слова: борьба с преступностью, новые вызовы и угрозы, взаимная правовая помощь по уголовным делам, Россия, Афганистан

Для цитирования: Шестак В. А., Карпович В. Э. Современные особенности сотрудничества Российской Федерации и Исламского Эмирата Афганистан в сфере борьбы с преступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 318–325. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-318-325.

Original article

Modern features of cooperation between the Russian Federation and the Islamic Emirate of Afghanistan in the field of combating crime

Viktor A. Shestak[1], Vitalii E. Karpovich[2]
[1,2] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
[1] shestak.v.a@mgimo.ru
[2] karpovich.vitalii@yandex.ru

Abstract. The analysis of various aspects of cooperation between the Russian Federation and the Islamic Emirate of Afghanistan in the fight against crime is carried out. The main mechanisms of bilateral organizational and legal cooperation are revealed. The practical experience of the competent authorities of the States under consideration in organizing cooperation in the field of criminal proceedings is summarized. The key features of the activities of international and regional organizations are touched upon. The article highlights the need to conclude relevant agreements between Russia and Afghanistan on extradition, as well as on legal assistance in criminal cases.

Keywords: fighting crime, new challenges and threats, mutual legal assistance in criminal cases, Russia, Afghanistan

For citation: Shestak V. A., Karpovich V. E. Modern features of cooperation between the Russian Federation and the Islamic Emirate of Afghanistan in the field of combating crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):318–325. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-318-325.

© Шестак В. А., Карпович В. Э., 2022

В настоящее время международное сотрудничество в борьбе с преступностью принято считать одним из ключевых направлений в деятельности государств. Такие представления обусловливаются целым рядом взаимозависимых факторов. В первую очередь, это рост транснациональной организованной преступности, в частности, киберпреступности, незаконного трансграничного оборота наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, заказных убийств и торговле людьми. Многие государства, их компетентные органы пытаются снизить уровень преступности и бороться с новыми вызовами и угрозами на качественно новом уровне. Принятие законов и криминализация особо опасных деяний, заключение соответствующих двусторонних и многосторонних соглашений, объединение государств, спецслужб или ведомств в специальные международные или региональные организации — далеко не весь перечень возможных и принимаемых на сегодняшний день мер.

Одним из примеров сотрудничества в сфере борьбы с преступностью является комплексное взаимодействие Российской Федерации и Исламского Эмирата Афганистан. Заключен целый ряд двусторонних договоров, предусматривающих взаимовыгодное сотрудничество по различным аспектам уголовного судопроизводства. В первую очередь следует выделить Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Исламского Эмирата Афганистан о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров [1]. Ключевым аспектом данного договора признается обмен информацией, проведение оперативно-разыскных мероприятий, а также оказание материально-технической помощи (ст. 3 и 4). Особое значение придается различным механизмам направления и рассмотрения «запросов о содействии» (ст. 5). В договоре упоминаются компетентные органы как от России, так и от Афганистана, осуществляющие сотрудничество в сфере противодействия незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также их прекурсоров (ст. 1). В частности, от Российской Федерации: Министерство внутренних дел (МВД РФ), Министерство здравоохранения и социального развития (Минздрав РФ), Генеральная прокуратура (ГП РФ), Федеральная служба безопасности (ФСБ РФ), Служба внешней разведки (СВР РФ), Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), Федеральная таможенная служба (ФТС РФ). От Исламского Эмирата Афганистан задействованы следующие государственные структуры: Министерство по борьбе с наркотиками; Министерство внутренних дел; Министерство юстиции; Министерство здравоохранения; Министерство сельского хозяйства; Главное Управление национальной безопасности; Министерство развития деревень; Генеральная прокуратура; Аппарат советников Совета безопасности; Таможенные службы при Министерстве финансов. При этом координация межгосударственного сотрудничества осуществляется по линии дипломатических ведомств России и Афганистана (ст. 2).

Исходя из достаточно объемного количества государственных структур, принимающих участие в борьбе с преступностью, в том числе по противодействию незаконному обороту наркотиков, можно прийти к ряду существенных выводов. Во-первых, следует отметить важность разделения полномочий между компетентными органами Российской Федерации и Исламского Эмирата Афганистан. В частности, такой подход позволяет эффективно распределять ответственность. Так, транснациональная организованная преступность, киберпреступность, террористические и экстремистские группировки (в том числе их подвиды кибертерроризм и киберэкстремизм), наркокартели зачастую обладают разветвленной системой управления [2], высокими финансовыми возможностями [3], специальной инфраструктурой [4] для осуществления противоправной деятельности. Именно поэтому налаживание международных каналов сообщения между компетентными органами и службами позволяет отследить преступников и их местонахождение, пресекать планирование и подготовку преступлений, обнаружить признаки участия преступных группировок в какой-либо сфере жизнедеятельности общества, а также прогнозировать потенциальное ухудшение или улучшение криминогенной обстановки. Во-вторых, сами по себе органы обладают своей страновой спецификой. Конечно, они не схожи и выполняют различные функции в зависимости от предполагаемой ситуации.

В свою очередь, границы межведомственного взаимодействия определяет Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Исламской Республики Афганистан от 20 сентября 2018 г. [5]. Он закрепляет формы взаимодействия государств по борьбе с преступностью, а

также порядок сотрудничества по обеспечению в сфере защиты прав и свобод человека [6]. Именно благодаря этому соглашению в 2019 г. на базе Университета Прокуратуры Российской Федерации была организована программа повышения квалификации для сотрудников органов прокуратуры Исламского Эмирата Афганистан. Целью обучения декларировался обмен практическим опытом работы по всевозможным направлениям работы современной прокуратуры, приобретением новых навыков и умений, необходимых для профессиональной деятельности [7].

Другим актом, положившим начало становлению межгосударственного сотрудничества в сфере экстрадиции, является Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Афганистан о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы [8]. В нем закреплены процессуальные аспекты по передаче лиц, в отношении которых уже имеется вступившее в силу судебное решение. Компетентными органами признаются министерства юстиции России и Афганистана. В договоре описываются механизмы направления запросов, основания в отказе, порядок передачи и транзитной перевозки осужденных. При этом передача для отбывания лиц, осужденных к лишению свободы и выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора — это не одно и то же. Крайне важно разграничивать эти понятия. До сих пор не был заключен соответствующий договор о выдаче между Афганистаном и Россией. Вместе с тем, полагаем, установление контактов компетентных органов, ответственных за выдачу преступников, могло бы позволить существенно снизить уровень транснациональной преступности в Южно-Азиатском регионе.

Афганистан как государство примечателен для юридического анализа не только нестабильной криминогенной обстановкой, но и крайне специфическим уголовным и уголовно-процессуальным законодательствами. Ведь именно правовые особенности и юридические традиции государства позволяют оценить перспективы сотрудничества по тому или иному вопросу. Так, в Афганистане принят специальный акт в области международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: Закон от 14 апреля 2013 г. «Об экстрадиции обвиняемого, осужденного лица и правовом сотрудничестве» [9]. Закон содержит ряд положений, которым стоит уделить особое внимание. Например, в соответствии со ст. 8 иностранец может быть выдан только в том случае, если заключен договор об экстрадиции. При этом женщины или дети, являющиеся гражданами Афганистана, и несовершеннолетние лица без гражданства — не подлежат выдаче в иностранное государство и несут уголовную ответственность по афганскому законодательству (ст. 7). В законе также содержатся и другие особые основания отказа в выдаче лиц, в частности, если обвиняемый или осужденный подвергается пыткам, жестокому или бесчеловечному или унижающему достоинство наказанию в запрашивающей стране или лишен гарантии обеспечения справедливых уголовных процедур, изложенных в Конституции Афганистана, других действующих законодательных документах, Конвенции ООН о гражданских и политических правах и других международных соглашениях, участником которых является Афганистан (ст. 25 «Отказ в запросе об экстрадиции»). Предусматривается и так называемый «опциональный отказ в экстрадиции» (ст. 24). Так, в выдаче может быть отказано, если она противоречит интересам афганского правительства, может подвергнуть опасности состояние здоровья обвиняемого или если выдача запрашивается в отношении лица преклонного возраста. Часто высказывается мнение о том, что толкование этого закона в некоторых своих положениях противоречит ст. 28 Конституции Афганистана [10], которая императивно требует взаимных соглашений между Афганистаном и запрашивающей страной, а также признает допустимым экстрадицию гражданина Афганистана. При этом закон не содержит положений о выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора на основе принципа взаимности, хотя это считается обычной практикой. Таким образом, несмотря на свою специфику Закон Исламского Эмирата Афганистан от 14 апреля 2013 г. «Об экстрадиции обвиняемого, осужденного лица и правовом сотрудничестве» в текущих формулировках остается неясным и содержит достаточное количество юридических коллизий, которые по сей день остаются неразрешенными.

Борьба с новыми вызовами и угрозами также стоит на повестке дня во многих международных и региональных организациях. В первую очередь, Афганистан и Россия по-прежнему являются членами Международной организации уголовной полиции (Интерпол). Международное сотрудничество и кооперация усилий, наличие общих каналов связи позволяет на более высоком и качественном уровне бороться с преступностью. Равно как и у каждого государства–члена Интерпола в рассматриваемых стра-

нах при министерствах внутренних дел имеются собственные Национальные Центральные Бюро (далее — НЦБ) Интерпола [11; 12].

В современных условиях на уровне субъектов Российской Федерации действует порядка 80 территориальных подразделений НЦБ Интерпола. Осуществляется сотрудничество в борьбе с общеуголовными преступлениями, а также поиск и передача (транзит) преступников как в иностранные государства, так и их возврат на территорию России. Хотя штатная численность сотрудников НЦБ Интерпола в Российской Федерации неизменно растет, все равно существует недостаток квалифицированных кадров, владеющих иностранными языками и специализирующихся на международном сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью. Поэтому работа ведется, по большому счету, благодаря наращиванию опыта и знаний, т. е. идет упор на практическую работу.

Что же касается Исламского Эмирата Афганистан, то НЦБ Интерпола при МВД имеет штат почти из 100 офицеров. Афганское бюро Интерпола сотрудничает с полицией и предоставляет им оперативный доступ к информации, содержащейся в базе данных Интерпола по уголовным делам. Информация, полученная из глобальных информационных источников, помогает местным службам полиции выявлять и расследовать потоки незаконных товаров по маршрутам незаконного оборота наркотиков в стране и за ее пределами.

Известен и ряд примеров взаимодействия НЦБ Интерпола в России и Афганистане. Так, 20 марта 2018 г. спецслужбы России и Афганистана при поддержке Интерпола задержали в Кабуле вербовщика одной из экстремистских группировок [13]. Фигурант оказывал непосредственное содействие террористической деятельности и финансированию терроризма, а также найме лиц для участия в вооруженных конфликтах. Совсем недавно 23 июня 2021 г. в Москве по запросу УМВД России по Брянской области был задержан за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью Артем Головатенко, скрывавшийся от российского правосудия в Афганистане [14]. Задержанию в значительной мере поспособствовали имеющиеся данные Интерпола о прибытии Головатенко из Кабула в Москву.

В рамках Организации Объединенных Наций (ООН), в частности, его подразделения, специализирующемся на борьбе с преступностью — УНП ООН, Афганистан и Российская Федерация принимают активное участие в конференциях и семинарах. Так, в 2017 г. Россия при поддержке Японии и УНП ООН предложила проект обучения рабочих собак с целью поиска наркотиков в Афганистане [15]. В марте 2021 г. стало известно, что подготовка кинологов для центра антинаркотической полиции Афганистана будет вестись в Российской Федерации. В связи с этим министр иностранных дел С. В. Лавров подчеркнул особую роль двустороннего сотрудничества России и Афганистана в сфере подготовки кадров для правоохранительных органов и вооруженных сил [16].

Российская Федерация является полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС). В свою очередь, Афганистан на текущий момент имеет лишь статус наблюдателя, хотя еще в июле 2015 г. он подал официальную заявку на полноценное членство в ШОС. В рамках ШОС учреждены структуры, специализирующиеся на борьбе с преступностью. Например, Институт сотрудничества в сфере борьбы с преступностью имеет серьезное влияние, поскольку государства–члены ШОС в 2010 г. подписали соответствующее соглашение в данной области [17]. Сферы взаимодействия в соответствии с этим актом достаточно широкие: преступления коррупционной направленности, торговля людьми, наркотрафик, незаконная миграция, киберпреступность, террористическая и экстремистская деятельность и тому подобное. Однако, Афганистан не имеет права подписывать данный документ, обладая лишь статусом государства–наблюдателя. Осложняется ситуация и в контексте проблемы признания Россией и миром правительства Афганистана, вследствие чего афганский вопрос стоит на повестке ШОС на особом контроле [18]. Не является исключением и ослабленные позиции Афганистана как государства–наблюдателя в ОДКБ.

Таким образом, высокий уровень преступности в Южно-Азиатском регионе выступает одним из ключевых факторов, влияющих на необходимость укрепления межгосударственного сотрудничества в сфере противодействия новым вызовам и угрозам. В свою очередь, законодательство Исламского Эмирата Афганистан предусматривает ряд положений, которые императивно требуют наличия двусторонних соглашений в области борьбы с преступностью. В связи с этим для реализации сотрудничества компетентных органов Российской Федерации и Исламского Эмирата Афганистан по противодействию новым вызовам и угрозам необходимо заключение договора о выдаче,

а также о взаимной правовой помощи по уголовным делам. Помимо этого, принятие Афганистана в качестве полноправного члена в региональные организации (прежде всего ШОС и ОДКБ), вероятно, помогло бы существенно улучшить работу афганских компетентных органов в борьбе с современными криминальными угрозами как на национальном уровне, так и в рамках международного сотрудничества. Безусловно, переход на новый уровень отношений возможен лишь с учетом стабилизации текущей политический ситуации в Афганистане. Вместе с тем, полагаем, что международное сотрудничество в борьбе с преступностью должно реализовываться в деятельности компетентных органов государств вне зависимости от политических процессов и состояния международных отношений, поскольку высокий уровень преступности даже в одном регионе может потенциально влиять на безопасность и стабильность всего мира.

Список источников

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Афганистан о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров // URL://https://base.garant.ru/2568062/

2. Сокол В. Ю. Особенности структуры террористических формирований / В. Ю. Сокол, В. В. Останин // Общество и право. 2008. № 2(20). С. 178–182.

3. Ильин А. Е. Противодействие финансированию организованной преступности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 142–147.

4. Кондрат Е. Н. Инструменты и инфраструктура киберпреступности // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 154–166.

5. Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Исламской Республики Афганистан от 20 сентября 2018 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL://-https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation/documents/interdepartmental-agreements-and-other-arrangements/bilateral-arrangements.

6. Официальный портал координационного совета генеральных прокуроров государств–участников содружества независимых государств // URL://http://www.ksgp-cis.ru/news/news-item/4615.

7. Открытие потока слушателей — работников органов прокуратуры Исламской Республики Афганистан // Официальный сайт Университета прокуратуры РФ // URL://https://agprf.org/fakultety/fakultet-professionalnoy-perepodgotovki-i-povyshen/novosti/2018/otkrytie-potoka-slushateley-rabotnikov-organov-p.

8. Договор между Российской Федерации и Исламской Республикой Афганистан о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы // URL://-https://base.garant.ru/2563332/

9. Закон Исламского Эмирата Афганистан от 14 апреля 2013 г. «Об экстрадиции обвиняемого или осужденного лица и правовом сотрудничестве» // UNODC, Sherloc // URL://https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/document/law-on-extradition-of-the-accused-convicted-individual-and-legal-cooperation_html/Law_on_Extradition_and_Legal_Cooperation_uploaded.pdf.

10. Конституция Исламского Эмирата Афганистана // URL://https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/-ihl-nat.nsf/0/180edfd48a4ccd47c1257670002c2bd2/%24FILE/The%20Constitution%20of%20Afghanistan.pdf.

11. Национальное центральное бюро Интерпола при Министерстве внутренних дел Российской Федерации // МВД РФ // URL://https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola.

12. How Interpol supports Afghanistan to tackle international crime // The official site of Interpol // URL://https://-www.interpol.int/Who-we-are/Member-countries/Asia-South-Pacific/AFGHANISTAN.

13. Спецслужбы России и Афганистана при участии Интерпола задержали в Кабуле вербовщика одной из экстремистских группировок // URL://https://www.1tv.ru/news/-2018-03-20/342676-spetssluzhby_rossii_i_afganistana_pri_uchastii_interpola_zaderzhali_v_kabule_verbovschika_odnoy_iz_ekstremistskih_gruppirovok.

14. В Москве полицейскими задержан обвиняемый, прилетевший из Афганистана // МВД Медиа // URL://-https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/v-moskve-politseyskimi-zaderzhan-obvinyaemyy-priletevshiy-iz-afganistana/

15. УНП ООН рассказало об идеи создать российско-афганский центр обучения собак // Риа новости // URL://-https://ria.ru/20171115/1508873554.html.

16. Россия будет готовить кинологов для афганского центра антинаркотической полиции // Тасс // URL://https://-tass.ru/politika/11025929.

17. Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств–членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью // URL://https://-docs.cntd.ru/document/902359644.

18. Генсек ШОС сообщил о повышенном внимании организации к афганскому вопросу // Риа новости // URL://-https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14185223.

References

1. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Islamic Republic of Afghanistan on cooperation in combating illicit trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and their Precursors // URL://https://base.garant.ru/2568062/

2. Sokol V. Yu. Features of the structure of terrorist formations / V. Yu. Sokol, V. V. Ostanin // Society and law. 2008. No. 2(20). P. 178–182.

3. Ilyin A. E. Countering the financing of organized crime // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2(42). P. 142–147.

4. Kondrat E. N. Tools and infrastructure of cybercrime // Legal science: history and modernity. 2016. No. 3. P. 154–166.

5. Memorandum of Understanding and Cooperation between the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Prosecutor General's Office of the Islamic Republic of Afghanistan dated September 20, 2018 // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // URL://https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation/documents/interdepartmental-agreements-and-other-arrangements/bilateral-arrangements.

6. Official portal of the Coordinating Council of Prosecutors General of the Commonwealth of Independent States // URL://http://www.ksgp–cis.ru/news/news-item/4615.

7. Opening of the flow of listeners — employees of the Prosecutor's Office of the Islamic Republic of Afghanistan // Official website of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation // URL://https://agprf.org/fakultety/fakultet-professionalnoy-perepodgotovki-i-povyshen/novosti/2018/otkrytie-potoka-slushateley-rabotnikov-organov-p.

8. Agreement between the Russian Federation and the Islamic Republic of Afghanistan on the transfer of persons sentenced to imprisonment for serving their sentences // URL://-https://base.garant.ru/2563332/

9. The Law of the Islamic Emirate of Afghanistan of April 14, 2013 «On the extradition of an accused or convicted person and legal cooperation» // UNODC, Sherloc // URL://https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/document/law-on-extradition-of-the-accused-convicted-individual-and-legal-cooperation_html/Law_on_Extradition_and_Legal_Cooperation_uploaded.pdf.

10. The Constitution of the Islamic Emirate of Afghanistan // URL://https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl-nat.-nsf/0/180edfd48a4ccd47c1257670002c2bd2/%24FILE/The%20Constitution%20of%20Afghanistan.pdf.

11. The National Central Bureau of Interpol under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // MIA of the Russian Federation // URL://https://mia.rf/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola.

12. How Interpol supports Afghanistan to tackle international crime // The official site of Interpol // URL://https://www.interpol.int/Who-we-are/Member-countries/Asia-South-Pacific/AFGHANISTAN.

13. The special services of Russia and Afghanistan, with the participation of Interpol, detained a recruiter of one of the extremist groups in Kabul // URL://https://-www.1tv.ru/news/2018-03-20/342676-spetssluzhby_rossii_i_afganistana_pri_uchastii_interpola_zaderzhali_v_kabule_verbovschika_odnoy_iz_ekstremistskih_gruppirovok.

14. In Moscow, the police detained the accused, who arrived from Afghanistan // MIA Media // URL://https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/v-moskve-politseyskimi-zaderzhan-obvinyaemyy-priletevshiy-iz-afganistana/

15. UNODC talked about the idea to create a Russian-Afghan dog training center // Ria Novosti // URL://https://-ria.ru/20171115/1508873554.html.

16. Russia will train dog handlers for the Afghan Anti-drug police Center // Tass // URL://https://tass.ru/politika/11025929.

17. Agreement on cooperation between the governments of the Shanghai Cooperation Organization member states in the fight against crime // URL://https://docs.cntd.ru/document/902359644.

18. The SCO Secretary General announced the increased attention of the organization to the Afghan issue // Ria Novosti // URL://https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14185223.

Библиографический список

1. Адина Мохаммад А. Г. Б. Афганистан и политики безопасности ШОС в Центральной Азии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1(239). С. 70–76.

2. Бородкина Т. Н., Павлюк А. В. Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 135–137.

3. Государства–наблюдатели ОДКБ // Официальный сайт организации Договора о коллективной безопасности // URL://https://paodkb.org/participants_and_observers#observers.

4. Интерпол принял решение о членстве России // Pravda.ru // URL://https://military.pravda.ru/news/1687632-interpol_prinjal_reshenie/

5. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. М. : Норма : Инфра-М, 2018.

6. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. Р. А. Каламкарян. М. : Юрайт.

7. Об итогах внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, посвященной ситуации в Афганистане и ее влиянию на безопасность государств–членов ОДКБ // Организация Договора о коллективной безопасности // URL://https://odkb-csto.org/news/news_odkb/ob-itogakh-vneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-posvyashchennoy-situatsii-v-af/?#loaded.

8. Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями: учеб. пособие / В. П. Панов; отв. ред. К. А. Бекяшев. М. : Юрист, 1993.

9. Положение о Главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации (утв. Генпрокуратурой России 6 сентября 2021 г.) // СПС «Консультант-плюс».

10. Положение о статусе наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества // URL://http://www.infoshos.ru/ru/?id=101.

11. Рогожин А. А. Юго-Восточная Азия как очаг киберпреступности // URL://https://www.imemo.ru/news/events/-text/yugo-vostochnaya-aziya-kak-ochag-kiberprestupnosti.

12. Transnational Organized Crime in Southeast Asia: Evolution, Growth, Impact // UNODC // URL://https://www.-unodc.org/documents/southeastasiaandpacific/Publications/2019/SEA_TOCTA_2019_web.pdf.

13. Transnational Organized Crime in East Asia and the Pacific: A Threat Assessment. UNODC. April 2013.

14. Капитонова Е. А. Особенности кибертерроризма как новой разновидности террористического акта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2(34). С. 29–41.

15. Борисов С. В. К вопросу о противодействии кибертерроризму и киберэкстремизму / С. В. Борисов, А. С. Васнецова, А. Г. Жафяров // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 1(45). С. 49–55.

16. Асеев С. Ю., Воронцов В. А. Проблема определения кибертерроризма // Общество и цивилизация. 2016. Т. 2. С. 49–53.

17. Диденко А. И. Понятие и место кибертерроризма в уголовном праве России // Отечественная юриспруденция. 2016. № 9 (11). С. 17–21.

18. Каскарбаева З. А. Правовое обеспечение борьбы с компьютерным терроризмом // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 2 (4). С. 460.

19. Завьялов С. Зарубежный опыт в области борьбы с пропагандой терроризма в интернете // Зарубежное военное образование. 2014. № 4. С. 34–39.

20. Старкова Н. А., Старков А. Н., Чернова Е. В. Киберэкстремизм в молодежной среде как социальная проблема // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–7. С. 1550–1554.

21. Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи: мат. внутривуз. конф., (Магнитогорск, 9–12 октября 2015 г.) / под ред. Г. Н. Чусавитиной, Е. В. Черновой, О. Л. Колобовой. Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2015.

22. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 3 августа 2018 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

Bibliographic list

1. Adina Mohammad A. G. B. Afghanistan and the SCO security policy in Central Asia // Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences. 2016. No. 1(239). P. 70–76.

2. Borodkina T. N., Pavlyuk A.V. Cybercrime: concept, content and counteraction measures // Socio-political sciences. 2018. No. 1. P. 135–137.

3. CSTO observer States // Official website of the Collective Security Treaty Organization // URL://https://paodkb.org/participants_and_observers#observers.

4. Interpol has decided on Russia's membership // Pravda.ru // URL://https://military.pravda.ru/news/1687632-interpol_prinjal_reshenie/

5. Criminology of the digital world: textbook for magistracy / V. S. Ovchinsky. M. : Norm : Infra-M, 2018.

6. International cooperation in the fight against crime: textbook for academic bachelor's degree / ed. R. A. Kalamkarian. M. : Yurayt.

7. On the results of the extraordinary session of the CSTO Collective Security Council devoted to the situation in Afghanistan and its impact on the security of the CSTO member states // Collective Security Treaty Organization // URL://https://-odkb–csto.org/news/news_odkb/ob-itogakh-vneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnost-odkb-posvyashchennoy-situatsii-v-af/?#loaded.

8. Cooperation of States in the fight against international criminal crimes: studies. manual / V. P. Panov; ed. by K. A. Bekyashev. M. : Lawyer, 1993.

9. Regulations on the Main Directorate of International Legal Cooperation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (approved by the Prosecutor General's Office of Russia on September 6, 2021) // SPS «Consultantplus».

10. Regulations on observer status at the Shanghai Cooperation Organization // URL://http://www.infoshos.ru/ru/-?id=101.

11. Rogozhin A. A. Southeast Asia as a hotbed of cybercrime // URL://https://www.imemo.ru/news/events/text/yugo-vostochnaya-aziya-kak-ochag-kiberprestupnost.

12. Transnational Organized Crime in Southeast Asia: Evolution, Growth, Impact // UNODC // URL://https://www.-unodc.org/documents/southeastasiaandpacific/Publications/2019/SEA_TOCTA_2019_web.pdf.

13. Transnational Organized Crime in East Asia and the Pacific: A Threat Assessment. UNODC. April 2013.

14. Kapitonova E. A. Features of cyberterrorism as a new kind of terrorist act // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2015. No. 2(34). P. 29–41.

15. Borisov S. V. On the issue of countering cyberterrorism and cyberextremism / S. V. Borisov, A. S. Vasnetsova, A. G. Zhafyarov // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2015. No. 1(45). P. 49–55.

16. Aseev S. Yu., Vorontsov V. A. The problem of defining cyberterrorism // Society and civilization. 2016. Vol. 2. P. 49–53.

17. Didenko A. I. The concept and place of cyberterrorism in the criminal law of Russia // Domestic jurisprudence. 2016. No. 9 (11). P. 17–21.

18. Kaskarbayeva Z. A. Legal support of the fight against computer terrorism // New word in science: development prospects. 2015. No. 2 (4). P. 460.

19. Zavyalov S. Foreign experience in the field of combating terrorist propaganda on the Internet // Foreign military education. 2014. No. 4. P. 34–39.

20. Starkova N. A., Starkov A. N., Chernova E. V. Cyberextremism in the youth environment as a social problem // Fundamental Research. 2014. No. 12–7. P. 1550–1554.

21. Information security and issues of prevention of cyber extremism among young people: mat. intravenous. conf., (Magnitogorsk, October 9–12, 2015) / edited by G. N. Chusavitina, E. V. Chernova, O. L. Kolobova. Magnitogorsk : Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2015.

22. Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 (ed. of August 3, 2018) «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // SZ RF. 1995. No. 47. St. 4472.

Информация об авторах

В. А. Шестак — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент;

В. Э. Карпович — соискатель магистерской степени Международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Information about the authors

V. A. Shestak — Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Faculty of International Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor;

V. E. Karpovich — Candidate for a Master's degree from the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-326-332
NIION: 2003-0059-3/22-331
MOSURED: 77/27-003-2022-03-530

О путях совершенствования миграционной политики с учетом новых угроз и вызовов национальной безопасности России

Марина Валерьевна Зубова
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Анализируются современные вызовы и угрозы, с которыми сталкивается миграционная система Российской Федерации. Сделан вывод о том, что миграционная политика Российской Федерации на текущий момент должна быть, в первую очередь, направлена на обеспечение безопасности страны. Высказан ряд предложений по корректировке миграционной стратегии страны и разрабатываемых на ее основе правоустанавливающих документов.

Ключевые слова: концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., миграционная система, миграционная политика, лишение гражданства, ЕРРПИР, РИР

Для цитирования: Зубова М. В. О путях совершенствования миграционной политики с учетом новых угроз и вызовов национальной безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 326–332. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-326-332.

Original article

On ways to improve migration policy taking into account new threats and challenges to Russia's national security

Marina V. Zubova
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The modern challenges and threats faced by the migration system of the Russian Federation are analyzed. It is concluded that the migration policy of the Russian Federation at the moment should be primarily aimed at ensuring the security of the country. A number of proposals were made to adjust the country's migration strategy and the legal documents developed on its basis.

Keywords: concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025, migration system, migration policy, deprivation of citizenship, ERRPIR, RIR

For citation: Zubova M. V. On ways to improve migration policy taking into account new threats and challenges to Russia's national security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):326–332. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-326-332.

В утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. цель миграционной политики Российской Федерации определена как формирование в стране миграционной ситуации, отвечающей ее интересам.

Предполагалось, что реализация Концепции обеспечит благоприятные условия для корректировки миграционной ситуации в стране путем возврата на Родину соотечественников и привлечения иностранных граждан, уважающих российскую ментальность и стремящихся жить и (или) работать в России.

Ожидалось, что в результате российская экономика будет насыщена столь необходимыми ей трудовыми ресурсами, в системы образования и медицинского обслуживания будут привлечены иностранные партнеры и клиенты; возрастут туристические потоки и гуманитарные контакты. В совокупности это послужит развитию российского бизнеса, социаль-

© Зубова М. В., 2022

ных институтов, повышению налоговых поступлений в бюджеты всех уровней и улучшению условий жизнедеятельности.

Между тем, миграционная сфера существенно затрагивает интересы государственной и общественной безопасности. Важность этого обстоятельства существенно возросла в условиях беспрецедентного давления на нашу страну со стороны коллективного Запада, формальным предлогом для чего стало проведение Россией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

В сложившейся ситуации в полном объеме проявились истинные деструктивные намерения США и их союзников в части взаимоотношений с Российской Федерацией. Под сомнение поставлена вся сложившаяся система государственных и гуманитарных отношений с этими государствами, в первую очередь данные ими гарантии по не расширению НАТО и обеспечению безопасности в Европе.

На территории России уже находятся тысячи беженцев и вынужденных переселенцев, спасающихся от геноцида русских на Украине. Всем им оказывается необходимая помощь, предоставляются возможности для размещения и жизнедеятельности, по желанию — обеспечивается получение российского гражданства в упрощенном порядке.

Не исключено, однако, что под видом беженцев в страну проникают или будут пытаться проникнуть нацисты, члены террористических формирований и агенты иностранных спецслужб.

Полагаем, что миграционная система России способна противодействовать этим новым угрозам и вызовам. Вместе с тем, определенные корректировки миграционного законодательства все-таки необходимы, прежде всего, в части внедрения эффективных технологий контроля и регулирования миграционных потоков, в том числе на основе современных информационно-коммуникационных технологий.

Очевидно, что российская миграционная политика длительное время развивалась в либерально-демократическом направлении максимального снятия административных барьеров и создания миграционных правил, которые, в первую очередь, способствовали бы открытости нашей страны для внешнего мира, легализации трудовой занятости иностранцев, созданию удобной системы оказания государственных услуг и снятию административных барьеров в ходе осуществления контрольно-надзорной деятельности.

Такой подход соответствовал декларированным западным ценностям и приоритетам типа свободы перемещения людей и капиталов, открытости общества и приоритета прав человека, но при этом в самих западных странах применялся весьма избирательно, а с возникновением масштабного миграционного и экономического кризисов, а затем в условиях жизни с нарастающими террористическими угрозами и «ковидными» ограничениями, во-многом, был пересмотрен, если вообще не утратил своего значения.

Полагаем, что в современной ситуации миграционная политика Российской Федерации, в первую очередь, должна обеспечивать безопасность страны, в том числе с учетом нарастающей криминальной активности иностранцев и принятых в российское гражданство («натурализированных») лиц, а также их участия в направленной на дестабилизацию страны экстремистской деятельности.

В этой связи актуализируется вопрос аннулирования решений о предоставлении гражданства Российской Федерации лицам, которые после получения гражданства совершили умышленные действия, направленные против конституционного строя страны, т. е. фактически нарушившие клятву, данную новой Родине при обретении ее гражданства.

Между тем, ст. 6 Конституции РФ, как известно, не предусматривает возможности лишения гражданства гражданина Российской Федерации (п. 3).

В ситуации, когда доказано, что лицо, вступившее в российское гражданство, изначально не намеревалось уважать и соблюдать законы нашего государства и нести обязанности гражданина Российской Федерации и тем самым сознательно нарушило Присягу, данную им при вступлении в гражданство, представило при прохождении процедур получения гражданства заведомо подложные документы либо сообщило заведомо ложные сведения либо совершило иные действия, дающие основания для отмены решения о приобретении им гражданства, предусмотренные ст. 22 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 52 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», например, совершило преступление террористической направленности, акт о предоставлении ему гражданство может быть аннулирован в судебном порядке.

Законодательство 30 стран Европы, в том числе, Австрии, Бельгии, Германии, Греции, Дании, Исландии, Испании, Италии, Ирландии, Латвии, Литвы, Кипра, Мальты, Молдавии, Нидерландов, Норвегии, Румынии, Словакии, Турции, Швеции, Швейцарии, Франции, Эстонии и других государств, предусматривает возможность лишения гражданства, полученного с нарушением установленных правил, например, мошенническим путем.

Можно конечно заявить, что в таких случаях человек не лишается гражданства, а теряет (или утрачивает) его! Но это будет всего лишь игра слов. Полагаем, что это все-таки лишение конкретного человека статуса гражданина в правовой форме отмены акта на предоставление гражданства.

При этом на коренных граждан указанных стран, в том числе и Российской Федерации, такой порядок не распространяется, какие бы действия в ущерб своей стране они не совершили. Впрочем, в отношении таких лиц акт принятия в гражданство не выносился, присягу они не принимали, обязательств на себя не брали, а факт рождения отменить невозможно.

Насколько справедлив такой подход и нет ли в нем своего рода дискриминации? Однозначно сказать сложно.

Заслуживает внимания дискуссия, развернутая на площадке Государственной Думы Федерального Собрания РФ по поводу предложения известного российского режиссера Н. Михалкова по лишению гражданства РФ за призывы к санкциям против РФ.

По мнению главы комитета Госдумы по госстроительству и законодательству П. Крашенинникова, этот вопрос уже однозначно регламентирован в Конституции страны и пересмотру не подлежит (Интерфакс, 24 февраля 2021 г.).

Добавим сюда еще ст. 15 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство».

Пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков, тем не менее, фактически высказался в поддержку предложения Н. Михалкова, отметив, что сама по себе эта идея представляет общественный интерес и подлежит обсуждению.

По нашему мнению, вопрос лишения гражданства в связи с совершением гражданином опасных противоправных действий, отражающих его явное и устойчивое неуважение к общественным устоям и государственному устройству России, актуален и отражает настроения если не большинства, то значительной части населения страны.

В Советском Союзе в исключительных случаях, если лицо совершило действия, порочащие высокое звание гражданина и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности государства, оно по решению президиума Верховного Совета СССР могло быть лишено гражданства СССР.

В 1966–1988 гг. в таком порядке был лишены гражданства 21 человек.

Законодательство многих стран, содержит нормы о лишении гражданства, если человек приобрел гражданство другой страны (Австрия, Германия, Ирландия, Испания, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Словакия, Эстония), постоянно проживает в другой стране (Бельгия, Дания, Исландия, Испания, Ирландия, Нидерданды, Норвегия, Кипр, Мальта, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария) или добровольно находится на иностранной военной (Австрия, Германия, Испания, Нидерланды,. Латвия, Литва, Молдавия, Румыния, Франция, Эстония) либо государственной (Дания, Греция, Испания, Италия, Латвия, Литва, Словения, Турция, Франция) службе.

Гражданина Бельгии, Болгарии, Великобритании, Дании, Ирландии, Испании, Кипра, Литвы, Мальты, Молдовы, Румынии, Словении, Франции, Швейцарии и Эстонии могут лишить гражданства за поведение, причиняющее серьезный ущерб интересам государства, в том числе за работу на иностранную разведку, терроризм, участие в незаконных вооруженных формированиях и т. п.

Причем во всех этих случаях законодатель не разделяет коренных и натурализированных граждан.

Исходя из изложенного, было бы целесообразным провести по нему широкую общественную дискуссию, по итогам которого рассмотреть вопрос как гражданскую инициативу и возможно в установленном порядке внести изменения в Конституцию страны, четко сформулировав перечень деяний, могущих повлечь при их совершении лишение гражданства, а также порядок инициирования и принятия такого решения.

С учетом новых угроз и вызовов национальной безопасности страны необходимо устранить многочисленные коллизии и правовые пробелы миграционного законодательства, неопределенность и противоречивость его понятийного аппарата, особенно в части терминов «миграция», «миграционная ситуация», «иностранный гражданин», «лицо без гражданства», «лицо с неопределенным правовым статусом» «реадмиссия», «убежище», «адаптация иностранных граждан», «приглашающая сторона», «принимающая сторона», «закрытие въезда», «неразрешение въезда» и других терминов, используемых при решении вопросов приглашения на въезд в Российскую Федерацию конкретного иностранного гражданина или запрет такого въезда, контроля за иностранцем во время его нахождения в стране, ответственности за нарушение миграционных правил, административного выдворения из Российской Федерации, депортации, реадмиссии и т. д.

Недопустимо промедление с обеспечением органов миграционного контроля средствами оперативной идентификации личности каждого иностранного гражданина, прибывающего в страну, что полностью исключит возможности проникновения нежелательных лиц с национальными документами, содержащими измененные персональные данные.

Есть вопросы к качеству оказания государственных миграционных услуг.

Предъявляемые к участникам любых правоотношений, в том числе миграционных, обязательные требования, должны быть понятными, не содержать двусмысленных толкований и исполнимыми, а связанные с их исполнением государственные услуги — доступными и технологичными.

Актуален вопрос совершенствования правового регулирования трудовой деятельности мигрантов, особенно в части регламентации и организации получения необходимых для этого разрешительных документов, определения отраслей хозяйствования, где труд мигрантов был бы нежелателен, поскольку в данных случаях имеются собственные трудовые ресурсы либо по соображениям безопасности.

В результате все еще велика нелегальная трудовая миграция. Государство по-прежнему лишается значительной части соответствующих налоговых отчислений и сборов, нарушаются права мигрантов.

Согласно результатам опроса общественного мнения (Vciom.ru.), большинство граждан Российской Федерации относятся к мигрантам достаточно толерантно. На вопрос «как лично Вы в целом относитесь к мигрантам?» 6 % респондентов ответили «очень хорошо», 54 % — «скорее хорошо», 18 % — «скорее плохо», и лишь 5 % ответили «очень плохо».

С тезисом «Иммиграция, въезд в Россию людей из других стран для проживания или работы — это в целом хорошо» согласились 19 % опрошенных, отчасти согласились — 35 %, не согласились — 43 %.

При этом более половины респондентов считало, что иммигранты повышают уровень преступности в России, отчасти с этим согласна четверть респондентов. 49 % уверены, что иммигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей, отчасти этого мнения придерживаются 21 % опрошенных.

Среди значительной части российского общества бытует мнение, что иммигранты восполняют нехватку рабочих рук на малоквалифицированной и низкооплачиваемой работе (48 % согласны, 21 % согласны отчасти).

На электронном ресурсе по поиску работы Worki отмечается, что в некоторых отраслях экономики (ЖКХ, дорожное строительство, торговля, логистика) доля иностранного персонала составляет порядка 80 %. В связи с ограничениями на въезд в страну (в 2020 г. общий миграционный поток в Россию сократился на 70 %) трудовые мигранты стали претендовать на более высокие зарплаты, чем россияне, причем в разрезе отдельных профессий этот разрыв достигает 14 %.

Это обстоятельство свидетельствует, что российская экономика уже не в состоянии эффективно функционировать без иностранной рабочей силы, что, однако, не снимает задачи обеспечения безопасности страны. Сегодня, например, в г. Москва и Московской области мигрантами совершается треть всех преступлений, в г. Санкт-Петербург — более 9 %.

В этой связи, в частности, было бы целесообразным пересмотреть меры реагирования на противоправные действия иностранных граждан, в том числе на порядок признания их нахождения в стране нежелательным и выдворения за пределы Российской Федерации (депортация, реадмиссия, содержание в специальных учреждениях, неразрешение въезда в Российскую Федерацию, признание нежелательности пребывания в Российской Федерации, сокращение срока временного пребывания в Российской Федерации).

Убеждены, что при принятии решений, ограничивающих право иностранных граждан на въезд в Российскую Федерацию и нахождение на ее территории, недопустимы формализм и бюрократия. Однако, такие решения всегда должны опираться на приоритет защиты в любых условиях и ситуациях государственной и общественной безопасности страны.

Полагаем, что было бы целесообразным с учетом опыта преодоления миграционного кризиса в Европе пересмотреть вопросы регулирования правоотношений по поводу предоставления убежища иностранным гражданам на территории Российской Федерации для чего разработать и принять соответствующий федеральный закон, а также переработать федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах», в котором было бы желательным более четко выделить признаки отнесения иностранного гражданина к категории беженцев, обеспечить вычленение из них лиц, стремящихся под видом беженца переехать в страну с лучшими условия проживания (экономических переселенцев).

Необходимо разработать простые, экономичные и понятные для исполнения всеми участниками миг-

рационных правоотношений, в том числе, государственным органам и их представителям, физическим и юридическим лицам (индивидуальным предпринимателям), основанные на использовании современных информационных технологий требования и правила, а также механизмы их реализации при осуществления государственного контроля и предоставлении государственных услуг в сфере миграции, которые обеспечивали бы приоритетную защиту государственной и общественной безопасности, а также общепринятых норм поведения.

Проникновению в страну нежелательных, в том числе преступных, элементов должен быть поставлен надежный заслон. При массовом прибытии в страну лиц вследствие каких-либо чрезвычайных ситуаций, должны быть обеспечены соответствующие фильтрационные мероприятия, включая обязательное помещение таких лиц в специальные фильтрационные пункты.

В то же время, надо сохранить и приумножить привлекательность Российской Федерации для гуманитарных поездок иностранных граждан и лиц без гражданства, возвращения соотечественников и воссоединения семей, а также для экономическая обоснованной трудовой миграции, особенно в части привлечения высококвалифицированных специалистов.

Соответственно потребуется уточнить основания и порядок использования как стимулирующих миграцию факторов, так и обстоятельств (условий), исключающих или ограничивающих нахождение иностранных граждан на территории Российской Федерации.

Полагаем, что с учетом введения против России беспрецедентных санкций есть основания для пересмотра ряда соглашений о безвизовом порядке въезда в Российскую Федерацию для граждан государств, проводящих русофобскую политику.

Следовало бы более тщательно подходить к оформлению приглашений на въезд в Российскую Федерацию, а также к контролю за пребыванием иностранных граждан в ситуациях, когда оформление приглашения для въезда в Россию не требуется (при оформлении единой электронной визы, туристической визы при наличии подтверждения гостиницы и иные).

В частности, представляется целесообразным более детально урегулировать обязанности приглашающей стороны, ввести единый порядок оформления приглашений, в том числе в форме электронного документа на основании заявления, поданного в электронной форме.

Поддерживаем идею создания реестра недобросовестных юридических и физических лиц, выступивших в качестве приглашающей стороны, либо являющихся руководителями (учредителями) приглашающих организаций, привлеченных к уголовной ответственности за организацию незаконной миграции, а также о физических и юридических лицах, пригласивших в Российскую Федерацию иностранных граждан, и затем привлеченных к административной ответственности за неисполнение установленных федеральным законом обязанностей приглашающей стороны.

Включение сведений о физических и юридических лицах в такой реестр могло бы стать основанием для временного или постоянного отказа в оформлении по их заявлениям приглашений на въезд в Российскую Федерацию иностранным гражданам (лишение права).

По нашему мнению, лишение таких лиц права на оформление приглашений иностранным гражданам в случаях их привлечении к уголовной ответственности могло бы составлять, например, три года после отбытия наказания. При привлечении к определенным видам административной ответственности — один год.

Считаем возможным ввести запрет, в том числе бессрочный, на въезд в страну близких родственников террористов и членов радикальных экстремистских организаций, запрещенных в России.

С учетом международной ситуации целесообразно сохранить ограничения на свободу передвижения иностранных граждан в пределах Российской Федерации, в частности, актуализировать перечень территорий, организаций и объектов, для въезда на которые в соответствии с федеральным законом требуется специальное разрешение.

На наш взгляд, следует оптимизировать заявляемые при получении визы цели въезда (пребывания) в Российской Федерации.

Таковыми, на наш взгляд, должны быть только — частная, туризм, гуманитарная, работа, учеба, деловая. При этом иностранцу, прибывшему на территорию Российской Федерации, должна быть предоставлена возможность изменения цели прибытия иностранца в процессе его нахождения в стране, например, с деловой либо учебной на рабочую, а также переоформления визы без выезда с территории Российской Федерации.

Информация о выданной визе, ее продлении либо аннулировании, должна фиксироваться в государственной информационной системе для последующего

использования заинтересованными министерствами и ведомствами, их территориальными органами, в том числе органами пограничного контроля.

Предлагается предусмотреть при получении визы для въезда в Российскую Федерацию подписание иностранным гражданином «Обязательства лояльности», представляющее собой официальное информированное согласие о том, что при нахождении на территории Российской Федерацию он будет воздерживаться от действий, причиняющих или могущих причинить ущерб интересам Российской Федерации, ее граждан и иных лиц, а также соблюдать запреты и ограничения, связанные с пребыванием в стране. Отказ от подписания такого документа должен стать основанием для отказа в предоставлении права на въезд или утрату права на въезд и нахождение на территории Российской Федерации.

Разумеется, при этом заявителю должна быть предоставлена возможность ознакомления с соответствующими правилами, запретами и ограничениями и мерами ответственности за их нарушение.

По форме такое соглашение может быть частью заявления о выдаче визы либо отдельным документом, в том числе электронным. Перечень обязательств и запретов, которые включаются в «соглашение о лояльности» должен быть определен в федеральном законе.

Представляется, что введение института «Обязательства о лояльности» позволит повысить эффективность профилактики правонарушений, совершаемых иностранными гражданами по причине их недостаточной информированности о правилах пребывания в России и об ответственности за нарушения этих правил.

Таким образом, будут созданы действенные механизмы государственного контроля в сфере миграции (иммиграционного контроля), в том числе, принятия и исполнения мер административного принуждения в отношении нарушителей миграционного законодательства, обеспечено внедрение современных технологий информатизации государственного управления в сфере миграции и информационно-аналитического обеспечения миграционной политики.

По нашему мнению, не стоит торопиться с отказом от использования миграционной карты на бумажном носителе. Во-первых, не потребуется редакционной корректировки соответствующих международных соглашений, включая Договор о Евразийском экономическом союзе. Во-вторых, ситуации могут быть различными и надо быть готовым ко всему, в том числе и к сбоям в информационных системах.

В то же время, надо наделить иностранного гражданина правом заблаговременного уведомления заинтересованных лиц о своем въезде в Российскую Федерацию с использованием телекоммуникационной сети Интернет.

В целях повышения возможностей обнаружения лиц, находящихся в розыске, лиц, въезд которым на территорию Российской Федерации не разрешен, в том числе сменивших свои установочные данные либо использующих поддельные документы, удостоверяющие личность, повышения защищенности от террористической угрозы, совершенствования в целом качества государственного контроля в сфере миграции (иммиграционного контроля) необходимо обеспечить предварительную идентификацию всех без исключения иностранных граждан, въезжающих в страну.

Сегодня обязательная государственная дактилоскопическая (биометрическая) регистрация и фотографирование с получением единого идентификатора иностранного гражданина и защищенного аккаунта в государственной информационной системе предусматривается только для иностранцев, прибывающих в Российскую Федерацию на срок более 30 суток в течение года (за исключением отдельных категорий иностранных граждан, например, имеющих дипломатические иммунитеты).

Полагаем, что этого недостаточно.

На перспективу, в рамках цифровой трансформации государственного управления миграционными процессами, необходимо, чтобы иностранным гражданам, приобретающим статус долгосрочно пребывающим на территории Российской Федерации, получившим право на постоянное проживание, а также лиц без гражданства при отсутствии государства, готового их принять, выдавался единый документ с электронным носителем информации об иностранном гражданине (ID-карта), содержащем в том числе его идентификационные признаки, данные об отсутствии опасных заболеваний, наличии необходимых прививок и иную важную информацию.

Такие ID-карты смогут в режиме реального времени обеспечивать идентификацию и верификацию иностранного гражданина.

Они должны быть обязательно изготовленными на основе отечественных технологий, иметь криптографическую защиту от подделки и клонирования, быть заменяемыми и пополняемыми, т. е. иметь электронный носитель информации (чип).

Такой документ может использоваться для совершения юридических операций в электронной среде, в том числе при получении государственных, банковских и иных услуг, на основе генерации ключей усиленной квалифицированной электронной подписи. Его сопряжение с государственным мобильным приложением позволит через смартфон пользователя контролировать его трудоустройство, перемещения и иные отдельные действия.

Для этого, в частности, надо создать на базе информационно-аналитической системы Общероссийская база вакансий «Работа в России» электронные реестры работодателей (ЕРРПИР) и иностранных работников (РИР).

Работодатель сможет через «личный кабинет» разместить в ЭРРПИР вакансии для иностранных граждан и пользоваться единым банком данных, учитывающим соответствие заявленных вакансий ограничениям (запретам) на привлечение иностранных работников. Контролирующий орган через РИР будет получать данные о трудоустройстве, увольнении или перемещении иностранного работника.

Полагаем, что данный механизм должен быть распространен на все категории иностранных работников и работодателей, включая индивидуальных предпринимателей и физических лиц, привлекающих иностранных граждан для личных нужд.

Некоторые категории иностранных граждан, осуществляющих особые виды занятости, как правило, без длительного пребывания на территории Российской Федерации (члены жюри международного конкурса, лица, осуществляющие гастрольную деятельность, шефмонтажные работы, сервисное и гарантийное обслуживание и другие.), могут быть освобождены от регистрации в РИР.

Однако все иностранцы, проживающие на территории России без исключения, должны быть в поле зрения органов миграционного контроля, что вряд ли будет возможным без широкой цифровизации данной деятельности.

Надеемся, что поставленные нами вопросы и предложенные варианты их решения будут учтены при корректировке миграционной стратегии и разрабатываемых на ее основе правоустанавливающих документов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 36-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

3. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 36-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated 1 July 2020, No. 11-FKZ) // SZ RF. 2020. No. 31. St. 4398.

2. Federal Law No. 62-FZ of May 31, 2002 «On Citizenship of the Russian Federation».

3. Decree of the President of the Russian Federation No. 622 dated October 31, 2018 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025».

Информация об авторе

М. В. Зубова — старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Zubova — Senior Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 03.06.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 03.06.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Научная статья
УДК 33
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-333-338
NIION: 2003-0059-3/22-332
MOSURED: 77/27-003-2022-03-531

Тенденции развития мирового энергетического рынка

Михаил Евгеньевич Косов[1,2]
[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, kosovme@mail.ru
[2] Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. Энергетика представляет собой одну из основ цивилизации и определяет состояние экономики и возможности ее роста, социальное благополучие граждан и политическую стабильность как на международном, так и национальном уровне. Каждый этап трансформации энергетической парадигмы в исторической ретроспективе отражает глобальные изменения, которые происходили в обществе и экономических отношениях. Изменения касались всех сфер жизни, от бытовых удобств и способов производства, до ведения войн и создания союзов государств для обеспечения благоприятных условий ведения бизнеса. И на текущем этапе развития человечества четко прослеживается связь между состоянием рынка энергетики, доступностью энергетических ресурсов, технологией их производства и использования и качеством жизнеобеспечения общества, его социальным положением, а также уровнем развития производства и состоянием окружающей среды.

Ключевые слова: мировой энергетический рынок, трансформация энергетической парадигмы, глобализация, интеграция, энергоресурсы

Для цитирования: Косов М. Е. Тенденции развития мирового энергетического рынка // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 333–338. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-333-338.

Original article

Trends in the development of the global energy sector

Mikhail E. Kosov[1,2]
[1] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
[2] Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Moscow, Russia

Abstract. Energy represents one of the foundations of civilization and at each stage of development accompanies the level of economic development, as well as influencing the course of political processes at both the international and national levels. Each stage of the transformation of the energy paradigm in historical retrospect reflects the global changes that took place in society and the economic system. Changes concerned all spheres of life, from domestic conveniences and methods of production, to waging wars and creating an alliance of states to create favorable conditions for doing business. And at the current stage of mankind's development, we see the world in the active phase of globalization and integration, including through the active trade of energy resources and technologies from this sphere, due to the development of the energy market and the possibilities of creating access to energy.

Keywords: world energy market, transformation of the energy paradigm, globalization, integration, energy resources

For citation: Kosov M. E. Trends in the development of the global energy sector. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):333–338. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-333-338.

Одной из основ цивилизационного развития общества является энергетика. Рост мировой экономики, улучшение качества жизнедеятельности человека требует расширения возможностей по использованию энергетических ресурсов не только по их физическому объему, но и качеству, прежде всего, с позиций

© Косов М. Е., 2022

влияния на экологию. Соответственно, этот процесс сопровождается возникновением проблем по наращиванию объемов традиционных энергоресурсов и созданию новых технологий, способных минимизировать негативное влияние растущих производств на природную среду.

Человечеству все больше требуется энергии для перемещения товаров и их производства, обеспечения городов энергией и всеми благами цивилизации. Вместе с тем, можно констатировать, что рост происходит не только за счет открытия все большего количества ТЭЦ и прочих генераторов энергии, но также через процесс повышения эффективности внутренних механизмов как в области генерации энергии, так и ее использования. Процессы цифровизации и достижения оптимальной работы оборудования позволяют существенно улучшить показатели отраслей в борьбе за эффективное использование энергетических ресурсов. В последние десятилетия отмечается существенный рост технологий в части использования различных источников энергии от классического угля до развития возобновляемой и ядерной энергетики. Оценить весь цикл спроса и структуры потребления энергии по типам источников, можно по данным рис. 1.

Базируясь на данных рис. 1 и исторических аспектах развития рынка энергетики и технологий, можно выделить три основных этапа развития данного сектора.

Первый этап развития мировой энергетики можно условно определить, как этап с середины XIX в. до 1930-х гг., около 70 лет. В этот период отмечается существенный рост спроса на энергоресурсы: увеличение спроса более чем в четыре раза — с 0,36 до 1,7 млн т нефтяного эквивалента (далее т н. э.), увеличение производства первичной энергии на душу населения с 0,3 до 0,8 т н. э./год. Для этого этапа характерно активное развитие новых технологий, внедрение паровых машин и использование угля как нового эффективного источника термической энергии. Появляются первые ДВС и новые виды топлива (дизель, бензин и прочие сложные органические соединения). Важно отметить, что до сих пор уголь и ДВС на дизельном и бензиновом топливе составляют основу генерации энергии и используются в машинах и технике. В рассматриваемый период были разработаны революционные решения по преобразованию механической энергии в электрическую и обратно, а также средств передачи электроэнергии на большие расстояния (ЛЭП). Эти два главных события заложили фундамент для будущего развития рынка энергетики и смежных отраслей, которые до сих пор играют главную роль в глобальной экономике.

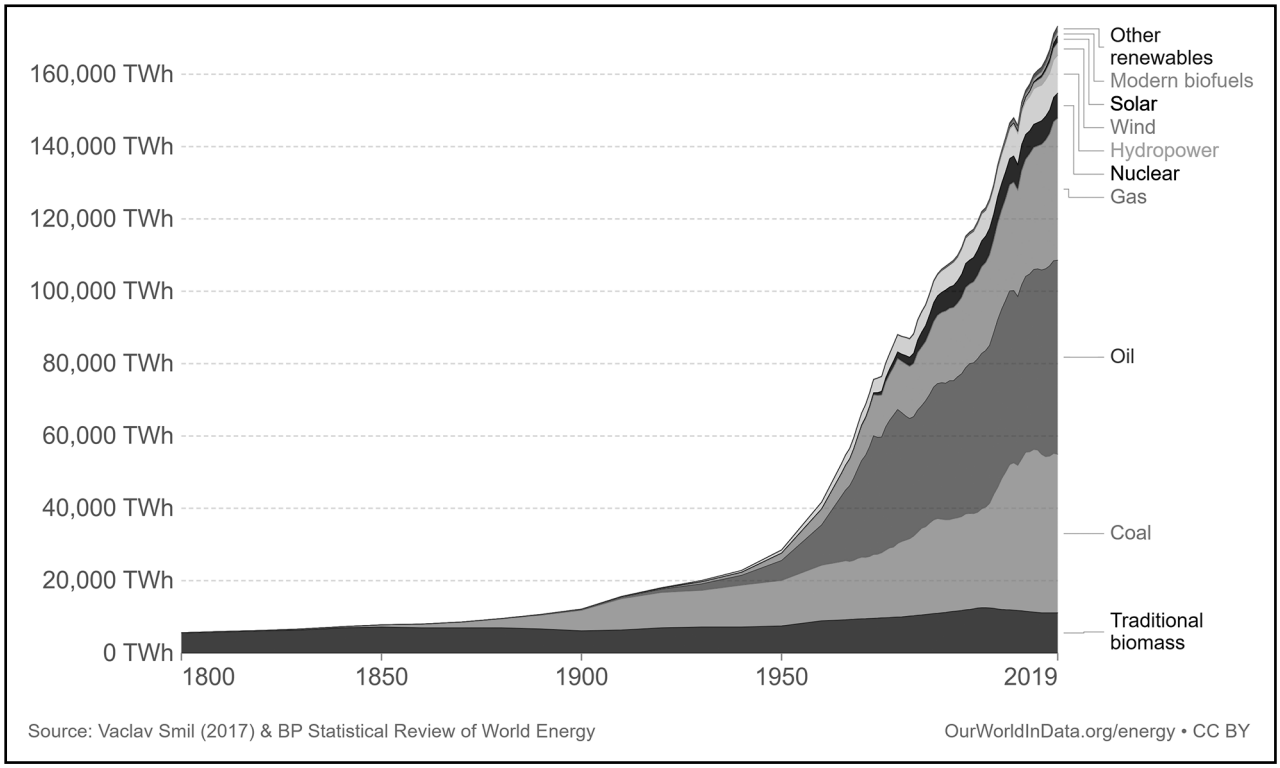


Рис. 1. Историческое потребление первичной энергии
Источник: URL://https://ourworldindata.org/energy-production-consumption.

В это время происходит активный процесс урбанизации и индустриализации первичных секторов экономики, где энергетика была одним из основных драйверов развития и источником эффективности экономической системы. Именно тогда США построили одну из самых сильнейших индустриальных экономик, где основу составляла добыча угля и активное развития рынка топлива. США до сих пор занимают лидирующие позиции в области добычи и экспорта угля. Аналогичные тренды происходят как в Европе, так и Азии. Можно сказать, что бурное развитие технологий и индустриализация стали базисом для будущего развития рынков и энергетика была в авангарде данных цивилизационных процессов.

Второй этап длился примерно 40–50 лет (с 1930-х по 1970-е гг.). В этот период производство энергоресурсов выросло еще в четыре раза (с 1,7 до 7 млн т н. э.) при очередном росте в два раза среднедушевого производства энергии до 1,7 т н. э. Завершился данный этап нефтяным кризисом в 1980 г. в результате общемирового падения цен на фоне перепроизводства нефти. Для этого времени характерна экспансия ДВС и нефти, так как доля нефти в производстве первичной энергии увеличилась в четыре раза — с 11 % в 1940-е гг. до 47 % в 1975 г. Наряду с развитием ДВС начал активно развиваться сектор газовой энергетики и газовых турбин, появились первые масштабные гидроэлектростанции (одной из первых стала дамба Гувера в США), начато развитие ядерной энергетики и появление реактивных двигателей, которые предъявляли новые требования к сгораемым видам топлива. Также появляются технологические возможности для добычи более сложных видов нефти. Были созданы первые крупные газотранспортные системы и нефтяные трубопроводы, что существенно повлияло на развитие региональной политики и международной интеграции. Вместе с тем, была существенно повышена эффективность угольной генерации за счет внедрения новых котлов и технологий обогащения угля, а также использования микса угля и газового топлива.

Третий этап уже можно отнести к текущему периоду развития энергетических технологий, это период с 1980 г. по настоящее время. Данный этап несколько отличается от предыдущих по нескольким факторам.

Во-первых, если смотреть с 2002 г., то среднедушевое потребление энергии в мире практически выросло, но незначительно (1,6–1,7 т н. э. / человека в год) и к окончанию первого десятилетия из-за экономического кризиса мировая энергетика увеличилась почти втрое меньше, чем за предшествующие этапы.

Во-вторых, этот этап глобально не привнес революционных идей и сдвигов в области технологий, если сравнивать с другими этапами. Да, сегодня можно отметить развитие альтернативных источников энергии и частичное замещение ДВС на электромобили, что, прежде всего, отмечается в потребительском сегменте, его существенный рост приходится на 2015–2020 гг. Также в данный момент получили развитие технологии сжиженного газа и водорода, хранения энергии, появились промышленные установки производства метана путем электролиза. Появились новые виды биотоплива, которое используется в основном в домашних хозяйствах, в промышленном производстве задействовано менее 20 %. Кроме того, для этого источника энергии, как и в случае использования традиционных энергетических ресурсов, присущи свои достоинства и недостатки, например, его использование, с одной стороны, уменьшает выбросы углекислого газа, а с другой, — существуют негативные факторы воздействия на природную среду.

Необходимо отметить, что существует прямая зависимость между ростом производства и ростом энергопотребления, поэтому доступность производства и использования энергетических ресурсов является основой для развития общества. Уровень энергопотребления в разных странах неодинаков, и разрыв этого показателя в развитых странах и развивающихся довольно внушительный. Но интересным представляется то, что этот разрыв за последние десятилетия снижается. Если в 60-х гг. XX в. разрыв в удельном потреблении энергии составлял 20 раз, то в настоящее время он сократился до 7 раз, т. е. индустриализация в развивающихся странах происходит высокими темпами, что требует дополнительного энергообеспечения.

В настоящее время предпринимаются шаги к переходу от уже ставших классическими источников энергии угля, нефти и газа к альтернативным источникам, которые отличаются меньшим углеводородным следом и влиянием на окружающую среду. Доля таких ресурсов на энергетическом рынка пока незначительна (рис. 2).

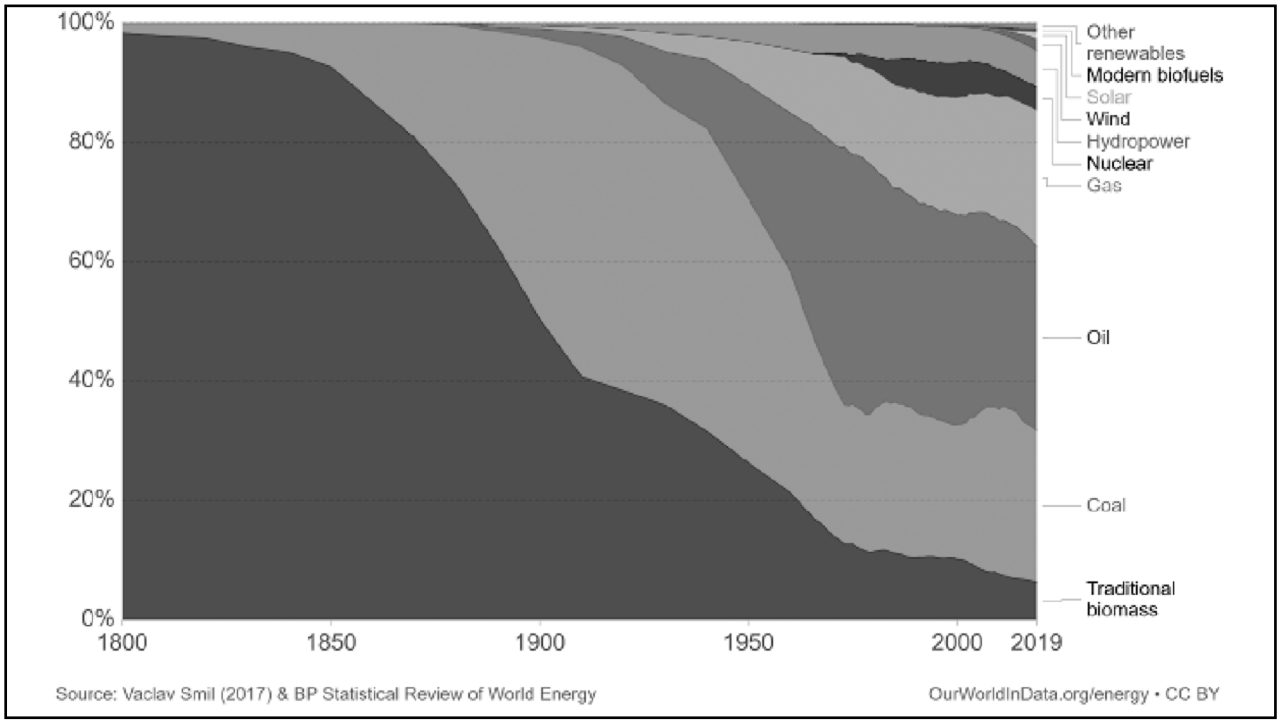


Рис. 2. Структура производства энергоресурсов, %
Источник: URL://https://ourworldindata.org/energy-production-consumption.

Важным представляется также тот факт, что достигнутый уровень жизнеобеспечения современного общества диктует необходимость не только не снижать уровень экономического и социального обеспечения, а наращивать его, что требует роста энергопотребления. Таким образом, необходимо сохранять классические формы энергетических ресурсов, основываясь на разработке и внедрении технологий, направленных на снижение негативного влияния на окружающую среду, и развитие «чистых» технологий. Отметим также, что Россия обладает значительной частью запасов углеводородных ресурсов, которые составляют значительную часть нашего экспорта. В условиях естественных ограничений добычи и транспортировки углеводородного сырья необходимо принимать сбалансированные решения, основанные на научных разработках и конкретных расчетах, расширять практику применения технологий энергосбережения, что накладывает ответственность по энергопотреблению не только на производителей, но и на потребителей.

Энергетический кризис 2020 г., как следствие пандемии и снижения деловой активности мировой экономики, сопровождался резкими скачками цен на углеводороды, что выступает как внешний торговый шок для России. Произошло заметное замедление роста спроса и обострение конкуренции на традиционных энергетических рынках. Последствия пандемии, встряска региональных энергетических рынков еще раз показали, насколько значима для современного мира стабильность мирового энергетического рынка, снабжение потребителей доступной энергией при минимальном воздействии на окружающую среду. Обеспечение энергетическими ресурсами и экологическая безопасность требуют от всех участников рынка ответственного участия и ориентированности на долгосрочную перспективу в интересах стабильности и устойчивого роста национальных экономик и мировой экономики в целом.

На текущий момент наблюдается активное развитие зеленой повестки в крупнейших экономиках мира: ЕС, США, Китай и другие страны. Все эти процессы затрагивают всю цепочку поставок, но в большей степени затрагивают консервативный рынок энергетики и связанных ресурсных продуктов, который формировался десятками лет и уже представлен в виде развитой инфраструктуры по всему миру и крупными игроками. Наряду с пристальным вниманием общественности и компаний к проблемам экологии и климата, все это развивается в параллели с развитием технологий и новыми финансовыми инструментами, которые стимулируют трансформацию в отраслях от перевозок до реализации крупных проектов в области возобновляемой энергетики.

В рамках российского топливно-энергетического комплекса задачами на ближайшую перспективу являются:

• преодоление последствий кризиса, вызванного распространением COVID-19;

• выстраивание взаимоотношений с импортерами российских энергетических ресурсов;

• развитие и активная реализация технологий энергосбережения;

• реализация климатических соглашений;

• договоренности с ОПЕК+ для стабилизации рынка.

В современных условиях стабилизация и развитие мирового рынка энергетики основывается на следующих приоритетах:

• восстановление мировой экономики;

• стабилизация геополитических процессов;

• активная зеленая повестка и борьба ключевых государств с глобальным потеплением;

• реализация климатических соглашений;

• решение проблемы выбросов парниковых газов от производства и использования сгораемого топлива. Как результат: введение квот на выбросы парниковых газов в ЕС, некоторых штатов США и Канаде, начало разработки стратегий по декарбонизации секторов экономики;

• рост альтернативной энергетики в ЕС и США на фоне активного развития зеленой повестки и развития технологий;

• появление, новых концептуальных технологий в области производства водорода как экологически чистого источника энергии в сравнении с углем, нефтепродуктами и газом;

• появлений технологий улавливания, переработки и захоронения парниковых газов (CCU/CCS) от источников выбросов и из воздуха.

Библиографический список

1. Звонова Е. А., Кузнецов А. В. Наднациональные подходы к регулированию глобальных финансовых дисбалансов // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 6. С. 67–76.

2. Звонова Е. А., Кузнецов А. В. Сценарии развития мировой валютно-финансовой системы: возможности и риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 2. С. 5–16.

3. Звонова Е. А., Кузнецов А. В. Фундаментальные дисбалансы в мировой финансовой архитектуре // Российский экономический журнал. 2016. № 4. С. 19–31.

4. Звонова Е. А. Трансформация мировой экономики и пандемия // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 4.

5. Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России / под ред. А. А. Макарова [и др.]. М. : ИНЭИ РАН-АЦ при Правительстве РФ, 2015 // URL://https://www.eriras.ru/fles/evolyutsiya-mirovyhenergeticheskih-rynkov-i-ee-posledstviya-dlya-rossii.pdf.

6. Направления адаптации мировой энергетики к новым рыночным условиям // под ред. А. А. Макарова, Т. А. Митровой, В. А. Кулагина. М. : ИНЭИ РАН, 2018 // URL://https://www.eriras.ru/fles/napravleniya_ adaptatsii_tipograf.pdf.

7. Макаров А. А. Системные исследования развития энергетики. М. : Издательский дом МЭИ, 2015.

8. Технологические инновации как фактор спроса на энергоносители в секторе автомобильного транспорта / Т. А. Митрова [и др.] // Форсайт. 2015. № 4.

9. Scaner. Суперкомплекс активной навигации в энергетических исследованиях / А. А. Макаров [и др.]. М. : ИНЭИ РАН, 2011 // URL://https://www.eriras.ru/fles/skaner_light.pdf.

10. Прогноз научно-технологического развития отраслей топливно-энергетического комплекса России на период до 2035 г. // URL://https://minenergo.gov.ru/node/6366.

11. Calvo G., Leiderman L., Reinhart C. Capital inflows and real exchange rate appreciation in Latin America: the role of external factors // IMF Staff Papers. 1998. № 1. P. 108–151.

12. Kaminsky G.ruen, Reinhart C. (1999). The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance-of-Payments Problems. // American Economic Review, 473–500.

13. Reinhart C. M., Rogoff K. S. Banking Crises: An Equal Opportunity Menace. P. 23.

14. Reinhart, Carmen M., and Vincent R, Reinhart, Financial Crises, Development, and Growth: A Long-term Perspective World Bank Economic Review, April 2015, Vol. 29 (1). 1–24.

Bibliographic list

1. Zvonova E. A., Kuznetsov A.V. Supranational approaches to regulation of global financial imbalances // World economy and international relations. 2017. Vol. 61. No. 6. P. 67–76.

2. Zvonova E. A., Kuznetsov A.V. Scenarios of the development of the world monetary and financial system: opportunities and risks for Russia // World economy and international relations. 2018. Vol. 62. No. 2. P. 5–16.

3. Zvonova E. A., Kuznetsov A.V. Fundamental imbalances in the global financial architecture // Russian Economic Journal. 2016. No. 4. P. 19–31.

4. Zvonova E. A. Transformation of the world economy and the pandemic // Economy. Taxes. Right. 2020. Vol. 13. No. 4.

5. Evolution of world energy markets and its consequences for Russia / edited by A. A. Makarov [et al.]. M. : INEI RAS-AC under the Government of the Russian Federation, 2015 // URL://https://www.eriras.ru/fles/evolyutsiya-mirovyhenergeticheskih-rynkov-i-ee-posledstviya-dlya-rossii.pdf.

6. Directions of global energy adaptation to new market conditions // edited by A. A. Makarov, T. A. Mitrova, V. A. Kulagin. M. : INEI RAS, 2018 // URL://https://-www.eriras.ru/fles/napravleniya_ adaptatsii_tipograf.pdf.

7. Makarov A. A. System researches of power engineering development. M. : Publishing House of the MEI, 2015.

8. Technological innovations as a factor of energy demand in the automotive transport sector / T. A. Mitrova [et al.] // Foresight. 2015. No. 4.

9. The scanner. The supercomplex of active navigation in energy research / A. A. Makarov [et al.]. M. : INEI RAS, 2011 // URL://https://www.eriras.ru/fles/skaner_light.pdf.

10. Forecast of scientific and technological development of the fuel and energy complex of Russia for the period up to 2035 // URL://https://minenergo.gov.-ru/node/6366.

11. Calvo G., Leiderman L., Reinhart S. Capital inflow and real exchange rate increase in Latin America: the role of external factors // Documents of the IMF staff. 1998. No. 1. P. 108–151.

12. Kaminsky G.ruen, Reinhart K. (1999). Double crisis: Causes of problems with banking and balance of payments. // American Economic Review, 473–500.

13. Reinhart K. M., Rogoff K. S. Banking crises: The Threat of Equal Opportunities. P. 23.

14. Reinhart, Carmen M. and Vincent R., Reinhart, Financial Crises, Development and Economic Growth: A Long-term Perspective World Bank Economic Review, April 2015, Vol. 29 (1). 1–24.

Информация об авторе

М. Е. Косов — доцент департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент департамента финансов и цен Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат экономических наук.

Information about the author

M. E. Kosov — Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Finance and Prices of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья
УДК 33
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-339-343
NIION: 2003-0059-3/22-333
MOSURED: 77/27-003-2022-03-532

Национальная экономическая безопасность в эпоху метавселенных

Геворг Тевосович Малашенко[1], Дмитрий Юрьевич Шестаков[2]
[1,2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
[1] malashenko.georg@gmail.com

Аннотация. Возможности государства по защите интересов личности, хозяйствующих субъектов, регионов и страны в целом имеют особое значение для достижения устойчивого развития на национальном и международном уровнях. Развитие экономической безопасности страны — сложный и комплексный процесс, поэтому при его анализе важно учитывать не только динамику экономического роста. Экономическая безопасность страны должна гарантировать и защищать жизненно важные потребности как от внешних, так и внутренних угроз. В условиях экономической глобализации важно раскрыть суть проблемы, выявить реальные угрозы, обеспечить надежные и эффективные методы решения проблемы. В условиях глобального экономического и технологического развития решение проблем экономической безопасности является многогранной задачей, которая должна включать не только функцию обеспечения безопасности, но и комплексный подход, учитывающий общие политические и финансовые возможности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, метавселенные, информационная безопасность, государственное регулирование

Для цитирования: Малашенко Г. Т., Шестаков Д. Ю. Национальная экономическая безопасность в эпоху метавселенных // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 339–343. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-339-343.

Original article

National economic security in the age of the metaverse

Gevorg T. Malashenko[1], Dmitry Yu. Shestakov[2]
[1,2] National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia
[1] malashenko.georg@gmail.com

Abstract. The ability of the state to protect the interests of individuals, economic entities, regions and the country as a whole is of particular importance for achieving sustainable development at the national and international levels. The development of a country's economic security is a complex process, so when analyzing it, it is important to consider not only the dynamics of economic growth. The economic security of the country should guarantee and protect the vital needs both from external and internal threats. In the conditions of economic globalization, it is important to reveal the essence of the problem, to identify the real threats, to provide reliable and effective methods to solve the problem. In the context of global economic and technological development, solving economic security problems is a multifaceted task, which should include not only the security function, but also a comprehensive approach, taking into account general political and financial capabilities.

Keywords: economic security, metaverse, information security, state regulation

For citation: Malashenko G. T., Shestakov D. Yu. National economic security in the age of the metaverse. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):339–343. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-339-343.

Прежде чем приступить к анализу аспекта экономической безопасности, необходимо понять ее феномен. Глейзер [2] определяет безопасность как отсутствие какого-либо риска; он описывает безопасность как решение пяти основных элементов безопасности (рис. 1).

© Малашенко Г. Т., Шестаков Д. Ю., 2022

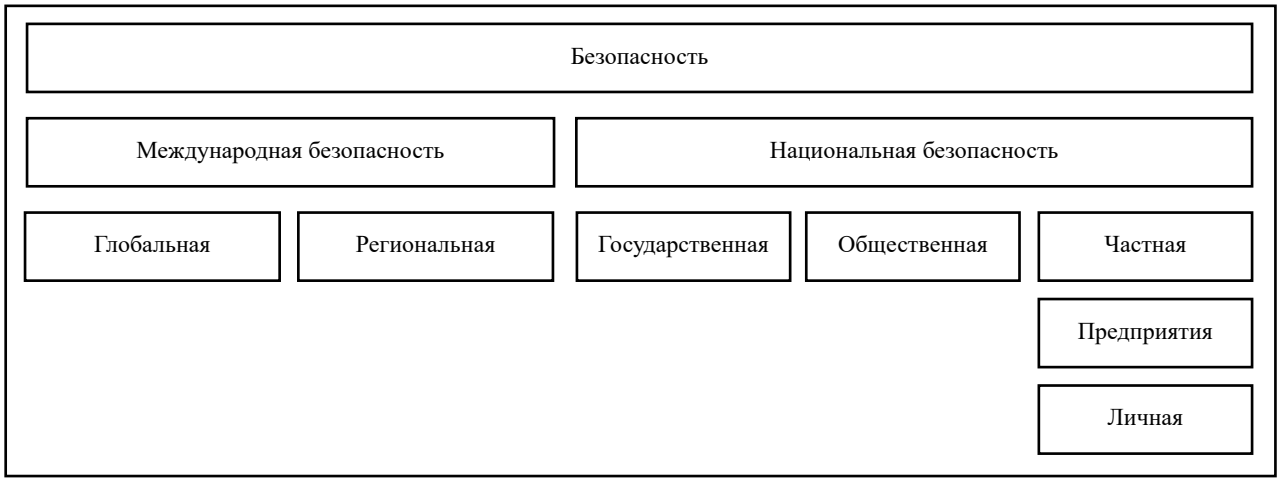


Рис. 1. Структура безопасности

Так, Глейзер делит экономическую безопасность на два основных компонента: международный и национальный. Атрибутами международной безопасности являются глобальная и региональная безопасность.

Глобальная безопасность — это система международных отношений безопасности и угроз, которые могут дестабилизировать мир, спровоцировав глобальный кризис.

Региональная безопасность — совокупность экономических, экологических, правовых, геополитических условий, которые должны обеспечивать безопасность государственных интересов, развитие региона, финансовую стабильность, развитие инфраструктуры и бизнеса, а также влиять на развитие внутренней и внешней безопасности. Безопасность государства состоит в снижении влияния внутренних и внешних конфликтных угроз, подготовке к обороне и глобальному гражданскому сопротивлению в случае агрессии. Общественная безопасность — это политика благосостояния граждан, снижающая риск потенциальных социальных кризисов, сокращающая разрыв в благосостоянии и предотвращающая бедность населения. Частная безопасность, по мнению Глейзера, делится на безопасность предприятий и личную безопасность: предприятия — это финансовая стабильность и развитие бизнеса; личная — принцип безопасного поведения, активные и пассивные меры безопасности.

Исследователь неоднократно подчеркивает важность комплекса экономических и финансовых условий, обеспечения интересов государства, финансовой стабильности, снижения внутренних и внешних угроз, политики индивидуального благосостояния, экономического развития и т. д., но не дает определения экономической безопасности.

Экономическая безопасность страны — это сложная социально-экономическая идея, отражающая огромный спектр производственных, внешних и внутренних угроз в постоянно меняющихся условиях страны. Основными характеристиками и принципами экономической безопасности являются:

- способность страны к экономическому развитию;
- обеспечение уровня жизни в соответствии со стандартами национальной безопасности;
- независимость экономики государства;
- стабильность экономики государства;
- положительная динамика социально-экономических показателей;
- интеграция национальной и международной экономической безопасности;
- решение экономических споров без применения силы.

Концепция экономической безопасности страны состоит из пяти ключевых компонентов безопасности.

1. Инвестиционная безопасность — частные и государственные компании выступают в качестве регуляторов инвестиционных процессов и непосредственно участвуют в них. Повышение привлекательности капитала для развития национальной экономики или снижение рисков, связанных с инвестиционным процессом, должно учитывать интересы всех участников рынка. Государство должно создавать условия для привлечения и защиты инвестиций в приоритетных для него областях.

2. Промышленная безопасность — важнейшая категория экономической безопасности, характеризующая уровень промышленного развития, который показывает все потребности промышленного производства, влияя на динамику его эффективности.

3. Научно-технологическая безопасность заключается в реализации национальных интересов и национальной экономической безопасности, которая возможна только на основе стабильного экономического и промышленного роста и развития науки, технологий и инноваций. Это может обеспечить достаточную социальную, экономическую и политическую стабильность в обществе. Наука и инновации должны влиять на конкурентоспособность и эффективность отечественного производства.

4. Международная экономическая безопасность. Ее суть заключается в обеспечении стабильного, независимого экономического развития страны, основанного на принципах эффективного формирования, развития и сохранения международных экономических отношений. Способность адаптироваться к условиям мирового рынка, политика управления, адаптивность и либерализация являются залогом устойчивого экономического роста.

5. Финансовая безопасность является одним из важнейших компонентов экономической безопасности. Финансовая безопасность — это состояние финансов и финансовых институтов, обеспечивающее гарантированную защиту национальных экономических интересов, развитие гармоничной и социально ориентированной экономики, финансовой системы и всей совокупности финансовых отношений в стране. Также финансовая безопасность — это целостность экономического потенциала и финансовых условий, направленная на сохранение финансовой системы даже при самых неблагоприятных условиях внутреннего и внешнего развития.

С 2017 г. в Российской Федерации действует Стратегия экономической безопасности на период до 2030 г. (далее — «Стратегия») [1]. В Стратегии определены вызовы и угрозы экономической безопасности страны, а также цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности.

Согласно п. 7 Стратегии — «экономическая безопасность» представляет собой состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов РФ.

Стратегия направлена на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также на недопущение снижения качества жизни населения.

В п. 12 Стратегии перечислены основные вызовы и угрозы экономической безопасности, среди которых (что представляет особый интерес автора) отмечается «слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов».

Спустя два года после начала пандемии формат дистанционной работы стал новой нормой, которая привела к развитию цифровых сервисов, позволяющих людям общаться в разных форматах. Вместе с активным развитием технологий дополненной и виртуальной реальности, в ближайшем будущем могут появиться иммерсивные онлайн-пространства. И хотя метавселенной в чистом виде пока не существует, инвесторы с перспективой смотрят на развитие этого рынка. Инвесткомпания Grayscale выпустила отчет с анализом экономики метавселенной и Web 3.0, согласно которому потенциальный целевой рынок может составлять более 1 трлн долл. [4].

Концепция метавселенной стала популярной в 2021 г., вызвав ажиотаж на метарынке акций. Прогнозируется, что ее популярность приведет к появлению виртуальных регуляторов, бирж, банков и платежных компаний, поскольку участники метавселенной в виртуальном пространстве также будут вынуждены нуждаться в проведении платежей, получении кредитов и инвестировании. Несмотря на сегодняшнюю популярность, идеи безопасности в виртуальных мирах изучались экспертами различных отраслей и ранее, например, в статье 2018 г. [3] исследователями Бен Фальчук, Шушана Лоеб и Ральф Нефф.

Международные эксперты обращают внимание на рынок Южной Кореи, на котором идея метавселенной развивается довольно активно. Лихорадка «метаверс» — конвергенции физического, дополненного и виртуального общего пространства охватывает финансовую индустрию страны, поскольку ожидается, что эта концепция создаст и расширит сферу бизнеса. Метавселенная сейчас переживает свой момент на международном уровне, поскольку пандемия

ускорила развитие цифровых экономик в ответ на нарушение моделей ведения бизнеса «лицом к лицу». Руководители крупнейших финансовых компаний — включая брокерские конторы, банки, эмитентов кредитных карт и страховщиков — называют «метаверс» ключевым инициативным проектом для своего бизнеса.

Правительство Южной Кореи поддерживает технологические инновации и развивает в этой сфере государственно-частное партнерство. В мае 2021 г. Министерство науки и информационных технологий создало так называемый «альянс метавселенной» в целях координации и содействия разработке платформ виртуальной и дополненной реальности [7].

К теме метавселенной присоединились и банки. Банк IBK в конце 2021 г. объявил о подписании меморандума о взаимопонимании с Cyworld Z [6]. Cyworld Z — это обновленная версия Cyworld, которая была одной из первых и самых популярных платформ социальных сетей в Южной Корее в 2000-х гг. Социальная медиа-платформа обслуживает собственную виртуальную валюту «Дотори». IBK планирует создать в метавселенной IBK Dotori Bank, который будет запускать финансовые продукты, оптимизированные для пользователей Cyworld Z. Одним из таких продуктов выступает банковская книжка, которая будет вознаграждать пользователей в зависимости от приобретенных ими дотори.

Банк KB Kookmin также собирается открыть виртуальный филиал в метавселенной [6]. В начале этого года он протестировал возможность использования метавселенной в качестве основного канала для своих финансовых услуг.

Китайский институт современных международных отношений «Метавселенная и национальная безопасность» опубликовал доклад [5], в котором рассматриваются три непосредственных воздействия метавселенной.

1. Метавселенная — это движущая сила технологических инноваций в таких областях, как военные технологии, имитационная графика, искусственный интеллект, робототехника и т. п.

2. Перевод цифровой системы и цифровой экономики на новые технологические платформы.

3. Метавселенная способна интегрировать потребности виртуального и реального мира.

В исследовательском отчете ученые аналитического центра предупредили, что метавселенная, которая может стать частью экономической реформы, обязательно окажет влияние на сферу национальной экономической безопасности.

В заключение следует обратить внимание, что регулирование такого комплексного явления, как метавселенные должно происходить в особых регуляторных рамках или среде. Необходимо создавать специальные регуляторные режимы — песочницы, в которых создатели метавселенных и сервисов, продуктов для них, могли бы тестировать свои гипотезы. Также открытым остается вопрос взаимодействия и важности для национальной экономической безопасности существующих и будущих экосистем. Этот вопрос станет предметом следующих исследований.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

2. Glaser C. (1997). The Security Dilemma Revisited. World Politics, Vol. 50. № 1.

3. Falchuk B., Loeb S., Neff R. The Social Metaverse: Battle for Privacy IEEE Technology and Society Magazine. Vol. 37. Iss. 2, 2018.

4. Деньги для метавселенной: эксперт о будущем банков, кредитов и криптовалют // URL://https://incrussia.ru/understand/metaverse-fintech/

5. Исследовательский отчет «Метавселенная и национальная безопасность» // URL://https://www.-block-chain24.com/news/novosti-bezopasnosti/kitayskiy-gosudarstvennyy-analiticheskiy-centr-metavselennaya-mozhet.

6. Major South Korean banks plan virtual branches in the metaverse // URL://https://forkast.news/headlines/metaverse-banks-ibk-kb-kookmin-nh-nonghyup/

7. The South Korean Government Supports Metaverse: A Five-Year Plan to Build a Metaverse City // URL://https://coinyuppie.com/the-south-korean-government-supports-metaverse-a-five-year-plan-to-build-a-metaverse-city/

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 «On the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030» // SZ RF. 2017. No. 20. Art. 2902.

2 Glaser C. (1997). The Security Dilemma Revisited. World Politics, Vol. 50. No. 1.

3. Falchuk B., Loeb S., Neff R. The Social Metaverse: Battle for Privacy IEEE Technology and Society Magazine. Vol. 37. Iss. 2, 2018.

4. Money for the Metaverse: an expert on the future of banks, loans and cryptocurrencies // URL://https://incrussia.ru/understand/metaverse-fintech/

5. Research report «Metaverse and national security» // URL://www.block-chain24.com/news/novosti-bezopasnosti/kitayskiy-gosudarstvennyy-analiticheskiy-centr-metavselennaya-mozhet.

6. Major South Korean banks plan virtual branches in the metaverse // URL://https://forkast.news/headlines/metaverse-banks-ibk-kb-kookmin-nh-nonghyup/

7. The South Korean Government Supports Metaverse: A Five-Year Plan to Build a Metaverse City // URL://https://coinyuppie.com/the-south-korean-government-supports-metaverse-a-five-year -plan-to-build-a-metaverse-city/

Библиографический список

1. Возженников А. В. «Национальная безопасность России»: методология исследования и политика обеспечения. М., 2002.

2. Гончаренко Л. П. Экономическая и национальная безопасность. М. : Экономика, 2008.

3. Дмитриев А. П. Основные понятия общей и специальных теорий безопасности // Национальная безопасность. М., 2011.

4. Обеспечение национальной экономической безопасности: новые вызовы и приоритеты: сб. тезисов докладов междунар. науч. конф. / под ред. А. А. Пороховского, С. В. Кайманакова. М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020.

5. Прохожев А. А. Стабильность и безопасность социального развития // Теория развития и безопасности человека и общества. М. : Ин-октаво, 2006.

Bibliographic list

1. Vozzhenikov A. V. «National security of Russia»: research methodology and security policy. M., 2002.

2. Goncharenko L. P. Economic and national security. M. : Economics, 2008.

3. Dmitriev A.P. Basic concepts of general and special security theories // National Security. M., 2011.

4. Ensuring National Economic Security: New Challenges and Priorities: Sat. abstracts of reports intern. scientific conf. / ed. A. A. Porokhovsky, S. V. Kaymanakov. M. : Faculty of Economics of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 2020.

5. Prokhozhev A. A. Stability and security of social development // Theory of development and security of man and society. M. : In-octavo, 2006.

Информация об авторах

Г. Т. Малашенко — старший преподаватель, заместитель директора Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Д. Ю. Шестаков — научный руководитель Института юридического менеджмента Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

G. T. Malashenko — Senior Lecturer, Deputy Director of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the National Research University «Higher School of Economics»;

D. Yu. Shestakov — Research Director of the Institute of Legal Management of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the National Research University «Higher School of Economics», Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья
УДК 33.332
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-344-351
NIION: 2003-0059-3/22-334
MOSURED: 77/27-003-2022-03-533

Модель оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов России

Андрей Владимирович Минаков[1], Татьяна Николаевна Агапова[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] minakov-info@yandex.ru
[2] tnagapova@gmail

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что долгосрочная финансовая устойчивость регионов определяет возможности социально-экономического регионального развития, а оценка показателей финансовой устойчивости является необходимым аспектом в региональном управлении, позволяющим определить эффективность реализуемой региональной финансовой и бюджетной политики, выявить проблемы, наметить пути их решения, повысить конкурентоспособность территории.

Целью данного исследования выступает изучение способов оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов России. Объект исследования — региональные бюджеты. Субъект исследования — анализ долгосрочной финансовой устойчивости региона.

В исследовании проводился анализ показателей финансовой устойчивости регионов России за 2019–2020 гг., а также анализ отдельных показателей за 2016–2020 гг. Экономико-статистический метод исследования базируется на данных о бюджетных показателях регионов, размещенных на сайте Федерального казначейства России.

Практическая значимость: материалы статьи имеют практическую ценность для анализа долгосрочной финансовой устойчивости регионов России и выявления проблем в региональном управлении.

Ключевые слова: бюджет, дефицит бюджета, доходы бюджета, регион, финансовая устойчивость

Для цитирования: Минаков А. В., Агапова Т. Н. Модель оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 344–351. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-344-351.

Original article

Model of assessment of long-term financial stability of Russian regions

Andrey V. Minakov[1], Tatyana N. Agapova[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] minakov-info@yandex.ru
[2] tnagapova@gmail

Abstract. The relevance of the problem under study is due to the fact that the long-term financial stability of the regions determines the possibilities of socio-economic regional development, and the assessment of indicators of financial sustainability is a necessary aspect in regional management, which makes it possible to determine the effectiveness of the regional financial and budgetary policies implemented, identify problems, outline ways to solve them, and increase the territory's competitiveness.

The purpose of this study is to study ways to assess the long-term financial sustainability of the regions of Russia. The object of the study is regional budgets. The subject of the study is an analysis of the long-term financial sustainability of the region.

The study analyzed the financial stability indicators of the regions of Russia for 2019–2020, as well as the analysis of individual indicators for 2016–2020. The economic and statistical method of the study is based on data on the budget indicators of the regions posted on the website of the Federal Treasury of Russia.

Practical significance: the materials of the article have practical value for analyzing the long-term financial stability of the regions of Russia and identifying problems in regional management.

© Минаков А. В., Агапова Т. Н., 2022

Keywords: budget, budget deficit, budget revenues, region, financial stability
For citation: Minakov A. V., Agapova T. N. Model of assessment of long-term financial stability of Russian regions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):344–351. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-344-351.

Введение. В системе управления государственными финансами России одним из ключевых направлений в настоящее время является обеспечение долгосрочной финансовой устойчивости субъектов федерации. В процессе управления региональными финансами органы власти сталкиваются с высоким уровнем неопределенности бюджетных рисков, вызванных экономическими проблемами, обострившимися из-за пандемии коронавируса и влияния политических факторов в стране (санкции западных стран). В связи с этим, особенно важным является проведение мониторинга долгосрочной финансовой устойчивости регионов с целью повышения эффективности бюджетной политики в субъектах федерации и улучшения условий жизни населения.

Рядом авторов были разработаны модели оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов, однако нет актуальных исследований по оценке долгосрочной финансовой устойчивости конкретных российских регионов, которые будут раскрыты в данной статье.

В рамках исследования проанализирован теоретический и практический материал относительно долгосрочной финансовой устойчивости отдельных российских регионов, на основе статистических показателей по теме исследования сделаны выводы по существующим тенденциям.

Материалы и методы. К ведущим методам исследования проблемы статьи можно отнести анализ теоретических источников, анализ показателей статистики (показатели регионального бюджета), сравнение.

Результаты. Внешняя среда регионов характеризуется глобальной финансово-экономической нестабильностью. Эта проблема усугубляется появлением новых глобальных вызовов — в настоящее время из-за пандемии COVID-19 пострадала экономическая сфера, как всей страны, так и экономика отдельных регионов [4, с. 56]. В существующих условиях оценка долгосрочной финансовой устойчивости регионов становится необходимой для того, чтобы всесторонне оценить возможные финансовые риски, выявить проблемы и сформировать эффективную бюджетную политику региона.

И. С. Зиновьева с соавторами считают, что финансовая устойчивость региона — это его способность рассчитываться по своим обязательствам [2, с. 52].

Долгосрочная финансовая устойчивость региона предполагает стабильность региональных финансов в долгосрочном периоде.

Финансовая устойчивость региона подвержена влиянию множества внешних факторов, т. е. факторов, находящихся вне сферы влияния органов региональной власти (политические, экономические и др.), и внутренних факторов, т. е. факторов, на которые органы региональной власти могут воздействовать (органы управления, бюджетная политика, планирование, контроль и др.).

По мнению М. Ю. Митрофановой, на региональную финансовую устойчивость влияет бюджетная обеспеченность, а также финансовый потенциал предприятий, потенциал финансово-кредитной системы, инвестиционная активность, уровень доходов граждан [6, с. 218].

Существуют различные точки зрения на повышение финансовой устойчивости регионов. Так, по мнению Р. Н. О. Ибрагимова, повышению финансовой устойчивости регионов способствует увеличение доходов бюджета и сокращение расходов путем разработки эффективной системы льгот по налогам, сокращения нецелевого использования средств, создание благоприятного климата для инвесторов, поддержка и стимулирование развития малого и среднего предпринимательства. Эти меры позволяют повысить занятость населения в регионах и покупательную способность населения [3, с. 77].

По мнению О. С. Приходченко и В. С. Никулина, необходимо повышать результативность использования капитальных расходов бюджета региона, заменить различные формы бюджетных трансфертов дополнительными нормативами от налогов [7, с. 140].

Анализ финансовой устойчивости сложен и открыт ко многим методологическим подходам. Существуют различные модели и показатели оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов. Большинство основных показателей является количественными и относительно легко рассчитывается по имеющимся данным официальной статистики.

Е. В. Ханина предлагает рассчитывать следующие показатели финансовой устойчивости региона:

- уровень бюджетного дефицита;
- соотношение между отдельными видами бюджетных доходов;
- уровень бюджетных дотаций;
- объемы региональных долгов [12, с. 127].

А. В. Минаков предлагает рассчитывать следующие показатели финансовой устойчивости региона:

- бюджетная автономия;
- уровень дефицита бюджета;
- деловая активность;
- уровень налоговых доходов;
- бюджетное покрытие;
- бюджетная обеспеченность населения [5].

На основании изучения научных источников рассмотрим формулы расчета основных показателей финансовой устойчивости региона.

Т. В. Сорокина предлагает рассчитывать коэффициент автономии по формуле (1):

$$К_а = \frac{СД}{Д} * 100, \quad (1)$$

где $К_а$ — коэффициент автономии;

СД — собственные доходы бюджета;

Д — общие доходы бюджета [9, с. 83].

Данный коэффициент должен быть выше 50 %.

Уровень дефицита бюджета рассчитывается по формуле (2):

$$У_д = \frac{Д_{еф}}{НН_{ен}} * 100, \quad (2)$$

где $У_д$ — уровень дефицита бюджета;

$Д_{еф}$ — сумма бюджетного дефицита;

$НН_{ен}$ — сумма налоговых и неналоговых доходов [9, с. 83].

Данный коэффициент должен быть ниже 10 %.

Е. Н. Гладковская с соавторами предлагают рассчитывать сбалансированность бюджета по формуле (3).

$$С = \frac{Н_{нен}}{Р} * 100, \quad (3)$$

где С — уровень сбалансированности бюджета;

Р — расходы бюджета [1, с. 119].

Данный коэффициент должен быть выше 85 %.

А. М. Тиньгаев и О. А. Барашков считают необходимым рассчитывать показатели зависимости и устойчивости бюджета по формулам (4) и (5):

Уровень зависимости бюджета:

$$З = \frac{Б}{Д} * 100, \quad (4)$$

где З — уровень зависимости бюджета;

Б — сумма безвозмездных и безвозвратных перечислений от вышестоящих бюджетов.

Уровень устойчивости бюджета:

$$У = \frac{Б}{Н_{нен}} * 100, \quad (5)$$

где У — уровень устойчивости бюджета [10, с. 61].

Показатели зависимости и устойчивости бюджета должен быть ниже 30 %.

Аналитическое кредитное рейтинговое агентство, аккредитованное при ЦБ РФ, финансовую устойчивость регионов определяет по следующим показателям:

- самодостаточность бюджетов (автономия);
- гибкость расходной части (доля капитальных расходов в общих бюджетных расходах);
- соотношение дефицита или профицита к собственным доходам бюджета;
- уровень долговой нагрузки;
- уровень собственной ликвидности (соотношение остатков на счетах и среднемесячных расходов) [8].

Сравним финансовую устойчивость трех регионов, расположенных в Сибирском федеральном округе: Красноярский край, Хакасия, Томская область.

Наиболее крупным регионом из перечисленных является Красноярский край. Показатели регионального бюджета Красноярского края представим на рис. 1.

За 2020 г. у региона выросли доходы бюджета на 1,2 %, налоговые и неналоговые доходы снизились на 7,7 %, безвозмездные поступления выросли на 62,4 %, расходы бюджета увеличились на 16 %, профицит бюджета снизился на 98,9 %.

Показатели регионального бюджета Томской области представлены на рис. 2.

За 2020 г. у региона выросли доходы бюджета на 13,4 %, налоговые и неналоговые доходы снизились на 7,9 %, безвозмездные поступления выросли в 17 раз, расходы бюджета увеличились на 22,1 %, дефицит бюджета вырос почти в три раза.

Показатели регионального бюджета Хакасии представлены на рис. 3.

За 2020 г. у региона выросли доходы бюджета на 17,6 %, налоговые и неналоговые доходы снизились

Рис. 1. Динамика показателей регионального бюджета Красноярского края в 2019–2020 гг., млрд руб. [11]

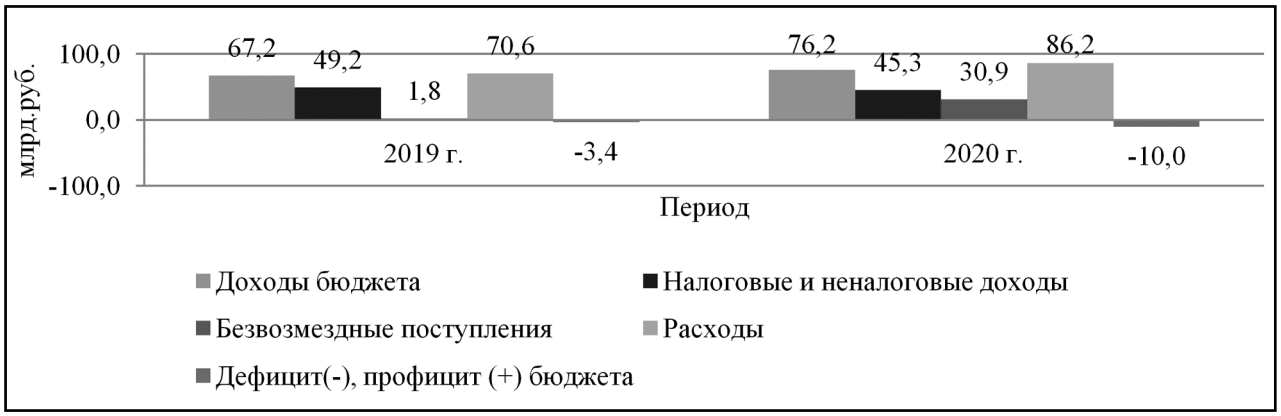


Рис. 2. Динамика показателей регионального бюджета Томской области в 2019–2020 гг., млрд руб. [11]

на 15,5 %, безвозмездные поступления выросли на 84,3 %, расходы бюджета увеличились на 39,6 %, профицит бюджета вырос в четыре раза.

Далее рассмотрим показатели финансовой устойчивости регионов за 2019–2020 гг. (рассчитанные автором самостоятельно по формулам 1–5). Показатели по Красноярскому краю представлены на рис. 4.

У региона показатель бюджетной автономии снизился за 2020 г. на 7,7 п.п. (ухудшился), показатель бюджетной зависимости вырос на 7,7 п.п. (ухудшился), коэффициент устойчивости вырос на 11,1 п.п. (ухудшился), сбалансированность бюджета снизилась на 20,4 п.п. (ухудшилась), причем этот показатель в 2020 г. был ниже норматива.

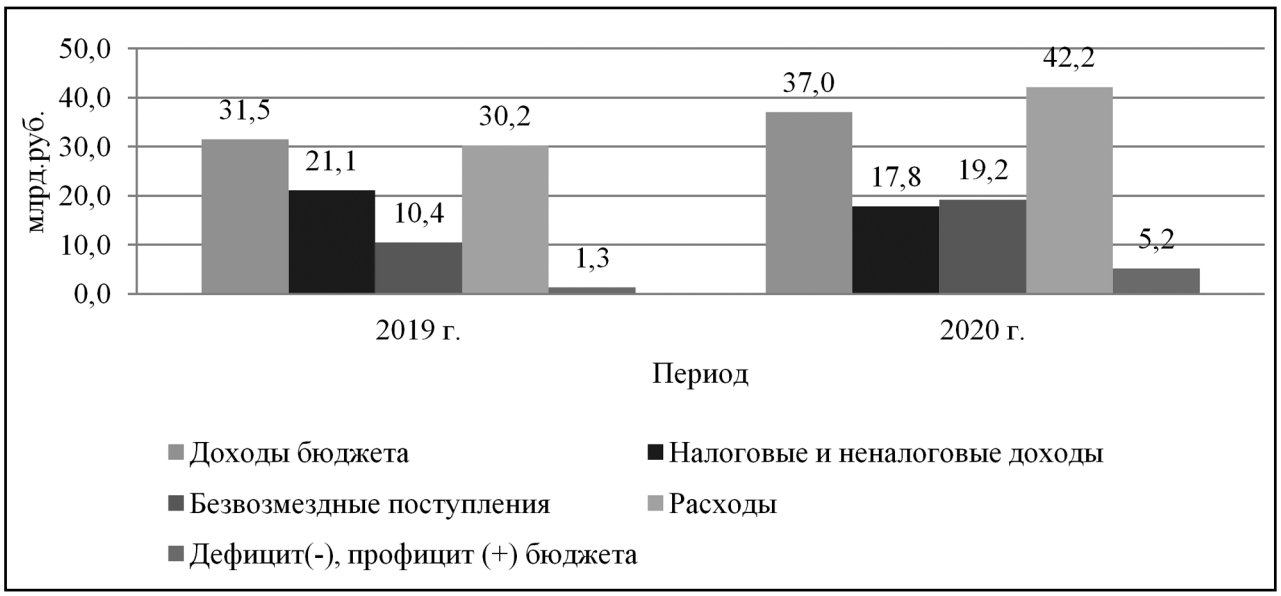


Рис. 3. Динамика показателей регионального бюджета Хакасии в 2019–2020 гг., млрд руб. [11]

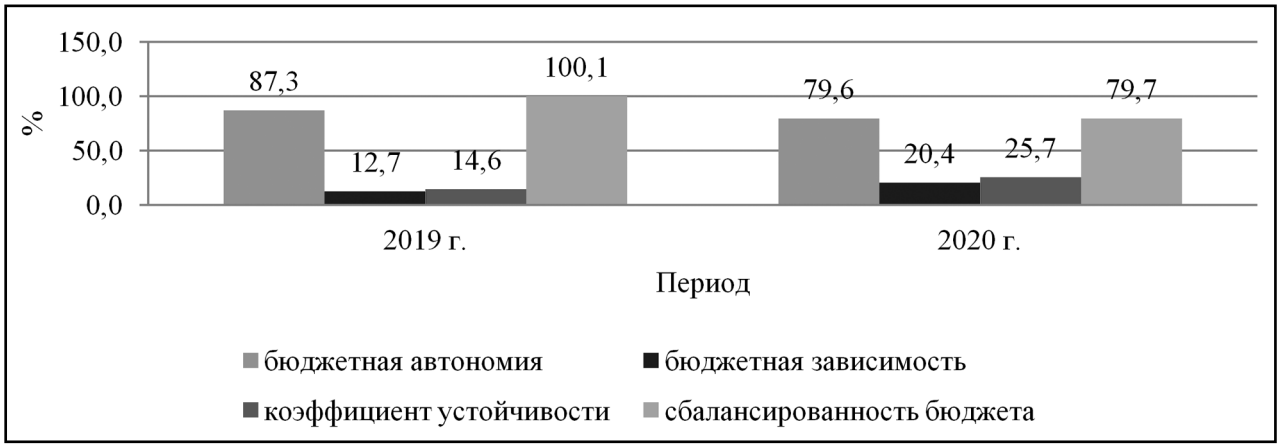


Рис. 4. Динамика показателей финансовой устойчивости Красноярского края в 2019–2020 гг., % [11]

Можно сделать вывод о неустойчивом положении региона.

Показатели по Томской области представлены на рис. 5.

У региона показатель бюджетной автономии снизился за 2020 г. на 13,8 п.п. (ухудшился), показатель бюджетной зависимости вырос на 37,9 п.п. (ухудшился), коэффициент устойчивости вырос на 64,5 п.п. (ухудшился), сбалансированность бюджета снизилась на 17,1 п.п. (ухудшилась), причем этот показатель в 2019–2020 гг. был ниже норматива. Коэффициент уровня дефицита вырос на 15,2 п.п. (ухудшился). Можно сделать вывод о неустойчивом положении региона.

Показатели по Хакасии представлены на рис. 6.

У региона показатель бюджетной автономии снизился за 2020 г. на 18,8 п.п. (ухудшился), показатель бюджетной зависимости вырос на 18,8 п.п. (ухудшился), коэффициент устойчивости вырос на 58,4 п.п. (ухудшился), сбалансированность бюджета снизилась на 27,5 п.п. (ухудшилась), причем этот показатель в 2019–2020 гг. был ниже норматива. Можно сделать вывод о неустойчивом положении региона.

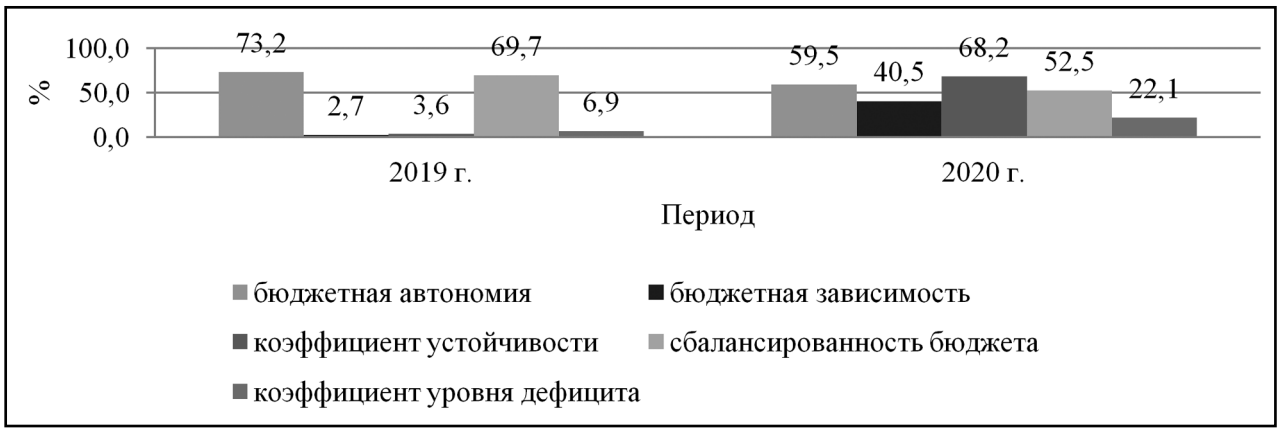


Рис. 5. Динамика показателей финансовой устойчивости Томской области в 2019–2020 гг., % [11]

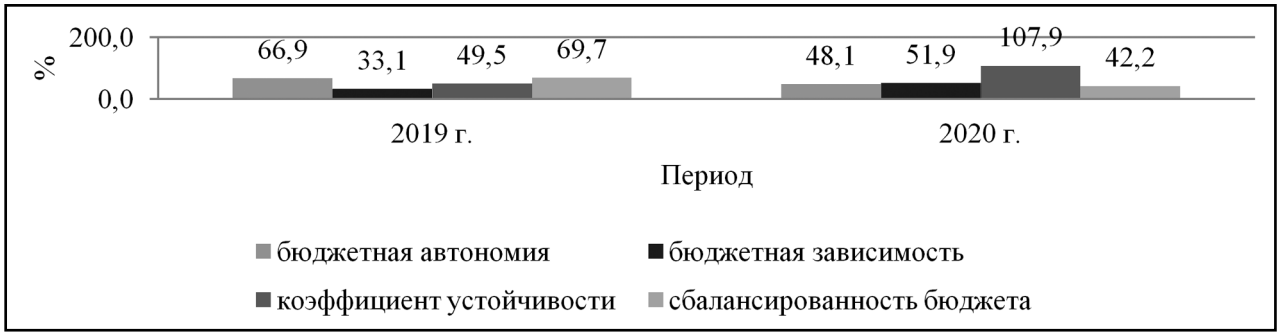


Рис. 6. Динамика показателей финансовой устойчивости Хакасии в 2019–2020 гг., % [11]

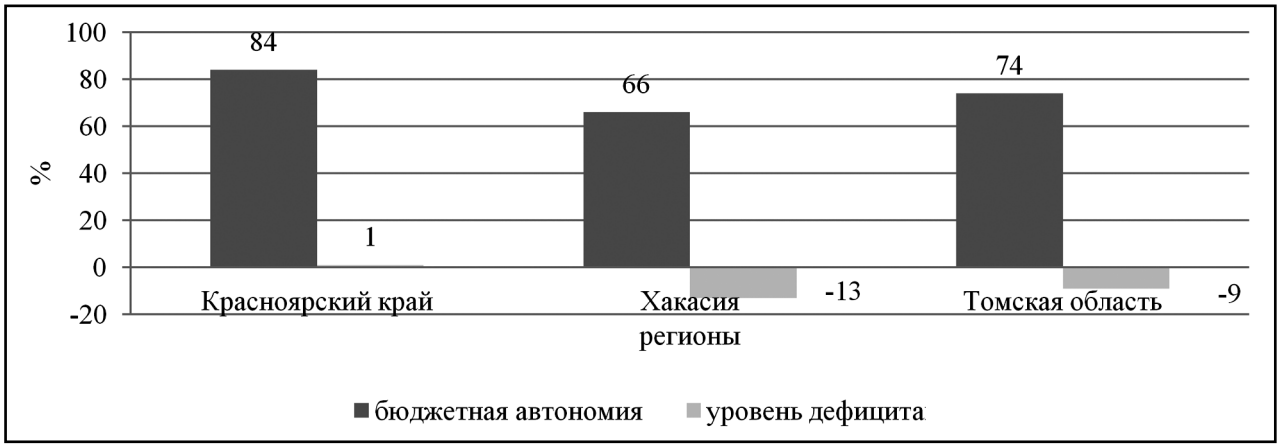


Рис. 7. Средние показателей бюджетной автономии и уровня дефицита в регионах за 2016–2020 гг., % [8]

Аналитическое Кредитное Рейтинговое Агентство проанализировало данные за более длительный период — за 2016–2020 гг. и вычислило следующие показатели финансовой устойчивости по регионам (рис. 7–10) [8].

По показателям «бюджетная автономия» и «уровень дефицита» за последние пять лет наилучшие показатели у Красноярского края, а наихудшие у Хакасии.

Сравним уровни собственной ликвидности в регионах (рис. 8).

По показателю «уровень собственной ликвидности» за последние пять лет наилучший показатель у Красноярского края, а наихудший у Хакасии. Наличие достаточного объема остатков на счетах — это фактор, повышающий устойчивость бюджета к возможным кассовым разрывам. Чем меньше запас собственной ликвидности, тем больше для региона риск возможных кассовых разрывов и больше зависимость от внешних источников ликвидности.

Сравним уровни долговой нагрузки в регионах (рис. 9).

Долги регионов включают бюджетные кредиты, облигации, банковские кредиты, госгарантии и иные долговые обязательства. Чем выше показатель, тем ниже финансовая устойчивость. Из рассматриваемых регионов наихудшее положение у Хакасии.

Сравним уровни гибкости расходной части бюджета в регионах (рис. 10).

Рис. 8. Средние показатели уровня собственной ликвидности в регионах за 2016–2020 гг., % [8]

Рис. 9. Средние показатели уровня долговой нагрузки в регионах за 2016–2020 гг., % [8]

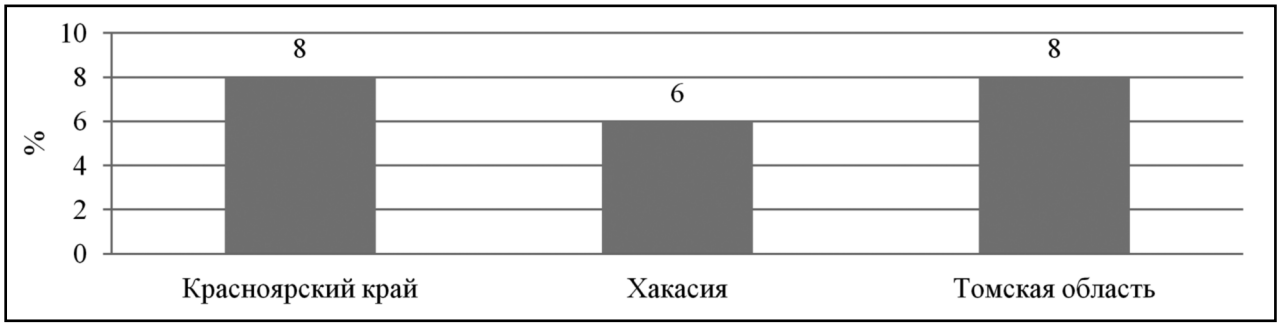


Рис. 10. Средние показатели уровня гибкости расходной части бюджета в регионах за 2016–2020 гг., % [8]

Среди рассматриваемых регионов практически одинаковый невысокий уровень гибкости расходной части бюджета — ниже среднего по стране (12 %).

Выводы. Обобщая полученные результаты, можно сделать определенные выводы. Долгосрочная финансовая устойчивость региона предполагает стабильность региональных финансов в долгосрочном периоде. Существуют различные модели и показатели оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов. К наиболее важным показателям, отражающим финансовую устойчивость региона, относятся: коэффициент автономии, уровень дефицита бюджета, сбалансированность бюджета, уровень зависимости бюджета, уровень устойчивости бюджета.

В исследовании была проанализирована долгосрочная финансовая устойчивость трех регионов, расположенных в Сибирском федеральном округе: Красноярский край, Хакасия, Томская область; сделаны выводы. В 2020 г. все регионы являются финансово неустойчивыми, за год у регионов снизились собственные доходы бюджета, выросли объемы безвозмездных поступлений, снизился профицит (у Красноярского края), вырос дефицит (в Томской области, в Хакасии), произошло снижение финансовой устойчивости, на что повлияло распространение коронавирусной инфекции и ухудшение экономической обстановки в стране. Из рассмотренных регионов наибольшая финансовая устойчивость у Красноярского края (низкий уровень долга, высокий уровень собственной ликвидности и бюджетной автономии). Средний уровень у Томской области. Низкая финансовая устойчивость у Хакасии (высокий уровень долга, низкий уровень собственной ликвидности и бюджетной автономии), на что во многом повлиял высокий уровень дефицита бюджета.

Список источников

1. Гладковская Е. Н., Цало И. М., Тетеркина Л. Б. Оценка финансовой устойчивости региональных бюджетов в России: методика и алгоритм ее применения // Вопросы управления. 2017. С. 119–131.

2. Зиновьева И. С., Голубятникова А. В., Голубчикова Н. С. Финансовая устойчивость как необходимое условие развития региона // Актуальные направления научных исследований XXI века. 2019. № 2. С. 52–57.

3. Ибрагимов Р. Н. О. Методика интегральной оценки финансовой устойчивости региональной экономики на примере Алтайского края // Экономическая наука современной России. 2020. № 3. С. 77–90.

4. Мамий Е. А., Тумилович А. В. Финансовая устойчивость региона в современных условиях на примере Краснодарского края // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10-1. С. 56–63.

5. Минаков А. В. Оценка современного состояния финансовой устойчивости бюджетной системы России // Вестник Евразийской науки. 2020. № 3 // URL://https://esj.today/PDF/69ECVN320.pdf.

6. Митрофанова М. Ю. Финансовая устойчивость региона как основа его экономической безопасности. В сб.: Экономическая безопасность как парадигма современной теории и практики управления. 2019. С. 218–222.

7. Приходченко О. С., Никулин В. С. Бюджетная устойчивость региона как основа обеспечения экономической безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2019. № 1. С. 140–147.

8. Рэнкинг регионов сибирского федерального округа по уровню финансовой устойчивости // InvestFunds. 2021 // URL://https://investfunds.ru/analytics/279151/download/

9. Сорокина Т. В. Оценка финансово-бюджетной устойчивости муниципальных образований // Baikal Research Journal. 2010. № 5. С. 83–87.

10. Тиньгаев А. М., Барашков О. А. Актуальные подходы к анализу бюджетной устойчивости региона // Экономика и эффективность организации производства. 2011. № 14. С. 61–67.

11. Исполнение бюджетов субъектов РФ: официальные данные // Федеральное казначейство. 2021 // URL://https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/

12. Ханина Е. В. Теоретические аспекты финансовой устойчивости региона и система показателей ее оценки. Чебоксары, 2019. С. 127–130.

References

1. Gladkovskaya E. N., Tsalo I. M., Teterkina L. B. Assessment of financial stability of regional budgets in Russia: methodology and algorithm of its application // Management issues. 2017. P. 119–131.

2. Zinovieva I. S., Golubyatnikova A.V., Golubchikova N. S. Financial stability as a necessary condition for the development of the region // Actual directions of scientific research of the XXI century. 2019. № 2. P. 52–57.

3. Ibragimov R. N. O. Methodology of integral assessment of financial stability of the regional economy on the example of the Altai Territory // Economic science of modern Russia. 2020. № 3. P. 77–90.

4. Mamiy E. A., Tumilovich A. V. Financial stability of the region in modern conditions on the example of the Krasnodar Territory // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. № 10-1. P. 56–63.

5. Minakov A. V. Assessment of the current state of financial stability of the budgetary system of Russia // Bulletin of Eurasian Science. 2020. № 3 // URL://-https://esj.today/PDF/69ECVN320.pdf.

6. Mitrofanova M. Yu. Financial stability of the region as the basis of its economic security. In the collection: Economic security as a paradigm of modern management theory and practice. 2019. P. 218–222.

7. Prikhodchenko O. S., Nikulin V. S. Budgetary stability of the region as a basis for ensuring economic security // Proceedings of the Southwestern State University. 2019. № 1. P. 140–147.

8. Ranking of the regions of the Siberian Federal District by the level of financial stability // InvestFunds. 2021 // URL://https://investfunds.ru/analytics/279151/download/

9. Sorokina T. V. Assessment of financial and budgetary stability of municipalities // Baikal Research Journal. 2010. № 5. P. 83–87.

10. Tingaev A. M., Barashkov O. A. Actual approaches to the analysis of budgetary stability of the region // Economics and efficiency of production organization. 2011. № 14. P. 61–67.

11. Execution of budgets of subjects of the Russian Federation: official data // Federal Treasury. 2021 // URL://-https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/

12. Khanina E. V. Theoretical aspects of the financial stability of the region and the system of indicators for its assessment. Cheboksary, 2019. P. 127–130.

Информация об авторах

А. В. Минаков — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Т. Н. Агапова — профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Minakov — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

T. N. Agapova — Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 339.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-352-356
NIION: 2003-0059-3/22-335
MOSURED: 77/27-003-2022-03-534

Социально-правовые предпосылки уголовно-правового обеспечения института банкротства

Денис Алексеевич Попов
Адвокатский кабинет Д. А. Попова Адвокатской палаты Краснодарского края, Краснодар, Россия,
popov0702@icloud.com

Аннотация. Институт банкротства представляет собой сложный и достаточно давно сформировавшийся в рамках российского правового поля хозяйственно-экономический регулятор, включающий в себя комплекс широкого ряда правовых норм — от гражданских, трудовых и административных до норм уголовного права. Как и любой сложный регулятор, являющийся структурным элементом целостной экономической системы, он может быть использован не только в целях своего создания — как инструмент оздоровления хозяйственного оборота государства и исключения из него нежизнеспособных структурных элементов, восстановления нормального хозяйственного положения субъектов, если таковое возможно, способ возвращения добросовестным кредиторам их займов, но и в целях, к примеру, незаконного перераспределения чужого имущества или его хищения, как способ избегания исполнения обязательств перед своими кредиторами, своеобразной формой финансового оздоровления, преимущественного удовлетворения интересов определенного круга лиц в ущерб иным лицам, либо способ избавления от нежелательных конкурентов на рынке, а также в иных целях.

Ключевые слова: банкротство, финансовое оздоровление, рыночная экономика, недобросовестное поведение, уголовное наказание, кредитор, должник, убытки

Для цитирования: Попов Д. А. Социально-правовые предпосылки уголовно-правового обеспечения института банкротства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 352–356. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-352-356.

Original article

Social and legal prerequisites for the criminal law provision of the institution of bankruptcy

Denis A. Popov
D. A. Popov's Law Office of the Krasnodar region Chamber of Advocates, Krasnodar, Russia,
popov0702@icloud.com

Abstract. The institution of bankruptcy is a complex and fairly long-established within the framework of the Russian legal field economic and economic regulator, which includes a set of a wide range of legal norms — from civil, labor and administrative to criminal law. Like any complex regulator, which is a structural element of a holistic economic system, it can be used not only for the purpose of its creation — as an instrument for improving the economic turnover of the state and excluding non-viable structural elements from it, restoring the normal economic position of entities, if possible, a way of repaying their loans to bona fide creditors, but also for the purposes of, for example, illegal redistribution of other people's property or its theft, as a way of avoiding the fulfillment of obligations to their creditors, a peculiar form financial recovery, preferential satisfaction of the interests of a certain circle of persons to the detriment of other persons, or a way of getting rid of undesirable competitors in the market, as well as for other purposes.

Keywords: bankruptcy, financial recovery, market economy, unfair behavior, criminal punishment, creditor, debtor, losses

© Попов Д. А., 2022

For citation: Popov D. A. Social and legal prerequisites for the criminal law provision of the institution of bankruptcy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):352–356. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-352-356.

Соблюдение договорной дисциплины является жизненно важным для нормального функционирования рыночной экономики. По этому поводу К. Осакве метко подчеркивает: «договор выступает тем локомотивом, который тянет весь рынок, способствуя экономической рентабельности общества» [2]. В современном обороте недобросовестное поведение хозяйствующего субъекта, к сожалению, является достаточно распространенным явлением. По этой причине суды нагружены исками, предметом которых выступает неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств субъектами экономической деятельности. Нарушение контрагентами взятых на себя обязательств дестабилизирует оборот, а также резко увеличивает риски заключения договоров.

Справедливо также указать, что несоблюдение договорных обязательств не всегда обусловлено злонамеренным поведением субъекта. Довольно часто предпринимательский риск приводит к неспособности исполнить взятое обязательство по объективным причинам. Разразившаяся пандемия COVID-19 со всей наглядностью показала, что самое строгое планирование и выверенный механизм ведения бизнеса могут оказаться недостаточными для того, чтобы благополучно преодолеть общее «замирание рынка». В таких условиях добросовестность субъекта экономической деятельности связана с соблюдением установленной законом процедуры ликвидации (банкротства), при которой происходит справедливое удовлетворение требований кредиторов.

Процедура банкротства четко регламентирована нормами действующего законодательства, однако данные правоотношения находятся в состоянии постоянного развития ввиду того, что сфера является динамичной, выступая механизмом ее очистки от нежизнеспособных субъектов хозяйственного оборота. Сама по себе процедура банкротства подразумевает под собой последний способ воздействия на должника с целью защиты прав и законных интересов кредиторов и выступает исключительной мерой, в связи с чем добросовестные кредиторы должны использовать все возможные способы защиты своих нарушенных прав, прежде чем обращаться к данной процедуре. Иное поведение кредиторов может быть расценено как злоупотребление правом [3, с. 32–33].

Как известно, наиболее значимым критерием криминализации является объективное установление общественной опасности того или иного поведения личности. Назвать этот критерий сугубо объективным, пожалуй, нельзя, поскольку в самом утверждении о вредоносности той или иной социальной практики есть так называемый оценочный (аксиологический) аспект. Этим, по сути, объясняется и такое качество преступности, как ее историческая изменчивость: на разных этапах социального, экономического, политического и культурного развития общество само определяет феномен вредоносности [1, с. 61].

Общественная опасность криминального банкротства определяется совокупностью факторов, которые, полагаем, системно могут быть представлены на макро- и микроуровне. В макроэкономическом аспекте злоупотребления установленной законом процедурой признания несостоятельности хозяйствующего субъекта подрывает сами основы экономики государства. В условиях, когда контрагент может в любое время отказаться от исполнения принятых на себя обязательств, аннулировав при этом возможность эквивалентной компенсации понесенных стороной убытков, подрывается необходимое доверие в экономической деятельности. Это приводит к дестабилизации рынка и его стагнации, когда отсутствие определенности в исполнимости сделок заставляет бизнес использовать крайне выжидательную стратегию. Макроуровень общественной опасности криминального банкротства состоит также в ухудшении репутации экономики страны в целом. Это, в свою очередь, снижает привлекательность отечественного рынка для зарубежных инвесторов.

На микроуровне общественная опасность криминального банкротства проявляется совокупностью негативных последствий. Прежде всего, криминальное банкротство влечет за собой ущерб для бюджета государства и (или) других участников экономической деятельности. Банкротные злоупотребления приводят к невынужденному снижению производственной эффективности организаций, сокращению рабочих мест, в отдельных случаях к реальной несостоятельности добросовестных хозяйствующих субъектов, невыплате заработной платы и т. д. Этот

список может быть продолжен, но, полагаем, целостное представление об объективной общественной опасности криминального банкротства по большому счету уже представлено [6].

В связи с освещением вопроса об общественной опасности криминального банкротства на данном этапе работы представляется необходимым хотя бы в общих чертах охарактеризовать выделяемые формы злоупотребления несостоятельностью. В юридической литературе и правоприменительной практике по гражданским делам злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) выделяется в самостоятельную форму, не поименованную в ст. 10 ГК РФ, и представляет собой недобросовестное поведение лица, направленное на удовлетворение, в первую очередь, личных интересов, при этом права и интересы иных субъектов в рамках данных правоотношений данное лицо не учитывает.

Следует отметить, что в рамках существующей процедуры баланс интересов сторон имеет существенное значение, так как само по себе злоупотребление выражается в нарушении данного баланса, например, вследствие манипулирования преимущественным правом выкупа; заинтересованное лицо, в нарушение очередности погашения задолженности, может получить определенное имущество должника.

Первоначально злоупотребление при банкротстве отождествлялось исключительно с недействительными сделками, направленными на нарушение прав и законных интересов кредиторов [8].

Показательный пример недобросовестных действий финансового управляющего, повлекших его отстранение, отражен в постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 11 июня 2020 г. № 01АП-284/2017 по делу № А79-6522/2016. Финансовый управляющий создал ситуацию, допускающую возможность бесконтрольного расходования денежных средств, что противоречит как положениям закона о банкротстве, так и его целям, а также нарушает права кредиторов на осуществление постоянного контроля за расходованием денежных средств. Также было установлено бездействие финансового управляющего в реализации в установленный срок имущества, что привело к затягиванию процедуры банкротства и нарушению имущественных прав кредиторов.

Формой злоупотребления при банкротстве является сделка, при этом субъектный состав весьма разнообразен — стороной по сделке может выступать не только должник, но и иные лица. К примеру, определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2020 г. № 306-ЭС19-19734 по делу № А55-505/2016 установлено: конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными сделок по внесению имущества должника в уставной капитал некоторых юридических лиц, применении последствий недействительности сделок в виде обязания возвратить в конкурсную массу спорное имущество. Постановлениями нижестоящих инстанций в удовлетворении заявления отказано. Как следует из существа спора, право собственности должника на некоторое недвижимое имущество прекращено в связи с тем, что оно внесено в качестве взноса в уставный капитал юридического лица № 1, которое впоследствии внесло спорное имущество в качестве доли в уставном капитале обществ № 2 и № 3, после чего было ликвидировано.

Впоследствии решением суда должник признан банкротом, открыта процедура конкурсного производства. Конкурсный управляющий мотивировал указанное заявление тем, что сделки по отчуждению спорного имущества влекут вывод из конкурсной массы основного имущества, что влечет нарушение прав и законных интересов кредиторов. Суд первой инстанции и окружной суд руководствовались тем, что заявителем не доказан факт недействительности сделок, так как в результате спорных сделок должник приобрел доли в уставном капитале юридических лиц и, соответственно, прав участника общества, что является возмездным приобретением. Суд апелляционной инстанции указал, что на момент совершения спорных сделок должник был неплатежеспособным, при этом указанные сделки являлись безвозмездными, не имели экономической целесообразности, преследовали своей целью вывод активов должника во вред кредиторам и были совершены заинтересованными лицами, что прямо предполагало осведомленность последних о наличии у должника признаков неплатежеспособности.

Не менее распространенной формой злоупотребления при банкротстве является вывод активов. В большинстве своем она состоит из целого комплекса действий, а также предполагает наличие широкого круга лиц, участвующих в данном процессе [4].

Подвидом злоупотребления правом путем вывода активов является заключение соглашения об отступном, а также взаимозачет требований. Следует отметить, что позиция судов относительно возможности заключения соглашения об отступном при банкротстве основывается на разъяснениях, приведенных в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований». Так, суды разных уровней указывают на недопустимость зачета встречного однородного требования с даты возбуждения в отношении одной из его сторон дела о банкротстве, при этом возможно проведение зачета в исполнительном производстве, при условии наличия исполнительных производств в отношении подлежащих зачету встречных требований [5]. Такая позиция поддержана Верховным Судом Российской Федерации (определение Верховного Суда РФ от 19 августа 2019 г. № 304-ЭС19-12780 по делу № А03-23842/2018). К примеру, в постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 11 июня 2020 г. № 01АП-2294/2020 по делу № А43-47726/2017 решение Арбитражного суда Нижегородской области от 6 февраля 2020 г. оставлено без изменения ввиду нижеследующего. Подрядчик обратился в суд с иском к генподрядчику о взыскании долга, указывая на то, что между обществом № 1 (заказчик), обществом № 2 (генподрядчик) и обществом № 3 (подрядчик) 1 марта 2016 г. заключен договор строительного подряда на строительство объекта недвижимости. За период с 30 июня 2016 г. по 31 августа 2017 г. подрядчик выполнил, а генподрядчик принял работы на сумму 298 504 835 руб. 98 коп., в связи с чем заказчик перечислил на счет подрядчика денежные средства в сумме 149 141 700 руб., позднее генподрядчик перечислил на счет подрядчика денежные средства в размере 113 млн руб. Таким образом, сумма задолженности генподрядчика перед подрядчиком составила 36 363 135 руб. 98 коп. Позднее между заказчиком и подрядчиком был заключен договор уступки права требования по обязательствам на сумму 14 420 022 руб. 11 коп., вытекающим из указанного договора строительного подряда, в связи с чем заказчиком генподрядчику была направлена соответствующая претензия с требованием погасить долг и возникшую неустойку, однако она была оставлена без удовлетворения. 15 марта 2018 г. генподрядчик направил в адрес подрядчика заявление о зачете встречных однородных требований, указал на наличие у него задолженности перед подрядчиком в размере 21 942 213 руб. 87 коп., просил прекратить взаимные обязательства по договору строительного подряда путем зачета встречного требования генподрядчика к заказчику, возникшего на основании иного договора подряда от 1 сентября 2016 г., заключенного между генподрядчиком и заказчиком, а также договора цессии от 25 сентября 2017 г., заключенного между заказчиком (цедент) и генподрядчиком (цессионарий). 7 ноября 2017 г. определением суда возбуждено производство о признании подрядчика банкротом. Суд отдельно указал, что с даты возбуждения дела о банкротстве кредиторы не вправе получать от подрядчика какие-либо суммы без соблюдения порядка удовлетворения требований в рамках банкротства, так как обратное будет являться злоупотреблением правом. Таким образом, заявление о зачете встречных однородных требований не является основанием для прекращения денежных обязательств [7].

Список источников

1. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: моногр. М., 2012.

2. Осакве К. Экономико-философская интерпретация договора в англо-американском общем праве: либеральная теория договора // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 97.

3. Улезько Г.С. Уголовно наказуемое преднамеренное и фиктивное банкротство: законодательная регламентация и практика применения: дисс. … канд. юрид. наук. Грозный, 2020.

4. Дело № А60-36656/2018 Арбитражного суда Свердловской области (решение от 30 июля 2019 г.).

5. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований».

6. Постановление ГД ФС РФ от 15 ноября 2018 г. № 5222-7 ГД «О парламентских запросах Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Генеральному прокурору Российской Федерации Ю. Я. Чайке и Министру внутренних дел

Российской Федерации В. А. Колокольцеву «Об активизации деятельности по выявлению и расследованию случаев преднамеренного и фиктивного банкротства юридических лиц, а также иных неправомерных действий при банкротстве» // СЗ РФ. 2018. № 47. Ст. 7245.

7. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 11 июня 2020 г. № 01АП-2294/2020 по делу № А43-47726/2017.

8. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)».

References

1. Epifanova E. V. Public danger as a scientific category, legislative definition: history and modernity: monogr. M., 2012.

2. Osakwe K. Economic and philosophical interpretation of the contract in Anglo-American common law: liberal theory of contract // Journal of Russian Law. 2004. No. 9. P. 97.

3. Ulezko G.S. Criminally punishable intentional and fictitious bankruptcy: legislative regulation and practice of application: diss. ... cand. jurid. sciences'. Grozny, 2020.

4. Case no. A60-36656/2018 of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region (decision of July 30, 2019).

5. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 29, 2001 No. 65 «Review of the practice of dispute resolution related to the termination of obligations by offsetting homogeneous counterclaims».

6. Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated November 15, 2018 No. 5222-7 of the State Duma «On Parliamentary Requests of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation to the Prosecutor General of the Russian Federation Yu. Ya. Chaika and the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation V. A. Kolokoltsev «On the intensification of activities to identify and investigate cases of deliberate and fictitious Bankruptcy of Legal Entities, as well as Other Illegal actions in bankruptcy» // SZ RF. 2018. No. 47. St. 7245.

7. Resolution of the First Arbitration Court of Appeal dated June 11, 2020 No. 01AP-2294/2020 in case No. A43-47726/2017.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 30, 2009 No. 32 «On Certain Issues Related to Challenging Transactions on the Grounds Provided for by the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)».

Информация об авторе

Д. А. Попов — адвокат Адвокатского кабинета Д.А. Попова Адвокатской палаты Краснодарского края.

Information about the author

D. A. Popov — Lawyer of D. A. Popov's Law Office of the Krasnodar region Chamber of Advocates.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья
УДК 338.22
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-357-362
NIION: 2003-0059-3/22-336
MOSURED: 77/27-003-2022-03-535

Цифровизация как инструмент обеспечения экономической безопасности системы государственных закупок

Алексей Вячеславович Терентьев
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, terentyev_junior@mail.ru

Аннотация. Определено, что переход к цифровой экономике обеспечивает более высокий уровень экономической безопасности системы государственных закупок. Установлено, что активное использование новых телекоммуникационных технологий позволяет повысить прозрачность системы государственных закупок, снизить коррупционные риски и сократить операционные затраты. Выявлена тесная связь информационной и экономической безопасности. Отмечается появление новых угроз, связанных с широким использованием информационных технологий. Приведены выводы относительно совершенствования единой информационной системы.

Ключевые слова: информационная безопасность, экономическая безопасность, единая информационная система, цифровая экономика, система государственных и закупок

Для цитирования: Терентьев А. В. Цифровизация как инструмент обеспечения экономической безопасности системы государственных закупок // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 357–362. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-357-362.

Original article

Digitalization as a tool for ensuring the economic security of the public procurement system

Aleksey V. Terentyev
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, terentyev_junior@mail.ru

Abstract. It is determined that the transition to the digital economy provides a higher level of economic security of the public procurement system. The study showed that the active use of new telecommunication technologies allows to increase the transparency of the public procurement system, reduce corruption risks and reduce operating costs. The close connection of information and economic security is revealed. The emergence of new threats associated with the widespread use of information technologies is noted. Conclusions regarding the improvement of the unified information system are presented.

Keywords: information security, economic security, unified information system, digital economy, government and procurement system

For citation: Terentyev A. V. Digitalization as a tool for ensuring the economic security of the public procurement system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):357–362. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-257-362.

Сегодня в мировой экономике ясно наблюдается картина глобализации и цифровизации. Развитие цифровых технологий, совершившее большой рывок в последние несколько лет, оказало огромное влияние на все стороны повседневной жизни как отдельного человека, так и общества.

Наше государство, так же, как и остальные члены мирового сообщества, не отстает от современных тенденций и также стремится использовать современные цифровые технологии в как можно большем количестве отраслей хозяйственной деятельности.

© Терентьев А. В., 2022

В Российской Федерации, в соответствии с Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [2], принята стратегия информационного общества, в которой цифровое развитие экономики определено в качестве государственной программы, что, в свою очередь, делает ее обязательной к реализации.

Цифровизация экономики привнесла существенные изменения во все области, затронув социально-экономические отношения, изменив способы производства.

Произошел переход к постиндустриальному укладу, для которого характерен ряд особенностей [3].

1. Наличие интеллектуальных активов, использующихся для повышения экономической эффективности. Например, такие мировые компании, как Facebook, Uber, Airbnb, по сути, не имея физических активов, представляют собой цифровые платформы и обгоняют по своей капитализации многих промышленных гигантов.

2. Увеличение значимости данных в экономической деятельности. Существенная часть экономической деятельности связана с услугами, относящимися к интеллектуальной собственности, базам данных, программным продуктам, работа с которыми осуществляется с использованием так называемых «Облачных» технологий.

3. Переход от иерархической организационной структуры к сетевой. Гибридные формы организации более приспособлены к быстрым изменениям внешней среды, что влияет на их эффективность.

4. Самоорганизация является основным подходом к управлению. Экономика, основанная на децентрализации и глобализации, это основа для формирования сетевых структур по принципу «снизу вверх» и переходу от бюрократических структур к более гибким и эффективным формам.

5. Сеть Интернет становится основным инструментом для связи и поиска информации. Развитие широкополосного Интернета и мобильной инфраструктуры в корне изменило способы коммуникации в обществе. Использование сайтов, цифровых платформ, мессенджеров намного более эффективно, чем использование ранее признанных средств коммуникации.

6. Обмен данными приобретает глобальный характер. Субъекты экономической деятельности, не имеющие доступа к глобальной сети передачи данных, рынкам и технологиям других стран, функционирующие на ограниченных локальных рынках, в итоге уходят на второй план.

Немаловажен и тот факт, что формирование новой экосистемы, которой является цифровая экономика, привело к появлению новых угроз и неопределенностей, присущих исключительно цифровому пространству.

По мере развития технологий эти угрозы становятся более масштабными, что зачастую влечет за собой значительные издержки как временные, так и финансовые.

Так, например, в отчете Всемирного Экономического Форума по глобальным рискам за 2021 г. (The Global Risks Report, 2021) [6] вопросы кибербезопасности и цифровой неприкосновенности на ближайшие десять лет стоят на 2-м месте по значимости и в одном ряду с проблемами загрязнения окружающей среды по вине человека в то время, как в том же отчете за 2018 г. эти общемировые угрозы были расположены на 3-м и 4-м месте по значимости.

Таким образом, безопасность цифровых систем является актуальной проблемой для экономики в целом и одним из стратегических направлений цифровизации и требует адекватных мер защиты всех участников.

Во многих странах стратегия кибербезопасности разрабатывается и принимается как отдельный документ, при этом являясь частью национальной безопасности. Как правило, типовыми целями стратегий национальной кибербезопасности являются [7, с. 89–97]:

1) обнаружение кибератак и реагирование на них;

2) предотвращение угроз, а также поддержка и разработка надежных продуктов и услуг для государственных структур и субъектов экономической деятельности;

3) поддержка государственных учреждений и операторов инфраструктуры;

4) содействие развитию образования в области цифровых технологий;

5) создание национальных программ по защите инфраструктуры, определяющих технические и функциональные критерии цифровых технологий и способствующих идентификации потенциально уязвимых элементов при помощи правил и процедур обеспечения доступа к ним.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Перевод национальной экономики в цифровое пространство предопределил иные подходы к регулированию всех ее отраслей, не исключая и сферу государственных закупок, а также формирование иного подхода вопросу обеспечения ее экономической безопасности.

2. Характерная для настоящего времени степень проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь общества и скорость развития мобильной и цифровой инфраструктуры достаточно высоки для того, чтобы рассматривать вопросы экономической безопасности совместно с вопросами информационной безопасности.

Несмотря на то, что вопросы информационной и экономической безопасности не тождественны, сегодня экономическая безопасность системы государственных закупок, особенно когда речь идет о безопасности привлечения денежных средств при осуществлении закупок, напрямую зависит от состояния защищенности информационного обеспечения процесса.

Переход на новый формат осуществления государственных закупок продиктован недостатком традиционного документооборота среди которых можно выделить:

1) значительные трудозатраты на подготовку бумажной документации;

2) необходимость личного присутствия при подаче заявок;

3) затруднение контроля за расходованием бюджетных средств заказчиками;

4) высокая коррупционная составляющая, связанная с возможностью фальсификации, подмены и преждевременного вскрытия заявок, с манипуляциями заказчиков при оценке заявок, которые позволяют лоббировать интересы отдельных поставщиков.

С целью минимизации негативного последствия приведенных выше недостатков еще в рамках действия Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» был создан портал для публикации сведений о размещении заказов.

Вступление в силу Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд», явилось предпосылкой к созданию нового информационного портала, единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС), поскольку функциональные возможности предыдущего были сильно ограничены.

Новый портал представляет собой структурированную совокупность информации, содержащейся в базах данных, технических средств и соответствующих технологий, обеспечивающих хранение, сборку и обработку такой информации, а также ее предоставление по средствам официального сайта в Интернете [1].

Таким образом, переход на цифровые стандарты работы имеет цель свести к минимуму человеческий фактор, который является основной причиной многих негативных явлений в экономической сфере, что благотворно скажется в общем на уровне экономической безопасности системы государственных закупок.

Цифровизация системы государственных закупок сопряжена с необходимостью внесения изменений в имеющийся инструментарий, который на современном этапе должен обеспечить создание эффективной системы согласования интересов и действий в информационной сфере между участниками процесса, а также повышение эффективности информационного сопровождения деятельности органов государственной власти, связанной в частности с организацией и проведением закупок товаров, работ или услуг для государственных и муниципальных нужд за счет внедрения современных технологий и информатизации государственного сектора, являющегося важнейшими элементом создания организационно-технологической базы.

В этом контексте важную роль играют специализированные Государственные цифровые платформы, способные обеспечить техническую доступность процесса электронных закупок для всех участников данного процесса, а также возможность электронного взаимодействия заказчиков и поставщиков.

Проводимые до сих пор исследования преимущественно были направлены на анализ результатов внедрения определенных цифровых технологий и моделей их функционирования в системе государственных закупок, не определяя само понятие «Государственная цифровая платформа», ее признаков и характеристик.

Сегодня информационное сопровождение системы государственных закупок осуществляется за счет широкого использования Единой Информационной Системы (ЕИС) [4].

Таким образом, эффективное информационное сопровождение системы государственных закупок должно осуществляться на платформенной основе,

но в настоящее время единственным таким инструментом является упомянутая ранее ЕИС, которая была создана для сопровождения функционирования контрактной системы.

В ней размещаются сведения о закупках, регулируемых Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а также Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Решение о создании ЕИС и ее концепция были приняты в 2013 г. Однако, в эксплуатацию система была введена только в начале 2016 г., при том, что функционал системы и после этого постоянно дорабатывался и расширялся.

Представляется целесообразным выяснить следующие моменты.

1. Насколько ЕИС в текущем своем состоянии соответствует принципам и характеристикам цифровой платформы.

2. Перспективы развития ЕИС в качестве государственной цифровой платформы.

Проведение государственных и муниципальных закупок в рамках ЕИС обеспечивается за счет нескольких информационных систем различной ведомственной принадлежности, а также негосударственными информационными системами, а именно:

1) информационной системы Казначейства «Электронный бюджет»;

2) информационных систем восьми электронных площадок и одной специализированной электронной площадки АСТ Гособоронзаказа;

3) региональных и муниципальных информационных систем;

4) информационной системы ФАС России, отвечающей за ведение реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков исполнителей), информационные системы контрольных органов в сфере закупок, информационные системы органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля;

5) ГИС «Независимый регистратор».

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что ЕИС представляет собой ключевую и достаточно автономную систему среди подобных информационных систем.

ЕИС аккумулирует в себе информацию о государственных и муниципальных закупках (кроме малых закупок), а ключевые процессы взаимодействия участников контрактной системы выведены за контур ЕИС.

Электронное взаимодействие участников закупочного процесса друг с другом при проведении электронных процедур осуществляется именно на электронных площадках, а не в ЕИС, и именно операторы электронных площадок обеспечивают взаимодействие с банковской системой для учета движения денежных средств, предназначенных для обеспечения заявок, в том числе их автоматического блокирования и прекращения блокирования и списания в установленных случаях на основании сообщений оператора электронной площадки.

Таким образом, ЕИС сегодня выполняет исключительно учетную и архивную функции, а взаимодействие заказчика и поставщика в рамках осуществления государственных закупок в основном происходит в цифровой среде частных торговых площадок.

Тем не менее, принимая во внимание уже имеющуюся функционирующую экосистему, состоящую из ЕИС и автономных частных электронных площадок, преобразование ее в единую государственную цифровую платформу представляется нецелесообразным.

Относительно перспектив развития ЕИС в качестве Государственной цифровой платформы можно сказать, что с точки зрения разработки и внедрения новых механизмов цифрового взаимодействия дальнейшая модернизация отдельных сервисов ЕИС и устранение выявляющихся в ходе эксплуатации системы недостатков представляется вполне логичным, но делать это следует на основе платформенного подхода с учетом анализа текущего состояния.

Практика показывает, что в настоящее время ЕИС не полностью соответствует требованиям, предъявляемым к системе, для рассмотрения ее в качестве Государственной цифровой платформы.

Принято выделять десять основных характеристик для идентификации системы как «цифровая платформа» [5]:

1) наличие в составе других цифровых платформ или коммерческих платформ как части экосистемы, разделение функционала между платформами, наличие механизмов интеграции сервисов с других платформ или информационных систем;

2) формирование, динамическое обновление и анализ личного профиля участника, поддержка репутационной оценки участников, наличие черного спис-

ка участников, нарушивших правила поведения на платформе;

3) наличие ключевого взаимодействия между участниками платформы в полностью цифровом виде вместе с обменом ценностями;

4) первичный арбитраж конфликтов при отраслевом взаимодействии, осуществление обратной связи с участниками;

5) использование определенной модели монетизации деятельности;

6) реализация платежного сервиса для экономической деятельности участников;

7) обеспечение агрегации, каталогизации и структурирования информации о предметной отрасли, а также многопараметрического поиска информации;

8) обеспечение пространства для коммуникации и генерации идей, наличие инструментов коммуникации участников с оператором платформы (система сообщений, форум, видеоконференции, голосовая связь);

9) наличие машиночитаемого формата данных, системы предиктивной аналитики на основе больших данных, исходя из состояния цифрового профиля участников;

10) наличие системы алгоритмического контроля и встроенных индикаторов (триггеров) для выявления недобросовестного поведения и проверки участников.

Из перечисленного выше в ЕИС и сопутствующих отсутствуют машиночитаемый формат данных, система предиктивной аналитики на основе больших данных, первичный арбитраж конфликтов.

Таким образом, с целью дальнейшего совершенствования ЕИС требуется организация взаимодействия между участниками системы в полностью цифровом виде, включая динамическое обновление и анализ личного профиля участника.

Функционал ЕИС для использования ее в сфере государственных закупок в качестве цифровой платформы представляется целесообразным дополнить возможностью досудебного урегулирования спорных ситуаций, для упрощения процесса разрешения конфликтов и сокращения издержек участников на обращение к судебной системе.

С учетом уже созданной и функционирующей экосистемы в сфере государственных закупок дальнейшая ее цифровизация представляется целесообразной за счет перевода ее функционирования на единую платформу.

Дальнейшее развитие ЕИС в данном контексте необходимо проводить за счет развития механизмов функционирования конкретных сервисов путем их локального приближения к общей логике и выделенным признакам платформенного подхода, а не просто за счет масштабной платформизации системы в правовом и технологическом поле.

Таким образом, подводя итог всему сказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Предпосылкой к применению цифровых технологий в экономической деятельности и, в частности, при осуществлении государственных закупок, явился фактический низкий уровень экономической безопасности системы государственных закупок в целом.

2. Законодательно закрепленный переход к цифровой экономике и развитие технологий связи и передачи данных привел к сближению понятий «информационная безопасность» и «экономическая безопасность».

3. Повышение экономической безопасности системы государственных закупок при привлечении денежных средств и осуществлении самих закупок за счет ее максимальной цифровизации целесообразно при условии ее функционирования в единой информационной среде, созданной путем модернизации имеющейся инфраструктуры. В данном случае речь идет о единой информационной системе. Однако, несмотря на то, что в настоящее время все открытые закупки товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд проходят в электронном виде с использованием упомянутой ранее ЕИС, остается открытым вопрос цифровизации закрытых конкурсов и закупки наукоемкой продукции.

4. Имеющаяся ЕИС не является полноценной цифровой платформой, однако имеет потенциал для модернизации и перспективы использования в качестве таковой.

Список источников

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // URL://http//www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/

2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // URL://-http//www.kremlin.ru/acts/bank/41919.

3. Попов Е., Семячков К. Анализ трендов развития цифровой экономики // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 10.

4. Стырин Е. М., Родионова Ю. Д. Единая информационная система в сфере закупок как государственная цифровая платформа: современное состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 49–66.

5. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е. государственные цифровые платформы: ключевые особенности и основные сценарии развития: мат. доклада к XXII Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.

6. The Global Risks Report 2021 16th Edition. World Economic Forum. Reports // URL://https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2021.

7. Van Caenegem B., Skordas T. Community research activities in secure and trustworthy ICT infrastructures / Telecommunication Systems. 2007. Vol. 35 // URL://https://doi.org/10.1007/s11235-007-9043-3.

References

1. Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs» // URL://on HTTP//VSP.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated May 9, 2017 «On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» // URL://http//www.kremlin.ru/acts/bank/41919.

3. Popov E., Semyachkov K. Analysis of trends in the development of the digital economy // Problems of theory and practice of management. 2017. № 10.

4. Styrin E. M., Rodionova Yu. D. Unified information system in the field of procurement as a state digital platform: current state and prospects // Issues of state and municipal administration. 2020. No. 3. P. 49–66.

5. Styrin E. M., Dmitrieva N. E. State digital platforms: key features and main development scenarios: mat. of the report to the XXII April International Scientific Conference on problems of Economic and Social Development. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2021.

6. The Global Risks Report 2021 16th Edition. World Economic Forum. Reports // URL://https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2021.

7. Van Caenegem B., Skordas T. Community research activities in secure and trustworthy ICT infrastructures / Telecommunication Systems. 2007. Vol. 35 // URL://-https://doi.org/10.1007/s11235-007-9043-3.

Библиографический список

1. Кузнецова Е. И., Терентьев А. В. Роль финансового контроля в системе государственных и муниципальных закупок // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 266–270.

2. Кузнецова Е. И. Экономическая безопасность: учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2020.

Bibliographic list

1. Kuznetsova E. I., Terentyev A.V. The role of financial control in the system of state and municipal procurement // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 4. P. 266–270.

2. Kuznetsova E. I. Economic security: textbook and workshop for universities. M. : Yurayt, 2020.

Информация об авторе

А. В. Терентьев — адъюнкт 3-го курса факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. V. Terentyev — Adjunct of the 3rd Year of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel at the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Научная статья
УДК 1/159.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-363-369
NIION: 2003-0059-3/22-337
MOSURED: 77/27-003-2022-03-536

Взаимосвязи стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел

Валерий Сергеевич Агапов[1], Инесса Леонидовна Фельдман[2], Юлия Сергеевна Роднова[3], Ирина Евгеньевна Смирнова[4]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, agapov.vs@mail.ru
[2] Тульский государственный университет, inessa-feldman@mail.ru
[3] Центр профессиональной подготовки Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу, Подольск, Россия, Julia445@yandex.ru
[4] Контрольно-ревизионное управление МВД России, Москва, Россия, irinaandrianova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются психологические особенности взаимосвязей стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности в выборке сотрудников органов внутренних дел. На теоретическом уровне исследования установлена специфика проявления стрессоустойчивости и формирования симптомов эмоционального выгорания, сопряженная с эффективностью профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Представлены результаты обобщения выявленных психологических особенностей взаимосвязей стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел на эмпирическом уровне исследования.

Ключевые слова: профессиональный стресс, стрессоустойчивость, адаптация, профессиональная деятельность, эффективность, эмоциональное выгорание, сотрудники органов внутренних дел, полиция

Для цитирования: Агапов В. С., Фельдман И. Л., Роднова Ю. С., Смирнова И. Е. Взаимосвязи стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 363–369. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-363-369.

Original article

Interrelationships of stress resistance, emotional burnout and the effectiveness of professional activity of the police department employees

Valery S. Agapov[1], Inessa L. Feldman[2], Yulia S. Rodnova[3], Irina E. Smirnova[4]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, agapov.vs@mail.ru
[2] Tula State University, Tula, Russia, inessa-feldman@mail.ru
[3] Center for Professional Training of the Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Central Federal District, Podolsk, Russia, Julia445@yandex.ru
[4] Control and Audit Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, irinaandrianova@mail.ru

Abstract. Psychological features of interrelations of stress resistance, emotional burnout and efficiency of professional activity in a sample of employees of internal affairs bodies are considered. At the theoretical level of the study, the specifics of the manifestation of stress resistance and the formation of symptoms of emotional burnout associated with the effectiveness of the professional activities of employees of internal affairs bodies have been established. The results of generalization of the revealed psychological features of the interrelations of stress resistance, emotional burnout and the effectiveness of professional activity of employees of internal affairs bodies at the empirical level of the study are presented.

© Агапов В. С., Фельдман И. Л., Роднова Ю. С., Смирнова И. Е., 2022

Keywords: professional stress, stress tolerance, adaptation, professional activity, efficiency, emotional burnout, employees of the Department of Internal Affairs, police

For citation: Agapov V. S., Feldman I. L., Rodnova Yu. S., Smirnova I. E. Interrelationships of stress resistance, emotional burnout and the effectiveness of professional activity of the police department employees. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):363–369. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-363-369.

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел сопряжена с длительными стрессовыми нагрузками. Это обусловливается включенностью сотрудников в напряженные профессиональные ситуации. Исследователями установлено, что негативное влияние стресса может проявляться и в снижении эффективности профессиональной деятельности, дисциплинарных нарушениях, демотивации, уменьшении степени удовлетворенности работой, эмоциональном выгорании, проявлении соматических нарушений и формировании девиантного поведения [12].

На сотрудников органов внутренних дел оказывают влияние такие условия профессиональной деятельности, как ненормированный график, суточные дежурства, а также работа в выходные и праздничные дни, особенно в периоды усиленного режима несения службы. Продолжительный характер профессионального стресса становится причиной возникновения психической дезадаптации у сотрудников [17]. Выявлено, что чем более ответственно сотрудник подходит к выполнению своих служебных обязанностей, нацелен на оптимальный конечный результат, тем более он подвержен влиянию стрессовых факторов [9]. В имеющихся прикладных и экспериментальных исследованиях профессионального стресса и эмоционального выгорания сотрудников органов внутренних дел ученые не обращают внимания на взаимосвязи показателей стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение данных взаимосвязей в выборке сотрудников органов внутренних дел.

Объектом нашего исследования являются проявления стрессоустойчивости и эмоционального выгорания в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Предмет исследования — психологические особенности взаимосвязей стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Цель исследования — выявление взаимосвязи стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Задачи исследования:

- определить психологические особенности сотрудников полиции, влияющие на их стрессоустойчивость;
- установить специфику проявления стрессоустойчивости сотрудников полиции;
- изучить особенности формирования симптомов эмоционального выгорания у сотрудников полиции;
- проанализировать взаимосвязи показателей стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности в выборке сотрудников полиции.

Основной гипотезой исследования выступает предположение о том, что уровни стрессоустойчивости и эмоционального выгорания у сотрудников полиции связаны с эффективностью их профессиональной деятельности.

Выборку эмпирического исследования составили 40 сотрудников среднего и старшего офицерского звена линейного отдела МВД России на станции Тула Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу в возрасте от 21 до 49 лет. Все представители выборки имеют высшее образование.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы; статистический анализ эмпирических данных с использованием пакета статистических программ «SPSS» и коэффициента корреляции Пирсона.

Применялись методики диагностики уровня эмоционального выгорания (В. В. Бойко [5]); стрессоустойчивости и социальной адаптации (Холмс и Раге в адаптации Н. Е. Водопьяновой [8]); определение профессионального стресса (Т. Д. Азарных, И. М. Тартышников [10]); Мельбурнский опросник принятия решений (в адаптации Т. В. Корниловой [13]); опросник самоконтроля (Х. Грасмик в адаптации В. Г. Булыгиной, А. М. Абдразяковой и И. В. Коваленко [6; 19]); опросник BIS/BAS (К. Карвер и Т. Уайт в адаптации Г. Г. Князева и Е. Р. Слободской [22; 18; 23]).

Теоретико-методологической основой исследования являются работы зарубежных и отечественных

ученых, посвященные содержанию и структуре синдрома эмоционального выгорания и методам его психодиагностики (В. В. Бойко [5], Н. Е. Водопьянова [8], В. Е. Орел [14] и др.); исследования в области теории оперативно-разыскной деятельности и психологической подготовки сотрудников полиции (А. И. Алексеев [1], Г. К. Синилов [16], В. Г. Андросюк [3], Ю. Б. Ирхин [11], Л. И. Казмиренко [2], Д. А. Александров [2], В. И. Барк [4] и др.).

В ходе эмпирического исследования выявлено, что у большинства обследованных сотрудников полиции симптомы фаз эмоционального выгорания находятся в стадии формирования. В частности, наибольшее распространение в анализируемой выборке получили формирующиеся симптомы эмоционально-нравственной дезориентации и неадекватного эмоционального реагирования, а также эмоциональная отстраненность и эмоциональный дефицит. Достаточно распространенными симптомами являются редукция профессиональных обязанностей и неудовлетворенность собой.

Следует заметить следующее. Установлено преобладание эмоционально-нравственной дезориентации, неадекватного избирательного эмоционального реагирования и редукции профессиональных обязанностей. Это наиболее распространенные симптомы эмоционального выгорания в анализируемой выборке сотрудников полиции. Как видим, фаза напряжения, включающая в себя такие симптомы, как переживание психотравмирующих обстоятельств, тревогу и депрессию, неудовлетворенность собой, в выборке сотрудников не сформирована. Это свидетельствует о том, что сотрудники не воспринимают условия профессиональной деятельности как психотравмирующие, не ощущают недовольства собой и своей деятельностью. В анализируемой выборке незначителен процент сотрудников, ощущающих у себя формирование тревожности и депрессивных настроений.

Анализируя полученные эмпирические результаты, обнаружено, что у большинства изучаемых сотрудников (77,5 %) большая и высокая степень сопротивляемости профессиональному стрессу. Для данных сотрудников характерна минимальная степень стрессовой нагрузки. Эмоциональные и физиологические ресурсы не затрачиваются на борьбу с негативными состояниями психики. У 8 % выборки сотрудников полиции выявлен пороговый уровень стрессоустойчивости. Этот уровень характеризуется большой степенью энергозатрат для преодоления стрессовых ситуаций. 15 % выборки сотрудников показали низкую степень сопротивляемости профессиональному стрессу, они восприимчивы к любым негативным проявлениям. Повышенная восприимчивость может привести к развитию психосоматических и вегетативных нарушений, что, в свою очередь, негативным образом отразится на их физическом здоровье.

Выявлено, что при принятии решений бдительность превалирует над прочими показателями у 100 % сотрудников анализируемой выборки. Это указывает на то, что при принятии решений сотрудникам свойственно тщательно уточнять, к какому результату необходимо прийти при выполнении оперативно-служебных задач; конкретизация поставленной задачи; рассмотрение всех имеющихся альтернатив; поиск информации о поставленной задаче для успешного ее решения; анализ полученной информации с учетом объективной оценки. При этом следует обратить внимание на то, что бдительность является единственным копингом, который позволяет принимать рациональные решения.

Обнаружено, что профиль самоконтроля сотрудников полиции характеризуется отсутствием склонности к предпочтению простых задач, ярко выраженными показателями по предпочтению физической активности и импульсивности.

Особый интерес представляют результаты выявления чувствительности сотрудников полиции к положительным и отрицательным стимулам. Показатели шкалы торможения поведения у 100 % выборки являются доминирующими. Для выборки сотрудников характерна высокая важность отрицательных стимулов. Они стремятся избежать неприятных и болезненных ощущений. Показатели шкал активации поведения имеют более низкие значения. Как видим, процессы торможения поведения у сотрудников полиции значительно преобладают над процессами активации поведения в условиях профессиональной деятельности.

Необходимо отметить, что зарубежные исследователи указывают на негативную сторону преобладания показателей шкалы торможения поведения у обследуемых. В исследовании А. Ф. Йорма, Х. Кристенсена, А. С. Хендерсона [12] отмечается, что высокий уровень торможения поведения выявляется у людей, имеющих предрасположенность к тревожным расстройствам. С. Л. Джонсон, Р. Дж. Тернер, Н. Ивата [11] связывают высокую выраженность торможения поведения с тревожностью и депрес-

сией. Стоит отметить, что в отечественных исследованиях были получены эмпирические данные о том, что торможение поведения (BIS), поиск развлечений и удовольствий (BASF) и чувствительность к награде или поощрению (BASR) выше в группе лиц с криминальной активностью [7].

Далее установлено, что 20 % выборки сотрудников полиции имеют вторую стадию стресса. Этот уровень считается умеренным для много работающего профессионала. 80 % анализируемой выборки сотрудников сохраняют состояние занятости и удовлетворенности своей деятельностью при достаточно низком уровне профессионального стресса.

Для изучения эффективности профессиональной деятельности анализируемой выборки сотрудников, руководителям подразделений было предложено оценить служебное функционирование их подчиненных. Были подобраны руководители, прошедшие служебный путь от рядового сотрудника до руководителя подразделения, что позволяло им объективно оценивать эффективность профессиональной деятельности своих подчиненных.

Проанализировав полученные эмпирические данные, нами были выявлены следующие значимые связи. Обнаружена положительная связь между возрастом сотрудников и показателями «эмоционально-нравственная дезориентация» и «личностная отстраненность (деперсонализация)». Со стажем службы в органах внутренних дел увеличивается стремление сотрудников избегать действий эмоциональных факторов с помощью ограничения эмоционального реагирования. Происходит снижение общего энергетического тонуса и ослабление нервной системы, чем объясняется личностная отстраненность от процессов, происходящих на службе.

Выявлены отрицательные связи шкалы «торможение поведения» со следующими показателями: «переживание психотравмирующих обстоятельств», тревога и депрессия (фаза напряжения), «личностная отстраненность» (фаза деперсонализации), «психосоматические и психовегетативные нарушения» (фаза истощения), «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» (фаза резистенции).

Обнаружены отрицательные связи торможения поведения с прокрастинацией. Эта связь объясняется тем, что система торможения поведения обеспечивает реакции на новую обстановку, неопределенность, угрозу наказания и обусловливает развитие тревоги в ответ на новые или угрожающие стимулы. Активация торможения поведения тесно связана с личностной тревожностью и повышенным беспокойством, что естественным образом препятствует постоянному откладыванию важных дел, чувству вины, потере производительности, заниженной самооценке.

Установлена отрицательная связь шкалы «стремление к удовольствию» и показателя внешней оценки эффективности профессиональной деятельности сотрудников. Эта выявленная связь говорит о том, что у сотрудников анализируемой выборки низкие результаты профессиональной деятельности. Вероятно, это связано с их недостаточной мотивацией.

Уровень профессионального стресса имеет положительные связи с симптомами всех фаз эмоционального выгорания в анализируемой выборке сотрудников. Как видим, с увеличением значений профессионального стресса у сотрудников формируются симптомы и фазы эмоционального выгорания. Стоит отметить, что положительная связь выявлена между данной шкалой и внешней оценкой эффективности профессиональной деятельности. Это свидетельствует о том, что при эффективной профессиональной деятельности сотрудники подвергаются постоянно нарастающему профессиональному стрессу.

Выявлены положительные связи шкал самоконтроля «терпение» и «простые задачи» со всеми фазами эмоционального выгорания. Это значит, что при проявлении постоянного сдерживания, терпения в отношении событий и взаимоотношений с коллегами по службе сотрудники подвергаются риску эмоционального выгорания. По мере развития фаз эмоционального выгорания, сотрудники начинают склоняться к редукции профессиональных обязанностей, упрощению своей деятельности, отдавая предпочтение решению простых оперативно-служебных задач, не требующих от них эмоциональных, когнитивных или физических усилий.

Шкала «переживание психотравмирующих обстоятельств» имеет положительную связь с внешней оценкой эффективности профессиональной деятельности сотрудников полиции.

Положительные связи обнаружены между внешней оценкой эффективности профессиональной деятельности и показателями: «неудовлетворенность собой»; «загнанность в клетку»; «тревога и депрессия»; «неадекватное эмоциональное реагирование»; «личностная отстраненность (деперсонализация)»; «психосоматические и психовегетативные нарушения».

Обобщая полученные эмпирические данные, следует подчеркнуть следующее. Эффективная про-

фессиональная деятельность сотрудников анализируемой нами выборки обуславливает формирование высокого уровня профессионального стресса, снижение внутренних ресурсов и возникновение психической дезадаптации.

По результатам проведенного эмпирического исследования следует отметить, что у сотрудников с низкой внешней оценкой эффективности профессиональной деятельности выявлен низкий уровень стрессонаполненности; не установлены сложившиеся или складывающиеся симптомы эмоционального выгорания. Таким образом, высокая эффективность профессиональной деятельности сотрудников связана с высоким уровнем проявления следующих симптомов эмоционального выгорания: «неудовлетворенность собой», «тревога и депрессия», «неадекватное эмоциональное реагирование», «личностная отстраненность (деперсонализация)» и «психосоматические и психовегетативные нарушения». Обобщая полученные эмпирические данные, следует отметить, что уровень стрессоустойчивости и эмоционального выгорания у сотрудников анализируемой выборки связан с эффективностью их профессиональной деятельности. Высокий уровень профессиональной ответственности за выполнение служебных обязанностей способствует снижению стрессоустойчивости и развитию синдрома эмоционального выгорания.

У сотрудников с низкой эффективностью профессиональной деятельности отмечается проявление низкого уровня профессионального стресса, у них не выявлены сложившиеся или складывающиеся симптомы эмоционального выгорания.

Список источников

1. Алексеев А. И. Избранные труды / сост. Н. Д. Бут и др. М., 2018.

2. Александров Д. А., Давыдова А. В., Андросюк В. Г., Казмиренко Л. И. Психология управленческой деятельности органов внутренних дел. Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности сотрудников милиции: учеб. пособие. Ч. 5. М. : НАВДУ, 2005. С. 140.

3. Андросюк В. Г. Педагогика и психология в деятельности органов внутренних дел// Хрестоматия по юридической психологии. Особенная часть. Криминальная психология. Киев, 1990. С. 13–19.

4. Барк В. И., Панок В. Г., Бек А., Татаренко А. Современный менеджмент в органах внутренних дел: проблемы и перспективы. // Практическая психология и социальная работа. 2002. № 1. С. 49–53.

5. Бойко В. В. Психоэнергетика. СПб. : Питер, 2008.

6. Булыгина В. Г., Абдразякова А. М., Коваленко И. В. Методика оценки самоконтроля у несовершеннолетних // Судебная психиатрия. Судебнопсихиатрическая экспертиза несовершеннолетних. 2008. Вып. 5. С. 14–28.

7. Васильченко А. С., Дубинский А. А., Лысенко Н. Е. Индивидуально-типологические предикторы вовлечения психически здоровых лиц в криминальную активность // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1 // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-tipologicheskie-prediktory-vovlecheniya-psihicheski-zdorovyh-lits-v-kriminalnuyu-aktivnost.

8. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб. : Питер, 2009.

9. Диденко Е. Я., Темур Г. М. Специальная психологическая подготовка как условие оптимизации влияния стресса на эффективность выполнения служебных задач сотрудником правоохранительных органов // Вестник ОГУ. 2019. № 2 (220) // URL://https://-cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-psihologicheskaya-podgotovka-kak-uslovie-optimizatsii-vliyaniya-stressa-na-effektivnost-vypolneniya-sluzhebnyh-zadach.

10. Дмитриев М. Г., Белов В. Г., Парфенов Ю. А. Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков (ч. 4–9). СПб. : ЗАО «Пони», 2010.

11. Ирхин Ю. Б. Организация и психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие. М. : РПЦ НАВДУ, Киевский юридический институт, 2005. С. 164.

12. Кабанова Т. Н. Особенности саморегуляции у специалистов экстремального профиля профессиональной деятельности // Психология и право. 2017. Т. 3. № 1. С. 89–105.

13. Корнилова Т. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. № 6(31).

14. Орел В. Е. Синдром «психического выгорания» и стилевые особенности поведения и деятельности профессионала // Сибирский психологический журнал. 2006. № 23 // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-psihicheskogo-vygoraniya-i-stilevye-osobennosti-povedeniya-i-deyatelnosti-professionala.

15. Полунина О. В. Увлеченность работой и профессиональное выгорание: особенности взаимосвязей // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 73–85.

16. Синилов Г. К. Введение в оперативно-розыскную психологию. М. : Норма, 2018.

17. Фельдман И. Л. Особенности эмоционального выгорания и копинг-поведения у сотрудников органов внутренних дел / И. Л. Фельдман, Ю. С. Роднова // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сб. науч. трудов II Междунар. конф. (6–7 июня 2018 г., г. Москва). М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. С. 220–225.

18. Carver C. S., White T. L. Behavioral inhibition, behavioral activation and affective responses to impending reward and punishment: The BIS/BAS Scales // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 67. No 2. P. 319–333.

19. Grasmick H. G., Tittle C. R., Bursik R. J., Arneklev B. J. Testing the core empirical implications of Gottfredson and Hirschi's general theory of crime // Journal of Research in Crime and Delinquency. 1993. Vol. 30. P. 5–29.

20. Johnson S. L., Turner R. J., Iwata N. BIS/BAS Levels and Psychiatric Disorder: An Epidemiological Study // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2003. Vol. 25. P. 25–36.

21. Jorm A. F., Christensen H., Henderson A. S. et al. Predicting anxiety and depression from personality: Is there a synergistic effect of neuroticism and extraversion? // Journal of Abnormal Psychology. 2000. Vol. 109 (1). P. 145–149.

22. Knyazev G. G., Slobodskaya H. R., Wilson G. D. Comparison of construct validity of the Gray-Wilson personality questionnaire and the BIS/BAS scales // Personality and Individual Differences. 2004. Vol. 37. P. 1565–1582.

23. Science of Behavior Change (SOBC) — исследовательская сеть. Изучение изменения поведения // URL://https://scienceofbehaviorchange.org/measures/bis bas-scale.

References

1. Alekseev A. I. Selected works / comp. N. D. Booth et al. M., 2018.

2. Alexandrov D. A., Davydova A.V., Androsyuk V. G., Kazmirenko L. I. Psychology of managerial activity of internal affairs bodies. Psychological support of operational and service activities of police officers: studies. manual. Ch. 5. M. : NAVDU, 2005. P. 140.

3. Androsiuk V. G. Pedagogy and psychology in the activities of internal affairs bodies // Textbook on legal psychology. The special part. Criminal Psychology. Kiev, 1990. P. 13–19.

4. Bark V. I., Panok V. G., Bek A., Tatarenko A. Modern management in internal affairs bodies: problems and prospects. // Practical Psychology and social work. 2002. No. 1. P. 49–53.

5. Boyko V. V. Psychoenergetics. St. Petersburg : St. Petersburg, 2008.

6. Bulygina V. G., Abdrazyakova A.M., Kovalenko I. V. Methodology for assessing self-control in minors // Forensic Psychiatry. Forensic psychiatric examination of minors. 2008. Issue 5. P. 14–28.

7. Vasilchenko A. S., Dubinsky A. A., Lysenko N. E. Individual-typological predictors of involvement of mentally healthy persons in criminal activity // Applied legal psychology. 2017. № 1 // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-tipologicheskie-prediktory-vovlecheniya-psihicheski-zdorovyh-lits-v-kriminal nuyu-aktivnost.

8. Vodopyanova N. E. Psychodiagnostics of stress. St. Petersburg : Peter, 2009.

9. Didenko E. Ya., Temur G. M. Special psychological training as a condition for optimizing the impact of stress on the effectiveness of performance of official tasks by a law enforcement officer // Bulletin of the OSU. 2019. № 2 (220) // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-psihologicheskaya-podgotovka-kak-uslovie-optimizatsii-vliyaniya-stressa-na-effektivnost-vypolneniya-sluzhebnyh-zadach.

10. Dmitriev M. G., Belov V. G., Parfenov Yu. A. Psychological and pedagogical diagnostics of delinquent behavior in difficult adolescents (part 4–9). St. Petersburg : CJSC «Pony», 2010.

11. Irkhin Yu. B. Organization and psychological support of operational and official activities of internal affairs bodies: studies. manual. M. : ROC NAVDU, Kiev Law Institute, 2005. P. 164.

12. Kabanova T. N. Features of self-regulation among specialists of extreme profile of professional activity // Psychology and law. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 89–105.

13. Kornilova T. Melbourne decision-making questionnaire: Russian-language adaptation // Psychological research. 2013. № 6(31).

14. Orel V. E. «Mental burnout» syndrome and stylistic features of professional behavior and activity // Siberian Psychological Journal. 2006. № 23 // URL://-https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-psihicheskogo-vygoraniya-i-stilevye-osobennosti-povedeniya-i-deyatelnosti-professionala.

15. Polunina O. V. Passion for work and professional burnout: features of interrelations // Psychological Journal. 2009. Vol. 30. No. 1. P. 73–85.

16. Sinilov G. K. Introduction to operational investigative psychology. M. : Norm, 2018.

17. Feldman I. L. Features of emotional burnout and coping behavior among employees of internal affairs bodies / I. L. Feldman, Y. S. Rodnova // Professional education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of official activity: state and prospects: collection of scientific papers of the II International Conference (June 6–7, 2018, Moscow). M. : Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', 2018. P. 220–225.

18. Carver C. S., White T. L. Behavioral inhibition, behavioral activation and affective responses to impending reward and punishment: The BIS/BAS Scales // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 67. No 2. P. 319–333.

19. Grasmick H. G., Tittle C. R., Bursik R. J., Arneklev B. J. Testing the core empirical implications of Gottfredson and Hirschi's general theory of crime // Journal of Research in Crime and Delinquency. 1993. Vol. 30. P. 5–29.

20. Johnson S. L., Turner R. J., Iwata N. BIS/BAS Levels and Psychiatric Disorder: An Epidemiological Study // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2003. Vol. 25. P. 25–36.

21. Jorm A. F., Christensen H., Henderson A. S. et al. Predicting anxiety and depression from personality: Is there a synergistic effect of neuroticism and extraversion? // Journal of Abnormal Psychology. 2000. Vol. 109 (1). P. 145–149.

22. Knyazev G. G., Slobodskaya H. R., Wilson G. D. Comparison of construct validity of the Gray-Wilson personality questionnaire and the BIS/BAS scales // Personality and Individual Differences. 2004. Vol. 37. P. 1565-1582.

23. Science of Behavior Change (SOBC) — research network. Studying behavior change // URL://-https://scienceofbehaviorchange.org/measures/bisbas-scale.

Информация об авторах

В. С. Агапов — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

И. Л. Фельдман — заместитель главы администрации г. Тулы по социальной политике, доцент кафедры психологии Тульского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент;

Ю. С. Роднова — старший психолог направления психофизиологического направления Центра профессиональной подготовки Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу;

И. Е. Смирнова — старший инспектор по особым поручениям контрольно-ревизионного управления МВД России.

Information about the authors

A. V. Agapov — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

I. L. Feldman — Deputy Head of the Tula City Administration for Social Policy, Associate Professor of the Department of Psychology of the Tula State University, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;

Yu. S. Rodnova — Senior Psychologist of the Psychophysiological Direction of the Center for Professional Training of the Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Central Federal District;

I. E. Smirnova — Senior Inspector on Special Assignments of the Control and Audit Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

Научная статья
УДК 159.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-370-375
NIION: 2003-0059-3/22-338
MOSURED: 77/27-003-2022-03-537

Психологическая характеристика личностных особенностей подростков, склонных к аддиктивному поведению в части, касающейся употребления психоактивных веществ

Анна Александровна Зуйкова[1], Алексей Игоревич Сафронов[2], Юрий Викторович Чуманов[3]
[1,3] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[2] Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево, Россия, safronovletter@mail.ru
[1] ania.zyikova@yandex.ru
[3] yvc90@mail.ru

Аннотация. Профилизация групп аддиктивного риска позволяет субъектам профилактической деятельности реализовывать идеографический подход и учитывать индивидуально-личностные особенности лиц, склонных к зависимому поведению. Адресность и таргетирование профилактической деятельности с учетом выявленных индивидуально-личностных особенностей позволяет расширить инструментарий по предупреждению возникновения рисков аддиктивного поведения в подростковой среде. Анализ и интерпретация индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска позволяет практическим работникам выстраивать индивидуальные маршруты не только в процессе профилактической, но и коррекционной деятельности. Детализированное представление личностных характеристик подростков группы аддиктивного риска позволяет прогнозировать поведенческие сценарии и стратегии поведения объектов профилактики.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, диагностика аддиктивного поведения, аддиктивные риски, рискометрический личностный профиль, факторный анализ

Для цитирования: Зуйкова А. А., Сафронов А. И., Чуманов Ю. В. Психологическая характеристика личностных особенностей подростков, склонных к аддиктивному поведению в части, касающейся употребления психоактивных веществ // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 370–375. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-370-375.

Original article

Psychological characteristic of the personal characteristics of adolescents prone to addictive behavior in terms of the use of psychoactive substances

Anna A. Zuikova[1], Alexey I. Safronov[2], Yuri V. Chumanov[3]
[1,3] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[2] State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo, Russia, safronovletter@mail.ru
[1] ania.zyikova@yandex.ru
[3] yvc90@mail.ru

Abstract. Profiling of groups of addictive risk allows subjects of preventive activity to implement an ideographic approach and take into account the individual and personal characteristics of people prone to dependent behavior. Targeting and targeting of preventive activities, taking into account the identified individual and personal characteristics, makes it possible to expand the tools for preventing the occurrence of risks of addictive behavior in the adolescent environment. The analysis and interpretation of individual and personal characteristics of individuals of the group of addictive risk allows practitioners to build individual routes not only in the process of preventive, but also correctional activities. A detailed representation of the personal characteristics of adolescents of the addictive risk group makes it possible to predict behavioral scenarios and strategies for the behavior of prevention objects.

© Зуйкова А. А., Сафронов А. И., Чуманов Ю. В., 2022

Keywords: addictive behavior, diagnosis of addictive behavior, addictive risks, riskometric personality profile, factor analysis

For citation: Zuikova A. A., Safronov A. I., Chumanov Yu. V. Psychological characteristic of the personal characteristics of adolescents prone to addictive behavior in terms of the use of psychoactive substances. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):370–375. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-370-375.

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Проблема профилактики аддиктивного поведения в подростковой среде сегодня является одной из наиболее актуальных для современного общества. Анализ современных исследований и статистических данных показывает, что распространение и употребление психоактивных веществ в подростково-молодежной среде выступает показателем социальной деструктивности, роста криминализации общества.

Практические работники в области психологии и педагогики зависимого поведения стремятся совершенствовать и разрабатывать диагностический инструментарий выявления ранних рисков употребления психоактивных веществ. Следовательно, профилактика как направление психологической помощи выступает важнейшим элементом не только воспитательной работы субъектов системы образования, но также не теряет своей актуальности при развитии асоциального сценария взаимодействия личности и социальной среды.

Цель исследования — провести факторный анализ личностных характеристик профилей лиц группы аддиктивного риска.

Объект исследования — обучающиеся 7–9 классов в возрасте 13–16 лет.

Предмет исследования — личностные характеристики профилей лиц группы аддиктивного риска.

Гипотеза исследования — существуют корреляционные связи межу рискометрическими профилями лиц, склонных к употреблению психоактивных веществ, и их индивидуально-личностными характеристиками.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. В психолого-педагогической литературе предпринимаются попытки разрабатывать различные модели профилактики зависимого поведения детей и подростков, с учетом специфики условий их реализации: образовательная модель профилактики (А. Е. Войков, 2014); модель адаптивного функционального копинг-поведения (О. Б. Симатова, 2009); психолого-педагогическая модель профилактики (А. А. Краснова, 2017); концептуальная модель профилактики (Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, 2006). А также, модели, позволившие заложить основы зарубежным направлениям превенции зависимого поведения: модель, разработанная Национальным институтом по злоупотреблению алкоголем США (NIAAA, 1975), и модель, предложенная Национальным институтом по злоупотреблению наркотиками США (NIDA, 1979).

Существующие подходы к пониманию профилактической деятельности, по мере своего развития, пытаются учитывать множество различных характеристик. Наиболее часто характеристика моделей как вариативная совокупность отличительных свойств категорий «профилактика» и «концепция профилактики» представлена следующими компонентами: содержательный компонент, целевой компонент, организационный компонент, деятельностный компонент.

Разработка и моделирование профилактических программ, направленных на предупреждение формирования зависимого поведения детей и подростков предполагает организацию сотрудничества различных специалистов. При этом в профилактической деятельности участвуют не только специалисты в области аддиктивного поведения, но и учителя-предметники после соответствующей подготовки. Структура профилактической деятельности должна способствовать решению ряда задач: обучение в различных областях, имеющих отношение к проблеме формирования зависимости, развитие навыков распознавания учащихся, потенциально использующих психоактивные вещества, активизация воспитательного потенциала образовательной среды, совершенствование диагностического инструментария выявления ранних рисков формирования аддиктивного поведения. В тоже время, необходимо отметить недостаточную эффективность профилактических программ, предполагающих в своей основе опору на информирование потенциальных групп риска о негативных последствиях употребления психоактивных веществ. При этом достаточно перспективными являются профилактические программы, предполагающие ориентацию на формирование ценностного отношения к

своему здоровью и формирование здорового образа жизни подрастающего поколения с учетом индивидуально-личностных характеристик.

Особый интерес в психолого-педагогических исследованиях проблем профилактической и коррекционно-реабилитационной работы с различными категориями лиц аддиктивного риска вызывает поиск взаимосвязей между различными факторами-предпосылками формирования зависимого поведения и индивидуально-личностными характеристиками уже употребляющих либо способных потенциально употреблять психоактивные вещества. Например, исследователями отмечается необходимость учета индивидуально-личностных, половозрастных и социальных характеристик при работе с различными категориями лиц группы аддиктивного риска [7]. Также на основании изучения личности лиц, склонных к употреблению психоактивных веществ или уже их употребляющих, актуальным является изучение первичного конструирования идентичности определенного типа и в последующем создание классификации, позволяющей интерпретировать влияние различных факторов на формирование аддиктивного профиля личности [9].

Некоторыми исследователями отмечается необходимость детального описания индивидуально-психологических и индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска, а также учета социально-психологических факторов возникновения аддиктивного поведения, что позволяет прогнозировать склонность к демонстрации индивидуального сценария взаимодействия со сверстниками на фоне экспериментирования с психоактивными веществами [3]. Понимание индивидуально-психологических характеристик лиц группы аддиктивного риска способствуют моделированию последствий взаимодействия подростка и субъектов превентивных мероприятий при решении профилактических задач [2].

При этом разработка превентивных мероприятий позволяет предотвращать возникновение деструктивных поведенческих стратегий (агрессия, насилие), связанных с проблемой употребления психоактивных веществ [1; 4; 6; 8].

Измерение рисков возникновения наркозависимого поведения на основе анализа личностных характеристик с последующей кластеризацией должно составлять основу профилактических и коррекционно-реабилитационных мероприятий [5]. В этом случае предупреждение рисков формирования аддиктивного поведения будет достаточно эффективным процессом и при условии учета принципов активизации и увеличения роли социально значимой деятельности, позволит успешно реализовывать профилактические мероприятия с различными целевыми группами [10].

Таким образом, разработка рискометрических профилей аддиктивного риска является одной из перспективных задач современной психолого-педагогической науки и может позволить персонализировать профилактические маршруты для лиц, склонных к зависимому поведению. Сформированный рискометрический пул как набор характеристик личности подростка группы аддиктивного риска позволяет практическим работникам оказывать адресную помощь.

Материалы и методы исследования. В интересах выявления личностных характеристик детей и подростков, входящих в группу аддиктивного риска, а также дальнейшего использования полученных данных для разработки персонифицированных профилактических программ, нами было организовано эмпирическое исследование на базах общеобразовательных средних школ, находящихся на территории юго-востока Московской области (г. Орехово-Зуево, г. Коломна, г. Люберцы, г. Бронницы). В исследовании приняли участие 500 обучающихся 7–9 классов в возрасте 13–16 лет.

Результаты и обсуждение. На первом этапе исследования, в интересах выявления группы аддиктивного риска, нами был использован Психодиагностический опросник ПДО «Наркориск» (А. А. Зуйкова, А. С. Ляпин, А. И. Сафронов, Л. Д. Сыркин, 2016), позволяющий отнести респондента к одному из профилей, представленных методикой: абулистический профиль личности, гедонистический профиль, асоциальный профиль, конформный профиль, когнитивно-деструктивный профиль, рискометрический нейтральный профиль. Результаты применения опросника ПДО «Наркориск» представлены на рис. 1. Анализ полученных данных указывает на то, что для 325 респондентов характерен рискометрический нейтральный профиль, что указывает на отсутствие рисков формирования зависимого поведения в настоящий момент онтогенеза. Оставшиеся респонденты распределились следующим образом: 41 респондент — абулистический профиль личности, 30 респондент — гедонистический профиль, 23 респондента — асоциальный профиль, 47 респондентов — конформный

профиль, 34 респондента — когнитивно-деструктивный профиль. Таким образом, для дальнейшего исследования нами были отобраны 175 респондентов, входящих в группу аддиктивного риска.

На следующем этапе исследования, в интересах изучения личностных характеристик респондентов, входящих в группу аддиктивного риска, нами были использованы следующие методики: подростковый вариант 16-факторного опросника Кетелла и также модифицированный для подростков стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ Л. Собчик). По завершению диагностического исследования, полученные данные были подвержены корреляционному анализу Спирмена, результаты которого представлены в табл. 1.

Факторный анализ полученных результатов позволяет выявить характерные признаки по изучаемым профилям личности. Таким образом, для абулистического профиля личности характерны: открытость, подчиненность, доверчивость, конформизм, пессимистичность и тревожность, а так же неорганизованность и отсутствие индивидуальности. Гедонистический профиль личности скоррелировал с такими показателями как: открытость, эмоциональная устойчивость, смелость, напряженность, импульсивность, индивидуальность, оптимизм, непрактичность и неподчиненность. Асоциальный профиль личности характеризуется эмоциональной неустойчивостью, неподчиненностью, несдержанностью, жесткостью, прямолинейностью, тревожностью, напряженностью, низким самоконтролем, импульсивностью, ригидностью и социальной интровертностью. Для конформного профиля личности характерны: подчиненность, доверчивость, практичность, тревожность, консерватизм, конформизм, самоконтроль, напряженность, невротический сверхконтроль, пессимистичность и ригидность. Когнитивно-деструктивный профиль личности представлен такими характеристиками как, сниженный интеллект, подчиненность, конформизм и ригидность.

Выводы.

1. Профилизация групп аддиктивного риска позволяет субъектам профилактической деятельности реализовывать идеографический подход и учитывать индивидуально-личностные особенности лиц, склонных к зависимому поведению.

2. Адресность и таргетирование профилактической деятельности с учетом выявленных индивидуально-личностных особенностей позволяет расширить инструментарий по предупреждению возникновения рисков аддиктивного поведения в подростковой среде.

3. Анализ и интерпретация индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного

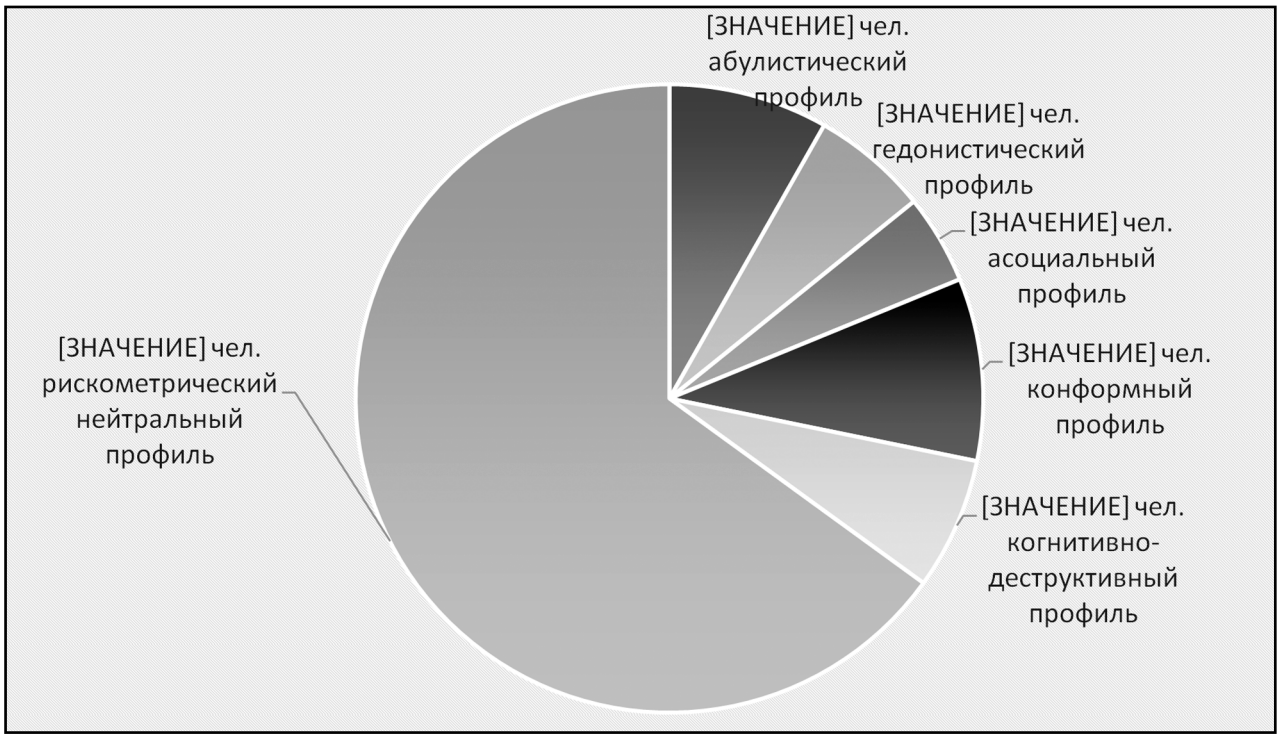


Рис. 1. Распределение респондентов по шкалам методики «ПДО Наркориск»

риска позволяет практическим работникам выстраивать индивидуальные маршруты не только в процессе профилактической, но и коррекционной деятельности.

4. Детализированное представление личностных характеристик подростков группы аддиктивного риска позволяет прогнозировать поведенческие сценарии и стратегии поведения объектов профилактики.

Перспективы. В дальнейших исследованиях необходимо провести факторный анализ со средовыми характеристиками формирования профиля личности у лиц группы аддиктивного риска.

Список источников / References

1. AslıBurçakTaşören (2017) Drug Use and Self-Harming Behavior Among Incarcerated Men: Does Childhood Abuse, Anger, and Executive Function Make a Difference? Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma,26:9, 1006–1023.

Таблица 1.

Корреляции рискометрических профилей со шкалами СМИЛ и опросника Кетелла

Методика	Фактор	АБП*	ГДП	АСП	КФП	КДП
Опросник Кетелла	Открытость	0,47	0,57	0,24	0,34	0,47
	Интеллект	0,35	0,43	0,35	0,47	-0,67
	Эмоциональная устойчивость	0,24	0,54	-0,75	0,43	0,37
	Подчиненность	0,57	-0,75	-0,64	0,56	0,62
	Сдержанность	0,25	0,48	-0,65	0,37	0,22
	Организованность	-0,75	0,32	0,23	0,21	0,21
	Смелость	-0,32	0,82	0,21	0,23	0,32
	Жесткость	0,23	0,34	0,57	0,37	0,45
	Доверчивость	0,56	0,23	0,23	0,57	0,37
	Практичность	0,15	-0,57	0,45	0,54	0,21
	Прямолинейность	-0,12	0,48	0,76	0,32	0,23
	Тревожность	-0,27	0,32	0,56	0,67	0,32
	Консерватизм	-0,15	0,21	0,32	0,82	0,37
	Конформизм	0,56	0,34	0,23	0,64	0,57
	Самоконтроль	0,37	0,42	-0,75	0,52	0,34
	Напряженность	0,24	0,62	0,53	0,72	0,32
СМИЛ	Невротический сверхконтроль	0,01	0,12	0,45	0,57	0,21
	Пессимистичность	0,64	0,22	0,32	0,54	0,32
	Эмоциональная лабильность	0,02	0,37	0,21	0,32	0,34
	Импульсивность	0,12	0,62	0,57	0,27	0,43
	Ригидность	0,15	0,37	0,64	0,56	0,57
	Тревожность	0,54	0,24	0,34	0,62	0,45
	Индивидуальность	-0,67	0,72	0,45	0,34	0,34
	Оптимизм и активность	-0,45	0,82	0,23	0,23	0,21
	Женственность – мужественность	0,13	0,24	0,12	0,21	0,22
	Социальная интроверсия	0,23	0,12	0,54	0,47	0,32

* АБП — абулистический профиль личности; ГДП — гедонистический профиль личности; АСП — асоциальный профиль личности; КФП — конформный профиль личности; КДП — когнитивно-деструктивный профиль личности.

** Серым цветом выделены значимые корреляции по анализу Спирмена.

2. Beidi Dong & Marvin D. Krohn (2020) Sent Home Versus Being Arrested: The Relative Influence of School and Police Intervention on Drug Use, Justice Quarterly, 37:6, 985–1011.

3. Brian C. Kelly, Emily Harris & Mike Vuolo (2017) Psychosocial Influences of the Escalation of Deviance: The Case of Prescription Drug Sniffing, Deviant Behavior, 38:8, 941–956.

4. Caroline B. R. Evans, Katie Cotter Stalker, Mary Ellen Brown. A systematic review of crime/violence and substance use prevention programs, Aggression and Violent Behavior, Vol. 56, 2021, 101513.

5. Daryl G. Kroner, Megan M. Morrison, Evan M. Lowder. (2020) A Principled Approach to the Construction of Risk Assessment Categories: The Council of State Governments Justice Center Five-Level System. International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology 64:10–11, p. 1074–1090.

6. Fernández-Montalvo J, López-Goñi JJ, Arteaga A. Violent Behaviors in Drug Addiction: Differential Profiles of Drug-Addicted Patients With and Without Violence Problems. Journal of Interpersonal Violence. 2012;27(1):142–157.

7. Gibbs BR, Lytle R, Wakefield W. Outcome Effects on Recidivism Among Drug Court Participants. Criminal Justice and Behavior. 2019;46(1):115–135.

8. Hongjian Cao, Yue Liang, Xiaomin Li, Lei Zhu, Lulu Wu, Hongyu Liu, Lianjiang Jiang, Nan Zhou & Jintao Zhang (2021) Childhood Maltreatment and Affective Symptoms and Severity of Drug Addiction among Chinese Male Drug Users: Variable-Centered and Person-Centered Approaches, Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma, 30:8, 1007–1027.

9. Jacob H. Erickson (2021) «Wild in My Eyes»: An Analysis of Narratives and Narrative Identities among Diverse Drug Users, Deviant Behavior.

10. Phillippi, S.W., Thomas, C.L. &Lentini, K. Translation of National Juvenile Drug Treatment Court Guidelines into Statewide Standards and Practices: a Case Study. Am J Crim Just 46, 483–495 (2021).

Информация об авторах

А. А. Зуйкова — доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

А. И. Сафронов — доцент кафедры физического воспитания Государственного гуманитарно-технологического университета, кандидат педагогических наук;

Ю. В. Чуманов — старший преподаватель-методист факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

A. A. Zuikova — Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Service Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

A. I. Safronov — Associate Professor of the Department of Physical Education of the State University of Humanities and Technology, Candidate of Pedagogical Sciences;

Yu. V. Chumanov — Senior Lecturer-Methodologist of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 03.06.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 03.06.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Научная статья
УДК 1/159.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-376-379
NIION: 2003-0059-3/22-339
MOSURED: 77/27-003-2022-03-538

Особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел

Владимир Федорович Родин[1], Валентина Александровна Лысова[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] akademikvrodin@mail.ru
[2] Validol27@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено понятие профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел, определены ее основные аспекты. Представлена краткая характеристика особенностей деятельности сотрудников ОВД. Объясняется необходимость их мотивации, а также анализируются основные методы мотивации сотрудников ОВД.

Ключевые слова: мотивация, сотрудник органов внутренних дел, мотивационные факторы, профессиональная деятельность сотрудников ОВД, методы мотивационного стимулирования

Для цитирования: Родин В. Ф., Лысова В. А. Особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 376–379. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-376-379.

Original article

Features of professional motivation of employees of internal affairs bodies

Vladimir F. Rodin[1], Valentina A. Lysova[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] akademikvrodin@mail.ru
[2] Validol27@mail.ru

Abstract. The concept of professional motivation of employees of internal affairs bodies is considered, its main aspects are determined. A brief description of the features of the activities of the employees of the Department of Internal Affairs is presented. The necessity of their motivation is explained, as well as the main methods of motivation of ATS employees are analyzed.

Keywords: motivation, employee of internal affairs bodies, motivational factors, professional activity of police officers, methods of motivational stimulation

For citation: Rodin V. F., Lysova V. A. Features of professional motivation of employees of internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):376–379. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-376-379.

Мотивация сотрудников органов внутренних дел как часть профессиональной правоохранительной деятельности представляет собой систему, включающую ценностные ориентации, озабоченность служебными и личными проблемами, требования нормативных актов, импульс к действию, превращающийся в реальное действие при наличии соответствующих возможностей.

В настоящее время роль органов внутренних дел существенно и стремительно возрастает в обществе. Это связано со сложной обстановкой в обществе и теми профессиональными задачами, которые возложены на сотрудников органов внутренних дел. Вместе с тем, как показывает практика, специальность сотрудников является необходимой для государства и востребованной, поэтому большое внимание со сто-

© Родин В. Ф., Лысова В. А., 2022

роны руководства страны уделяется учебным заведениям, готовящим специалистов в области охраны общественного правопорядка. И здесь важное значение приобретает мотивационный компонент в системе органов внутренних дел. Как показывают исследования, от грамотной системы мотивации сотрудников в значительной степени зависит эффективность их деятельности и, как результат, доверительное отношение к ним общества и государства. Кроме увеличения количества сотрудников органов внутренних дел, их важно правильно мотивировать и создавать все условия для эффективной деятельности, которая требует много сил и энергии.

Результативная служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел может способствовать развитию и реализации намеченных целей. Поэтому мотивация сотрудников к службе занимает одно из ведущих мест в деятельности руководства органов внутренних дел.

Под профессиональной мотивацией сотрудников органов внутренних дел в работе понимаются профессионально важные психологические компоненты и особенности мотивационной сферы личности, которые выступают внутренней предпосылкой успешности формирования профессионализма и профессионального роста сотрудников.

В настоящее время общество и государство предъявляет высокие требования к профессиональным качествам сотрудника МВД как к защитнику правопорядка, его культуре, педагогическому такту, умению грамотно общаться с людьми. Все это налагает на образовательные организации системы Министерства внутренних дел Российской Федерации повышенные требования по формированию нравственных, общекультурных ценностей, норм и правил профессиональной деятельности.

Как показывает практика, профессия сотрудника органов внутренних дел характеризуется одним из наиболее высоких уровней сложности и ответственности их труда, и поэтому предполагает обязательное наличие для успешного выполнения профессиональной деятельности совершенных знаний, навыков и умений.

Высокая ответственность за результаты профессиональной деятельности налагает на сотрудников особые требования и обязательства; вместе с тем, как показывает практика, сложность и ответственность деятельности сотрудника сопровождается различного рода психологическими проблемами, связанными с возникновением и накоплением психологической усталости.

Вместе с тем, необходимость постоянно принимать грамотные решения, готовность моментально реагировать в случае внештатной ситуации, может спровоцировать возникновение и развитие стрессовых состояний у полицейских. Такое положение дел негативно влияет на готовность и способность к выполнению профессиональных обязанностей, поэтому важной и актуальной задачей современной психологии является подготовка сотрудника, которая позволит ему выполнять свои обязанности, во-первых, максимально эффективно, а во-вторых, с наименьшими эмоциональными и нервно-психическими затратами [3, с. 126].

Исследованиями установлено, что у сотрудников органов внутренних дел возникают стрессовые состояния, которые оказывают воздействие на эффективность работы, так как это воздействует на быстроту и грамотность принятия решений. Психологическая подготовленность к работе в экстремальных условиях — это определенная способность сотрудников управлять собственными эмоциями, чувствами, мыслями при появлении сложных обстоятельств в процессе выполнения служебных обязанностей.

Ученые психологи, исследующие данную область мотивации, указывают на следующие специфические факторы служебной деятельности сотрудников правоохранительной сферы:

- необходимость быстрого и грамотного принятия решений в сложных, проблемных ситуациях в условиях ограниченного времени;
- повышенные требования к длительной концентрации внимания;
- высокая насыщенность межличностных взаимодействий;
- предельная личная и социальная ответственность за принимаемые решения, их результаты и последствия [1, с. 554].

Исследователями отмечается, что большое многообразие факторов риска развития профессионального стресса у сотрудников правоохранительной сферы вызывает озабоченность недостаточной степенью сформированности психологических механизмов стрессоустойчивости личного состава.

Способность противодействовать негативным эмоциональным состояниям является необходимым

качеством для сотрудников органов внутренних дел. Поэтому для более эффективной и успешной деятельности у них должна быть высокая мотивация к своей работе.

Многочисленные исследования показывают, что профессиональная мотивация сотрудников органов внутренних дел преследует целью улучшение качества их работы и более эффективное выполнение ими должностных обязанностей [2, с. 54].

В практике работы органов внутренних дел используются различные методы мотивации, некоторые из них довольно общие и применимые ко многим специальностям. Вместе с тем, существуют специфические методы, которые применимы только для определенных сотрудников, так как универсальных методов мотивации нет и быть не может. В настоящее время разработана целая система мотивации сотрудников. К ним относят финансовое стимулирование, так как данные люди часто рискуют собственной жизнью, поэтому оплата должна быть соответствующей и достойной. Определенные усилия в данном направлении государством производятся.

Кроме материального стимулирования, большое внимание уделяется и нематериальному стимулированию; сюда входят определенные льготы, предоставляемые государством сотрудникам полиции: бесплатный проезд на общественном транспорте, оплачиваемые отпуска, бесплатное медицинское обслуживание, различного рода меры социальной защиты, предоставление путевок в санатории и дома отдыха сотрудникам и их семьям, и т. д. Кроме этого, важным способом мотивации выступает ранний выход сотрудников органов внутренних дел (после 20 лет выслуги) на пенсию.

Кроме того, используются такие методы, которые мотивируют сотрудников органов внутренних дел:

• придавать особую личностную значимость каждому сотруднику, предоставить ему необходимую свободу в деятельности в рамках закона, обеспечить право принимать определенные решения и отвечать за них;

• организовать больше возможности для качественного отдыха сотрудников, тем самым не давая ему эмоционально выгорать;

• устанавливать денежные поощрения по результатам конкретной работы сотрудников органов внутренних дел;

• предоставлять возможность для материального стимулирования сотрудников, например, обеспечить возможность оформления беспроцентных ссуд на жилье либо транспорт.

Любой сотрудник полагается на свою собственную способность планировать и организовать профессиональную деятельность. Его деятельность следует ориентировать на организацию работы так, чтобы мотивация у сотрудника на выполнение профессиональной деятельности оставалась стабильной, конечно же, при непосредственном участии руководителя подразделения.

Мотивация во многом детерминирует особенности формирования профессиональной ментальности сотрудника как способа мыслить и действовать, исходя из профессиональной позиции. От характера мотивов служебной деятельности зависит, сформируется ли у будущего сотрудника органов внутренних дел профессиональная идентичность. Это обусловливает необходимость разработки технологий психологического профессионального отбора, сфокусированных на изучении мотивационной направленности личности кандидатов на службу в органы внутренних дел.

Вместе с тем, как показывает практика, общих, универсальных методов мотивации сотрудников органов внутренних дел не существует. Необходимо подходить к данному процессу творчески, опираясь на конкретные ситуации, конкретные коллективы и даже психологию людей. Но любой метод мотивации, обусловленный деятельностью руководителя, должен быть основан на принципе организационной стратегии управления человеческими возможностями как ресурсами. Это говорит о том, что сотрудник встраивается в стратегию целей и задач организации через профессиональную деятельность; выбор конкретного метода мотивации происходит с помощью наблюдений за сотрудником, зависит от способности быть активным, компетентным, умения самореализовываться и постоянно самосовершенствоваться, что служит формированию устойчивых профессиональных детерминантов.

Таким образом, следует отметить, что мотивация сотрудников органов внутренних дел совершенствует их личностные профессиональны качества и результаты их деятельности, что, соответственно, поднимает их имидж и уважение к органам внутренних дел в обществе.

Итак, система мотивации в органах внутренних дел должна гармонично сочетать материальные и духовные средства воздействия на личность сотрудника,

способствовать созданию внутренне согласованной системы организационных и психологических средств активизации и реализации этой системы на высоком профессиональном уровне. Как установлено, система методов мотивации должна включать различные элементы и выводы психологической науки по данной проблеме, учитывать влияние на личность каждого сотрудника различных политических, социально-экономических, культурных и других изменений, происходящих в российском обществе. Таким образом, мотивация сотрудников становится сегодня не только актуальной, но и реальной задачей, что позволит обеспечить эффективное управление в системе органов внутренних дел [1].

Список источников

1. Бугров П. П. Психологические особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел // Актуальные исследования. 2020. № 9 (12). Ч. II. С. 111–116 // URL://https://apni.ru/article/691-psikhologicheskie-osobennosti-professionalnoj

2. Вахнина В. В. Психологические особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел: всерос. науч.-практ. конф. «Социально-психологические и педагогические детерминанты формирования и развития профессиональной мотивации курсантов и слушателей в процессе обучения в образовательных организациях МВД России». Хабаровск : ДВЮИ МВД России, 2019.

3. Психология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Общей психологии и психологии профессиональной деятельности» / [В. Ф. Родин и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018.

References

1. Bugrov P. P. Psychological features of professional motivation of employees of internal affairs bodies // Actual research. 2020. No. 9 (12). Part II. P. 111–116 // URL://https://apni.ru/article/691-psikhologicheskie-osobennosti-professionalnoj

2. Vakhnina V. V. Psychological features of professional motivation of employees of internal affairs bodies: all-Russian scientific and practical conference «Socio-psychological and pedagogical determinants of formation and development of professional motivation of cadets and trainees in the process of training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia». Khabarovsk : DVUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

3. Psychology: studies. handbook for university students studying in the field of General psychology and psychology of professional activity / [V. F. Rodin et al.]. M. : UNITY-DANA, 2018.

Информация об авторах

В. Ф. Родин — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН;

В. А. Лысова — адъюнкт 1 года обучения Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. F. Rodin — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences;

V. A. Lysova — Adjunct of 1 Year of Study at the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 08.06.2022.

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 08.06.2022.

Научная статья
УДК 1/159.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-380-385
NIION: 2003-0059-3/22-340
MOSURED: 77/27-003-2022-03-539

Социально-психологическая характеристика безопасности различных типов семьи

Анатолий Николаевич Сухов
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Раскрывается актуальность проблемы, связанной с безопасностью семьи. Рассматривается сущность социально-психологического подхода к ее пониманию. Анализируются внешние и внутренние угрозы безопасности личности, к числу которых относятся несколько десятков экономических, социальных, психологических и прочих факторов, составляющие взаимосвязанный системокомплекс (профайлинг), а также практика преодоления данных угроз в целях обеспечения безопасности семьи. Без этого невозможно вести речь об эффективном обеспечении безопасности семьи.

Ключевые слова: семья, безопасность, вид, понятие, сущность, классификация, теория, компетентность, устойчивость брака

Для цитирования: Сухов А. Н. Социально-психологическая характеристика безопасности различных типов семьи // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 380–385. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-380-385.

Original article

Socio-psychological characteristics of the safety of various types of families

Anatoly N. Sukhov
Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Abstract. The urgency of the problem related to the safety of the family is revealed. The essence of the socio-psychological approach to its understanding is considered. The article analyzes external and internal threats to personal security, which include several dozen economic, social, psychological and other factors that make up an interconnected system complex (profiling), as well as the practice of overcoming these threats in order to ensure family security. Without this, it is impossible to talk about effective family security.

Keywords: family, safety, species, concept, essence, classification, theory, competence, stability of marriage

For citation: Sukhov A. N. Socio-psychological characteristics of the safety of various types of families. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):380–385. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-380-385.

Введение. Социально-психологический подход к пониманию различных видов безопасности, в том числе семьи, позволяет: 1) сформулировать понятие, структуру и стадии обеспечения безопасности; 2) выявить конфликтогенные, кризисогенные, т. е. социальные факторы, влияющие на уровень безопасности; 3) проанализировать и определить механизм воздействия внешних и внутренних угроз; 4) обосновать социально-психологические технологии обеспечения безопасности.

В общем плане безопасность представляет собой систему действий субъектов путем использования различных средств и технологий в целях выявления (диагностирования), идентификации и ликвидации внешних и внутренних угроз, оказывающих деструктивное воздействия на объекты безопасности в целях обеспечения их надежного функционирования или сохранения на основе минимализации рисков для них.

Актуальность и сущность проблемы. Актуальность проблемы безопасности семьи объясняется тем,

© Сухов А. Н., 2022

что снижаются число браков и рождаемость, увеличиваются детская смертность, патология новорожденных, разводы. Ухудшение социально-демографической ситуации переводит проблему безопасности семьи в чрезвычайно острую плоскость.

Изложение основного материала. Уровень обеспеченности безопасности семьи во многом зависит от эффективности (своевременности, точности) выявления угроз, а так же профессионализма в области применения технологий их преодоления. На стадии диагностики угроз встречаются различные трудности, которые преодолеваются при наличии социально-психологической компетентности.

При этом следует иметь в виду, что семья может выступать как в качестве субъекта, так и объекта безопасности. Если она выступает в роли субъекта безопасности, то, как правило, члены семьи для ее обеспеченности используют житейскую социально-психологическую компетентность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Анализ угроз безопасности семьи позволяет дать их адекватную характеристику.

В качестве угроз безопасности различных типов семьи выступают внешние и внутренние факторы влияния на устойчивость брака, следовательно, их безопасности. Внешние угрозы действуют и до заключения брака и после его оформления.

В психологических исследованиях делаются многочисленные попытки выявить детерминанты, которые могут в большей или меньшей мере повлиять на устойчивость, следовательно, безопасность семьи (Е. И. Артамонова, Д. В. Баранова, Е. В. Боканова, Е. Г. Голод, С. И. Гудкова, Л. В. Делова, А. К. Дмитриенко, В. Н. Дружинин, В. А. Сысенко и др.).

Устойчивость брака зависит от конкретных социально-экономических условий определенного периода. Однако изменение условий, даже значительное, часто сопровождается далеко не адекватным ему поведением членов семьи.

Многие исследователи, занимающиеся изучением вопросов устойчивости, стабильности брака, не ограничиваются лишь их описанием, но также выделяют различные факторы, оказывающие прямое либо косвенное воздействие на брачно-семейные отношения.

Устойчивость, значит и безопасность, современной семьи зависит от нескольких десятков экономических, социальных, психологических и прочих факторов, которые вместе взятые составляют взаимосвязанный системокомплекс (профайлинг). Они достаточно подробно изложены в одной из статей автора [1].

На наш взгляд, устойчивость, а, значит и безопасность, брака напрямую зависит и от наличия или отсутствия, прежде всего, рисков в период: знакомства, ухаживания, выяснения мотивов вступления в брак, в период собственно семейной жизни. Имеются в виду риски, связанные с применением лжи и т. д. В рамках семьи существуют и другие риски, например, медицинского плана и т. д.

Как уже отмечалось, в качестве угроз устойчивости и, следовательно, безопасности семьи выступают ошибки, совершаемые в добрачный период: знакомства, ухаживания и т. д.

В данном контексте в максимальной степени, во весь рост, так сказать, встает проблема рисков, связанная с последствиями применения манипулятивных технологий лжи и обмана со стороны определенных структур и социальных типов. Имеется в виду следующее.

Период знакомства, ухаживания, процедура и мотивы вступления в брак — крайне важный этап будущей семейной жизни. Именно здесь закладывается основа устойчивости, а, значит, безопасности семьи, или же нередко — наоборот: для конфликтов, кризиса и, в конечном счете, развода.

На этом этапе на первый план выходит проблема безопасности межличностного общения.

Исход знакомства во многом зависит от места, продолжительности и способа его осуществления. Оно может происходить в городе или селе, а от этого зависит потенциальный выбор, случайно или с помощью различных посреднических услуг, в том числе через социальные сети, брачное агентство и т. п. К сожалению, данный этап имеет вероятностно-рискогенный характер. В период знакомства люди нередко становятся жертвами мошенников на доверии, абьюзеров, вымогателей, донжуанов, ловеласов и т. д.

Социальные сети буквально наводнены недобросовестными поклонниками. Поэтому некомпетентность в области семейной безопасности выливается в тяжелые последствия. Чтобы избежать этого, необходимо знать основные признаки и мотивы обманчивых ухаживаний.

Имеется ряд причин, по которым завязывают интернет-знакомства. Обычно они обусловлены личностными особенностями, образом жизни, а также психологическими проблемами.

Существует несколько типов мошенников в социальных сетях.

На этапе ухаживания надо знать, что стоит за букетами цветов: искренние чувства, позитивные мотивы или ложь.

Ложь определяется как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды. Существуют две основные формы лжи: умолчание (сокрытие правды) и искажение (сообщение ложной информации), но есть еще разновидности лжи, такие как: слух, сплетни, сбивающая с толку увертка.

Мошенники могут зайти слишком далеко или проявить намеренья позже, поэтому не стоит забывать про заключение брачного договора.

Брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. Конечно, отношение к брачному договору не однозначно, но в определенных случаях он не помешает [1].

К числу важнейших социально-психологических аспектов безопасности семьи относятся вопросы, связанные не только со знакомством, добрачным ухаживанием, мотивами вступления в брак, но и собственно семейной жизни. Имеется в виду такие явления, как адаптация, совместимость, семейный бюджет, система и стиль отношений, распределение ролей, конфликты, удовлетворенность браком, кризисы, а также устойчивость брака, развод и т. д.

Безопасность семьи во многом зависит от деструктивных семейных конфликтов. Для каждого типа семьи присущ свой конфликтный профиль. В каждом из перечисленных выше типов существует своя практика распределения ролей, обязанностей, расходования бюджета и т. д. Спецификой качества, образа и стиля жизни отличается один вид семьи от другого. Разумеется, эти моменты оказывают существенное влияние на особенности семейных конфликтов.

Семейные деструктивные конфликты возникают и проявляются практически во всех без исключения типах семьи. Конечно, уровень, частота, продолжительность, факторы их возникновения и формы проявления различны.

Сущность семейного конфликта заключается в столкновении противоположных позиций членов семьи. Источником конфликта является противоречие (или разногласия) между членами семьи. Разрешение конфликтов зависит от структуры семьи и от того, насколько сильны потребности отдельных членов в ее сохранении.

Семейные деструктивные конфликты проявляются на основе использования следующих моделей взаимодействия сторон: борьбы, привыкания, сотрудничества, криминогенного общения и эмоциональных, стрессогенных реакций. Их последствия крайне негативны. Об этом свидетельствует статистика. Она носит настолько тяжелый, травмирующий в психологическом плане характер, что ее презентация в обобщенном виде просто нецелесообразна, чтобы не вызвать травму.

В настоящее время имеется обширная литература о различных видах семейных конфликтов. Однако, о криминальных межличностных семейных конфликтах публикаций явно не хватает.

В то же время, достаточно интенсивно исследуется тема, связанная с насилием в семье. Кстати, она освещена автором совместно с О. В. Стариковой и А. В. Молоствовым в совместной монографии [2].

Выделяют различные виды семейных кризисов, а так же их цикличность. Но общей теории семейных кризисов пока не нет.

Обеспечение безопасности семьи предполагает обеспечение различных видов ее безопасности: физической, технической, т. е. охраны, установления сигнализации, приобретения индивидуальных средств защиты и пр. При этом крайне важное значение имеет решение вопросов социально-психологического характера. Имеется в виду следующее.

К числу важнейших социально-психологических аспектов обеспечения безопасности семьи относятся не только вопросы, связанные со знакомством, добрачным ухаживанием, мотивами вступления в брак, но также собственно семейной жизни (адаптация, совместимость, качество жизни, семейный бюджет, система и стиль отношений, распределение ролей, конфликты, удовлетворенность браком и т. д.).

В связи с этим встает проблема превентивных мер, направленных на обеспечение безопасности различных типов семей:

1) курсы по подготовке к семейной жизни;

2) повышение социально-психологической компетентности супругов: конфликтологической, кризисогенной, переговорной;

3) обеспечение социальной безопасности семьи — повышение качества жизни (доходов и т. д.).

Для обеспечения безопасности семьи крайне важное значение имеет работа с определенными типами семей.

Одно дело — обеспечение безопасности богатых семей, в которых на первое место встает проблема, связанная с охраной, верности супругов и т. д.; другое — семьи, в которых на первом плане стоят проблемы, связанные с низким качеством жизни.

Но в любом случае без диагностики проблем семьи не обойтись.

Ключевой момент диагностики проблем семьи — получение полной и надежной информации. В отечественной психологии наиболее полно представлены методики для сбора информации о межсупружеских отношениях и менее объемно — о родительско-детских.

Социально-психологические проблемы семьи можно свести к двум основным группам: добрачным (имеется в виду этап знакомства, ухаживания, мотивы вступления в брак); собственно семейным — супружеским и проблемам взаимоотношений детей и родителей. Важную роль в преодолении угроз безопасности семьи играет социально-психологическое консультирование.

Консалтинговые фирмы чрезвычайно распространены в западных странах. В России так же не обходятся без помощи со стороны консультантов. Однако в роли консультантов нередко выступают не профессионалы. Это в лучшем случае. В худшем — мошенники, блогеры, «решалы», которые» «решают» проблемы довольно часто манипулятивным или криминальным путем.

Мошенники разных мастей дискредитируют консультантов-профессоналов. К их числу относятся «гадалки» на картах, ясновидящие, экстрасенсы, «провидцы», «предсказатели», знахари, астрологи и т. д. Что же, иногда их прогнозы и советы сбываются наяву. Но за этим, как правило, стоит совпадение, а не научное объяснение событий.

Игра на трудностях дает результаты. Ставка беспроигрышная. Человек, находящийся в трудной, порой в кризисной ситуации, готов на все. Готов отдать любые деньги, буквально «последнюю рубаху» за совет, рекомендации по поводу решения кажущейся или реальной непреодолимой угрозы безопасности. Этим и пользуются. По полной программе.

В этом контексте можно сказать следующее. Социально-психологическое консультирование как профессиональная деятельность не имеет к этому никакого отношения. Поэтому их нельзя путать.

Цель семейного консультирования — совместное с консультантом изучение запроса (проблемы) члена (членов) семьи для обеспечения их безопасности.

Принципиальное отличие семейного консультирования от психотерапии связано с отказом от анамнеза болезни, с акцентированием на анализе ситуации, аспектах ролевого взаимодействия в семье, с поиском личностного ресурса субъектов консультирования и обсуждением способов разрешения ситуации — «веера решений». Обычно семейную терапию определяют как раскрытие ролей, взаимных обязательств членов семьи, побуждение их к более адаптивному поведению.

Доказано, что семья, если дать ей нужный профессиональный толчок и запустить ее созидательные силы, способна сама, на основе собственных внутренних ресурсов, помочь своим членам. В то же время, «нездоровая» семья может усугубить страдания человека, обратившегося за психологической помощью.

Профессиональная работа семейного терапевта направлена на помощь в изменении интенсивности факторов, препятствующих нормальному функционированию семьи, и осуществляется в процессе применения специальных методических приемов. Причем в большей мере ответственность за исход такой работы — у семьи.

Что касается конструктивных конфликтов, то они встречаются практически во всех видах семей. Но они характерны в большей степени для семей, в которых открыто обсуждаются вопросы внутрисемейной жизни: стратегическое планирование, в частности, расходование бюджетных средств (крупные покупки, приобретение жилья, ролевое распределение и т. п.).

В таких семьях нет зависимости, страхов, доминируют доверительное общение, взаимопонимание, тактичность, уважение, сопереживание, кооперативный стиль отношений.

Конструктивные семейные конфликты характеризуется следующими признаками:

1) проблема разрешается в рамках совета на основе кооперации, партнерства, учета интересов всех членов семьи;

2) в результате укрепляются отношения между супругами, улучшается взаимопонимание и возрастает их конфликтологическая компетентность;

3) после урегулирования конфликта снимается стресс, наступает улучшение эмоционального статуса каждого члена семьи: исчезают тревоги, страхи, напряженность.

Конструктивные семейные конфликты остаются в рамках таковых благодаря, прежде всего, наличию у членов семьи определенных качеств.

Имеется в виду состояние их ценностно-смысловой сферы, уровень коммуникативной компетентности, ответственности, эмпатии, стрессоустойчивости и т. д.

Но они могут трансформироваться в деструктивные при резком ухудшении качества жизни семьи.

В таком случае есть риски и вероятность возникновения так называемых импульсивных, стрессогенных, неосознаваемых конфликтов, которые проявляются в тревоге, социальных страхах, компенсаторных реакциях (агрессии, вымещении, раздражении, разочаровании и пр.).

При длительном, продолжительном их протекании существует не просто угроза трансформации конструктивных в деструктивные конфликты, но и возникновения семейного кризиса. Такова возможная динамика семейных конфликтов.

В определенных типах семей решение проблем и урегулирование конфликтов проводится на семейных советах. При этом следует иметь в виду, что в данном случае «семейный совет» может использоваться в двух значениях: 1) как научная психологическая технология; 2) как житейская практика.

Техники «Супружеская конференция» и «Семейный совет» используются для улучшения качества внутрисемейных взаимоотношений. Они представляют собой регулярно проводимые встречи психолога с супругами или всеми членами семьи, в рамках которых создаются условия для улучшения семейных интеракций.

На развитие современных и в то же время традиционных в нравственном отношении семейных норм должны быть направлена вся мощь массовых социально-психологических технологий.

Понятно, что в данной ситуации без массовых социально-психологических технологий работы с различными группами населения не обойтись.

К сожаленью, государственные и общественные институты занимаются последствиями влияния массовых информационных технологий на социальные представления различных групп населения. Речь идет о работе с дезадаптивными семьями и т. п.

Между тем, данные объекты фактом своего существования во многом обязаны деструктивным влияниям массовых информационных технологий на социальные представления населения об образе жизни, моделях достижения успеха, социальных ценностях и т. д., иными словами, о семейной безопасности. Поэтому государственные институты не могут оставаться в стороне от содержания информации, передаваемой с помощью массовых технологий.

Выводы. Заслуживает внимания практика создания общественного контроля в СМИ своеобразной моральной цензуры. Вместо публичных конфликтов (скандалов и разборок) нужно показывать примеры позитивного решения семейных проблем, разоблачать «решал», выдающих себя за спасителей.

Список источников

1. Сухов А. Н. Безопасность семьи: социально-психологический аспект // Человеческий капитал. 2021. № 10 (154). С. 87–94.

2. Сухов А. Н., Старикова О. В., Молоствов А. В. Криминальное насилие в семье: личностный аспект: моногр. М. : ФЛИНТА, 2019.

References

1. Sukhov A. N. Family security: socio-psychological aspect // Human capital.2021. No. 10 (154). P. 87–94.

2. Sukhov A. N., Starikova O. V., Molostvov A. V. Criminal violence in the family: a personal aspect: monograph. M. : FLINT, 2019.

Библиографический список

1. Алешина Ю. Е. Исследование развода в западноевропейских странах и США // Служба семьи: изучение опыта и принципов организации. М., 1981.

2. Антонов А. И. Семья: функции, структуры. М., 1993.

3. Барнз Дж. Г. Социальная работа с семьями в Англии. М., 1993.

4. Бойко В. В. Рождаемость: социально-психологические аспекты. М., 1985.

5. Витакер К. Брак и семья // Семейная психология и семейная терапия. 1998.

6. Витек К. Проблемы супружеского благополучия / Пер. с чеш. М., 1988.

7. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.

8. Горьковая И. А. Влияние семьи на формирование делинквентности у подростков. // Психологический журнал. 1994. № 2.

9. Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социс. 1995. № 5.

10. Дети группы риска: мат. междунар. семинара. СПб., 1998.

11. Коваль Н. А. Психология семьи и семейной дезадаптивности: учеб. пособие / Н. А. Коваль, Е. А. Калинкина. Тамбов, 2007.

12. Меньшикова Е. С. Жестокое обращение с детьми и его возможные отдаленные последствия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6.

13. Москаленко В. Д. Ребенок в «алкогольной» семье: психологический портрет // Вопросы психологии. 1991. № 4.

14. Обозов Н. Н., Обозова А. Н. Факторы устойчивости брака // Семья и личность. М., 1981.

15. Самоукина Н. В. Социально-психологические проблемы семейного кризиса в условиях современной России // Семейная психология и семейная терапия. 1998. № 1.

16. Солодников В. В. Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб., 2007.

17. Сухов А.Н. Социальная конфликтология. М., 2021.

18. Сухов А. Н. и др. Социальная психология. 6-е изд., стереотип. / под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. М., 2008.

19. Шапиро А. З. От знакомства к браку. М., 1990.

20. Шнейдер Л. Б. Семейная психология. М., 2007.

21. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 1999.

Bibliographic list

1. Alyoshina Yu. E. The study of divorce in Western European countries and the USA // Family service: the study of experience and principles of organization. M., 1981.

2. Antonov A. I. Family: functions, structures. M., 1993.

3. Barnes J. G. Social work with families in England. M., 1993.

4. Boyko V. V. Fertility: socio-psychological aspects. M., 1985.

5. Vitaker K. Marriage and family // Family psychology and family therapy. 1998.

6. Vitek K. Problems of marital well-being / Trans. from Czech M., 1988.

7. Golod S. I. Family and marriage: historical and sociological analysis. St. Petersburg, 1998.

8. Gorkova I. A. The influence of family on the formation of delinquency in adolescents. // Psychological Journal. 1994. No. 2.

9. Gurko T. A. Transformation of the institute of the modern family // Socis. 1995. No. 5.

10. Children at risk: mat. international. the seminar. St. Petersburg, 1998.

11. Koval N. A. Psychology of family and family maladaptivity: studies. manual / N. A. Koval, E. A. Kalinkina. Tambov, 2007.

12. Menshikova E. S. Child abuse and its possible long-term consequences // Psychological Journal. 1993. Vol. 14. No. 6.

13. Moskalenko V. D. A child in an «alcoholic» family: a psychological portrait // Questions of psychology. 1991. No. 4.

14. Obozov N. N., Obozova A. N. Factors of marriage stability // Family and personality. M., 1981.

15. Samoukina N. V. Socio-psychological problems of family crisis in modern Russia // Family psychology and family therapy. 1998. № 1.

16. Solodnikov V. V. Sociology of a socially maladapted family. St. Petersburg, 2007.

17. Sukhov A. N. Social conflictology. M., 2021.

18. Sukhov A. N. et al. Social psychology. 6th ed., stereotype. / ed. by A. N. Sukhov, A. A. Derkacha. M., 2008.

19. Shapiro A. Z. From dating to marriage. M., 1990.

20. Schneider L. B. Family psychology. M., 2007.

21. Eidemiller E. G., Justitskis V. V. Psychology and psychotherapy of the family. St. Petersburg., 1999.

Информация об авторе

А. Н. Сухов — заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего образования.

Information about the author

A. N. Sukhov — Head of the Department of Social Psychology and Social Work of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 1/159.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-386-390
NIION: 2003-0059-3/22-341
MOSURED: 77/27-003-2022-03-540

Основные направления психологической подготовки сотрудников полиции, выполняющих задачи по поддержанию общественного порядка при проведении различных массовых мероприятий

Вячеслав Лазаревич Цветков[1], Татьяна Александровна Хрусталева[2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, czvetkov_slava@inbox.ru
[2] Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия, khrustalev100@mail.ru

Аннотация. Проанализированы основные проблемы психологической подготовки сотрудников полиции к охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Рассмотрены зарубежные подходы к управлению конфликтами, возникающими в процессе поддержания общественного порядка при проведении массовых мероприятий.

Ключевые слова: сотрудники полиции, охрана и поддержание общественного порядка, массовые мероприятия, психологическая подготовка

Для цитирования: Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Основные направления психологической подготовки сотрудников полиции, выполняющих задачи по поддержанию общественного порядка при проведении различных массовых мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 386–390. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-386-390.

Original article

The main directions of psychological training of police officers performing tasks to maintain public order during various mass events

Vyacheslav L. Tsvetkov[1], Tatiana A. Khrustaleva[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, czvetkov_slava@inbox.ru
[2] Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaevo, Russia, khrustalev100@mail.ru

Abstract. The main problems of psychological training of police officers to protect public order during mass events are analyzed. Foreign approaches to managing conflicts arising in the process of maintaining public order during mass events are considered.

Keyword: police officers, protection and maintenance of public order, mass events, psychological training

For citation: Tsvetkov V. L., Khrustaleva T. A. The main directions of psychological training of police officers performing tasks to maintain public order during various mass events. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(3):386–390. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-386-390.

Все более изощренными становятся формы и методы негативного информационного воздействия в мире. Те, кого не устраивает стабильность и покой на земле, не извлекают серьезные уроки из прошлого, придумывают и пытаются реализовать все более изощренные приемы дестабилизации ситуации как в целом в мире, так и в нашем государстве.

В связи с этим одной из актуальных проблем попрежнему остается профессиональная подготовка сотрудников полиции, на которых возложены задачи

© Цветков В. Л., Хрусталева Т. А., 2022

по обеспечению общественного порядка в ходе проведения различных массовых мероприятий, в том числе митингов, демонстраций и т. д.

Несмотря на то, что люди проводят достаточно много времени в толпе (концерты, спортивные мероприятия, торговые центры, метро, другие виды транспорта), их поведение в целом предсказуемо.

Однако, случаются ситуации, когда человек оказывается вне привычных для себя условий, что заставляет его ассоциироваться с другими людьми, находящимися в аналогичных условиях, имеющими сходные потребности. Действительную опасность для общественного порядка представляют массовые формы внеколлективного поведения, образующиеся при социальных катаклизмах, ложно понятых решениях государственных органов, в случаях аварий и стихийных бедствий. В таких случаях значительно возрастает эмоциональное напряжение людей и как, следствие, возможен переход различных форм массового внеколлективного поведения в более опасные и агрессивные. Этот тезис подтверждают многие ученые. Так, Г. Лебон, описывая в своих работах опасность толпы, отмечает риск бунта и беспорядков, особенно, когда она становится неуправляемой (действующей) [1, с. 16]. Н. Хэйес и С. Оррелл отмечают, что «толпа, охваченная глубоким недовольством, может достичь «точки воспламенения», тогда она перестает быть мирной и в ее поведении проявляется агрессивность и необузданность» [2, с. 475].

Традиционно считается, что в условиях толпы люди становятся безумными, теряя контроль над собой. По нашему мнению, применение такого подхода в условиях охраны общественного порядка может способствовать усложнению ситуации, поскольку действия сотрудников полиции приобретают репрессивный характер с попытками насильственно установить контроль, хотя практика показывает, что ярко недовольство проявляется в так называемых точках, где возникает социальная несправедливость, а точнее социальные конфликты.

Деиндивидуализация людей, находящихся в толпе, не обязательно может привести к жестокости и деструкции. Правильнее говорить о некотором ослаблении самосознания человека, находящегося в толпе. Если человек захвачен действием спортивного матча, он не задумывается о себе и других.

Кроме того, даже беспорядочная толпа имеет определенную структуру, а люди, находящиеся в ней, способны к анализу социальной ситуации. Например, если толпа разрушает памятники или здания, то только те, с которыми связана определенная «социальная несправедливость». При этом особый интерес представляет явление, которое называется социальным заражением, когда одни люди, совершающие антиобщественные поступки, как бы втягивают, присоединяют к подобным действиям других.

Что же можно и нужно делать в целях предотвращения социальных конфликтов в ситуациях охраны общественного порядка во время проведения массовых мероприятий? Сегодня в органах внутренних дел накоплен положительный опыт успешных действий в таких ситуациях.

В ходе короткого опроса сотрудников полиции, принимавших участие в охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий, было установлено, что наиболее успешными действиями по управлению конфликтными ситуациями считаются:

1) своевременная, незаметная для участников толпы изоляция зачинщиков массовых беспорядков;

2) успешные переговоры с лидерами;

3) оперативная, согласованная работа всех привлекаемых сил и средств;

4) быстрые грамотные, адекватные оперативной обстановке действия сотрудников полиции с применением специальных средств;

5) запрет на трансляцию спортивных матчей на больших экранах в городе;

6) ужесточение пропускного режима;

7) рассечение толпы на секторы;

8) устойчивость к провокациям со стороны наиболее активных граждан;

9) привлечение к переговорам авторитетных для противодействующей стороны лиц;

10) четкость и слаженность действий правоохранительных органов как на уровне руководителей, так и при практической постановке задач конкретным сотрудникам;

11) вынесение письменных предупреждений организаторам массовых беспорядков;

12) информирование через СМИ населения о тактике действий личного состава (без подробностей расстановки и их применения) в ситуации осложнения обстановки и мерах ответственности за совершенное правонарушение.

Самое слабое место в этой системе — низкая профессиональная подготовка сотрудников полиции,

в первую очередь, в части умений, касающихся проявлять выдержку и спокойствие, общаться с различными категориями граждан, слабая конфликтологическая компетентность.

В данной статье мы предприняли попытку проанализировать зарубежный опыт, в частности, подходы к решению проблем управления конфликтами, возникающими в ходе охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий.

Во-первых, управление толпой считается управлением социальными конфликтами в особых ситуациях. При этом руководство полиции должно выделять три важнейшие составляющие:

1) определение сущности и содержания социальных конфликтов;

2) установление четкого понимания роли полиции в управлении социальными конфликтами;

3) выработка оптимальных стратегий конфликтного взаимодействия полиции с участниками массовых мероприятий.

Отправной точкой считается определение понятия социального конфликта учеными, специализирующимися в области социальной психологии и социологии. Основным тезисом, которого придерживается полиция, является то, что социальный конфликт основан на различиях в расстановке интересов конфликтующих сторон. При этом подчеркивается конструктивная функция конфликтов в демократических обществах: демократические общества формируют свой символически интегрированный капитал именно в процессе структурно обусловленных конфронтаций. Когда политические деятели спорят о цели своей деятельности, они также утверждают, что являются членами одного и того общества. Через конфликт, не отказываясь от своей позиции, они создают символическое пространство, которое одновременно объединяет их.

Полиция является не просто принудительным органом для обеспечения исполнения государственных интересов и уголовных требований, но и выполняет миротворческую функцию. В демократическом обществе она должна в повседневной жизни работать с гражданами и быть способной справляться с конфликтами мирными методами и средствами.

Здесь очень важно понимать основные руководящие принципы о роли полиции:

1) полиция обеспечивает защиту основных прав граждан, а также урегулирование конфликтов в границах, установленных правом и законом;

2) полиция ведет себя в демократических спорах тематически нейтрально;

3) ее вмешательство допустимо и необходимо в том случае, если содержание или способ выражения конфликта нарушает право и закон;

4) социальные проблемы решаются политическими, а не полицейскими средствами.

Как мы видим, разрешение конфликтов в контексте решения задач по охране общественного порядка являются целью, которая вытекает из роли и самооценки полиции в демократическом обществе.

Особое значение имеет подход к управлению конфликтами в особых ситуациях: когда действия полиции направлены на предотвращение или снижение насилия на массовых мероприятиях.

Концептуальная установка полиции в таких случаях сводится к следующему:

1) получение научно обоснованных рекомендаций по применению поддержки полиции в оперативном управлении ситуацией;

2) подготовка к операции;

3) проведение операции;

4) подведение итогов.

Обеспечение указанной концепции осуществляется через консультацию руководства полиции с учеными в области психологических и социальных наук; поддержка операции: стимулирование, организация и осуществление мероприятий по управлению конфликтами; привлечение сотрудников соответствующего департамента полиции, выступающих в роли менеджеров конфликта.

В качестве «менеджеров конфликтов» на добровольной основе привлекаются сотрудники полиции с высокой степенью профессиональной пригодности и проходящих непрерывное практическое обучение.

Приведем пример управления конфликтами, возникающими во время выполнения задач по охране общественного порядка на митинге. Алгоритм действий сотрудников полиции сводится к следующему:

1) сопровождение собрания, митинга, шествие вместе с гражданами;

2) контакт с митингующими через менеджеров конфликта;

3) тесное сотрудничество с руководством собрания, митинга;

4) постоянное взаимодействие со Штабом полиции с целью получения конкретных рекомендаций для сотрудников оперативных подразделений;

5) обеспечение присутствия менеджеров конфликта в центральных местах/горячих точках;

6) обязательная связь с представителями различных конфессий;

7) обязательное сотрудничество с прессой и общественностью.

Основные аспекты, подлежащие обязательному учету в ходе осуществления мероприятий по охране общественного порядка:

1) учет особенностей существующих коммуникативных сетей — создание функционирующих и устойчивых коммуникационных структур;

2) рассмотрение интересов и проблем тех, кто вовлечен / пострадал;

3) прозрачность и отслеживаемость полицейских мер;

4) содействие процессам саморегуляции;

5) стремление к общим решениям в проблемных ситуациях;

6) консультирование и поддержка руководителей полиции экстренными службами.

Главная цель действий полиции — способствовать устойчивой деэскалации конфликта. Обязательный элемент действий полиции — осуществление прогнозирования развития конфликтной ситуации с разработкой концепции с ее содержательным и организационным элементами.

Таким образом, в результате анализа отечественного и зарубежного опыта разрешения социальных конфликтов можно предложить следующие практические рекомендации по психологической подготовке сотрудников полиции, выполняющих задачи по охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий.

1. Проведение четких инструктажей личного состава, задействованного в охране общественного порядка.

2. Изучение нормативных актов, регламентирующих права и обязанности сотрудников полиции, мер ответственности организаторов массовых акций.

3. Отработка тактических приемов несения службы с использованием спецсредств в условиях осложнения обстановки.

4. Изучение психологических особенностей толпы, механизмов ее образования.

5. Отработка психологической стратегии прогнозирования и предотвращения массовых беспорядков, формирование навыков и умений бесконфликтного общения с различными категориями граждан, грамотного разрешения конфликтов.

6. Обучение сотрудников полиции навыкам осуществления посредничества — медиаторства в социальных конфликтах, с целью привлечения их, в случае необходимости, к охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий.

Список источников

1. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Макет, 1995.

2. Хэйес Ник. Введение в психологию: Базовое изд. по психологии от ведущих мировых экспертов / Ник Хэйес, Сью Оррелл; [пер. с англ. Ю. Гольдберга]. М. : Эксмо, 2003.

References

1. Lebon G. Psychology of Peoples and Masses. St. Petersburg : Layout, 1995.

2. Hayes Nick. Introduction to Psychology: Basic edition of Psychology from the world's leading experts / Nick Hayes, Sue Orrell; [trans. from the English of Yu. Goldberg]. M. : Eksmo, 2003.

Библиографический список

1. Цветков В. Л. Психология общения и переговоров в экстремальных условиях: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» и научной специальности «Социальная психология» / В. Л. Цветков, А. Г. Караяни. М. : Юнити-Дана, 2014.

2. Цветков В. Л. Основы профайлинга (психологический аспект) / В. Л. Цветков, Т. А. Хрусталева, Ш. М. Нурадинов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2020.

3. Цветков В. Л. Психологические особенности проблем саморегуляции сотрудников полиции в период выполнения задач по охране общественного порядка на митингах, демонстрациях и других массовых мероприятиях / В. Л. Цветков, Т. А. Хрусталева // Психолого-педагогические аспекты становления развития сотрудника ОВД в условиях вузовской подготовки: межведом. науч.-практ. конф.: сб. науч. трудов / сост. А. А. Базулина. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.

4. Цветков В. Л. Психология конфликта. От теории к практике: учеб. пособие для студентов вузов,

обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2017.

5. Цветков В. Л. Психология профессионального общения / В. Л. Цветков, В. А. Юренкова. М. : Новая юстиция, 2021.

Bibliographic list

1. Tsvetkov V. L. Psychology of communication and negotiations in extreme conditions: studies. manual for students of higher educational institutions studying in the specialty «Jurisprudence», «Law enforcement» and the scientific specialty «Social psychology» / V. L. Tsvetkov, A. G. Karayani. M. : Unity-Dana, 2014.

2. Tsvetkov V. L. Fundamentals of profiling (psychological aspect) / V. L. Tsvetkov, T. A. Khrustaleva, Sh. M. Nuradinov. 3rd ed., reprint. and additional. M., 2020.

3. Tsvetkov V. L. Psychological features of the problems of self-regulation of police officers during the performance of tasks for the protection of public order at rallies, demonstrations and other mass events / V. L. Tsvetkov, T. A. Khrustaleva // Psychological and pedagogical aspects of the formation of the development of the police officer in the conditions of university training: mezhvedom. scientific and practical conference: collection of scientific works / A. A. Bazulina. M. : Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2021.

4. Tsvetkov V. L. Psychology of conflict. From theory to practice: studies. manual for university students studying in the specialty «Jurisprudence». M., 2017.

5. Tsvetkov V. L. Psychology of professional communication / V. L. Tsvetkov, V. A. Yurenkova. M. : New Justice, 2021.

Информация об авторах

В. Л. Цветков — начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Т. А. Хрусталева — доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

V. L. Tsvetkov — Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

T. A. Khrustaleva — Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 06.06.2022.